Ванъ-Канъ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНОСТИ.

Переводъ съ французскаго **Л. В. Гольденвейзера, І. И. Аносова и В. П. Поливанова,**
подъ редакціей проф. Московскаго Университета **С. В. Познышева** Съ предисловіями
проф. **ванъ-Гомель и редактора перевода.**

Изданіе Г. А. ЛЕМАНА.

МОСКВА. — 1915.

ЦАБ "Автограф"

Предисловіе редактора.

Послѣдняя четверть XIX столѣтія, въ исторіи науки уголовнаго права, была періодомъ чрезвычайнаго оживленія. Появленіе итальянской антропологической школы и вызванная послѣдней горячая борьба мнѣній кореннымъ образомъ измѣнили состояніе науки. Рамки научныхъ изслѣдованій сильно расширились. Въ числѣ новыхъ задачъ выдвинулись и вопросы этіологіи преступленія. Съ необыкновенной быстротой, одно за другимъ, стали появляться сочиненія, пытающіяся обнаружить и прослѣдить отдѣльныя нити многосложной причинной зависимости преступности отъ разныхъ экзогенныхъ и эндогенныхъ факторовъ. Въ нѣсколько десятилѣтій литература разрослась до чрезвычайности, причемъ накопилась масса спорныхъ, другъ друга отрицающихъ мнѣній, каждое изъ которыхъ стремится найти себѣ подтвержденіе въ фактахъ дѣйствительности. Особенно горячіе споры возникли по вопросу о значеніи въ этіологіи преступленія экономическихъ причинъ. Въ то время, какъ одни, чрезмѣрно преувеличивая значеніе этихъ причинъ, придавали имъ исключительное или, по крайней мѣрѣ, преобладающее значеніе въ генезисѣ преступленій, другіе—совсѣмъ отвергали ихъ значеніе или, по крайней мѣрѣ, старались доказать, что роль ихъ, какъ производителей преступности, очень ограничена.

Книга ванъ-Кана представляетъ собою выдающійся по полнотѣ и блестящей эрудиціи автора обзоръ и разборъ разнообразныхъ мнѣній по вопросу объ экономическихъ причинахъ преступности. Не только въ нашей, но и въ иностранной литературѣ нѣтъ ни одного сочиненія, которое могло бы сравниться съ этой книгой по богатству изложенныхъ ученій и по полнотѣ и точности ихъ воспроизведенія. Болѣе, чѣмъ какая-либо другая, она можетъ удовлетворить потребность русскаго читателя,—не располагающаго на временемъ, ни средствами для ознакомленія съ обширной иностранной литературой по подлинникамъ,—въ вѣрномъ и не особенно обширномъ изложеніи ознакомиться съ плодами западноевропейской мысли по данному предмету. Правда, эта книга вышла довольно уже давно, но способнаго замѣнить ее болѣе поздняго сочиненія не существуетъ. Съ другой стороны, всѣ до сихъ поръ наиболѣе интересныя и глубокія ученія обнимаются ею. Литература послѣднихъ лѣтъ воспроизводитъ тѣ же теченія, какія подвергъ своему критическому анализу ванъ-Канъ.

Авторъ излагаетъ не только ученія новаго времени, но и прослѣживаетъ развитіе этихъ ученій, начиная съ ихъ зародышей въ древности и въ средніе вѣка. Его книга, такимъ образомъ, не только обзоръ современныхъ ученій, но и исторія ихъ постепеннаго развитія изъ менѣе

ЦАБ "Автограф"

полныхъ и глубокихъ ученій минувшихъ вѣковъ. Излагая ученія древности, авторъ сознавалъ (стр. 13), что они имѣютъ только историческій интересъ, но онъ не хотѣлъ оставить безъ вниманія и эти первые проблески воззрѣній по данному вопросу, какъ бы мало ни давали они для его настоящаго освѣщенія и правильнаго рѣшенія. Въ своемъ изложеніи авторъ почти всегда пользуется подлинниками, тщательно имъ проштудированными. При этомъ онъ не только излагаетъ различные взгляды, но и подвергаетъ ихъ критикѣ, часто очень мѣткой. Среди тѣхъ идей, на которыя онъ опирается въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія одна мысль, красною нитью проходящая сквозь все его изложеніе, мысль о необходимости различать статическій и динамическій методы. Эти методы различались уже нѣкоторыми другими изслѣдователями, но большинство не считалось съ различіемъ ихъ. Ванъ-Канъ подчеркиваетъ это различіе и выясняетъ необходимость постоянно имѣть его въ виду. По его словамъ, „вліяніе экономическихъ факторовъ на преступность получаетъ совершенно различное освѣщеніе въ зависимости отъ того, примѣняемъ ли мы статическій, или же динамическій методъ". „Анализъ статики преступности, т.-е., преступности одной страны или мѣстности въ опредѣленный моментъ, обнаруживаетъ, правда, въ большинствѣ случаевъ наличность неоспоримой связи между преступностью и экономическими условіями; но, въ то же время, этотъ анализъ обнаруживаетъ и то, что преступность носитъ на себѣ столь же ясные слѣды совершенно иныхъ вліяній". „Наоборотъ, динамическое изученіе преступности, т.-е., сравненіе хода развитія имущественныхъ преступленій, — такъ какъ, именно, объ этой категоріи преступленій идетъ, главнымъ образомъ, рѣчь, — съ измѣненіями въ экономической средѣ обнаруживаетъ поразительный параллелизмъ, наблюдаемый почти постоянно и повсюду между обѣими кривыми, изображающими сравниваемыя явленія" (стр. 10). При этомъ авторъ предостерегаетъ отъ ошибочнаго заключенія на основаніи параллелизма сравниваемыхъ кривыхъ, будто преступность—продуктъ исключительно экономическихъ вліяній. Экономическій факторъ, говоритъ онъ, наиболѣе измѣнчивъ и подверженъ ежегоднымъ колебаніямъ. Поэтому вліяніе его рѣзко сказывается въ колебаніяхъ преступности. Другіе факторы, также вліяющіе на преступность, постояннѣе, поэтому и вліяніе ихъ менѣе рѣзко просвѣчиваетъ въ динамикѣ преступности. Это—очень важное замѣчаніе, способное предостеречь отъ ошибочныхъ и преувеличенныхъ сужденій о значеніи экономическихъ факторовъ. Выводъ, который дѣлаетъ ванъ-Канъ о значеніи параллелизма въ измѣненіяхъ экономическихъ факторовъ и имущественной преступности, слѣдующій: этотъ параллелизмъ, полагаетъ онъ, выражаетъ скорѣе соотвѣтствіе между движеніемъ имущественной преступности и измѣненіями въ экономической средѣ, чѣмъ причинную зависимость между этими явленіями (стр. 11).

Книга ванъ-Кана прекрасно показываетъ всю трудность изслѣдованія связи преступности съ экономическими условіями, необходимость считаться, при этомъ, съ массой условій, болѣе или менѣе различныхъ для разныхъ странъ. Авторъ вполнѣ правъ, указывая на необходимость крайней осторожности въ выводахъ. Онъ, пожалуй, даже преувеличиваетъ значеніе измѣнчивыхъ условій мѣста и времени, постоянно подчеркивая, что преступность есть явленіе мѣстно—историческое и приходя къ выводу, что преступность каждой страны совершенно отлична отъ преступности другой страны и состоитъ изъ иныхъ конститутивныхъ элементовъ, такъ что и объ общей этіологіи преступности можно

ЦАБ "Автограф"

говорить лишь съ большими оговорками (стр. 312). Но вполнѣ справедливо, что пользованіе международной статистикой и международными сравненіями статистическихъ данныхъ, въ виду большихъ различій въ уголовныхъ законодательствахъ отдѣльныхъ странъ, требуютъ особенной осмотрительности.

Авторъ настаиваетъ (стр. 88, стр. 311 и др.) на томъ, чтобы при изслѣдованіи экономическихъ причинъ преступности разсматривались отдѣльно имущественныя преступленія, преступленія противъ личности и нравственности. Дѣйствительно, этіологія этихъ преступленій существенно различна и соединеніе ихъ въ одну группу можетъ только дѣлать менѣе ясной роль отдѣльныхъ факторовъ, вліяющихъ лишь на одну изъ этихъ группъ преступленій, или на одну группу значительно болѣе, чѣмъ на другую.

Не мало и другихъ вѣрныхъ замѣчаній встрѣтитъ читатель въ этой книгѣ, замѣчаній, способныхъ предостеречь отъ разныхъ ошибочныхъ и преувеличенныхъ выводовъ. Авторъ, напр., вѣрно указываетъ (стр. 94), что кривая цѣнъ на съѣстные припасы одна не можетъ считаться сколько-нибудь точнымъ выраженіемъ экономическаго положенія страны, какъ это думаютъ нѣкоторые.

Авторъ съ одинаковымъ вниманіемъ и съ большимъ безпристрастіемъ разсматриваетъ доводы, какъ тѣхъ, кто отвергаетъ значеніе экономическихъ факторовъ въ генезисѣ преступности или сомнѣвается въ немъ, такъ и тѣхъ, кто настаиваетъ на болѣе или менѣе значительномъ вліяніи этихъ причинъ или даже склоненъ придавать имъ исключительное значеніе. Каждый аргументъ разсматривается авторомъ со всѣхъ сторонъ, причемъ онъ подвергаетъ тщательному анализу всѣ данныя, которыми подкрѣпляется этотъ аргументъ.

Конечно, работа ванъ-Кана несвободна и отъ недостат-ковъ, но послѣдніе съ избыткомъ искупаются ея большими достоинствами, дѣлающими ее серьезнымъ научнымъ трудомъ и лучшимъ пособіемъ при изученіи вопроса, которому она посвящена.

Не останавливаясь подробно на возраженіяхъ, которыя могутъ быть сдѣланы автору, я вкратцѣ коснусь лишь нѣкоторыхъ погрѣшностей даннаго сочиненія. Несомнѣнно, автора можно упрекнуть въ нѣкоторой растянутости изложенія и въ слишкомъ большихъ подробностяхъ, съ которыми онъ излагаетъ и критикуетъ иногда разбираемыхъ писателей. Нерѣдко, при этомъ, онъ касается и такихъ взглядовъ этихъ писателей, которые не имѣютъ прямого отношенія къ его темѣ; впрочемъ, и въ этихъ случаяхъ авторъ умѣетъ обыкновенно оставаться интереснымъ, сопровождая изложеніе чужихъ воззрѣній болѣе или менѣе мѣткими критическими замѣчаніями.

Нѣкоторымъ возраженіямъ можетъ подвергнуться и классификація ученій, которой держится авторъ (стр. 7 сл.). Устанавливаемыя этой классификаціей параллельныя группы, во-первыхъ, не отвѣчаютъ тому основанію, на которомъ обѣщалъ построить свою классификацію авторъ, а, во-вторыхъ, недостаточно глубоко и рѣзко отличаются другъ отъ друга и образовались въ результатѣ дѣленія по различнымъ признакамъ. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ обѣщалъ распредѣлить ученія по группамъ, смотря по роли, которую они приписываютъ экономическимъ факторамъ въ генезисѣ преступленія. А между тѣмъ въ одну группу у него соединены иногда ученія, очень различно смотрящія на роль экономическихъ факторовъ (напр. Ферри и Гарофало). Одни ученія выдѣлены имъ въ самостоятельную группу въ виду особаго взгляда на преступника (итальянская школа), другія—въ виду того, что въ основѣ ихъ лежитъ

ЦАБ "Автограф"

соціалистическое міровоззрѣніе (соціалистическая школа), не чуждое, кстати сказать, и нѣкоторымъ представителямъ итальянской школы, третьи въ виду того, что сторонники ихъ, хотя и безъ достаточныхъ основаній, считаютъ себя особой школой (т. н. „третья школа“). Вполнѣ понятно, поэтому, что нѣкоторыя изъ разсматриваемыхъ авторомъ ученій могутъ быть отнесены и въ одну, и въ другую изъ указываемыхъ имъ параллельныхъ группъ, напр., и въ группу ученій, которыя авторъ называетъ „теоріей окружающей среды“, и въ группу „эклектическихъ“ теорій. Самъ авторъ, повидимому, не особенно увѣренъ въ достоинствахъ своей классификаціи, когда говоритъ, что она не имѣетъ исчерпывающаго значенія и не можетъ считаться совершенной (стр. 8).

Возраженіямъ могутъ подлежать и нѣкоторыя изъ высказываемыхъ авторомъ общихъ идей, напр., его „соціологическое“ опредѣленіе преступленія, которое, несомнѣнно, такъ же расплывчато и неопредѣленно, какъ и другія опредѣленія того же рода. Вообще задача дать какое-то независимое отъ положительнаго права, не юридическое, а соціологическое или „философское“ опредѣленіе, опредѣленіе, такъ-сказать, по неизмѣнной, отъ законодательства независящей сущности преступленія, есть задача неразрѣшимая *). Немудрено, что она не удалась и нашему автору. Онъ и самъ смотритъ на приводимую имъ формулу не какъ на точное и новое опредѣленіе преступленія, оставляя, однако, неяснымъ, какое же въ сущности значеніе ей слѣдуетъ придавать. Въ этой формулѣ, полагаетъ онъ, заключается лишь то, что безспорно. Однако съ этимъ врядъ ли можно согласиться, и врядъ ли его опредѣленіе лучше критикуемыхъ имъ опредѣленій Корра и Амонъ.

Такая работа, какъ книга ванъ-Кана, и не можетъ, конечно, не имѣть болѣе или менѣе многочисленныхъ недостатковъ. Послѣдніе, однако, не лишаютъ ее большой научной цѣнности.

Теперь два слова о переводѣ. Переводъ выполненъ группой моихъ учениковъ и прочитанъ мною. Отъ примѣчаній я предпочелъ воздержаться на томъ основаніи, что это слишкомъ увеличило бы объемъ книги; при разнообразіи и обширности содержанія книги такихъ примѣчаній пришлось бы написать много и, притомъ, не всегда краткихъ. Приведенныя въ подлинникѣ цитаты оставлены въ томъ же видѣ и въ переводѣ. Но такъ какъ латинскія цитаты, въ изобиліи встрѣчающіяся въ подлинникѣ, могли бы серьезно затруднять читателя, въ виду того, что знаніе латинскаго языка не очень распространено въ нашемъ обществѣ, то въ концѣ приложенъ переводъ этихъ цитатъ. Указатель именъ, приложенный къ подлиннику, отсутствуетъ въ переводѣ; благодаря бо́льшей подробности оглавленія, въ немъ не стало особой необходимост.

Въ заключеніе не могу не выразить увѣренности, что книга ванъ-Кана окажетъ большую помощь всякому, кто интересуется вопросомъ объ экономическихъ факторахъ и хочетъ, путемъ безпристрастнаго и всесторонняго изслѣдованія, уяснить себѣ ихъ роль въ генезисѣ преступленій.

Проф. С. В. Познышевъ.

---

*) См. мои Основныя начала науки уголовнаго права § 68.

Предисловіе проф. ванъ-Гамель.

Между 1-мъ Маемъ 1899 г. и 30-мъ Апрѣлемъ 1900 г. юридическій факультетъ амстердамскаго университета предложилъ студентамъ нидерландскихъ университетовъ для обычнаго. періодически повторяющагося конкурса слѣдующую тему:

Систематическій и критическій обзоръ литературы вопроса о вліяніи экономическихъ факторовъ на преступность.

Работа Жозефа ванъ-Кана, кандидата правъ амстердамскаго университета, была удостоена первой преміи.

Впослѣдствіи молодой авторъ отдѣлалъ и дополнилъ свой трудъ, перевелъ его и издалъ на французскомъ языкѣ, сдѣлавъ его, такимъ образомъ, доступнымъ болѣе широкому кругу читателей.

Хотя его монографія, хорошо обработанная и интересная, говоритъ сама за себя и не нуждается ни въ рекомендаціи, ни въ анализѣ ея достоинствъ, я все же безъ колебаній написалъ это небольшое предисловіе-введеніе, о которомъ меня просилъ мой ученикъ.

Во всякомъ этіологическомъ изслѣдованіи преступности, вопросу о вліяніи экономическихъ факторовъ по необходимости должно быть отведено извѣстное мѣсто. Никто, — кромѣ, развѣ, сторонниковъ абсолютнаго индетерминизма,—не сомнѣвается въ томъ, что экономическія условія отдѣльныхъ индивидовъ, соціальнаго класса, народа, матеріальныя потребности и способы ихъ удовлетворенія, бѣдность, довольство и избытокъ средствъ, играютъ важную роль, опредѣляющую дѣятельность людей, ихъ хорошее или дурное, соціальное или анти-соціальное поведеніе. Никто не станетъ отрицать того, что эти условія образуютъ элементы той картины преступности, которую современное общество продолжаетъ представлять наблюдателю.

Но въ мнѣніяхъ и въ оцѣнкахъ по данному вопросу не мало различій. Различны пріемы изслѣдованія.

Хотя всѣ работающіе въ данной области пользуются данными уголовной и экономической статистики, однако „duo quum faciunt idem, non est idem“. Такъ, существуютъ и изслѣдованія отдѣльныхъ индивидуальныхъ случаевъ, и изслѣдованія экономическаго положенія преступниковъ, а также разнообразныхъ мотивовъ преступной дѣятельности. Существуютъ статистическія изслѣдованія, обнимающія всю территорію цивилизованнаго міра и изслѣдованія, касающіяся лишь ограниченной территоріи; таковы статистическія изслѣдованія отдѣльной страны, департамента, кантона, мѣстечка. Существуютъ подраздѣленія преступленій на группы, въ зависимости отъ предполагаемыхъ психическихъ свойствъ ихъ виновниковъ: преступленія противъ общества, противъ личности, противъ имущества, противъ нравственности. Одни изслѣдователи сравниваютъ различныя экономическія и уголовныя дан-

ныя, относящіяся къ одной и той же эпохѣ, другіе наслѣдуютъ движеніе и колебаніе данныхъ экономической и уголовной статистики въ теченіе того или другого періода.

Еще больший интересъ представляетъ различіе оттѣнковъ въ самой оцѣнкѣ вліянія экономическихъ факторовъ на развитіе и природу преступности. Это различіе зависитъ преимущественно отъ точки отправленія, иными словами, отъ общаго научнаго міросозерцанія автора. Нео-спиритуалистъ не отрицаетъ могущественнаго вліянія богатства или бѣдности на образъ дѣйствія людей, но, по его мнѣнію, существуетъ нѣкоторая самопроизвольная энергія человѣческаго разума, способная побѣдить—въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ,—вліяніе экономическаго положенія индивида на его нравственность. Антропологъ, наоборотъ, придаетъ первенствующее значеніе наслѣдственности, расѣ. Психіатръ на первый планъ ставитъ болѣе или менѣе патологическое состояніе нервной системы и вырожденіе, хотя въ то же время отмѣчаетъ и тѣсную связь между вырожденіемъ и нищетой. Соціологъ отмѣчаетъ, прежде всего, тяжелое вліяніе на бѣдноту тѣхъ соціальныхъ бурь, которыя обрушиваются на индивидовъ и на цѣлыя поколѣнія. Соціалистъ признаетъ лишь, что система производства даннаго періода, налагая свой неизбѣжный отпечатокъ на мысли и чувства людей, вполнѣ точно опредѣляетъ число и родъ поступковъ, носящихъ на языкѣ морали современнаго общества названіе преступленій и проступковъ.

Среди всѣхъ этихъ мнѣній самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ нашъ молодой авторъ проложилъ свой путь, придерживаясь строго научныхъ разграниченій и классификацій.

Вышеуказанныя изслѣдованія принадлежатъ къ области той современной науки, которая занимается методическимъ отысканіемъ причинъ, вызывающихъ психологическіе и соціальные феномены. Вотъ почему автору пришлось изслѣдовать обширную современную литературу уголовную, соціологическую и философскую. Онъ излагаетъ мнѣнія по данному вопросу: представителей позитивной итальянской школы, представителей французской школы, представителей той школы, которая присвоила себѣ названіе: „terza scuola“, но за которой онъ, съ полнымъ основаніемъ, не признаетъ права на это названіе. Онъ приводитъ мнѣнія: соціалистовъ, патологовъ, криминалистовъ, называемыхъ имъ эклектиками, спиритуалистовъ и даже метафизиковъ; наконецъ, профессіональныхъ статистиковъ.

Чтобы познакомить насъ со всѣмъ, относящимся къ данному предмету, матеріаломъ, онъ напоминаетъ намъ о великихъ мыслителяхъ древности, средневѣковыхъ, XVI-го, XVII-го и XVIII вѣковъ, затронувшихъ, хотя бы отчасти,—въ какой-нибудь философской мысли или разсужденіи политическаго характера,—этотъ великій вопросъ, надъ полнымъ разрѣшеніемъ котораго трудится современная наука.

Кромѣ того, онъ доставилъ себѣ и своимъ читателямъ наслажденіе тѣмъ, что собралъ нѣкоторыя идеи или, вѣрнѣе, обратилъ вниманіе на нѣкоторыя искорки уголовно-соціологической мысли, встрѣчающіяся въ литературныхъ произведеніяхъ нѣкоторыхъ поэтовъ.

Я не сомнѣваюсь, что сами авторы разсмотрѣнныхъ имъ сочиненій признаютъ серіозность и безпристрастіе анализа и критики нашего молодого криминолога.

Выводы, къ которымъ пришелъ авторъ въ результатѣ своего систематическаго и критическаго изслѣдованія, касаются метода и сущности вопроса.

ЦАБ "Автограф"

Мнѣ представляются особенно важными выводы, относящіеся къ методу, которымъ слѣдуетъ пользоваться.

Согласно этимъ выводамъ слѣдуетъ усиленно избѣгать слишкомъ общихъ положеній; наоборотъ, на преступность слѣдуетъ смотрѣть, какъ на исторически-мѣстный феноменъ, иными словами, при изученіи этого феномена слѣдуетъ придерживаться извѣстныхъ ограниченныхъ мѣстомъ единицъ. Затѣмъ, авторъ констатируетъ очевидность вліянія экономическихъ условій на генезисъ и развитіе имущественныхъ преступленій, между тѣмъ какъ въ отношеніи другихъ классовъ преступленій это вліяніе представляется лишь вѣроятнымъ. Особенно же выяснено даннымъ изслѣдованіемъ то важное положеніе, что такъ какъ, съ одной стороны, экономическія условія никогда не бываютъ единственными факторами, порождающими преступность, а съ другой—они являются въ высшей степени важными факторами, часто переполняющими чашу, уже почти наполненную,—то динамическое сравненіе колебаній экономическихъ условій и колебаній преступности гораздо болѣе плодотворно по своимъ результатамъ, чѣмъ изслѣдованіе, ограничивающееся сравненіемъ феноменовъ, взятыхъ въ извѣстный моментъ по статическому методу.

Изученіе вліянія экономическихъ условій на преступность возбуждаетъ надежду, свойственную всякому человѣку, склонному къ добру, что удастся улучшить соціальныя условія и тѣмъ самымъ заставить изсякнуть одинъ изъ источниковъ, питающихъ разрушительный потокъ, называемый преступностью.

Пусть же имя нашего молодого автора фигурируетъ среди именъ тѣхъ, кто своими научными трудами, хотя бы и отдаленно, содѣйствовалъ соціальному и моральному прогрессу несчастнаго человѣчества.

Я въ этомъ не сомнѣваюсь и заранѣе поздравляю моего молодого друга.

G.-A. van-Hamel.

Амстердамъ. Іюль. 1902.

ЦАБ "Автограф"

Введеніе.

Проблема этіологіи преступленія была поставлена, какъ таковая, новой позитивной школой уголовнаго права, возникшей приблизительно тридцать лѣтъ тому назадъ.

Несомнѣнно преувеличено мнѣніе [1]), что классическая школа смотрѣла на преступленіе только какъ на юридическую сущность, совершенно игнорируя вліяніе антропологическихъ и соціологическихъ факторовъ на преступность [2]).

Наше современное уголовное правосудіе и вообще уголовное правосудіе всего XIX-го столѣтія показываетъ достаточно ясно—примѣненіемъ нѣкоторыхъ экстраординарныхъ наказаній, въ особенности же системой уменьшающихъ вину обстоятельствъ и устраненіемъ минимума наказанія,—что новѣйшая идея индивидуализаціи преступленія и наказанія не была чужда практикѣ юристовъ старой школы. Въ этомъ отношеніи практика оставляла позади теорію, часто приводившую къ нелѣпымъ и даже жестокимъ выводамъ; и въ уголовную науку проникали нѣкоторыя данныя о преступникахъ, несмотря на то, что теорія допускала разсмотрѣніе лишь преступленія.

Старая школа, не отрицая категорически возможности изслѣдованія преступниковъ, оставляла его совершенно безъ вниманія. Въ своемъ упорномъ стремленіи видѣть первопричину преступности въ fiat свободной воли, она предполагала, что это изслѣдованіе можетъ указать лишь маловажныя, вторичныя причины, которымъ нормальный индивидъ, — ненормальность же ей представлялась рѣдчайшимъ исключеніемъ, — легко можетъ противостоять, если только онъ этого захочетъ [3]).

Позитивная же школа, отвергшая съ самаго начала единогласно всякую свободу воли, должна была искать въ чемъ-нибудь другомъ причину

---

[1]) См. м. пр. Ferri. Sociologie criminelle. Paris. 1893, стр. 3.

[2]) *По этому вопросу:* van Hamel, Inleiding tot de studie, van het Nederlandsche strafrecht, Гарлемъ, 1895, стр. 13.; M. de Baets: L'école d'anthropologie criminelle, Gand, 1893, стр. 6 и сл. и стр. 19.

Въ доказательство мы приводимъ страницу изъ Henke, Handbuch des Kriminalrechts und der Kriminalpolitik, Берлинъ 1822, стр. 166: „Кто хочетъ усвоить принципы уголовной политики, даже только съ теоретической точки зрѣнія, а ужъ тѣмъ болѣе тотъ, кто призванъ практически ихъ примѣнять въ качествѣ законодателя, долженъ, прежде всего, отыскать основы человѣческой природы и законы ея эволюціи во времени и въ пространствѣ. Антропологія, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, равно какъ исторія развитія народовъ, оказываются наиболѣе необходимыми отраслями знанія для науки уголовной политики. Не менѣе необходимо отысканіе генезиса преступленій, которыя часто вызываются не нравственной извращенностью или испорченностью виновнаго, а плохой организаціей общества, къ которому онъ принадлежитъ".

[3]) См. взгляды нео-спиритуалистовъ: De Baets, Actes du IV-e Congrès international d'anthropologie criminelle. Женева, 1897, стр. 90 и d'Haussonville. Revue des Deux Mondes, 1-ier avril 1887, стр. 582.

преступленія. Она нашла эту причину въ антропологическомъ факторѣ (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова) [1]). Съ этого момента возникла проблема этіологіи преступленія. Если смотрѣть на преступность, *какъ на особый видъ человѣческой дѣятельности*, то *можно сказать*, что свобода воли не считается причиной преступности всѣми сторонниками детерминизма, слѣды котораго можно найти на всемъ протяженіи исторіи философіи. Но философы и теологи не выходили изъ сферы общихъ идей и не касались преступленія. Такимъ образомъ, *спеціальная* литература по нашему вопросу возникла съ появленіемъ позитивной школы въ Италіи и Франціи.

Но если этотъ вопросъ, въ указанной нами формулировкѣ, не былъ затронутъ наукой уголовнаго права, за исключеніемъ той его части, которая касается психическихъ вліяній, то все же онъ привлекалъ къ себѣ въ различной степени вниманіе другихъ ученыхъ,— статистиковъ и френологовъ, изъ которыхъ нѣкоторые занимались имъ ex professo. Достаточно вспомнить имена Кетле и Герри съ одной стороны, Галля, Пинеля, съ другой, Гролльманна, Эллингера и др.

Соціальные факторы преступности въ особенности послужили предметомъ для серьезныхъ изслѣдованій въ области моральной статистики. Но послѣдняя ограничивалась изысканіемъ законовъ, управляющихъ нравственнымъ міромъ.

Съ этіологіей преступленія произошло то же, что и съ большинствомъ другихъ наукъ.

Распредѣленныя первоначально между нѣсколькими отраслями человѣческаго знанія, онѣ, затѣмъ, пріобрѣтя независимость, объединяются въ одну спеціальную науку. Въ изученіи причинъ преступности можно различить три послѣдовательныхъ періода. Первый періодъ— смѣшенія и безсознательности; у насъ будетъ еще случай вернуться къ этому, такъ сказать, доисторическому періоду. У философовъ, писавшихъ въ теченіе этого періода, мы найдемъ отдѣльныя краткія замѣчанія, касающіяся причинъ преступленій, разбросанныя въ ихъ произведеніяхъ, посвященныхъ общимъ научнымъ вопросамъ.

---

[1]) Терминъ „антропологическій факторъ“ часто употребляется въ смыслѣ біологическаго или органическаго вліянія. Этотъ взглядъ, за который ратовала terza scuola въ Италіи, энергично оспаривался на III-емъ антропологическомъ конгрессѣ криминалистовъ Тардомъ, ванъ Гамелемъ, Листомъ и др. (Actes du III-e Congrès, стр. 335 и 339). Антропологическія вліянія, говорили они, это—всѣ тѣ, которыя связаны съ человѣкомъ, разсматриваемымъ и какъ соціальное существо, и какъ органическій индивидъ; они, слѣдовательно, имѣютъ и соціальный и біологическій характеръ, могутъ быть внѣшними и внутренними. Хотя всѣми признано, что терминъ „криминологія“ болѣе точно опредѣляетъ объектъ новой науки (см., напр., ванъ Гамель, у. с., стр. 13), все же названіе „уголовной антропологіи“ удержалось, такъ какъ, по словамъ ванъ Гамеля, „это слово вошло въ обычай“ (Actes du III-e Congrès, стр. 340). Болѣе основательной, чѣмъ замѣчанія Мануврье, желавшаго ввести терминъ „юридическая антропологія“ (Actes du II-e Congrès, стр. 182; Actes du III-e Congrès, стр. 346; „L'Anthropologie et le droit“ въ Revue int. de sociologie, апрѣль и май 1894 г., стр. 24), является аргументація Топинара, который отказывается признать терминъ „уголовная антропологія“, такъ какъ въ этой комбинаціи слово антропологія употребляется въ слишкомъ общемъ смыслѣ, гораздо болѣе широкомъ, чѣмъ его обычное значеніе (естественной исторіи человѣка). (Actes du II-e Congrès, стр. 489 и сл.). Терминъ „криминалогія“, предложенный Топинаромъ (L'anthropologie criminelle въ Revue d'anthropologie, 1887, стр. 689 и 659), принятый, между прочимъ, Коллянни (Revue socialiste, 1888, стр. 59 и Keuller, Der Mensch, Лейденъ, 1895, стр. 176 и 177), неправиленъ, съ этимологической точки зрѣнія, такъ какъ составленъ по ложной аналогіи съ терминомъ „criminalité“; отъ него отказались сами авторы, которые поняли свою ошибку, когда этотъ терминъ былъ замѣненъ словомъ „criminologie“.

ЦАБ "Автограф"

Въ началѣ XIX столѣтія преступленіемъ стала заниматься преимущественно статистика, особенно моральная статистика. Она даже выдѣлила этотъ вопросъ въ отдѣльную главу. Началомъ же полной независимости этой отрасли изслѣдованія послужило созданіе новой школы уголовнаго права, которая въ заголовкѣ своей программы поставила изученіе природы преступленія, въ связи съ личностью преступника, для того, чтобы согласовать добытыя данныя съ нормами уголовнаго права и съ требованіями предупрежденія преступленій. Телеологическій характеръ типиченъ для современнаго состоянія нашей науки: отнынѣ она, ставъ самостоятельной, пріобрѣтаетъ спеціальную для себя цѣль, имѣетъ свою особую миссію. Изслѣдованія преступности, произведенныя Кетле и Герри, были чисто научными и описательными; изслѣдованія нашихъ дней—научны, описательны и содержатъ въ себѣ практическіе выводы.

Новая школа далека отъ мысли видѣть въ преступникѣ лишь опасное чудовище, которое общество должно безжалостно изгонять, ни мало не заботясь объ его дальнѣйшей судьбѣ; напротивъ, она задается цѣлью содѣйствовать его исправленію, въ особенности же прилагаетъ всѣ усилія, чтобы излѣчить ужасную язву преступности, или хоть нѣсколько облегчить страданія, причиняемыя ею соціальному организму. Поэтому изученіе этіологіи преступленія должно было пріобрѣсти совершенно новое и исключительное значеніе. Основой всякой терапевтики является діагнозъ. Чтобы имѣть возможность ослабить патологическое явленіе, — преступность, — надо предварительно изучить его генезисъ, природу и составные элементы.

Вопросъ, существуетъ ли связь между преступностью и экономическими условіями, и, если да, то въ чемъ состоитъ эта связь,—одинъ изъ самыхъ спорныхъ и трудныхъ въ криминологіи.

Настоящее сочиненіе стремится выяснить правильную постановку этого вопроса путемъ критическаго анализа всей его литературы. Взвѣсивъ самымъ тщательнымъ образомъ результаты всѣхъ изслѣдованій,—изъ которыхъ многія претендовали представить полное разрѣшеніе проблемы,—сравнивъ, затѣмъ, полученные результаты, мы изъ массы несистематизированныхъ и часто противорѣчивыхъ данныхъ будемъ въ состояніи выдѣлить тѣ выводы, которые всего ближе стоятъ къ намѣченной цѣли. Итакъ, путь, которому мы намѣрены слѣдовать, таковъ: опредѣливъ, какъ долженъ быть поставленъ вопросъ, каковъ его объемъ и истинное значеніе, мы выяснимъ, какіе результаты уже добыты, какіе изъ нихъ можно признать достовѣрными, какіе—лишь вѣроятными. Затѣмъ, мы установимъ методъ, которому должно слѣдовать въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Итакъ, въ этомъ критическомъ обзорѣ мы надѣемся собрать воедино все положительное, что имѣется въ литературѣ даннаго предмета, выяснить современное состояніе данной проблемы, и, опредѣливъ путь дальнѣйшихъ изслѣдованій, облегчить разработку ея въ будущемъ.

Наша система.

При классификаціи матеріала мы будемъ руководиться двумя принципами. Чтобы имѣть цѣнность, система должна основываться на твердомъ базисѣ, на дѣйствительной природѣ вещей, а не на ихъ внѣшнихъ и случайныхъ признакахъ. Поэтому мы должны отказаться отъ классификаціи, основанной на хронологической послѣдовательности, на національности или на природѣ изслѣдуемыхъ экономическихъ факторовъ. Существенна зависимость преступности отъ экономическихъ

ЦАБ "Автограф"

условій. Базисъ системы слѣдуетъ, такимъ образомъ, видѣть, въ существѣ той роли, которую, на взглядъ криминалиста, играютъ экономическіе факторы среди причинъ преступности. Но роль этихъ факторовъ должна быть разсмотрѣна во всей ея полнотѣ, т. е. должны быть приняты во вниманіе и условія, вызывающія ихъ дѣятельность и вытекающія изъ болѣе общаго и глубокаго основанія, отъ котораго и зависитъ связь между преступленіемъ и экономическими явленіями.

Затѣмъ слѣдуетъ принять во вниманіе порядокъ возникновенія криминологическихъ школъ, какъ онѣ сложились, и ту группировку ихъ, которую обыкновенно указываютъ въ уголовной литературѣ. Этотъ порядокъ отмѣчаетъ ходъ развитія идей и изслѣдованій, приведшихъ, наконецъ, къ новой концепціи преступленія; это въ нѣкоторомъ родѣ краткая исторія научныхъ доктринъ, нашедшихъ себѣ примѣненіе въ различныхъ теоріяхъ преступности.

Такая постановка вопроса побуждаетъ насъ прежде всего подвергнуть анализу сочиненія о вліяніи экономическихъ факторовъ на преступность, которыя написаны въ теченіе послѣдняго періода криминологіи, т. е. въ то время, когда изслѣдованія стали ставить себѣ прямою цѣлью выясненіе этого вліянія. Но мы разсмотримъ также всю совокупность идей, касающихся того же предмета и являющихся или выводами изъ общихъ соціологическихъ или біологическихъ воззрѣній, или служившихъ лишь переходными этапами на пути къ дальнѣйшимъ выводамъ. Для насъ ясно, что изслѣдованіе этихъ послѣднихъ идей не приблизитъ насъ къ разрѣшенію вопроса, но мы имѣемъ здѣсь дѣло съ представляющей большую важность эволюціей идей, прослѣдить которую тѣмъ болѣе интересно, что она поможетъ намъ уяснить себѣ возникновеніе и дѣйствительное значеніе современныхъ системъ.

Итакъ, стоя на вышеизложенной точкѣ зрѣнія, мы предлагаемъ слѣдующую классификацію, соотвѣтствующую, по нашему мнѣнію, ходу развитія ученій, стремящихся дать преступленію соціологическое объясненіе.

1. Итальянская школа, считающая органическую аномалію первымъ и необходимымъ условіемъ преступленія, и признающая за экономическими факторами, какъ и вообще за всѣми соціальными факторами, только второстепенное значеніе.

2. Теорія окружающей среды,—точкой отправленія для которой служитъ ученіе ліонской школы. Воззрѣнія этой школы раздѣляютъ многіе криминалисты, главнымъ образомъ, французскіе, весьма расходящіеся впрочемъ другъ съ другомъ по отдѣльнымъ вопросамъ. Эта теорія энергично настаиваетъ на томъ, что преступленіе—продуктъ соціальной среды, подъ понятіе которой подходитъ также экономическая среда.

3. Къ этой школѣ тѣсно примыкаетъ т. н. Terza Scuola, основанная въ Италіи около 1890-го года; эта Terza Scuola не имѣетъ никакого права на существованіе, какъ отдѣльная школа, въ чемъ намъ придется убѣдиться ниже.

4. Соціалистическая школа,—въ основаніе которой положено матеріалистическое пониманіе исторіи; она смотритъ на экономическій факторъ, какъ на единственную, или, во всякомъ скучаѣ, важнѣйшую причину преступленія.

5. Теорія патологическаго объясненія преступленія становится на совершенно иную точку зрѣнія. Такъ какъ она отчасти можетъ быть согласована съ ученіями вышепоименованныхъ школъ, то она и находитъ себѣ частичныхъ сторонниковъ среди ихъ привержен-

ЦАБ "Автограф"

цевъ. Но нѣкоторые ученые признаютъ преступленіе исключительно патологическимъ явленіемъ. Естественно, что этотъ взглядъ защищаютъ преимущественно медики. Они вовсе не занимаются изслѣдованіемъ вліянія соціальныхъ или экономическихъ факторовъ. Однако они не исключаютъ ихъ изъ числа прямыхъ или косвенныхъ причинъ преступленій или причинъ отдаленныхъ въ томъ смыслѣ, что соціальныя или экономическія условія вызываютъ обыкновенно то патологическое состояніе, которое порождаетъ преступленіе.

6. Эклектическая школа. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ криминалистовъ стали эклектиками. Главнымъ піонеромъ этой школы является Международный Союзъ Уголовнаго Права.

7. Въ противоположность всѣмъ этимъ школамъ спиритуалистическая школа поддерживаетъ принципъ свободной воли. Она отчасти пользуется позитивнымъ методомъ, почему мы, не колеблясь, причисляемъ этихъ сторонниковъ спиритуализма къ современной позитивной школѣ. Сторонники обоихъ спиритуалистическихъ теченій, стараго и новаго, признаютъ только косвенное вліяніе соціальныхъ факторовъ, а, слѣдовательно, также и экономическихъ; нѣкоторые же изъ нихъ оспариваютъ это вліяніе.

8. Особую группу образуютъ статистики, которые прежде всего занимаются статистикой, какъ таковой, но вниманіе которыхъ привлекла также и уголовная статистика, въ виду ея связи съ моральной статистикой.

9. Наконецъ, въ послѣдней главѣ мы поговоримъ объ авторахъ, занимавшихся нашимъ предметомъ, но не принадлежащихъ ни къ одной изъ перечисленныхъ категорій.

Мы спѣшимъ предупредить читателя, что наша классификація вовсе не претендуетъ быть исчерпывающей и совершенной. Мы далеки также отъ мысли разграничить отдѣльныя школы и раздѣлить ихъ на враждующіе лагеря.

Возникновеніе въ Италіи Terza Scuola подверглось рѣзкой критикѣ криминалистовъ; многіе изъ сторонниковъ новаго направленія воспользовались этимъ случаемъ и энергично высказались въ томъ смыслѣ, что существуютъ только двѣ діаметрально противоположныя школы—классическая и позитивная, и основаніе третьей, знаменовавшее лишь безполезное подраздѣленіе въ позитивной школѣ, подверглось самому рѣшительному и категорическому осужденію. Таково, между прочимъ, мнѣніе Пулья [1]), Ферри [2]), ванъ Гамеля [3]) и Готье [4]). Въ этомъ же смыслѣ единогласно высказались на брюссельскомъ конгрессѣ криминалистовъ Листъ [5]), Тардъ [6]) и ванъ Гамель [7]). Послѣдній рѣшительно возсталъ противъ мнимой несогласимости соціологической и антропологической школъ.

Хотя ваша классификація и устанавливаетъ дѣленіе на отдѣльныя группы, мы все же вполнѣ признаемъ справедливость этого взгляда и считаемъ антагонизмъ въ лагерѣ позитивистовъ воображаемымъ.

Но единство не исключаетъ частыхъ различій во мнѣніяхъ по многимъ второстепеннымъ пунктамъ, а также различій, и даже глубокихъ,

---

[1]) Antologia giuridica, V, fasc. 6.
[2]) Scuola positiva, 31 agosto 1891.
[3]) De tegenwoordige beweging op't gebied van het strafrecht. De Gids, 1891 стр. 327 и сл.
[4]) Revue pénale suisse, 1892, стр. 67.
[5]) Actes du III-e Congrès, etc. стр. 334.
[6]) Id., стр. 336.
[7]) Id., стр. 339—340.

ЦАБ "Автограф"

во взглядахъ по капитальному вопросу, „что такое преступленіе?“ При общемъ единствѣ позитивизма въ немъ могутъ наблюдаться различные оттѣнки, которые ванъ Гамель называетъ „тенденціями“ [1]), рѣшительно отказываясь говорить о „школахъ“. Говоря о различныхъ группахъ, мы имѣемъ въ виду именно эти несомнѣнно существующіе оттѣнки въ объясненіи происхожденія преступности; принципіальныя основанія этихъ оттѣнковъ и имѣли руководящее значеніе для принятаго въ нашемъ сочиненіи распредѣленія матеріала, представляющагося намъ наиболѣе логичнымъ.

Благодаря неопредѣленности выводовъ криминологіи, находящейся пока въ періодѣ сомнѣній, многіе криминалисты принуждены были подвигаться ощупью; это часто дѣлаетъ классификацію очень трудной.

Но такъ какъ мы не признаемъ установленныя нами разграниченія ни абсолютными, ни единственно возможными, то эти затрудненія разсѣиваются.

Мы оставимъ въ сторонѣ ученія, совершенно не касавшіяся вліяній экономическихъ факторовъ на происхожденіе преступленія. Таково, напримѣръ, мнѣніе профессора Альбрехта [2]), похожее скорѣе на остроумный парадоксъ, чѣмъ на научную теорію; Альбрехтъ считаетъ преступность естественнымъ явленіемъ природы и признаетъ вырождающимися непреступныхъ людей. Такую же цѣну имѣетъ теорія Дюркгейма, который въ своихъ Régles de la méthode sociologique (Парижъ 1895, стр. 82 и сл.) разсматриваетъ преступность, какъ необходимое и полезное явленіе въ здоровомъ обществѣ, какъ условіе его благоденствія, какъ отправленіе здороваго организма. Такова также теорія скрещенія (du metissage), очень оригинальный варіантъ теоріи наслѣдственности, развитый г-жей Clemence Royer на парижскомъ конгрессѣ [3]).

Мы не могли воспользоваться, какъ образцомъ, для нашего изслѣдованія какимъ-либо изъ существующихъ сочиненій. Синтетическаго и полнаго анализа или критическаго обозрѣнія криминологической литературы или хотя бы отдѣльной ея части не существуетъ.

Ни Antropologia criminal en Italia (Мадридъ 1890) Дорадо Монтеро, ни La nuova scuola di diritto penale in Italia ed all' estero (Туринъ 1892) Фрассати, ни прекрасное изслѣдованіе Деллепіане, Las causas del delito (Буэносъ-Айресъ 1892) не могутъ быть признаны таковыми. Во-первыхъ, эти произведенія ограничиваются обзоромъ теорій, оставляя въ сторонѣ ихъ авторовъ, а потому имъ часто не хватаетъ точности и они далеко не полны. Затѣмъ, въ своей критической части они ограничиваются общими мѣстами.

Обозрѣніе литературы разныхъ странъ, которое Ломброзо предпослалъ итальянскому (съ испанскаго) переводу одной работы Луиджи Драго, озаглавленной: I criminali nati (Туринъ 1896), является простымъ перечнемъ и не содержитъ въ себѣ критическаго анализа [4]).

---

[1]) Id. стр. 271. Чаще встрѣчаются особенности, чѣмъ исключенія, говоритъ профессоръ Dallemagne. Но не менѣе справедливо и то, что всякая крупная теорія, всякій синстетическій взглядъ основаны на одной направляющей идеѣ, которая можетъ для нихъ служить заголовкомъ. Théories de la criminalité. Парижъ 1896, стр. 13.

[2]) См. Actes du I-e Congrés etc. стр. 104. и сл. Конгрессъ посмотрѣлъ на это, какъ на остроумную шутку, и безъ труда доказалъ несостоятельность этой теоріи (Lacassagne, Ferri; Actes стр. 113 и сл.)

[3]) Actes du II-e Congrès etc., стр. 170 и сл.

[4]) Авторъ задается, преимущественно, цѣлью описать развитіе теоріи Ломброзо и почти не касается сочиненій съ иными или противоположными воззрѣніями.

ЦАБ "Автограф"

Профессоръ Dallemagne, въ Théories de la criminalité (Парижъ 1896), обнаруживаетъ широкую освѣдомленность въ криминологической литературѣ. Но онъ не задавался цѣлью подробнаго разсмотрѣнія и критическихъ замѣчаній у него немного.

L'Anthropologie criminelle et les nouvelles théories du crime (Парижъ) д-ра А. Лорана даетъ намъ только нѣсколько общихъ идей и перечисляетъ отдѣльныя имена, не заботясь о точности и не вдавался въ критику. Съ научной точки зрѣнія эта работа не имѣетъ никакой цѣны.

Первая часть Abnormal Man (Вашингтонъ 1893) М. А. Макъ-Дональда заключаетъ сравнительно полный, но, къ сожалѣнію, мало систематизированный и мало углубленный анализъ криминологической литературы. Въ своихъ разсужденіяхъ авторъ не выходитъ изъ рамокъ обыкновеннаго каталога. Вторая часть работы заключаетъ въ себѣ чисто библіографическія данныя, что, впрочемъ, не лишаетъ ее значенія.

Критика.

Прежде, чѣмъ приступить къ анализу столь обширнаго и разнороднаго матеріала, какой намъ предстоитъ разсмотрѣть, необходимо теперь же намѣтить отчасти ту точку зрѣнія, которая, какъ основная идея, будетъ руководить нами въ нашемъ изслѣдованіи.

Вопросъ о вліяніи экономическихъ факторовъ на преступность обсуждался съ точекъ зрѣнія, различныхъ и по основаніямъ, и по методу. Литература этого вопроса насчитываетъ длинный рядъ авторовъ, начиная съ Турати и Колаянни, которые ищутъ единую причину преступленія въ экономической средѣ, и кончая, напримѣръ, Гарофало и Моррисономъ, совершенно отрицающими вліяніе экономическихъ факторовъ на преступность. И всѣ эти противорѣчивыя мнѣнія заявляютъ, что они основаны на наблюденіи фактовъ. Какъ объяснить такое очевидное противорѣчіе? Намъ кажется, что источникомъ его является неправильная оцѣнка значенія двухъ методовъ, статическаго и динамическаго, которыми обыкновенно пользуются при изученіи вліянія матеріальныхъ факторовъ.

Одинъ фактъ бросается въ глаза при разсмотрѣніи литературы занимающаго насъ вопроса: именно, вліяніе экономическихъ факторовъ на преступность получаетъ совершенно различное освѣщеніе въ зависимости отъ того, примѣняемъ ли мы статическій, или же динамическій методъ. Анализъ статики преступности, т. е. преступности одной страны или мѣстности въ опредѣленный моментъ, обнаруживаетъ, правда, въ большинствѣ случаевъ наличность неоспоримой связи между преступностью и экономическими условіями; но въ то же время этотъ анализъ обнаруживаетъ и то, что преступность носитъ на себѣ столь же ясные слѣды совершенно иныхъ вліяній. Наоборотъ, динамическое изученіе преступности, т. е. сравненіе хода развитія имущественныхъ преступленій,—такъ какъ именно объ этой категоріи преступленій идетъ, главнымъ образомъ, рѣчь,—съ измѣненіями въ экономической средѣ обнаруживаетъ поразительный параллелизмъ, наблюдаемый почти постоянно и повсюду, между обѣими кривыми, изображающими сравниваемыя явленія. Многіе криминалисты сочли себя въ правѣ сдѣлать на этомъ основаніи выводъ, что одинъ только экономическій факторъ вліяетъ на имущественныя преступленія, или что, во всякомъ случаѣ, его роль имѣетъ первенствующее значеніе.

ЦАБ "Автограф"

Ясно, что между выводами, къ которымъ приводятъ оба метода, нѣтъ въ дѣйствительности различія. Причина ошибочныхъ заключеній лежитъ въ неправильномъ объясненіи параллелизма обѣихъ кривыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, кривая преступности съ поразительной правильностью слѣдуетъ за кривой экономическихъ измѣненій; но это происходитъ не отъ того, что преступленіе—продуктъ исключительно экономическихъ факторовъ, а отъ того, что среди всѣхъ факторовъ, создающихъ преступленіе, экономическій факторъ наиболѣе подвижный, измѣнчивый и наиболѣе подверженъ ежегоднымъ колебаніямъ; онъ рѣзче всего бросается въ глаза, и его связь съ зависящими отъ него явленіями наиболѣе очевидна. Другіе факторы, вліяющіе на преступность, факторы органическаго, космическаго, теллурическаго и соціальнаго, но не экономическаго характера по своей природѣ мало подвержены ежегоднымъ измѣненіямъ; происходящія въ нихъ перемѣны незначительны и совершаются медленно, а потому малозамѣтны. Ихъ кривая очень приближается къ прямой. Поэтому зависящая отъ этой кривой соотвѣтствующая кривая преступности обнаруживаетъ лишь незначительныя измѣненія, и изъ-году-въ-годъ остается почти одинаковой. Ежегодно наблюдаемыя измѣненія въ кривой преступности зависятъ, поэтому, отъ неожиданныхъ и капризныхъ колебаній въ экономической средѣ. Такимъ образомъ, эти матеріальныя вліянія опредѣляютъ конечную цифру или, если угодно, ф о р м у преступности, дѣйствительное направленіе ея кривой. Итакъ, если оцѣнить по достоинству пресловутый параллелизмъ, съ которымъ намъ еще часто придется встрѣчаться, то окажется, что онъ выражаетъ скорѣе соотвѣтствіе между д в и ж е н і е м ъ имущественной преступности и и з м ѣ н е н і я м и въ экономической средѣ, чѣмъ причинную зависимость между этими явленіями.

Такимъ образомъ, уничтожается кажущееся противорѣчіе между результатами динамическаго и статическаго изученія преступности. Благодаря этому мы имѣемъ возможность опредѣлить относительную цѣнность выводовъ тѣхъ лицъ, которыя занимались односторонним изученіемъ предмета; мы поймемъ, почему безполезны усилія тѣхъ, кто руководится предвзятымъ мнѣніемъ; наконецъ, мы разсѣемъ сомнѣнія того, кто, воображая себя передъ лицомъ непримиримыхъ противорѣчій, призналъ всю задачу неразрѣшимой.

Обыкновено изслѣдователи указываютъ, что именно они понимаютъ подъ „экономическими вліяніями“ и подъ „преступностью“. Тѣмъ не менѣе всегда возможно сомнѣніе относительно дѣйствительнаго значенія этихъ терминовъ. По представленію исторической школы подъ экономическими явленіями слѣдуетъ понимать все, что въ жизни общества (а, слѣдовательно, также, косвенно, въ жизни каждаго индивида) связано съ матеріальнымъ благосостояніемъ.

Среди ближайшихъ причинъ преступности чаще всего мы встрѣтимъ бѣдность и нищету; однако и другія матеріальныя условія,—между прочимъ, и противоположныя состоянія, богатство и роскошь,—тоже оказываютъ непосредственное вліяніе на преступность. Другія многочисленныя явленія экономическаго порядка оказываютъ на преступность косвенное вліяніе: экономическіе кризисы, бродяжничество, густота населенія, эмиграція изъ деревни, безработица, легкость пріисканія и обезпеченія работы и множество другихъ соціально-экономическихъ факторовъ—были обыкновенно объектами изученія криминалистовъ. Все это, конечно, связано съ экономической структурой нашего общества. Часто также, восходя къ болѣе отдаленнымъ и общимъ причинамъ преступности, мы снова попадаемъ въ область экономическихъ явленій.

Опредѣлить,—что такое преступленіе,—гораздо болѣе сложная задача. Мы имѣемъ въ виду преступленіе, разсматриваемое, какъ соціальное явленіе, т.-е. какъ патологическое соціальное явленіе [1]). Вопросъ ставится такъ: „Что такое преступленіе?“ Однако, не существуетъ еще вѣрнаго и полнаго опредѣленія понятія преступленія, какъ явленія соціальнаго,—что единственно интересно для насъ. Курсы уголовнаго права, даже принадлежащіе перу сторонниковъ новой школы, говорятъ о *преступленіи исключительно съ его юридической стороны* [2]), при чемъ и тутъ существуетъ множество разногласій.

Формулы, предложенныя писателями другихъ направленій, обыкновенно указываютъ лишь случайные признаки и не касаются существа вопроса; онѣ являются скорѣе болѣе или менѣе остроумными перифразами, чѣмъ опредѣленіями въ точномъ смыслѣ этого слова. Ни одна изъ нихъ насъ не удовлетворяетъ, даже и тѣ, которыя дѣйствительно стараются углубиться въ основаніе вопроса; таковы понятіе естественнаго преступленія Гарофало [3]), и опредѣленія Корра [4]) и Гамонъ [5]), видящихъ сущность преступленія въ посягательствѣ на свободу.

Мы далеки отъ мысли сдѣлать новую попытку опредѣлить преступленіе; мы предпочитаемъ оставаться въ предѣлахъ того, что безспорно, и сказать лишь, что *преступленіе для насъ есть* безнравственный человѣческій поступокъ, посягающій на соціальный порядокъ, поступокъ, совершая который человѣкъ переступаетъ границы дозволеннаго въ общественной жизни, поступокъ, доказывающій, что лицо, его совершающее, недостаточно приспособилось къ требованіямъ окружающей среды, слѣдовательно, поступокъ, представляющій опасность для общества, которое и должно отъ него защищаться. Занимаясь современной преступностью, мы должны держаться границъ, поставленныхъ обществомъ дѣятельности индивида. Такимъ образомъ, мы исключаемъ изъ этого понятія тѣ патологическія явленія, которыя, несмотря на весь причиняемый ими вредъ, не имѣютъ признаковъ недозволеннаго образа дѣйствій въ вышеозначенномъ смыслѣ; таковы бродяжничество, нищенство, проституція. Съ другой стороны, мы нитуть не склонны отрицать внутреннюю связь между этими явленіями и преступностью.

Историческое введеніе.

Мы уже видѣли, что изученіе этіологіи преступленія, съ его телеологическимъ характеромъ, началось съ момента появленія антропологической школы. Каждая изъ его отдѣльныхъ частей имѣетъ свой доисторическій періодъ. У насъ еще будетъ случай обратить на это вниманіе, такъ какъ прежде, чѣмъ приступить къ изложенію ученія каждой школы, отличающейся особенно внимательнымъ отношеніемъ къ какому-нибудь одному фактору, мы будемъ давать краткій обзоръ идей, подготовившихъ проникновеніе позитивизма въ данную спеціальную область. Такимъ образомъ, оказывается, что біологическая этіологія ведетъ свое начало еще отъ Галля, который пытался установить локализацію страстей и дѣйствій въ мозгу. Уголовная соціологія начала серіозно разви-

---

[1]) Итакъ, мы исключаемъ систему Durkheim'a, см. стр. 9.

[2]) См. van Hamel, у. с., стр. 161 и сл., см. Liszt, Lehrbuch des deutschen Strafrechts. Берлинъ. 1897, стр. 110. Prins, Science pénale et droit positif, Брюссель, 1899, стр. 75 и сл.

[3]) La Criminologie. Парижъ, 1890, гл. I.

[4]) Crime et suicide, Парижъ, 1891, стр. 4.

[5]) La definition du crime, Парижъ, 1893.

ЦАБ "Автограф"

ваться лишь въ XIX-мъ столѣтіи. Еще задолго до того, какъ позитивизмъ проникъ въ уголовное право и создалъ въ немъ современное телеологическое направленіе, уже существовали попытки установить, на основаніи статистическихъ данныхъ, связь между соціальными явленіями и преступностью. Вопросъ объ экономическихъ вліяніяхъ также не переставалъ привлекать вниманіе.

Но по нашему вопросу, какъ мы уже замѣтили выше, существовала и болѣе ранняя литература, возникновеніе которой относится къ древности. Естественно, что онъ возбуждалъ интересъ мыслителей. Нашъ обзоръ этого доисторическаго періода литературы не можетъ ни въ какомъ случаѣ помочь намъ въ разрѣшеніи или хотя бы освѣщеніи интересующаго насъ вопроса. Идеи философовъ покоятся на совершенно апріорномъ основаніи. Они стремились разрѣшить проблему этіологіи преступленія, какъ и множество другихъ проблемъ, метафизическимъ изученіемъ человѣческой природы. Ни разу ими не былъ примѣненъ контроль этого пробнаго камня соотвѣтствія дѣйствительности,—статистики,—которая была неизвѣстна еще въ ту эпоху. Кромѣ того, часто въ ихъ ученіяхъ нельзя найти ничего точнаго и систематичнаго, и нѣтъ возможности связать ихъ съ общимъ міровоззрѣніемъ. По большей части это—просто замѣчанія, сдѣланныя мимоходомъ, почти безсознательно, во всякомъ случаѣ недостаточно сознательно, для того, чтобы представлять для нашего вопроса интересъ, кромѣ чисто историческаго.

1. Греко-римскій древній міръ.

Изученіе философовъ древности можетъ быть довольно плодотворно.

Однако, намъ удалось найти въ классической литературѣ лишь очень немного строкъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ нашей темѣ. Но основаніе нашей задачи,—вліяніе матеріальнаго положенія на нравственную сторону человѣческихъ дѣйствій,—скрывалось въ вопросѣ, часто подымавшемся и вызывавшемъ споры и въ античномъ мірѣ, и даже въ первые вѣка христіанства, — хотя и съ совершенно новой точки зрѣнія,—а именно: въ вопросѣ, слѣдуетъ ли смотрѣть на бѣдность, какъ на зло; слѣды споровъ по этому вопросу можно встрѣтить еще у Гезіода [1]), а, можетъ быть, и раньше. Въ предѣлы нашей работы не входитъ выясненіе, почему эти споры не прекращались въ эпоху, когда, съ одной стороны, философія была въ модѣ, а, съ другой стороны, все увеличивающаяся масса бѣдноты въ Греціи и Римѣ не могла не обратить на себя вниманія и искала поддержки въ философіи. Намъ могли бы возразить, что изъ древней литературы ясно видно, въ какомъ почетѣ всегда была бѣдность и въ Спартѣ, и въ Римѣ, и что общій духъ этихъ республикъ первоначально былъ именно духомъ бѣдности [2]).

---

[1]) См. Henricus Stephanus, Annot. ad. Horatium, Genevae, 1705, t. II. стр. 98.

[2]) См. м. пр. Тита Ливія ....Nulla unquam res publica, ubi tantus et tamdiu paupertati ac parcimoniae honos fuerit. Сенека: Epistol. moral. 87, 14: paupertas fundamentum et causam imperii populi Romani. Для Греціи см. м. пр. Плутархъ, Аристидъ; сентенція изъ Демокрита, переданная Стобеусомъ. Sententiae ex Stobaeo, стр. 53; Апулей, похваливъ бѣдность въ своей Апологіи, говоритъ: „Eadem est enim paupertas apud Graecos in Aristidi iusta, in Phocione benigna, in Homero diserta. Eadem paupertas etiam populo romano imperium a primordio fundavit proque eo in hodiernum Diis immortalibus simpulo et cativo sacrificat".

Но не слѣдуетъ заблуждаться относительно значенія, придаваемаго римскими авторами этому слову. Эта paupertas romana, о которой они отзываются съ похвалой, не имѣетъ ничего общаго съ нуждой, съ экономической неудовлетворенностью; это скорѣе простота жизни, умѣренность, соединенная съ полной удовлетворенностью и предусмотрительностью, отсутствіе роскоши, безполезныхъ тратъ и алчности. Философскія размышленія, о которыхъ мы намѣрены говорить, имѣютъ въ виду не это матеріальное положеніе, одобряемое и восхваляемое всѣми. Мы имѣемъ въ виду разсужденія, касающіяся бѣдности, понимаемой обычнымъ образомъ, какъ экономическая стѣсненность, какъ отсутствіе какого-либо капитала, какъ состояніе, которое многихъ индивидовъ, а часто и цѣлыя массы приводитъ къ нищетѣ и нуждѣ [1]).

Уже Гомеръ въ „Одиссеѣ“, XVII, 286 говоритъ: „пустой желудокъ не имѣетъ ушей. Голодъ приноситъ много бѣдъ людямъ“ [2]).

Выписки Стобеуса [3]) являются для насъ драгоцѣннымъ источникомъ при ознакомленіи съ греческими авторами. Мы находимъ у него также нѣсколько изрѣченій, взятыхъ у великихъ поэтовъ и касающихся нашего вопроса.

Софоклъ ненавидѣлъ бѣдность „paupertas nullus maior hostis“ [4]).

Эврипидъ также считалъ, повидимому, бѣдность зломъ; онъ заявляетъ, что nobilitas легко пріобрѣтается при богатствѣ: „Ne per dios mihi pater nobilitatem narres, in pecuniis enim haec sita est, aurum mihi relinque et ex servo liber nobilis cito fiam“ [5]).

Точно такъ же и Антифанъ говоритъ: „Solum aurum mores, pulchritudinem, genus amicitiam et bona omnia praestat“ [6]).

Изократъ, наоборотъ, считаетъ „divitiae vitiorum magis quam virtutum ministrae“ [7]).

Философы золотого вѣка болѣе многословны. Лишь они обратили вниманіе прямо на вопросъ о вліяніи матеріальныхъ условій на преступность.

Такъ, Ксенофонтъ видитъ въ нищетѣ могущественный стимулъ къ преступной дѣятельности. Въ „Пирѣ“ онъ говоритъ устами Калліаса: „Тѣ, кто знаетъ, что ихъ жизнь обезпечена, не предаются преступленію“ [8]).

Не удивительно, что возставала противъ богатства школа, подготовлявшая стоицизмъ и что она, при томъ, преувеличивала его значеніе. Естественно, что такой человѣкъ, какъ Діогенъ — циникъ, жившій добровольно въ самой крайней нищетѣ, отличался крайней строгостью: „Virtutem neque in civitate, neque in domo diviti habitare potest“ [9]). Поэтому, по мнѣнію этихъ авторовъ, бѣдность никогда не можетъ служить извиненіемъ для преступленія: „Vir improbus

---

[1]) Иногда латинскіе писатели дѣлаютъ различіе между paupertas (pauperies) и egestas, indigentia. См. м. пр. Сенека: Epistolarum moralium, II. 5, 6 VI, 6, I.

[2]) γαστέρα δ' οὔπως ἔστιν ἀποκρύψαι μεμαῦιαν οὐλομένην, ἥ πολλὰ κἀκ ἀνθρωποισι δέδωσιν.

[3]) Краткій латинскій переводъ: Sententiae ex Stobaeo, Coloniae, 1530.

[4]) Id., стр. 75.

[5]) Id., стр. 72.

[6]) Id., стр. 71.

[7]) Id., стр. 72.

[8]) Συμπόσιον, IV, 2. Ὅτι διὰ τὸ εἰδέναι ὡς ἔστιν οὕτου πρισμένοι τα ἐπιτήδεια ἔξουσιν οὐκ ἐθέλουσι κακονρ γοῦντες κινδυνεύειν.

[9]) Sententiae ex Stobaeo, стр. 73.

et malus cum paupertatem sibi exprobaret, dixit, ex paupertate nullum unquam vidi tortum et supplicio affectum, at ex divitiis multos“ [1]).

Въ „Республикѣ“ Платонъ нѣсколько разъ затрагиваетъ интересующій насъ вопросъ. Излагая въ первой книгѣ свои мысли о дѣйствительной пользѣ богатства, онъ знакомитъ насъ съ своимъ взглядомъ на вліяніе экономическихъ условій на преступность. „Благодаря, главнымъ образомъ, богатству мы имѣемъ возможность не причинять никому зла, даже непроизвольно, и не прибѣгать къ лжи; благодаря ему же мы имѣемъ то преимущество, что покидаемъ этотъ міръ, свободные отъ опасеній по поводу нѣкоторыхъ жертвоприношеній, которыя необходимо принести богамъ, или нѣкоторыхъ долговъ, которые иначе нельзя было бы уплатить людямъ“ [2]).

Начало четвертой книги „Республики“ посвящено экономическому вопросу. Платонъ считаетъ матеріальныя крайности, роскошь и нищету, одинаково опасными. Подробно объяснивъ, почему воздержанность среди солдатъ, стражей государства, является лучшей для него защитой, онъ описываетъ, какъ роскошь и нищета губятъ искусство и промышленность, и какъ отсутствіе богатства и нищеты даютъ государству во внѣшней политикѣ преимущество надъ богатыми народами, укрѣпляя въ то же время его внутреннюю жизнь [3]). На этомъ основаніи авторъ совѣтуетъ правителямъ „слѣдить, чтобы роскошь и нищета не появлялись въ государствѣ; первая развиваетъ изнѣженность, бездѣлье и стремленіе къ новшествамъ, вторая — измѣнность чувствъ и желаніе дѣлать зло, независимо отъ любви къ нововведеніямъ“ [4]).

Описывая въ восьмой книгѣ переходъ отъ тимархіи къ олигархіи, Платонъ снова повторяетъ: „по мѣрѣ того, какъ богатство пріобрѣтаетъ все больній почетъ, уваженіе къ добродѣтели уменьшается. Не таково ли соотношеніе между богатствомъ и добродѣтелью, что, если ихъ помѣстить на чашахъ вѣсовъ, то паденіе перваго будетъ обусловливать поднятіе второй?“ [5]).

Далѣе, онъ возстаетъ противъ нищеты, называя величайшимъ зломъ олигархическаго образа правленія „свободу, предоставляемую всякому, продавать свое имущество, пріобрѣтать имущество другого, а также тому, кто продалъ свое имущество, жить въ государствѣ, не будучи ни ремесленникомъ, ни торговцемъ, ни всадникомъ, слономъ, оставаясь ничѣмъ инымъ, какъ бѣднякомъ или нищимъ. Никто не подумаетъ о томъ, чтобы уничтожить въ олигархическомъ государствѣ этотъ безпорядокъ, такъ какъ, еслибы онъ былъ уничтоженъ, то не было бы того, что одни владѣютъ чрезмѣрнымъ богатствомъ въ то время, какъ другіе живутъ въ крайней нищетѣ... Ясно, что въ госу-

---

1) Id., стр. 74. Въ этомъ же смыслѣ изрѣченіе на стр. 75.

2) Πολιτεῖα, I, V (331 B). Τὸ γὰρ μηδὲ ἄκοντα τινα ἐξαπατῆσαι ἢ ψεύσασθαι, μηδ' αὖ ὀφείλοντα ᾖ, θεῷ θυσίας τινὰς ᾖ ἀνθρώπῳ χρήματα ἔπειτα ἐκεῖσε ἀπιέναι δεδιότα, μέγα μέρος εἰς τοῦτο ἡ τῶν χρημάτων κτῆσις συμβάλλεται.

3) Id., IV, гл. I и II (419—423 A).

4) Id., IV, II (421 E). Ἕτερα δή, ὡς ἐοικε, τοῖς φυλαξιν εἰρήκαμεν, α παντι τρόπῳ φυλακτέον, οπως μήποτε αὐτούς λήσει εἰς τὴν πόλιν παράδυντι. Τά ποῖα ταῦτα; Πλοῦτος, καὶ πενία, ὡς τοῦ μεν τρυφὴν καὶ ἀγρίαν καὶ νεωτεριομὲν ἐμποιοῦντος τοῦ δὲ ἀνελευθερίαν καὶ κακουργέαν προς τῷ νεωτεριαμῷ.

5) Id., VIII, VI (550 E). Ὅσῳ ἂν τοῦτο τιμιώτερον ἡγῶνται τοσούτῳ ἀρέτην ἀτιμοτέραν, ἢ οὐχ οὕτω πλούτον ἀρετή διέστηκεν. ὥσπερ. ἐν πλάστιγγι ζυγοῦ κειμένον ἑκατέρου, ἀεί ἐπί τουναντίον ῥέποντα:

ЦАБ "Автограф"

дарствѣ, въ которомъ ты встрѣтишь бѣдныхъ, есть и тайные мошенники, обрѣзыватели кошельковъ, святотатцы и плуты всякаго рода [1])."

Аристотель говоритъ о нѣкоторыхъ вопросахъ, касающихся изученія преступленія и даже преступниковъ преимущественно въ первой книгѣ „Риторики". Онъ описываетъ нравственное состояніе преступниковъ, ихъ надежду на безнаказанность въ связи съ обстановкой, въ которой было совершено преступленіе, рецидивы, уменьшающія вину обстоятельства, обыкновенное положеніе потерпѣвшихъ и то, какъ относительная слабость послѣднихъ увеличиваетъ силы нападающихъ.

Аристотель знакомитъ насъ въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ со своимъ взглядомъ на вліяніе экономическихъ факторовъ на преступность. Этотъ взглядъ совпадаетъ со взглядомъ, защищаемымъ еще въ наши дни чистыми спиритуалистами, которые признаютъ, что, кромѣ свободной воли, есть и другіе факторы, опредѣляющіе образъ дѣйствій человѣка.

Эти факторы вліяютъ на волю; послѣдняя же опредѣляетъ поступки. Итакъ, они вліяютъ на поступки лишь черезъ посредство воли. Аристотель учитъ [2]), что люди дѣйствуютъ или по побужденіямъ, полученнымъ извнѣ, или по собственной инціативѣ. Въ первомъ случаѣ ихъ поступки вызываются либо случаемъ, либо необходимостью; изъ числа необходимыхъ поступковъ одни вызываются принужденіемъ, другіе—природой. Среди поступковъ, зависящихъ отъ насъ, непосредственными виновниками которыхъ являемся мы сами, одни могутъ быть объяснены привычкой, другіе намъ подсказываются нашими желаніями, иногда обдуманными, иногда необдуманными. Необдуманныя желанія—это гнѣвъ и страсть.

Какое же мѣсто Аристотель отводитъ матеріальнымъ факторамъ? Яснѣе другихъ текстъ X-ой главы первой книги „Риторики": богатство и бѣдность сами по себѣ не толкаютъ на преступленіе. Однако случается, что бѣдные желаютъ денегъ, такъ какъ нуждаются въ нихъ, и что богатые, купающіеся въ излишествахъ, ищутъ наслажденій, безъ которыхъ рѣшительно могли бы обойтись. Но и тѣхъ, и другихъ побуждаетъ такъ поступать не богатство и не бѣдность, а просто страсть. [3]) Такимъ образомъ ясно, что, по мнѣнію Аристотеля, преступленія, вызванныя нищетой или роскошью, должны быть причислены къ поступкамъ, совершаемымъ подъ вліяніемъ непосредственнаго личнаго побужденія и имѣющимъ первоначальнымъ источникомъ страсть, необдуманное желаніе. Но эта страсть вызывается нуждой или излишествами, которыя, слѣдовательно, косвеннымъ образомъ вліяютъ на преступленіе. Теперь намъ будетъ легче понять слѣдующія мѣста, касающіяся нашего предмета. „Преступленія совершаются подъ давленіемъ потребностей; послѣднія же бываютъ двухъ родовъ: или потребность въ необ-

---

[1]) Id VIII, VII (552 A—B, D): Ὄρα δὴ τούτων πάντων τῶν κακῶν εἰ τόδε μέγιστον αὕτη πρώτη παραδέδεται. Το παῖον. Το ἐξεῖναι πάντα τὰ αὑτοῦ ἀποδόσθαι καὶ ἄλλω κτήσασθαι τὰ τούτου, καὶ ἀποδύμενον οἰκεῖν ἐν τῇ πυλει μηδὲ ὄντ των τῆς πόλεως μηρῶν, μήτε ῥηματιστὴν μητε δημιουργὸ μήτε ἱππέα μήτε ὁπλίτηι, ἀλλα πένητα καὶ ἄπορον κεκλημένον. Πρ ώτη, ἔμη. Οὔκουν διακωλύεται γε ἐν ταῖς ὀλιαρχον—μέναις τὸ τοιοῦτον. οὐ γαρ αν οἱ μὲ ὑπέρπλντοι ἦσαν,, οἱ δὲ πανταπασι πένητες.... Δῆλον αρα, εν πόλει οὐ αν ἴδῃς πτωχούς, ὅτι εἰσί που ἐν τούτῳ τῷ τόπῳ αποκεκρύμενοι κλέπται τε καὶ βαλατιοτόμοι καὶ ἱεροσυλοι παὶ παντωο τῶν ταιότων κακῶν δημασύργοαι.

[2]) Риторика, I. X, 7 и 8.

[3]) Id. I, X. 9: Οὐδὲ διὰ πλοῦτον καὶ πενίαν, ἀλλὰ συμβέβηκε τοις μὲν πένησι διὰ τὴν ἐνδεῖα πιθνμεῖν χρμμάτων, τοῖε δὲ πλουσίις διὰ επὶ ἐξονδιαν ἐπιθυμεῦν τῶν μὴ ἀναψκαίων ἡδονῶν. Ἄλλα πρὰξονδι ναί οὗτοι διὰ πλούτον και πενίαν ἀλλὰ δια τὴν ἐπιθνμίαν.

ходимомъ, какъ у бѣдняковъ, или въ излишнемъ — у богатыхъ“ [1]). И дальше: „преступники бываютъ виноваты именно передъ лицами, владѣющими тѣми благами, которыхъ лишена нападающая сторона; эти блага могутъ быть предметами необходимости, тщеславія или просто наслажденія для тѣхъ, кто ихъ желаетъ“. [2]) Еслибы не вышеприведенные отрывки изъ „Риторики“, то можно было бы дать другое объясненіе тексту, встрѣчающемуся въ „Политикѣ“ и, повидимому, доказывающему, что по мнѣнію Аристотеля нѣкоторые поступки, совершенные подъ вліяніемъ нужды, бываютъ вызваны необходимостью, а не собственной инціативой лица. „Людей наталкиваетъ на преступленіе не одна необходимость... ихъ увлекаютъ также на преступный путь исканіе наслажденія и непобѣдимыя страсти“. „Они становятся несправедливыми не только подъ вліяніемъ необходимости, ихъ дѣлаютъ такими также и неумѣренныя желанія и стремленіе безъ труда получить наслажденіе“. [3]) Отмѣтимъ еще, что въ „Этикѣ Никомаха“ Аристотель заявляетъ, что „вещи, безусловно необходимыя для жизни, являются непремѣнными условіями нравственной добродѣтели“ [4]).

Упомянемъ еще объ одномъ мѣстѣ „Риторики“, въ которомъ философъ указываетъ на одно обстоятельство, особенно благопріятствующее преступности бѣдняковъ: „преступленіе легче совершается, если оно совершается въ состояніи нищеты, когда нечего терять“ [5]).

У римскихъ писателей мы находимъ лишь нѣсколько очень краткихъ замѣтокъ, относящихся къ нашему предмету.

Теренцій, устами Форміона, считающаго бѣдность причиной двоедушія говоритъ: „Paupertas mihi onus visum et miserum et grave“ [6]).

Саллюстій говоритъ о „gens egestate novarum rerum cupida“ [7]).

„Malesuada fames“ [8]) Виргилія вошла въ пословицу.

Подражатель Виргилія, Силій Италикъ выражаетъ ту же мысль въ стихѣ: „... sceleri proclivis Egestas“ [9])

Въ біографіи Аристида Плутархъ также находитъ случай утверждать, что лишь немногіе люди умѣютъ бороться съ соблазнами, осаждающими бѣдняковъ [10]); впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ авторъ заявляетъ, что онъ не смотритъ на бѣдность, какъ на зло [11]).

Квинтиліанъ также признаетъ, что „alicui sit furandi causa paupertas„ [12]), но все же онъ полагаетъ, что въ общемъ „paupertas facilius virtutem alit“ [13]).

---

[1]) Id. I, XII. 15: Καί ὅσοι ἂν ἐνδεεῖς ὦσιν. Διχῶς δ'εἰσὶν ἐνδεεῖς, ἢ γὰρ ὡ ἀναγκαίου, ὥσπερ οἱ πένητες, ἢὡς ὑπερβόλης, ὥσπερ οἱ πλούσιοι.

[2]) Id. I, XII. 17: Ἀδικοῦσι δὲ τοὺς τοιούτους καὶ τὰ τοιαῦτα ἔχοντας ὧν αὐτοὶ ἐνδεεῖς ἢ εἰς τἀναγκαῖα ἢ εἰς ὑπεροχὴν ἢ εἰς ἀπολαῦσιν.

[3]) Πολιτικά, II, IV, 7: Οὐ μόνον δ'ὁἱ ἄνθρωποι διὰ ταναγκαῖα ἀδικοῦσιν, ἐὰν γαρ μείζω ἔχωσιν ἐπιθυμίαν τῶν ἀναγκαίων, διὰ τὴνταύτης ἰατρείαν ἀδικ'σουσιν. Οὐτοίνων διὰ ταύτην μόνον, ἀλλὰ καὶ ἂν ἐπιθυμοῖεν, ἵνα χαίρωσι ταῖς ἄνευ λυπῶν ἢ δοναῖς.

[4]) Ἠθικὰ—Νικωμαχειὰ. X, VIII, 4: τῶν μέν γὰρ ἀναγκαιων ἀμφοῖν (интеллектуальное счастіе и счастіе, вытекающее изъ нравственной добродѣтели) χρεία καὶ ἐξ ἴσου ἔστω.

[5]) Phormio, 94. Авторъ говоритъ еще о “paupertas“ gravis въ Adelphi, 497.

[6]) Ῥητορική I, XII, 8: (Λαθητικοί δ'εἰσιν)... η δι ἀπορίαν μηδὲν ἔξει ὅ τι απολέση.

[7]) Catilina гл. XXVIII.

[8]) Энеида, VI, 276.

[9]) Punicorum, XIII, 585.

[10]) Πενίαν δὲ φέροντι γενναίως οὐ ῥᾴδιον εντυχειν. Αριστείδης, 25.

[11]) Περὶ Στωϊκων Ἐναντιωμάτων liber unicus.

[12]) De Institutione oratoria, VII, II, 38.

[13]) Declamationum, 345.

У Ювенала ясно выражено разграниченіе, сдѣланное нами выше, между счастливой „paupertas romana“, лучше всего гарантирующей нравственность народа, и дѣйствительной нищетой, имѣющей самыя печальныя послѣдствія: „Nullum crimen abest facinusque libidinis, ex quo paupertas romana perit“ [1]).

Въ другомъ же мѣстѣ его сочиненій мы читаемъ:

Nihil habet *infelix paupertas* durius in se,
Quam quod ridiculos habet homines [2]).

Лукіанъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, кто нравственное превосходство бѣдняковъ ставитъ внѣ сомнѣнія. Въ бѣдности онъ видитъ больше счастія, чѣмъ въ богатствѣ, и, по его мнѣнію, первую слѣдуетъ предпочитать второму [3]).

Можно было бы надѣяться, что новыя школы, эпикурейская и стоическая, замѣнившія за три столѣтія до христіанской эры перипатетизмъ и платонизмъ, дадутъ новый и энергичный толчекъ философскому изученію занимающаго насъ вопроса. Вѣдь, преимущественно практическій характеръ этого періода древней философіи свелъ философію сначала въ Греціи, а затѣмъ и въ Римѣ, почти исключительно къ изученію вопросовъ морали. Однако, отрывки, сохранившіеся изъ произведеній Эпикура и его учениковъ, не даютъ большого матеріала по интересующему насъ вопросу. Трудно, впрочемъ, понять взгляды этого философа, котораго часто изображали въ совершенно искаженномъ видѣ, и многочисленныя произведенія котораго по большей части утрачены. Во всякомъ случаѣ, на основаніи того, что говорятъ о немъ Діогенъ Лаэртскій и Сенека, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что Эпикуръ совѣтуетъ мудрецу не накоплять богатства, что, впрочемъ, и невозможно при условіяхъ его жизни [4]). Самое основаніе и цѣль эпикурейской философіи заключаются въ осуществленіи полнаго покоя духа, соединеннаго съ отсутствіемъ тѣлесныхъ страданій; это состояніе должно вести къ полному счастію. Отсюда Эпикуръ считалъ необходимымъ удовлетвореніе извѣстныхъ естественныхъ и неизбѣжныхъ желаній, совѣтуя въ то же время отказаться отъ всего прочаго [5]).

Кажется, Горацій былъ въ Римѣ единственнымъ — и притомъ далеко не блестящимъ—представителемъ той школы, которая болѣе или менѣе опредѣленно высказалась о практическихъ послѣдствіяхъ бѣдности и ея вліяніи на нравственный уровень нашихъ поступковъ. „На что нужны законы,—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ одъ,—если бѣдность, считающаяся величайшимъ позоромъ, принуждаетъ все дѣлать и отъ всего страдать, принуждаетъ людей покидать тяжелый путь добродѣтели ?“ [6]). Въ другомъ мѣстѣ онъ выражаетъ пожеланіе: чтобы его не посѣтила „постыдная бѣдность.“ [7]).

Петроній, этотъ знатокъ изящнаго, прославившійся въ наше время благодаря знаменитому роману Сенкевича, является олицетвореніемъ

---

[1]) Satyra, VI, 293.
[2]) Satyra, III. 152.
[3]) Ὀνείρος, гл. 21 и Ἐπιστόλαι Κρονίκαι, гл. 26.
[4]) Діогенъ изъ Лаэрта, Vita philosophorum, lib. (ed. lat. Bale, 1534 стр. 388).
[5]) Діогенъ изъ Лаэрта, у. с. кн. X in fine.
[6]) Carminum, III, XXIV: 42—44:

(Quid leges sit)....
Magnum pauperies opprobrium iubet
Quid vis et facere et pati
Virtutisque viam deserit arduae?

[7]) Epistularum II, 198: Pauperies immunda domus procul absit.

римскаго эпикурейства, доведеннаго на практикѣ до крайностей. Но утонченное изящество, которое онъ влагалъ въ свои рѣчи, въ свои удовольствія, развлеченія и страсти, наконецъ, во всю свою жизнь, скорѣе греческую, чѣмъ римскую, сдѣлало изъ него тонкаго и искуснаго учителя науки наслажденій, хотя отнюдь не представителя грубаго эпикурейства въ томъ видѣ, въ какомъ послѣдній понимали и практиковали въ эпоху упадка. Петроній полагаетъ, что съ бѣдностью связывается здравый умъ; однако, богатый философъ не объяснилъ эту связь: „Nescio quo modo bonae mentis soror est paupertas." [1]).

Стоическая литература не дала болѣе обширнаго матеріала для нашего изслѣдованія. Литературные памятники, содержавшіеся въ греческомъ Портикѣ, почти всѣ утрачены. Страницы, которыя Діогенъ Лаэртскій сохранилъ намъ изъ трудовъ основателей школы, Зенона и Хризиппа, позволяютъ довольно легко возстановить ихъ систему и ихъ идеи, но въ нихъ нѣтъ ничего, что имѣло бы отношеніе къ нашему предмету. Если на основаніи единственнаго изрѣченія Аристона, одного изъ славнѣйшихъ учениковъ Зенона, переданнаго намъ Стобэусомъ, можно сдѣлать какіе-нибудь выводы, то мы имѣемъ право заключить, что греческіе стоики, относясь отрицательно къ преувеличенному исканію почестей и богатства, въ то же время ясно видѣли всю гибельность нищеты. „Manifesta est tempestas paupertatis lucerna, nam omnia demonstrat mala et difficilia." [2]).

Произведеніе Сенеки создало эпоху въ исторіи идей, которую мы пытаемся описать. Чтобы вѣрно оцѣнить значеніе творенія главы римскаго Портика, слѣдуетъ вспомнить о недостаткѣ систематичности, которымъ вообще отличались римскіе философы, умъ которыхъ не былъ, подобно уму греческихъ мыслителей, склоненъ къ спекулятивному мышленію; этимъ особенно страдали стоики. Сенека въ этомъ отношеніи былъ еще слабѣе другихъ.[3]). „Онъ самъ,—говоритъ г. Марта [4]),—хвалится тѣмъ, что у него нѣтъ ни высокомѣрія главы школы, ни покорности адепта". Это отсутствіе системы мы наблюдаемъ и въ основѣ ученія, и въ формѣ изложенія. Его отмѣтилъ Мальбраншъ, а Марта прекрасно объяснилъ, представивъ Сенеку, какъ моралиста-практика, стремившагося убѣдить сердца скорѣе сильнымъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ чѣмъ ясными доводами [5]), какъ мыслителя, часто затруднявшагося высказывать опасныя мысли, желавшаго и въ то же время не рѣшавшагося излагать свои смѣлые взгляды изъ страха передъ императорской тираніей, задушившей всякую свободу мысли [6]). Поэтому тщетно было бы стремиться привести въ систему многочисленныя замѣчанія и сентенціи Сенеки, касающіяся нашего вопроса; такихъ замѣчаній можно найти множество, разбросанныхъ въ П и с ь м а х ъ о н р а в с т в е н н о с т и,—но не слѣдуетъ удивляться, если при изученіи ихъ натыкаешься на противорѣчія. Философъ самъ признаетъ это [7]). Во всякомъ случаѣ изъ числа этихъ противорѣчій интереснѣе

---

[1]) S a t i r i c o n, 84.
[2]) S e n t e n t i a e e x S t o b a e o, стр. 75.
[3]) См. по этому вопросу прекрасное произведеніе профессора Марта о М о р а л и с т а х ъ в ъ и м п е р а т о р с к і й п е р і о д ъ в ъ Р и м ѣ, Парижъ, 1886, стр. 9 и сл.
[4]) У. с. стр. 10.
[5]) Сенека самъ признается въ этомъ: „Haec satius est suadere et expugnare adfectus non circumscribere; si possumus, fortius loquamur: si minus apertius", E p i s t u l. 87, 41.
[6]) См. Марта, о. с., отр. 98—99.
[7]) „Non possis itaque de re in universum pronuntiare", E p i s t u l., 70, 11.

всего то, что Сенека, будучи проповѣдникомъ бѣдности, самъ жилъ какъ богатый римскій патрицій, пользовался всѣмъ комфортомъ и всѣми наслажденіями, доставляемыми богатствомъ и роскошью; но это противорѣчіе, — по поводу котораго Марта изобрѣлъ остроумную гипотезу [1]), — не имѣетъ отношенія къ нашей работѣ. Для насъ достаточно узнать, что Сенека относился къ бѣдности съ уваженіемъ, что онъ смотрѣлъ на нее, какъ на благо, дающее больше нравственной мощи, чѣмъ богатство. Положенія философа могутъ быть сведены къ слѣдующему: въ бѣдности нѣтъ ничего дурного. Это подтверждаютъ многочисленныя строки изъ его сочиненій: „Non in paupertate vitium est, sed in paupere; illa expedita est, hilaris, tuta“ [2]). „Paupertas nulli malum est nisi repugnanti“. [3]) „Si vis scire quam nihil in illa (paupertate) mali sit...“ [4]) „Multis ad philosophandum obstitere divitiae: paupertas expedita est, secura est“. [5]). Отсюда слѣдуетъ, что бѣдность не представляетъ ничего печальнаго, если сравнить ее съ богатствомъ: „Nullum ergo paupertas exsulis incommodum habet“, [6]) „Compara inter se pauperum et divitum voltus: saepius pauper et fidelius ridet, nulla sollicitatio in alto est. Etiamsi si incidit cura, velut nubes levis transit: horum qui felices vocantur, hilaritas ficta est aut gravis et subpurata tristitia“ [7]). Понятно, что Сенека горячо рекомендуетъ бѣдность; онъ дѣлаетъ это часто, повторяясь по самымъ различнымъ поводамъ, важнымъ тономъ властителя совѣсти, цѣль котораго непосредственно воздѣйствовать на душу. „Liberati primum metu mortis, deinde metu paupertatis“ [8]). Особенно важно составить себѣ ясное понятіе о значеніи слова „бѣдность“ въ пониманіи Сенеки. Оно ни въ коемъ случаѣ не означаетъ нищеты или нужды. Наоборотъ, философъ въ совершенно опредѣленныхъ выраженіяхъ, не допускающихъ сомнѣній, заявляетъ, что во всемъ, необходимомъ для жизни, не должно чувствоваться недостатка, и это вполнѣ согласуется съ положеніемъ школы Эпикура и съ болѣе позднимъ Портикомъ: „Secundum naturam vivere “ [9]). „Lex autem naturae, scis quos terminos vobis statuit? Non esurire, non sitire, non algere“ [10]). И въ другомъ мѣстѣ: „Panem et aquam natura desiderat“ [11]). „Primo habere quod necesse est, secundum quod satis est“ [12]). Въ 87-мъ письмѣ (§ 40) Сенека опредѣляетъ бѣдность, употребляя выраженіе Антипатра, какъ parvi possessio [13]).

Въ существенномъ тѣ же идеи мы находимъ и въ прекрасной маленькой книжкѣ Эпиктета, который часто, благодаря своему религіозному ригоризму, приближался къ христіанству и напоминалъ своимъ убѣдительнымъ и полнымъ умиленія тономъ „Подражаніе Іису-

---

[1]) У. с., стр. 33 и сл.
[2]) De Remediis fortuitorum, X, I.
[3]) Epistularum, 123, 6.
[4]) Id, 80, 16.
[5]) Id, 17, 3.
[6]) Consolatio ad Helviam, XI. 2.
[7]) Epist, 80, 6. См. также De Remediis fortuiorum, X, 3.
[8]) Epist., 80, 5. См. также письма 2, 17, 18, 20. Затѣмъ 27, 9; 108, 14 De Tranquillitate animi, гл. VIII. De Remediis fortuitorum, гл. X и XI.
[9]) См. Epist., 16, 17 и сл.
[10]) Epist., 4, 10.
[11]) Id., 25, 4,
[12]) Id., 2, 5.
[13]) Сенека, очевидно, путается въ терминологіи. Стремясь доказать, что бѣдность, въ томъ видѣ, какъ мы ее опредѣлили, на самомъ дѣлѣ богатство, онъ неоднократно смѣшиваетъ эти термины.

су Христу". Въ XXXVI главѣ своего „Руководства" [1]) Эпиктетъ заявляетъ, что богатство, которое далеко нельзя признать благомъ, вызываетъ невоздержанность и жадность, а это подвергаетъ нравственность не малой опасности.

Для заключенія нашего обзора, мы приведемъ слова одного изъ сторонниковъ школы, завершающей серію философскихъ системъ древности. Неоплатоникъ Апулей восхваляетъ бѣдность въ преувеличенныхъ выраженіяхъ: „Quippe haec (superbia, depravatio, impotentia, tyrannis, deliciae ventris et inguium) et alia flagitia divitiarum alumni sunt, maxima quoque scelera, si ex omni memoria hominum percenseas, nullum in illis pauperum reperies:... paupertas prisca apud secula omnium civitatum conditrix, omnium artium repetrix, omnium peccatorum inops, omnis gloria munifica cunctis laudibus apud omnes nationes perfuncta" [2]).

2. Церковные писатели.

Съ появленіемъ религіи, основатель которой желалъ носить названіе „Царя нищихъ", какъ славный титулъ, появилась и новая нравственная оцѣнка бѣдности. Отнынѣ стали различаться три вида бѣдности, очень различные по вліянію, оказываемому ими на нравственность. Стала считаться всегда гибельной нравственная нищета, то человѣческое оскудѣніе, о которомъ царь Давидъ говоритъ въ 30-мъ псаломѣ [3]), пророкъ Іеремія въ третьей главѣ Плача [4]), а апостолъ Іоаннъ въ третьей главѣ Апокалипсиса [5]). Наоборотъ, достойными считаются нищіе духомъ, которымъ Христосъ въ награду обѣщаетъ царство небесное [6]). Духъ нищеты заключается преимущественно въ христіанской бѣдности, въ бѣдности добровольной. Вотъ два вида разсматриваемаго нами явленія, созданные религіознымъ мышленіемъ и практикой религіи и имѣющіе съ соціологической точки зрѣнія лишь второстепенный интересъ. Насъ интересуетъ бѣдность невольная, являющаяся слѣдствіемъ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, рожденія въ бѣдной средѣ, или несчастной случайности. На этотъ обычный видъ нищеты, равно какъ на излишекъ богатства, Свящ. Писаніе смотритъ, какъ на источникъ порока. Соломонъ прямо говоритъ объ имущественныхъ преступленіяхъ: „Mendicitatem et divitias ne dederis mihi: tribue tantum victui meo necessaria, ne forte satiatus illiciar ad negandum et dicam: Quis est Dominus? aut egestate compulsus furer et periurem nomen Dei mei" [7]). Еще опредѣленнѣе, въ еще болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ царь-пророкъ говоритъ о вліяніи матеріальной нужды на ту же категорію преступленій въ главѣ VI Притчъ: „Non grandis est culpa cum quis furatus fuerit: furatur enim ut esurientem impleat animam" [8]). Въ книгѣ Іова также есть стихъ, въ которомъ, повидимому, признается вліяніе

---

[1]) Глава XXXVI относится къ третьей части „Руководства", возстановленной на основаніи данныхъ Стобэуса; ея нѣтъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ. Она напечатана въ томъ, которое у насъ въ рукахъ. Антверпенъ, 1550.

[2]) Apologia 1.

[3]) Infirmata est in paupertate virtus mea. Psalmorum, XXX, 11.

[4]) Ego vir videns paupertatem meam in virga indignationis eius. Threni, III, 1.

[5]) Quia dicis: Quod dives sum, et locupletatus, et nullius egeo, et nescis quia tu es miser, et miserabilis, et pauper, et caecus, et nudus. Apocalypsis, III, 17.

[6]) Mathaeus, V, 3; Lucas, VI, 20.

[7]) Proverbiorum, XXX. 8, 9.

[8]) Id., VI, 30.

бѣдности на кражи и грабежи: „Quasi onagri in deserto egrediuntur ad opus suum: vigilantes ad praedam, praeparant panem liberis“ [1]).

Въ обширной литературѣ отцовъ церкви, комментаторовъ библіи, людей, излагавшихъ христіанское ученіе, или даже бывшихъ свидѣтелями проповѣданія его, часто попадаются мѣста, гдѣ говорится о бѣдности, разсматриваемой съ различныхъ точекъ зрѣнія, о которыхъ мы уже говорили въ общихъ чертахъ. Иногда тамъ встрѣчаются строки, стоящія въ болѣе тѣсной связи съ нашей задачей. Однако, нѣтъ и рѣчи о методическомъ изслѣдованіи, нѣтъ также ни одной главы, посвященной цѣликомъ этому предмету, такъ какъ всѣ эти произведенія, особенно вначалѣ, отличались полнымъ отсутствіемъ системы даже въ частяхъ, посвященныхъ апологетикѣ и догмѣ.

Одинъ изъ отцовъ церкви, св. Климентій римскій передаетъ намъ оцѣнку нравственнаго значенія бѣдности, авторомъ которой былъ апостолъ Петръ: „Tum Pater: Quid enim multos impios videmus pauperes? Et Petrus: Non probanda est pauperis inopia, si quae non oportet appetat. Itaque nonnulli voluntate divites opum sunt, et tamquam facultatem cupidi puniuntur. Sed nec quod aliquis sit pauper statim iustus est. Potest quippe pauper esse pecunia, at eam cupere, aut id fcere quod praecipue non oportebat [2]).

Во второмъ періодѣ литературы отцовъ церкви, въ періодѣ апологетовъ и полемическихъ писателей, мы нашли лишь одинъ довольно туманный, намекъ на благотворное вліяніе бѣдности, принадлежащій Minucius Felix: „Non debet vitio verti Christianos paupertas, sed summo honori“ [3]).

Въ эпоху полнаго расцвѣта патристической литературы въ ней укрѣпились и получили развитіе идеи церковныхъ писателей относительно бѣдности, выраженныя еще въ Священномъ Писаніи и въ произведеніяхъ большинства знаменитыхъ отцовъ, греческихъ и латинскихъ. Приведемъ, прежде всего, слова Василія Великаго: „Non igitur qui eget omnino beatus est praedicandus, sed qui omnibus orbis thesauris mandatum Christi potius existimat. Hos et Dominus beatos dicit: Beati, inquit, pauperes spiritu, non qui pauperes sunt, hoc est inopes: sed qui paupertatem certa animi destinatione praelegerunt. Nihil enim eorum quae praeter voluntatem contingunt, astruendum est esse beatum“ [4]).

Святой Григорій изъ Назіана утверждаетъ, что бѣдность и богатство сами по себѣ не являются ни добромъ, ни зломъ, но становятся тѣмъ или другимъ въ зависимости отъ того, какъ ими пользуются: „Diximus saepenumero divitias et potentiam, paupertatem item et felicitatem, ut quae instrumentalia sint, suapte natura inter media collocari, quod videlicet nec bona, nec mala fuerint, eo eventu hoc aut illud nomen nanciscantur“ [5]).

---

[1]) Iов. XXIV, 5. Если согласиться съ объясненіями нѣкоторыхъ экзегетовъ и критиковъ библіи, которые понимаютъ стихъ (6—8, 10—11) въ томъ смыслѣ, что онъ относится не къ эксплуататорамъ, а къ эксплуатируемымъ, то въ немъ мы увидимъ попытку необыкновенно выпукло и художественно изобразить вліяніе бѣдности на преступленіе. Но это объясненіе совершенно не согласуется съ контекстомъ, и оно отвергнуто общимъ голосомъ комментаторовъ. Нѣкоторые изъ нихъ считаютъ, что даже 5-ый стихъ относится къ эксплуататорамъ.

[2]) Лат. пер. De Predicationibus Petri inter perigrinandum. Пятнадцатая гомелія, X. Въ собраніи Свят. Отцовъ qui temporibus apostilicis floruerunt Opera. Amsterdami, 1724, t. I, folio 730. Почти такое же мѣсто встрѣчается также въ De Gestis sancti Petri, ibid., t. I, folio 792.

[3]) Въ собраніи Magna bibliotheca veterum patrum, Parisiis, 1644, t. IX, folio 20.

[4]) Homilia in Psalmum, XXXIII. Opera. Parisiis, 1638, t. I, folio 189.

[5]) Eliae Commentarius in Gregorii Nazianzi orationem primam. Opera Gregorii, Lutetiae Parisiorum, 1611, folio 69.

Мы приводимъ характерный отрывокъ изъ сочиненій св. Григорія изъ Ниссы, очень точно изображающій противорѣчіе между двумя главными—оптимистическимъ и пессимистическимъ—взглядами религіознаго характера на бѣдность, существовавшими въ ту эпоху: „Si igitur divitiis opponitur paupertas, iuxta analogiam et convenientem rationem, duplicem plane paupertatem animadvertere licet: unam quidem rejiciendam, alteram vero quae beata indicetur. Quicumque igitur a temperantia sobrietate atque modestia, nudus et inops, aut pretiosarum justitiae opum, auf sapientiae, auf prudentiae aut alius cuiusquam praetiosarum atque reconditarum rerum egenus, pauper et mendicus invenitur: paupertatis nomine acrumnosus, ac miserabilis est ob inopiam rerum pretiosarum; at qui sponte sua earum rerum omnium quae per vitium et nequitiam intelliguntur, inops et egenus est: ac nihil ex diabolicis opibus in suis conclavibus reconditum habet, sed spiritum servet, et per hunc malorum sibi paupertatem colligit et quaerit, ille fuerit is, quia Verbo in ea, quae beata habetur, egestate versari ostenditur: cuius egestatis fructus est regnum coelorum“ [1]).

Произведенія величайшаго изъ греческихъ отцовъ исчерпываютъ этотъ вопросъ во всей его полнотѣ и очень подробно и ясно передаютъ взгляды эпохи на этотъ предметъ. Св. Іоаннъ Златоустъ постоянно и вполнѣ опредѣленно заявляетъ, что бѣдность—не зло [2]), что элементы, чуждые бѣдности и зависящіе, главнымъ образомъ, отъ нашей воли, дѣлаютъ ее зломъ [3]). Оцѣнка матеріальныхъ условій, которой занялся архіепископъ константинопольскій, стремится доказать даже, что бѣдность выше богатства, подвергающаго нравственность множеству соблазновъ [4]). Даже голодъ самъ по себѣ не можетъ быть признанъ зломъ [5]), но можетъ соблазнить на „atrox et peracere malum“ [6]). Св. Іоаннъ въ глоссѣ къ 30-му стиху шестой главы Притчъ, приведенной выше, прямо заявляетъ [7]), что бѣдность можетъ служить извиненіемъ для воровства, а, слѣдовательно, можетъ отчасти быть и его причиной.

Св. Исидоръ, изъ Пелузы, называетъ бѣдность: „intractabilis et increpationis impatiens bestia“ [8]). Св. Кириллъ Александрійскій менѣе рѣзокъ, но и онъ того мнѣнія, говоря: „Tristis et auribus carens paupertas“ [9]).

Одно мѣсто изъ Хроматія, епископа Аквилеи, напоминающее слова Василія Великаго, приведенныя выше, довольно точно резюмируетъ мнѣнія отцовъ церкви. Въ своемъ Трактатѣ о блаженствѣ онъ говоритъ слѣдующее по поводу блаженства, обѣщаннаго нищимъ духомъ въ евангеліи: „Non simpliciter neque confuse beatos pauperes dixit, sed addit pauperes spiritu. Nec enim omnis paupertas felix est.: quia sit saepe ex necessitate, sit nonnunquam per pessimos mores, sit etiam ex indignatione divina“ [10]).

---

[1]) De Beatitudinibus oratio I. Opera. Parisiis, 1615, t. I, folio 765—766.

[2]) Migne.—Series Graeca, т. LXIII, стр. 136; т. LXII, стр. 479, 699; т. LVII, 146—147; т. LVI, стр. 224, 105; т. LIV, стр. 416, 203.

[3]) Migne.—Series Graeca, т. LIII, стр. 158; т. LIV, стр. 356.

[4]) Id., м. пр., т. LV, стр. 676; т. LVI, стр. 134; т. LIII, стр. 69; т. LXIII, стр. 26.

[5]) Id., т. LXII, стр. 149—150.

[6]) Іоаннъ Златоустъ. Opera, Amstelodami, 1687, т. I, folio a. 573 D.

[7]) Migne: т. LXIV, стр. 675.

[8]) Epistolarum, lib. II, epist. 271. То же выраженіе: I, III, Epist. 358; I, IV, Epist. 89.

[9]) Commentar. in Ioannem, стр. 5.

[10]) Magna bibliotheca veterum patrum, t. II, folio 153.

Приведемъ еще одну изъ проповѣдей Ѳеодорита о томъ, какую пользу могутъ принести бѣдность и богатство. Въ этой проповѣди епископъ кипрскій энергично обрушивается на богатство, которое онъ называетъ: „virtutis insidiatrices et hostes, non auxiliores et socii“ [2]), и рѣшительно восхваляетъ бѣдность: „Paupertatem vero philosophiae coadiutricem esse et non aliam, praeter hanc, perfectam virtutem feliciter consequi posse, mox discemus“ [1]). „Virtutis autem cultores in paupertate vivunt, aerumnis misere iactantur, necessariorum quoque penuria laborant, squalent, sordent, in terram deprimuntur, aliorum petulentiae subiacent, convitiis lacerantur et infinitas molestias sustinent“ [2]).

Тѣ же мысли мы находимъ у отцовъ римской церкви. Св. Амвросій занимаетъ почти то же мѣсто въ христіанской литературѣ по нашему вопросу, какъ Сенека,— философъ бѣдности,—въ древне-римской литературѣ. Онъ болѣе другихъ восхвалялъ нищету и защищалъ неимущихъ. Но между этими панегиристами, языческимъ и христіанскимъ, существуетъ то различіе, что римскій мудрецъ жилъ въ самой утонченной роскоши, между тѣмъ какъ бывшій правитель Лигуріи, сдѣлавшись послѣ своего обращенія епископомъ миланскимъ, далъ бѣднымъ, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ, также утѣшительный примѣръ скромной и воздержанной жизни. Ни одинъ изъ другихъ отцовъ не поднималъ своего голоса съ такой мощью противъ богатыхъ и скупыхъ, расточителей и ростовщиковъ, какъ это сдѣлалъ въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ (Livre de Naboth et livre de Tobie) св. Амвросій въ дивныхъ строкахъ, полныхъ возмущенія и жалости. Но любовь къ бѣдности не ослѣпила его настолько, чтобы онъ не видѣлъ опасностей, которымъ, благодаря нищетѣ, подвергается добродѣтель и нравственность. Восхваляя бѣдность, онъ нигдѣ не понимаетъ подъ ней нищету, т.-е. недостатокъ въ необходимомъ. „Neque enim sancta omnis paupertas, aut divitiae criminosae: sed ut luxuria infamat divitias, ita paupertatem commendat sanctitas“. [1]). И въ другомъ мѣстѣ: „Attende ergo tibi pauper, attende dives, quia et in paupertate et in divitiis tentamenta sunt“ [1]).

Св. Іеронимъ выражается такъ же: „Ex quo ostenditur et divitiis et paupertate plerosque tentati, si aut illis male abutantur, aut penuriam nequaquam virtute sustineant“ [2]).

Мысли, встрѣчающіяся въ произведеніяхъ величайшаго изъ римскихъ отцовъ, св. Августина,—немногочисленныя и несистематизированныя,—совпадаютъ съ приведенными нами выше мѣстами изъ Іоанна Златоуста. Бѣдность—вовсе не зло, котораго слѣдуетъ избѣгать [3]). Св. Августинъ находитъ, что согласно съ правилами, бывшими въ ходу у израильтянъ [4]), бродяга, желающій только удовлетворить непосредственныя, первоначальныя матеріальныя потребности, не долженъ счи-

---

[2]) De Providentia sermo VI. Opera. Coloniae Agrippinae, 1673, t. II, folio, 599.

[1]) Ibid.

[2]) Ibid. folio 598.

[1]) Expositio-Evangelii secundum Lucam. кн. VIII. Сочиненія. Парижъ 1866, т I, 1473.

[1]) Hexaemeron, кн. VI, ibid., folio 134.

[2]) Commentariorum, кн. XIII, in Esaiam, гл. 48. Opera Francofurti ad Licinum et Lipsiae, 1684, t. V, folio 149.

[3]) De verbis apostolorum sermo, 28.

[4]) См. Deuteronomium XXIII, 24 и 25: Ingressus vineam proximi tui comede uvas quantum tibi placuerit: foras autem ne efferas tecum. Si intraveris in segetem amici tui, franges spicas, et manu conteres: falce autem non metes. См. также: Лука, VI, 1; Матѳей, XII, 1; Маркъ, II, 23.

таться воромъ [1]). Въ другомъ мѣстѣ св. Августинъ еще опредѣленнѣе говоритъ о матеріальной нуждѣ, какъ о причинѣ воровства, хотя, повидимому, не допускаетъ, чтобы это преступленіе находило въ ней достаточное объясненіе, а, слѣдовательно, и извиненіе: „Considerate hoc paululum in omnibus hominibus qui male faciunt, beati semper esse volunt. Furtum facit. Quaeris, quare? Propter famem, propter necessitatem. Ergo ne miser sit, malus est". [2]).

Краткое, но полное резюме мнѣній церковныхъ авторовъ, мы находимъ также у св. Проспера Аквитанскаго [3]): „Tam abundantia, quam indigentia, materia solet esse peccati, cum vel dives extollitur ad superbiam, vel pauper prosilit ad querelam".

Упомянемъ еще о краснорѣчивыхъ словахъ св. Сальвіана, въ которыхъ онъ указываетъ на послѣдствія страданій бѣдныхъ: „Proscriptiones dico orphanorum, viduarum afflictiones, pauperum cruces, qui ingemiscentes quotidie ad Deum ac finem malorum imprecantes et quod gravissimum est, intudum vi animae amaritudinis etiam adventum hostium postulantes, aliquando a Deo impetraverunt, ut eversionem a barbaris in commune toleraret, quam soli a Romanis ante toleraverunt" [4]).

Послѣ упадка патристической литературы научная дѣятельность церкви выразилась въ трудахъ средневѣковыхъ ученыхъ. Схоластика привела въ систему христіанскую теологію и философію и преобразовала ихъ въ науки. Правда, для философіи путь былъ проложенъ раньше, особенно трудами св. Августина, вліяніе котораго было господствующимъ во время всего перваго періода схоластики. Это періодъ почти диллетантизма въ философіи: основаніемъ всякой теоріи оставалась теологія. Нашъ вопросъ скрывался здѣсь въ мысляхъ, касающихся оцѣнки бѣдности. Мѣстъ, непосредственно его затрогивающихъ, очень немного. Сенаторы Боэцій и Кассіодоръ, Исидоръ севильскій и достопочтенный Бэдъ развиваютъ идеи отцовъ церкви, къ которымъ ихъ, впрочемъ, часто не безъ основанія и причисляютъ; черезъ ихъ посредство, послѣ цѣлыхъ вѣковъ борьбы, эти идеи передались среднимъ вѣкамъ, стали полными властительницами средедвѣковой мысли, и были восприняты также философіей, еще неподнявшейся до высоты чистой философіи, но неуклонно стремившейся къ ней.

Приведемъ наиболѣе замѣчательныя мѣста изъ этой литературы. Кассіодоръ въ своихъ Комментаріяхъ къ Псалмамъ, ссылаясь на мнѣніе св. Амвросія, утверждаетъ, что бѣдность способствуетъ развитію добродѣтели. Живя въ тотъ періодъ исторіи, когда нашествія варваровъ сильно поуменьшили безумную роскошь Рима, онъ далеко не такъ строгъ, какъ миланскій епископъ: „Tunc magis pauper ad studium virtutis accenditur; quia dum viderit peccatorem nimis exaltatum, facile novit esse casurum, et avidius ad humilia tendit, unde se exaltandum potius esse confidit" [5]).

Достопочтенный Бэдъ указываетъ на искушеніе, испытываемое отъ созерцанія роскоши страдающимъ бѣднякомъ у дверей жестокаго и безжалостнаго богача: „Rursus si longe esset dives ab oculis ulcerosi pauperis, minorem tolerasset tentationem pauper in animo. Sed dum ege-

---

[1]) De Opere Monachorum. Opera omnia. Parisiis, 1614, t. III, folio 301.

[2]) In Psalmum XXXII. Enarratio. Opera, t. VII, folio 89, I.

[3]) Epist. ad. Demetriad.

[4]) De gubernatione Dei, l. VII. Magna bibliotheca vet. pat., Parisiis. 1644. t. V, folio 117.

[5]) Expositio in Psalmum nonum. Opera. Rotomagi, 1679. t. II, folio 40.

num et ulceratum ante ianuam divitis et deliciis affluentis posuit, in una unademque re, et ex visione pauperis non miserenti diviti cumulum damnationis intulit; et rursus ex visione divitis, tentatum quotidie pauperum probavit" [1]).

Петръ Амьенскій признавалъ, что „coactiva necessitas tabescentem obnubilat voluntatem", но онъ не забываетъ добавить, что бѣдность не можетъ служить извиненіемъ для небрежнаго исполненія обязанностей. Въ примѣръ онъ приводитъ Руеь: „Num quid pauperculae illius Moabitidis, Ruth videlicet exilium, calamitates, famem, sitim, laborum intolerabilium patientam ignoratis" [2]).

У св. Бернарда мы находимъ подраздѣленіе бѣдности на нѣсколько разрядовъ: „Paupertas igitur alia naturalis, alia locuples, alia spiritualis". И онъ утверждаетъ, что та естественная бѣдность, которая стоитъ въ связи съ разсматриваемымъ нами вопросомъ, вовсе не есть добродѣтель: „Non paupertas, sed paupertatis amor (добровольная бѣдность, нищета духа) virtus reputatur" [3]).

Обратимся еще къ Ансельму, который,—благодаря своимъ глубоко раціоналистическимъ построеніямъ,—является болѣе виднымъ представителемъ расцвѣта схоластики до XIII вѣка,—чѣмъ Джонъ Скоттъ и Абеляръ. Въ произведеніяхъ епископа кентерберійскаго мы еще разъ находимъ подтвержденіе мыслей церковныхъ авторовъ. Въ одномъ изъ своихъ поученій онъ объясняетъ: „Beati pauperes spiritu, qui non necessitate, sed devota voluntate contemptis omnibus deo vivunt" [4]). Восхваляя въ своей прекрасной Одѣ о презрѣніи къ міру бѣдность и ставя ее въ примѣръ, онъ, конечно, имѣетъ въ виду не нищету, при которой нуждаются во всемъ необходимомъ:

Ergo solliciti causas exclude timoris
Esse velis pauper, illico tutus eris
Paupertate quidem nihil esse beatius unquam
Paupertate nihil tutius esse potent [5]).

Проникновеніе въ христіанскую Европу изъ мусульманской Испаніи произведеній Аристотеля, появленіе францисканскаго и доминиканскаго орденовъ—важныя и въ научномъ, и въ общественномъ отношеніи—основаніе энергичнаго и дѣятельнаго парижскаго университета, замѣчательныя произведенія св. Ѳомы Аквинскаго, Дунса Скотта, св. Бонавентуры,—все это вызвало громадный ростъ схоластики въ XIII столѣтіи. Человѣческій разумъ постепенно углублялся въ себя самого, философія продолжала путь, начатый въ предыдущую эпоху и намѣченный св. Ансельмомъ, она занимала рядомъ съ теологіей особое мѣсто и все болѣе и болѣе освобождалась отъ вліянія послѣдней. Отнынѣ философія сама стала для себя цѣлью, хотя и оставалась въ тѣсной связи съ теологіей. Быстрый ростъ метафизики отнюдь не препятствовалъ изслѣдованію вопросовъ морали. Но занимающій насъ вопросъ оставался по прежнему въ тѣхъ узкихъ границахъ, въ которыхъ онъ до этого времени разсматривался и за предѣлы которыхъ онъ могъ выйти лишь при помощи позитивизма и статистики, плодовъ нашего вѣка. Но и

---

[1]) In Luce Evandelium, l. V, ch. XVI. Opera Colon Agrippinae, 1688, t. V, folio 380. Почти то же мы находимъ въ Homiliae aestivales de tempore dominica prima post Trinitatis, t. VII, folio 44—45.

[2]) Epistol., lib. VII. Opera. Parisiis, 1664. t. I, folio 136.

[3]) Opera. Parisiis, 1719, t. I, folio.

[4]) Homilia, II, in Evangelium secundum Matthaeum. Opera Lutetiae Parisiorum, 1675, folio 159.

[5]) Carmen de contemptu mundi. Opera, folio 196.

ЦАБ "Автограф"

тутъ мы можемъ замѣтить, что немногіе философы, интересовавшіеся имъ, въ особенности св. Ѳома, не ограничивались уже комментированіемъ библейскихъ текстовъ. Поэтому и въ нашей, очень ограниченной области мы видимъ, какъ мысль постепенно освобождается отъ теологическаго рабства.

Изъ представителей францисканской школы укажемъ на св. Бонавентуру. Онъ заимствовалъ у Сенеки опредѣленіе бѣдности: „odibile bonum“ [1]). Она является слѣдствіемъ различныхъ факторовъ, и вліяніе ея на нравственность различно въ зависимости отъ обстоятельствъ: „Triplex paupertas, una ex complacentia, alia ex tolerantia, alia cum impatientia, prima bona et perfecta, secunda est imperfecta, tertia est vituperanda“. [2]). Непосредственная матеріальная нужда всегда создаетъ ненормальное положеніе; слѣдовательно, воровство, совершенное подъ вліяніемъ ея, всегда извинительно. „Furtum non est malum nisi propter rerum appropriationem. Extrema autem necessitas omnia facit communia“ [3]).

Основатель доминиканской школы касается нашего вопроса въ комментаріяхъ къ уже цитированному нами мѣсту изъ Политики, только что найденному тогда. Св. Альбертъ Великій, однако, только объясняетъ текстъ Аристотеля, не настаивая съ своей стороны на связи между преступленіемъ и экономическими факторами и не дополняя его новыми соображеніями.

Его знаменитый ученикъ, св. Ѳома Аквинатъ былъ основательнѣе знакомъ съ нашимъ вопросомъ. Правда, его постоянно уравновѣшенная мысль касалась нашего предмета лишь въ немногихъ мѣстахъ, но, несмотря на ихъ краткость, этотъ способный къ тонкому анализу изслѣдователь высказалъ болѣе глубокія мысли по нашему вопросу,—какъ и по многимъ другимъ,—чѣмъ его современники и предшественники схоластической школы.

Независимо отъ всякихъ теологическихъ идей Св. Ѳома считаетъ необходимымъ „ad bonam unius hominis vitam... corporalium bonorum sufficientiam quorum usus est necessarius ad actum virtutis“. [4]) Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ бѣдность источникомъ большого числа преступленій: „Est autem paupertas occasio mali, quia propter eam ad furta, adulationes, periuria et his similia aliqui inducuntur“. [5]). Ту же мысль онъ повторяетъ и даже подчеркиваетъ въ Summa theologica „Mendicitas autem est occasio furandi et mentiendi aut etiam perjurandi“ [6]).

Послѣ св. Ѳомы въ средѣ христіанскихъ философовъ возникли безконечныя распри и тяжелыя неурядицы. Вопросъ объ универсаліяхъ снова былъ поставленъ на очередь, и подвергся обсужденію въ небывало рѣзкой формѣ; за этимъ разногласіемъ послѣдовало множество другихъ. Вопросы морали отступили на задній планъ, а вмѣстѣ съ ними прекратились и занятія нашимъ предметомъ.

3. Современная мысль.

До сихъ поръ мы могли пользоваться въ качествѣ руководящей нити, при анализѣ идей философовъ и, въ особенности, моралистовъ,

---

[1]) Opera, Maguntiae, 1609, t. II, folio 125.
[2]) Expositio in Ecclesiasten. Сочиненія t. I, folio 321.
[3]) Sententiarum, l. III, 39, I, 2 od arg. in fine Сочиненія, t. V, folio 444—445.
[4]) De regimine principum, I, 15.
[5]) Contra gentiles, III, 131.
[6]) Summa teologiae, III, 40, 3.

ЦАБ "Автограф"

тѣмъ, что почти всѣ эти идеи связаны съ оцѣнкой вліянія экономическихъ факторовъ на нравственность.

Начало новой исторіи и переходный періодъ, подготовившій ее, ознаменовались ожесточенной борьбой, часто кровавой, какъ въ области религіозной, такъ и въ области чистой философіи. Въ эпоху Возрожденія необходимо было распутать хаосъ новыхъ и смѣлыхъ теорій, возникшихъ на безформенныхъ обломкахъ схоластики. И когда вслѣдъ за этой первой борьбой наступило относительное затишье, исторія вступила въ XVII столѣтіе, въ теченіе котораго Бэконъ и Декартъ положили основаніе современной философіи. Человѣчество искало первоначальныхъ принциповъ правды и жизни, которые должны были быть положены въ основаніе новаго зданія философіи. Общее освобожденіе философіи, начатое картезіанской школой, вдохнуло и въ философовъ духъ независимости, вслѣдствіе чего каждый изъ нихъ считалъ себя обязаннымъ подняться къ самымъ истокамъ знанія и построить свою собственную систему. На анализъ второстепенныхъ вопросовъ не оставалось времени. Совершенно естественно, что нравственная философія, особенно же спеціальные вопросы морали вродѣ тѣхъ, которые сейчасъ интересуютъ насъ, отступили на задній планъ и были забыты. Поэтому постоянно обсуждавшійся прежде вопросъ о бѣдности и ея вліяніи на поступки людей былъ совершенно снятъ съ очереди. Немногочисленныя замѣчанія, касающіяся нашего предмета и попадающіяся въ обширной литературѣ XVI-аго и XVII-аго столѣтій, обнаруживаютъ еще меньшую освѣдомленность и систематичность, чѣмъ то, что было высказано въ предшествующую эпоху. Здѣсь попадаются просто отдѣльныя строки, написанныя безъ малѣйшаго желанія со стороны автора опредѣлить сущность проблемы, какъ таковой, или разрѣшить ее.

Подобныя страницы, прежде всего, встрѣчаются у реформаторовъ.

Въ произведеніяхъ Лютера есть не мало мыслей, очень интересныхъ для криминолога. Онъ говоритъ своимъ выразительнымъ, хотя и нѣсколько грубымъ языкомъ о томъ, какъ богатство и нужда одинаково воспитываютъ хитрость и толкаютъ къ совершенію имущественныхъ преступленій; при этомъ Лютеръ высказываетъ тѣ же мысли, которыя были высказаны Соломономъ въ одномъ изъ вышеприведенныхъ стиховъ,— хотя онъ говоритъ это, комментируя другое мѣсто Библіи [1]). Въ другомъ мѣстѣ Лютеръ указываетъ на то, что дурныя экономическія условія вызываютъ кражи, съ которыми онъ предлагаетъ бороться энергичными мѣропріятіями, что составляетъ, по его мнѣнію, обязанность городской администраціи. Онъ доходитъ до того, что рекомендуетъ государственную монополію на предметы необходимости. Приведемъ въ подлинникѣ его слова, интересныя по своей силѣ: „Wie soll man dem (воровству) aber wehren? Dem Hertzen kan niemand wehren, denn allein Gott durch seine Gnade. Aber eusserlich were es gut und ja wol van noethen, dass eine rechte Ordnung gemacht wurd in einer Stadt, und solche Schinden und Schaben abgestellet. Also dass der arme Mann zukom-

---

[1]) „Wenn's einem wohl gehet, so fürchet er Got. nicht, man vergisset seiner und wirt einer hoffertig und vermessen. Es gibt keiner auf den andern, meynet man dürff sein nicht, es dürff niemands dienen, daher raubet und stehlet man in der Welt. Wiederumb wenn's Ubel geht, so kann Fleisch und Blut nichts weniger denn Boese Tage leiden. Der Mammon het zweene Arme, damit regieret er die Welt, mit dem rechten regieret er wenn's wohl gehet... Wenn's übel gehet, das boese Tage verhanden sind, so regieret er mit dem linken Arm, dann versucht der Mensch Gott den Herrn". Auslegung D. Martin Luthers über das sechte Cap., des 5 Buches Mosi, Luther, Alle Bücher und Schriften. Altenburg, 1661, t. IV, folio 753.

men koente. Wo die Kauffleut oder Handwerksleute sich nicht weisen wolten lassen, so wolte ich einen Rath geben, das ein Bürgermeister die Fleischer, Becker, Brawer, Schenken, etc., fur sich fordert und sie ermahnet, dass sie recht mit der Sache umbgiengen und ohne Falschheit ihre Waar verkaeufften und also machten dass es nicht zuletzt an ihren Kindern ausgienge. (Здѣсь онъ говоритъ о небесномъ воздаяніи). Wo nun solcher Rath und treue Ermahnung nicht helfen wolte... müsste man thun wie in etlichen Staedten sitt und Gewohnheit ist, dass man einen redlichen frommen Mann auffwürfe, dem ein Rath zwey oder drey hundert Gülden fürstreckte, auff dass er eine ganze Stadt mit Fleisch oder Brot versehe, und der Rath ihm vergoennete, dass er allein in der Stadt schlachtete, damit solche stoltze Gesellen gedemüthiget würden. Also musste man auch andern Handwercken mitfahren, die in gleicher Gestalt wolten stoltziren“ [1]).

Упомянемъ еще о томъ мѣстѣ изъ сочиненій этого реформатора, гдѣ онъ указываетъ на различіе между городскими и сельскими имущественными преступленіями [2]); на важность этого различія указываетъ и современная уголовная наука.

Гораздо менѣе рѣзко пишетъ объ экономическомъ генезисѣ преступленія Іоаннъ Кальвинъ: „Paupertas quidem per se multis tentationibus est obnoxia: nam qui egens est, circumquaque respectat quo se vertat. Tum diabolus eum ad dissidentiam impellit, ut Deo obmurmuret: Quem admodum multos cernere est qui indignabunde cum Deo expostulant ut sibi injurio nec sciunt quam in partem sese convertant, deinde vero sic concludunt. Quum labore meo vivere non possim nisi cum injuria in proximum, est quod aliam viam sequor, quam vetam et justam. Tum sibi sumunt licentiam praedandi, furandi et proximos injuria et detrimento afficiendi. Haec sunt, inquam, tentationes a paupertate illatae“ [3]).

Менѣе глубокія замѣчанія по поводу вліянія матеріальныхъ факторовъ на преступленіе можно найти у другихъ наиболѣе важныхъ протестанскихъ писателей.

Такъ, Кокцей указываетъ, въ примѣчаніяхъ къ вышеприведенному тексту изъ Притчъ, на опасность, создаваемую излишествами [4]). Въ другомъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что „non afficitur ignominia fur, quod furatur ad implendam animam suam“, ни воръ, который воруетъ, „quod propter egestatem furatus fuerit“ [5]).

Подобнаго же мнѣнія держался также Рудольфъ Бэнъ, который въ Примѣчаніяхъ къ Притчамъ, пишетъ: „Fur enim qui fuerit inops et egestate ac fame coactus tantum quantum famelico et vacuo ventri sufficiat, magna ignominia non solet affici ab hominibus: imo ignominia potius est divitum, qui sua tenacitate sinunt quempiam e civibus eo necessitas pervenire“ [6]).

Съ исторіей реформаціи связаны также имена Жюстъ-Липса, Эразма и Томаса Мора, изъ которыхъ два первые приняли особенно активное участіе въ огромномъ движеніи идей, характеризующихъ эту эпоху.

---

[1]) Auslegung der X Gebot aus dem XIX und XX, C. des 2 Buches Mosi. Alle Bücher und Schriften, t. IV, folio 624—625.

[2]) T. IV, folio 623—624.

[3]) Joannis Calvini: Concussio 2° in I Cap. Jobi, 5. Opera, Amstelodami, 1667, t. II, I, folio 5.

[4]) Annotationes in Proverbia Salomonis, XXX. § 14. Opera, t. II, folio 512—513.

[5]) Jbid., § 21.

[6]) Annotatio ad Librum proverbiorum, ad. VI, 30.

Жюсть-Липсъ, стоя на точкѣ зрѣнія Сенеки, выдающимся знатокомъ котораго онъ былъ (впрочемъ, онъ былъ вообще замѣчательнымъ знатокомъ древности), утверждаетъ, что на бѣдность не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на зло [1]), но что голодъ, предполагающій крайнюю нужду, является ужаснымъ несчастіемъ [2]).

Эразмъ, въ своихъ письмахъ, говоритъ, что бѣдность опасна для нравственности: „Fortassis plures corrumpit paupertas quam opulentia moderata“ [3]). И въ другомъ мѣстѣ: „Et rursum licet gravissimum sit onus paupertas... tamen pudore magis commovens quam inopia“ [4]).

Наиболѣе замѣчательнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе подробнымъ и затрагивающимъ самую сущность, мѣстомъ во всей литературѣ этой эпохи слѣдуетъ признать страницу изъ первой книги Утопіи. Несчастный канцлеръ Генриха VIII подвергаетъ строгой критикѣ нѣкоторыя прискорбныя и опасныя привычки высшихъ слоевъ общества своего отечества. Въ эпоху, когда появилась Утопія, существовало не только громадное число дворянчиковъ, ведшихъ жизнь паразитовъ, питавшихся потомъ и трудомъ другихъ, но, кромѣ того, эти люди держали еще для услугъ цѣлую армію лакеевъ, никогда не изучавшихъ никакого ремесла. Томасъ Моръ говоритъ намъ [5]), что это гибельно вліяло на нравственность и представляло опасность для государства. Съ того момента,—продолжаетъ онъ съ смѣшаннымъ съ ироніей негодованіемъ, характернымъ для его сдержаннаго тона,—какъ эти люди остаются на мостовой вслѣдствіе болѣзни, или по какой-нибудь другой причинѣ, они естественно и необходимо впадаютъ въ полную нищету. Имъ остается лишь одинъ ясно обозначенный и открытый путь—путь воровства и разбоя.

Томасъ Моръ указываетъ [6]) еще на другую причину экономическаго порядка, гораздо болѣе опасную, которая, вызывая нужду и нищету многихъ тысячъ людей, принуждаетъ ихъ къ преступной жизни. Авторъ съ горечью описываетъ, какъ овцы пожрали людей (выраженіе, ставшее общеизвѣстнымъ), какъ эксплуатація почвы для овцеводства уничтожила обработанныя поля, дома, деревни и города, какъ мелкіе собственники были изгнаны изъ своихъ имѣній хитростью, насиліемъ и экономической нуждой. Вся страна покрылась шайками несчастныхъ, которые, продавъ все свое имущество, бродили по полямъ, тщетно отыскивая работу, которую все труднѣе становилось найти по мѣрѣ того, какъ земледѣліе уступало мѣсто широко развившейся обработкѣ шерсти. Инстинктъ самосохраненія долженъ былъ толкнуть этихъ несчастныхъ, лишенныхъ занятій, имущества и источниковъ дохода, на единственный путь спасенія, на путь преступленія. Поэтому бродяжничество, нищенство и, ихъ естественное послѣдствіе,—воровство—распространялись съ ужасающей быстротой. Ко всему этому еще присоединилась дорговизна жизненныхъ продуктовъ [7]): цѣны на домашнихъ животныхъ, овецъ и даже на шерсть значительно возросли вслѣдствіе соглашенія, въ которое вступили крупные собственники. Такимъ образомъ, жестокость и жадность немногихъ важныхъ баръ обратила драгоцѣнную щедрость неба въ источ-

---

[1]) Opera, Antverpiae, 1637, t. II, folio 18, t. IV, folio 411.
[2]) T. IV, 229—230 (Commentarii in Senecam).
[3]) Epistola, 351. Opera Omnia, Lugduni Batavorum, 1703, t. III, folio 365.
[4]) Id. Epistola, 111.
[5]) Utopia. éd. Amterdam. 1700, стр. 15, и сл.
[6]) Id., стр. 18 и сл.
[7]) Id., стр. 20 и сл.

никъ несчастія для всей страны, потому что—продолжаетъ авторъ,—эта дороговизна была причиной того, что многимъ слугамъ и рабочимъ отказали отъ мѣста, и они были вынуждены искать средствъ къ жизни на единственномъ, предоставленномъ имъ пути, пути попрошайничества, разбоя и воровства. На этомъ основаніи Рафаэль — весь діалогъ ведется отъ его лица — заканчиваетъ свое печальное повѣствованіе слѣдующимъ совѣтомъ: „если вы желаете сдѣлать добро, прикажите тѣмъ, кто погубилъ деревню, возстановить ее или, по меньшей мѣрѣ, не ставить препятствій тѣмъ, кто осмѣливается пытаться ее возстановить. Положите предѣлъ неразумнымъ покупкамъ богатыхъ и монополизаціи торговли, которой они пользуются. Уменьшите число паразитовъ и безработныхъ, возстановите земледѣліе и организуйте овцеводство и шерстяную промышленность на разумныхъ основаніяхъ".

Томасъ Моръ былъ первымъ, кто понялъ полную безполезность наказанія за преступленіе и безполезность строгости наказаній, какъ средства борьбы съ преступностью. Онъ категорически доказываетъ, что при этой системѣ борются съ послѣдствіями тогда, какъ надо бороться съ причинами. Вмѣсто того, чтобы угрожать ворамъ висѣлицей и другими непомѣрными мученіями, было бы разумнѣе въ цѣляхъ общественной пользы принять мѣры для улучшенія экономическаго положенія въ странѣ и тѣмъ уничтожить источники преступности.

Въ теченіе XVI-аго столѣтія общее вниманіе совершенно запутавшейся мысли было направлено исключительно на важныя богословскія проблемы. Когда въ XVII столѣтіи волненіе по поводу религіозныхъ вопросовъ улеглось, философія снова стала руководить человѣческой мыслью и привлекать къ себѣ избранные умы. Грянула вторая философская революція. Подъ продводительствомъ Декарта и Бэкона, особенно Декарта, новое философское движеніе велось съ большей смѣлостью, благоразумiемъ и увѣренностью, чѣмъ прежде, чѣмъ движеніе эпохи Возрожденія, почему оно и не заглохло подобно послѣднему, а сумѣло отстоять право философіи на независимость. Послѣдняя тутъ вступила въ совершенно новую эру. Многія проблемы, до сихъ поръ приковывавшія къ себѣ вниманіе схоластистики, были позабыты. Между прочимъ, совершенно исчезаетъ и вопросъ о нравственной цѣнности бѣдности. Въ тѣхъ немногочисленыхъ замѣчаніяхъ по нашему вопросу, которыя еще иногда встрѣчаются, нельзя открыть руководящей идеи. До появленія Вольтера мы видимъ огромный пробѣлъ въ исторіи нашего вопроса. Пробѣлъ этотъ прерывается лишь отдѣльными, незначительными замѣчаніями, которыя мы сейчасъ и приведемъ вкратцѣ.

Напрасно было бы искать у Декарта и у его послѣдователей какихъ-либо замѣчаній по нашему вопросу. Бэконъ въ своемъ знаменитомъ трактатѣ о значеніи и развитіи наукъ дѣлаетъ нѣсколько неопредѣленныхъ намековъ: „Ita recte statuas, paupertatem esse virtutis fortunam, quam vis interdum a luxu et incuria accersatur" [1]). Лабрюеръ въ своихъ Характеристкахъ называетъ бѣдность „матерью преступленій", добавляя, что „отсутствіе разума ихъ отецъ" [2]). Вотъ и все, что мы находимъ по нашему вопросу въ произведеніяхъ философовъ.

Итакъ, философія окончательно отвернулась отъ нашего вопроса, но онъ нашелъ себѣ пристанище въ той наукѣ, которая начала при-

---

[1]) De dignitate et augmentis scientiarum. Francofurti ad Moenum, 1664, l. I.

[2]) Les Caractères, гл. XI. Парижъ, 1889, стр. 201.

влекать къ себѣ вниманіе ученыхъ и возникновеніе которой было неизбѣжно вслѣдствіе слишкомъ очевидныхъ и все возраставшихъ недостатковъ режима, быстро приближавшагося къ банкротству. Науку эту—политику—моралисты стали разрабатывать съ необычайнымъ прилежаніемъ. Гоббсъ, явившійся продолжателемъ Бэкона въ морали и политикѣ, защищаетъ уже тезисъ, впослѣдствіи отчасти усвоенный Ломброзо и касающійся вліянія экономическихъ потребностей на волненія массъ. „Страхъ впасть въ бѣдность,—говоритъ онъ,—предрасполагаетъ къ возстанію; бѣднякъ же изъ страха передъ тюрьмой за долги также склоненъ къ мятежу“ [1]).

Давидъ Юмъ согласенъ съ тѣмъ, что нужда способна толкнуть на путь преступленія, и что вслѣдствіе этого послѣднее можетъ быть извинено; но онъ подразумѣваетъ лишь крайнюю бѣдность. „Предположимъ, что какая-нибудь группа людей находится въ такомъ бѣдственномъ состояніи, что самая воздержанная жизнь и самая усиленная работа оказываются недостаточными, чтобы предотвратить гибель большинства и нищету остальныхъ. Я думаю, что всѣ согласятся съ тѣмъ, что строгіе законы правосудія останутся при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ безъ дѣйствія, что имъ придется уступить мѣсто болѣе настоятельнымъ требованіямъ необходимости и самосохраненія. Развѣ преступно завладѣть во время кораблекрушенія всѣмъ, что можетъ намъ помочь спастись, хотя бы этимъ и нарушались права прежняго владѣльца. Или можно ли себѣ вообразить въ городѣ, въ которомъ царитъ голодъ, чтобы человѣкъ, видя средства спасти свою жизнь, не воспользовался бы ими и погибъ изъ-за педантичнаго отношенія къ требованіямъ справедливости, естественнымъ въ другое время? [2]).

Печальныя послѣдствія уменьшенія населенія деревни въ пользу крупныхъ центровъ были объектомъ тщательнаго изученія многихъ современныхъ криминалистовъ. Принсъ видитъ въ нихъ главную причину роста преступности. Уже Адамъ Смитъ указывалъ на опасную сторону этого явленія. Въ „Богатствѣ народовъ“ онъ говоритъ слѣдующее: „Пока человѣкъ низкаго происхожденія живетъ въ деревнѣ, внѣ города, возможно слѣдить за его поведеніемъ, и ему приходится сдерживаться. Но какъ только онъ попадаетъ въ большой городъ, онъ совершенно исчезаетъ изъ глазъ; никто его не замѣчаетъ и не интересуется его поведеніемъ; поэтому существуетъ много шансовъ за то, что и онъ самъ перестанетъ за собой слѣдить и впадетъ во всевозможные пороки и въ самый позорный развратъ“ [3]).

Руссо влагаетъ персты въ тѣ же язвы въ своихъ Разсужденіяхъ о политической экономіи [4]). Напомнимъ еще другія слова его гдѣ онъ рекомендуетъ предупредительныя мѣры экономическаго порядка для борьбы съ контрабандой и разбоемъ; это мѣсто поразительно по своему сходству съ мыслью, высказанной Ферри въ его главѣ о мѣрахъ, замѣняющихъ наказаніе [5]). Слѣдуетъ избѣгать налоговъ, взиманіе которыхъ дорого и затруднительно, особенно же тѣхъ,

---

[1]) „Du Corps politique“, 2-ая часть, гл. VIII, § II Невшатель, 1787, стр. 153 и 154.

[2]) Recherches sur les principes de la morale, т. V Сочиненій, Лондонъ, 1788, стр. 46—47.

[3]) Wealth of Nations, Лондонъ 1786, кн. V, гл. I, отд. III, пунктъ 3, стр. 204 и 205.

[4]) Oeuvres, 1790, т. VII, стр. 296.

[5]) См. Уголовную соціологію, гл. II, V.

отъ уплаты которыхъ можно избавиться контрабандным путемъ и которые, такимъ образомъ, не уплачиваются, но за то наводняютъ страну обманщиками и разбойниками и подрываютъ честность гражданъ. Обложеніе должно быть построено такъ, чтобы затраты на обходъ уплаты были больше, чѣмъ выгода отъ этого обхода" [1]).

Въ Трактатѣ о гражданскомъ и уголовномъ законодательствѣ Бентамъ набросалъ довольно подробную систему предупредительныхъ мѣръ [2]), систему, въ которой проглядываетъ основная идея замѣны наказаній, такъ горячо защищаемая Ферри. Для насъ особенно интересно то, что въ эту систему включено нѣсколько мѣръ экономическаго характера, изъ чего видно, что Бентамъ также искалъ связи между бѣдностью и преступностью. „Человѣка, лишеннаго средствъ къ существованію,—говоритъ онъ,—толкаетъ къ преступленію самый сильный изъ мотивовъ, а, именно, необходимость удовлетворить свои первоначальныя потребности. Гдѣ этотъ стимулъ на лицо, тамъ борьба съ нимъ посредствомъ устрашенія наказаніемъ безполезна, такъ какъ ничто на свѣтѣ не можетъ казаться страшнѣе, чѣмъ страданія голодной смерти, особенно же наказаніе лишь предполагаемое въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ. Отъ послѣдствій нищеты можно избавиться лишь доставленіемъ всего необходимаго тѣмъ, кто нуждается" [3]). Далѣе авторъ рекомендуетъ въ качествѣ предупредительной мѣры снабдить работой тѣхъ несчастныхъ, которые не въ состояніи сами достать для себя необходимыя средства къ существованію [4]). „Самое вѣрное средство—это, не ожидая наступленія нужды, предупредить ее. Нельзя оказать трудящимся классамъ лучшей услуги, чѣмъ устройствомъ сберегательныхъ кассъ, гдѣ даже самые ничтожные вклады бѣдняковъ находили бы выгодное и обезпеченное помѣщеніе" [5]).

Около половины XVIII вѣка новое теченіе, подвергшее острой критикѣ существующія установленія, недостатки которыхъ становились все яснѣе и болѣе, коснулось также основъ уголовнаго права и процесса.

Въ началѣ новой исторіи, при прежнемъ строѣ, воровство и другія имущественныя преступленія карались еще строже, чѣмъ въ средніе вѣка. Крайняя жестокость налагавшихся наказаній (изувѣченіе, повѣшеніе, сожженіе, утопленіе и другія, болѣе или менѣе, жестокія истязанія) смягчалась все-таки, если кража была совершена подъ вліяніемъ необходимости, подъ давленіемъ экономической нужды. Уголовная практика, слѣдовательно, не отрицала категорически возможности вліянія матеріальныхъ факторовъ на совершеніе поступковъ, признаваемыхъ недозволенными. Догматическая исторія преступленія, оправдываемаго состояніемъ крайней необходимости, особенно интересна съ этой точки зрѣнія. Убѣжденіе юристовъ прежнихъ вѣковъ относительно связи между экономическими потребностями и преступностью повліяло на развитіе понятія преступленія, совершеннаго подъ давле-

---

[1]) Considérations sur le gouvernement de Pologne: Oeuvres, т. VIII, стр. 392.

[2]) Traité de législation civile et penale. Парижъ, 1830, т. II, стр. 213 и сл.

[3]) У. с., стр. 259.

[4]) У. с. стр. 260 и сл.

[5]) У. с. стр. 262.

ніемъ необходимости и вслѣдствіе этого извинительнаго [1]). Иногда старая наука обращала преимущественное вниманіе на преступленія, вызванныя матеріальными потребностями.

Римское право говорило иначе [2]). Одинъ текстъ изъ Дигестъ упоминаетъ о недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ, какъ о причинѣ заключенія обязательственнаго договора [3]); одно мѣсто изъ Павла говоритъ о продажѣ дѣтей „alimentorum gratia“ [4]), но нигдѣ не говорится объ оправданіи кражи на томъ основаніи, что поступокъ былъ вызванъ голодомъ [5]).

Тезисъ германскаго происхожденія, что „необходимость не знаетъ законовъ“ иногда примѣнялся къ состоянію экономической необходимости въ старыхъ германскихъ кодексахъ. Gulathingsgesetz (гл. I) и Lex Visigothorum (II, 14) оправдываютъ бѣдняка, совершившаго двѣ послѣдовательныя кражи, если онъ, не находя работы, крадетъ пищевые продукты съ цѣлью утолить свой голодъ и голодъ своихъ близкихъ [6]).

Въ каноническомъ правѣ необходимость играетъ видную роль. Принципы „necessitas non habet legem“ [7]) и „propter necessitatem illicitum efficitur licitum“ [8]) получили здѣсь примѣненіе къ большому числу совершавшихся духовенствомъ, иногда и совмѣстно со свѣтскими лицами, проступковъ.

Для насъ спеціальный интересъ имѣетъ одно мѣсто изъ Декреталій Григорія IX (5, 18, 3): „Committens furtum ex necessitate von multum urgente peccat, sed non graviter“; эти слова являются повтореніемъ древняго канона изъ пенитенціала Ѳеодора (VII вѣка), гласящаго: „Si quis propter necessitatem famis, aut nuditatis furatus fuerit cibaria, vestem, vel peceus, poeniteat hebdomadas tres, et si reddiderit, non cogatur jejunare“.

Corpus iuris hungarici прямо допускалъ такое правило: „Ob famem furatus non punitur“ [9]). Эти слова формулируютъ единодушное убѣжденіе юристовъ среднихъ вѣковъ и начала новой исторіи. Они забыли о здравыхъ принципахъ каноническаго права и стоятъ на точкѣ зрѣнія общности имущества въ моменты необходимости, при чемъ ихъ соображенія отличаются иногда поверхностностью и странностью. Но чѣмъ бы они ни стремились оправдать воровство, всѣ они признавали его ненаказуемость, если только оно было совершено подъ непосредственнымъ давленіемъ нужды, и если оно не было незначительно.

Глоссаторы, какъ криминалисты, всѣ согласны относительно этого пункта. Бартолъ настаиваетъ на ненаказуемости „de iure divino et humano“ [10]). Бальдъ, по примѣру своего учителя, говоритъ, что украв-

---

[1]) Полное и подробное изложеніе вопроса можно найти въ прекрасной диссертаціи Поля Моріо объ оправданіи преступленія состояніемъ необходимости. (Женева, 1889).

[2]) См. Моріо, стр. 55 и сл.

[3]) L. 2, 3. Dig. 14, 2.

[4]) Sententiarum 5, 1, 1.

[5]) См. Mommsen. Roemisches Strafrecht. Leipzig, 1899, стр. 741.

[6]) Правило, бывшее обычнымъ въ германскомъ, франкскомъ, а, впрочемъ, и моисеевомъ законѣ (см. стр. 32), позволявшее путешественнику добывать все необходимое въ пути для себя и своего коня посредствомъ завладѣнія чужимъ имуществомъ, имѣетъ основаніемъ своимъ долгъ гостепріимства и принципъ взаимной помощи. (См. Моріо, стр. 83).

[7]) Decretum Gratianum, 3, 1, 11.

[8]) Decretales Gregorii, 5, 41, 44.

[9]) Index. corp. iur. hung., стр. 64.

[10]) Comment. in Digest. Vetus. Glossa ad legem Rhod di iactu, 4.

шій хлѣбъ во время голода „non tenetur de furto“ [1]). Такого же или аналогичнаго мнѣнія были также Гандинъ [2]), Альціатусъ [3]), Виталинисъ [4]), Кагнолусъ [5]), Кларъ [6]), Дамгудеръ [7]), Гейль [8]), Менохій [9]), Бонифацій [10]), Фаринацій [11]) и другіе менѣе извѣстные авторы, упоминаемые ими.

Каролина не столь была великодушна. Статья 166 [12]) постановляетъ: „Если кто нибудь подъ дѣйствительнымъ вліяніемъ голода, грозящаго ему, его женѣ или дѣтямъ, украдетъ пищу, и если эта кража будетъ значительна и будетъ обнаружена, то судьи, какъ сказано выше, обсудятъ, какой приговоръ надо постановить“. Юриспруденція и наука этого и слѣдующихъ вѣковъ толковали это постановленіе болѣе или менѣе широко. Но нѣмецкіе юристы, особенно же саксонцы, опираясь на текстъ Каролины, рѣшительно отказывались признать полную безнаказанность виновника кражи, и требовали для него примѣненія экстроординарнаго наказанія. Таковы мнѣнія Берлиха [13]), Карпцова [14]), Стефана [15]), Анри де-Бержэ [16]), Крессіуса [17]) и др. „Впослѣдствіи, говоритъ Моріо [18]), мы увидимъ, что идеи стали шире, и вопросъ о необходимой кражѣ дѣлается вопросомъ о состояніи необходимости“. Благодаря Гроцію, Mattheus'y, Тиракво, Пуффендорфу, Томазію, Вольфу и Канту, вопросъ получилъ общую формулировку, куда уже больше не входитъ экономическій факторъ, какъ таковой. Эта постановка вопроса уже не касается нашего предмета.

Еще въ XVI вѣкѣ слышался голосъ, протестовавшій противъ безчеловѣчной жестокости законовъ, голосъ Томаса Мора. Въ послѣдніе же дни стараго режима Беккаріа пытался пробудить совѣсть людей и Вольтеръ возставалъ противъ ужасовъ уголовнаго процесса. Оба они коснулись и нашей темы.

Знаменитый трактатъ О преступленіяхъ и наказаніяхъ говоритъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ о воровствѣ: „Воровство обыкновенно бываетъ преступленіемъ нищеты и отчаянія, его постоянно совершаютъ несчастные, которымъ право собственности—ужасное право, быть можетъ, совершенно непужное, — не оставило ничего, кромѣ жизни“ [19]).

Въ Цѣнѣ справедливости и гуманности Вольтеръ характеризуетъ имущественныя преступленія слѣдующимъ образомъ: „мошенничество, кража, воровство обыкновенно бываютъ преступле-

---

[1]) Comment. in Dig. Vet., ad 2, 3 D. 14, 2.
[2]) Super maleficiis. Tit. de poenis reorum, n. 60.
[3]) Comment. in Dig., Francofurti, 1617, t. II, f° 722 и t. I, f°. 945.
[4]) Super maleficiis, Lugdini, 1551, f. 271.
[5]) De regulis iuris. L. quae propter necessitatem.
[6]) Sententiarum V, § furtum, 24.
[7]) Praxis rerum criminalium, c. 112, n. 37.
[8]) Practicarum observationum, l. I, obs. 142, n. 8.
[9]) De arbitriis iudicum quaestionibus et causis, l. II, cent. 2, cas. 182, n. 27.
[10]) Tractatus di furtis, § 10, n. 18.
[11]) Praxis et theoricae criminales, q. 97, cas. 1, n. 11.
[12]) (См. также art. 175).
[13]) Conclusionum practicabilium, pars. V, concl. 44, n. 41.
[14]) Responsorum iuris electoralium, l. VI, t. IX, resp. 94, n. 2; Practica rer. crim. pars. II, q. 83, n. 40.
[15]) Caroli V Const. public. judic., ad. act. 166.
[16]) Electa jurisprud. criminalis, c. I, V, 2, c. II, XIV.
[17]) Comment. in. C. C. C., ad. art. 166.
[18]) У. с. стр. 126.
[19]) § 21, изд. Парижъ, an. III, стр. 71.

ЦАБ "Автограф"

ніями бѣдняковъ“ [1]). И онъ добавляетъ съ горечью: „разъ законы написаны для богатыхъ, то не кажется ли вамъ, что всякое правительство, находящееся въ рукахъ богатыхъ, должно бы стремиться уничтожить нищенство, вмѣсто того, чтобы искать случая бороться съ нимъ посредствомъ палача?“ „Никто не обращаетъ вниманія на то,—говоритъ онъ дальше [2]), не совершена ли кража отцомъ семейства во время голода, для того, чтобы накормить умирающую семью...“ Въ Исторіи о добромъ браминѣ Вольтеръ съ неменьшей ироніей, хотя и не съ такимъ крайнимъ негодованіемъ характеризуетъ своего героя, какъ „человѣка очень умнаго, благонравнаго и очень ученаго: кромѣ того, онъ былъ богатъ, вслѣдствіе этого онъ былъ еще благонравнѣе, такъ какъ, не испытывая ни въ чемъ недостатка, ему незачѣмъ было обманывать“.

У Бентама мы видѣли слѣды системы замѣны наказанія. У Вольтера мы встрѣчаемъ слѣды другой современной намъ идеи, идеи симбіоза преступленія. Онъ неоднократно настаивалъ на утилизаціи наказанія, какъ такового. Одно мѣсто изъ Цѣны справедливости и гуманности [3]) напомнитъ намъ взгляды Ломброзо и Ферри: „Фальшивомонетчикъ—искусный работникъ. Его способности можно было бы использовать, заставивъ его постоянно работать въ тюрьмѣ надъ выдѣлкой государственной монеты, вмѣсто того, чтобы казнить его въ бассейнѣ съ кипяткомъ. Поддѣлыватель документовъ въ вѣчномъ заключеніи могъ бы быть прекраснымъ переписчикомъ полезныхъ произведеній, постановленій судей, наконецъ, собственнаго приговора.“ Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „На преступниковъ можно было бы возложить обязанность производить въ городахъ опасныя или отвратительныя работы, если онѣ не требуютъ ни ловкости, ни особого старанія“.

Великая Энциклопедія даетъ слѣдующую оцѣнку вліянія нищеты на нравственность: „Рѣдко можно встрѣтить настолько сильный духъ, чтобы нищета не могла сломить или опошлить его. Низшіе слои народа отличаются поразительной глупостью. Я не знаю, что скрываетъ отъ ихъ глазъ ужасъ испытываемой ими нужды и еще большій ужасъ той нужды, которая имъ грозитъ въ старости. Нищета—мать большихъ преступленій; правители создаютъ отверженныхъ, и они отвѣтственны и въ этомъ и въ томъ мірѣ за преступленія, совершаемыя бѣднотой.“ [4]) Статья не подписана.

Физіократы въ увеличеніи производительности почвы искали спасенія для общества какъ въ матеріальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніи. Въ Другѣ людей Мирабо и Кесней мы читаемъ: „Весь физическій и нравственный прогрессъ общества зависитъ отъ одного фактора: отъ увеличенія производства сырыхъ продуктовъ; всякое преступленіе противъ общества приводитъ къ уменьшенію производства сырыхъ продуктовъ. На обѣихъ чашкахъ этихъ вѣсовъ вы можете помѣстить законы, нравы, обычаи, пороки и добродѣтели“.

Мы закончимъ этотъ историческій обзоръ, приведя мнѣніе двухъ лицъ, игравшихъ политическую роль. Какъ и ученые, они считали нищету опасной. Въ своемъ докладѣ Учредительному Собранію отъ 26-го декабря 1790-го года Дюпоръ объявилъ „нужду самымъ обычнымъ источникомъ преступленія“.

---

[1]) Art. 2. О кражѣ. т. XXIX Сочиненій. 1785, стр. 270.
[2]) У. с., стр. 272.
[3]) У. с. стр. 285. См. еще стр. 250, а также „Эдикты Е. В. Людовика XVI“ Сочиненія, т. XXX, стр. 543.
[4]) Невшательское изданіе, 1765, т. X, стр. 575.

Наполеонъ также былъ того мнѣнія, что нищета народа способствуетъ развитію преступности. На островѣ св. Елены подъ его диктовку было написано слѣдующее: „Просвѣщеніе будетъ вредно для массы лишь тогда, когда правительство, враждебное интересамъ народа, поставитъ его въ подневольное положеніе или заставитъ низшіе слои погибать отъ нищеты; такъ какъ въ этомъ случаѣ у народа не хватитъ душевной силы, могущей ему помѣшать сдѣлатся преступнымъ“ [1]).

Мы уже замѣтили, что до XIX-го столѣтія криминологическая литература находилась въ доисторической, безсознательной стадіи развитія. Нашей проблемой занимались мимоходомъ, не отдавая себѣ отчета въ ея трудностяхъ. Кромѣ того, основаніе, на которомъ покоились эти мимолетныя замѣчанія, было очень узко. Психологическій анализъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаевъ былъ единственнымъ и довольно шаткимъ матеріаломъ. Ошибочное мнѣніе Шопенгауэра относительно древней философіи вообще и относительно Аристотеля въ частности, по поводу свободы воли, гораздо справедливѣе было бы примѣнить къ криминологической литературѣ до XIX-го вѣка:

„У нихъ ничего нельзя найти по этому вопросу, такъ какъ ихъ философія находится еще, такъ сказать, въ состояніи невинности и не составила себѣ еще идеи адэкватной нашей проблемѣ“. [2]) Несмотря на это, мы полагаемъ что этотъ обзоръ,—въ которомъ мы попытались прослѣдить совмѣстно съ развитіемъ великихъ идей развитіе нашей проблемы въ разсужденіяхъ философовъ и другихъ лицъ,—находитъ себѣ и оправданіе и право на существованіе. Если онъ и не даетъ ничего важнаго съ точки зрѣнія чистой криминологіи, мы все же, несмотря на его крупные недостатки, льстимъ себя надеждой, что онъ не лишенъ интереса съ точки зрѣнія исторіи хода развитія одной изъ отраслей человѣческаго знанія. Кромѣ того, мы полагаемъ, что онъ бросаетъ нѣкоторый свѣтъ,—какъ бы слабъ онъ ни былъ,—на мало извѣстный эмбріологическій періодъ криминологической науки прежнихъ вѣковъ.

ГЛАВА I.

Итальянская школа.

Эта школа называется (въ Италіи) по просту „новой школой“ („Nuova Scuola del diritto penale“); ея ученіе часто обозначается терминомъ „теорія о прирожденномъ преступникѣ“; основатель оя—Ломброзо. Путь для новыхъ идей, защищаемыхъ ею, былъ подготовленъ во Франціи изслѣдованіями Галля [3]), Пинеля [4]), Эскироля [5]), Жоржэ [6]),

---

[1]) Memorial de sainte—Hèléne, I, стр. 467.

[2]) Schopenhauer: Essai sur le libre arbitre (пер. на фр. яз. Reinach), Парижъ 1886, стр. 129.

[3]) Gall,—sur les fonctions du cerveau et sur celle de chacune de ses parties. L'origine des qualités morales et des facultés intellectuelles.

[4]) Pinel положилъ первыя основанія психіатріи, которую Pinel и Esquirol подняли до высоты точной и опредѣленной науки.

[5]) Esquirol, Des maladies mentales considerées sous le rapport mèdical, hygiènique et medico lègal, Парижъ 1838.

[6]) Georget, Examen médical des procès criminels des nommès Lèger, Feldtmann, Lecouffe, Jean-Piérre et Papavoine, Парижъ 1825. Discussion mèdico-lègale sur la folie, Парижъ 1826.

Мореля [1]), Далли [2]), Брока [3]), Орфила и Тардье. Французскіе авторы охотно указываютъ на этотъ фактъ, желая доказать, что колыбелью уголовной антропологіи была Франція, и что отцомъ ея былъ Галль [4]).

Какъ бы то ни было, но своимъ развитіемъ новая наука обязана Ломброзо.

Зачатки теоріи, считающей преступность прирожденнымъ свойствомъ, легко усмотрѣть въ доктринѣ о прирожденности добра и зла, которую проповѣдовали многіе греческіе и даже еще болѣе древніе мыслители и слѣды которой мы находимъ во всѣ періоды исторіи философіи. Изслѣдованіе этой интересной научной эволюціи, очевидно, не можетъ быть включено въ нашу работу.

Школа, называемая итальянской, насчитываетъ среди своихъ сторонниковъ многочисленныхъ изслѣдователей, врачей и юристовъ, которые, въ отвѣтъ на призывъ Ломброзо, явились продолжателями его трудовъ, попутно дополняя и исправляя ихъ. Рядомъ съ Ломброзо, стоящимъ въ главѣ движенія, мы видимъ двухъ ученыхъ, которые сейчасъ же послѣ появленія L'Uomo delinquente приступили къ разработкѣ доктрины своего учителя. Они оба занялись истолкованіемъ новой теоріи—каждый со своей спеціальной точки зрѣнія: одинъ—какъ соціологъ,—другой,—какъ членъ магистратуры, какъ юристъ—практикъ. Я говорю о Ферри и о Гарофало.

Несмотря на многочисленныя разногласія по нѣкоторымъ вопросамъ, ихъ тѣсно связываетъ непоколебимая вѣра въ тѣлесную аномалію (явную или скрытую), которую они считаютъ первой причиной преступленія.

Человѣкъ находящійся въ условіяхъ совершенно нормальныхъ неспособенъ совершить преступленіе; аномалія—это условіе sine qua non преступности; и безъ нея всѣ остальные факторы, какова бы ни была ихъ природа, остаются безъ результата.

Итальянская школа признаетъ вліяніе нѣкоторыхъ другихъ факторовъ, какъ дальнѣйшихъ непосредственныхъ причинъ преступленія, и между ними также факторовъ экономическихъ, но всѣ эти факторы могутъ оказать свое дѣйствіе лишь при существованіи органическаго предрасположенія.

Ломброзо сгруппировалъ вокругъ себя плеяду ученыхъ, работающихъ дружно вмѣстѣ съ нимъ и направляющихъ свои изслѣдованія по тому же пути; таковы сотрудники его Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale. Ферри, съ своей стороны, редактируетъ la Scuola Positiva, и наконецъ, Anomalo Цуккарелли, Archivio di Freniatria Реджіо и Rivista sperimentale di Freniatria Феррари проповѣдуютъ идеи школы въ области медицины.

Мы имѣемъ въ виду: Morselli, Sergi, Puglia, Ottolenghi, Frigerio, Laschi, Marro, Zuccarelli, Rossi, Fiorétti, Sighelé, Tarnassi, Virgilio, Fornasari di Verce, Antonini, Ferrari. Среди этихъ лицъ у каждаго есть своя личная теорія относительно того или другого пункта, касающагося природы пре-

---

[1]) Morel, Traitée des degenérescences physiques, intellectuelles et morales, Парижъ 1857.

[2]) Dally первый отождествлялъ преступника и сумасшедшаго.

[3]) Основатель школы антропологіи.

[4]) См. Magitot, Письма изъ Рима, написанныя по случаю 1-го международнаго конгресса уголовной антропологіи, въ National 22 ноября 1885. Lacassagne, Actes du 1-er Congrès international d'anthropologie criminelle, стр. 51 и 52.

ступленія; но всѣ они отправляются отъ одной основной точки, и ученія ихъ образуютъ одну школу, единую саму по себѣ и по своей исторіи. Поэтому Буржэ совершенно справедливо отзывается объ ихъ работахъ слѣдующимъ образомъ: Они связаны другъ съ другомъ почти какъ отдѣльные позвонки въ спинномъ хребтѣ змѣи... у каждаго изъ нихъ своя отдѣльная жизнь и они конвульсивно движутся къ одной и той же цѣли [1]).

Мы ставимъ себѣ задачей изложить тѣ изъ этихъ ученій, которыя отводятъ какое нибудь мѣсто вліянію экономическихъ факторовъ или же совершенно не признаютъ за ними никакого вліянія.

Цезарь Ломброзо.

Въ предисловіи къ третьему тому Uomo delinquente, озаглавленному: Преступленіе, его причины и средства борьбы съ нимъ (Парижъ 1899), Ломброзо заявляетъ, что пишетъ этотъ томъ въ отвѣтъ на обвиненія, которыя къ нему предъявляются за то, что онъ и его школа оставили въ сторонѣ изученіе экономическихъ и соціальныхъ причинъ преступности [2]).

И въ самомъ дѣлѣ это обвиненіе было основательно. Несмотря на нежеланіе Ломброзо признаться въ этомъ, его теорія все же подверглась измѣненію.

Существуетъ неоспоримое различіе во взглядахъ Ломброзо первой части его знаменитаго сочиненія, Ломброзо, прославленнаго его сторонниками на Римскомъ конгрессѣ на весь міръ, и Ломброзо третьей части Uomo delinquente, болѣе одинокаго.

Въ то время, когда онъ стоялъ въ зенитѣ своей славы, когда его доктрина обѣщала или угрожала стать декалогомъ уголовной антропологіи, когда его преступный типъ былъ признанъ почти единогласно криминалистами, присутствовавшими на конгрессѣ въ Римѣ 1885 г. [3]), Ломброзо не интересовался соціальными и экономическими факторами преступности и его доктрина была чистой доктриной о прирожденномъ преступникѣ.

Но въ дальнѣйшемъ развитіи и разъясненіи своихъ положеній онъ не остался непоколебимымъ и подъ давленіемъ критики измѣнилъ отчасти свое направленіе. Первоначально онъ называлъ преступника продуктомъ атавизма; впослѣдствіи онъ призналъ его невропатомъ; наконецъ, указавъ на тождественность эпилептика и нравственно-помѣшаннаго, онъ призналъ тождество этого послѣдняго со своимъ прирожденнымъ преступникомъ. Онъ постоянно подчеркивалъ, что эти различныя объясненія не противорѣчатъ другъ другу [4]); поэтому ему не пришлось отказаться отъ однихъ для защиты другихъ, въ чемъ его несправедливо обвинили нѣкоторые критики, черпавшіе свои сужденія

---

[1]) Bournet. L'anthropologie criminelle en Italie, Lyon, 1884 стр. 8.

[2]) У. с. стр. III.

[3]) Одинъ Лакассань возражалъ ему, но онъ остался одинокимъ. См. Actes du I-er Congrès стр. 165 и сл. См. также слишкомъ послѣшный отвѣтъ, данный ему Фіоретти, alter ego Ферри: „Преступный типъ—фактъ, окончательно признанный наукой. Споръ объ этомъ предметѣ кажется мнѣ недопустимымъ". Actes du I-er Congres ets., стр. 169.

[4]) У. с. стр. 448 и особенно 449, а также 573. Actes du IV-e Congrès etc. стр. 207. Actes du II-e Congrès etc., стр. 196.

иногда и изъ вторыхъ рукъ [1]). Итакъ, согласно взгляду Ломброзо прирожденный преступникъ существо атавистическое, эпилептикъ и нравственно помѣшанный [2]).

Что же касается внѣшнихъ причинъ преступности, то о нихъ онъ говорилъ немного. Когда на II-омъ конгресѣ въ Парижѣ его типъ прирожденнаго преступника былъ уничтоженъ французской школой, прекрасно подготовившейся къ сраженію, и когда ему самому пришлось примѣнить къ себѣ старую, но вѣчно новую ссылку на Капитолій и Тарпейскую скалу [3]), тогда только Ломброзо, видя, что въ этіологіи преступленія соціальные факторы начинаютъ вытѣснять прирожденныя свойства, счелъ нужнымъ обратить непосредственное вниманіе и на эту сторону проблемы [4]).

Въ первомъ изданіи L'Uomo delinquente онъ указываетъ въ общихъ чертахъ на вліяніе средствъ къ существованію и нищеты на преступность [5]).

Но что особенное вниманіе Ломброзо удѣлялъ біологическимъ изслѣдованіямъ преступника это видно изъ того, что эти указанія не были повторены въ позднѣйшихъ изданіяхъ, именно, въ тѣхъ, которыя особенно широко распространены (въ самомъ дѣлѣ, оригиналомъ для переводовъ послужило 4-ое изданіе).

Въ Delitto Politico и въ Donna delinquente удѣлено нѣкоторое вниманіе вліянію соціальныхъ факторовъ, а въ Gli Anarchici авторъ уже опредѣленно заявляетъ, „что огромное значеніе органическихъ факторовъ вообще и органическихъ особенностей даннаго индивида въ частности не должно позволять намъ забыть о нѣкоторыхъ общихъ и внѣшнихъ факторахъ“ [6]).

Когда на Брюссельскомъ конгрессѣ отсутствовавшему Ломброзо со всѣхъ сторонъ дѣлали упреки, что онъ не удѣлилъ достаточнаго вниманія соціальнымъ факторамъ преступности [7]), Дмитрій Дриль счелъ себя въ правѣ выступить его защитникомъ, указавъ на выше-

---

[1]) См. по поводу послѣдовательной смѣны идей у Ломброзо: Tarde, Revue philosophique, 1889, II, стр. 450; Lacassagne, Archives d'anthropologie criminelle, IX, стр. 405—406; съ осторожностью изложеніе его идей м. пр. у D'Aletrino, Twee opstellen over criminecle anthropologie, Гарлемъ, 1898, стр. 18; H. Gruber въ своемъ замѣчательномъ произведеніи Der Positivismus vom Tode Auguste Compt's bis auf unsere Tage, Фрейбургъ, въ/Б. 1891, стр. 176. Правда, въ извѣстный моментъ Ломброзо, повидимому, думалъ, сохранить названіе прирожденнаго преступника лишь для 35 или 40 на 100 преступниковъ, и отказаться отъ него для криминалоидовъ, что заставило Dallemagne сказать: „Самъ Ломброзо, повидимому, проникся сдѣланными по поводу его сужденій замѣчаніями, и его произведенія, освободившись отъ односторонности, открываютъ болѣе широкій горизонтъ“. Actes du IV-e Congrès etc стр. 201. Такъ и было на самомъ дѣлѣ, но у Ломброзо осталась непоколебимой вѣра въ прирожденнаго преступника и въ преступный типъ. Поэтому и Dallemagne спѣшитъ добавить: „и вотъ Ломброзо теперь опять стремится воскресить свою теорію, въ менѣе всего пріемлемомъ видѣ (Jbidem).

[2]) См. замѣчаніе автора, L'homme criminel, 4-ое изд., Парижъ, 1887, стр. 651 и сл.

[3]) Actes du II-e Congrès, etc., стр. 194. См. также Helen Zimmern, Cesare Lombroso, въ Westermanns illustrirte deutsche Monatshefte февраль 1896, стр. 551.

[4]) Онъ не забывалъ про вліяніе естественныхъ факторовъ, о которыхъ онъ говорилъ еще въ Pensiere e meteere, Миланъ, 1875.

[5]) Uomo delinquente, 1878, стр. 260—262 и стр. 363—365. Въ предисловіи къ сочиненію Fornasari, La criminalita e le vicende economiche d'Italia (Torino, 1894). Ломброзо повторяетъ аналогичныя мнѣнія, стр. XIV и сл. Мы ихъ обходимъ молчаніемъ, такъ какъ встрѣтимся еще съ ними въ Le Crime. См. затѣмъ Ломброзо, Archivio di psichiatria, ecc., XVII, fasc. 5—6.

[6]) Переводъ Kurella, Die Anarchisten, Гамбургъ, 1895, стр. 105.

[7]) Actes du III-me Congrès стр. 334—335.

приведенныя слова Ломброзо [1]). Самъ Ломброзо призналь въ Парижѣ свою ошибку [2]), причемъ пытался привести нѣсколько наивное оправданіе; онъ утверждалъ и впослѣдствіи упорно на этомъ настаивалъ [3]), что „che una scienza che aspirava a portare dei postulati nuovi, non potera estendersi troppo sopra fatti omai notissimi, e di cui gia s'era abusato, com'eran quelli delle influenze economiche" [4]).

Болѣе опредѣленно онъ высказался въ третьей части своей работы, озаглавленной: Преступленіе, его причины и средства борьбы съ нимъ, 1899. Поэтому эта работа пріобрѣтаетъ для насъ исключительную важность. Книга раздѣлена на три части; первая занимается этіологіей преступленія, и, слѣдовательно, наиболѣе для насъ интересна.

Авторъ начинаетъ съ заявленія, что всякое преступленіе возникаетъ вслѣдствіе разнообразныхъ причинъ, и что, хотя очень часто эти причины переплетаются и маскируютъ другъ друга, все же слѣдуетъ каждой изъ нихъ удѣлить особое вниманіе, какъ это дѣлается при изученіи всякаго явленія, касающагося человѣка, [5]).

Мы знаемъ, что такое, по мнѣнію Ломброзо, множественность причинъ: причины эти дѣйствуютъ лишь послѣ и при посредствѣ біологическаго фактора—первоначальной причины преступленія.

Затѣмъ авторъ приступаетъ къ разсмотрѣнію этихъ факторовъ; таковыми являются метеорологическія и климатическія, орографическія и геологическія вліянія; раса; цивилизація и варварство; агломерація; рождаемость; пищевые продукты и колебаніе цѣнъ; алкоголизмъ; образованіе; богатство и бѣдность; религія; воспитаніе; наслѣдственность; возрастъ; полъ; гражданское состояніе; профессія; отсутствіе занятій; тюрьма; газеты; духъ подражанія и др. Все это нѣсколько хаотично и легко приводитъ къ неправильной оцѣнкѣ относительной важности отдѣльнаго фактора, такъ какъ нѣтъ возможности опредѣлить степень вліянія каждаго изъ нихъ порознь. Эта новая работа Ломброзо, какъ и предыдущія его работы, содержитъ въ себѣ массу матеріала, но, къ сожалѣнію, слишкомъ разрозненнаго и недостаточно провѣреннаго; авторъ склоненъ дѣлать поспѣшные выводы, не изслѣдуя, достаточно полно источниковъ, отчего очень страдаетъ и часто сводится прямо къ нулю цѣнность его работы. [6]).

---

[1]) Ibid., стр. 344.

[2]) Actes du II-me Congrès etc., стр. 317—318.

[3]) Prefazione al Fornasari, La criminalita e le vicende economiche d'Italia, Torino, 1894, стр. V.

[4]) Такимъ образомъ, Ферри, который постоянно защищаетъ и поддерживаетъ своего учителя и союзника, проявляетъ тутъ излишнее усердіе—весьма, впрочемъ, похвальное—когда говоритъ, что „лишь по мнѣнію поверхностныхъ и разсѣянныхъ читателей, а также и лицъ не вполнѣ компетентныхъ, Ломброзо стремился найти источникъ преступленія исключительно въ анатомическихъ и физіологическихъ аномаліяхъ". Criminelle Anthropologie und Sozialismus, Neue Zeit, XIV, стр. 455. Это значитъ косвеннымъ образомъ обвинять всѣхъ криминалистовъ въ разсѣянности и недостаточной освѣдомленности.

[5]) V. c., стр. 1.

[6]) Все это еще разъ указываетъ на запутанность работъ Ломброзо. Гардъ говоритъ о ней слѣдующее: „Это отсутствіе метода, этотъ недостатокъ критицизма, это безпорядочное накопленіе разнородныхъ фактовъ, эта склонность брать въ доказательство какого-нибудь правила цѣлую массу исключеній, наконецъ, эта нервная стремительность въ сужденіяхъ и слѣпая вѣра въ предвзятыя идеи замѣтны во всѣхъ его произведеніяхъ". См. у Laurent, L'anthropologie criminelle et les nouvelles théories du crime, стр. 10. См. также объ отсутствіи системы у Ломброзо: Civilta Cattolica, 9 авг. 1892, стр. 405 и сл.; Topinard. Revue d'anthropologie, 1887; стр. 666 и 667; Pauline Tarnowsky, Etude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses, Парижъ, 1889, стр. 106.

ЦАБ "Автограф"

Въ этомъ сочиненіи Ломброзо впадаетъ въ свою обычную ошибку: онъ стремится охватить за-разъ слишкомъ много разнороднаго матеріала, вдобавокъ еще и недостаточно разработаннаго. Въ L'Uomo delinquente установлена извѣстная ненормальность преступника. Ломброзо видитъ ее во всемъ и повсюду: во всякомъ анатомическомъ и физіологическомъ явленіи онъ видитъ признаки преступности. Когда же онъ принимается описывать внѣшніе факторы, онъ находитъ причинную зависимость повсюду и стремится разсмотрѣть всякое явленіе. Мы далеки отъ мысли отказать тому или другому изъ изучаемыхъ имъ факторовъ въ извѣстной долѣ вліянія на преступность, но мы утверждаемъ, что многіе изъ нихъ имѣютъ лишь очень косвенное и отдаленное вліяніе (орографическія и геологическія причины и т. д.). Такимъ образомъ, увлекшись анализомъ и стремленіемъ какъ можно глубже проникнуть въ природу вещей, вовсе неглубокихъ, Ломброзо запутался, и его теорія утратила большую часть своей убѣдительности.

Въ самомъ дѣлѣ, какого довѣрія, напримѣръ, заслуживаетъ его статистика орографическихъ [1]) факторовъ и многихъ другихъ, приводимыхъ имъ данныхъ, являющаяся результатомъ простого сравненія цифръ преступности съ разсматриваемымъ имъ явленіемъ? Ясно, что результатомъ такого сравненія всегда будетъ кажущаяся связь между данными явленіями; но пока эти явленія не будутъ изучены болѣе подробно и пока связь между ними не будетъ выяснена, на нее нельзя смотрѣть иначе какъ на простую случайность Самое капризное и случайное явленіе можетъ такимъ способомъ быть поставлено въ причинную связь со всѣмъ чѣмъ угодно, въ томъ числѣ и съ преступностью.

А между тѣмъ многія изъ сопоставленій Ломброзо производятъ именно такое впечатлѣніе [2]).

Ознакомившись съ этимъ главнымъ трудомъ Ломброзо, мы видимъ, насколько правъ былъ Ферри, говоря: „Ломброзо—геніальный человѣкъ, но у него нѣтъ таланта“. Заслуга Цезаря Ломброзо въ томъ, что онъ пробудилъ мысль въ области криминологіи, создалъ системы и изобрѣлъ остроумныя и смѣлыя гипотезы, но тонкій анализъ и осторожные выводы ему пришлось оставить своимъ ученикамъ [3]).

Просмотримъ въ послѣдовательномъ порядкѣ тѣ главы, гдѣ Ломброзо изучаетъ вліяніе факторовъ экономическихъ или весьма близкихъ къ экономическимъ.

Цивилизація и варварство [4]).—Во всѣхъ странахъ Европы, за исключеніемъ Англіи, мы видимъ, что увеличеніе числа преступленій и случаевъ помѣшательства непропорціонально росту населенія.

Автору представляется несомнѣннымъ тотъ фактъ, что цивилизаціи, такъ же, какъ и варварству, свойственны свои специфическія формы преступности. Варвары, считающіе месть обязанностью, а насиліе—правомъ, совершаютъ огромное число кровавыхъ преступленій. Но, съ другой стороны, у нихъ гораздо крѣпче узы семьи, они не такъ легко

---

[1]) У. с., стр. 21.

[2]) Это можно сказать объ орографической статистикѣ, стр. 21, объ изслѣдованіи вліянія маляріи, стр. 22 и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней, стр. 22 (правда, авторъ отрицаетъ за этими болѣзнями какое нибудь вліяніе на преступность, но простое сравненіе не даетъ ему основанія ни для утвержденія, ни для отрицанія) и о многихъ другихъ, стр. 72. Колаяни указалъ на безполезность подобныхъ статистическихъ работъ въ Archives de l'anthropologie criminelle, 1886, стр. 432.

[3]) „Статистическія данныя почти никогда не даютъ основанія для опредѣленныхъ выводовъ“, замѣчаетъ Hipp. Martin въ Etudes, отъ 20 ноября 1899, стр. 475, по поводу той же книги Ломброзо.

[4]) У. с. стр. 50 и сл.

подвергаются половымъ возбужденіямъ и не страдаютъ въ такой степени болѣзненнымъ честолюбіемъ, а потому у нихъ гораздо рѣже наблюдаются кражи, убійство дѣтей и отцеубійство.

Человѣкъ создалъ два типа цивилизаціи: цивилизацію, построенную на насиліи, и цивилизацію, построенную на обманѣ; первая выдвигаетъ силу, а послѣдняя—хитрость въ борьбѣ за существованіе.

Въ формахъ преступности мы находимъ оба этихъ типа нападенія и защиты. Такъ, мы видимъ атавистическую преступность, когда нѣкоторые отдѣльные индивиды возвращаются къ прежнимъ способамъ насилія и совершаютъ убійство, кражу и изнасилованіе. Но существуетъ и эволютивная преступность, столь же безнравственная по своей цѣли, но болѣе культурная по средствамъ, такъ какъ, вмѣсто силы й насилія, она примѣняетъ хитрость и обманъ. Сицилія и Римъ даютъ намъ типичные примѣры обоихъ видовъ преступности.

Авторъ, стоя на этой точкѣ зрѣнія, подвергаетъ изслѣдованію отдѣльныя мѣстности.

Прогрессъ культуры, увеличивая до безконечности потребности и желанія, создавая съ накопленіемъ богатствъ легкую возбудимость, наполняетъ пріюты для умалишенныхъ жертвами алкоголя и паралитиками, а тюрьмы—лицами, совершившими имущественныя преступленія и преступленія противъ добрыхъ нравовъ.

Этимъ объясняется то явленіе, что преступленія, совершаемыя представителями болѣе достаточныхъ классовъ, принимаютъ въ большинствѣ случаевъ форму обмана, а преступленія, совершаемыя бѣдняками,—формы насилія; это происходитъ отъ того, что первые вполнѣ современные люди, между тѣмъ какъ низшіе классы въ чувствахъ и мысляхъ живутъ еще въ довольно отдаленныхъ временахъ.

Не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что цивилизація измѣнила лишь характеръ преступленій, а, можетъ быть, также увеличила ихъ число; это становится понятнымъ всякому, кто уяснитъ себѣ, что прогрессъ въ образованіи помогаетъ болѣе нападенію, чѣмъ защитѣ.

Таковы взгляды, изложенные авторомъ.

Этотъ мрачный, но искренній взглядъ на преступность, отчасти заимствованный у Sighele [1]), напоминаетъ намъ мнѣнія многихъ криминалистовъ.

Мы его найдемъ впослѣдствіи еще болѣе мрачнымъ у Полетти.

Тщетны были всѣ попытки опровергнуть печальное наблюденіе, что вмѣстѣ съ цивилизаціей прогрессируетъ также и преступность, причемъ съ этою цѣлью иногда пользовались софистическимъ аргументомъ,—будто цивилизація и преступность другъ друга уничтожаютъ, и что, слѣдовательно, цивилизація, создающая преступность—не цивилизація [2]); фактъ остается фактомъ, и притомъ фактомъ, заставляющимъ смотрѣть на будущее довольно мрачно.

Не безполезно обратить вниманіе на то, что, принимая отъ Сигеле дѣленіе преступности на атавистическую и эволютивную формы, Ломброзо отказывается отъ своего первоначальнаго взгляда на преступность, какъ на явленіе исключительно атавистическое.

Все болѣе увеличивающееся скопленіе населенія [3]) въ городахъ, являющееся слѣдствіемъ нашей цивилизаціи, открываетъ преступнику широкое поле дѣятельности и въ то же время даетъ ему

---

[1]) Sighele. Delinquenza settaria, Миланъ 1898.

[2]) См. Ronagnosi, Osservazione statistiche sul resoconto della giust. crim. in Francia, въ Annali univ. di stat., 1829, XIX, 1.

[3]) У. с. стр. 64 и 65.

возможность скрыться. Но для развитія преступности важно не только то, что преступнику сравнительно легко скрыться отъ преслѣдованій (такъ какъ и полиція постепенно научается тонкимъ пріемамъ преслѣдованія); здѣсь бо́льшую роль играетъ скученность населенія, которая сама по себѣ властно толкаетъ на преступленіе, и безнравственность. Подтверждается законъ подражанія Тарда.

Въ одной изъ слѣдующихъ главъ (гл. V) авторъ, чтобы рѣзче подчеркнувъ связь между преступностью и цивилизаціей, разсматриваетъ вліяніе послѣдней въ нѣкоторыхъ ея проявленіяхъ.

а) Густота населенія [1]). Въ первобытномъ обществѣ преступленіе было рѣдкостью, но зато оно принимало самыя варварскія формы. По мѣрѣ того, какъ населеніе становится плотнѣе, число преступленій увеличивается, но они принимаютъ менѣе жестокую форму. То же наблюдается и теперь: по мѣрѣ того, какъ число кражъ увеличивается, число убійствъ уменьшается; исключеніе представляютъ промышленные центры, гдѣ столкновенія людей слишкомъ многочисленны.

Авторъ пытается доказать это положеніе, сравнивая преступность и густоту населенія въ различныхъ государствахъ Европы. Результаты получаются однако неудовлетворительные, такъ какъ изъ семи государствъ съ сравнительно рѣдкимъ населеніемъ только 2—Испанія и Венгрія — даютъ довольно высокія цифры убійствъ [2]); по поводу этого статистическаго вывода слѣдуетъ повторить уже сдѣланное нами замѣчаніе, что результатъ простого сравненія двухъ категорій явленій рѣшительно ничего не объясняетъ [3]). Многочисленныя явленія другого порядка, гораздо болѣе важныя, не принимаются въ разсчетъ; и ихъ вліяніе приписывается разсматриваемому фактору, въ данномъ случаѣ густотѣ населенія. Италія могла бы послужить гораздо болѣе характернымъ примѣромъ и могла бы дать гораздо болѣе удовлетворительные выводы, хотя и тутъ наши замѣчанія остаются въ силѣ.

b) Иммиграція и эмиграція [4]). Вліяніе иммиграціи изучается путемъ сравненія въ этомъ отношеніи Франціи и Италіи: по мѣрѣ того, какъ въ Италіи убійства становятся все рѣже вмѣстѣ съ уменьшеніемъ густоты населенія, во Франціи наблюдается противоположное явленіе. Это слѣдуетъ, главнымъ, образомъ, отнести на счетъ 4200000 иностранцевъ, пребывающихъ въ предѣлахъ страны и находящихся въ возрастѣ и условіяхъ, особенно располагающихъ къ преступленію.

Жоли въ своей France criminelle обратилъ особое вниманіе на этотъ вопросъ; онъ пришелъ къ знаменательнымъ результатамъ [5]). Департаменты, въ которыхъ констатирована наивысшая цифра преступности, оказываются совершенно нормальными въ смыслѣ развитія преступности, если исключить эмигрантовъ и принимать при подсчетѣ во вниманіе только мѣстное населеніе. Въ департаментѣ Сены только одна треть изъ общаго числа лицъ, подвергшихся уголовному преслѣдованію, родилась въ Парижѣ.

Ломброзо указываетъ на то, что въ Соединенныхъ Штатахъ, въ тѣхъ штатахъ, гдѣ поселяется наибольшее число эмигрантовъ, преступ-

---

[1]) У. с. стр. 71 и сл.

[2]) Ломброзо этотъ фактъ также считаетъ доказательнымъ. Тутъ явная ошибка.

[3]) Это дважды справедливо, когда рѣчь идетъ о международной статистикѣ. См. Oettingen, Moralstatistik. Grlangen 1874 г. стр. 452 и 453.

[4]) У. с., стр. 76 и сл.

[5]) Вліяніе иммиграціи на преступность признано, впрочемъ, повидимому, всѣми. Отрицаніе этого факта мы нашли у одного Моррисона, Crime and its Causes, Лондонъ, 1891, стр. 135 и сл. Ниже мы увидимъ, что Моррисонъ шелъ по ложному пути.

ЦАБ "Автограф"

ность особенно интенсивно развивается: но это утвержденіе ничего не доказываетъ. Слѣдовало бы доказать, что здѣсь нѣтъ какой-нибудь другой причины для повышенія цифры преступности.

Лучшимъ аргументомъ является тотъ фактъ, который констатированъ Боско [1]), именно, что въ 1889 году среди лицъ, арестованныхъ по обвиненію въ убійствѣ, 95 на 1000000 родились въ Соединенныхъ Штатахъ, между тѣмъ какъ среди иностранцевъ процентъ доходилъ до 138 на 1000000.

c) Сравнивая преступность въ городахъ съ преступностью въ деревнѣ, мы еще рѣзче подчеркнемъ вліяніе густоты населенія. Странно, что Ломброзо, признавая за трудами Fayet, Socquet и Лакассаня громадныя заслуги, обходитъ въ то же время полнымъ молчаніемъ блестящее изслѣдованіе Тарда по этому вопросу [2]).

Приведенныя здѣсь цифровыя данныя, которыя нельзя, впрочемъ, признать вполнѣ точными, обнаруживаютъ увеличеніе числа имущественныхъ преступленій и преступленій противъ нравственности въ городахъ на-ряду съ уменьшеніемъ кровавыхъ преступленій, которыя, наоборотъ, вмѣстѣ съ половыми преступленіями учащаются въ деревнѣ.

Въ этомъ особенно сказывается вліяніе цивилизаціи: и городъ, и деревня имѣютъ свою специфическую преступность. Преступленія въ деревнѣ дики и вырастаютъ на почвѣ чувствъ мести, неуравновѣшенности, животныхъ страстей, между тѣмъ какъ преступность въ городахъ основана преимущественно на лѣни, безчестности, утонченныхъ страстяхъ и чувственности.

Въ главахъ VI и IX Ломброзо проникаетъ въ самое сердце экономической жизни и занимается вліяніемъ на преступность экономическихъ факторовъ, въ точномъ смыслѣ этого слова.

VI-ая глава говоритъ о Потребленіи, неурожаяхъ и цѣнахъ на хлѣбъ [3]).

Здѣсь мы видимъ не личныя изслѣдованія автора, а данныя, почерпнутыя исключительно изъ чужихъ трудовъ.

Статистическое изслѣдованіе Эттингена [4]) относительно преступности въ Пруссіи за 1854—59 г.г. обнаружило, что число имущественныхъ преступленій (за исключеніемъ поджоговъ) уменьшается вмѣстѣ съ паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ; наоборотъ, число личныхъ посягательствъ, особенно изнасилованій, увеличивается.

Ваппеусъ (Wappäus) сообщаетъ намъ, что, благодаря неурожаю 1847-ого года, число имущественныхъ преступленій (Ломброзо по ошибкѣ написалъ—личныхъ посягательствъ) увеличилось на 24%. [5]).

Статистическія изслѣдованія Штарке [6]) относительно Пруссіи 1854—78 г.г. также доказываютъ, что цѣны на хлѣбъ вліяютъ на пре-

---

[1]) Rono: L'homicidio negli stati Unici, 1895.
[2]) Tarde La philosophie pénal, Ліонъ, стр. 265 и сл.
[3]) У. с. стр. 90 и сл.
[4]) Намъ не удалось найти указаннаго мѣста у Oettingen, Moralstatistik, 2-ое из., Эрлангенъ 1874. Мы не могли опредѣлить, относится ли ссылка къ другому изданію, или же мы имѣемъ дѣло съ неточной цитатой.
[5]) Wappaeus, Allgemeine Bevoelkerungsstatistik, 1859, стр. 430.
[6]) Числа, приводимыя авторомъ, являются результатомъ сложнаго и запутаннаго ряда вычисленій. Самъ Штарке изслѣдовалъ лишь связь имущественной преступности съ цѣнами на съѣстные продукты. Это изслѣдованіе доказываетъ тѣсную зависимость между этими двумя категоріями явленій, но отнюдь не исключительную или даже преимущественную зависимость между преступностью и кражами лѣса, какъ думалъ Ломброзо на основаніи данныхъ, полученныхъ Штарке. См. Starke, Verbrechen und Verbrecher in Preussen, табл. II и стр. 55.

ступность, особенно на кражи лѣса, и что, съ другой стороны, они вызываютъ своимъ паденіемъ увеличеніе числа поджоговъ, побоевъ, ранъ, и убійствъ.

Статистическое изслѣдованіе Франціи за 1843—83 г.г., сдѣланное Корромъ, графической частью котораго воспользовался Ломброзо, указываетъ на то же явленіе. Кривая преступности (почти исключительно имущественной) идетъ приблизительно параллельно съ кривой цѣнъ на хлѣбъ до 1865 года; начиная съ этого момента главное вліяніе замѣтно переходитъ къ другимъ факторамъ.

Что касается Италіи (1875—83 г.г.), то и здѣсь Росси получилъ аналогичныя данныя: нарушеніе права собственности находится подъ вліяніемъ цѣнъ на съѣстные припасы. Цѣны эти не вліяютъ на незначительныя посягательства на личность, и, наоборотъ, пониженіе ихъ увеличиваетъ тяжкія преступленія, угрожающія жизни.

Ломброзо указываетъ, какъ на лучшій по этому вопросу для Италіи трудъ, на изслѣдованіе Fornasari di Verce (1873—1890). Форназари подсчиталъ число рабочихъ часовъ, необходимое для добыванія одного килограмма зерна или выпеченнаго хлѣба. Онъ получилъ, такимъ образомъ, точное мѣрило благосостоянія; при этомъ, конечно, необходимо принять во вниманіе высоту заработной платы. Форназари пришелъ къ тѣмъ же выводамъ, какъ только что указанные нами.

Имущественныя преступленія, за исключеніемъ поджоговъ и отчасти кражъ на большихъ дорогахъ, въ особенности же соединенныхъ съ убійствомъ, неизмѣнно вѣрны кривой рабочихъ часовъ, необходимыхъ для пріобрѣтенія эквивалента одного кило хлѣба.

Посягательства на личность идутъ по пути, ничего общаго съ этой кривой не имѣющемъ. Тяжкія преступленія и посягательства на нравственность идутъ въ обратномъ направленіи. Статистическія изслѣдованія Форназари относительно Великобританіи и Ирландіи, охватывающія цѣлое пятидесятилѣтіе, приводятъ къ такимъ же выводамъ.

Наконецъ, авторъ ссылается также на изслѣдованія, предпринятыя Coghlan'омъ и Форназари въ Новомъ Южномъ Валлисѣ и приведшія къ аналогичнымъ результатамъ. Изъ всего этого Ломброзо дѣлаетъ слѣдующій выводъ [1]): „Голодъ подавляетъ половое вожделѣніе, излишества возбуждаютъ его, и въ то время какъ недостатокъ въ пищѣ толкаетъ на воровство, излишекъ удерживаетъ отъ такового и толкаетъ къ изнасилованію".

То же можно сказать и о трудности найти работу и объ уменьшеніи заработной платы.

Замѣчено, что дороговизна съѣстныхъ припасовъ толкаетъ на преступленіе преимущественно женщинъ и прислугу, такъ какъ они болѣе другихъ страдаютъ отъ послѣдствій дороговизны; особенно прислуга, которая, благодаря періодической обезпеченности, утрачиваетъ способность бороться съ лишеніями.

Этотъ взглядъ (ничѣмъ не доказанный), несомнѣнно, возбуждаетъ сомнѣнія. Такъ, Ферри [2]) не соглашается съ нимъ, и указываетъ на то,

---

[1]) У. с. стр. 98 и сл.

[2]) Ферри, Sociologie criminelle, Парижъ 1893, стр. 182. „Наоборотъ, неурожай можетъ уменьшить число нѣкоторыхъ преступленій: побѣги изъ тюремъ, домашнія кражи, такъ какъ прислуга озабочена не быть выкинутой на мостовую въ острый моментъ экономическаго кризиса". Въ доказательство Ферри приводитъ слѣдующія статистическія данныя:

Франція (судъ присяжныхъ).	1844	1845	1846	1847
Имущественныя преступленія	3767	3396	3581	4235
Злоупотребленіе довѣріемъ со стороны прислуги. .	136	128	168	104
Домашнія кражи	1001	874	924	896

ЦАБ "Автограф"

что въ тяжелыя времена число преступленій, совершаемыхъ прислугой, уменьшается вслѣдствіе страха лишиться заработка.

Но, продолжаетъ Ломброзо, допуская, что недостаточное питаніе вліяетъ на усиленіе воровства, а чрезмѣрное на увеличеніе числа убійствъ и случаевъ нанесенія ранъ, не слѣдуетъ забывать, что вліяніе этихъ факторовъ на измѣненіе вообще преступности—ничтожно, такъ какъ, если число преступленій одной категоріи увеличивается, то число преступленій другой группы, наоборотъ, уменьшается, и vice versa.

Однако и колебаніе отдѣльныхъ видовъ преступленій подъ вліяніемъ экономическихъ факторовъ въ общемъ незначительно. Такъ, напримѣръ, въ Италіи вліяніе дороговизны пищевыхъ продуктовъ на квалифицированную кражу сравнительно велико. Между тѣмъ статистическія колебанія происходятъ въ предѣлахъ между 184 и 105, т. е. съ приростомъ 19 на 10,000. Половыя преступленія учащаются при удешевленіи пищевыхъ продуктовъ, а между тѣмъ колебанія ихъ не превосходятъ 2,14 на 10,000.

Такимъ образомъ, всѣ статистическія изслѣдованія, произведенныя Ломброзо, приводятъ его къ заключенію, что цѣны на продукты потребленія очень мало вліяютъ на преступность и не могутъ итти въ счетъ.

Было бы совершенно неправильно отрицать вліяніе экономическихъ факторовъ на преступность на томъ основаніи, что при изученіи этого вопроса по стастистическимъ даннымъ относительно стоимости съѣстныхъ припасовъ или по табличкамъ рабочихъ часовъ Форназари,—оказывается, что увеличеніе одного вида преступности сопровождается уменьшеніемъ преступности другого вида.

Наоборотъ, мы видимъ, что обѣ группы преступленій, какъ имущественныя, такъ и противъ нравственности, въ своихъ взаимно противоположныхъ колебаніяхъ, очевидно, находятся подъ рѣшительнымъ вліяніемъ экономическихъ факторовъ; это прямо бросается въ глаза при изученіи статистическихъ данныхъ, о которыхъ мы говорили выше [1]). Поэтому, если-бы даже источникъ преступности оставался неизмѣннымъ,—что далеко недоказано,—форма ея проявленія, очевидно, не выходитъ изъ сферы экономическаго вліянія.

Неправильно также утвержденіе Ломброзо, что колебанія такъ незначительны. Прежде всего, авторъ ошибается въ фактахъ: квалифицированныя кражи колеблются вовсе не между 184 (1878) и 105, а между 196 (1881) и 105. Почему авторъ дѣлитъ разность, которая должна равняться не 79, а 91, представляется для насъ загадкой. По нашему мнѣнію колебаніе между 196 и 105 очень значительно (46 на 100).

Затѣмъ положеніе автора [2]), что уменьшеніе подъ вліяніемъ дороговизны съѣстныхъ припасовъ преступленій противъ личности только кажущееся, потому что для завоеванія хлѣба въ періодъ голода совершается обыкновенно больше насилій, совершенно не подтверждается статистическими данными, приводимыми самимъ авторомъ.

Ломброзо утверждаетъ, что таково положеніе дѣлъ въ Новомъ Южномъ Уэллсѣ. Возможно, что онъ правъ, но нельзя же на этомъ основаніи рѣшать вопросъ для всей Европы и утверждать, что и у насъ вліяніе экономическихъ факторовъ не стоитъ принимать въ разсчетъ.

---

[1]) См. діаграмму Форназари, воспроизведенную Ломброзо на страницѣ 94 упомянутаго сочиненія.

[2]) У. с. стр. 99.

Авторъ приводитъ также мнѣніе Жоли [1]), что голодъ становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ явленіемъ, но что, несмотря на это, случаи воровства все учащаются. Мы докажемъ, когда спеціально займемся разборомъ мнѣній Жоли, что фактъ, о которомъ онъ говоритъ, не только сомнителенъ, но и ничего не доказываетъ.

Въ заключеніе Ломброзо цитируетъ [2]) отдѣльныя страницы изъ сочиненій Guerry, Жоли и Масэ [3]), о которыхъ мы поговоримъ въ свое время и въ надлежащемъ мѣстѣ; здѣсь онъ желаетъ доказать, что кражи предметовъ первой необходимости очень рѣдки. Согласно статистическимъ изслѣдованіямъ Guerry съѣстные припасы и предметы первой необходимости составляютъ лишь $^1/_{100}$ общаго количества украденнаго. Среди 43 категорій предметовъ, въ Лондонѣ бывшихъ предметами похищенія, колбаса, птицы, дичь занимаютъ 13-ое мѣсто, сахаръ, мясо, вино—30-ое, хлѣбъ—43-е мѣсто. Можно привести еще другія, аналогичныя данныя. Но и это ничего не доказываетъ. Почему несчастный, котораго голодъ толкаетъ на воровство, долженъ непремѣнно стремиться украсть черствый хлѣбъ, чтобы утолить свой голодъ? Наоборотъ, совершенно естественно, что онъ выбираетъ что-нибудь получше и подороже [4]). Впрочемъ, когда мы займемся разсмотрѣніемъ работъ Жоли, мы увидимъ, что эти данныя вовсе на такъ безспорны, чтобы не возбуждать никакихъ сомнѣній.

Наконецъ, все вышесказанное могло бы доказать лишь то, что очень немного кражъ вызывается непосредственно нищетой или голодомъ. Многіе авторы смотрятъ на этотъ вопросъ лишь съ такой узкой точки зрѣнія. Но подобными аргументами нельзя отрицать вліяніе продолжительной и тяжелой нужды, гнетущей человѣка отъ колыбели до каторги [5]), извращающей его нравственность, уменьшающей и въ концѣ-концовъ уничтожающей у него отвращеніе къ совершенію преступленія [6]), однимъ словомъ, доводящей его до полнаго отчаянія. А именно съ этой стороны долженъ быть разсмотрѣнъ вопросъ о вліяніи экономическихъ факторовъ [7]).

Авторъ присоединяетъ ко всему вышесказанному краткій перечень отдѣльныхъ аргументовъ, приведенныхъ имъ въ его „Политическомъ Преступленіи“ (Парижъ, 1895 .г), которыми онъ пытается доказать, что голодъ игралъ во всѣхъ случаяхъ народныхъ волненій самую незначительную роль [8]).

---

[1]) Jolys, La France criminelle, стр. 358.
[2]) V. c., стр. 99.
[3]) Jolys, La France criminelle, стр. 356.
Macè, Un joli monde, стр. 256—258, 288.
Guerry, La statistique morale de la Fransc compareé avcc la statistique de l'Angleterre. Парижъ. 1864.
[4]) См. Baltaglia, La dinamica del delitto, Napoli 1886, стр. 277—278. Joly, y. c.
[5]) Нищета, которую Прудонъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „Постоянный голодъ... благодаря которому совѣсть засыпаетъ, расы вырождаются, появляются болѣзни и всевозможные пороки, пьянство и распутство, отвращеніе къ работѣ и отсутствіе бережливости, низменные инстинкты, грубость чувства, жестокіе нравы, лѣнь, жульничество, проституція и воровство“. Война и миръ, Брюссель, II, стр. 156.
[6]) См. Коллянни, La Sociologia criminale, Катанья. 1889 т. II. стр. 513 и 514. Haussonville. Revue des Deux Mondes, 1-е апр. 1887, стр. 593: „Несомнѣнно что небольшое число воровъ и нищихъ руководствуются голодомъ, но спрашивается.. сколько изъ нихъ совершили бы тѣ же преступленія, еслибы они родились и были воспитаны въ довольствѣ“.
[7]) См. Marro. I caracteri dei delinquenti, Турипъ, 1887: стр. 266.
[8]) У. с. стр. 100 и сл.

Изъ 46 случаевъ голода, перечисленныхъ въ работѣ Faraglia (Storia dei prezzi in Napoli. Napoli, 1875) и имѣвшихъ мѣсто въ теченіе приблизительно 9 столѣтій, лишь 6 сопровождались народными бунтами. Въ самомъ Неаполѣ нѣсколько случаевъ голода, и при томъ самыхъ острыхъ, не подали ни малѣйшаго повода къ возстанію. То же наблюдалось и въ Страсбургѣ. Мы не станемъ углубляться въ этотъ вопросъ, чтобы не выходить изъ рамокъ нашего изслѣдованія, но мы не можемъ не сдѣлать нѣкоторыхъ замѣчаній. Прежде всего, подобный пріемъ есть злоупотребленіе аргументаціей a contrario: тотъ фактъ, что цѣлый рядъ случаевъ голода не вызвалъ народныхъ волненій, выясняетъ намъ весьма мало основной пунктъ, т. е. причины народныхъ волненій. И тотъ, кто убѣжденъ, что матеріальная нужда имѣетъ вліяніе на преступность, прекрасно знаетъ, что нѣкоторые изъ самыхъ несчастныхъ и необезпеченныхъ людей въ силахъ бороться съ соблазномъ преступленія.

По поводу голода въ Мадридѣ въ 1670 г. Ломброзо говоритъ[1]): „Эти рабочіе организуютъ шайки, грабятъ дома богачей, убиваютъ владѣльцевъ, и почти не проходитъ дня безъ убійства изъ-за хлѣба; между тѣмъ все-таки не было настоящаго возстанія“. Что же тогда можно назвать возстаніемъ?

Впрочемъ, многіе авторы относятся съ сомнѣніемъ къ выводамъ Ломброзо [2]).

Мы вскорѣ увидимъ, что это отрицаніе вліянія экономическихъ факторовъ на народныя волненія соотвѣтствуетъ другимъ разсужденіямъ автора объ экономическихъ факторахъ, какъ причинахъ политическихъ преступленій или мятежей, (стр. 283, 284, 285, 289 и т. д).

Въ VI главѣ Ломброзо разсматриваетъ то, что мы назвали динамической преступностью, движеніемъ преступности. Изъ возраженій, сдѣланныхъ нами Ломброзо, явно слѣдуетъ, что экономическіе факторы вліяютъ на преступность; это вліяніе подтверждается статистическими данными, приводимыми самимъ Ломброзо, и выражается въ томъ, что при преобладаніи факторовъ экономическаго характера число имущественныхъ преступленій увеличивается, и, наоборотъ, уменьшается число преступленій противъ нравственности, а иногда—и противъ личности.

IX-ая глава [3]) посвящена авторомъ статической преступности въ связи съ экономическими вліяніями; она озаглавлена: Экономическія вліянія, богатство.

Изслѣдованіе этого вопроса, говоритъ авторъ, особенно трудно потому, что до сихъ поръ еще не получено удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ: что такое дѣйствительное богатство [4])?

Но, несмотря на то, что авторъ самъ признаетъ свои выводы недостаточными для выясненія дѣйствительной зависимости между экономическимъ положеніемъ и преступностью, все же онъ дѣлаетъ попытки выяснить эту зависимость и разсматриваетъ преступность въ связи съ перечисленными ниже категоріями явленій (относящимися къ Италіи), способными, по его мнѣнію, служить показателями богатства.

---

[1]) У. с., стр. 101.
[2]) См. Colajanni La sociologia criminale, II, стр. 466 и сл.
[3]) У. с., стр. 139 и сл.
[4]) См. Bodio, Di alcuni indici numeratori del movimento economico in Italia, 1890.

1. Подати и налоги [1]). Ломброзо подраздѣляетъ Италію на три группы провинцій (для періодовъ отъ 1885—1886 и отъ 1890—1893 г. г.): на провинціи болѣе богатыя, менѣе богатыя и совсѣмъ не богатыя. Онъ получаетъ слѣдующіе результаты: случаи нарушенія общественнаго довѣрія въ общемъ учащаются по мѣрѣ увеличенія достатка; то же можно сказать относительно кражъ, за исключеніемъ полевыхъ кражъ [2]). Максимумъ послѣднихъ наблюдается тамъ, гдѣ наименьшее богатство. Ту же особенность обнаруживаютъ и убійства.

Половыя преступленія имѣютъ своеобразныя особенности; они рѣдки при среднемъ достаткѣ населенія и наиболѣе часты при минимумѣ достатка, что, по словамъ Ломброзо, стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ обычнымъ ходомъ развитія преступленій противъ нравственности, которыя всегда учащаются по мѣрѣ возрастанія обезпеченности [3]). Въ самомъ дѣлѣ, неоднократно приходилось констатировать это явное противорѣчіе не только относительно проступковъ противъ нравственности, но также относительно воровства (здѣсь, напримѣръ) и относительно убійствъ. Это противорѣчіе и было причиной того, что многіе авторы признали вопросъ объ экономическихъ факторахъ—неразрѣшимой загадкой [4]). Но это противорѣчіе только видимое. Ключъ къ его разрѣшенію мы найдемъ въ различіи между статической и динамической преступностью, сдѣланномъ нами выше. Въ статической преступности экономическіе факторы играютъ совершенно иную, гораздо менѣе замѣтную роль, чѣмъ въ динамикѣ преступности, такъ какъ они являются наименѣе устойчивыми факторами среди явленій, вызывающихъ преступленія. Впрочемъ, и самъ Ломброзо не придаетъ большого значенія сдѣланному имъ сравненію: провинціи, которыя слѣдуетъ признать исключеніями изъ общаго правила, довольно многочисленны.

2. Размѣры наслѣдственныхъ пошлинъ [5]). По нимъ де Фовилль находилъ возможнымъ оцѣнивать народное богатство [6]).

Вычисленія Ломброзо обнаруживаютъ косвенную зависимость между богатствомъ и преступностью; самыя бѣдныя провинціи даютъ самую высокую цифру преступности и vice versa.

Однако, мы встрѣчаемъ здѣсь столько крупныхъ исключеній, очевидно противорѣчащихъ вышесдѣланному выводу, что вмѣстѣ съ Ломброзо приходится признать полное отсутствіе параллелизма между накопленіемъ богатства и преступностью [7]).

3. Вліяніе безработицы не велико по мнѣнію Ломброзо [8]). Coghlan изслѣдовалъ это вліяніе въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ. Whrigt утверждаетъ, что паденіе промышленности увеличиваетъ всѣ виды преступности [9]), но доказательствъ не приводитъ. Съ другой стороны, и Ломброзо также не приводитъ доказательствъ обратнаго. И если аргументація Whrigt'a слаба, въ чемъ намъ придется убѣдиться ниже, то весьма серіозны доводы, приводимые Denis, Раковскимъ и др.

---

[1]) У. с., стр. 139 и сл.

[2]) Но эти кражи, замѣчаетъ авторъ (стр. 142), напоминающія древній обычай общиннаго владѣнія землей и пастбищами, связаны со старыми традиціями и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ служить доказательствомъ испорченной нравственности.

[3]) У. с., стр. 142.

[4]) См. Joly, La France criminelle, стр. 346: „Нѣтъ ничего запутаннѣе, темнѣе, непонятнѣе, чѣмъ эта проблема".

[5]) У. с., стр. 142 и сл.

[6]) De Fauville, La France economique, 1870.

[7]) У. с, стр. 143.

[8]) У. с., стр. 144 и 145.

[9]) Whrigt, The relations of economic conditions to the causes o crime, Philadelphia, 1891. Мы еще вернемся къ этому изслѣдованію.

4. Хотя, по мнѣнію автора, число рабочихъ дней, эквивалентныхъ цѣнѣ съѣстныхъ припасовъ, потребляемыхъ отдѣльнымъ лицомъ въ годъ [1]), служитъ надежнымъ основаніемъ для вычисленія богатства, мы все же должны признать этотъ методъ неудовлетворительнымъ, такъ какъ и здѣсь приходится слишкомъ много наблюдать исключеній изъ общаго правила.

a) Крайная напряженность труда въ связи съ минимальной заработной платой оказываютъ неблагопріятное вліяніе на число убійствъ, а также, хотя и не въ такой степени, на нанесеніе ударовъ и ранъ

b) Преступленія противъ нравственности обнаруживаютъ противоположную тенденцію.

c) На воровство они замѣтнаго вліянія не оказываютъ.

5. Ломброзо полагаетъ, что число вкладчиковъ въ сберегательныя кассы [2]) представляетъ болѣе вѣрное основаніе для сужденія о степени богатства, такъ какъ оно служитъ мѣриломъ главныхъ источниковъ богатства—предусмотрительности и бережливости.

Авторъ приводитъ систематическія изслѣдованія Coghlan'a (у. с.), въ которыхъ проведена параллель между различными государствами Европы, эти данныя обнаруживаютъ, что число убійствъ обратно пропорціонально числу вкладовъ, между тѣмъ какъ число кражъ обнаруживаетъ противоположную тенденцію

Относительно послѣдняго пункта мы получили совершенно иные результаты.

Данныя о кражахъ рѣшительно ничего не доказываютъ Кромѣ того, сравненіе международной преступности, сдѣланное независимо отъ разсмотрѣнія нравственнаго уровня и законодательства каждой страны [3]), построено на слишкомъ шаткомъ основаніи [4]).

Точно такъ же и сравненіе Франціи съ Италіей даетъ много противорѣчій и приводитъ насъ къ необходимости объяснять неожиданные результаты весьма различными и плохо согласованными фактами, поэтому здѣсь невозможно сдѣлать какого либо разумнаго вывода

Самая цѣнность основанія, взятаго для сравненія, также сомнительна. Самъ Ломброзо замѣчаетъ, что увеличеніе вкладовъ въ Италіи зависитъ преимущественно отъ бережливости и воздержанности, а вовсе не отъ дѣйствительнаго роста достатка; между тѣмъ какъ во Франціи, особенно въ ея промышленныхъ центрахъ, оно указываетъ на большой достатокъ, позволяющій пускаться въ спекуляціи [5]). Итакъ, сравниваемыя понятія не тождественны

Кромѣ того, д-ръ Корръ доказалъ, что бережливость оказываетъ благотворное вліяніе на преступность и нравственность только въ томъ случаѣ, если она не доведена до крайности. Наоборотъ, если оно достигаетъ преувеличенныхъ размѣровъ, то становится признакомъ жадности, толкаетъ на преступленіе и на принятіе самыхъ рѣшительныхъ мѣръ противъ дѣторожденія; это явленіе наблюдается въ Нормандіи [6]).

Сравнивая преступность въ земледѣльческихъ и промышленныхъ

---

[1]) У с., стр 145 и сл. Матеріалы взяты у Mulhall's Dictionary of statistics (цитируется у Coghlan, The Wealth and Progress of N. I Walles. Sydney, 1893) и изъ матеріаловъ, опубликованныхъ высшимъ правленіемъ итальянской статистики

[2]) У. с., стр 147 и сл.

[3]) См. у. с, стр 145, зам. 2

[4]) См. по этому поводу Колаянни, La sociologia criminale т II, стр 511, 512, 524.

[5]) У с, стр. 152.

[6]) A Corre, Crime et suicide, Парижъ 1891. стр 432—434

раіонахъ [1]), мы замѣтимъ, что тамъ, гдѣ промышленная дѣятельность интенсивно развивается въ ущербъ земледѣльческой, въ особенности же тамъ, гдѣ первая всецѣло вытѣсняетъ послѣднюю, сейчасъ же возростаетъ цифра преступности. Вотъ, какимъ образомъ ростъ благосостоянія народонаселенія можетъ стать печальной причиной увеличенія преступности. На это Ломброзо обращаетъ особое вниманіе [2]). Вотъ, говоритъ онъ, обратная сторона проблемы: богатство, достатокъ являются причиной преступленій. Быстро пріобрѣтенное богатство, не соединенное съ высокой душевной организаціей или съ религіознымъ, политическимъ и т. п. идеализмомъ, оказывается вреднымъ, вмѣсто того, чтобы быть полезнымъ.

Богатство въ общемъ итогѣ, продолжаетъ авторъ, служитъ то уздой, то стимуломъ для преступности, такъ же, какъ и образованіе, густота населенія, цивилизація и религія.

Это тотъ критерій, о которомъ особенно не слѣдуетъ забывать, занимаясь этіологіей преступленія: одна и та же причина можетъ оказать растлѣвающее или облагораживающее вліяніе въ зависимости отъ характера лица. Разъ мы усвоимъ эту предпосылку, то всѣ кажущіяся противорѣчія исчезнутъ.

Такой взглядъ можетъ показаться нѣсколько оптимистическимъ.

Причина всего этого для автора совершенно понятна: съ одной стороны, бѣдность и нужда въ самомъ необходимомъ побуждаютъ красть то, безъ чего нельзя существовать. Вотъ первое связующее звено между бѣдностью и имущественной преступностью. Съ другой стороны, вслѣдствіе излишняго потребленія алкоголя, лучшаго друга столькихъ несчастныхъ, терзаемыхъ голодомъ, нищета толкаетъ людей на звѣрскія преступленія. Однако, на протяженіи всего своего изложенія Ломброзо нигдѣ не доказываетъ, что нищета увеличиваетъ потребленіе алкоголя; наоборотъ, неоднократно приходилось констатировать увеличеніе числа кровавыхъ преступленій въ періоды благодѣнствія, причемъ главной причиной этого явленія бываетъ увеличивающееся потребленіе алкоголя.

Наконецъ, говоритъ Ломброзо, нищета является косвенной причиной преступленій противъ нравственности; это происходитъ и вслѣдствіе того, что бѣдняки не въ состояніи удовлетворять свои потребности съ проститутками, и вслѣдствіе скученности въ юномъ возрастѣ лицъ разныхъ половъ на фабрикахъ и въ шахтахъ, и вслѣдствіе запоздалаго или женоподобнаго развитія мальчиковъ. Богатый, наоборотъ, черпаетъ въ болѣе здоровомъ питаніи и въ болѣе крѣпкой нравственной дисциплинѣ большую силу для борьбы съ дурными соблазнами.

Но богатство, соединенное съ его губительными послѣдствіями: сифилисомъ, истощеніемъ и т. д., въ свою очередь, является причиной вырожденія, благодаря которому совершается цѣлый рядъ преступленій. Затѣмъ, несправедливое распредѣленіе богатства, скопленіе его въ немногихъ рукахъ, контрастъ между достаткомъ и нуждой—все это раздражаетъ и ожесточаетъ.

И если, говоритъ въ заключеніе авторъ [3]), необходимость удовлетворить нѣкоторыя потребности толкаетъ бѣдняковъ на путь преступленія, то поле дѣятельности ихъ весьма ограничено; между тѣмъ богатый имѣетъ не столь настоятельныя, но болѣе многочисленные потреб-

---

[1]) У. с., стр. 152 и сл.
[2]) У. с., стр. 154 и сл.
[3]) У. с., стр. 157.

ности, почему и преступленія, совершаемыя богатыми, несравненно разнообразнѣе. Итакъ, прирожденный преступникъ гораздо чаще находитъ поводъ совершить преступленіе, если онъ богатъ, чѣмъ если онъ бѣденъ; еще болѣе—случайный преступникъ [1]).

Крупная заслуга Ломброзо состоитъ въ томъ, что онъ опредѣленно указалъ на вредное вліяніе богатства: эту сторону проблемы многіе авторы совершенно упускаютъ изъ виду, хотя есть и такіе (между ними Жоли), которые обратили вниманіе и на нее. Во всякомъ случаѣ—это лучшая часть вышеизложенной главы, которая во всемъ остальномъ очень мало убѣдительна. Кромѣ того, выводы автора страдаютъ преувеличеніями. Мы не можемъ согласится съ тѣмъ, что вліяніе богатства настолько превосходитъ вліяніе бѣдности, и во всякомъ случаѣ не слова Ломброзо по этому поводу могутъ убѣдить насъ въ этомъ.

Все остальное, въ томъ числѣ и выводы, касающіеся ничтожнаго вліянія бѣдности, прямо или косвенно построено на данныхъ, часто весьма сомнительныхъ. Усилія, направленныя на отысканіе мѣрила экономическаго благосостоянія страны, конечно, достойны всяческой похвалы, но автору приходится самому признаться, что средства, имъ для этого примѣняемыя, ненадежны и оставляютъ широкое поле для колебаній и недовѣрія. Сверхъ того, и выводы, полученные отъ сравненія преступности со степенью благосостоянія, опредѣляемой столь сомнительными средствами, односторонни и противорѣчивы, почему ими можно пользоваться лишь съ большой осмотрительностью.

На основаніи всего вышесказаннаго авторъ пытается опровергнуть возраженіе, которое онъ самъ себѣ дѣлаетъ [2]): какъ объяснить, что, несмотря на ничтожнѣйшее вліяніе бѣдности на преступность, бѣдняки все-таки составляютъ главный контингентъ арміи преступниковъ?

Тотъ фактъ, что богатый располагаетъ большими средствами сопротивленія и защиты и что классовое правосудіе не всегда справедливо, не въ состояніи объяснить этого явленія [3]).

Кромѣ того, и здѣсь Ломброзо позволяетъ себѣ цѣлый рядъ необдуманныхъ и неосновательныхъ преувеличеній; напримѣръ, онъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе, справедливость котораго было бы очень трудно доказать: „лишь во Франціи и въ Англіи народъ отказывается признавать правителями преступниковъ, нарушившихъ общее право!“ [4]). Это оскорбленіе, брошенное остальнымъ народамъ, не можетъ назваться заслуженнымъ; оно сдѣлано совершенно необдуманно. Что же касается того, что Ломброзо отводитъ исключительное мѣсто Франціи и Англіи, то было бы неделикатно напоминать о событіяхъ послѣднихъ лѣтъ: наука не должна черпать аргументовъ изъ газетъ, и Ломброзо слѣдовало бы воздержаться отъ ссылокъ на нихъ въ научномъ сочиненіи.

Заканчивая обзоръ того, что Ломброзо написалъ о связи преступности съ экономическимъ состояніемъ, мы можемъ въ краткихъ чертахъ охарактеризовать отношеніе автора къ нашему вопросу.

Ломброзо признаетъ, — оставаясь, конечно, на почвѣ ученія объ органическомъ предрасположеніи [5]) преступника (атавистически-эпилеп-

---

[1]) Согласно представленію Ломброзо, случайный преступникъ (криминалоидъ) также надѣленъ органическими аномаліями, но ихъ меньше, и часто бываетъ трудно или даже невозможно ихъ разсмотрѣть. См. Uomo delinquente, passim у. с. стр. 454 и 457.

[2]) У. с., стр. 158.

[3]) См. стр. 105.

[4]) У. с., стр. 158.

[5]) См у. с., стр 456—457 и 448—449; сравн. также цитированныя выше строки изъ предисловія къ книгѣ Форназари.

тическомъ),—что на генезисъ преступленія вліяетъ совокупность различныхъ факторовъ, тѣсно связанныхъ съ экономическимъ положеніемъ: цивилизація и сопровождающія ее явленія.

Что же касается цѣнъ на продукты, то, по его мнѣнію, ихъ вліяніе ничтожно; вліяніе степени благосостоянія—относительно; бѣдность вызываетъ мало преступленій, богатство въ этомъ отношеніи вліятельнѣе [1]). Мы постарались доказать, что эти выводы, особенно тѣ, которые относятся къ цѣнамъ продуктовъ, не доказаны. Не забудемъ, что всюду на экономическіе факторы указано лишь, какъ на второстепенныя причины; органическія же особенности всюду принимаются за главный факторъ. Ломброзо прямо говоритъ это на стр. 457: „изученіе этихъ факторовъ ничуть не подрываетъ истинности того, что существуетъ неизбѣжная зависимость отъ органическихъ вліяній; непосредственныя причины преступленій часто играютъ лишь роль послѣдней опредѣляющей силы. Нѣкоторыя явленія оказываютъ такое рѣшительное вліяніе на криминалоидовъ, что они по своему значенію становятся на одну доску съ органическими причинами, и можно даже сказать, что они сами принимаютъ характеръ органическихъ факторовъ; таковы: температура, алкоголь, раса".

Позднѣе, при изученіи причинъ преступленій, совершенныхъ нѣсколькими лицами въ соучастіи (гл. XVII), Ломброзо снова возвращается къ вліянію бѣдности [2]), но и здѣсь онъ не находитъ возможнымъ признать его значительнымъ.

Въ своемъ изслѣдованіи причинъ политическихъ преступленій (гл. XIX), авторъ, явно противорѣча самому себѣ (стр. 100 и сл.), придаетъ экономическимъ факторамъ болѣе широкое и важное значеніе. Въ противорѣчіи съ только что выставленнымъ отрицаніемъ большого вліянія голода на бунты и народныя возстанія (стр. 100 и сл.), онъ въ главѣ XIX всѣми силами стремится доказать, что экономическія причины играютъ важную роль въ революціонныхъ движеніяхъ. Впрочемъ, эта глава является лишь краткимъ изложеніемъ изданной имъ раньше работы, написанной вмѣстѣ съ Laschi, Политическое преступленіе и революціи (Парижъ, 1892). Въ этой работѣ авторы, опираясь на авторитетъ соціалистовъ, особенно на Teoria economica della constituzione politica Лоріа [3]), отводятъ среди причинъ революціонныхъ движеній, мятежей и народныхъ возстаній широкое мѣсто экономическимъ факторамъ [4]), налогамъ и измѣне-

---

[1]) Формула, въ которой авторъ резюмируетъ свои мысли въ концѣ этой главы, на стр. 161, по нашему мнѣнію, не вполнѣ согласуется со всѣмъ ходомъ изложенія: „Экономическій факторъ, говоритъ онъ, оказываетъ большое вліяніе на преступность, однако, не потому, что бѣдность является главной ея причиной, такъ какъ излишекъ богатства, или же богатство, слишкомъ быстро пріобрѣтенное, играютъ во всякомъ случаѣ не меньшую роль". Въ другомъ мѣстѣ Ломброзо болѣе точнѣе резюмируетъ свою систему: „La verità è che i singoli fattori ed economiche lattano ed influescono sulle varie criminalità specifiche. E tutte queste influenze, pur essendo potenti, non giungono al punto di superare quella dell'organismo, per cui un delinquente-nato, data la piu lieve occasione, e anche senza questa, deve commettere delitti". Prefazione al Fornasari, La Criminalità, ecc. Torino, 1894, стр. XXIII.

[2]) У. с., стр. 262.

[3]) Этотъ фактъ, въ связи съ восхищеніемъ, иногда даже обожаніемъ, которое Ломброзо питаетъ къ нѣкоторымъ политическимъ преступникамъ изъ арміи соціалистовъ, далъ поводъ къ „легендѣ о соціалистѣ Ломброзо", которая создана, главнымъ образомъ, благосклонной критикой профессора Гросса (Neue Zeit., 1893—1894, т. II, стр. 205), и на которую намекаетъ, между прочимъ, и Ферри. Discordie positiviste sul socialismo, Palermo, 1895, стр. 8. Но Карлъ Каутскій нашелъ нужнымъ энергично и рѣшительно протестовать противъ этого (Neue Zeit., 1893 — 1894, т. II, стр. 241).

[4]) Lombroso et Laschi, Le Crime politique, etc., Парижъ, 1892, t. I, стр. 254 и сл., а также у. с., стр. 283 и сл.

ніямъ денежныхъ знаковъ [1]), экономическимъ кризисамъ [2]), — оказывающимъ, впрочемъ, бо̀льшее вліяніе на мѣстные возстанія и бунты, чѣмъ на великія революціи,—пауперизму [3]). Въ наше время, между прочимъ, разразились самыя ужасныя революціи, политическія и соціальныя, благодаря огромному антагонизму между трудомъ и капиталомъ.

Общее впечатлѣніе отъ этого произведенія совершенно не гармонируетъ съ впечатлѣніемъ, полученнымъ нами отъ другого произведенія того же автора, гдѣ онъ совершенно отрицаетъ вліяніе экономическихъ факторовъ на революціи (стр. 100 и сл.). Необходимо очень внимательно перечесть Политическое преступленіе, чтобы понять, что Ломброзо смотритъ на неурожай [4]) и на остальные экономическіе факторы, не такъ, какъ въ XIX главѣ, о которой мы только что говорили.

Энрико Ферри.

Энрико Ферри, товарищъ и сподвижникъ Ломброзо, такой же, какъ и онъ приверженецъ позитивной доктрины въ уголовномъ правѣ, постоянно и упорно борется за успѣхъ и распространеніе идей своей школы.

Онъ защищалъ идеи школы сначала въ Болоніи и Сіеннѣ, затѣмъ съ каѳедры знаменитаго Пизанскаго университета, въ качествѣ профессора Римскаго университета, какъ политическій дѣятель—въ итальянскомъ Парламентѣ, какъ ученый полемистъ [5])—на многочисленныхъ собраніяхъ и конгрессахъ и въ обозрѣніи Scuola Positiva. Въ то время какъ Ломброзо въ объясненіи преступности постоянно опирался на біологическій факторъ и изрѣдка на космическія вліянія (Pensiere è Meteore), юристъ Ферри удачно перенесъ вопросъ на соціальную почву [6]). У него, какъ и у Ломброзо, въ анализѣ преступленія главнѣйшую роль играетъ органическое предрасположеніе, которое онъ считаетъ основной причиной [7]).

Установивъ это онъ переходитъ къ соціальнымъ факторамъ, какъ къ вторичнымъ причинамъ преступности; при этомъ онъ отводитъ имъ вообще, экономическимъ же факторамъ въ особенности, такое широкое мѣсто, что иногда хочется назвать его, — давно уже ставшаго соціалистомъ въ политикѣ [8]),—сторонникомъ соціалистической теоріи и въ объясненіи причинъ преступности. [9]). Однако, дѣло

---

[1]) Crime politique, I, стр. 258 и сл.; у. с., стр. 284.
[2]) „ „ стр. 262 и сл.; у. с., стр. 285.
[3]) „ „ стр. 265; у. с., стр. 285—287.
[4]) „ „ стр. 115.
[5]) См. м. пр. Вступительную лекцію къ курсу, прочитанному въ новомъ Брюссельскомъ университетѣ, La scuola criminale positiva Conferenza, Napoli, 1885.
[6]) Ферри самъ характеризуетъ свою работу и работу Ломброзо слѣдующимъ образомъ: „Il Lombroso porto nello studio del fenomeno criminoso l'impulso originale e il relievo più speccato e fecondo delle ricerche antropologiche e biologiche; a cui io aggiunsi oltre la sistemazione teorica del problema fondamentale della responsabilità, le richerche psichologiche e sociologiche, classificando le cause naturali del delitto e le conseguenti categorie antropologiche del delinquenti, ed insistendo sopratutto sulla prevenzione della criminalità e sulla minima efficacia della repressione postuma e violenta". Ferri, Discordie positiviste sul socialismo, Palermo, 1895, стр. 6.
[7]) См. Ferri, Sociologie criminelle, Paris, 1893 стр. 74, 150 и 154. Затѣмъ: Actes du IV-e Congrès и т. д., стр. 307.
[8]) См. по поводу его перехода въ соціализмъ. Socialisme et science positive, Парижъ 1897, стр. 36 (выноска). Disc pos., стр. 8.
[9]) См. Disc. pos., стр. 55 и 56.

обстоитъ иначе; мы убѣдимся въ этомъ въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изложенія [1]).

Его идеи изложены, главнымъ образомъ, въ главномъ его произведеніи Sociologie criminelle (Парижъ 1893), которое представляетъ французскій переводъ менѣе серіознаго произведенія, озаглавленнаго Nuovi orizzonti del Diritto et della Procedura penale [2]).

Кромѣ того, Ферри разбираетъ вопросъ о зависимости преступности отъ экономическаго положенія въ нѣсколькихъ брошюрахъ и въ безчисленномъ количествѣ статей, съ которыми намъ тоже необходимо познакомиться. Вотъ нѣсколько изъ нихъ: Socialismo e Criminalità (Torino, 1883), Socialismo e scienza positiva [3]) (Roma, 1894), Discordie positiviste sul socialismo [4]), статья въ Neue Zeit, 1895—1896, озаглавленная Kriminelle Anthropologie und Socialismus. Наконецъ, мы имѣемъ возможность познакомиться съ его идеями, благодаря многочисленнымъ блестящимъ его рѣчамъ, произнесеннымъ на конгрессахъ уголовной антропологіи въ Парижѣ и Римѣ.

Ферри излагаетъ свою систему въ первой главѣ, озаглавленной: „Данныя уголовной антропологіи".

Единственно правилень, такъ начинаетъ авторъ, слѣдующій вопросъ: нормаленъ ли преступникъ или нѣтъ и если ненормаленъ, то въ чемъ заключается эта ненормальность? Откуда она происходитъ? Врожденная она или пріобрѣтенная, исправима она или нѣтъ? [5]).

Отвѣтъ, заимствованный авторомъ у сторонниковъ уголовной антропологіи, конечно, утвердителенъ и согласуется съ духомъ итальянской школы: преступникъ склоненъ къ преступленію вслѣдствіе своихъ естественныхъ особенностей; это предрасположеніе обыкновенно бываетъ прирожденнымъ; иногда оно бываетъ и пріобрѣтеннымъ, но въ такомъ случаѣ возможность пріобрѣсти его все же бываетъ прирожденной [6]).

Далѣе, авторъ разсматриваетъ [7]) по очереди различныя гипотезы, касающіяся этіологіи преступленія (за исключеніемъ гипотезы Альбрехта, которой онъ не придаетъ серіознаго значенія). И онъ прихо-

---

[1]) Вслѣдствіе этого положеніе, занимаемое Ферри, становится болѣе или менѣе двусмысленнымъ. Съ одной стороны, онъ открещивается отъ правовѣрныхъ сторонниковъ позитивной школы (Discordie positiviste), съ другой стороны, онъ самъ подвергается нападкамъ со стороны своихъ единомышленниковъ изъ лагеря соціалистической теоріи. См. Turati Il delitto e la questione sociale, Milano 1883 (contro Ferri). Lo scisma della nuova scuola penale, 1887, двѣ брошюры, не потерявшія значенія и послѣ того, какъ Ферри перешелъ въ другой лагерь. Мы вскорѣ убѣдимся, что благодаря этой двойственности маститый профессоръ невольно впалъ въ извѣстную непослѣдовательность.

[2]) Главное сочиненіе Ферри—Уголовная соціологія—переведена на русскій языкъ подъ моей редакціей въ 1908 г. *Прим. ред.*

[3]) Переведена на французскій языкъ самимъ авторомъ: Socialisme et science positive, Парижъ 1897; переведена на нѣмецкій языкъ Kurella, Лейпцигъ, 1895; на испанскій, Мадридъ, 1895 и Буэносъ Айресъ, 1895.

[4]) Эта брошюра, направленная противъ Superstizione socialista (Torino, 1895) Гарофало, переведена самимъ Ферри на французскій языкъ и озаглавлена Superstition socialiste et myopie individualiste; она составляетъ II приложеніе къ работѣ, озаглавленной Socialisme et science positive, стр. 164 и сл. Переводъ первоначально былъ напечатанъ въ Revue socialiste, 1895, t. II, стр. 515 и сл.

[5]) У. с. стр. 30.

[6]) См. также Actes du Ir Congrès etc., стр. 171: „Необходимо, чтобы и въ случайномъ преступникѣ были зачатки органической или психической ненормальности".

[7]) У. с. стр. 65 и сл.

дить къ заключенію, что ни одно изъ ученій, смотрящихъ на преступленіе исключительно какъ на біологическую ненормальность, т.-е. какъ на атавизмъ, на болѣзнь или на вырожденіе, не даетъ полнаго и вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ, хотя въ каждой изъ нихъ заключается доля правды.

Прежде всего, ни одна изъ этихъ теорій не въ состояніи объяснить естественный генезисъ преступленія у преступниковъ всѣхъ категорій. Второй ихъ недостатокъ тотъ, что онѣ не могутъ объяснить болѣе или менѣе удовлетворительно, почему одинаковая біологическая ненормальность (сумасшествіе, неврастенія, эпилепсія, вырожденіе и т. д.) одного человѣка толкаетъ къ преступленію самоубійству, а у другого проявляется въ формѣ сумасшествія или біо-психической отсталости [1]). Почему изъ двухъ дегенератовъ или помѣшанныхъ одинъ убиваетъ дѣвушку, обманувшую его, а другой самъ себѣ наноситъ смертельный ударъ? Почему изъ трехъ сыновей, воспитывавшихся и жившихъ въ одной средѣ, у одного вырожденіе выражается въ наклонности къ воровству, у другого—къ бродяжничеству, а у третьяго—въ страсти къ пролитію крови?

Біологическій факторъ преступленія является чѣмъ то специфическимъ, еще недостаточно опредѣленнымъ, но безъ него всѣ остальныя условія,—и біологическія, и физическія, и соціальныя—не въ силахъ объяснить ни формъ преступности, ни самаго преступленія [2]).

Итакъ, преступность—это специфическая форма біологической ненормальности, форма, которую авторъ называетъ „преступнымъ неврозомъ“ не столько съ цѣлью опредѣлить ея природу, сколько просто для того, чтобы вообще дать ей какое нибудь названіе, какъ дѣлали до него и другіе авторы (Виргиліо).

Этотъ неврозъ почти постоянно сопровождается, въ разной степени у того или иного преступника, другими проявленіями ненормальности, разными аномаліями, явленіями атавизма, неврастеніи, эпилепсіи, вырожденія, но специфическимъ факторомъ преступности постоянно остается именно онъ.

И вотъ выводъ, къ которому приходитъ авторъ: преступленіе—явленіе сложное по своему происхожденію оно одновременно — явленіе біологическое, физическое и соціальное [3]).

Итакъ, органическое предрасположеніе къ преступленію остается первымъ условіемъ его совершенія [4]), но, само по себѣ, оно имѣетъ лишь потенціальное значеніе: чтобы возможность обратилась въ дѣйствительности необходимо участіе другихъ факторовъ, физическихъ и соціальныхъ [5]).

---

[1]) У. с., стр. 73.

[2]) У. с., стр. 74.

[3]) У. с., стр. 75. Сравн. съ выводами Ферри на конгрессѣ въ Парижѣ, Actes du II-e Congrès, стр. 173.

[4]) См. у. с., стр. 150: „Антропологическіе факторы, вліяющіе на личность преступника, служатъ первымъ условіемъ совершенія преступленія“; стр. 155. Также Actes du I-er Congrès, etc., стр. 170. Actes du II-e Congrès, etc., стр. 272. Actes du IV-e Congrès etc., стр. 307. „Всякій преступникъ ненормаленъ или постоянно (привычный преступникъ), или временно (случайный преступникъ)“. Изъ того, что въ своихъ разсужденіяхъ Ферри очень часто указываетъ на соціальныя вліянія, можно было бы сдѣлать выводъ, что онъ на случайное преступленіе смотритъ, какъ на продуктъ соціальной среды (См. Actes du IV-e Congrès etc., стр., 202—205). Но многіе изъ вышеприведенныхъ цитатъ доказываютъ, что это мнѣніе ошибочно.

[5]) Авторъ говоритъ о физическихъ вліяніяхъ въ нѣсколькихъ монографіяхъ: Étude sur la criminalité en France, Римъ, 1881; Les variations

Несомнѣнно, что гипотеза Ферри прекрасна и имѣетъ то преимущество, что отличается общностью. Но именно эта общность лишаетъ ее оригинальности и придаетъ ей характеръ какой то комбинаціи изъ всѣхъ существующихъ теорій, въ основаніи которыхъ лежитъ теорія Ломброзо о прирожденномъ преступникѣ. Однако, это ничуть не уменьшаетъ ея цѣнности. Преступный неврозъ рѣшительно ничего не объясняетъ; это—названіе, данное извѣстному представленію, соотвѣтствіе котораго дѣйствительности не доказано, что, впрочемъ, признаетъ и самъ авторъ. Можно даже сомнѣваться въ дальнѣйшихъ открытіяхъ науки относительно сущности этого невроза и его дѣйствія, хотя Ферри и разсчитываетъ на это. Въ нашу задачу не входитъ провѣрка этой теоріи; для насъ достаточно ее изложить, чтобы узнать, какое значеніе эта система придаетъ экономическимъ факторамъ. Мы, впрочемъ, знаемъ, что на конгрессѣ въ Парижѣ ни система біологической первопричины Ломброзо, ни даже система Ферри не встрѣтили единодушнаго сочувствія. Эти системы подверглись многимъ нападкамъ, особенно со стороны Лакассаня, Мануврiэ, Вруарделя и др.

Далѣе, Ферри переходитъ къ „критикѣ экономическихъ и соціальныхъ вліяній“ [1]).

Чтобы переходъ къ нашему главному предмету—экономическимъ вліяніямъ — былъ болѣе естественъ, мы позволимъ себѣ отступить нѣсколько отъ порядка изложенія и разсмотрѣть его экономическія воззрѣнія послѣ.

Ферри считаетъ обѣ чисто соціальныя гипотезы такъ же мало удовлетворительными, какъ и гипотезу біологическую въ ея чистомъ видѣ.

Тезисъ Ваккаро, что преступленіе есть просто недостатокъ приспособляемости виновнаго къ охраняемому законами общественному строю, удовлетворителенъ лишь отчасти [2]); онъ теряетъ всякое значеніе при попыткѣ къ обобщенію, потому что не въ состояніи объяснить, почему это отсутствіе приспособляемости толкаетъ на преступленіе лишь ничтожное меньшинство индивидовъ, у большей же части выражается лишь въ физическомъ или нравственномъ недоразвитіи, въ помѣшательствѣ; иногда толкаетъ на самоубійство и т. д.

Кромѣ того эта гипотеза не имѣетъ никакого фактическаго основанія—если оставить въ сторонѣ политическія и соціальныя преступленія,—особенно же, когда дѣло касается преступленій, совершаемыхъ не притѣсняемымъ противъ притѣснителя, а притѣсняемымъ противъ другого притѣсняемаго.

Гипотеза соціальной среды Лакассаня въ глазахъ Ферри также несовершенна [3]) и также слишкомъ узка. Одна среда не въ состояніи сдѣлать перваго встрѣчнаго воромъ или убійцей; это видно изъ того простого факта, что лишь ничтожное меньшинство даетъ себя увлечь на путь преступленія [4]). Замѣтимъ мимоходомъ, что французская школа не оставила этого возраженія безъ отвѣта [5]).

Переходя къ анализу экономическихъ факторовъ [6]), Ферри воз-

---

thermométriques et la criminalitè въ Archives de l'Antrop. crim. II, стр. 3. Das Verbrechen in seines Abhaengihkeit von dem jaerlichen Temperaturwechsel, Берлинъ, 1882.

[1]) У. с., стр. 76 и сл.

[2]) У. с., стр. 77—78.

[3]) У. с., стр. 78 и сл.

[4]) См. Actes du II-e Congrès etc., стр. 43 и сл.; стр. 174, 272 и сл.

[5]) См. отвѣтъ Manouvrier Ферри. Actes du II-e Congrès, etc., стр. 276 и сл., особенно стр. 278—280.

[6]) У. с., стр. 76—77.

стаетъ противъ мнѣнія соціалистовъ, которые всѣ причины преступности сводятъ только къ экономическимъ условіямъ; отъ послѣднихъ, по мнѣнію соціалистовъ, зависятъ рѣшительно всѣ прочія условія нравственнаго или интеллектуальнаго характера, вліяющія на отдѣльныхъ индивидовъ и на цѣлыя общества.

Авторъ заявляетъ, что, по его мнѣнію, экономическіе факторы оказываютъ болѣе или менѣе значительное непосредственное вліяніе, особенно при совершеніи нѣкоторыхъ случайныхъ имущественныхъ преступленій или личныхъ посягательствъ [1]). Но экономическій факторъ не только не въ состояніи проявить свое вліяніе при отсутствіи біологическихъ условій (такъ какъ изъ тѣхъ, кто испытываетъ лишенія въ одной и той же средѣ лишь ничтожное меньшинство совершаетъ преступленія), но онъ вообще не является ни первой, ни абсолютной причиной. Экономическія условія, въ которыхъ находится тотъ или другой народъ, а слѣдовательно и индивиды, въ свою очередь, зависятъ отъ физической среды и отъ энергіи данной расы. Во всякомъ случаѣ, всякое явленіе бываетъ не только слѣдствіемъ, но и причиной; поэтому можно признать, что экономическія условія являются однимъ изъ факторовъ, которые, вмѣстѣ съ біологическими, физическими и соціальными вліяніями, болѣе или менѣе рѣшительно, въ зависимости отъ личныхъ условій каждаго преступника,—опредѣляютъ его къ преступленію.

Изъ вышеприведенныхъ цитатъ, а также и изъ другихъ, смыслъ и направленіе которыхъ приблизительно тѣ же [2]), можно сдѣлать выводъ, что Ферри придаетъ экономическимъ факторамъ лишь довольно ограниченное значеніе. Это мнѣніе еще укрѣпится, если кинуть взглядъ на подробный перечень факторовъ, играющихъ, по его мнѣнію, роль въ генезисѣ преступленія [3]). Въ самомъ дѣлѣ, среди большого числа факторовъ различнаго характера, авторъ ограничивается упоминаніемъ и факторовъ экономическихъ, не придавая имъ исключительнаго значенія. Впрочемъ, въ этомъ перечнѣ мы замѣчаемъ нѣкоторое смѣшеніе факторовъ антропологическихъ съ соціальными, причемъ это смѣшеніе не въ пользу послѣднихъ [4]).

Къ такимъ же выводамъ Ферри приходилъ и раньше, въ своихъ прежнихъ работахъ, гдѣ онъ также изслѣдовалъ вліяніе экономическихъ факторовъ. Въ своихъ Studi sulla criminalità in Francia dal 1826 al 1878 [5]), работѣ, на которую онъ и самъ часто ссылается, онъ стремится найти причины роста преступности во Франціи, и находитъ ихъ [6]) преимущественно въ безпрестанномъ накопленіи собственности вообще и движимой въ особенности, а также въ ростѣ народонаселенія, незначительности эмиграціоннаго движенія, увеличеніи числа агентовъ охраны, тысячахъ трудностей, которыя приходится побѣдить, чтобы содержать себя и свою семью).

---

[1]) Въ томъ же смыслѣ. Actes du II-e Congrès, etc., стр. 44.
[2]) Discordie pos. стр. 7. Archives d'anthrop. crim. II, стр. 3. у. с., стр. 143.
[3]) У. с. стр. 151.
[4]) Ферри относитъ къ чисто біологическимъ факторамъ, между прочимъ, также біо-соціальныя условія, гражданское состояніе, профессію, жилище, принадлежность къ извѣстному соціальному классу, образованіе, воспитаніе, «все въ сущности соціальные факторы», замѣчаетъ Тардъ. И далѣе онъ добавляетъ: „Очевидно, что Ферри, какъ и большинство мыслителей нашего времени, опьяненъ молодымъ виномъ естественныхъ наукъ, еще не успѣвшимъ перебродить; онъ склоненъ смѣшивать соціальныя явленія съ явленіями жизненными, преувеличивая значеніе послѣднихъ". Philosophie pènale, Парижъ, 1900 стр. 72.
[5]) См. Annali di Statistica, сер. 2, т. XXI, Римъ, 1881.
[6]) Studi, и т. д., стр. 25 и сл.

ЦАБ "Автограф"

Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, вмѣстѣ съ ростомъ народонаселенія увеличивается число тѣхъ, кто можетъ послужить объектомъ преступленія; точно такъ же вмѣстѣ съ ростомъ богатства увеличивается число предметовъ, изъ-за которыхъ совершаются имущественныя преступленія или личныя посягательства.

Въ этомъ мнѣніи кроется та же частица истины, которую можно было найти въ сенсаціонной теоріи Полетти, вызвавшей такое количество возраженій. Ферри придаетъ такое значеніе вредному вліянію увеличенія заработной платы и количество съѣстныхъ припасовъ, что находитъ параллель между этими категоріями явленій и увеличеніемъ числа имущественныхъ преступленій и преступленій противъ нравственности [1]). И въ самомъ дѣлѣ, съ 1835 до 1871 года заработная плата увеличилась на 45%; съ другой стороны, добыча зернового хлѣба, равнявшаяся въ 1825—1829 годахъ 60.000.000 гектолитровъ, послѣ легкихъ временныхъ колебаній, выросла въ періодъ 1874—1878 г.г. до 104.000.000 гектолитровъ; потребленіе мяса также пропорціонально увеличилось.

Это же явленіе привлекаетъ вниманіе автора въ другой работѣ, построенной на однородныхъ данныхъ и озаглавленной: Das Verbrechen in seiner Abhängigkeit von dem järlichen Temperaturwechsel [2]). Онъ констатируетъ уменьшеніе числа безнравственныхъ проступковъ въ 1867—1868 г.г. и ставитъ это явленіе въ зависимость отъ недостаточнаго количества и дороговизны мяса; наоборотъ, въ богатыхъ урожаяхъ 1874 года и въ обильныхъ сборахъ винограда 1874 и 1875 г.г. онъ видитъ причину возрастанія числа этого рода преступленій [3]).

Итакъ, Ферри защищаетъ то же мнѣніе, что и Ломброзо въ 3-ей части „Преступнаго человѣка".

Эти разсужденія Ферри были впослѣдствіи повторены Гарофало для того, чтобы доказать отсутствіе зависимости между преступностью и экономическими условіями [4]). Во всякомъ случаѣ, совершенно ясно, что Ферри въ 1881 году еще менѣе вѣрилъ въ вредное вліяніе матеріальной нужды, чѣмъ впослѣдствіи, когда онъ писалъ „Уголовную соціологію".

Ферри рѣшительно оспариваетъ соціалистическую теорію въ Socialismo e Criminalitá (Torino 1883), произведеніи, направленномъ преимущественно противъ Турати. Повторивъ еще разъ аргументъ [5]), которому онъ, очевидно, придаетъ очень большое значеніе, что одни дурныя экономическія условія безсильны объяснить, почему изъ ста бѣдняковъ одни совершаютъ преступленія, а другіе нѣтъ, онъ ставитъ, въ главѣ Benessere e criminalità, вопросъ: насколько энергично нищета толкаетъ на путь преступленія? [6]).

Авторъ считаетъ, что очень трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Необходимо сдѣлать строгое различіе между имущественными преступленіями, личными посягательствами и преступленіями противъ нравственности. Кромѣ того, среди преступленій, относящихся къ одной изъ этихъ трехъ категорій, есть и такія, которыя не стоятъ ни въ какой связи, ни въ прямой, ни въ косвенной, съ экономической необезпеченностью:

---

[1]) Ibidem, стр 26 и 27.

[2]) Въ Zeitschrift fur die gesamte Strafrechtswissenschaft 1882.

[3]) Ibid., стр. 48. См. также: Socialismo e Criminalitá, Torino, 1883, стр. 74 и сл.

[4]) Garofalo. La criminologie, Парижъ, 1595, стр 186.

[5]) Soc. e Crim., стр. 66.

[6]) Ibid., стр. 71 и сл.

таковы преступленія противъ чести, оскорбленія, злоупотребленія властью, возможность которыхъ не исчезнетъ даже при анархическомъ режимѣ. Даже цѣлый рядъ имущественныхъ преступленій не изчезъ бы въ коммунистическомъ обществѣ, такъ что „nell' umanità del secolö XIX il benessere economico non é niente affato quel tocca e sana di ogni e qualunque criminalità" [1]).

Но этотъ взглядъ автора не вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что онъ говорилъ въ болѣе позднихъ произведеніяхъ соціалистическаго направленія, о которыхъ мы уже упоминали; таковы: Socialismo e scienza positiva (Roma 1894), Discordie positivisté sul socialismo (Palérmo, 1895), и статья, напечатанная въ Neue Zeit (1895—1896) Kriminelle Anthropologie und Socialismus, гдѣ Ферри излагаетъ свои взгляды на зависимость преступности отъ экономическихъ вліяній.

Тутъ Ферри настаиваетъ на томъ, что, если исчезновеніе нужды не искоренитъ окончательно преступности [2]), то во всякомъ случаѣ оно уничтожитъ большую и самую важную ея часть. Отсюда слѣдуетъ, что въ своихъ соціалистическихъ произведеніяхъ онъ придаетъ очень важное значеніе экономическимъ условіямъ среди другихъ причинъ преступности.

Впрочемъ, пусть онъ лучше самъ изложитъ свои мысли: „Что касается полнаго исчезновенія преступности, говоритъ онъ, я по этому вопросу продолжаю держаться мнѣнія, которое я въ 1883 году защищалъ въ Socialismo e Scienza positiva: даже при соціалистическомъ режимѣ найдутся люди, которые не вынесутъ борьбы за существованіе; впрочемъ, я готовъ согласиться съ тѣмъ, что ихъ будетъ гораздо меньше. И если хроническія и эпидемическія формы невроза преступности и сумасшествія исчезнутъ, то въ острыхъ и спорадическихъ формахъ онъ, несомнѣнно, будетъ существовать по прежнему [3]).

Противъ возраженій Гарофало, что нѣтъ никакой связи [4]) между этимъ болѣзненнымъ неврозомъ и формой коллективной собственности, Ферри защищается слѣдующимъ образомъ [5]): если нищета и не можетъ быть признана единственной и исключительной причиной вырожденія человѣчества, то все-таки она остается главной его причиной; это фактъ, который теперь уже никѣмъ не опровергается, который опровергнуть, впрочемъ, и невозможно. Соціализмъ утверждаетъ и доказываетъ, что нищета рабочаго класса исчезнетъ вмѣстѣ съ введеніемъ соціалистическаго режима и соціалистической формы производства. Очевидно, что при соціалистическомъ строѣ, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ нищеты, исчезла бы также главная причина вырожденія народа въ его хроническихъ и эпидемическихъ формахъ — болѣзни, преступность и помѣшательство. Далѣе, всякій видитъ ежедневно, что даже среди представителей буржуазіи и аристократіи, лихорадочная конкурренція и яростная борьба за пріобрѣтеніе и сохраненіе частной собственности

---

[1]) Краткое резюме своихъ мыслей, сдѣланное Ферри въ Socialismo e Criminalitá достаточно ясно показываетъ, что профессоръ Sergi былъ неправъ, когда утверждалъ, что Ferri nel suo Socialismo e criminalitá, con troppa fretta nega l'influenza della miseria in generale sulle delinquenza (Antropologia e scienze antropologiche, Messina, 1889, (стр. 375). Категорическое заявленіе Ферри, которое представляетъ резюме его мыслей (стр. 73), а также все предшествующее изложеніе очевидно, ускользнули отъ вниманія Sergi.

[2]) Disc. pos., стр. 7 и стр. 56; Neue Zeit., 1895—96, XIV, стр. 457; soc. et science pos., стр. 42—43.

[3]) Disc. pos., стр. 51 и сл.

[4]) Garofalo, La superstizione socialista, Torino 1895, стр. 206.

[5]) Disc. pos., стр. 55—57, Socialisme et science positive, стр. 44—45.

приводятъ къ неврозу, преступленію и самоубійству значительную группу несчастныхъ, выброшенныхъ за бортъ „di commendatori e di conti o marchési“ (это спеціально относится къ Италіи); между тѣмъ при коллективистскомъ строѣ общества, когда исчезнетъ эта горячка индивидуальной собственности и эта неувѣренность въ обезпеченности своего благосостоянія, эти несчастные наслаждались бы гораздо болѣе спокойной жизнью, и были бы спасены отъ вырожденія... Уже въ 1883 г. я утверждалъ, и то же самое я и сейчасъ утверждаю, что при коллективистскомъ режимѣ исчезнутъ хроническія и эпидемическія формы преступности, которыя являются слѣдствіемъ вырожденія, создаваемаго нищетой и лихорадочной борьбой за богатство“. Но въ Kriminelle Anthropologie und Socialismus (Neue Zeit, XIV, 1895—1896, стр. 455 и сл.) Ферри пошелъ еще дальше и сталъ утверждать, что случайные и привычные преступники—почти исключительно продукты соціальной среды, что всѣ они, т. е. иными словами три четверти арміи преступниковъ, исчезли бы неизбѣжно въ коллективистскомъ обществѣ. Даже преступникъ по страсти пересталъ бы существовать, потому что при соціалистическомъ режимѣ эгоизмъ пересталъ бы быть непримиримымъ противникомъ соціальной жизни. По прежнему будутъ встрѣчаться помѣшанные и прирожденные преступники; только число ихъ уменьшится подъ вліяніемъ общаго улучшенія [1]).

Неудивительно, что Гарофало [2]) и другіе [3]) указываютъ на противорѣчіе, существующее между взглядомъ Ферри въ Socialismo e criminalita, взглядомъ антисоціалистическимъ, и дальнѣйшимъ развитіемъ этого взгляда въ позднѣйшихъ трудахъ новообращеннаго Ферри, когда онъ сталъ проповѣдывать соціалистическія теоріи.

Ферри, не легко идущій на уступки, рѣшительно отказывается признать справедливость этихъ указаній. Прежде всего, онъ заявляетъ, что различіе между уголовной антропологіей и соціализмомъ лишь кажущееся и очень поверхностное [4]). Онъ прилагаетъ огромныя усилія, чтобы согласовать свои прежнія воззрѣнія съ своими новѣйшими, соціалистическими взглядами. По его словамъ онъ постоянно защищаетъ одну и ту же доктрину, которая изложена имъ въ Socialismo e criminalità [5]).

Другое противорѣчіе, встрѣчаемое въ произведеніяхъ Ферри, еще интереснѣе, чѣмъ вышеуказанное различіе во взглядахъ Ферри—безсознательнаго соціалиста и Ферри—открытаго сторонника соціализма. Если правда то, что говоритъ намъ авторъ въ своихъ соціалистическихъ произведеніяхъ, будто именно отъ измѣненій въ матеріальной сторонѣ жизни зависитъ хроническая и эпидемическая преступность и даже въ большинствѣ случаевъ преступность, возникшая на почвѣ вырожденія (около 75%), то оказывается, что значеніе матеріальныхъ факторовъ гораздо больше, чѣмъ это считаетъ авторъ въ Уголовной соціологіи. Такимъ образомъ въ Ферри есть какая то двойственность, которая рѣзко бросается въ глаза; криминалистъ Уголовной соціологіи и ораторъ на конгрессахъ съ одной стороны значительно отличается отъ болѣе или менѣе утопическаго соціалиста, который надѣется, что вмѣстѣ съ введеніемъ коллективизма исчезнетъ совершенно всякая преступность, какъ по мановенію волшебнаго жезла.

---

[1]) См. также: Socialisme et science positive стр. 42.
[2]) Garofalo, y. c. стр. 128 и сл.
[3]) См. Dic pos., стр. 50 и Néue Zeit. XIV, стр. 453.
[4]) Social. et science pos, стр. 39: Neue Zeit XIV, стр. 454.
[5]) Social. et science pos., стр. 36; Disc. pos., стр. 50.

ЦАБ "Автограф"

Мы съ удовольствіемъ можемъ отмѣтить, что Ферри принадлежитъ къ числу немногихъ криминалистовъ, подмѣтившихъ, что есть различіе въ дѣйствіи соціальныхъ факторовъ, смотря потому, разсматривается ли преступность въ движеніи или нѣтъ. Правда, онъ не анализируетъ достаточно основательно и систематично этого различія; между тѣмъ такой анализъ былъ бы очень полезенъ для освѣщенія проблемы. Но, покрайней мѣрѣ, онъ отдѣльно разсматриваетъ періодическія колебанія преступности и его причины. Констататировавъ наличность этихъ колебаній въ главѣ II (Данныя уголовной статистики), авторъ добавляетъ [1]), что нельзя предположить, чтобы эти постоянныя колебанія зависѣли отъ соотвѣтствующихъ колебаній антропологическихъ и физическихъ факторовъ, такъ какъ послѣднія совершаются очень медленно и не могутъ претерпѣвать такихъ постоянныхъ и значительныхъ измѣненій, которыя соотвѣтствовали бы необыкновенному развитію преступности, наблюдаемому нами повсемѣстно въ Европѣ въ теченіе послѣдней половины вѣка.

Итакъ, наибольшее вліяніе на періодическое движеніе преступности имѣютъ соціальные факторы. Даже тѣ измѣненія, которыя намъ приходится наблюдать, изучая антропологическіе факторы, напримѣръ, измѣненія въ распредѣленіи преступниковъ по полу и возрасту, сами зависятъ отъ соціальныхъ факторовъ, напримѣръ, отъ развитія защиты дѣтей, отъ степени участія женщинъ въ общественной, коммерческой и промышленной жизни и т. д. Затѣмъ, соціальные факторы имѣютъ большое вліяніе на случайную и привычную преступность, которыя составляютъ наибольшую чисть преступленій.

Затѣмъ, Ферри старается найти причины измѣненій преступности [2]), которыя мы наблюдаемъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Авторъ находитъ тутъ въ различныхъ явленіяхъ, особенно въ такихъ характерныхъ [3]), какъ неурожаи 1846—47 г.г. [4]), дѣйствіе экономическихъ факторовъ, хотя и не говоритъ объ этомъ подробно на томъ основаніи, что онъ уже спеціально разсматривалъ этотъ вопросъ въ Studi sulla criminalità in Francia.

При изложеніи [5]) закона насыщенія преступности [6]), автору неоднократно представляется возможность спеціально коснуться экономическихъ факторовъ [7]), хотя въ данномъ случаѣ вопросъ о послѣднихъ составляетъ лишь часть болѣе общаго вопроса.

На стр. 182 онъ упоминаетъ объ оригинальной формѣ вліянія матеріальныхъ факторовъ: иногда они благопріятствуютъ развитію преступности, такъ какъ совершеніе преступленія даетъ надежду найти пропитаніе въ тюрьмѣ. Наоборотъ, благодаря неурожаю иногда уменьшается число нѣкоторыхъ преступленій; причина въ этомъ случаѣ аналогична предыдущей; уменьшается въ данномъ случаѣ число побѣговъ изъ тюремъ и домашнихъ кражъ, а также злоупотребленія довѣ-

---

[1]) У. с., стр. 162 и 163.
[2]) У. с., стр. 166 и сл.
[3]) У. с., стр., 177 и 178.
[4]) Цифры, приводимыя Ферри относительно бельгійской преступности для періода, предшествовавшаго кризису 1846—47 и слѣдующихъ годовъ, значительно отличаются (въ 1848 г. даже принципіально) отъ цифръ, приводимыхъ профессоромъ Denis на Брюссельскомъ Конгрессѣ; казалось бы, однако, что послѣдній лучше освѣдомленъ въ данномъ вопросѣ. См. Actes du III-e Congrès. etc., стр. 366.
[5]) У. с., стр. 179 и сл.
[6]) Авторъ опровергаетъ механическое пониманіе соціальнаго закона Кетле; онъ склоняется въ пользу не статической, но динамической стойкости преступности.
[7]) У. с., стр. 181.

ЦАБ "Автограф"

ріемъ со стороны прислуги, такъ какъ обостряется опасеніе быть выброшеннымъ на улицу въ моментъ экономическаго кризиса [1]). Наблюдается также уменьшеніе числа заочныхъ рѣшеній, такъ какъ воры и бродяги предпочитаютъ быть арестованными, чѣмъ страдать отъ нищеты за стѣнами тюрьмы [2]).

Авторъ поднимаетъ еще вопросъ о соотношеніи между цивилизаціей и преступностью [3]), а также между цивилизаціей, сумасшествіемъ и самоубійствами; по этому вопросу получались самые разнообразные отвѣты.

Каждой фазѣ развитія, какъ у отдѣльнаго индивида, такъ и у цѣлаго общества, соотвѣтствуетъ опредѣленная форма преступности; преступленія носили кровавый характеръ во времена феодализма, они имѣютъ преимущественно форму обмана и воровства въ буржуазномъ обществѣ, а въ обществѣ будущаго они примутъ еще какія-нибудь новыя формы.

Удвоеніе (и болѣе) преступности въ наше время несомнѣнно стоитъ въ связи съ постояннымъ прогрессомъ общества. Эта связь, хотя и случайная, все же существуетъ.

Въ своемъ изслѣдованіи преступности во Франціи Ферри, опираясь на ту же идею, сравниваетъ численное увеличеніе преступности съ измѣненіями въ законахъ, съ ростомъ населенія, съ усиленіемъ полиціи, накопленіемъ богатствъ и развитіемъ торговли. [4]) Затѣмъ Ферри высказывается рѣшительно противъ теоріи Полетти, который доводитъ эту идею до ея крайнихъ предѣловъ и утверждаетъ, что преступность стоитъ въ прямой зависимости отъ экономической дѣятельности, такъ что не можетъ быть и рѣчи объ увеличеніи преступности, пока ея развитіе не превзошло нормы, указанной развитіемъ экономической жизни населенія.

Намъ еще представится случай вернуться къ изслѣдованію ученія Полетти.

Чтобы получить ясное понятіе о томъ, какимъ экономическимъ факторамъ Ферри придаетъ значеніе прямыхъ причинъ преступности, слѣдуетъ обратить особое вниманіе на списокъ мѣръ, замѣняющихъ наказанія [5]), гдѣ авторъ указываетъ, между прочимъ, и на мѣры, которыя слѣдуетъ принять для улучшенія экономической жизни, какъ на средство предупрежденія преступленій [6]): такъ, свобода обмѣна предупреждаетъ преступленія, нарушающія свободу; свобода эмиграціи освобо-

---

[1]) См. по этому поводу Lombroso, Le crime, causes et remèdes. стр. 98

[2]) См. Chaussinand, Étude sur la statistique criminelle en France Ліонъ, 1881, стр. 18.

[3]) У. с., стр. 142 и сл.

[4]) У. с., стр. 145 и сл. Еще раньше Ферри высказывался противъ этой теоріи, въ изслѣдованіи, озаглавленномъ: Socialismo, psicologia e statistica nel diritto penale въ Archivio di psichiatria, etc, IV, fasc. II.

[5]) Мысль предупредить преступленіе субститутами наказанія составляетъ одну изъ оригинальныхъ идей автора, которыхъ у него немало и которая вполнѣ согласуется съ новѣйшимъ пониманіемъ задачъ уголовнаго права. Къ сожалѣнію, большинство мѣропріятій, предлагаемыхъ Ферри, никогда не будутъ осуществимы, потому что лекарство оказывается опаснѣе болѣзни. Чтобы излѣчить общество отъ язвы преступности, Ферри предлагаетъ ампутировать его члены и совершенно изуродовать весь соціальный организмъ. См. по этому поводу: Garofalo, La Criminologie, стр. 216. „Перечисляя субституты наказаній, говоритъ также Тардъ, онъ даетъ лишь неразработанный эскизъ, въ которомъ хороша только основная идея". Philosophie penale, стр. 78. Эту основную идею мы встрѣчаемъ еще у Бентама. Traité de legislation civile et pénale Парижъ, 1830, стр. 213 и сл.

[6]) У. с. стр. 219 и сл.

ждаетъ страну отъ опаснаго контингента людей, дѣятельность которыхъ въ другомъ мѣстѣ можетъ приносить сравнительно меньше вреда, такъ какъ находитъ другое, лучшее примѣненіе; ограниченіе или полное уничтоженіе ввозныхъ пошлинъ уменьшаетъ контрабанду; система прогрессивнаго обложенія, ложащагося на дѣйствительное богатство и дѣйствительные доходы, а не на предметы первой необходимости, уменьшаетъ число систематическихъ обмановъ; освобожденіе отъ всякаго обложенія извѣстнаго минимума дохода уменьшило бы значительно число преступленій; организація общественныхъ работъ во время неурожаевъ и суровыхъ зимъ, ограниченіе продажи и фабрикаціи алкоголя, замѣна бумажныхъ денегъ металлическими, основаніе народнаго и земледѣльческаго кредита, уменьшеніе процента государственной ренты, улучшеніе вознагражденія чиновниковъ, уменьшеніе числа рабочихъ часовъ въ занятіяхъ, требующихъ особаго вниманія (желѣзныя дороги и т. д.), развитіе шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, трамваевъ, расширеніе улицъ, улучшеніе освѣщенія, включеніе въ города старыхъ пригородовъ, надзоръ за постройкой мастерскихъ, ограниченіе числа рабочихъ часовъ дѣтей, удешевленіе квартиръ для рабочихъ, санитарныя мѣры, кооперативные союзы, сберегательныя кассы, пенсіи для стариковъ и инвалидовъ, гражданская отвѣтственность предпринимателей и капиталистовъ при несчастныхъ случаяхъ, народные банки для сбереженій, реформа благотворительности—все это, говоритъ авторъ, вѣрнѣе, чѣмъ уголовный кодексъ, предупреждало бы имущественныя преступленія и личныя посягательства.

Мы видимъ, что Ферри все сводитъ къ единственной цѣли, къ уменьшенію преступности (при просматриваніи списковъ другихъ „sostitutivi“, это еще больше бросается въ глаза), причемъ онъ совершенно забываетъ, что у общества есть еще и другіе интересы, гораздо болѣе важные, которые необходимо имѣть въ виду, чтобы не принести вреда и всему обществу, и отдѣльнымъ его членамъ во имя, можетъ быть, утопическихъ мѣръ, долженствующихъ уменьшить преступность.

Теперь въ немногихъ словахъ мы можемъ подвести итогъ всѣмъ мыслямъ почтеннаго криминалиста, высказаннымъ по нашему вопросу. Подобно Ломброзо, онъ существеннѣйшее значеніе придаетъ органическому началу. Послѣднее приводится въ дѣйствіе вліяніемъ факторовъ антропологическихъ, къ которымъ оно само принадлежитъ, а также физическихъ [1]) (космическихъ) и соціальныхъ [2]). Преступленіе, по происхожденію своему,— явленіе сложное, одновременно и біологическое, и физическое, и соціальное. Три рода факторовъ оказываютъ различное по степени и качеству вліяніе; но во всякомъ случаѣ ихъ совокупное дѣйствіе проявляется постоянно, и преступленіе представляетъ собой необходимее ихъ слѣдствіе [3]). Роль экономическихъ факторовъ среди другихъ соціальныхъ факторовъ, однако, значительна. Мы старались показать, что авторъ иногда даже бываетъ склоненъ придавать почти исключительное значеніе матеріальнымъ причинамъ въ этіологіи преступленія.

---

[1]) Мы затрудняемся понять D'Aletrino (Twee opstellen over criminelle anthropologie, Haarlem, 1898, стр. 16), который утверждаетъ, что Ферри первенствующее значеніе придаетъ космическимъ и теллурическимъ факторамъ; біологическіе же факторы онъ будто бы ставитъ на второй планъ, соціальныхъ же вовсе не признаетъ. Чтеніе книги Алетрино приводитъ къ заключенію, что авторъ ея цитируетъ сплошь и рядомъ изъ вторыхъ рукъ даже важнѣйшихъ криминалистовъ; тутъ мы наталкиваемся на множество неточностей и на мысли, „вводящія легко въ заблужденіе“, по словамъ проф. Simons (Themis, 1899, стр. 333).

[2]) У. с., стр. 161.

[3]) У. с., стр. 79. См. также Actes du IV-e Congrès, etc., стр. 86.

Рафаэль Гарофало.

Произведеніе барона Р. Гарофало, прокурора кассаціоннаго суда въ Римѣ, стоитъ въ тѣсной связи съ произведеніями Ломброзо и Ферри, какъ по принципамъ, на которыхъ оно построено, такъ и по времени своего опубликованія.

Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, онъ во многихъ пунктахъ несогласенъ съ этими двумя криминалистами, стоящими вмѣстѣ съ нимъ во главѣ позитивной школы въ Италіи. Ферри доходитъ до того, что обвиняетъ его въ квази-спиритуализмѣ и ортодоксіи [1]), что въ глазахъ Ферри составляетъ очень тяжкое обвиненіе [2]),

Ферри указываетъ на слѣдующіе пункты разногласія съ нимъ Гарофало: Гарофало считаетъ прямой причиной преступленія извращеніе нравственнаго чувства; онъ видитъ въ религіи предохранительное средство противъ преступности; по его мнѣнію бѣдность не оказываетъ никакого вліянія на преступность, а народное образованіе не только не предупреждаетъ ее, а, наоборотъ, увеличиваетъ число преступленій [3]).

Уроженецъ сѣверной Италіи, Гарофало гораздо сдержаннѣе въ полемикѣ, чѣмъ его знаменитые сотоварищи; это, очевидно, и хотѣлъ отмѣтить Léveillé, когда онъ, сравнивая Гарофало съ Ферри, и особенно съ Ломброзо, назвалъ его „разумнымъ антропологистомъ“ [4]). Во всякомъ случаѣ всѣ они очень близки по духу, и сами сознаютъ это [5]). Они связаны основной точкой зрѣнія, согласно которой въ конечномъ анализѣ причина преступности всегда лежитъ въ организмѣ, предрасполагающемъ къ преступленію [6]). Они солидарны въ усиліи проложить путь для новой итальянской школы. Сейчасъ мы намѣрены, пользуясь тѣмъ же методомъ, который примѣнялся нами выше, дать общій обзоръ ученія Гарафало, чтобы затѣмъ перейти къ изложенію частностей въ его пониманіи связи преступности съ экономической средой.

Гарофало подробно изложилъ свою теорію въ своемъ главномъ произведеніи, La Criminologie (Парижъ 1895), переведенномъ имъ самимъ на французскій языкъ со второго итальянскаго изданія. Онъ затрагиваетъ нашъ вопросъ и въ La Superstizione socialista [7]), гдѣ, впрочемъ, не говоритъ ничего новаго; наконецъ, мы можемъ еще воспользоваться отдѣльными его заявленіями на конгресахъ въ Римѣ, Парижѣ и Женевѣ.

Сдѣлавъ подробный анализъ человѣческихъ чувствъ, Гарофало приходитъ къ выводу, что существуетъ естественное преступ-

---

[1]) Ferri, Disc. pos. sul socialismo, стр. 6.

[2]) См. Polemica in difesa sulla scuola criminale positiva, per Lombroso, Ferri, Garofalo, Fioretti. Bologna, 1886, стр. 287.

[3]) Ferri, Disc. pos., стр. 6 и 7.

[4]) Archives de l'anthr. crim., 1889, стр. 518.

[5]) См. Disc. pos., стр. 7 и 18 и Soc. crim., стр. VI.

[6]) Мы показали уже непоколебимую вѣру Ломброзо и Ферри въ этотъ принципъ. Относительно Гарофало см. La Criminologie (Парижъ 1895), стр. 103—105 и 115, Далѣе Actes du IV-e Cougrès, etc., стр. 146; Actes du II-e Congrès, etc., стр. 203. Mitteilungen der intern. Kriminal. Vereinigung, IV, 1893. стр. 145 и 146. Здѣсь авторъ говоритъ, однако, что недостатокъ нравственнаго чувства не всегда непремѣнно физическаго происхожденія Это положеніе мы можемъ понять лишь въ томъ смыслѣ, что извращеніе нравственнаго чувства не всегда бываетъ патологическимъ; но, конечно, оно должно быть связано съ состояніемъ тѣла, такъ какъ иначе вышеизложенная мысль противорѣчила бы ученію Гарофало, развитому имъ въ La Criminologie.

[7]) Torino 1895. Французскій переводъ, La superstition socialiste, въ Парижѣ, 1895.

леніе, подъ которымъ онъ понимаетъ дѣйствіе вредное и оскорбляющее то, что принято называть нравственнымъ чувствомъ [1]). Нравственное чувство есть чувство прирожденное и коренится въ совокупности альтруистическихъ нравственныхъ переживаній, т. е. такихъ дѣйствій, которыми приносится польза другому лицу независимо отъ полезности этого дѣйствія для насъ самихъ. Нравственное чувство выражается двояко: въ формѣ чувства благожелательности или состраданія и въ формѣ чувства справедливости или честности. Среднимъ уровнемъ развитія нравственнаго чувства слѣдуетъ признавать степень чувства свойственную большей части членовъ даннаго общества (онъ также подверженъ колебаніямъ). Итакъ,преступленіе—это вредное дѣйствіе, оскорбляющее нравственное чувство взятое въ средней степени его развитія. Въ зависимости отъ того, нарушены ли требованія чувства благожелательности или справедливости, преступное дѣяніе должно быть названо личнымъ посягательствомъ или имущественнымъ преступленіемъ. Итакъ, преступникъ—это ненормальный субъектъ, лишенный средняго уровня развитія нравственнаго чувства [2]). Вотъ его первый отличительный признакъ. Хотя Гарофало и не признаетъ многихъ особенностей, которыя Ломброзо считаетъ характерными, онъ все-таки вѣритъ въ существованіе отличительныхъ внѣшнихъ признаковъ, дѣлающихъ иногда изъ преступника особую разновидность человѣческой породы.

Но главное—это извращеніе нравственнаго чувства. Это извращеніе, равно какъ и утонченное нравственное чувство, которымъ отличаются великіе альтруисты, бываетъ прирожденнымъ. Рѣдко кто отрицаетъ совершенно существованіе врожденной [3]) склонности къ преступленію, но многіе ограничиваютъ ее нѣсколькими патологическими случаями и на преступника смотрятъ не какъ на физическаго дегенерата, а какъ на дегенерата соціальнаго. Авторъ не упускаетъ изъ виду и внѣшнихъ факторовъ [4]), каковы: физическая и нравственная среда, традиціи, примѣры, климатъ, пьянство и т. д., но онъ утверждаетъ, что въ основѣ преступности непремѣнно лежитъ извѣстная прирожденная особенность. Итакъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ ясно выраженной доктриной о прирожденномъ преступникѣ.

Случайныхъ преступниковъ вовсе не существуетъ, если подъ этимъ терминомъ подразумѣвать человѣка съ нормальной нравственной организаціей, который совершаетъ преступленіе подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ [5]). Существуетъ естественная склонность къ преступленію, которую можно иногда обнаружить по болѣе или менѣе замѣтнымъ внѣшнимъ признакамъ, но вліяніе которой можетъ быть смягчено благодаря счастливому стеченію внѣшнихъ обстоятельствъ [6]).

---

[1]) La Criminologie, стр. 4 и сл.
[2]) У. с., стр. 69 и сл.
[3]) У. с., стр. 104 и сл.
[4]) У. с., стр. 105.
[5]) См. также Actes du IV Congrés, etc., стр. 146.
[6]) Съ перваго взгляда можетъ показаться, что Гарофало отчасти согласенъ съ сторонниками свободной воли, такъ какъ признаетъ, что преступныя наклонности могутъ быть парализованы внѣшними причинами, стр. 106—107. Но это не такъ. Сторонники свободы воли не признаютъ, что человѣкъ появляется на свѣтъ съ дефектомъ, который необходимо толкаетъ его на преступленіе, или даже на опредѣленное преступленіе. Признавать, что вліяніе органической аномаліи смягчается счастливымъ стеченіемъ, по большей части случайныхъ, внѣшнихъ обстоятельствъ, не значитъ ли это категорически отрицать свободу воли, которая, по мнѣнію своихъ защитниковъ, является именно внутренней моральной силой? Впрочемъ, Гарофало еще болѣе откровененъ, когда, говоря о самомъ себѣ, утверждаетъ, что изобразилъ человѣка какъ существо, „лишенное воли, способной къ противодѣйствію“. (Mitteilungen der internat. Krim. Vereinigung, IV, 1893, стр. 145.

Гарофало не придаетъ большого значенія объясненію сущности этого явленія [1]); не всѣ преступленія можно объяснить атавизмомъ. Возможно, что преступленіе является признакомъ вырожденія, результатомъ обратнаго подбора, который могъ происходить въ животномъ мірѣ до человѣка. Если же это объясненіе непріемлемо, то авторъ предпочитаетъ вовсе отказаться отъ объясненія факта; онъ довольствуется тѣмъ, что констатируетъ его.

Мы уже видѣли, что авторъ не отрицаетъ вліянія внѣшнихъ факторовъ. Какое же значеніе придаетъ онъ среди нихъ экономическимъ вліяніямъ? Вотъ вопросъ, который намъ предстоитъ рѣшить. Отвѣтъ на него можно найти въ главѣ III, книги 2-ой Экономическія вліянія.

Авторъ послѣдовательно анализируетъ вліяніе бѣдности и цивилизаціи.

I.—Вліяніе бѣдности [2]).

Различныя соціалистическія школы единодушно признаютъ, что источникъ преступленія слѣдуетъ искать въ экономическомъ неравенствѣ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, преступленіе—есть не что иное, какъ отвѣтъ на соціальную несправедливость. Другіе не идутъ такъ далеко, но все же признаютъ, что преступленіе является слѣдствіемъ несовершенной и неудовлетворительной организаціи общества, радикальная реформа которой довела бы до минимума цифру преступности, а можетъ быть и вовсе ее уничтожила бы путемъ медленной эволюціи.

Уже здѣсь Гарофало дѣлаетъ нѣкоторыя возраженія: если преступленіе—просто актъ возмущенія противъ привилегій, то какимъ же образомъ, спрашиваетъ онъ, можно объяснить тотъ фактъ, что рабочій, земледѣлецъ, вообще лица, страдающія отъ дурныхъ экономическихъ условій, также подвергаются всевозможнымъ преступнымъ посягательствамъ? Странный способъ реагировать на несправедливость привилегій, одновременно направленный и противъ притѣснителей и противъ притѣсняемыхъ. Объ этомъ замѣчаніи стоитъ поговорить поподробнѣе. Прежде всего, соціалистическіе авторы не увлекаются настолько, чтобы всѣ преступленія свести къ возмущенію противъ существующихъ привилегій; они считаютъ это возмущеніе причиной лишь посягательствъ на имущество и на установленія, предназначенныя служить защитой права собственности, а отнюдь не причиной преступленій противъ личности, за исключеніемъ тѣхъ насильственныхъ дѣйствій, которыя совершаются съ цѣлью захвата чужого имущества [3]). Слѣдовательно, тутъ нѣтъ основаній говорить о преступленіяхъ всякаго рода. Замѣтимъ еще, что справедливѣе было бы упрекнуть соціалистовъ въ томъ, что ихъ теорія не объясняетъ, почему имущественныя преступленія совершаются часто лицами, владѣющими нѣкоторымъ количествомъ матеріальныхъ благъ, т. е. стоящими съ этой стороны въ привилегированномъ положеніи.

Затѣмъ Гарофало переходитъ къ самой сущности вопроса [4]). Является ли главной или одной изъ главныхъ причинъ преступности экономическое неравенство, вслѣдствіе котораго граждане раздѣлены на

---

[1]) *У.* с., стр. 116 и сл.
[2]) У. с., стр. 166 и сл.
[3]) См. Lux., Sozial—politisches Handbuch. Берлинъ, 1892. стр. 143 и 151 и сл.
[4]) У. с., стр. 168.

имущихъ и пролетаріевъ,—вотъ вопросъ, который больше другихъ занимаетъ Гарофало. Но уже одной постановкой его въ такой формѣ Гарофало возражаетъ только противъ утвержденій соціалистовъ. Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ вовсе не будетъ опроверженіемъ мнѣнія тѣхъ лицъ, которыя придаютъ бѣдности сравнительно большое значеніе даже и тогда, когда причину бѣдности они видятъ не въ несправедливомъ общественномъ строѣ. Ниже Гарофало даетъ этотъ отрицательный отвѣтъ. Пролетарій, добавляетъ онъ, скорѣе, чѣмъ кто либо другой, можетъ стать жертвой голода, для этого достаточно, чтобы заработная плата, единственный источникъ его дохода, оказалась недостаточной для поддержанія его существованія хотя бы въ теченіе одного дня. Возможно, что подъ вліяніемъ этого онъ рѣшится на преступленіе, чтобы добыть для себя или для своихъ хлѣба. Такіе случаи бываютъ, хотя и очень рѣдко. Во время своихъ посѣщеній самыхъ бѣдныхъ жилищъ Москвы Л. Толстой встрѣтилъ лишь одну больную женщину, не ѣвшую въ теченіе двухъ дней [1]). Въ нашемъ обществѣ почти всѣ, кто надѣленъ достаточной волей, находитъ себѣ работу, а если кто нибудь случайно ея не находитъ, то почти всегда найдется добрая душа среди его ближнихъ, которая прійдетъ къ нему на помощь. Съ другой стороны, если кто нибудь безъ собственной вины впадетъ въ крайнюю нужду и, чтобы не умереть съ голоду, похититъ кусокъ хлѣба, еле достаточный для поддержанія его силъ, онъ вовсе не совершитъ преступленія. Абсолютная нищета существуетъ, но такъ какъ причиной ея почти всегда бываетъ недостатокъ рѣшительности и энергіи, то слѣдствіемъ ея бываетъ по большей части не преступленіе, а попрошайничество.

Итакъ, Гарофало самъ признаетъ, что, разъ бѣдноть закрытъ нормальный путь труда, она находитъ себѣ какой-нибудь иной путь.

Утвержденіе автора, опирающееся на разсказъ Толстого, что абсолютная бѣдность встрѣчается въ исключительныхъ только случаяхъ, можетъ быть серіозно оспариваемо на основаніи свидѣтельствъ многихъ писателей. Масэ говоритъ [2]), что въ Парижѣ существуетъ около 50000 лицъ, не знающихъ утромъ, чѣмъ они прокормятся днемъ и гдѣ они преклонятъ голову ночью. По утвержденію Джэмса Гринвуда, 100000 дѣтей скитаются безъ пристанища по улицамъ Лондона [3]). Ч. Малато [4]) опредѣляетъ число неимущихъ жителей Лондона отъ 3—400000. Въ 1880 году въ Вѣнѣ было больше 90000 лицъ, не имѣвшихъ опредѣленнаго жилища [5]). Въ Римѣ и Неаполѣ положеніе вещей способно внушить не меньше опасеній [6]). Цѣлый рядъ другихъ писателей рисуетъ намъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ полнѣйшую нищету, мало-

---

[1]) Толстой, Wie ist mein Leben. Стр. 56, Берлинскаго нѣмецкаго изданія.

[2]) Macé, Le service de la sûreté a Paris.

[3]) J. Greenwood, The seven curses of London, стр. 6 и сл. и 85. См. по этому поводу еще Barwich Le Baker, War with crime, London, 1889, стр. 243 и сл.; см. Oettingen, Moralstatistik. Эрлангенъ, 1874, стр. 425; Prins, Criminalité et Repression. Брюссель, 1886, стр. 44; Colajanni, Sociologia criminale, Catania, 1889, t. II, стр. 479. Любопытно сравнить эти данныя съ удивительно преуменьшенными данными о бѣдноть Лондона, приведенными въ Essai M. P. Leroy—Beaulieu sur la répartition des richesses, (Парижъ, 1888, стр. 433). Цифровыя данныя, которыми пользовался маститый экономистъ для своихъ вычисленій, несомнѣнно значительно ниже дѣйствительнаго уровня.

[4]) Londres—Misère, въ société nouvelle, 1892, II, стр. 603.

[5]) Oettingen, у. с., стр. 428.

[6]) Colajanni, у. с., II, стр 479.

вѣроятную, но царящую во всѣхъ крупныхъ центрахъ [1]). Въ Берлинѣ положеніе вещей такъ же ужасно [2]). Впрочемъ, необходимо замѣтить, что Гарофало очень плохо передаетъ общій смыслъ заявленій Толстого, указывая на встрѣченную Толстымъ въ Москвѣ единственную женщину, нѣвшую въ теченіе двухъ дней [3]). Изъ даннаго сочиненія Толстого ясно, что авторъ считаетъ печальную армію пауперовъ въ Москвѣ равной 100000 [4]), причемъ она насчитываетъ въ своихъ рядахъ около 20000 лицъ, безуспѣшно борящихся каждый день съ голодомъ и холодомъ [5]).

Да и опытъ показываетъ намъ, что отсутствіе работы, особенно въ періодъ кризиса, зависитъ не только отъ недостатка энергіи многихъ тысячъ безработныхъ. Но, предполагая даже, что Гарофало правъ, развѣ нельзя предположить, что нищета и дурныя экономическія условія могутъ стать причиной преступленія гораздо раньше, чѣмъ начинаетъ ощущаться недостатокъ въ работѣ и насущномъ хлѣбѣ? Какъ много можно назвать преступленій, совершенныхъ лицами, вовсе не нуждавшимися въ самомъ необходимомъ, но которыя не были бы совершены, еслибы эти лица были воспитаны въ довольствѣ? Можетъ быть, изъ ста преступленій не было бы совершено ни одного, отвѣчаетъ графъ Госсонвиль, настроенный, правда, слишкомъ оптимистично [6]). Развѣ для того, чтобы признать преступленіе совершеннымъ подъ вліяніемъ экономической нужды, необходимо, чтобы вопросъ шелъ о кускѣ хлѣба, похищенномъ для продленія на нѣсколько часовъ печальной жизни вора, умирающаго отъ голода? Ломброзо и другіе авторы впадаютъ въ ту же ошибку [7]).

Что касается мнѣнія Гарофало, будто недостатокъ энергіи склоняетъ бѣдняковъ къ совершенію преступленій, то на это мы возразимъ, что важно не то, какъ бѣдность вызываетъ преступленія, а важно, вызываетъ ли она ихъ вообще, хотя бы путемъ извращенія воли и наклонностей. Преступленіе, совершенное бѣднякомъ съ дурными наклонностями и съ недостаткомъ энергіи, все же имѣетъ своей причиной бѣдность. Утвержденіе, что полнѣйшая нищета ведетъ только къ попрошайничеству, а не къ преступленію, содержитъ въ себѣ ту долю истины, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ первой ступенью, на которую толкаетъ нищета, бываетъ, дѣйствительно, бродяжничество или попрошайничество. Но отсюда до преступленія остается лишь одинъ шагъ; это фактъ, извѣстный каждому.

---

[1]) См. м. пр. Corre, Crime et suicide, Парижъ, 1891, стр. 564 и сл.; Maeines Bitter cry of outcast London; G. Sims, How the poor live, London, 1883; Joh. Scherr (французскій переводъ Тисco), La société et les moeurs allemandes, стр. 436 и сл. и стр. 445 и сл.; Rae, Il socialismo, стр. 60; Jessie White Mario, La Miseria in Napoli, Firenze, 1877.

[2]) Ragotsky, Das Verbrecherthum in Berlin, въ Blätter für Gefängnisskunde, 1872, VII.

[3]) Чтобы быть справедливымъ, необходимо еще замѣтить, что эта встрѣча, упомянутая Гарофало, была не единственной встрѣчей Толстого во время его посѣщеній низовъ русской столицы. У дверей Ляпинскаго дома Толстой также встрѣтилъ крестьянина, который клялся, что онъ не ѣлъ въ теченіе 2-хъ дней (стр. 12). А исторія прачки, найденной на улицѣ и умершей отъ голода и холода, даетъ ужасный примѣръ полной и безграничной нищеты. (стр. 128).

[4]) Wie ist mein Leben? стр. 35 нѣм. изд.

[5]) Id., стр. 86.

[6]) Revue des Deux-Mondes, 1 апрѣля 1887 г., стр. 564.

[7]) См. Ломброзо, Crime, causes et remèdes, Парижъ, 1889, стр. 99 и Joly, La France criminelle, стр. 356. D-r v. Bentivegni, Anthropologische Formeln für das Verbrecherthum, Leipzig, 1893, стр. 4, прим. „Errerebbe di gran lunga chi credesse, que la spinta al delitto provenga della vera miseria che fa morir di fame", совершенно справедливо возражаетъ Маро: I caratteri delinquenti, Torino, 1887, стр. 266. См. по этому же поводу у Corne, Journal des économistes, 1868, стр. 88.

Принсъ [1]) называетъ бродяжничество стажемъ преступности Флишъ [2]) считаетъ его школой преступленія; многіе криминалисты признаютъ, что существуетъ внутренняя связь между этими двумя явленіями соціальной патологіи [3]).

Дальнѣйшія разсужденія Гарофало [4]) содержатъ въ себѣ больше истины. Не голодъ терзаетъ большую часть рабочаго класса (съ этимъ мы готовы согласиться; но ниже рабочаго класса стоитъ разрядъ паупе-ровъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили); скорѣе они страдаютъ отъ сознанія невозможности наслаждаться тѣми благами, которыми на ихъ глазахъ пользуются баловни фортуны. Но не одни пролетаріи испытываютъ это чувство: человѣкъ съ милліоннымъ капиталомъ такъ же завидуетъ имѣющему милліонъ ежегоднаго дохода, какъ простой земледѣлецъ завидуетъ помѣщику или арендатору. Мы охотно допускаемъ, что нѣкоторое число преступленій можетъ быть объяснено этимъ чувствомъ неудовлетворенности, вызывающимъ алчность; но искать здѣсь причину всѣхъ имущественныхъ преступленій—это значитъ впадать въ крайность. Поэтому, говоритъ авторъ, преступленія будутъ совершаться и въ соціалистическомъ обществѣ, и въ обществѣ, въ которомъ нищета будетъ отсутствовать. Исчезновеніе преступленій, вызываемыхъ алчностью, возможно лишь тогда, когда преступникъ потеряетъ основаніе разсчитывать, что преступленіе принесетъ ему выгоду. Но это предположеніе—фантастично. Въ фаланстерахъ Фурье, въ промышленыхъ и земледѣльческихъ организаціяхъ Кабэ, въ рабочихъ ассоціаціяхъ Маркса и Лассалля всегда найдется множество способовъ получить выгоду за счетъ другихъ. И если бы осуществился сонъ современныхъ соціалистовъ и удалось бы установить экономическое равенство (химеричность этихъ надеждъ—доказана) путемъ справедливаго вознагражденія труда, если бы деньги были замѣнены бонами, представляющими извѣстный эквивалентъ труда, то все-таки въ этомъ обществѣ, какъ и у насъ, существовали бы бездѣльники и лѣнтяи, а они, не зарабатывая ничего собственнымъ трудомъ, захватывали бы обманомъ или насиліемъ чужіе боны. Итакъ, при системѣ коллективизма преступность, особенно же имущественная преступность, продолжала бы существовать. Даже, говоритъ далѣе авторъ, улучшеніе экономическаго положенія массъ ни въ коемъ случаѣ не привело бы къ уменьшенію преступности. Пролетаріатъ—это такое же соціальное состояніе, какъ и другія. Полное отсутствіе капитала, характеризующее этотъ

---

[1]) A. Prins. Criminalité et répression, Брюссель, 1886, стр. 45 и Science pénale et droit positif, Брюссель, 1899, стр. 570.

[2]) Fliche, Comment on devient criminel, Парижъ. 1886, стр. 8. „Я, старый бродяга, умираю вашимъ врагомъ", сказалъ еще Беранжэ. См. Société nouvelle, 1885—1886, 2-ой г., т. I, стр. 68.

[3]) См. м. пр. Oettingen, у. с., стр. 422 и сл. и стр. 435; Florian et Cavaglieri, Criminalité et vagabondage, Actes du IV-e Congrès etc., стр. 269 и сл.; De Baets, Les influences de la misère sur la criminalité. Gand, 1895, стр. 27 Colajanni, у. с., т II, стр. 478 и сл; Ducpetiaux, Le pauperisme dans les deux Flandres. Брюссель, 1850, стр. 45; Meyer, Die Verbrechen in ihrem Zusammenchang mit den wirtschaftlichen und sozialen Verhaeltnissen im Kanton Zürich (Jena 1895, стр. 59) называетъ бродяжничество переходомъ къ преступности противъ собственности; Fornasari di Verce, La Criminalita ecc., (Torino..1894, стр. 19) считаетъ бездѣлье, бродяжничество и нищенство первыми шагами на пути преступленія; Mayr, Statistik der gerichtlichen Polizei im Koenigreich Bayern. XVI Heft, München, 1867, стр. 139 и стр. 64 и сл.; Lafar gue, Neue Zeit, VIII, стр. 113; Mayew and Binny, The Criminal prisons of London, London, 1862, стр. 43; Gil Maestre, El Socialismo, ecc., стр. 144 и сл.; Sichart, Zeitschrift f. d. ges. Strafrechtswissenchaft, 1890, стр. 40—41.

[4]) У. с., стр. 170 и сл.

классъ (не принимая въ разсчетъ исключительные случаи отсутствія безусловно необходимаго), является постоянной экономической формой жизни, которая вовсе не кажется ненормальной тѣмъ, кто къ ней привыкъ. Она заставляетъ испытывать стѣсненіе лишь тѣхъ, кто не въ состояніи своимъ ежедневнымъ заработкомъ удовлетворять свои нужды и желанія. Но и представители класса капиталистовъ могутъ испытывать такое же стѣсненіе, и по той же причинѣ; достаточно замѣнить понятіе „заработной платы“ понятіемъ дохода. Ничто не доказываетъ, чтобы несоотвѣтствіе между нуждами и возможностью ихъ удовлетворить чувствовалось особенно больно представителями низшихъ классовъ. Наоборотъ, чѣмъ больше благосостояніе, тѣмъ, повидимому, больше и жадность на матеріальныя блага; это объясняется тѣмъ, что имущіе классы болѣе знакомы и лучше умѣютъ оцѣнить прелести роскоши и комфорта и чувствительнѣе къ тому, что имъ препятствуетъ широко пользоваться жизнью. Итакъ, если народныя массы испытываютъ относительно небольшія стѣсненія отъ экономическихъ причинъ, то нѣтъ основанія предполагать, что эти причины дѣйствуютъ на нихъ сильнѣе чѣмъ на другіе классы, какъ факторы преступности.

Мы въ правѣ сомнѣваться въ истинности этого мнѣнія. Гарофало смѣшиваетъ здѣсь двѣ совершенно различныя идеи: экономическую нужду и отсутствіе полнаго довольства, состоянія настолько разныя, что намъ часто приходится видѣть, какъ кто-либо страдаетъ отъ одного изъ нихъ, не имѣя даже представленія о существованіи другого. Такимъ образомъ, всѣ разсужденія автора не ведутъ дальше признанія, что въ нашемъ мало счастливомъ обществѣ,—сознаемся въ этомъ вмѣстѣ съ Тардомъ,—неудовлетворенность составляетъ не только печальную привилегію рабочихъ классовъ, но поражаетъ и другіе соціальные слои. Этимъ еще ничего не сказано относительно вліянія нужды, т. е. невозможности удовлетворить непосредственно чувствуемыя экономическія потребности. Само собой разумѣется, что отъ послѣдней страдаютъ гораздо больше несчастные, будущее которыхъ ничѣмъ не обезпечено, чѣмъ тѣ, кто совершенно спокоенъ за свое будущее.

Гарофало соглашается съ мнѣніемъ соціалистовъ [3]), что воровство болѣе распространено среди низшихъ классовъ общества; но онъ тутъ же добавляетъ [4]), что въ высшихъ классахъ этотъ недочетъ восполняется банкротствами, подлогами и взяточничествомъ. Все это разные виды одного и того же естественнаго преступленія,—покушенія на чужую собственность (оскорбленіе нравственнаго чувства честности). Авторъ старается доказать свое положеніе цифрами. Тутъ начинается положительная часть аргументаціи Гарофало. Неудовлетворительные результаты, о которыхъ мы только что говорили, были выведены изъ разсужденій; сейчасъ мы будемъ говорить о выводахъ, построенныхъ на фактахъ.

Данныя, приводившіяся авторомъ въ первыхъ двухъ изданіяхъ его работы, были почерпнуты имъ изъ итальянской статистики за 1880 годъ; въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ онъ пользуется для своихъ построеній болѣе свѣжими цифрами, относящимися къ 1889 году. Мы коснемся здѣсь обѣихъ категорій данныхъ, которыя, впрочемъ, имѣютъ одинаковое значеніе и приводятъ къ одинаковымъ выводамъ.

---

[1]) Philosophie pénale, Парижъ, 1900, стр. 393.

[2]) См. м. пр. Prins, Criminalité et repression, Брюссель, 1886, гл. III; de Baets, Les influences de la misere sur la criminalité, Gand, 1895.

[3]) См., напр., Туратн. Il delitto e la questione sociale, Milano, 1893, стр. 92; Colajanni, La Sociologia criminale, Catania, 1889, т. II. стр. 537—542.

[4]) У. с., стр. 175 и сл.

ЦАБ "Автограф"

Статистическія данныя 1880 года даютъ цифру имущественныхъ преступленій, равную 88% для пролетаріевъ и 12% для имущихъ классовъ, между тѣмъ изъ данныхъ 1889 года можно сдѣлать выводъ, что 83 процента преступленій были совершены пролетаріями [1]).

Гарофало считаетъ, что пролетаріи составляютъ 86 процентовъ населенія, а представители имущихъ классовъ 14, въ первыхъ же изданіяхъ онъ выставилъ цифры 90 и 10. Итакъ, даже въ этой области преступности, чисто экономической по своей цѣли, пролетаріатъ не даетъ цифры сравнительно большей, чѣмъ другіе классы.

Тѣ же данныя авторъ получаетъ и для другихъ категорій преступности [2]). Въ 1880 году среди подверішихся суду исправительной полиціи отношеніе имущихъ къ числу неимущихъ равнялось 17½ къ 100, а въ 1889 году, по даннымъ уголовной статистики, число осужденныхъ судомъ исправительной полиціи имущихъ относилось къ числу неимущихъ какъ 12½ къ 100; это значитъ, что въ 1880 году имущій классъ составлялъ болѣе ⅙ осужденныхъ, а въ 1889 году—⅛.

Въ судѣ присяжныхъ число имущихъ достигаетъ, правда, лишь 10 процентовъ общаго числа осужденныхъ; но нужно замѣтить, что на присяжныхъ дѣйствуетъ краснорѣчіе защитниковъ, которыхъ богатые берутъ себѣ изъ числа лучшихъ адвокатовъ; вліяетъ и привлекательный звонъ золота подсудимаго.

Гарофало былъ бы совершенно правъ въ своихъ выводахъ, если-бы ничего нельзя было бы возразить по поводу точности приводимыхъ имъ цифръ. Но дѣло обстоитъ совершенно иначе. Всѣ вычисленія Гарофало оказываются ложными, такъ какъ число пролетаріевъ, лежащее въ основѣ его вычисленій, безусловно преувеличено. Экономическая жизнь въ Италіи [3]) дѣйствительно представляетъ печальную картину, но не въ такой ужъ степени, какъ это утверждаетъ авторъ. Мы не имѣли возможности произвести непосредственную провѣрку, но мы можемъ противопоставить цифрамъ Гарофало данныя, приводимыя другими авторами, не менѣе авторитетными.

Марро, внушающій къ себѣ полное довѣріе, какъ вполнѣ добросовѣстный статистикъ [4]), приводитъ слѣдующія цифры [5]):

Классъ.	Преступниковъ.	Непреступныхъ людей.
Неимущихъ	79,6%	43,4%
Малолѣтнихъ дѣтей собственниковъ	4,1	10,5
Мелкихъ собственниковъ	6,7	18,4
Собственниковъ	9,4	27,6

Эти данныя показываютъ, что цифра преступности неимущихъ классовъ значительно выше соотвѣтствующей цифры, характеризующей состоятельные классы.

Форназари ди Верче, опираясь на офиціальныя данныя, получаетъ слѣдующіе результаты [6]): болѣе 60% населенія Италіи еле въ состоя-

---

[1]) У. с., 2-ое изд. 1890, стр. 177 и сл.; 4-ое изд., 1895, стр. 177 и сл.

[2]) У. с., изд. 1890 и 1895 года, стр. 182.

[3]) См. ниже очень характерное мнѣніе de Rae, Il socialismo contemporaneo (trad. di Bertilini, Firenze, 1889), стр. 52. Затѣмъ Colajanni, Sociol. crim., II, стр. 525 и 526; Annali di statistica, Сер. 2, т. 12.

[4]) Marro, J caratteri dei delinquenti, Torino, 1887, стр. 265.

[5]) Тардъ говоритъ о „его добросовѣстныхъ изысканіяхъ, произведенныхъ съ щепетильной точностью, достойной всякой похвалы". Revue d'anthropolog 1888, стр. 526.

[6]) La criminalità e le vicende economiche d'Italia dal 1873 al 1890, Torino, 1890, стр. 3 и 4.

ніи удовлетворить первоначальныя жизненныя потребности; 40 же % составляютъ классъ богатыхъ, состоятельныхъ и тѣхъ, кто обладаетъ достаточными средствами для существованія.

Среди осужденныхъ эти классы представлены слѣдующимъ образомъ:

	1887 г.	1888 г.	1889 г.
Неимущіе	56.34	57.45	56.00
Тѣ, у кого средствъ хватаетъ въ обрѣзъ .	29.99	30.77	32.15
Пользующіеся среднимъ благосостояніемъ	11.54	9.98	10.13
Состоятельные и богатые	2.13	1.80	1.72

Статистическія изслѣдованія другихъ странъ, Бельгіи [1]), Швейцаріи [2]), Швеціи [3]), обнаруживаютъ то же явленіе; это мы покажемъ въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи.

Мы охотно готовы допустить, что присяжные, какъ это утверждаютъ Марро и Ломброзо [4]), легко позволяютъ убѣдить себя краснорѣчіемъ защитниковъ и, къ несчастью, часто дѣйствуютъ, руководясь личными выгодами; слѣдовательно, цифра преступности среди буржуазныхъ классовъ выше, чѣмъ объ этомъ позволяютъ судить оффиціальныя данныя. Но мы, вмѣстѣ съ Колаянни [5]), должны замѣтить, что и нѣкоторая часть преступленій, совершаемыхъ среди бѣдныхъ классовъ, также остается нераскрытой, такъ какъ, вслѣдствіе недостаточно развитаго нравственнаго чувства, пролетаріи не доносятъ о нѣкоторыхъ преступленіяхъ, совершенныхъ по отношенію къ нимъ членами ихъ же соціальнаго класса, особенно о посягательствахъ на нравственность; кромѣ того, иногда и преслѣдованіе затруднительно, что, напримѣръ часто бываетъ при кражахъ земледѣльческихъ сельскихъ продуктовъ.

Гарофало продолжаетъ изслѣдовать факты [6]). Онъ оспариваетъ дурное вліяніе плохого воспитанія, почти всегда сопутствующаго бѣдности. Чтобы подтвердить свое мнѣніе, онъ приводитъ слѣдующіе статистическія данныя: классифицируя по профессіямъ лицъ, подвергшихся преслѣдованію суда исправительной полиціи, авторъ доказываетъ, что самый забитый, самый невѣжественный классъ въ Италіи,—земледѣльческій классъ, даетъ отъ 25,39%, въ 1880 году, до 34,81% въ 1889 году, между тѣмъ какъ болѣе образованные классы,—торговый, промышленный, либеральныя профессіи, артисты, студенты, военные и чиновники даютъ 13,58%—въ 1880 году, до 19,42%—въ 1889 году. Число лицъ, осужденныхъ судомъ присяжныхъ, приблизительно то же: 15,58%—въ 1880 году, 17,9%—въ 1889.

То же соотношеніе среди преступниковъ и не преступныхъ людей наблюдается между образованными и безграмотными. Либеральныя профессіи даютъ даже болѣе высокую цифру преступности, чѣмъ другіе классы. Въ Италіи, одинъ осужденный приходится на 345 человѣкъ, между тѣмъ среди крестьянъ насчитывается 1 преступникъ на 428. Въ Пруссіи либеральныя профессіи доставляютъ 4 процента всѣхъ

---

[1]) См. Stevens, Les prisons ecllulaires en Belgique, Брюссель, 1878, стр. 238.

[2]) Colajanni, La Sociol. crim., II, стр. 538.

[3]) Guillaume, État de la question des prisons en Suède.

[4]) Гарофало, принадлежащій къ судебному вѣдомству, не рѣшается бросить это обвиненіе въ лицо итальянскимъ судьямъ. Другіе авторы дѣлаютъ это безъ колебанія. См., Colajanni, Sociol. crim. II. стр. 539; Lombroso, Le Crime etc. стр. 159—161; Marro, I caratteri dei delinquenti, стр. 264; Fornasari, La criminalità, ecc., стр. 4 и 5.

[5]) Colajanni, у. с., II, стр. 540.

[6]) У. с., изд. 1890 и изд. 1895 г., стр. 185.

преступниковъ, между тѣмъ какъ занимающіеся ими составляютъ всего 2,2 процента населенія. Во Франціи либеральными профессіями занято 4 процента населенія страны; между тѣмъ въ 1879 году 7 процентовъ убійцъ принадлежали къ этимъ профессіямъ; земледѣльческіе же классы (53 процента народонаселенія) давали всего 49 процентовъ.

Контрастъ между невѣжествомъ и бѣдностью крестьянъ, съ одной стороны, и сравнительнымъ интелектуальнымъ развитіемъ и благосостояніемъ городскихъ рабочихъ—съ другой стороны, представляетъ явленіе, существующее повсюду и болѣе всего замѣтное во Франціи [1]). Между тѣмъ на 100.000 жителей насчитывается преступниковъ.

Среди фабричнаго класса 23%
Среди ремесленниковъ и представителей ученыхъ профессій 32%
Среди земледѣльцевъ 13,9%

Авторъ указываетъ еще на одно явленіе [2]). Возрожденіе благосостоянія Франціи, въ періодъ между 1853 и 1871 годами, выразилось въ увеличеніи заработной платы (45%), въ усиленномъ потребленіи мяса и хлѣба, въ возрастаніи числа учениковъ въ начальныхъ школахъ. И все-таки преступность съ 1826—1827 года до 1877—1878 года увеличилось въ пропорціи 100 къ 254 [3]).

Авторъ не рѣшается на основаніи этихъ данныхъ утверждать, что преступность увеличивается подъ вліяніемъ роста образованія и матеріальнаго благосостоянія, но онъ считаетъ себя въ правѣ заключить изъ этихъ цифръ, что бѣдность и невѣжество не могутъ считаться причинами порождающими преступленія. Однако, вѣскость доказательствъ, приводимыхъ Гарофало, сомнительна.

При повѣркѣ статистическихъ данныхъ, намъ не удалось найти того, что находитъ Гарофало, т. е. перевѣса въ преступности у представителей либеральныхъ профессій.

Файэ, Séances de l'Académie des sciences morales et politiques, 1846, т. X, стр. 249 приводитъ относительно Франціи слѣдующія данныя:

	1830—1834	1835—1839	1840—1844	Всего.
Либеральныя профессіи . .	5,9%	5,6%	5,5%	5,7%

Эмберъ въ своемъ Compte général de l'Administration de la justice criminelle en France pendant l'année 1880 приводитъ слѣдующія данныя для 1876 — 1880 годовъ: 1876—80: на 100.000 лицъ, принадлежащихъ соотвѣтствующему классу:

Среди класса	земледѣльцевъ	8 осужденныхъ.
„ „	промышленниковъ . .	14 „
„ „	коммерсантовъ	18 „
Прислуга		29 „
Собственники, рантье и либеральныя профессіи		9 „
Бродяги и люди безъ опредѣленнаго званія		405 „

Эти цифры заставляютъ вывести совершенно другое заключеніе [4]).

---

[1]) У. с., стр. 185—186.
[2]) У. с., стр. 186.
[3]) Результаты заимствованы изъ вычисленій Ферри, Studi sulla criminalità in Francia. Roma, 1881.
[4]) Такія же цифры приводитъ также Yvernès; ихъ повторяетъ Coutagne (Actes du II-e Congrés etc., стр. 213). Разница только въ цифрѣ, относящейся къ коммерческимъ классамъ; здѣсь, вѣроятно, по ошибкѣ вмѣсто 10% стоитъ 18%.

Въ своей Philosophie pénale (Парижъ, 1900, стр. 391), Тардъ приводитъ слѣдующія данныя, почерпнутыя имъ изъ оффиціальнаго отчета за 1887 годъ относительно Франціи.

На 100.000 жителей каждаго изъ слѣдующихъ классовъ, взятаго въ отдѣльности, насчитывается въ годъ:

Прислуги	20	осужденныхъ.
Собственниковъ, рантье и либеральныхъ профессій	12	„
Торговцевъ	21	„
Промышленниковъ	26	„
Бродягъ и лицъ безъ опредѣленнаго званія	139	„
Земледѣльцевъ	14	„

Госсонвилль „Le Combat contre le vice" (Révue des Deux Mondes, 1 апр. 1887 г., стр. 594 и 595) говоритъ, что представители либеральныхъ профессій составляютъ 4% общаго числа преступниковъ [1]).

Минцловъ, Позитивная философія, II, стр. 209 фр. изд. 1890 г., считаетъ, что *либеральныя профессіи* даютъ отъ 2-хъ до 4-хъ процентовъ всѣхъ преступниковъ во Франціи и отъ 1-го до 2-хъ—въ Россіи.

Хотя эти цифры, отчасти, опровергаютъ преувеличенныя утвержденія Гарофало, онѣ все же доказываютъ тотъ фактъ, что преступность среди лицъ либеральныхъ профессій обыкновенно довольно значительна [2]).

Но было бы преувеличеніемъ видѣть въ этомъ явленіи аргументъ противъ вліянія экономическихъ факторовъ, какъ это дѣлаетъ Гарофало. Множество разнообразныхъ причинъ вліяютъ на преступность этихъ классовъ. Такъ, среди либеральныхъ профессій развитію преступности значительно содѣйствуютъ излишнее честолюбіе, тщеславіе, ужасное „желаніе фигурировать въ свѣтѣ", какъ говоритъ Ломброзо. (Le Crime, etc., стр. 157).

Мы уже видѣли, при изученіи Ломброзо, что богатство можетъ оказать дурное вліяніе. Даже болѣе. Преступность представителей либеральныхъ профессій не достигла бы такой высокой цифры безъ

---

[1]) По поводу этого числа Гарофало на парижскомъ конгрессѣ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „Въ ту же ошибку впалъ также d'Haussonville, который, найдя 4% преступниковъ среди лицъ, занимавшихся либеральными профессіями, пришелъ къ заключенію, что это число очень невелико. Напротивъ, оно огромно, такъ какъ представители либеральныхъ профессій составляютъ, навѣрное, менѣе 4-хъ процентовъ всего населенія страны". (Actes du II-e Congrès, etc., стр. 170). Во второмъ изданіи „La Criminologie" авторъ говоритъ то же самое, (стр. 185). Между тѣмъ, ошибается, несомнѣнно, именно Гарофало. Во-первыхъ, онъ, очевидно, плохо понялъ идею d'Haussonville'я, который далеко несогласенъ съ тѣмъ, что высокая культура оказываетъ облагораживающее нравственность вліяніе, и что число высоко-культурныхъ людей ничтожно среди преступниковъ; наоборотъ, онъ напираетъ на тотъ фактъ, что число осужденныхъ, получившихъ высшее образованіе, сравнительно очень замѣтно возросло въ теченіе XIX-го столѣтія; поэтому онъ высказываетъ пожеланіе, чтобы высокая культура соединялась съ извѣстной степенью матеріальнаго благосостоянія, такъ какъ иначе получаются гибельныя послѣдствія. (Revue des Deux Mondes, 1 апр. 1887 г., стр. 595). Впрочемъ, Гарофало, утверждая, что либеральныя профессіи составляютъ менѣе 4% населенія Франціи, противорѣчитъ тому, что онъ самъ говоритъ въ „La Criminologie", гдѣ онъ число 4% признаетъ совершенно правильнымъ.

[2]) См. еще по этому же вопросу Proal, Le crime et la peine, Парижъ, стр. 203 и сл.; Hirsch, Verbrechen und Prostitution als soziale Krankheitserscheinungen, Берлинъ 1897, стр. 24 Гиршъ во всякомъ случаѣ неправильно понимаетъ и комментируетъ цифровыя данныя; это мы докажемъ впослѣдствіи.

нѣкотораго вліянія матеріальныхъ факторовъ. Въ настоящее время нельзя въ романскихъ странахъ противопоставлять либеральныя профессіи бѣдному классу. Не безъ основанія говорятъ о научномъ пролетаріатѣ. И вотъ, эта все растущая масса деклассированныхъ, составляющихъ то, что называютъ высококультурнымъ пролетаріатомъ, съ экономической точки арѣнія должна быть поставлена на одну доску съ бѣдными классами населенія.

Rae (Il socialismo contemporaneo, стр. 52) говоритъ объ „uno misero corpo di professori“ въ Италіи, т. е. о томъ, что избранные представители класса либеральныхъ профессій бѣдны. Госсонвилль не безъ основанія говоритъ (у. с., стр. 595): „Если бы еще увеличить число стипендіатовъ въ учебныхъ заведеніяхъ государства, то очень скоро образовался бы классъ ученыхъ преступниковъ, который заставилъ бы о себѣ говорить“.

Вообще, своими статистическими изысканіями Гарофало ничего не доказываетъ. Прежде всего, брасается въ глаза, что авторъ сравниваетъ преступность либеральныхъ профессій, а не другихъ матеріально обезпеченныхъ классовъ, съ преступностью земледѣльцевъ, а не съ преступностью другихъ неимущихъ классовъ. Всѣми признано, что преступленія въ деревняхъ совершаются рѣже, чѣмъ въ городахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенно жестокихъ преступленій, каковы дѣтоубійство, убійство изъ мести и т. д. Но это явленіе объясняется просто и отчасти вліяніемъ экономическихъ факторовъ. Среди причинъ его можно указать на менѣе острую нужду деревенскихъ жителей и на взаимопомощь, существующую среди крестьянъ; оба эти явленія — экономическаго характера, и они-то вліяютъ на то, что цифра сельской преступности сравнительно ниже. Все вычисленіе Гарофало неточно. Авторъ упустилъ изъ виду, что земледѣльческое населеніе Франціи по большей части состоитъ изъ собственниковъ земли. Корнъ въ своемъ Essai sur les causes de la criminalité (Journal des Economistes, 1868) высчитываетъ, что въ 1865-мъ году мелкіе собственники составляли болѣе 50 процентовъ населенія; между тѣмъ ихъ участіе въ преступности выражалось всего въ 31 процентѣ. Все земледѣльческое населеніе, достигшее 71% всего населенія, давало 51% *общей цифры преступности*, слѣдовательно, бѣдные крестьяне, составлявшіе 21% населенія, давали 20%, т. е. почти вдвое больше, чѣмъ крестьяне собственники. Итакъ, на преступности въ деревнѣ замѣтны весьма ясные слѣды экономическихъ вліяній. Гарофало оставляетъ совершенно безъ вниманія городскихъ рабочихъ, особенно, рабочихъ въ большихъ центрахъ, гдѣ лауперизмъ, а также и имущественная преступность достигаютъ апогея. Сравненіе грамотныхъ преступниковъ съ неграмотными не играетъ важной роли и не имѣетъ ничего общаго съ анализомъ экономическихъ вліяній.

Изслѣдованіе французской статистики, приведенной авторомъ на страницѣ 185, опирается на ту же основную ошибку. Здѣсь авторъ особенно указываетъ на различіе между бѣдностью и невѣжествомъ крестьянъ (т. е. дурнымъ экономическимъ положеніемъ) и относительнымъ достаткомъ и культурностью городскихъ рабочихъ (т. е. сравнительно хорошимъ матеріальнымъ положеніемъ); затѣмъ онъ констатируетъ, что среди послѣднихъ преступность больше, чѣмъ среди первыхъ.

Очевидно, болѣе высокая культурность и несравненно большая заработная плата ремесленниковъ и вообще ремесленнаго класса, по сравненію съ земледѣльцами, ввели Гарофало въ заблужденіе. Но, прежде всего, онъ забываетъ, что вопросъ о сравнительномъ матеріальномъ достаткѣ—вопросъ безусловно относительный, что преимущества город-

ской жизни вполнѣ уравновѣшиваются болѣе многочисленными и настоятельными потребностями, большей дороговизной жизни, большей опасностью быть выброшеннымъ на улицу вслѣдствіе кризиса, меньшей удовлетворительностью жилищъ. Чтобы не выйти изъ области чисто экономическихъ факторовъ, мы ограничиваемся указаніемъ этихъ условій, разрушающихъ сравнительное благосостояніе городскихъ рабочихъ. Кромѣ того, Гарофало упустилъ изъ виду еще то, что на-ряду съ вышеупомянутыми рабочими въ городѣ существуетъ еще цѣлая армія подонковъ общества, настоящихъ пауперовъ, несчастныхъ жертвъ кретинизма, истощенія, моральнаго и физическаго вырожденія, дегенератовъ самаго ужаснаго типа, которые представляютъ настоящій разсадникъ преступленія и порока.

Изъ того, что во Франціи растущая матеріальная обезпеченность идетъ параллельно съ угрожающимъ развитіемъ преступности отнюдь не слѣдуетъ, что экономическіе факторы лишены вліянія. Во-первыхъ, методъ исчисленія степени матеріальнаго благосостоянія, примѣненный авторомъ, способенъ возбудить сомнѣнія. Вѣдь никто не будетъ оспаривать того, что данныя, касающіяся благосостоянія и нужды, — относительны, мѣняются въ зависимости отъ времени и мѣста, а также, отъ всего образа жизни [1]). Пусть въ 1821 году на человѣка приходилось 1,53 гектолитра хлѣба, а въ 1872—2,11 гектолитра; пусть потребленіе мяса съ 1829 до 1862 года возросло съ 20,8 килограмма до 25,1 килограмма; пусть заработная плата поднялась на 45 процентовъ съ 1853 до 1871 года, а число учениковъ въ начальныхъ школахъ увеличилось съ 57 на 1000 въ 1832 году до 122 на 1000—въ 1877 году; можно ли на основаніи всего этого сдѣлать выводъ, что благосостояніе увеличилось? Степень благосостоянія при которой человѣкъ потребляетъ 25,1 килограмма въ одну эпоху можетъ быть такая же или даже меньше, чѣмъ та, при которой человѣкъ потребляетъ 20,8 килограмма—въ другую эпоху. Наконецъ, пусть большинство достигло удовлетворительнаго матеріальнаго положенія (допустимъ, что это возможно); значитъ ли это, что уменьшилась нищета? Какая польза отъ роста обезпеченности большинства тысячамъ несчастныхъ, скученнымъ въ предмѣстьяхъ и нѣдрахъ Парижа, Ліона, Марселя и другихъ городовъ, гдѣ они влачатъ жалкое существованіе, испытывая хроническую нищету, голодъ, страдая отъ болѣзней, грязи и преступленій? Этотъ пауперизмъ, поставляющій главный контингентъ преступниковъ и, слѣдовательно, составляющій основной пунктъ нашего изслѣдованія, развивается и принимаетъ угрожающіе размѣры и во Франціи, и въ другихъ странахъ—вотъ фактъ, признанный единодушно всѣми, кто занимался этимъ вопросомъ: и Эттингеномъ, и Авэ-Лаллеманомъ, и Принсомъ, и другими [2]). Ростъ благосостоянія, совершенно справедливо замѣчаетъ М. П. Гимансъ, зависитъ отъ развитія промышленности. Въ результатѣ же послѣдняго получается все больше и больше жертвъ; ими являются всѣ тѣ, кто не въ силахъ продолжать ожесточенную борьбу за жизнь, такъ какъ конкурренція становится лихорадочной, кризисы повторяются съ безнадежной регулярностью, а печальное слѣдствіе изъ всего этого—безработица—развивается все больше и больше. Такимъ образомъ, именно

---

[1]) См. у Colajanni, Sociologia criminale, Catania, 1889, т. II, стр. 511. Аббатъ De Baets показалъ, что въ Бельгіи ростъ абсолютнаго благосостоянія не можетъ служить признакомъ улучшенія, если только онъ не параллеленъ росту относительной обезпеченности. См. Les influences de la misére sur la criminalité, Гентъ, 1895, стр. 17 и пред. стр.

[2]) Леруа Болье отрицаетъ этотъ фактъ, но не приводитъ достаточныхъ доказательствъ. См. его Essai sur la répartition des richesses. Парижъ, 1888, стр. 425 и сл.

общій ростъ благосостоянія и увеличиваетъ число нищихъ [1]). Графъ Госсонвилль, признавая, что во Франціи и въ Парижѣ среднее благосостояніе увеличивается, утверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что это явленіе вовсе не уменьшило пауперизма. Однако, у него не хватаетъ рѣшимости сдѣлать противоположный выводъ [2]).

Статистика лицъ, задержанныхъ за бродяжничество, даетъ намъ возможность судить объ этомъ фактѣ:

Франція.

1826—1830	—	9.13	1871—1875	—	27.32
1831—1835	—	9.83	1876—1880	—	28.18
1836—1840	—	10.27	1881—1885	—	41.56
1841—1845	—	12.85	1886—1890	—	50.11
1846—1850	—	13.16	1889— —	—	51.85
1851—1855	—	21.41	1890— —	—	52.43
1856—1860	—	17.35	1891— —	—	46.64
1861—1865	—	16.02	1892— —	—	50.44
1866—1870	—	21.85	1893— —	—	46.95

Въ Англіи и Ирландіи цифры остаются приблизительно неизмѣнными. Въ Австріи число 169,12 въ 1874 году замѣнилось числомъ 380,68 въ 1891 году, при чемъ максимальными были числа 496,18 и 491,12 въ 1886 и 1887 году. Въ Даніи наблюдалось нѣкоторое увеличеніе съ 1881 до 1890 года; то же явленіе констатировано въ Нидерландахъ въ періодъ съ 1874 до 1894 года [3]). Только въ одной Италіи число арестованныхъ за бродяжничество уменьшилось вслѣдствіе общаго уменьшенія преслѣдованія по политическимъ соображеніямъ [4]).

Впрочемъ, мы охотно готовы допустить, что здѣсь дѣло идетъ лишь о довольно шаткомъ признакѣ дѣйствительныхъ размѣровъ бродяжничества. Въ самомъ дѣлѣ, какъ справедливо замѣтилъ ванъ-Гамель, во время обсужденія доклада, статистика осужденныхъ за бродяжничество вовсе не даетъ истиннаго представленія о размѣрахъ бродяжничества [5]).

Тардъ утверждаетъ, что съ 1826 года бродяжничество учетверилось [6]).

Гарофало предвидитъ выводъ, который можно сдѣлать изъ постоянно наблюдаемаго параллелизма между высотой урожаевъ и цѣнами на съѣстные припасы, съ одной стороны, и имущественными преступленіями—съ другой [7]). Авторъ признаетъ, что этотъ статистическій законъ подтверждается и наблюдается повсюду, но что въ то же время число личныхъ посягательствъ стоитъ въ обратной зависимости отъ числа имущественныхъ преступленій; такимъ образомъ, Гарофало, подобно Ломброзо, приходитъ къ выводу, что общая цифра преступности

---

[1]) La lutte contre le crime, Брюссель, 1892, стр. 29 и сл.

[2]) D'Haussonville, Misères et remédes, Парижъ, 1886, стр. 32.

[3]) Данныя почерпнуты изъ доклада Florian et Cavaglieri sur Criminalité et vagabondage на Женевскомъ Конгрессѣ, Actes du IV-e Congrès, etc., стр. 270—276.

[4]) Jbid., стр. 271.

[5]) Actes du IV e Congrès, etc., стр. 291 и 292.

[6]) Philosophie pénale, Парижъ, 1900, стр. 388. См. также Rakowsky, De l'étiologie du crime et de la degenerescence, etc., Монпелье. 1897, стр. 74; Michel, L'économiste français, 1890; P. Lafargue, Neue Zeit, 1890, т. VIII, стр. 21.

[7]) У. с., стр. 187.

не зависитъ отъ цѣнъ. Экономическія теченія не служатъ истинными факторами преступности; они вліяютъ лишь на отдѣльныя формы ея. Подобное вліяніе оказываетъ также и климатъ: зимой максимумъ личныхъ посягательствъ соотвѣтствуетъ минимуму имущественныхъ преступленій, и vice versa.

Здѣсь намъ приходится повторить возраженіе, сдѣланное уже выше Ломброзо: увеличеніе имущественной преступности при уменьшеніи числа личныхъ посягательствъ и обратно вовсе не указываетъ на отсутствіе связи между преступностью и экономическими факторами, а, наоборотъ, подтверждаютъ мнѣніе, что существуетъ тѣсная связь между цѣнами на съѣстные продукты и обѣими формами преступности. Параллелизмъ, постоянно наблюдавшійся между кривой цѣнъ и другихъ показателей экономической жизни, съ одной стороны, и кривой имущественной преступности—съ другой, указываетъ на такую тѣсную связь между этими явленіями, что сейчасъ же является желаніе a priori признать существованіе между ними и причинной зависимости. Выше мы уже пытались опредѣлить сущность этой зависимости: кромѣ вліяній матеріальнаго характера, существуетъ еще много другихъ вліяній, опредѣляющихъ преступность, но такъ какъ они измѣняются очень медленно, то ихъ вліяніе на увеличеніе или уменьшеніе преступности не такъ замѣтно.

Съ такой же точки зрѣнія Гарофало оцѣниваетъ вліяніе,—еще болѣе интенсивное,—голода, торговыхъ кризисовъ, революцій, наводненій и тому подобныхъ факторовъ преступности [1]). Авторъ все же полагаетъ, что при болѣе глубокомъ изслѣдованіи предмета можно было бы найти специфическую причину преступности, которая проявилась бы въ другой формѣ, если бы не возникли содѣйствованія преступленію явленія экономическаго характера.

Надо быть очень ослѣпленнымъ идеей прирожденности преступленія, чтобы не признавать очевиднаго вліянія экономическихъ кризисовъ на преступность, вліяніе, столь безспорно доказанное Denis, Juglar и другими. Впрочемъ, это утвержденіе Гарофало—просто предположеніе, ничѣмъ не провѣренное.

Авторъ резюмируетъ вышесказанное въ слѣдующихъ выводахъ [2]), на которые, однако, онъ,—какъ мы старались доказать,—не имѣетъ права.

1. Современный экономическій строй не служитъ причиной преступности вообще.

2. Колебанія, наблюдаемыя обычно въ экономической жизни, являются лишь возможными причинами специфической преступности.

II.—Вліяніе прогресса и цивилизаціи [3]).

Авторъ разбираетъ здѣсь вопросъ, увеличивается ли преступность подъ вліяніемъ прогрессивнаго развитія экономической дѣятельности и прогресса цивилизаціи; это—теорія, разработанная Полетти. Здѣсь мы видимъ лишь разборъ и опроверженіе ея. Изложеніе же ея мы дадимъ, когда будемъ говорить о самомъ Полетти; возраженія противъ нея будутъ приведены тамъ же.

Здѣсь мы ограничимся указаніемъ вывода Гарофало [4]). Прогрессъ

---

[1]) У. с., стр. 192 и 193
[2]) У. с., стр. 191.
[3]) У. с., стр. 193.
[4]) У. с., стр. 207.

продуктивной дѣятельности народа ни въ коемъ случаѣ не ведетъ къ увеличенію преступности. Наоборотъ, цивилизація всегда оказываетъ благодѣтельное вліяніе въ томъ отношеніи, что ограничиваетъ преступность извѣстными формами ея, которыя и становятся постепенно какъ бы ремесломъ опредѣленнаго класса. На это указываетъ, между прочимъ, статистика рецидивовъ. Однако, эта концентрація идетъ чрезвычайно медленно. Цивилизація не является причиной существованія преступника, но она не въ состояніи заставить его исчезнуть; онъ существовалъ до нея и онъ пользуется ею, но пользуется лишь для того, чтобы измѣнить внѣшнія формы преступленія. Прежде онъ нападалъ на дилижансы, теперь онъ грабитъ на желѣзныхъ дорогахъ пассажировъ перваго класса.

Что касается вліянія цивилизаціи на формы преступленій, то всѣ криминалисты признаютъ его. Это же мнѣніе мы видѣли и у Ломброзо [1]), и у Ферри [2]). Но мы не понимаемъ, какъ можетъ Гарофало примирить ученіе о концентраціи преступности въ одномъ классѣ со своей идеей прирожденности извращенія нравственнаго чувства.

Итакъ, на основаніи вышеизложеннаго мы слѣдующимъ образомъ можемъ охарактеризовать теорію Гарофало:

Первоначальной причиной преступности является прирожденное извращеніе нравственнаго чувства. Авторъ придаетъ извѣстное значеніе, хотя и ничтожное, вліянію нѣкоторыхъ внѣшнихъ факторовъ. Экономическое положеніе не играетъ никакой роли: „Бѣдность въ смыслѣ отсутствія капитала или сбереженій, или, говоря точнѣе, экономическія условія жизни пролетаріата, по его мнѣнію, не оказываютъ вовсе вліянія на преступность [3])“.

Послѣдователи школы въ Италіи.

Изъ многочисленныхъ послѣдователей, группирующихся около вождей, идеи которыхъ мы только что изложили, лишь немногіе обратили вниманіе на занимающій насъ вопросъ. Это довольно естественно: криминалисты итальянской школы посвятили себя преимущественно изслѣдованію біологическихъ условій, при которыхъ совершается преступленіе.

Д-ръ Антоніо Марро, „самый замѣчательный изъ учениковъ Ломброзо“, какъ о немъ выразился Тардъ, превосходящій даже своего учителя строгой точностью своего метода, освѣтилъ преимущественно область уголовной соматологіи. Онъ смотритъ на преступность какъ на слѣдствіе недостаточнаго питанія центральной нервной системы [4]), которое приводитъ къ ослабленію воли, а отсюда къ преступленію. Для него, какъ и для его учителя, преступленіе въ конечномъ счетѣ представляется явленіемъ біологическимъ. Однако, соціальная сторона вопроса также заинтересовала его. Очень многія и разнообразныя причины могутъ привести къ вышеупомянутому физическому истощенію.

Уже на конгрессѣ въ Римѣ, на которомъ ему было предоставлено первое слово въ біологической секціи, Марро развилъ свои идеи. Онъ смотритъ на преступность [5]), какъ на продуктъ внѣшнихъ и внутрен-

---

[1]) Lombroso, Le Crime, etc., стр. 50 и сл.
[2]) Ferri, La Sociologie criminelle стр. 142 и сл.
[3]) У. с., стр. 193.
[4]) См. выводы автора, I caratteri dei delinquenti, Туринъ, 1887, стр. 447.
[5]) Actes du I-ier Congrès, и т. д., стр. 10.

нихъ условій, которыя иногда являются предрасполагающими, иногда же опредѣляющими къ преступленію и различаетъ внѣшнія, физическія и соціальныя условія, уподобляясь въ этомъ отношеніи Ферри. Въ вопросѣ о соціальныхъ условіяхъ Марро главное вниманіе обращаетъ на пролетаріатъ. Авторъ предостерегаетъ насъ отъ излишняго увлеченія органической теоріей преступленія, которымъ грѣшила въ то время новая школа, переживавшая свои золотые дни [1]), но, несмотря на это, онъ все-таки стремится найти главную причину преступности во внутреннихъ стимулахъ, которые играютъ болѣе важную роль, чѣмъ соціальныя условія или окружающая среда. Впрочемъ, онъ не привелъ въ защиту своей идеи достаточныхъ доказательствъ на засѣданіяхъ конгресса. Слѣдовательно, его тезисъ, не подкрѣпленный доказательствами, какъ и его замѣчаніе о роли пролетаріата, можетъ быть разсматриваемъ лишь какъ простое заявленіе.

Болѣе подробную разработку этого взгляда можно найти въ другой его работѣ, изданной въ Римѣ, I caratteri dei delinquenti (Torino, 1887). Главнымъ предметомъ ея остаются органическія отклоненія. Глава XV посвящена изученію физико-соціальныхъ причинъ преступности.

Марро думаетъ, что онъ разрѣшилъ вопросъ о вліяніи экономическаго состоянія на преступность, изучивъ матеріальную обстановку жизни осужденныхъ [2]). Онъ начинаетъ съ заявленія, что подобное статистическое изслѣдованіе не можетъ дать яснаго представленія о преступности болѣе обезпеченныхъ слоевъ населенія. Онъ совершенно резонно замѣчаетъ, что не всѣ одинаково легко попадаютъ въ тюрьму. Богатый имѣетъ то преимущество, что за нимъ стоятъ его богатство, его семейныя и соціальныя связи, часто спасающія его отъ каторги, если только преступленіе не доказано съ полной очевидностью и если оправданіе не грозитъ слишкомъ громкимъ скандаломъ. Мы видѣли, при разсмотрѣніи взглядовъ Гарофало, что въ Италіи [3]), надо серіозно считаться съ этимъ обстоятельствомъ. Съ другой стороны, по справедливому замѣчанію Колаяни [4]), большое число преступленій, совершенныхъ бѣдняками противъ бѣдняковъ же, также остаются ненаказанными, отчасти вслѣдствіе недостатка нравственнаго чувства у жертвы въ случаяхъ преступленій противъ нравственности, отчасти вслѣдствіе невозможности преслѣдовать виновнаго, благодаря неблагопріятному стеченію обстоятельствъ.

Имѣя все это въ виду, мы можемъ по достоинству оцѣнить статистическое изслѣдованіе Марро. Мы говорили уже о немъ при критикѣ системы Гарофало. Воспроизводимъ его здѣсь:

Классъ	Преступники	Нормальные люди.	Имущественныя преступленія
Пролетаріи	79, 6%	43, 4%	208
Малолѣтніе, родители коихъ принадлежатъ къ имущему классу	4, 1	10, 5	13
Мелкіе собственники . . .	6, 7	18, 4	12
Собственники	9, 4	27, 6	22

---

[1]) Ibid., стр. 138.
[2]) У. с., стр. 263 и сл.
[3]) См. стр. 105.
[4]) Sociologia criminale, II, стр. 540.

Сравнительный перевѣсъ бѣдныхъ преступниковъ, въ особенности среди лицъ, виновныхъ въ совершеніи имущественныхъ преступленій, съ такой очевидностью бросается въ глаза при разсмотрѣніи этой таблицы, что авторъ не можетъ сомнѣваться въ вліяніи матеріальныхъ условій на преступность. Къ несчастію авторъ не указалъ, къ какому періоду относятся его наблюденія.

Марро, ссылаясь на эти данныя, указываетъ на ошибочность взгляда, будто только крайняя бѣдность, почти страхъ голодной смерти, толкаетъ на преступленіе [1]). На самомъ дѣлѣ, рѣдко бываетъ, чтобы преступленіе было вызвано безусловной необходимостью. Съ другой стороны, дѣлать отсюда выводъ, что экономическіе факторы не оказываютъ вовсе вліянія на преступность, или что ихъ вліяніе очень незначительно—противорѣчило бы вышеприведеннымъ статистическимъ даннымъ, и значило бы впасть въ ту же ошибку, въ какую впали Гарофало [2]), Ломброзо [3]), Жоли [4]), Бентивеньи и другіе. Гораздо чаще, продолжаетъ авторъ, преступленіе совершается вслѣдствіе относительной бѣдности, вслѣдствіе того, что значительное число рабочихъ не въ состояніи удовлетворить трудомъ своихъ потребностей, и что иногда бываетъ чрезвычайно трудно перенести послѣдствія добровольнаго или вынужденнаго бездѣлья.

Кромѣ того, освобожденные изъ мѣстъ заключенія съ трудомъ находятъ себѣ работу и съ трудомъ сохраняютъ то положеніе, которое добыли себѣ большими усиліями. Когда у нихъ нѣтъ средствъ, и нѣтъ состоятельныхъ и щедрыхъ родственниковъ, то имъ приходится итти по пути воровства и нищенства, если они желаютъ избѣжать голодной смерти. Для доказательства авторъ приводитъ число преступниковъ, бывшихъ безъ работы въ моментъ ареста:

Имѣвшихъ заработокъ	254=56.6%
Безработныхъ	194=43.3—
Число тѣхъ, о которыхъ неизвѣстно, имѣли ли они работу или нѣтъ .	59
Итого . . .	507.

Подробная таблица, общіе итоги которой мы здѣсь приводимъ, доказываетъ, что больше всего совершается имущественныхъ преступленій лицами, не имѣющими заработка.

Къ сожалѣнію, и въ этихъ цифрахъ, очевидно основанныхъ на не слишкомъ подробномъ матеріалѣ, также не указанъ періодъ времени, къ которому онѣ относятся. Во всякомъ случаѣ, на основаніи подобныхъ таблицъ не слѣдуетъ дѣлать тѣхъ рѣшительныхъ выводовъ относительно экономическихъ вліяній, какіе дѣлаютъ нѣкоторые криминалисты, съ аргументаціей которыхъ намъ еще предстоитъ познакомиться[5]). Надо помнить, что врожденное отвращеніе къ труду играетъ здѣсь роль, которую серьезно слѣдуетъ принимать въ разсчетъ[6]).

---

[1]) Von Bentivegni, совершенно иначе формулирующій идею д-ра Марро, повидимому вовсе не читалъ этого мѣста Caratteri. См. v. Bentivegni, Antropologische Formeln für das Verbrecherthum. Лейпцигъ, 1893, стр. 4.

[2]) Garofalo, La Criminologie, стр. 168 и сл.

[3]) Lombroso, Le Crime etc., стр. 99.

[4]) Joly, La France criminelle, стр. 356.

[5]) Wright: The relations of economic conditions to the causes of crime. Philadelphia, 1891, стр. 105—106.

[6]) См. Lombroso, Le Crime, etc., стр. 145.

Конечный выводъ Марро относительно вліянія экономическихъ факторовъ таковъ: на этіологію преступленія они не оказываютъ непосредственнаго вліянія. Но нельзя отрицать, что нищета ослабляетъ волевые центры (послѣдствіе недостатка питанія центральной нервной системы), а, слѣдовательно, ведетъ къ преступленію[1]).

На грудъ Марро мы должны смотрѣть какъ на слабое, хотя и не лишенное извѣстной цѣнности, содѣйствіе разрѣшенію нашей проблемы. Во всякомъ случаѣ все очевиднѣе становится, что вопросъ объ экономическихъ вліяніяхъ на преступность—одинъ изъ самыхъ обширныхъ и сложныхъ вопросовъ и что для разрѣшенія его необходимо собрать богатый и тщательно подобранный матеріалъ; иначе невозможно получить выводовъ, достойныхъ довѣрія. Эта трудность, о которой забываетъ большинство авторовъ, не была достаточно оцѣнена и Марро, который думалъ, что возможно разрѣшить проблему, основываясь на немногочисленныхъ статистическихъ данныхъ. Правда, его выводъ носитъ общій характеръ. Мы вполнѣ съ нимъ согласны, но мы должны помнить, что другіе авторы дали больше матеріаловъ для разработки этой проблемы.

Доктору Вирджиліо Росси, ассистенту Ломброзо, было поручено представить на конгрессѣ въ Римѣ рефератъ по восьмому вопросу біологической секціи: Вліяніе температуры и способовъ питанія на преступность въ Италіи съ 1875 до 1883 года[2]).

Вотъ выводы автора:

1. Число имущественныхъ преступленій увеличивается въ тѣ годы, когда температура сурова, а цѣны на хлѣбъ высоки; въ обратномъ случаѣ число ихъ уменьшается.

2. Этому же закону еще строже подчиняются квалифицированныя кражи.

3. Обратное вліяніе оказываютъ эти явленія на посягательства на личность и преступленія противъ нравственности.

Доказательства, собранныя авторомъ, приведены въ его подробномъ докладѣ[3]), въ которомъ тщательно разсматриваются колебанія итальянской преступности въ опредѣленный періодъ, зависящія отъ повышенія и пониженія цѣнъ на пищевые продукты, а также отъ измѣненій въ температурѣ. Наблюденія сдѣланы Росси лично или почерпнуты имъ изъ первыхъ рукъ. Слѣдовательно, они достойны довѣрія; однако, они относятся лишь къ короткому девятилѣтнему періоду, и, слѣдовательно, выводы, на нихъ основанные, не могутъ быть безусловно приняты. Они имѣютъ и другіе недостатки, на что автору было вполнѣ справедливо указано комиссіей, разсматривавшей рукописи по порученію перваго конгресса[4]).

Росси преувеличиваетъ цѣнность добытыхъ имъ ограниченныхъ статистическихъ данныхъ, являющихся, правда, результатомъ тщательнаго личнаго труда, и придаетъ имъ слишкомъ общее значеніе. У насъ есть основаніе утверждать—и это подкрѣпляется многочисленными фактами, приводимыми самимъ Росси,—что преступность является продуктомъ мѣстно-историческихъ условій; слѣдовательно, не можетъ быть

---

[1]) У. с., стр. 448.

[2]) Actes du I-er Congrès, etc., стр. 21 и сл., стр. 295 и сл. Диссертація была напечатана въ Archivio di psichiatria, t. VI, стр. 501.

[3]) Къ сожалѣнію, онъ не былъ прочитанъ вслѣдствіе отсутствія д-ра Росси.

[4]) Actes du I-er Congrès, etc., стр. 303.

и рѣчи о тѣхъ обобщеніяхъ по аналогіи, которыя онъ допускаетъ, опираясь на статистику. Наблюденія имѣютъ цѣнность лишь для данныхъ мѣста и времени, относительно которыхъ они сдѣланы. И комиссія, о которой говорено выше, заявила, что нѣкоторыя наблюденія Росси примѣнимы лишь къ сѣверной Италіи.

Впрочемъ, самъ Росси не особенно заблуждался относительно общей цѣнности своихъ выводовъ. „Къ несчастью,—говоритъ онъ,—полученные результаты не въ состояніи удовлетворить требованіямъ науки и уголовнаго права, а, съ другой стороны, статистика не могла намъ дать больше матеріала для освѣщенія нашего вопроса[1])“.

Авторъ составилъ графическую таблицу своихъ наблюденій, которая помѣщена въ VI т. Archivio di psichiatria, etc.

Профессоръ Джузеппе Серджи также считаетъ преступленіе біологическимъ явленіемъ [2]), но приписываетъ ему болѣе патологическій характеръ, чѣмъ Ломброзо. Слѣдовательно, объ этомъ авторѣ мы съ полнымъ правомъ могли бы говорить въ главѣ, посвященной патологическимъ теоріямъ. Мы уже заявляли въ свое время, что для насъ подраздѣленіе на школы не имѣетъ абсолютнаго и исключительнаго значенія, и что классификація для многихъ авторовъ сомнительна. Исходя изъ идеи, что преступленіе является результатомъ вырожденія, и допуская, съ другой стороны, что причинами преступности можетъ быть множество явленій самаго разнообразнаго свойства, Серджи составилъ табличку видовъ вырожденія, перечнемъ которыхъ онъ думаетъ исчерпать всѣ причины преступности. Эту мысль онъ развилъ на первомъ конгрессѣ, причемъ онъ не всегда опирался на достаточно убѣдительные мотивы; эта же мысль изложена и въ его Antropologia [3]).

Среди соціальныхъ причинъ функціональнаго вырожденія онъ помѣстилъ такъ же борьбу за существованіе въ соціальной средѣ. Ниже онъ разъясняетъ [4]): „Недостаточное питаніе, особенно въ молодости, вызываетъ анемію и задерживаетъ развитіе индивида; къ тѣмъ же результатамъ приводитъ и питаніе недоброкачественными продуктами. Добавьте сюда неудобное и негигіеничное жилище, неудовлетворительную одежду зимой, недостатокъ топлива, наконецъ, полную неудовлетворенность эстетическихъ потребностей, и вы поймете, почему это дурное матеріальное положеніе ведетъ современное и будущее поколѣнія къ вырожденію, а, слѣдовательно, и къ преступленію“.

Все это—указанія и утвержденія безъ всякихъ доказательствъ. Таблица видовъ вырожденія, составленная Серджи,—лишь неопредѣленная идея, одинъ изъ тѣхъ „взглядовъ и нѣчто“, которые имѣютъ то преимущество, что не обязываютъ автора къ опредѣленности и въ то же время не причиняютъ никому вреда. Онъ и самъ признаетъ этотъ недостатокъ, говоря, что было бы полезно и интересно узнать, какіе виды преступности стоятъ въ непосредственной зависимости отъ различныхъ формъ вырожденія, перечисленныхъ имъ [5]). Теорія Серджи пріобрѣла бы интересъ, лишь если бы эта задача была выполнена.

Сотрудникъ Ломброзо, вмѣстѣ съ нимъ работавшій надъ Crime politique, Родольфо Лапи, также признаетъ связь между преступ-

---

[1]) Ibid., стр. 300.

[2]) Sergi, Antropologia e scienze antropologiche, Messina, 1889, стр 337 и 342. См. также Actes du I-er Congrès, etc., стр. 16.

[3]) Actes du I-er Congrès, etc., стр. 16 и 165; Antropologia, стр. 379.

[4]) Antropologia, стр. 374 и сл.

[5]) У. с., стр. 379.

ностью и экономической средой. Какъ о соавторѣ вышеупомянутаго сочиненія, мы уже говорили о немъ при обсужденіи теоріи Ломброзо. Намъ не зачѣмъ повторять сказанное.

Когда на конгрессѣ въ Женевѣ Лаши говорилъ о полезности біографическаго листка для осужденныхъ и о способѣ его составленія, онъ сдѣлалъ цѣлый рядъ указаній относительно вліянія матеріальныхъ факторовъ, чѣмъ и доказалъ, что придаетъ имъ первостепенное значеніе [1])

Эту сторону его ученія мы, впрочемъ, затронули лишь для того, чтобы дополнить нашъ обзоръ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Италіи появился одинъ изъ самыхъ подробныхъ и полныхъ трудовъ, касающихся зависимости преступности отъ экономическихъ явленій. Этотъ трудъ—одинъ изъ лучшихъ по нашему вопросу. Мы говоримъ о La criminalità e le vicende economiche d'Italia dal 1873 al 1890 доктора Эттора Форназари ди-Верче, Туринъ, 1894.

Авторъ ограничивается одной Италіей.

Періодъ, изученный авторомъ, относительно кратокъ, что объясняется постановкой статистическаго изслѣдованія въ Италіи. Серіознымъ препятствіемъ для изслѣдованія является искусственное уменьшеніе числа преступленій, произведенное двойной амнистіей 1876-го и 1878-го годовъ.

Форназари становится послѣдовательно на статическую и на динамическую точки зрѣнія и излагаетъ свое ученіе въ двухъ главахъ.

1. Статическое изслѣдованіе [2]). Въ сравнительной статической статистикѣ обыкновенно пользуются методами, цѣнность которыхъ сомнительна; съ помощью ихъ нельзя получить удовлетворительныхъ выводовъ. Форназари воспользовался двумя путями: онъ сравнилъ экономическое положеніе осужденныхъ съ различіемъ въ экономическомъ положеніи отдѣльныхъ соціальныхъ классовъ и изслѣдовалъ географическое распредѣленіе преступности. Первый методъ болѣе общъ и болѣе достоинъ довѣрія, если только онъ опирается на достаточный матеріалъ. Матеріалы, которыми пользовался Форназари, вполнѣ удовлетворительны; хотя онъ могъ бы охватить своимъ изслѣдованіемъ большій періодъ времени. Онъ судитъ о соціальныхъ классахъ на основаніи переписи 1881 года, которая показала, что изъ тысячи жителей 390,66 принадлежатъ къ богатымъ, достаточнымъ, среднимъ и вообще болѣе или менѣе обезпеченнымъ классамъ (Sufficientemente proveduti); 609,34 принадлежатъ къ категоріи тѣхъ, которые съ трудомъ находятъ средства къ существованію. Изслѣдуя экономическое положеніе преступниковъ, авторъ пользуется статистическими данными, относящимися къ 1887, 1888 и 1889 гг., т. е. къ періоду времени, который значительно разнится отъ періода, принятаго за основаніе.

Онъ получилъ слѣдующіе результаты:

	1887	1888	1889
Нуждающихся	56.34	57.45	56.00
Лицъ, обладающихъ минимумомъ средствъ, необходимыхъ для существованія . . .	29.99	30.77	32.15
Средній классъ.	11.54	9.98	10.13
Достаточный классъ	2.13	1.80	1.72

---

[1]) Actes du IV-me Congrès, etc., стр. 241.
[2]) У. с., стр. 1 и сл.

Такимъ образомъ, достаточные классы (40% всего населенія) даютъ лишь 13% общаго числа преступниковъ; бѣдные же классы (60% всего населенія) поставляютъ 86% преступниковъ. Отсюда авторъ дѣлаетъ выводъ, что несомнѣнно и очевидно благоденствіе располагаетъ къ добру, а нищета къ злу. Мы противопоставляемъ эти результаты, почти тождественные съ результатами, полученными Марро, числамъ, приводимымъ Гарофало, которыя онъ получилъ изъ сравненія такихъ же явленій и которыя естественно приводятъ къ совершенно инымъ выводамъ.

Вмѣстѣ съ Колаянни авторъ оспариваетъ мнѣніе Марро[1]), о которомъ мы говорили[2]), что представители обезпеченныхъ классовъ легче спасаются отъ заключенія[3]); онъ указываетъ на то, что многія преступленія, совершенныя представителями бѣдной части населенія противъ лицъ, принадлежащихъ къ той же части населенія, остаются нераскрытыми.

Желая изслѣдовать подробнѣе это печальное вліяніе неудовлетворительнаго матеріальнаго положенія, вліяніе, которое онъ считаетъ доказаннымъ, авторъ производитъ географическое изслѣдованіе преступности. Форназари различаетъ вліянія, предрасполагающія къ преступности, и вліянія, опредѣляющія къ ней, и дѣлаетъ ихъ сравнительную оцѣнку.

Вліяніе, предрасполагающее къ преступности, выражается обыкновенно въ формѣ вырожденія, которое является слѣдствіемъ жестокой борьбы за существованіе, выпадающей на долю неимущихъ представителей современнаго общества, и дѣлающей ихъ или героической жертвой долга и совѣсти, или существомъ, забывшимъ о своемъ человѣческомъ достоинствѣ. Принужденные жить изо-дня-въ-день, они часто испытываютъ недостатокъ въ самомъ необходимомъ для существованія. Слѣдствіемъ является физическое и психическое вырожденіе, толкающее на преступленіе.

Авторъ ищетъ доказательства, подтверждающаго его мысль въ соотношеніи между степенью благосостоянія въ итальянскихъ провинціяхъ и числомъ преступниковъ въ каждой изъ нихъ. Чтобы вмѣстѣ съ авторомъ найти тутъ доказательство яснаго вліянія бѣдности на преступность, необходимо болѣе или менѣе предвзятое толкованіе результатовъ, полученныхъ отъ этого сравненія. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ преступность не увеличивается, когда средній уровень благосостоянія уменьшается.

Нищета также непосредственно и рѣшительно вліяетъ на преступность, слѣдовательно, становится главной причиной многихъ преступленій. Авторъ пытается доказать это съ аналогичнымъ успѣхомъ, примѣняя тотъ же статистическій методъ. Здѣсь онъ говоритъ и о томъ, какъ нищета вліяетъ на имущественныя преступленія и на преступленія противъ нравственности; однако, въ этой части своего изложенія онъ ограничивается тѣмъ, что цитируетъ Колаянни, въ основѣ изслѣдованія котораго, какъ мы увидимъ ниже, лежатъ предвзятыя идеи и положенія котораго часто остаются недоказанными.

Подобные методы статистическаго изслѣдованія возбуждаютъ троякое сомнѣніе. Прежде всего, приходится констатировать неточность въ терминологіи: при раздѣленіи всего итальянскаго королевства на

---

[1]) Marro: I carratteri dei delinquenti, стр. 256.
[2]) См. стр. 105 и стр. 117.
[3]) Sociologia criminale. II стр. 540.

одиннадцать провинцій, нѣтъ возможности принимать въ разсчетъ всѣ особенности, которыми отличаются различныя мѣстности въ столь обширныхъ областяхъ, слѣдовательно, соотношеніе между обоими сравниваемыми явленіями — благосостояніемъ и преступностью—оказывается недостаточно выясненнымъ. Для достиженія большей точности въ изслѣдованіи необходимо произвести подраздѣленіе на болѣе мелкія части.

Кромѣ того, степень абсолютной обезпеченности (состояніе на каждую голову населенія) рѣшительно не можетъ служить мѣрой реальнаго благосостоянія извѣстной мѣстности, т. е. болѣе или менѣе значительнаго числа лицъ, а между тѣмъ, послѣднее служитъ основаніемъ при изслѣдованіяхъ уголовной статистики. Съ этой точки зрѣнія совершенно безразлично, каково среднее благосостояніе буржуазіи и класса мелкихъ собственниковъ—пять ли тысячъ ливровъ, 10000 или 100000. Для насъ важно знать, сколько лицъ нуждается въ необходимомъ для существованія, у кого единственнымъ источникомъ дохода является личный трудъ, кто, слѣдовательно, легко страдаетъ отъ общихъ кризисовъ или катастрофъ въ личной жизни. Въ крупныхъ центрахъ величайшая роскошь особенно часто уживается рядомъ съ самой острой нуждой. Это явленіе наблюдается, между прочимъ, и въ Италіи, особенно же въ Римѣ, такъ что современный Лаціумъ даетъ намъ возможность наблюдать какъ величайшее благосостояніе, такъ и наиболѣе интенсивную преступность.

Впрочемъ, авторъ самъ указываетъ на отмѣченныя нами особенности, съ цѣлью объяснить очевидное противорѣчіе въ цифрахъ, относящихся къ Лаціуму. Но здѣсь возникаетъ такой вопросъ: быть можетъ, то явленіе, которое ясно бросается въ глаза въ Лаціумѣ, въ другихъ провинціяхъ также существуетъ, но не въ такой рѣзкой формѣ, вслѣдствіе чего оно не такъ замѣтно?

Наконецъ, авторъ разсматриваетъ связь между степенью благосостоянія и преступностью во всей ея совокупности, не подраздѣляя ее на три крупныя категоріи, этіологія которыхъ совершенно различна. Относительно общаго вліянія экономическихъ или какихъ-либо другихъ факторовъ на преступность, авторъ дѣлаетъ заключенія болѣе широкія, чѣмъ *позволяли бы его посылки*. Предположимъ, что *экономическіе* факторы вліяютъ на имущественныя преступленія, но не на посягательства на личность; ясно, что даже и въ этомъ случаѣ общая преступность будетъ казаться зависящей отъ степени благосостоянія, такъ какъ имущественныя преступленія составляютъ $^2/_3$ всѣхъ преступленій и, слѣдовательно, оказываютъ рѣшающее вліяніе на общую картину преступности. Но единственнымъ средствомъ получить результаты, достойные довѣрія, является подраздѣленіе преступленій, что и сдѣлано авторомъ въ одномъ изъ слѣдующихъ (7) параграфовъ[1]), съ цѣлью указать на вліяніе экономическихъ факторовъ на каждую отдѣльную форму преступности; выводъ же относительно общаго вліянія на преступность былъ сдѣланъ прежде, чѣмъ было произведено вышеозначенное подраздѣленіе. Отдѣльная же для каждаго вида преступленій статистика даетъ скорѣе отрицательные результаты, такъ что изъ нея мы можемъ сдѣлать лишь очень немного выводовъ и ужъ во всякомъ случаѣ не можемъ получить утвердительныхъ данныхъ по поводу вліянія нищеты на посягательства на личность.

---

[1]) У. с., стр. 20.

Самъ авторъ понимаетъ, что результаты его статическаго изслѣдованія не имѣютъ большой цѣнности, и говоритъ о нихъ, какъ объ „idea approssimativa, ma troppo generale e incerta delle'influenza delle condizione economiche sopra la criminalità“[2]).

Гораздо большую цѣнность въ изслѣдованіи Форназари имѣетъ:

2. Динамическое изслѣдованіе, въ которомъ авторъ пытается разрѣшить вопросъ о вліяніи экономическихъ факторовъ на преступность, сравнивая кривую послѣдней, въ теченіе вышеозначеннаго періода, съ измѣненіями, которымъ подвергаются важнѣйшіе экономическія явленія.

Сдѣлавъ нѣсколько очень мѣткихъ замѣчаній относительно уголовной статистики въ Италіи и общаго движенія преступности, авторъ приступаетъ къ своему изслѣдованію согласно слѣдующему методу: изъ-года-въ-годъ онъ сравниваетъ движеніе преступности (въ общемъ и въ частностяхъ) съ колебаніями, происходящими въ сферѣ экономической. Эти колебанія выражаются въ измѣненіяхъ, происходящихъ въ области наиболѣе важныхъ экономическихъ явленій.

Большее или меньшее сходство обѣихъ кривыхъ зависитъ отъ связи, если только она существуетъ, между преступностью (или какой-нибудь изъ ея формъ) и разсматриваемымъ въ данномъ случаѣ экономическимъ явленіемъ.

Отсюда авторъ дѣлаетъ выводъ зависитъ ли данное преступленіе отъ даннаго явленія, или нѣтъ. Этотъ методъ, примѣняемый авторомъ постоянно *съ величайшей аккуратностью и основанный на изученіи реальныхъ* явленій и реальныхъ фактовъ, къ сожалѣнію, несовершененъ. Это значительно уменьшаетъ цѣнность полученныхъ результатовъ, а зачастую лишаетъ ихъ даже всякаго значенія. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ той же ошибкой, въ которой повиненъ и учитель Форназари Ломброзо, и которая заключается въ томъ, что они отождествляютъ post hoc съ propter hoc. Всякое явленіе, изображенное графически кривой, можно сравнить съ другой кривой, даже произвольно избранной. Дѣлать же выводы на основаніи внѣшняго сходства, быть можетъ случайнаго, между двумя кривыми, не сдѣлавъ ихъ предметомъ самаго тщательнаго изученія со стороны дѣйствительной причинной связи между наблюдаемыми явленіями,—это значитъ совершенно непочтительно относиться къ правиламъ логики. Предположимъ, что преступность въ какой-нибудь странѣ увеличивается или уменьшается въ такой же пропорціи, какъ, напримѣръ, торговля лошадьми или какое-нибудь другое, первое попавшееся подъ руку явленіе; кто позволитъ себѣ сдѣлать на этомъ основаніи наивный выводъ о существованіи связи между преступностью и вышеозначенной торговлей? Согласованность двухъ явленій можетъ быть совершенно случайной и причинную связь между ними можно установить лишь путемъ тщательнаго изученія.

Это Форназари упустилъ изъ виду; слѣдовательно, много разъ оказывается невѣрной устанавливаемая имъ связь между преступностью и экономической жизнью.

Главная ошибка автора заключается въ томъ, что за основаніе своихъ вычисленій онъ взялъ общую цифру итальянской преступности, а для отдѣльныхъ группъ—всю сумму преступленій. Вполнѣ возможно, напримѣръ, что эмиграція оказываетъ постоянное и очень значительное вліяніе на преступность извѣстнаго класса, именно того, изъ котораго рекрутируются эмигранты. Но въ такомъ случаѣ этотъ классъ

---

[2]) У. с., стр., 23

и его преступность и должны служить точкой отправленія, а отнюдь не все населеніе Италіи и не общая цифра его преступности. Ошибка становится особенно очевидной, когда авторъ приписываетъ увеличеніе или уменьшеніе преступности въ одинаковой мѣрѣ нѣсколькимъ причинамъ. Разъ установлена какая-нибудь причина увеличенія числа преступленій, напримѣръ, дороговизна съѣстныхъ припасовъ, то ясно, что всякая другая причинная зависимость не можетъ уже быть принята, если только не доказано, что различные факты, которыми должно быть объяснено данное увеличеніе, взаимно связаны, или вѣрнѣе и правильнѣе въ философскомъ смыслѣ, если они оба не являются выраженіемъ одного явленія высшаго порядка, породившаго ихъ, въ которомъ и лежитъ истинная причина.

Это бросается въ глаза уже въ тотъ моментъ, когда авторъ ищетъ связь между частными экономическими явленіями и общей картиной преступности. Обѣ главныя группы преступленій, имущественныя преступленія и посягательства на личность,—это два разныхъ явленія, зависящія отъ совершенно разныхъ причинъ, которыя, слѣдовательно, должны быть разсматриваемы отдѣльно. Это вовсе не мѣшаетъ общей кривой преступности обнаруживать постоянную связь съ явленіемъ, въ дѣйствительности вліяющимъ лишь на имущественную преступность, гораздо болѣе распространенную и отъ которой, слѣдовательно, зависитъ общій ходъ преступности. Выводы автора, касающіеся этой зависимости, теряютъ уже здѣсь значительную долю своей цѣнности. Къ счастью, авторъ никогда не ограничивается простымъ общимъ сравненіемъ, а изслѣдуетъ данную зависимость въ каждой группѣ преступленій въ отдѣльности.

Сдѣлавъ эти замѣчанія по поводу метода, примѣненнаго Форназари, остается еще сказать нѣсколько словъ о внѣшней формѣ его работы. Авторъ, къ сожалѣнію, лишь изрѣдка пользуется графическими таблицами, которыя гораздо лучше длинныхъ разсужденій годились бы для яснаго изложенія многочисленныхъ сравненій кривыхъ, словесное объясненіе которыхъ очень запутано. Читатель сберегъ бы много труда, а изложеніе стало бы много яснѣе.

Перейдемъ къ изложенію работы Форназари. Авторъ подвергаетъ изслѣдованію многія явленія экономическаго характера и старается обнаружить ихъ вліяніе на преступность. Мы изложимъ вкратцѣ его посылки и выводы.

1. Эмиграція [1]).—Она оказываетъ благопріятное вліяніе на имущественныя преступленія и на нѣкоторыя посягательства на личность, напримѣръ, на убійства и на часть преступленій, подлежащихъ компетенціи мировыхъ судей; на другія преступленія она оказываетъ противоположное вліяніе, таковы: прелюбодѣяніе, искусственные выкидыши, дѣтоубійства, подкидываніе дѣтей; это явленіе авторъ, подобно Паріа [2]), объясняетъ почти несомнѣнной надеждой на безнаказанность, гарантируемую предстоящимъ отъѣздомъ. Преступленія противъ нравственности стоятъ внѣ всякой зависимости отъ эмиграціи, такъ же, какъ и многія другія преступленія, принадлежащія къ вышеупомянутымъ группамъ.

Сдѣланныя нами выше замѣчанія въ особенности касаются этого сравнительнаго изслѣдованія: цѣнность его равна почти нулю. Чтобы уяснить себѣ вліяніе эмиграціи, авторъ не долженъ былъ брать за основаніе

---

[1]) У. с., стр. 37 и сл.

[2]) A Paria: Studi sulla criminalità italiana nel 1881, Archivio di psichiatria, ecc, т. III, 4.

общую сумму преступности въ Италіи, а онъ долженъ былъ ограничиться разсмотрѣніемъ преступности того класса, къ которому принадлежатъ эмигранты.

2. Земледѣльческое производство [1]) — Сравненіе количества урожая съ преступностью не даетъ ясныхъ и опредѣленныхъ результатовъ. Мы уже говорили, что придаемъ этому сравненію лишь второстепенное значеніе.

Сравненіе съ опредѣленными видами преступленій возможно лишь съ 1884 года вслѣдствіе отсутствія статистическихъ данныхъ; такимъ образомъ, это изслѣдованіе можно произвести лишь для ограниченнаго періода времени. Оказывается, что годы, отличавшіеся обильнымъ урожаемъ, даютъ низкую цифру преступности; исключеніе составляютъ годы съ обильнымъ производствомъ вина. Имущественныхъ преступленій, особенно же кражъ продуктовъ земледѣлія, совершается меньше въ годы обильнаго урожая. Противоположныя явленія констатированы въ области посягательствъ на личность, хотя максимумъ кровавыхъ преступленій совершается въ годы наихудшихъ урожаевъ. Винодѣліе оказываетъ особенно рѣзкое вліяніе на преступность. Вліяніе вышеупомянутаго явленія на посягательства на нравственность сомнительно; на преступленія же противъ общественнаго порядка вліяніе его равно нулю.

Авторъ тутъ совершенно правильно отмѣчаетъ, что измѣненія въ степени урожая чувствительно отзываются преимущественно на преступности сельскаго населенія, а также въ значительной степени и на общей преступности вслѣдствіе того, что крестьяне составляютъ значительную часть всего населенія (изъ 1000 человѣкъ 445 живутъ земледѣліемъ). Но авторъ не обращаетъ вниманія на то, что это замѣчаніе грозитъ значительно уменьшить цѣнность дѣлаемыхъ имъ сравненій и выводовъ изъ нихъ. Еще разъ повторяю, что именно преступность сельскаго населенія должна была служить здѣсь точкой отправленія при изслѣдованіи главнаго и непосредственнаго вліянія степени урожая.

Косвенное вліяніе, конечно, сказывается и на уровнѣ нравственности всего населенія, такъ какъ здѣсь идетъ дѣло о факторѣ, опредѣляющемъ отчасти цѣну съѣстныхъ продуктовъ, и слѣдовательно вліяющемъ на экономическое состояніе всей страны. Здѣсь мы еще разъ ясно видимъ, въ какой связи стоитъ общая картина преступности съ измѣненіями въ жизни отдѣльной группы населенія, въ данномъ случаѣ приблизительно половины всего населенія, и какъ эти измѣненія опредѣляютъ направле́ніе кривой общей преступности.

Но тѣмъ не менѣе прямая связь между разсматриваемымъ явленіемъ и преступностью совершенно очевидна, причемъ она касается лишь преступности земледѣльческаго класса.

3. Цѣна съѣстныхъ припасовъ [2]). — Вліяніе этого фактора, сильнѣе другихъ отражающаго экономическое положеніе страны, очень велико. Кромѣ того, это экономическое явленіе вліяетъ на всю страну, вслѣдствіи чего здѣсь выводы автора, касающіеся общей картины преступности, оказываются правильными.

Въ результатѣ этого изслѣдованія мы получаемъ возможность установить полный параллелизмъ кривыхъ цѣнъ съѣстныхъ продуктовъ и имущественныхъ преступленій. Въ области посягательствъ на лич-

---

[1]) У. с., стр. 42 и сл.
[2]) У. с., стр. 57 и сл.

ность небольшіе проступки (di competenza pretoriale) измѣняются такъ же, какъ цѣны; то же можно сказать отчасти и объ убійствахъ, между тѣмъ, какъ кривыя остальныхъ преступленій идутъ въ противоположномъ направленіи, но ихъ движенія неопредѣленны и непостоянны. Отсюда авторъ дѣлаетъ выводъ, что эта категорія правонарушеній стоитъ лишь въ слабой и отдаленной связи съ цѣнами; однако, существуетъ внутренняя связь между этими правонарушеніями и производствомъ вина. Авторъ считаетъ косвеннымъ еще вліяніе цѣнъ другихъ продуктовъ на личныя посягательства; пониженіе цѣнъ позволяетъ народонаселенію дешевле пріобрѣтать крѣпкіе напитки и алкоголь; въ этомъ и лежитъ причина увеличенія числа кровавыхъ преступленій.

Стремясь опредѣлить вліяніе цѣнъ на семейныя преступленія, авторъ систематизируетъ различныя экономическія явленія, о которыхъ была рѣчь. Число семейныхъ преступленій увеличивается съ ростомъ эмиграціи. Послѣдняя же увеличивается, если общее экономическое положеніе, зависящее прежде всего отъ цѣнъ, неблагопріятно. Итакъ, семейныя преступленія учащаются вмѣстѣ съ ростомъ цѣнъ. Слѣдовательно, оба фактора, голодъ и эмиграція, являются двойнымъ выраженіемъ одного и того же явленія. Во всякомъ случаѣ и здѣсь не слѣдуетъ упускать изъ виду, что дѣло идетъ о преступности лишь одной группы, именно эмигрантовъ.

Попытки автора найти связь между различными факторами, вліяніе которыхъ на преступность онъ изучаетъ, достойны всяческой похвалы. Если бы онъ постоянно примѣнялъ этотъ методъ, то цѣнность полученныхъ имъ результатовъ лишь увеличилась бы.

4. Положеніе промышленности [1]). Въ Италіи одновременно съ ростомъ промышленности. наблюдается и постоянный ростъ преступности. Тотъ фактъ, что авторъ старается уклониться отъ логическаго вывода, получающагося отъ сравненія этихъ двухъ кривыхъ, сразу идущихъ кверху, доказываетъ, что примѣняемый имъ методъ—post hoc, ergo propter hoc—ставитъ ему непреодолимыя препятствія. Повторяя ошибку Полетти, авторъ стремится найти противовѣсъ преступной дѣятельности въ дѣятельности честной и нормальной. Но уступая въ смѣлости криминалисту, идеи котораго онъ усваиваетъ,—несмотря на то, что боится ихъ парадоксальности,—онъ вынужденъ сознаться, что у него не хватаетъ данныхъ для исчисленія нормальной дѣятельности. Затѣмъ, констатируя, что преступность увеличивается въ послѣдніе годы изучаемаго періода съ сравнительно меньшей скоростью, между тѣмъ какъ кризисы слѣдуютъ другъ за другомъ сравнительно часто, авторъ считаетъ себя въ правѣ сдѣлать выводъ, что связь, которая должна была бы существовать (согласно его методу) между развитіемъ промышленности и ростомъ преступности, является лишь кажущейся. Въ концѣ-концовъ, онъ находитъ причину этого увеличенія,—которое такъ или иначе должно же быть объяснено,—просто въ томъ, что сравненіе было произведено съ числомъ преступниковъ предыдущихъ лѣтъ, искуственно уменьшеннымъ благодаря амнистіямъ. Въ сущности, Форназари самъ отвергаетъ и развѣнчиваетъ примѣнявшійся имъ методъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему это замѣчаніе примѣнимо къ послѣднему выводу, непонравившемуся автору, и не можетъ быть примѣнено къ другимъ выводамъ, касающимся другихъ матеріальныхъ явленій?

---

[1]) У. с., стр. 77 и сл.

5. Экономическое положеніе рабочихъ [1]). Чтобы найти точный критерій для оцѣнки экономическаго положенія рабочихъ, авторъ вычисляетъ число часовъ труда, необходимое, чтобы въ теченіе года выработать эквивалентъ ста кило хлѣба.

Это оригинальное и очень удачное вычисленіе имѣетъ то достоинство, что принимаетъ въ разсчетъ зависимость между заработной платой и движеніемъ цѣнъ. Въ результатѣ сравненія этой кривой съ кривой преступности мы получаемъ, что, не считая нѣкоторыхъ преступленій смѣшаннаго характера, каковы кражи на путяхъ сообщенія особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ сопровождаются убійствомъ, имущественныя преступленія находятся въ полной гармоніи съ числомъ часовъ, необходимыхъ для полученія эквивалента ста кило, если только не имѣли мѣста могущественныя противоположныя вліянія.

Посягательства на личность находятся лишь въ косвенной зависимости отъ степени благосостоянія. Послѣднее вызываетъ злоупотребленіе алкоголемъ и такимъ образомъ вліяетъ на увеличеніе числа посягательствъ на личность. Число преступленій противъ нравственности увеличивается, когда уменьшается число рабочихъ часовъ. Другія же общественныя преступленія стоятъ внѣ всякой зависимости отъ послѣдняго фактора.

6. Отсутствіе работы [2]). Бездѣліе особенно отражается на числѣ сопротивленій властямъ. Замѣчательно, что число безработныхъ совершенно не вліяетъ на имущественную преступность.

Здѣсь методъ Форназари, уже не разъ подвергавшійся нашей критикѣ и заключающійся въ томъ, что проводится параллель между общей преступностью и тѣмъ явленіемъ, вліяніе котораго требуется опредѣлить, окончательно запутываетъ автора. Очевидно, что искать слѣдовъ такого явленія, какъ безработица, поражающаго только одну группу лицъ, въ общей картинѣ преступности всего населенія Италіи,—это значитъ идти по ложному пути. Если бы авторъ ограничился въ своемъ изслѣдованіи преступленіями, совершенными тѣми, кто пострадалъ отъ безработицы, то онъ получилъ бы достойныя полнаго довѣрія данныя относительно вліянія вышеупомянутаго явленія на имущественныя преступленія. Результаты, полученные авторомъ, возбуждаютъ сомнѣніе особенно потому, что другіе авторы, шедшіе по иному пути, пришли къ совершенно противоположнымъ выводамъ [3]).

7. Положеніе торговли [4]). Въ этой части изслѣдованія подчеркнуты два явленія: во-первыхъ, не существуетъ никакой связи между экономическимъ положеніемъ, съ одной стороны, и банкротствами, поддѣлками бумагъ и фабрикаціей фальшивыхъ монетъ—съ другой; затѣмъ, большая часть злоупотребленій въ коммерческомъ мірѣ можетъ быть объяснена экономическими измѣненіями. Вліяніе кредита и сбереженій [5]), а также роста состояній частныхъ лицъ на преступность незамѣтно. [6])

На основаніи полученныхъ результатовъ авторъ дѣлаетъ опредѣленные выводы [7]) и составляетъ таблицу, наглядно показывающую сте-

---

[1]) У. с., стр. 86 и сл.
[2]) У. с., стр.. 104 и слѣд.
[3]) См. Wright; The relations of economic conditions to the causes of crime, Филадельфія 1891, стр. 105 и 106.
[4]) У. с, стр. 108 и сл.
[5]) У. с., стр. 121 и сл.
[6]) У. с., стр. 129 и сл.
[7]) У. с., стр. 137 и сл.

пень вліянія экономическихъ факторовъ на генезисъ каждой отдѣльной группы преступленій. Однако, эта таблица отличается отъ изложенныхъ имъ прежде мнѣній, высказанныхъ въ формѣ предположеній[1]), такъ какъ тамъ авторъ не обратилъ достаточнаго вниманія на вліяніе явленій изъ области коммерческаго оборота. Авторъ заключаетъ, что, если это, сравнительно ничтожное, вліяніе все же замѣтно отражается на таблицѣ, то нѣтъ никакой возможности опредѣлить болѣе или менѣе точно, на какія преступленія (и въ какой мѣрѣ) экономическіе факторы, разсмотрѣнные въ совокупности, оказываютъ или не оказываютъ свое вліяніе. Его соображенія понятны: не всѣ экономическіе факторы вліяютъ одинаковымъ образомъ и въ одной и той же мѣрѣ на отдѣльные виды преступности. Авторъ старается, поэтому, идти другимъ путемъ: онъ разсматриваетъ, какого рода экономическіе факторы оказываютъ вліяніе на каждый самостоятельный видъ преступленія.

Вотъ выводы, къ которымъ онъ приходитъ[2]):

1-е. Большинство имущественныхъ преступленій, семейныя преступленія, мелкія посягательства на личность и нарушенія порядка и спокойствія стоятъ въ тѣсной связи съ благосостояніемъ рабочаго класса.

2-е. Всѣ кровавыя преступленія и проступки противъ порядка управленія стоятъ въ зависимости отъ производства вина и цѣнъ на вино.

3-е. Покражи зернового хлѣба зависятъ отъ экономическаго положенія земледѣльческаго класса.

4-е. Преступность вообще, коммерческія преступленія, поддѣлка подписей, фабрикація фальшивой монеты зависятъ отъ общей степени благосостоянія въ странѣ.

5-е. Поджоги, религіозныя преступленія, преступленія государственныя, злостныя банкротства стоятъ въ самой тѣсной связи съ экономическими вліяніями; нѣкоторыя другія преступленія, каковы: ложныя свидѣтельскія показанія, клевета, преступленія противъ государственной безопасности, зависятъ отъ нихъ въ значительной степени.

Слѣдовательно, въ происхожденіи преступности, на-ряду съ экономическими факторами, играютъ роль также и нѣкоторыя другія вліянія. Но, несмотря на это, авторъ все-таки считаетъ, что его изслѣдованіе доказало, что экономическіе факторы оказываютъ очень значительное вліяніе на генезисъ преступленія, а также и на всю соціальную жизнь. Это же изслѣдованіе показываетъ намъ, что экономическое положеніе страны выражается очень точно колебаніями цѣнъ на съѣстные припасы и размѣровъ заработной платы, такъ какъ оба эти явленія находятся подъ прямымъ вліяніемъ общей степени матеріальнаго благосостоянія.

Изъ этого слѣдуетъ, что кривая цѣнъ не можетъ одна точно выразить экономическое положеніе страны, какъ это предполагали многіе другіе авторы. Послѣднее явленіе — очень сложно по своему составу, и чтобы быть точнымъ, необходимо не упускать изъ виду многихъ другихъ факторовъ.

Форназари, впрочемъ, также позволилъ себѣ преувеличить значеніе зависимости, существующей между динамикой преступности и матеріальными явленіями.

---

[1]) У. с., стр. 107 и 108.
[2]) У. с. стр. 145 и 146.

Изслѣдованіе Форназари относительно итальянской преступности является во всей литературѣ наиболѣе оригинальной и сильной попыткой разрѣшить занимающій насъ вопросъ.

Пользуясь исключительно собственными и очень серьезными изслѣдованіями, авторъ послѣдовательно изучаетъ всѣ стороны экономической жизни, связь которыхъ съ преступностью ему кажется возможной. Его данныя точнѣе, а полученные имъ результаты значительнѣе, чѣмъ у другихъ криминалистовъ, занимавшихся нашимъ вопросомъ. Къ сожалѣнію, примѣнявшійся имъ методъ не лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Часть выводовъ автора теряетъ вслѣдствіе этого свою цѣнность, что мы и постарались доказать въ предшествующемъ изложеніи.

Авторъ прилагаетъ къ своей работѣ „перечень наблюденій“ надъ зависимостью преступности отъ экономическихъ факторовъ въ Англіи и Новомъ Южномъ Уэллсѣ.

Его изслѣдованіе англійской преступности [1])—трудъ полный и очень серьезный; оно опирается на тѣ же точныя положительныя данныя, какъ и предыдущая часть работы, но и здѣсь авторъ, къ сожалѣнію, повторяетъ свои ошибки. Періодъ наблюденій значительно шире: онъ обнимаетъ время отъ 1840 до 1890 года. Авторъ ограничивается исключительно изслѣдованіемъ динамики преступности; впрочемъ, эта сторона вопроса занимаетъ также большую часть его изслѣдованія объ Италіи. Ясность изложенія, сильно страдавшая вслѣдствіе полнаго отсутствія графическихъ таблицъ, сильно выигрываетъ здѣсь благодаря тому, что приложена таблица [2]), въ которой годы раздѣлены на четыре класса, согласно степени благосостоянія и числу преступленій. Авторъ приходитъ къ выводу, что англійская преступность въ своей совокупности зависитъ отъ экономическаго состоянія страны. Это мнѣніе совершенно произвольно, какъ ясно изъ высказанныхъ нами выше соображеній. Бо́льшую цѣнность имѣетъ обнаруженная авторомъ зависимость отдѣльныхъ группъ преступленій отъ экономическихъ явленій. Здѣсь наблюдается обратное отношеніе между имущественными преступленіями и благосостояніемъ; это особенно бросается въ глаза въ области похищенія чужого имущества, не сопровождающагося насиліемъ, и менѣе замѣтно въ области насильственнаго похищенія. Посягательства на личность не зависятъ отъ колебаній въ экономической жизни, но они стоятъ въ связи съ потребленіемъ алкоголя. Но въ виду того, что при благосостояніи увеличивается потребленіе алкоголя, указанныя выше посягательства возрастаютъ въ урожайные годы; такія же преступленія какъ поддѣлка подписи, фабрикація фальшивыхъ денегъ и т. д., стоятъ въ небольшой или внѣ всякой зависимости отъ экономическаго состоянія страны.

При изслѣдованіи англійской преступности видно, что здѣсь вліяніе экономическихъ факторовъ нѣсколько иное, чѣмъ въ Италіи; поэтому авторъ приходитъ къ тому заключенію, что преступность—продуктъ мѣстно-историческихъ условій; этотъ выводъ согласуется съ нашимъ опредѣленіемъ преступности. Онъ говоритъ: „наши выводы относительно обѣихъ странъ не совсѣмъ тождественны; иначе и не могло быть, такъ какъ въ нихъ совершенноразные уголовные законы, экономическія условія, физическая и соціальная обстановка. Однако, въ общихъ чертахъ, результаты, полученные при изученіи преступности въ Италіи приблизительно тѣ же, что и относительно преступно-

---

[1]) У. с., стр. 161 и сл.
[2]) У. с., стр. 170.

сти въ Англіи. Могущественный экономическій факторъ играетъ свою роль также и въ Англіи, и при этомъ его вліяніе замѣтно на преступленіяхъ той же группы. Это подтверждаетъ фактъ, все болѣе и болѣе несомнѣнный, подтвержденный и многочисленными изслѣдованіями въ другихъ странахъ,—что вліяніе экономическаго фактора на преступность проявляется повсемѣстно. Однако, отсюда нельзя дѣлать вывода, что это вліяніе повсюду тождественно и одинаково сильно".

Анализъ зависимости преступности въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ отъ экономическихъ явленій [1]) относится къ десятилѣтію 1882—1891 и покоится на данныхъ, почерпнутыхъ авторомъ изъ изслѣдованія Коглана (The Wealth and progress of New-South-Wales, Сидней 1893); онъ приходитъ къ аналогичнымъ результатамъ. Во многихъ отношеніяхъ можно замѣтить и нѣкоторыя различія, но въ общихъ чертахъ тѣ-же главнѣйшія явленія наблюдаются здѣсь, какъ и повсюду. Число имущественныхъ преступленій уменьшается съ ростомъ благосостоянія населенія и vice versa; особенно это замѣтно на кражахъ, преимущественно на кражахъ лошадей. Посягательства на личность и проступки противъ нравственности развиваются въ одномъ направленіи съ благосостояніемъ населенія; это явленіе, по мнѣнію автора, тѣсно связано съ усиливающимся потребленіемъ алкоголя въ урожайные годы. Нѣкоторыя имущественныя преступленія, каковы лихоимство и мошенничество, стоятъ внѣ всякой связи съ экономическими явленіями.

Изучая вліяніе экономическихъ факторовъ на преступность въ Англіи и Новомъ Южномъ Уэльсѣ, авторъ имѣетъ въ виду найти подтвержденіе законовъ, установленныхъ имъ для Италіи. Но эта попытка, по нашему мнѣнію, вызываетъ возраженія: если мы наблюдаемъ въ Австраліи какое-нибудь соціальное явленіе или явленіе соціальной патологіи, то это вовсе не значитъ, что мы то же увидимъ и въ Италіи или въ какой другой странѣ. Наблюденія, сдѣланныя въ извѣстной странѣ, имѣютъ значеніе только для этой страны. Лишь посредствомъ синтеза наблюденій, произведенныхъ для установленія какого-нибудь закона, мы можемъ вывести самый законъ, который пріобрѣтаетъ все болѣе общій характеръ по мѣрѣ того, какъ мы территоріально расширяемъ рамки нашихъ наблюденій. Трудъ Форназари о преступности въ Англіи и Австраліи даетъ намъ цѣнный матеріалъ для сужденія о всеобщности законовъ, касающихся вліянія экономическихъ факторовъ на преступность. Въ этомъ дѣйствительная цѣнность приложенія, покоящагося на томъ же основаніи, что и вся работа. Но если бы мы, вмѣстѣ съ авторомъ, стали искать подтвержденія установленныхъ для Италіи законовъ въ томъ, что аналогичные факты наблюдаются также въ Англіи и ея колоніяхъ, то это значило бы злоупотреблять аргументаціей по аналогіи, или же слишкомъ широко смотрѣть на явленія преступности, соединяя подъ этимъ терминомъ величины разнаго наименованія и цѣнности.

Николо Пинсеро въ Scuola Positiva (VIII, 1898, №№ 6—8), изучаетъ зависимость преступности отъ экономическихъ факторовъ въ статьѣ Miseria e Delitto [2]). Авторъ ставитъ себѣ задачей провѣрить, насколько правы соціалисты, считающіе экономическіе факторы единственной причиной преступности.

---

[1]) У. с., стр. 207 и сл.
[2]) Издано впослѣдствіи отдѣльной брошюрой, 1898.

Прежде, чѣмъ приступить къ изложенію своей темы, авторъ говоритъ болѣе краснорѣчиво, чѣмъ научно, что онъ разумѣетъ подъ „бѣдностью“ [1]). Онъ признаетъ рѣшительно невѣрнымъ мнѣніе, будто преступленіе является слѣдствіемъ какого-нибудь одного фактора [2]). Онъ считаетъ доказаннымъ положеніе, о которомъ говорилъ въ одной изъ своихъ предыдущихъ работъ [3]), что человѣкъ—продуктъ наслѣдственности и среды, а преступленіе, какъ всякій человѣческій поступокъ, — неизбѣжный и естественный продуктъ совокупнаго дѣйствія внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ. Дурное экономическое положеніе и бѣдность играютъ здѣсь преобладающую роль.

Слѣдуя положеніямъ итальянской школы, онъ считаетъ, что человѣчество состоитъ изъ трехъ слоевъ: людей нормальныхъ и безусловно хорошихъ, людей абсолютно дурныхъ и людей промежуточной зоны. Въ психологіи случайнаго преступленія, свойственнаго лицамъ промежуточной зоны, авторъ находитъ явное доказательство того, что внѣшніе возбудители, толкающіе на преступленіе слабаго индивида, принадлежащаго къ промежуточной зонѣ, сильнѣе вліяютъ на представителей бѣднаго класса, чѣмъ на обезпеченные слои населенія. Подобно тому, какъ эпидемія обыкновенно болѣе поражаетъ слабые организмы и свирѣпствуетъ съ большей силой среди бѣдноты, такъ и эпидемія преступности опустошаетъ ряды тѣхъ, кто, вслѣдствіе недостатка воспитанія, жизни въ нездоровыхъ жилищахъ, вреднаго и недостаточнаго питанія, лишенъ силы сопротивленія соблазнамъ преступленія. Среди этихъ классовъ населенія царствуютъ самые ужасные пороки, самые опасные предразсудки, извращенныя чувства, недовѣріе къ законамъ, ненависть къ обезпеченнымъ классамъ, увѣренность въ правомѣрности и необходимости личной мести, алкоголизмъ, проституція, маффіа и каммора.

Самое глубокое разногласіе между ломброзіанской и соціалистической фракціей школы касается прирожденнаго преступника, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Пинсеро старается примирить обѣ враждующія стороны. По его мнѣнію, прирожденныя наклонности играютъ рѣшающую роль, но происхожденіе ихъ зависитъ отъ соціальныхъ и экономическихъ факторовъ. Это мнѣніе сближаетъ автора съ представителями французской школы. Дефекты въ организмѣ матери, недостаточное питаніе во время беременности, вредный и испорченый воздухъ, дурное обращеніе въ этотъ критическій періодъ, служатъ причинами психическаго и физическаго вырожденія ребенка до его рожденія. Итакъ, хотя это вырожденіе и прирожденное, однако оно имѣетъ своимъ источникомъ факторы экономическаго порядка. Точно такъ же алкоголизмъ, играющій такую важную роль во многихъ преступленіяхъ, стоитъ въ тѣсной связи съ нищетой, а причины его ужасающаго развитія лежатъ въ области экономическихъ и соціальныхъ явленій. Короче говоря, идеи Пинсеро сводятся къ слѣдующему [4]): физическіе и антропологическіе (т.-е. біологическіе) факторы сильно вліяютъ на преступность, но они находятся въ тѣсной связи съ соціальными факторами. Иными словами, „la miseria non é il solo fattore della delinquenza, ma è certamente il più importante, il più complesso e generale“.

Одно явленіе вызываетъ бѣдность и преступленіе среди рабочихъ

---

[1]) У. с., стр. 8 и 9.
[2]) У. с., стр. 10 и сл.
[3]) Intorno ad alcuni criteri della responsabilità sociale. Scuola positiva III, 16—18.
[4]) У. с., стр. 18.

и пролетаріевъ: это—браки, сопровождаемые большимъ числомъ дѣтей. Объ этомъ явленіи авторъ уже говорилъ въ сочиненіи, озаглавленномъ „La delinquenza occulta“ [1]), гдѣ онъ доказываетъ, что среди низшихъ классовъ населенія браки гораздо чаще, чѣмъ среди представителей обезпеченныхъ классовъ; бѣдныхъ совершенно не безпокоитъ большее или меньшее число дѣтей, либо по безпечности, либо вслѣдствіе того, что у нихъ нѣтъ причинъ, побуждающихъ богатыхъ людей воздерживаться отъ дѣторожденія. Бѣдность и вырожденіе обусловливаются въ значительной степени этими плодовитыми браками; рожденіе дѣтей въ тотъ періодъ, когда организмъ ослабленъ недостаткомъ питанія, создаетъ причины существованія хилаго поколѣнія.

Во 2-ой части своего труда [2]) Пинсеро говоритъ о субститутахъ наказанія, которые, уменьшая бѣдность, способны сокращать число преступленій. Онъ рекомендуетъ пріюты для нищихъ, госпитали, воспитательные дома, пріюты для сиротъ, организацію врачебной помощи, безплатную раздачу лѣкарствъ, общественныя кухни, ссудо-сберегательныя кассы, производительныя и потребительныя кооперативныя ассоціаціи, рабочіе дома, оздоровленіе городовъ, патронатъ для безпризорныхъ дѣтей и преступниковъ, освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія; земледѣльческія колоніи, ограниченіе числа рабочихъ часовъ, запрещеніе тяжелаго труда дѣтей, обезпеченіе рабочихъ, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ, распространеніе начальнаго образованія среди населенія, безплатное судопроизводство; но первенствующее значеніе онъ придаетъ правильной регламентаціи и хорошему вознагражденію труда. Чтобы бороться съ печальными послѣдствіями слишкомъ раннихъ и плодовитыхъ браковъ, авторъ рекомендуетъ примѣненіе неомальтузіанскаго метода.

Диссертація Пинсеро, не лишенная нѣкоторыхъ достоинствъ, въ сущности сводится къ тому, что авторъ дѣлаетъ выводы изъ матеріала, собраннаго имъ и, особенно, его предшественниками. Онъ пользуется положеніями Ферри, Ломброзо и другихъ піонеровъ позитивизма въ Италіи и, считая ихъ признанными, не подтверждаетъ ихъ никакими доказательствами. Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что авторъ близко подходитъ къ идеямъ французской школы; послѣдняя также признаетъ значеніе въ генезисѣ преступленія за біологическимъ факторомъ, который, по ея ученію, по своему существу и происхожденію обусловленъ соціальными условіями.

Сторонники школы за-границей.

Докторъ Полина Тарновская также сторонница доктрины Ломброзо о прирожденномъ преступникѣ.

Она занималась, главнымъ образомъ, изученіемъ ненормальностей въ организмахъ проститутокъ и преступницъ въ Россіи. Въ статьѣ, озаглавленной: „Кровавыя преступленія и посягательства на общественныя установленія“, она разсматриваетъ вліяніе бѣдности на кровавыя преступленія во Франціи („Юридическій Вѣстникъ“, Москва, Августъ 1887). Она примѣняетъ методъ статистическаго изслѣдованія, сравниваетъ въ каждомъ округѣ число убійствъ съ богатствомъ страны, при чемъ за основаніе вычисленія принимаетъ чистый доходъ съ одного гектара земли. Наше незнаніе русскаго язы-

---

[1]) Въ Archivio di psichiatria, XVII.
[2]) У. с., стр. 22 и сл.

ка вынуждаетъ насъ ограничиться этими немногими замѣчаніями. Во всякомъ случаѣ сомнительно, чтобы г-жа Тарновская нашла въ своихъ вычисленіяхъ дѣйствительный критерій благосостоянія и, что еще важнѣе, чтобы она могла такимъ образомъ составить себѣ точное предстанленіе объ экономическомъ положеніи и о внѣшнихъ формахъ его проявленія, заслуживающихъ названія причинъ преступности. Подобно авторамъ, производившимъ упомянутыя нами географическо-криминальныя статистическія вычисленія, г-жа П. Тарновская также основывается на слишкомъ общемъ понятіи производительности почвы и обращаетъ слишкомъ мало вниманія на многія экономическія условія, обусловливающія преступность; поэтому ея вычисленія, касающіяся преступности, не внушаютъ довѣрія. Въ своемъ „антропометрическомъ изслѣдованіи проститутокъ и воровокъ“ г-жа Тарновская указываетъ преимущественно на тотъ фактъ, что воровки, обыкновенно, рождаются отъ неимущихъ родителей [1]), въ атмосферѣ безпорядочности и нищеты, служащей дурной школой для подготовки къ тяжелой борьбѣ за существованіе [2]). Въ концѣ своей работы авторъ придаетъ своимъ частнымъ выводамъ относительно вліянія экономическихъ факторовъ на воспитаніе проститутокъ и воровокъ общее значеніе: „онѣ происходятъ изъ низшихъ слоевъ, подонковъ общества, число которыхъ уменьшается по мѣрѣ того, какъ улучшаются условія біологической эволюціи культурнаго общества. Чтобы избавиться отъ зла, приносимаго этими ненормальными явленіями цивилизованнаго міра, недостаточно только наказывать, какъ это дѣлается сейчасъ. Слѣдовало бы искоренять зло въ корнѣ; слѣдовало бы улучшить среду, въ которой рождаются и живутъ эти ненормальныя женщины, уменьшить царящую среди нихъ нищету и расширить пути къ отысканію честнаго труда, достаточно вознаграждаемаго и позволяющаго, слѣдовательно, женщинамъ оставаться честными; слѣдовало бы также допустить женщинъ къ извѣстнымъ профессіямъ и ремесламъ, монополизированнымъ теперь мужчинами. Всякое допущеніе женщинъ къ новымъ отраслямъ честнаго труда естественно уменьшаетъ трудности, которыя препятствуютъ имъ добывать средства къ существованію и, слѣдовательно, спасаетъ ихъ отъ бѣдности, этой дурной совѣтницы, поддерживающей развратъ и питающей порокъ независимо отъ прирожденныхъ наклонностей“ [3]).

Въ Испаніи идеи итальянской школы встрѣтили радушный пріемъ со стороны Салиласа, Альварецъ Таладрица, Силіо, Дорадо Монтеро и др. Два послѣднихъ автора написали сочиненія о вліяніи экономическихъ факторовъ.

На конгрессѣ въ Парижѣ д-ръ Таладрицъ прочелъ докладъ о преступности и ея зависимости отъ этнографическихъ условій; въ этомъ докладѣ онъ проводилъ мысль о необходимости согласовать теоріи итальянскихъ и французскихъ ученыхъ. Соглашаясь съ тѣмъ, что существуетъ преступный типъ, отличающійся физіологическими особенностями, формы проявленія которыхъ однородны и постоянны для всѣхъ эпохъ и расъ, онъ все же признаетъ, что соціологическія, религіозныя, экономическія и политическія условія также вліяютъ на характеръ и развитіе преступности [4]).

Профессоръ Дорадо Монтеро (изъ Саламанки) пишетъ въ La ciencia penal en la Italia comtemporanea, что соціальные

---

[1]) У. с., Парижъ 1889, стр. 109.
[2]) У. с., стр. 110.
[3]) У. с., стр. 203.
[4]) Actes du II-e Congrès, etc., стр. 91.

факторы оказываютъ значительное вліяніе на преступность и что между ними первое мѣсто занимаютъ экономическіе факторы. Послѣдніе находятся подъ вліяніемъ крупныхъ кризисовъ, которые приходится переживать народамъ, а также подъ вліяніемъ другихъ явленій, которыя необходимо внимательно изучать, чтобы получить ясное представленіе о современной преступности вообще и о ея соціальномъ или, вѣрнѣе, антисоціальномъ характерѣ въ частности. Безъ изученія экономическо-соціальныхъ факторовъ невозможно понять значеніе губительнаго вліянія законовъ, лишающихъ народы доходовъ, вызывающихъ безработицу, бродяжничество и нищету и создающихъ такимъ путемъ атмосферу, въ которой развиваются имущественная преступность, контрабанда (послѣдствіе преувеличенныхъ пошлинъ и слишкомъ строгихъ формъ обложенія), а также посягательства на личность и всевозможные виды извращенныхъ привычекъ и наклонностей.

Дорадо Монтеро придаетъ, слѣдовательно, очень большое значеніе роли экономическихъ факторовъ въ этіологіи преступленія и настойчиво рекомендуетъ изучать матеріальные факторы. Однако, своихъ сочиненій по этому вопросу у него нѣтъ.

Силіо, въ La crisis del derecho penal, также отмѣчаетъ, что индивидуальный факторъ преступности, которому онъ, понимая его въ такомъ же смыслѣ, какъ и итальянская школа, придаетъ рѣшающее значеніе, повидимому, находится подъ неблагопріятнымъ вліяніемъ соціальныхъ условій, особенно—дурныхъ матеріальныхъ условій, въ значительной мѣрѣ усиливающихъ ростъ преступности.

Во Франціи, гдѣ доктрина Ломброзо нашла мало послѣдователей, одинъ изъ нихъ, Викторъ Жанвро, касается въ краткихъ чертахъ вліянія экономическихъ факторовъ [1]): „Недостаточное питаніе,—говоритъ онъ,—вызванное бѣдностью, приводитъ къ хроническому голоданію, которое, дойдя до крайности, убиваетъ всѣ соціальныя идеи и чувства. Бѣдственныя экономическія положенія выражаются въ нападеніяхъ, эмиграціи, возстаніяхъ, кражахъ, бродяжничествѣ, нищетѣ. Интересы всего общества требуютъ, чтобы у всякаго былъ хлѣбъ на каждый день“. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ краткимъ необоснованнымъ замѣчаніемъ, не требующимъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Статья Жанвро написана, повидимому, подъ вліяніемъ Nuovi Orizzonti Ферри.

ГЛАВА II.

Французская школа.

Какъ только появилась теорія о прирожденномъ преступникѣ, ей тотчасъ была противопоставлена теорія соціальной среды. Сторонники послѣдней также принадлежатъ къ обширной семьѣ позитивистовъ. Основатель ея—маститыйліонскій профессоръ А. Лакассань.

Въ теченіе первыхъ лѣтъ существованія криминологической школы, въ періодъ борьбы и исканія основныхъ принциповъ и новыхъ идей, обѣ враждующія группы, итальянская и французская, вели ожесточенную борьбу. Теперь начинаютъ понимать, что если ждать исхода этой борьбы и не пользоваться выводами школъ для практическихъ цѣлей, то придется ждать долго и, вѣроятно, по-пусту. Поэтому вполнѣ благоразумно было отодвинуть на задній планъ основной теорети-

---

[1]) La question de la criminalité въ Revue Le la Réforme judiciaire, 1889. стр. 282 и сл.

ческій вопросъ: „Что такое преступленіе?“, и этимъ была пріобрѣтена возможность совмѣстной и плодотворной работы для сторонниковъ обѣихъ школъ. Но было ли справедливо, въ пылу радости по случаю перемирія, закрыть глаза на спорный вопросъ о преобладающемъ вліяніи двухъ факторовъ, внѣшняго или внутренняго, и сдѣлать видъ, что этотъ вопросъ былъ поднятъ по недоразумѣнію, что это былъ лишь вопросъ о словахъ?

Мы этого не думаемъ.

Этотъ споръ имѣетъ глубокіе корни. Въ немъ мы находимъ знакомый отголосокъ былого спора, постоянно возобновлявшагося, въ теченіе всей исторіи философіи, то ex professo, то подъ видомъ обсужденія второстепенныхъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ болѣе важными. Мы уже говорили о взглядахъ на прирожденность чувства добра и зла, на врожденность характеровъ, словомъ, на вопросъ о врожденной физіономіи личности; эта теорія имѣла сторонниковъ и противниковъ еще въ древней Индіи. Изложеніе исторіи этой важной проблемы, очевидно, выходитъ изъ границъ нашего изложенія. Для насъ достаточно указать на то, что спорные вопросы итальянской и французской школъ являются отзвуками, продолженіемъ, модернизованнымъ повтореніемъ,—модернизованнымъ потому, что они излагаются по современному методу позитивизма,—старой антитезы, примѣненной на этотъ разъ къ позитивному изученію преступной дѣятельности. Если бы мы захотѣли еще болѣе углубиться во внутренній анализъ идей, мы могли бы связать споръ итальянской и французской школы съ великимъ споромъ сенсуализма и идеализма, имѣвшихъ мѣсто почти на всемъ протяженіи исторіи философіи и опредѣлявшимъ возникновеніе почти всѣхъ великихъ системъ, начиная съ Samkhya di Kapila, съ одной стороны, и Nyaja—съ другой, и вплоть до современныхъ философскихъ системъ.

Будетъ ли смѣлостью утверждать, что въ нормальномъ генезисѣ преступленія въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ Лакассань и Манувріэ, находятъ свое отраженіе взгляды Аристотеля и Бэкона о „tabula rasa“, куда вписываются внѣшнія впечатлѣнія до тѣхъ поръ, пока она не обратится въ „криминальную“? Плодомъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ является преступность: это напоминаетъ неврожденныя идеи перипатетиковъ. А развѣ въ теоріи о прирожденномъ преступникѣ Ломброзо мы не находимъ признанія—мало-платоническаго безъ сомнѣнія, но еще меньше картезіанскаго—прирожденности основныхъ идей, какъ источника дѣятельности, о которой говорилъ Платонъ, а послѣ Платона Декартъ? Было бы очень любопытно глубже проанализировать эту преемственность идей; но этотъ анализъ относится къ области исторіи философіи, а не криминологіи. Мы ограничиваемся тѣмъ, что упомянули объ этой преемственности.

Во всякомъ случаѣ очень легко прослѣдить, углубляясь въ прошедшее, идеологическую нить, связывающую французскую криминалогическую школу съ Локкомъ и Бэкономъ. Именно, въ произведеніяхъ Локка находимъ мы эволюцію идей, приведшихъ криминологовъ къ пониманію преступленія, какъ соціальнаго явленія. Бэконъ и его предшественники поняли лишь первые элементы проблемы и старались лишь выяснить образованіе идей. Локкъ же перенесъ въ область морали выводы изъ ученія своего учителя, примѣнилъ его къ вопросу объ образованіи нашихъ душевныхъ свойствъ, подъ которыми онъ понимаетъ не только наши моральныя качества, но также и интеллектуальныя. Въ своемъ сочиненіи: О воспитаніи ребенка (пер. Коста, Амстердамъ,

ЦАБ "Автограф"

1733) онъ развиваетъ ту мысль, что все зависитъ отъ воспитанія въ широкомъ смыслѣ слова, то-есть отъ окружающей среды. Изложеніе его идей въ очень доступной формѣ мы находимъ у Гельвеція въ его сочиненіи: О человѣкѣ, его способностяхъ и его воспитаніи (Лондонъ 1781): „я считаю, что умъ, добродѣтель и геній человѣка являются продуктами воспитанія (опять-таки понимая это слово въ широкомъ смыслѣ). Люди рождаются одинаковыми; неодинаковыми же они становятся подъ вліяніемъ воспитанія“ [1]). И дальше: „если бы я доказалъ, что человѣкъ дѣйствительно продуктъ своего воспитанія, я несомнѣнно открылъ бы народамъ великую истину. Они узнали бы, что держатъ въ рукахъ путеводную нить къ величію и благоденствію, и, чтобы быть счастливыми и могущественными, имъ достаточно усовершенствовать науку о воспитаніи [2])“. Любопытно, что слова этого философа почти буквально соотвѣтствуютъ отвѣту, данному на парижскомъ конгрессѣ Мануврiэ Ферри, когда послѣдній замѣтилъ, что невозможно объяснять исключительно внѣшними обстоятельствами то явленіе, что изъ двухъ индивидовъ, живущихъ въ одной средѣ, одинъ становится преступникомъ, а другой нѣтъ [3]): „наша жизнь, отвѣтилъ онъ, представляетъ длинную цѣпь случайностей. Тысяча неожиданностей оказываютъ глубокія вліянія. Пусть никто не обольщаетъ себя надеждой, что ему удастся дать двумъ дѣтямъ одинаковое воспитаніе. Ничтожное число несходныхъ идей способны заставить людей, имѣющихъ много общаго, пріобрѣсти совершенно разные взгляды и сужденія [4])“.

Точно также и баронъ Гольбахъ придерживается взгляда о полномъ, естественномъ равенствѣ всѣхъ людей, во всѣхъ отношеніяхъ; онъ также того мнѣнія, что только внѣшнія вліянія способствуютъ образованію нашихъ качествъ. Въ Системѣ природы (Лондонъ 1770), онъ говоритъ слѣдующее: „сердце человѣка—это почва, которая въ зависимости отъ своего состава способна производить терніи и полезныя растенія, ядовитые и вкусные плоды, все зависитъ отъ того, что на ней посѣешь и какъ будешь ее воздѣлывать. Хорошими или дурными насъ дѣлаютъ наши родители и воспитатели; подъ ихъ вліяніемъ мы становимся благоразумными или неблагоразумными, трудолюбивыми или лѣнивыми, серьезными или легкомысленными и пустыми“ [5]).

Руссо рѣшительно не признаетъ естественнаго равенства людей: „Кромѣ общихъ родовыхъ чертъ, говоритъ онъ, у каждаго есть прирожденныя черты темперамента, опредѣляющія его геній и характеръ [6])“. Но, превознося безграничную благость природы, онъ придаетъ не меньшее значеніе также и образованію: человѣкъ отъ природы добръ; пороки и преступленія, по его мнѣнію, послѣдствія дурного направленія инстинктовъ. Яснѣе всего онъ излагаетъ свои мысли въ „Новой Элоизѣ“: всѣ характеры сами по себѣ хороши и здоровы; природа не дѣлаетъ ошибокъ. Всѣ пороки, относимые на счетъ природы, являются слѣдствіемъ того, что природныя наклонности пріобрѣли неправильныя формы. Не существуетъ злодѣевъ, наклонности которыхъ, если бы они получили лучшее направленіе, не приняли бы формы до-

---

[1]) У. с., Отдѣлъ I, § 1.
[2]) Введеніе стр. 3.
[3]) Actes du III-e Congrès, и т. д., стр. 279—280.
[4]) У. с., стр. 18 То же мнѣніе мы мы находимъ у Руссо въ 3-мъ письмѣ, 4-ой части Новой Элоизы.
[5]) Первая часть гл. IX, стр. 149—150.
[6]) La Nouvelle Héloïse, VI-я часть, письмо III. Полн. собр. соч. 1788, т. IV, стр. 16.

ЦАБ "Автограф"

бродѣтелей. Не существуетъ такихъ извращенныхъ умовъ, изъ которыхъ нельзя было бы извлечь полезныхъ наклонностей, придавъ имъ другое направленіе, подобно тому, какъ безобразныя и уродливыя фигуры могутъ быть передѣланы въ красивыя и пропорціональныя, если примѣнить для этого подходящій способъ. Все ведетъ къ общему благу въ системѣ міра. Всякому предназначено опредѣленное мѣсто въ наилучшемъ порядкѣ вещей; важно найти это мѣсто и не нарушать порядка[1])".

Философы XVIII-го вѣка ищутъ спасенія въ законодательствѣ. Послѣднее для общества служитъ тѣмъ, чѣмъ воспитаніе—для отдѣльнаго лица. Въ книгѣ О разумѣ Гельвеція говоритъ слѣдующее: „приходится сознаться, что различные пороки, господствовавшіе среди народовъ, не всегда разсматривались какъ естественные послѣдствія различныхъ формъ правленія. Причины пороковъ народа всегда лежатъ,—я осмѣливаюсь утверждать это,—въ его законахъ; тамъ надо искать корни, которые необходимо вырвать, чтобы уничтожить первоисточникъ пороковъ... Чтобы реформировать нравы, надо начать съ реформированія законовъ[2])". Дидро также ясно говоритъ объ этомъ вопросѣ въ Supplément au voyage de Bougainville: „Если законы хороши, хороши и нравы; если плохи законы, плохи также и нравы[3])".

Со времени Годвина и Оуэна эволюція пошла болѣе быстрымъ темпомъ. Интеллектуальныя особенности всегда были предметомъ изученія для Годвина. Въ своемъ Enquiry concerning political justice[4]) послѣдній стремится опровергнуть теорію прирожденныхъ наклонностей; вопросъ же о развитіи характера становится его излюбленной темой. Годвинъ понялъ, какую важную роль играетъ соціальная среда въ дѣлѣ преступности. Мы еще вернемся къ этому пункту въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Робертъ Оуэнъ совсѣмъ не интересовался интеллектуальными способностями и идеями. Если онъ говоритъ о нихъ, то лишь для иллюстраціи выводовъ, служащихъ главной темой его изложенія, для того, чтобы указать на важную роль, которую играетъ соціальная среда въ дѣлѣ образованія характера, въ развитіи чувства добра и зла, добродѣтели, чести, пороковъ, низкихъ инстинктовъ и преступныхъ наклонностей[5]). Объ этомъ онъ спеціально и говоритъ въ Essays on the principle of the formation of the human character и въ The book of the new moral world. Оуэнъ больше всего желалъ дѣйствовать, получать практическіе результаты и вмѣстѣ съ тѣмъ показать міру, что предлагаемыя имъ улучшенія не относятся къ области неосуществимыхъ мечтаній. У него мы видимъ рѣшительный шагъ въ сторону соціологическаго пониманія преступленія.

Но въ то же время въ эволюцію идей проникаетъ соціалистическій элементъ; послѣднее обстоятельство послужило зародышемъ будущаго разрыва сторонниковъ соціальной теоріи преступленія, благодаря которому въ особую секцію обособились криминалоги-соціалисты, о чемъ мы поговоримъ въ слѣдующей главѣ. Марксистская теорія рѣзче подчеркнула это раздѣленіе, еще раньше, чѣмъ появилась кри-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Бесѣда II, гл. XV; изд. Парижъ 1795, т. II, стр. 236—237 и стр. 244. См. также гл. XVII той же бесѣды.

[3]) IV-ая часть; изд. Брюссель 1829. Собр. соч. т. III, стр. 112.

[4]) Лондонъ 1796, стр. 25 и сл. (книга I, гл. IV).

[5]) См. Lloyd Jones: The life, times and labours of Robert Owen, Лондонъ, 1890, стр. 90 и сл.

минологическая школа. Съ этого момента принципы были установлены, и новымъ теоріямъ оставалось только пользоваться готовымъ матеріаломъ. Съ точки зрѣнія марксистовъ эти теоріи представляютъ лишь примѣненіе марксистской системы къ изслѣдованію антисоціальныхъ поступковъ.

Французская школа соприкасается съ этой теоріей въ томъ отношеніи, что примѣняетъ тѣ же принципы къ этіологіи преступленія.

Интересное практическое примѣненіе этой теоріи мы находимъ, въ уголовномъ правѣ китайцевъ [1]). Придерживаясь взгляда, что преступленіе — отчасти продуктъ среды, въ которой живетъ преступникъ, и что онъ находится подъ вліяніемъ окружающихъ его лицъ, китайскій законъ во многихъ случаяхъ налагаетъ наказанія на родителей и, особенно, на супругу преступника; онъ не щадитъ даже правительственныхъ чиновниковъ, которые также признаются виновными, такъ какъ они проявили крайнюю безпечность и не сумѣли предвидѣть и предотвратить преступленіе. Придерживаясь и дальше этихъ принциповъ, китайскій законъ, наоборотъ, вознаграждаетъ тѣхъ чиновниковъ, которые умѣютъ оградить ввѣренное имъ населеніе отъ преступныхъ соблазновъ. На этомъ же основаніи родители и предки награждаются почетными титулами дѣтей, а жены—мужей.

Лакассань былъ однимъ изъ первыхъ послѣдователей идей Ломброзо. Очень скоро онъ разошелся съ нимъ, отвергнулъ преступный типъ и атавистическое происхожденіе его и попытался доказать, что преступникъ таковъ не отъ рожденія, но что онъ является продуктомъ среды, въ которой живетъ. Подобно Ломброзо, онъ вскорѣ пріобрѣлъ многихъ послѣдователей и основалъ школу, названную Ліонской и извѣстную также подъ именемъ французской или соціологической школы. Главные приверженцы ея слѣдующіе: Кошэ, Бурнэ, Шоссинанъ, Кутань, Ро, Виллеръ, Раву, Монжэнъ, Масснэ, Мартэнъ и др. [2]).

Въ Парижѣ идеи Лакассаня встрѣтили горячихъ защитниковъ въ лицѣ заслуженныхъ профессоровъ Бруарделя и Манувріэ. Среди адептовъ этой школы мы видимъ также доктора Корра, взгляды котораго, впрочемъ, нѣсколько отличаются отъ мнѣній основателя школы, а также отъ мнѣній перваго французскаго криминолога нашего времени, глубокаго философа и оригинальнаго соціолога Габріэля Тарда [3]).

Органомъ школы служитъ Archives de l'anthropologie criminelle, біологическая секція котораго находится подъ руководствомъ основателя школы Лакассаня, соціологическая же секція находилась подъ руководствомъ Тарда.

Идеи Ліонской школы быстро распространились во Франціи.

Принципы ея были изложены впервые на римскомъ конгрессѣ самимъ Лакассанемъ. Но тамъ итальянцы, находившіеся въ то время въ полномъ расцвѣтѣ славы и присутствовавшіе въ большомъ числѣ на конгрессѣ, легко разбили своихъ французскихъ противниковъ. Слѣдующіе четыре года были прекрасно использованы Ліонской школой,

---

[1]) См. Kohler, Das Chinesische Strafrecht, Вюрцбургъ, У-Цзонгъ-Лянномъ на Брюссельскомъ конгрессѣ. См. Actes du III-e Congrès, и т. д., стр. 385 и сл.

[2]) Laurent, начавшій свой трудъ подъ вліяніемъ идей Лакассаня (см. Laurent, L'anthropologie criminelle et les nouvelles théories du crime, Парижъ, стр. 11), принадлежитъ скорѣе къ школѣ тѣхъ, кто видитъ причину преступности въ вырожденіи,

[3]) См. Kurella, Naturgeschichte des Verbrechers, Штуттартъ, 1893, стр. 258.

и на парижскомъ конгрессѣ французы развѣнчали совершенно преступный типъ. Особенно важную роль сыграли произведенія Мануврiэ, Бруарделя и Лакассаня. Первый конгрессъ закончился полнымъ тріумфомъ Ломброзо. „Преступный типъ сталъ безспорнымъ пріобрѣтеніемъ науки; мнѣ кажется, что всякіе споры на эту тему невозможны“ [1]), сказалъ Фіоретти Лакассаню; таково было дѣйствительно мнѣніе, господствовавшее на конгрессѣ. Въ Парижѣ Мануврiэ сильно обезкуражилъ Ломброзо и заставилъ его высказать печальное признаніе, „что отъ Капитолія недалеко до Тарпейской скалы“ [2]).

Относя преступность въ значительной степени къ вліянію соціальной среды, французская школа естественно вынуждена посвятить много силъ и труда изученію экономическихъ факторовъ. Но не всѣ приверженцы школы приписываютъ одну и ту же роль факторамъ матеріальнаго характера.

Лакассань и его ученики.

Ж.-Александръ Лакассань, профессоръ судебной медицины въ Ліонѣ, изложилъ свою соціальную теорію преступленія въ многочисленныхъ журнальныхъ статьяхъ, на конференціяхъ, въ отчетахъ и рѣчахъ на конгрессахъ. Всѣ его мысли еще не изложены имъ въ какомъ-нибудь одномъ сочиненіи. Однако, онъ, повидимому, намѣревается сдѣлать это [3]). Съ нашей точки зрѣнія наибольшій интересъ представляютъ его рѣчи на конгрессахъ уголовной антропологіи, его предисловіе къ сочиненію Лорана: Les habitués des prisons de Paris (Ліонъ, 1891), гдѣ онъ въ краткихъ, но ясныхъ чертахъ излагаетъ все свое ученіе, а также особенно статьи, посвященныя вліянію экономическихъ факторовъ на преступность, каковы: Ходъ развитія преступности во Франціи съ 1825 до 1880 года, въ Révue scientifique, 28 мая 1881 г.; Сравненіе преступности въ городѣ и деревнѣ, въ Bulletin de la Société d'anthropologie de Lyon, 1882; послѣдняя статья была также напечатана въ Archivio di psichiatria, III, стр. 311 и была прочитана на конференціи общества политической экономіи въ Ліонѣ (засѣданіе 24 февраля 1882 г.).

Лакассань допускаетъ вліяніе двухъ факторовъ на этіологію преступленія [4]): фактора индивидуальнаго и, болѣе важнаго, соціальнаго фактора [5]). Вліяніе индивидуальнаго фактора очень ограничено. Если это вліяніе беретъ верхъ, патологическая сторона проявляется на-

---

[1]) Actes du I-er Congrès, и т. д., стр. 169.
[2]) Actes du II-e Conrès, и т. д., стр. 194.
[3]) См. E. Laurent. L'anthropologie criminelle et les nouvelles théories du crime, стр. 12, примѣчаніе.
[4]) Предисловіе къ E. Laurent, Les halitués des Prisons de Paris, Ліонъ 1890, стр. III и IV. См. также La Criminalité des villes et des campagnes, Ліонъ, 1882, стр. 7.
[5]) Слѣдуетъ замѣтить, что это ученіе не оставляетъ безъ вниманія физическаго фактора. Правда, Лакассань говоритъ только о вліяніи соціальныхъ условій, но въ его устахъ этотъ терминъ обнимаетъ также космическія и теллурическія условія, такъ какъ и они составляютъ часть окружающей среды. Авторъ оригинально доказываетъ наличность этой категоріи вліяній посредствомъ своихъ знаменитыхъ уголовныхъ календарей; предназначенные сначала для его слушателей, они позднѣе были воспроизведены въ указанномъ сочиненіи Лорана.

столько, что ея вліяніе становится замѣтнымъ, и тогда мы имѣемъ дѣло не съ преступникомъ а съ сумасшедшимъ. Авторъ полагаетъ, что у преступниковъ больше аномалій или физическихъ и нравственныхъ дефектовъ, чѣмъ у честныхъ людей; но и у послѣднихъ встрѣчаются тѣ же особенности, что доказываетъ недостаточность этихъ признаковъ для полной характеристики преступника. Безъ сомнѣнія, въ физической и психической организаціи преступника есть аномаліи, но онѣ появляются подъ вліяніемъ неудовлетворительныхъ соціальныхъ условій. Авторъ склоненъ даже думать [1]), что слѣдуетъ обращать вниманіе только на соціальныя вліянія, такъ какъ среда вліяетъ на организмъ и создаетъ извѣстныя аномаліи.

Экономическія условія играютъ въ этомъ отношеніи очень видную роль. Въ нашемъ обществѣ, какъ и во всякомъ обществѣ, можно различить отдѣльные соціальные слои, несхожіе съ точки зрѣнія благосостоянія ихъ членовъ, одни—бѣдные, а другіе—богатые. Бѣдные слои населенія состоятъ изъ лицъ, живущихъ въ дурныхъ жилищахъ, недостаточно питающихся, надѣленныхъ дурными привычками; среди нихъ свирѣпствуютъ болѣзни, ненормальное теченіе беременности, нездоровая организація дѣтей съ искривленнымъ скелетомъ и болѣе или менѣе пораженной нервной системой. Болѣзнь, называемая нищетой, кладетъ на нихъ свою печать и создаетъ анатомическія ненормальности, констатированныя Ломброзо. Но не это создаетъ преступниковъ. У преступника измѣненія въ отправленіяхъ, не заслуживающія названія аномалій, стоятъ во взаимной связи съ отправленіями нервной системы и съ соціальной средой.

Итакъ, именно соціальная среда, а не атавизмъ или другое органическое предрасположеніе создаетъ преступника; преступникъ — это микробъ, это—элементъ, который получаетъ развитіе лишь тогда, когда попадаетъ въ соотвѣтствующую среду [2]). Мысль Лакассаня прекрасно резюмируется слѣдующимъ афоризмомъ, который онъ произносилъ въ качествѣ заключительной фразы своихъ рѣчей въ Римѣ, Парижѣ и Брюсселѣ: „общество имѣетъ тѣхъ преступниковъ, которыхъ оно заслуживаетъ“ [3]). Въ другомъ мѣстѣ авторъ точнѣе выражаетъ свою мысль [4]): мозговыя функціи выражаются тремя способами: человѣкъ думаетъ, дѣйствуетъ и любитъ; отсюда различія среди людей, происходящія вслѣдствіе преобладанія у нихъ чувствъ, разума, или способности къ дѣйствію. Въ зависимости отъ того, гдѣ локализуются каждая изъ этихъ трехъ способностей, авторъ различаетъ отдѣльные соціальные слои: фронтальный (лобный), паріэтальный (темянной) и оксипитальный (затылочный) [5]). Послѣдній насчитываетъ больше всего членовъ, къ числу которыхъ принадлежатъ лица съ преобладаніемъ инстинктовъ. У высшихъ, или фронтальныхъ слоевъ доминируетъ интеллектъ. Паріэтальные слои

---

[1]) Actes du II-e Congrès d'athropologie criminelle стр. 165, 166 и Actes du I-er Congrès, и т. д. стр. 176.

[2]) Actes du Ier Congrès и т. д. стр. 166.

[3]) Actes du Ier Congrès и т. д. 177. Id. du II-e Bongrès стр. 167; Id. du III-e Congrès стр. 290.

[4]) Предисловіе къ упомянутой работѣ Лорана стр. V и сл. Actes du III-e Congrès стр. 239 и 240. Marche de la criminalité en France. Revue scientifique 28 мая 1881 г. стр. 674 и 683.

[5]) Различіе между фронтальными и паріэтальными способностями въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понималъ и опредѣлилъ Лакассань, сдѣлано было также докторомъ Бордье, который, кажется, пришелъ къ этимъ выводамъ независимо отъ Лакассаня; тотъ же д-ръ Бордье, независимо отъ Ломброзо, пришелъ къ атавистическому объясненію нѣкоторой части преступности. (Etude anthropologique sur une série de

насчитываютъ въ своей средѣ людей дѣла, людей съ сильнымъ характеромъ, энергичныхъ, импульсивныхъ. Этому раздѣленію соотвѣтствуютъ три категоріи преступниковъ: преступники мысли (или фронтальные), среди которыхъ мы встрѣчаемъ и душевнобольныхъ; преступники дѣла, (или оксипитальные), т. е. преступники импульсивные или случайные преступники чувства, или инстинкта (или паріэтальные), настоящіе преступники, которыхъ итальянская школа признаетъ неизлѣчимыми и на которыхъ мы должны сосредоточить главное вниманіе.

Когда различныя части развиваются гармонично, то мы имѣемъ дѣло съ мозговымъ равновѣсіемъ; это состояніе наиболѣе благопріятно для воспріятія соціальныхъ вліяній. Наоборотъ, если наблюдается гипертрофія или атрофія одной изъ частей, то равновѣсіе нарушается, на сцену ввыступаетъ порокъ или преступленіе. А такъ какъ инстинкты стоятъ въ тѣсной связи съ внутренними органами, то логично признать, что соціальныя условія вліяютъ на эти явленія. Это зло нищеты вызываетъ наибольшее число преступленій. Очень часто нравственное благосостояніе вытекаетъ лишь изъ физическаго благосостоянія.

Соціальная теорія, только что изложенная нами, оказала драгоцѣнныя услуги уголовной этіологіи. Въ настоящее время ею пользуются повсюду для объясненія нѣкоторой части преступности. Однако въ томъ видѣ, какъ она была развита Лакассанемъ, она грѣшитъ, подобно итальянской школѣ, которой она объявила войну, слишкомъ большой односторонностью.

Лакассань, подобно другимъ партизанамъ соціальной школы, постоянно говоритъ о преимуществахъ своей теоріи [1]), позволяющей въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ теоріи итальянцевъ, бороться съ преступленіемъ посредствомъ улучшенія соціальныхъ условій и облегченіемъ нищеты—мѣрами, доступными и законодателю, и соціальному реформатору. Какъ ни прекрасна поэтическая сторона соціальной теоріи, замѣчаетъ не безъ основанія Ломброзо [2]), она совершенно лишена научнаго значенія. Истина существуетъ независимо отъ того, пріятна она или нѣтъ. да и къ чему могли бы привести практическія реформы, выработанныя на почвѣ ложнаго принципа?

Слабымъ пунктомъ въ системѣ Лакассаня является подраздѣленіе преступниковъ на фронтальныхъ, паріэтальныхъ и оксипитальныхъ, основанное на локализаціи мозговыхъ отправленій, существованіе которой гипотетично и никогда, по словамъ доктора Нэкэ на брюссельскомъ конгрессѣ, не было доказано ни въ одномъ патологическомъ случаѣ [3]). Локализація психическихъ функцій мозга еще далеко не установленная истина, и, возможно, что она никогда и не будетъ установлена, какъ полагаютъ нѣкоторые спеціалисты [4]).

---

crânes d'assassins, Révue d'anthropologie, 1879, стр. 298). Впрочемъ, ясно, что и тотъ и другой, и Лакассань и Бордье, стоятъ на почвѣ знаменитой теоріи Галля, говорящей о локализаціи умственныхъ способностей. (См. письмо, опубликованное Magitot по поводу перваго конгресса въ National, 25 ноября 1886, и помѣченное Римомъ).

[1]) См. м. пр., Actes du 1er Congrès и т. д., стр. 169. Massenet, Quelque causes sociales du crime, Лионъ, 1893, стр. 8; то же замѣчаніе сдѣлано было на Парижскомъ Конгрессѣ ванъ-Гамелемъ, Actes, стр. 286. Manouvrier, L'atavisme et le crime. Reveue mensuelle de l'école d'anthropologie de Paris, т. I, 1891, стр. 240.

[2]) Lombroso, Le Crime, causer et remèdes, стр. III.

[3]) Actes du III-e Congrès, и т. д, стр. 250.

[4]) См. по этому вопросу: Wundt's Philosophische Studien. IV т., 1 тетрадь, Zur Frage der Localisation der Grosshirnfunctionen von W.

Что же касается спеціально интересующаго насъ вопроса, то мы уже констатировали, что Лакассань придаетъ очень большое значеніе экономическимъ условіямъ, какъ причинамъ преступленій. Онъ точнѣе опредѣляетъ свое мнѣніе по этому вопросу во вступительной лекціи о Ходѣ преступности во Франціи съ 1825 до 1880 года, напечатанной въ Revue scientifique 28 мая 1881 г. Авторъ анализируетъ французскую преступность въ теченіе означеннаго періода по примѣру Studi sulla criminalità in Francia Ферри; новое изслѣдованіе Лакассаня является дополненіемъ и, отчасти, исправленіемъ работы Ферри, который довелъ свое изслѣдованіе лишь до 1778 года, между тѣмъ какъ Лакассань заканчиваетъ 1880 годомъ. Кромѣ того, онъ подвергнулъ данныя болѣе внимательной повѣркѣ, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ автору удалось указать на допущенныя Ферри неточности [1]). Авторъ констатируетъ большія ежегодныя колебанія, многочисленныя измѣненія въ ходѣ развитія имущественной преступности [2]), что доказываетъ тѣсную связь преступленій съ экономическими измѣненіями. Если эту кривую сравнить съ той, которая характеризуетъ движеніе цѣнъ на пшеницу съ 1825 года, то мы найдемъ не только аналогію, но и полный параллелизмъ, особенно если мы будемъ сравнивать кривую цѣнъ на пшеницу въ той части ея, которая относится къ періоду времени отъ 1832 до 1870 года, не съ числомъ осужденій, а съ числомъ совершенныхъ преступленій [3]). На этомъ графикѣ отмѣчены всѣ земледѣльческіе экономическіе кризисы. Годы, когда цѣны на пшеницу стояли высокія, отмѣчены движеніемъ кривой вверхъ, движеніемъ, соотвѣтствующимъ увеличенію числа имущественныхъ преступленій; такъ, въ 1828 году, отъ 1835 до 1837 года, въ 1847 году, съ 1848 до 1854 года, отъ 1865 до 1868 года, отъ 1872 до 1876 наблюдается подобный параллелизмъ. Особенно характеренъ 1847 годъ,—годъ неурожая. Въ 1855 году цѣны на хлѣбъ стояли особенно высоко, и достигли 30 фр. за гектолитръ; однако, число преступленій уменьшилось, такъ какъ правительство приняло мѣры, необходимыя для облегченія нужды, и такъ какъ майскій урожай ржи, ячменя и картофеля былъ сравнительно хорошъ. Затѣмъ, послѣ 1860 года, когда перемѣнамъ курса былъ положенъ предѣлъ и былъ заключенъ торговый договоръ съ Англіей, вслѣдствіе чего на французскомъ рынкѣ появилась масса иностраннаго хлѣба, возникла свобода торговли — уменьшилось также число имущественныхъ преступленій.

Это изслѣдованіе ліонскаго профессора еще разъ подтверждаетъ зависимость, наблюдаемую повсемѣстно, между имущественной преступностью и движеніемъ цѣнъ на хлѣбъ. Кромѣ того, оно учитъ насъ, что не слѣдуетъ слишкомъ полагаться на кривую цѣнъ, что послѣдняя не всегда является точнымъ отраженіемъ экономическаго положенія, какъ это многіе полагаютъ, но что существуетъ множество обстоятельствъ, кромѣ цѣнъ, также относящихся къ области чисто экономическихъ явленій, которыя, однако, нарушали эту зависимость, даже въ

Wundt. David Ferrier, The Croonian Lectures on cerebral localisation, Лондонъ, 1890. „Фізіологія мозга преступника, добавляетъ Тардъ, осталась и сейчасъ такъ же мало разработанной, несмотря на массу затраченнаго труда, какъ была мало разработана психологія мозга до того дня, когда Broca удалось установить, что способность говорить локализируется въ третьей лѣвой извилинѣ. Révue d'anthropologie, 1988, стр. 531.

[1]) У. с., стр., 677—678.

[2]) У. с., стр. 678.

[3]) Къ сожалѣнію, въ Révue scientifique не воспроизведены эти кривыя; авторъ приводитъ только результаты своихъ изслѣдованій.

тотъ сравнительно отдаленный, періодъ времени. Примѣромъ могутъ служить мѣры, принятыя въ 1855 году французскимъ правительствомъ. Другіе авторы также обратили вниманіе на этотъ пунктъ [1]). Вліяніе свободной торговли послѣ 1860 года, на которое указываетъ Лакассань, составляетъ одну изъ причинъ, ослабившихъ зависимость между цѣнами на съѣстныя припасы и общей картиной экономической жизни. Позднѣе, особенно анализируя сочиненія Дени, мы еще подробнѣе остановимся на этомъ вопросѣ.

Всѣ эти положенія Лакассань повторяетъ и въ другомъ своемъ сочиненіи, уже упомянутой Criminalité comparée des villes et des campages [2]). Къ этой работѣ приложенъ обзоръ вліяній экономическихъ факторовъ на преступность городскаго и сельскаго населенія [3]). Кривая осужденныхъ показываетъ, что вліяніе экономическихъ кризисовъ, вызванныхъ необычайно высокими цѣнами на пшеницу, отражается, главнымъ образомъ, на населеніи деревни. Это явленіе отмѣчено движеніемъ кривой вверхъ въ 1847 и 1854 году. Въ 1868 году снова наступилъ кризисъ, который отразился гораздо тяжелѣе на населеніи деревень, чѣмъ на городскомъ населеніи. Впрочемъ, сравненіе двухъ кривыхъ, той, которая характеризуетъ осужденныхъ въ городахъ, и той, которая характеризуетъ осужденныхъ жителей деревни, доказываетъ, что и другія общія причины (каковы: политическіе перевороты, революціи, урожай винограда), вліяютъ неодинаково въ этихъ различныхъ соціальныхъ средахъ на число преступленій [4]).

Въ этомъ фактѣ, констатированномъ, впрочемъ, большимъ числомъ статистиковъ, мы находимъ подтвержденіе нашего взгляда на преступность, какъ на продуктъ мѣстноисторическихъ условій. Мы хотѣли бы пойти дальше въ изслѣдованіи вопроса о вліяніи однихъ и тѣхъ же факторовъ въ различной средѣ и установить, какъ безспорную истину, что это вліяніе различно не только въ деревнѣ и городѣ, но и въ предѣлахъ послѣднихъ въ каждой отдѣльной группѣ населенія.

Многочисленные ученики, вышедшіе изъ школы маститаго ліонскаго профессора, занимаются, главнымъ образомъ, одной спеціальной частью проблемы преступности и изложили свои выводы въ монографіяхъ, изъ которыхъ многія представляютъ дѣйствительную цѣнность. Нѣкоторые изъ нихъ коснулись экономической стороны вопроса. Намъ слѣдуетъ упомянуть Бурнэ и Шоссинана, работавшихъ вмѣстѣ со своимъ учителемъ въ лабораторіи уголовной антропологіи въ Ліонѣ. Покойный докторъ Альбертъ Бурнэ, всецѣло раздѣлявшій идеи Лакассаня о природѣ преступленія [5]), перечисляетъ причины преступности въ своей прекрасной, удостоившейся награды, диссертаціи О преступности во Франціи и Италіи (Парижъ, 1884); онъ упоминаетъ въ этой работѣ также объ экономическихъ факторахъ, но не вдается въ подробности этого вопроса [6]). Однако, онъ пользуется случаемъ сказать нѣсколько словъ о вліяніи экономическихъ условій на одну спеціальную группу преступленій, на убійство [7]). Авторъ констатируетъ

---

[1]) См. м. пр. Starke, Verbrechen und Verbrecher in Preussen, Берлинъ, 1884, стр. 63 и сл., особенно же Müller, Bervegung der Criminalität и т. д. Галле, 1899

[2]) Выписка изъ отчета засѣданія 24 февраля 1882 года Политико-экономическаго общества въ Ліонѣ. Ліонъ, 1882, стр. 15.

[3]) У. с. стр 20 и сл.

[4]) О. с. стр. 23.

[5]) У. с., стр. 88.

[6]) У. с., стр. 89.

[7]) У. с., стр. 47.

фактъ, что во Франціи убійства стоятъ въ зависимости отъ экономическихъ кризисовъ; это доказываютъ годы 1839, 1840, 1843, 1847, 1867, 1876 и 1881, годы неурожаевъ: всѣ они отмѣчены увеличеніемъ числа убійствъ. Мы уже замѣтили,—и намъ еще неоднократно придется съ этимъ встрѣчаться,—что большинство криминалистовъ приходитъ къ выводу объ обратно пропорціональномъ вліяніи нищеты на посягательства на личность. Мы замѣтили также, что это утвержденіе покоится на данныхъ, недостаточно провѣренныхъ, такъ что этотъ вопросъ приходится признать слишкомъ мало освѣщеннымъ, для того, чтобы можно было сдѣлать опредѣленные выводы. Отдѣльные, немногочисленные криминалисты, среди которыхъ слѣдуетъ отмѣтить Колаянни, держатся противоположнаго мнѣнія и утверждаютъ, что въ бѣдности скрывается причина обоихъ видовъ преступности, и имущественной, и кровавой [1]). Однако, Колаянни не приводитъ никакихъ доказательствъ; часто ему, помимо собственной воли, приходится признавать противоположное [2]). Бурнэ рѣшительно и категорически утверждаетъ, съ статистическими данными въ рукахъ, что экономическіе кризисы совпадаютъ съ пропорціональнымъ повышеніемъ числа убійствъ, т. е. съ самой худшей формой посягательствъ на личность. Это явленіе вовсе не такъ страшно, какъ это могло показаться съ перваго взгляда. Убійство, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ изъ себя личное посягательство совершенно особаго рода, его природа своеобразна и двойственна: это кровавое преступленіе совершается почти всегда на почвѣ имущественнаго интереса. Это замѣчаніе Бурнэ очень вѣрно, и онъ вполнѣ правъ, характеризуя этотъ видъ личнаго посягательства, какъ смѣшанный, называя его имущественнымъ и личнымъ одновременно. Поэтому-то убійства стоятъ въ зависимости и отъ политическихъ, и отъ экономическихъ кризисовъ [3]).

Останавливаясь на сравненіи преступности въ городахъ и селахъ, Бурнэ дословно повторяетъ выводы Лакассаня, касающіеся различія вліянія экономическихъ кризисовъ [4]).

Въ нѣкоторыхъ другихъ своихъ произведеніяхъ [5]) Бурнэ, не подтверждая своей мысли новыми доказательствами, признаетъ вліяніе нищеты на преступность.

Докторъ Шоссинанъ добросовѣстно изслѣдовалъ ходъ движенія преступности во Франціи въ своемъ Etude de la statistique criminelle de la France au point de vue médico-legal (Ліонъ 1881). Онъ интересуется лишь немногими вопросами. Что касается этіологіи преступленія, то ученикъ вполнѣ присоединяется къ воззрѣніямъ учителя [6]). Приводя длинный списокъ спеціальныхъ причинъ, приводящихъ къ преступленію, онъ, между прочимъ, упоминаетъ также и объ экономическихъ факторахъ, о питаніи населенія и о земледѣльческомъ и промышленномъ производствѣ.

Докторъ Анри Кутань избралъ предметомъ изслѣдованія спеціальный вопросъ о вліяніи профессій на преступность. На конгрессахъ въ Парижѣ и Брюсселѣ онъ дѣлалъ доклады по этому вопросу. Онъ

---

[1]) Colajanni, Sociologia criminale, II, стр. 512.
[2]) У. с., стр. 544 и сл.
[3]) То же мнѣніе, менѣе опредѣленно выраженное, мы встрѣчаемъ въ работѣ Colajanni, Soc. crimin. II, стр. 512—513.
[4]) O. c., стр. 107, Lacassagne, La criminalité compareé des villes et des campagnes, стр. 20.
[5]) L'anthropologie criminelle en Italie, выписка изъ Lyon médical, 1884 стр. 8, La Criminalité à Naples, id., 1885, стр. 5 и сл.
[6]) У. с., стр. 11.

приготовилъ бы докладъ также и для Женевскаго конгресса, еслибы преждевременная смерть не отозвала его съ поприща науки. Его рѣчи озаглавлены: Вліяніе профессій на преступность (Actes du II-e Congrès, etc., стр. 207 и сл.; Actes du III-e Congrès, etc., стр. 28 и сл.). По этому же вопросу онъ напечаталъ изслѣдованіе, помѣщенное въ Archives de l'anthropologie criminelle, т. VII, стр. 587 и сл. Этотъ вопросъ стоитъ въ тѣсной связи съ экономической проблемой. Многочисленные криминалисты: Тардъ, Гарофало, Мариссонъ, Кетле, Этингенъ изучали степень вліянія различныхъ профессій на преступность, и пользовались данными, полученными изъ этого изученія, для выводовъ относительно вліянія степени благосостоянія на преступность.

Къ несчастью, труды Кутаня, долженствовавшіе охватить широкую область, были лишь начаты имъ, такъ что полученныя имъ данныя не представляютъ для насъ большой цѣнности. До своей смерти авторъ еще не успѣлъ выработать метода, который помогъ бы ему превозмочь тѣ серіозныя затрудненія, которыя представляются при разработкѣ этой, чрезвычайно сложной стороны вопроса о преступности.

Докторская диссертація Анри Масспэ Quelques causes sociales du crime (Ліонъ 1893) коснулась самой сущности нашей темы.

Въ введеніи авторъ описываетъ факторы, опредѣляющіе образъ человѣческихъ дѣйствій вообще и преступной дѣятельности, въ частности. Онъ различаетъ элементы біологическаго, физическаго и соціологическаго порядка. Совершенно согласно со своимъ учителемъ Лакассанемъ, онъ отказывается признать главной причиной преступленій первую категорію факторовъ, эти факторы имѣютъ второстепенную важность и вполнѣ зависятъ отъ окружающей среды. Онъ признаетъ вліяніе физическихъ факторовъ; но тутъ же добавляетъ, что и они, по большей части, находятся въ зависимости отъ соціальной среды, причемъ эта зависимость выражается въ различныхъ формахъ: въ формѣ воспитанія, наслажденій и лишеній, интоксикаціи, брака, разнообразныхъ видовъ воздѣйствія со стороны окружающихъ, подражанія, вліянія философскихъ доктринъ.

Вслѣдствіе своей крайней сложности соціологическій факторъ съ трудомъ поддается раціональной классификаціи. Авторъ пытается примѣнить слѣдующую классификацію [1]):

1-е. Факторы интеллектуальнаго порядка: философія, религія, внѣшнія вліянія.

2-е. Факторы эстетическаго порядка: искусства, литература.

3-е. Факторы экономическаго порядка (промышленность), т. е. бѣдность, безбрачіе, алкоголизмъ, воспитаніе, нравственная среда.

4-е. Факторы нравственнаго порядка: карательныя мѣры.

Эта классификація очень произвольна и полна натяжекъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно найти основаніе, на которомъ нравственная среда отнесена къ области экономическихъ факторовъ.

Авторъ стремится доказать что третья категорія факторовъ, которые онъ называетъ „зломъ нищеты“, играетъ преимущественную роль въ этіологіи преступленія, такъ какъ всѣ остальные элементы, такъ или иначе, находятся въ зависимости отъ экономическихъ вліяній.

Въ діаграммѣ, составленной мастерски, авторъ устанавливаетъ параллелизмъ между кривой цѣнъ на хлѣбъ и кривой имущественной

---

[1]) У. с., стр. 11.

преступности во Франціи въ періодъ времени отъ 1826—1889[1]). Онъ констатируетъ[2]), что на всемъ протяженіи, вслѣдъ за неурожайными годами, немедленно поднимается кривая имущественныхъ преступленій; это наблюдается въ годы 1828, 1832, 1840, 1843, 1847, 1854, 1856, 1861, 1867, 1868, 1871, 1873 и въ 1882. Параллелизмъ, дѣйствительно, поразительный. Годы большихъ неурожаевъ отличаются особенно рѣзкимъ повышеніемъ кривой преступности; таковы годы 1828, 1847, 1856. Развѣ это, говоритъ авторъ, не напоминаетъ въ точности картины, когда снѣгъ и ледъ выгоняютъ волковъ изъ лѣсу и заставляютъ ихъ воровать, чтобы не умереть съ голоду? Это нужда вызываетъ имущественныя преступленія.

Массэ, повидимому, чувствуетъ, что здѣсь онъ рѣшительно сталкивается съ мнѣніемъ Гарофало. Онъ пытается его опровергнуть, но прибѣгаетъ для этого къ простому отрицанію, не подкрѣпляя своего мнѣнія аргументами.

Авторъ, затѣмъ, обращается къ тезису, поддерживаемому многими криминалистами[3]), къ тезису, который гласитъ, что не бѣдность или абсолютная нищета являются причиной преступленія, но что таковою является нищета относительная, т. е. отсутствіе соотвѣтствія между потребностями и средствами удовлетворенія. Онъ не признаетъ этой точки зрѣнія, потому что во Франціи, какъ и во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, относительнаго богатства, въ смыслѣ возможности удовлетворенія потребностей, болѣе не существуетъ. Современные воры носятъ на себѣ печать конца вѣка; въ наше время воруютъ столько же подъ вліяніемъ голода, сколько и подъ вліяніемъ желанія пользоваться утѣхами жизни. Бѣдные, наравнѣ съ богатыми, полны разныхъ желаній. Къ сожалѣнію, въ ихъ организаціи есть крупные дефекты, благодаря которымъ интеллектъ оказывается безсильнымъ въ борьбѣ съ инстинктивными наклонностями, такъ какъ задняя часть ихъ мозга, гдѣ сосредоточены центры инстинктовъ, согласно теоріи Лакассаня о мозговой локализаціи, подвержена вліянію внутреннихъ органовъ, и, слѣдовательно, несетъ слѣды вліянія соціальной среды. Съ чисто матеріальной точки зрѣнія недостаточное питаніе, неисполненіе элементарныхъ законовъ гигіены, очень вредно отражается на мозговыхъ центрахъ и лишаетъ ихъ способности сопротивленія.

Г. Массэ не нашелъ сторонниковъ своей теоріи. Всѣ криминалисты, безъ исключенія, даже тѣ, кто придаетъ максимальное значеніе матеріальнымъ факторамъ, все-таки опредѣленно подчеркиваютъ относительность вліянія нищеты[4]). Исключительно физіологическое пониманіе вліянія нужды, выдвинутое Массэ, оказывается безсильнымъ объяснить неодинаковость вліянія экономическихъ условій, на которую указываетъ національная и интернаціональная статистика. Природа вліянія нищеты, по большей части, бываетъ психическаго или моральнаго характера и зависитъ, въ свою очередь, отъ времени, мѣста или обстоятельствъ. Наблюдая индивидуальные случаи, мы видимъ то же самое. Признаніе относительнаго вліянія нищеты даже удобнѣе укладывается въ рамки соціологической уголовной теоріи. Утвержденіе, будто довольство исчез-

---

[1]) У. с., прилож.
[2]) У. с., стр. 15.
[3]) У. с., стр., 17 и сл.
[4]) См. м. п. у Коллаяни: La Sociologia criminale, Catania, 1889, p. 50. Fornasari di Verce: Za criminalità e le vicende economiche in Italia Torino, 1894, стр. 1—2 M. de Baets: Zes Influences de la misère sur la criminalité, gand, 1895 стр. 16—18.

ло изъ современнаго общества, слишкомъ пессимистично и преувеличено. Но даже если-бы было и такъ, то никто не могъ бы отрицать, что степень неудовлетворенности различна въ разныхъ странахъ, въ разныхъ группахъ, у разныхъ лицъ. Удовлетворенность или, вѣрнѣе, неудовлетворенность (мы пользуемся терминологіей автора) относительны, слѣдовательно, относительно также и вліяніе нищеты.

Подчеркнувъ тѣсную связь между экономическими условіями и имущественной преступностью, авторъ переходитъ къ изслѣдованію косвеннаго вліянія нищеты на имущественныя преступленія[1]). Нищета ведетъ къ безбрачію и алкоголизму, которые являются колыбелью преступности.

Цифры, приведенныя въ Общемъ отчетѣ уголовной юстиціи[2]), раскрываютъ намъ, каково вліяніе безбрачія на преступность. Въ самомъ дѣлѣ, изъ ста преступленій противъ личности 53 были совершены безбрачными, 38—женатыми и 9—вдовыми; изъ ста имущественныхъ преступленій 53 были совершены холостяками, 43—лицами, находившимися въ бракѣ и 4 — вдовыми. Чтобы яснѣе освѣтить значеніе этихъ статистическихъ данныхъ, авторъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что максимумъ преступности падаетъ на возрастъ между 30—40 годами, т. е. на тотъ возрастъ, когда люди большей частью состоятъ въ бракѣ. Понятно, что еслибы максимумъ преступности падалъ бы на лицъ, не перешедшихъ восемнадцатилѣтняго возраста, то женатый преступникъ былъ бы исключеніемъ, но это не дало бы основаній для выводовъ о значеніи безбрачія. Авторъ напоминаетъ еще о томъ, что по Лакассаню безбрачные составляютъ главный контингентъ самоубійцъ, сумасшедшихъ и т. д. Итакъ, вліяніе безбрачія, повидимому, несомнѣнно[3]).

Теперь возникаетъ вопросъ, существуетъ ли связь между безбрачіемъ и уровнемъ богатства? Авторъ сравниваетъ частоту браковъ съ цѣнами на хлѣбъ во Франціи, въ періодъ между 1809 и 1889 годами. Это изслѣдованіе показываетъ, что въ трудные годы, когда хлѣбъ дорогъ, браковъ мало: въ 1848 и 1854 годахъ, когда былъ большой неурожай и хлѣбъ стоилъ 29 ф. 25 с. и 29 франковъ, браковъ совершалось 0,70, 0,75 на 100. Наоборотъ, въ урожайные годы, въ 1835, 1850, 1851, 1858, 1859, 1869 г.г., когда хлѣбъ стоилъ 15, 14 фр. 32 с., 14 фр. 48 с., 16 фр., 16 фр. 74 с., 20 фр., число браковъ достигаетъ 0,83, 0,83, 0,80, 0,84, 0,82, 0,82, на 100. Такимъ образомъ существуетъ обратная зависимость между числомъ браковъ и высотою цѣнъ[4]); это, въ свою очередь, доказываетъ, что неблагопріятныя экономическія условія благопріятствуютъ безбрачію, а слѣдовательно и преступности.

Проконтролировать эту статистику мы не имѣли возможности. Цѣнность ея зависитъ отъ критеріума, взятаго авторомъ за основаніе при исчисленіи процентныхъ чиселъ, которыми онъ характеризуетъ частоту браковъ. Выводы Массна, впрочемъ, вполнѣ пріемлемы, а очень незначительныя отклоненія кривой могутъ быть объяснены вліяніемъ другихъ факторовъ.

Однако, мы не можемъ не обратить вниманія на то, что, по мнѣ-

---

[1]) У. с., стр. 20 и сл.

[2]) Годы не указаны.

[3]) См. м. пр. Мелье въ Mémoires de l'Académie de médecine 1843, X, стр. 194; общіе выводы вполнѣ согласуются съ выводами Массна.

[4]) W. Farr констатировалъ, что въ голодные годы въ Англіи число браковъ и рожденій у богатыхъ классовъ увеличивается, и, наоборотъ, у классовъ менѣе обезпеченныхъ уменьшается. Ср. J. Berlillon: Démographie du mariage, въ Encyclopédie d'Hygiène. 1, стр. 148.

нію Кетлэ и другихъ [1]), преступность достигаетъ своего апогея вовсе не въ возрастѣ отъ 30 до 40 лѣтъ, какъ утверждаетъ Массна, а скорѣе въ болѣе раннемъ періодѣ жизни. Кетлэ говоритъ, что наибольшее число преступниковъ мужского пола падаетъ на 25-лѣтній возрастъ, а женскаго пола на 30-лѣтній [2]). Между прочимъ, тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ указываетъ на то, что на возрасты, предшествующіе этому кульминаціонному пункту, падаетъ бо́льшая преступность чѣмъ на годы, слѣдующіе за этимъ моментомъ [3]). Если это такъ, то рѣзкая разница между большей преступностью лицъ, не находящихся въ бракѣ, и меньшей преступностью лицъ, находящихся въ бракѣ, теряетъ свое значеніе. Однако эта разница настолько значительна, что даетъ возможность дѣлать болѣе или менѣе основательные выводы. Впрочемъ, кромѣ Люкса, никто не отрицаетъ моральнаго значенія брака (Sozialpolitisches Handbuch, Берлинъ, 1892, стр. 157—158). При случаѣ мы покажемъ, что онъ очень неумѣло пользуется цифровыми данными.

Далѣе, авторъ говоритъ, что объяснить вліяніе бѣдности на преступность очень легко. Бѣдность — главная причина безбрачія, такъ какъ она тѣсно связана съ проституціей. Бѣдность запугиваетъ и не позволяетъ человѣку думать о бракѣ; бѣдность рождаетъ безбрачіе, сопровождаемое цѣлой свитой сексуальныхъ преступленій: умерщвленіемъ плода, дѣтоубійствомъ, преступнымъ пользованіемъ кислотами, убійствомъ изъ мести, изнасилованіемъ, самоубійствомъ, различными видами непотребства и ужасной язвой проституціи.

Авторъ такое же объясненіе даетъ и алкоголизму [4]). Въ большинствѣ случаевъ причиной алкоголизма бываетъ бѣдность. Рабочій бѣднякъ пьетъ, чтобы лучше работать, чтобы найти утѣшеніе, чтобы забыться, чтобы почувствовать себя счастливымъ; разъ поддавшись этому соблазну, онъ уже не можетъ удержаться и кончаетъ либо смертью, либо преступленіемъ, либо сумасшествіемъ. Въ слѣдующей главѣ Массна подробно описываетъ пагубное вліяніе алкоголизма на преступность; при этомъ онъ преимущественно пользуется данными французской статистики. Мы не можемъ согласиться со взглядами автора, такъ какъ, по нашему мнѣнію, мотивированному въ началѣ настоящаго труда, алкоголизмъ не можетъ быть признанъ матеріальнымъ факторомъ преступности, несмотря на то, что его вызываютъ причины экономическаго порядка. Изъ всего этого слѣдуетъ, что Массна смотритъ на преступленіе, какъ на явленіе, по своей природѣ соціологическое, въ въ происхожденіи котораго преимущественную роль играютъ явленія изъ области промышленности. Послѣднія сводятся преимущественно къ бѣдности. „Язва нищеты создаетъ большинство преступленій“.

Сочиненіе Массна не лишено достоинствъ. Однако, авторъ не нашелъ сторонниковъ идеи абсолютнаго значенія нищеты. Вліяніе безбрачія изучено довольно основательно и послѣдовательно; полученные ре-

---

[1]) Дюкпесьо, основываясь на данныхъ Герри, вычислилъ, что мужская преступность достигаетъ своего максимума въ возрастѣ между 16 и 21 годомъ. (Statistique comparée de la criminalité en France, en Angleterre et en Allemagne, Брюссель 1835, стр. 13). Изысканія Файэ фиксируютъ максимумъ въ возрастѣ между 21 и 25 годами. (Séances et travaux de l'Académie des Sciences morales et politiques, 1847, II стр. 394).

[2]) Ad. Quetelet: Sur la statistique morale стр. 21, въ Mémoires de l'Académie de Belgique, 1848; Physique sociale, Брюссель, 1869, II, стр. 312 и 313 (заключеніе 2 и 5).

[3]) Ad. Quetelet: Système social, Парижъ, 1848, стр. 86.

[4]) У. с. стр. 23—24.

[5]) У. с. стр. 24 и сл.

зультаты имѣютъ извѣстную цѣнность. Гораздо меньшее значеніе имѣетъ сравненіе движенія преступности съ кривою цѣнъ. Для періода до 1880 года это изслѣдованіе является простымъ повтореніемъ мнѣній предшественниковъ Масснэ, и даже не всѣхъ предшественниковъ, такъ какъ оно не обнаруживаетъ знакомства съ работами Ферри (до 1878 г.) и Лакассаня, которыя успѣли пріобрѣсти общее признаніе. Изслѣдованіе Масснэ имѣетъ ту заслугу, что оно коснулось и слѣдующаго десятилѣтія, ранѣе неизслѣдованнаго. Но вообще авторъ не дѣлаетъ указаній на работы другихъ ученыхъ и во всемъ своемъ изслѣдованіи не обнаруживаетъ достаточнаго знакомства съ литературой предмета. Несомнѣнно, что документальныя данныя, приводимыя имъ, должны бы были выйти изъ рамокъ французской статистики и ссылокъ на Лакассаня и Гарофало.

Намъ кажется, что сравненіе роста преступности во Франціи съ измѣненіями въ области экономическихъ причинъ лишній разъ подтверждаетъ правильность первой части нашего тезиса, изложеннаго въ введеніи. Мы допускаемъ правильность мнѣнія Масснэ, но лишь въ той его части, которая касается движенія преступности, преступности динамической. Ею одною Масснэ и занимается. Онъ совершенно не считается съ статической стороной вопроса, и очень бы удивился, если-бы узналъ, что изучаемое имъ явленіе, разсмотрѣнное съ этой стороны, имѣетъ совершенно другую физіономію.

Теорія соціальной среды была благосклонно принята во Франціи и нашла здѣсь энергичныхъ сторонниковъ среди значительнаго числа антропологовъ и выдающихся медиковъ. Укажемъ на Манувріе, Бруарделя, Топинара [1]), Летурно. Всѣ они занимались вопросомъ лишь въ общемъ видѣ, не входя въ разсмотрѣніе спеціальныхъ факторовъ.

Д-ръ Манувріе, знаменитый профессоръ антропологической школы, былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ піонеровъ [2]) и горячихъ защитниковъ теоріи вліянія соціальной среды на преступленіе. Онъ особенно горячо нападалъ на Ломброзо на Парижскомъ Конгрессѣ; онъ разбилъ на-голову теорію преступнаго типа и нанесъ смертельныя раны теоріи атавизма. Его докладъ (вопр. II) и его рѣчи являются блестящей и талантливой защитой теоріи французской школы: преступленіе—явленіе соціологическое, а преступникъ — продуктъ соціальной среды; анатомическое и физіологическое предрасположеніе играетъ лишь второстепенную роль въ нормальномъ генезисѣ преступленій; ихъ роль такова же, какъ роль анатомическихъ и психическихъ чертъ непреступныхъ людей въ опредѣленіи человѣческихъ поступковъ. Несомнѣнно (объясняетъ дальше авторъ) [3]) существуетъ и патологическій генезисъ преступленія, значеніе котораго адэкватно значенію патологическихъ чертъ въ опредѣленіи человѣческихъ поступковъ вообще. Но это не должно препятствовать признанію той истины, что психологія и анатомія позволяютъ объяснить проблему преступленія въ общемъ точно такъ же, какъ и проблему честности и добродѣтели.

Цѣль, къ которой стремился профессоръ Манувріе, была слиш-

---

[1]) Въ знаменитыхъ лекціяхъ, прочитанныхъ Топинаромъ по случаю всемірной выставки 1878 г., онъ проводилъ мысль, что преступники являются дегенератами, а зачастую и просто больными. Его позднѣйшія изысканія заставили его укрѣпиться въ этомъ мнѣніи и привели его къ соціальной теоріи преступленія (см L'anthropologie criminelle, въ Revue d'anthropologie, 1887 стр. 674 и сл.).

[2]) Actes du II-e Congrès и сл. стр. 28 и сл., 152 и сл., 192 и сл., 276 и сл.

[3]) La genèse normale du crime, Bulletin de la Société d'anthropologie de Paris, 1893, стр. 455.

комъ обща и не привела къ изученію спеціальныхъ факторовъ преступности. Онъ преимущественно держится въ сферѣ общихъ положеній, однако требуя, чтобы принимались во вниманіе самые ничтожные факторы, вліяющіе на индивида, множество мелкихъ обстоятельствъ, сплетающихся въ милліарды комбинацій [1]). Общія причины вліяютъ различнымъ образомъ въ зависимости отъ профессіи, возраста, степени благосостоянія, среды и т. д. Авторъ даже боится, что за вліяніе среды часто принимаютъ вліяніе общихъ причинъ, т. е. причинъ теллурическихъ, климатическихъ, метеорологическихъ, экономическихъ и политическихъ. Важно понять, что подъ вліяніемъ среды слѣдуетъ разумѣть все, что мы видѣли, слышали и т. д., словомъ, все, что устанавливаетъ нашу связь съ внѣшнимъ міромъ [2]).

Изъ этого уже видно, что авторъ придаетъ важное значеніе экономическимъ факторамъ. Однако, онъ не опредѣляетъ степени и рода этого вліянія. Мимоходомъ касается онъ вопроса о вліяніи матеріальныхъ потребностей: „это значило бы игнорировать естественныя потребности и т. д.“ [3]).

Манувріе долго оставался краснорѣчивымъ защитникомъ соціологическаго пониманія преступленія; онъ блестяще защищалъ теорію французской школы и на словахъ, и на бумагѣ, [4]) энергично нападая съ тонкимъ знаніемъ дѣла на атавистическую теорію преступленія [5]), чѣмъ и вызвалъ, въ концѣ-концовъ, презрительное негодованіе со стороны Ломброзо [6]).

Д-ръ Ш. Летурно занимаетъ особое положеніе среди французскихъ криминалистовъ. Онъ познакомилъ Францію съ Преступнымъ человѣкомъ; онъ является сторонникомъ теоріи преступнаго типа и атавизма [7]). Но въ томъ же предисловіи, въ которомъ онъ заявляетъ себя сторонникомъ этой теоріи, онъ обнаруживаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ склонность признать соціальную теорію преступленія. „Строй, при которомъ преступленія дѣйствительно бы предупреждались, могъ бы создаться, говоритъ онъ, [8]) лишь путемъ глубокихъ соціальныхъ реформъ. Прирожденный преступникъ былъ бы очень рѣдкимъ явленіемъ, если бы его не создавало само общество“. Авторъ придаетъ даже очень большое значеніе экономическимъ элементамъ. „Самые большіе факторы, нищета и алкоголизмъ“. По его мнѣнію эти два явленія стоятъ въ тѣсной связи съ неправильнымъ распредѣленіемъ богатства, которое растетъ одновременно съ ростомъ крупной промышленности. Онъ напоминаетъ (не указывая источниковъ) о квази-оффиціальномъ докладѣ Кардали и Массара, которые утверждаютъ, что дневной заработокъ ломбардскаго крестьянина равенъ 80 сантимамъ, на которые долженъ жить онъ и его семья; онъ приводитъ и другіе аналогичные факты и добавляетъ, что они характерны не для одной только Италіи.

---

[1]) Actes du II-e Congrès и т. д. стр. 31 и 277 и т. д.
[2]) Bulletin de la société d'anthropologie de Paris, 1893, стр. 456.
[3]) Actes du II-e Congrès и т. д., стр, 31.
[4]) Въ особенности: Les aptitudes et les actes dans leurs rapports avec la constitution anatomique et avec le milieu extérieur, septième conférence Broca, въ Bulletin de la société d'anthropologiee de Paris, 1890 стр. 918 и сл.: L'atavisme et le crime, Revue mensuell de l'école d'anthropologie de Paris, 1891 стр. 225 и сл.; La genése normale du crime, onziéme conférence transformiste, въ Bulletin de la société d'anthropologie de Paris, 1893, ст. 413.
[5]) См. La genèse normale du crime стр. 441 и сл.
[6]) См. Necke: Zeitchrift für Criminal-Anthropologie и т. д. 1897 стр. 6.
[7]) Предисловіе къ L'homme criminel стр. IV и V.
[8]) V. c., стр. VIII.

Во всякомъ случаѣ авторъ лишь формулируетъ простую идею, лишь знакомитъ читателей съ выводомъ, не подкрѣпляя послѣдній доказательствами.

Габріель Тардъ.

Какъ и самъ Лакассань, ученики его и остальные, перечисленные нами представители французской школы, по спеціальности медики. Юристомъ школы является Габріель Тардъ, членъ института и профессоръ въ Collège de France. Превосходство его литературнаго дарованія [1]) сдѣлало изъ него наиболѣе популярнаго истолкователя школы [2]). Глубина его взглядовъ и удивительная ясность изложенія указываютъ, что свѣтъ философской спекуляціи не безполезенъ для позитивиста. Благодаря своей оригинальности, онъ неоднократно приходитъ къ выводамъ, которыхъ не раздѣляютъ его единомышленники по соціальной теоріи. Всѣ эти черты, взятыя вмѣстѣ, дѣлаютъ изъ него одну изъ наиболѣе блестящихъ и симпатичныхъ фигуръ среди криминологовъ. Ему принадлежатъ теорія профессіональнаго преступнаго типа; теорія отвѣтственности, покоящейся на тожествѣ личности и соціальномъ сходствѣ; теорія законовъ подражанія и ихъ очевиднаго вліянія на соціальную жизнь вообще и на преступность въ частности. Все это его личныя мнѣнія, не раздѣляемыя вовсе или раздѣляемыя лишь отчасти другими защитниками соціальной теоріи. Но у него есть и общее со всѣми остальными: онъ поддерживаетъ мнѣніе, что преступникъ есть родъ соціальнаго отброса, что преступленіе производится соціальными причинами. И тутъ онъ приписываетъ большую роль экономическимъ факторамъ. Чтобы опредѣлить значеніе послѣднихъ, мы сдѣлаемъ предварительно общій очеркъ его теоріи. Тардъ изложилъ всѣ основные вопросы криминологіи въ трудѣ - шедеврѣ: La philosophie pénale. Мы коснемся также нѣкоторыхъ страницъ его Criminalité comparée и его журнальныхъ статей.

Въ 5 главѣ своей Philosophie pénale (о преступникѣ) [3]) авторъ, опираясь на соціологическія соображенія, показываетъ невозможность анатомическаго преступнаго типа [4]). Онъ разсматриваетъ внѣшнія черты, безспорно свойственныя бо́льшому числу преступниковъ, какъ своеобразныя черты профессіональнаго преступнаго типа: преступная профессія, какъ цѣлый рядъ другихъ соціальныхъ профессій, представлена спеціальнымъ типомъ. Затѣмъ онъ энергично и пространно защищаетъ теорію соціальнаго происхожденія преступности. Психологія преступника, по существу, подобна психологіи остальныхъ людей [5]). Можно было бы безъ особеннаго труда написать трактатъ объ искусствѣ сдѣлаться убійцей. Классификація преступниковъ должна также строиться

---

[1]) См., что говорилъ по этому поводу Ванъ-Гамель на Брюссельскомъ конгрессѣ Actes стр. 340; еще въ Z. f. d. g. S. 1893 r. c. 186.

[2]) Его многочисленныя статьи появлялись въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно въ Revue philosophique, также въ Revue scientifique, въ Revue d'antrhropologie и въ Archives de l'anthropologie criminelle. Тардъ является также авторомъ хорошо извѣстныхъ трудовъ по общей соціологіи и политической экономіи.

[3]) Стр. 213 сл.

[4]) Топинаръ въ этомъ отношеніи вовсе не понялъ Тарда, говоря: „Тардъ принимаетъ на вѣру типъ прирожденнаго преступника. Не будучи ни атропологомъ, ни зоологомъ, ни врачемъ, онъ только можетъ преклоняться передъ авторитетомъ уважаемаго итальянскаго ученаго". Rev. d'anthr. 1887, c. 658. Тардъ тутъ же протестовалъ противъ такого ошибочнаге толкованія. Revue d'anthropol. 1888, c. 521.

[5]) У. с., стр. 254 сл.

ЦАБ "Автограф"

на соціологическомъ основаніи [1]). Основныя группы образуются городской и сельской преступностью; обѣ эти группы въ своемъ развитіи обнаруживаютъ соціальную природу факторовъ преступленія.

6-ая глава посвящена преступленію и его причинамъ [2]).

1. Несомнѣнно, физическія вліянія въ извѣстной мѣрѣ даютъ себя знать. Календарь преступности Лакассаня и наблюдавшійся этимъ послѣднимъ фактъ, что южныя страны и теплые годы отличаются относительнымъ обиліемъ убійствъ, побоевъ и ранъ, доказываютъ, что жара объясняетъ въ извѣстной мѣрѣ часть насильственныхъ дѣяній; но только часть, и, можетъ быть, часть незначительную. Когда греческая цивилизація процвѣтала въ Великой Греціи, арабская въ Испаніи на югѣ, или галло-римская на югѣ Франціи—мѣстностями, гдѣ были особенно распространены убійства, были сѣверъ Италіи, Испаніи, Франціи. Что же касается движенія цивилизаціи на сѣверъ, то оно обусловливалось историческими и, можетъ быть, случайными причинами, но, во всякомъ случаѣ, соціальными.

2. Не отрицаетъ авторъ и физіологическихъ вліяній [3]). Возможны извѣстныя предрасположенія, коренящіяся въ полѣ и расѣ; но они покоятся на историко-соціальномъ основаніи и надъ ними господствуетъ вліяніе соціальной среды [4]) Эта мысль выражена также извѣстной аксіомой Тарда: „можетъ быть человѣкъ, родится порочнымъ; но преступнымъ, во всякомъ случаѣ, онъ дѣлается“ [5]).

3. Преобладаютъ соціальныя [6]) вліянія [7]). Тардъ долго разсуждаетъ о могучемъ, всегда таинственномъ, по большей части, несознаваемомъ, вліяніи подражанія, которое объясняетъ всѣ соціальныя явленія, включая преступленіе. Это стремленіе къ подражанію распространяется съ высшихъ классовъ на низшіе. Весь нашъ обиходъ, языкъ и его измѣненія, всѣ идеи, потребности исходятъ отъ высшихъ классовъ и спустились внизъ путемъ подражанія. Нѣкогда главнѣйшимъ источникомъ подражанія была аристократія, нынѣ таковыми являются столицы. То же самое и съ преступленіемъ. Есть серьезныя основанія предполагать, что преступленія и пороки, нынѣ локализованные въ низшихъ слояхъ народа, попали туда съ верховъ. Пьянство нѣкогда было привилегіей Гомеровскихъ царей, меровингскихъ вождей, средневѣковыхъ сеньоровъ; бродяжество—пилигримовъ и благородныхъ менестрелей; отравленіе—высшей знати XVII вѣка, убійство, при помощи наемныхъ убійцъ—претендентовъ на корону и т. д. Невѣріе, браконьерство, поджоги, убійство за плату, самое воровство—всѣ эти, теперь обыденныя формы преступленій спустились сверху. Въ настоящее время мы наблюдаемъ распространеніе порока изъ столицъ и большихъ городовъ въ деревню.

---

[1]) У. с., стр. 263 сл.
[2]) У. с., стр. 297 сл.
[3]) У. с. стр. 316 сл.
[4]) См. Actes du II Congres и т. д. стр. 165.
[5]) У. с. стр. 253.
[6]) У. с. стр. 319 сл.
[7]) Тардъ на Брюссельскомъ конгрессѣ такъ опредѣляетъ это преобладаніе: „Я долженъ сознаться, что это слово неточно. Въ дѣйствительности, между двумя рядами дѣйствій (біологическихъ и соціальныхъ) не неравенство, но различіе коренное, по существу, а не по степени. Дѣйствіе соціальныхъ факторовъ скорѣе можетъ быть названо опредѣляющимъ, а не преобладающимъ. Какъ локомотивъ имѣетъ машиниста, направляющаго его по рельсамъ, такъ надо считаться съ соціальными рельсами и біологическимъ машинистомъ. Actes du III Congres etc., стр. 337 и 338. Какъ ни различна природа факторовъ, соціальный моментъ всегда является рѣшающимъ и высшимъ по мысли автора.

Тардъ посвятилъ спеціальные труды защитѣ своего положенія. Это— „Законы подражанія“ и „Соціальная логика“. Къ этой защитѣ онъ возвращается при всякомъ удобномъ случаѣ, присоединяя все новыя доказательства [1]). Данную теорію уже набросали и защищали предшественники Тарда: Спенсеръ [2]), Алиберъ [3]), Кетле [4]), но никто не объяснялъ ею всѣ формы и строеніе общества, всякую дѣятельность и всю преступность. Это одна изъ самыхъ мощныхъ попытокъ создать общую концепцію, съ цѣлью построить на психологическомъ фундаментѣ систему соціологіи, гармоничную и прочную по простотѣ и значительности ея отправного пункта. Естественно, что критики изучали эту теорію всесторонне; нѣкоторые крупные ученые сдѣлали противъ нея не мало возраженій. Тардъ блестяще защищался противъ нихъ.

Извѣстное число написанныхъ въ томъ же духѣ монографій группируется возлѣ произведенія учителя [5]).

Затѣмъ авторъ переходитъ къ изученію нѣкоторыхъ соціальныхъ вліяній, въ числѣ ихъ и начальнаго образованія, которое онъ считаетъ совершенно безполезнымъ. Что же касается собственно нашей темы, то Тардъ изслѣдуетъ:

а) вліяніе труда и индустріи на преступность [6]). Онъ совершенно отрицаетъ теорію Полетти, на которую мы уже указывали и къ которой вернемся въ слѣдующей главѣ [7]). Онъ выводитъ заключеніе [8]), что трудъ самъ по себѣ противникъ преступленія; если же онъ благопріятствуетъ ему, то только косвеннымъ путемъ; это благопріятствованіе никоимъ образомъ не необходимо, и отношеніе труда и преступленія подобны взаимнымъ отношеніямъ двухъ работающихъ въ противоположныхъ направленіяхъ силъ.

Преступность для автора—своеобразное ремесло, которое концентрируется мало-по-малу въ извѣстныхъ классахъ и все болѣе становится видомъ карьеры. Криминологія—лишь часть соціологіи. Если желаютъ объяснить развитіе преступности, слѣдуетъ основываться на общихъ законахъ политической экономіи о производствѣ. Въ этомъ отношеніи встрѣчаются затрудненія. Съ одной стороны, преступники все менѣе и менѣе соединяются въ шайки, откуда, имѣя въ виду меньшую организованность и случайный характеръ единичныхъ преступленій, можно было бы заключить о нѣкоторомъ улучшеніи въ сферѣ преступности; съ другой стороны,—статистика рецидива показываетъ другое. Но въ концѣ-концовъ, противорѣчіе это не является страннымъ: уменьшеніе числа шаекъ объясняется непрестанными успѣхами полиціи, рецидивъ же становится дѣйствительно тревожнымъ явленіемъ. Преступность стараго времени, шире распространенная и носившая, въ то же время, болѣе случайный характеръ, имѣла характеръ эпидеміи; преступность новаго времени, заключенная въ тѣсные предѣлы и прочно

---

[1]) Между прочимъ, въ блестящемъ очеркѣ преступности толпы, Actes du III Congrès стр. 73 слл., стр. 371 слл.

[2]) Спенсеръ. Законы подражанія.

[3]) I. L. Alibert. Physiologie des passions. Paris 1825, pp. 269, 274.

[4]) Ad. Quetelet. Du Systeme social et des lois qui le regissent P. 1848, pp. 214—5.

[5]) P. Aubry La contagion du meurtre', и Le vitriol au point de vue criminel, Actes, du III Congrès, p. 356 слл.
Dr. Ravóux. Dépeçage criminel, Lyon, A. Storck.

[6]) У. с. стр. 374 слл.

[6]) Тардъ критиковалъ уже теорію Полетти въ Rev. phil., янв. 1883. Статья перепечатана въ Criminalité comparée стр. 72 слл.

[7]) У. с. стр. 378. слл.

укоренившаяся, медленно, но постоянно возрастающая, — имѣетъ всѣ признаки хронической болѣзни. Прогрессъ рецидива, главнымъ образомъ, замѣчается въ городахъ.

Это развитіе преступленія, какъ профессіи, обусловлено тѣми же причинами, которыя способствуютъ процвѣтанію любого ремесла или промысла: преступленіе прибыльно, стоитъ дешево, способность заниматься имъ, какъ ремесломъ, встрѣчается чаще, такъ же, какъ и необходимость такого занятія. Всевозможныя обстоятельства, словомъ, соединились въ наше время, благопріятствуя особаго вида промыслу — грабить другихъ, т. е. безвозмездно получать выгоду. Только этой чертой преступность отличается отъ другихъ ремеслъ. Это — промыселъ, которому идетъ на пользу всякій прогрессъ остальныхъ, по закону Сея, въ силу котораго производство новаго предмета способствуетъ производству другихъ, даже иногда такихъ, которые призванъ замѣнить этотъ новый предметъ. Въ этомъ отношеніи между профессіей преступленія и другими замѣчается полное сходство. Но преступное ремесло имѣетъ и особенность: оно само не способствуетъ никакому другому ремеслу, кромѣ низменныхъ профессій, живущихъ имъ. Правда, это послѣднее исключеніе имѣетъ широкій объемъ: бульварная пресса, только и живетъ судебными отчетами; если бы уничтожилось преступленіе, ея тиражъ упалъ бы значительно.

Ту же мысль Тардъ развиваетъ въ Revue philosophique, январь 1883. Въ то время, какъ количество вещей, пригодныхъ служить объектами кражи и мошенничества, а также количество удовольствій, покупаемыхъ цѣной кражи, мошенничества, злоупотребленія довѣріемъ, убійства, неизмѣримо возросло въ теченіе полувѣка, — въ то же время улучшились условія тюремной жизни, какъ въ отношеніи содержанія, такъ и въ отношеніи устройства тюремъ, возросла снисходательность судей и присяжныхъ. Выгоды увеличились, а рискъ уменьшился и до такой степени, что въ цивилизованныхъ странахъ профессія карманнаго вора, бродяги, банкрота, даже убійцы стала одной изъ наиболѣе безопасныхъ и прибыльныхъ профессій, доступныхъ лѣнтяю. Въ то же время соціальная революція увеличила число деклассированныхъ, недовольныхъ, бродягъ; въ виду того, что гуманныя чувства не процвѣтаютъ въ нашемъ дѣловомъ обществѣ, осужденные за первое преступленіе, еще честные, по освобожденіи изъ тюремъ, колеблясь между примѣромъ большого, честнаго, но негостепріимнаго общества и маленькой группой преступниковъ, готовой принять ихъ, въ концѣ-концовъ роковымъ образомъ идутъ по послѣднему пути, какъ дѣвушки-матери къ проституціи.

Отношеніе, устанавливаемое Тардомъ въ этомъ очеркѣ между преступностью и прогрессомъ производства, не отношеніе причинности, но случайное. Авторъ не ищетъ въ развитіи индустріи причины преступности; онъ устанавливаетъ лишь связь увеличенія числа преступленій съ указаннымъ явленіемъ. Предметомъ его изученія служитъ не отношеніе преступности и экономическихъ явленій, но — между преступностью и преступленіями. Концепція преступности, какъ своеобразнаго ремесла—оригинальна и остроумна. Но не представляетъ ли она, въ свою очередь, слишкомъ широкое обобщеніе? Не вся преступность носитъ профессіональный характеръ. Мы не находимъ его въ преступленіяхъ, совершенныхъ по страсти, по ревности, ненависти, любви. Никогда законъ Сея не найдетъ примѣненія къ преступнику, наносящему смертельный ударъ въ моментъ изступленія или сильнаго волненія.

б) Вліяніе бѣдности и богатства [1]). Этотъ вопросъ, говоритъ авторъ, въ одно и тоже время отдѣльный и зависящій отъ вопроса о вліяніи труда, является излюбленнымъ мѣстомъ битвъ между соціалистическимъ и правовѣрнымъ крыломъ позитивной школы [2]). Какъ матеріалъ, Тардъ приводитъ часть оффиціальнаго отчета по уголовной статистикѣ Франціи за 1887 г., откуда видно, что на 100.000 жителей въ каждомъ изъ слѣдующихъ классовъ, взятыхъ отдѣльно, насчитывалось ежегодно:

20 обвиненныхъ изъ прислуги; 12—изъ либеральныхъ профессій, считая собственниковъ и рантье; 21 — изъ торговаго класса; 26 — изъ промышленнаго; 14 — изъ земледѣльческаго; 139 — изъ наиболѣе бѣднаго класса.

Авторъ старается объяснить эти, на первый взглядъ, несогласныя цифры. Стремленіе обогатиться—обыкновенный мотивъ преступленія, какъ и единственный мотивъ работы; обладаніе богатствомъ, слѣд., должно отдалять отъ преступленія самаго безчестнаго человѣка, какъ и самаго трудолюбиваго отъ труда. Вѣдь, безсмысленно добиваться того, что уже имѣешь, если, впрочемъ, удовлетвореніе извѣстнаго желанія не повело къ его гипертрофіи, какъ это часто, хотя далеко и не всегда, бываетъ. Въ дѣловой средѣ, гдѣ, благодаря взаимному соревнованію, цѣлью является скорѣе постоянное обогащеніе, а не самое богатство, состояніе подобно ядовитымъ жидкостямъ, которыя возбуждаютъ, а не утоляютъ жажду. Поэтому преступность этой среды равна преступности прислуги. Подобно этому въ средѣ съ легкими нравами преступленія противъ нравственности тѣмъ чаще, чѣмъ доступнѣе удовольствія. Но можно выставить, какъ правило, что тамъ, гдѣ богатство служитъ препятствіемъ къ обдѣлыванію темныхъ дѣлъ, оно является также препятствіемъ къ преступленію. Таково положеніе дѣла среди земельныхъ собственниковъ, крупныхъ и мелкихъ, среди рантье и даже въ большинствѣ либеральныхъ профессій, тамъ, гдѣ онѣ, какъ во Франціи, мало поглощаютъ и возбуждаютъ человѣка. Довольный своимъ относительнымъ благополучіемъ, онъ отдыхаетъ въ умственной полуработѣ, скорѣе творческой, чѣмъ механической, болѣе почетной, чѣмъ доходной, и воздерживается отъ преступныхъ средствъ для увеличенія дохода, къ которому онъ мало стремится; французскій крестьянинъ болѣе счастливъ, чѣмъ милліонеръ, финансистъ или пылкій политикъ, которыхъ ихъ милліоны толкаютъ на корыстолюбивыя предпріятія, мошенничества и подкупы. Достаточные земледѣльцы наиболѣе честные люди вообще. Здѣсь, слѣд., даже дѣло не въ богатствѣ и бѣдности, не въ благосостояніи и нуждѣ, а въ счастіи и несчастіи. Въ этомъ и смыслъ старой, какъ міръ, истины, что оправданіе злого часто въ томъ, что онъ несчастенъ.

Наше общество несчастно. Оно страдаетъ отъ внутренней смуты, отъ своего нелогичнаго и непрочнаго состоянія, отъ внутреннихъ противорѣчій, вызываемыхъ успѣхами неслыханныхъ открытій и изобрѣтеній, направленныхъ одно противъ другого, служащихъ пищей для противорѣчивыхъ теорій, источникомъ безудержныхъ, эгоистическихъ и противоположныхъ другъ другу потребностей.

Мнѣніе Тарда по вопросу объ экономическихъ вліяніяхъ, краснорѣчиво изложенное, сводится къ слѣдующему. Не богатство и не бѣдность, но довольство и недовольство оказываютъ вліяніе на преступность. Отсюда слѣдуетъ, что нужда, неспособная породить довольство, останется

---

[1]) У. с. стр. 382 слл.

[2]) См. по этому поводу Turati: Lo schisma della nuova scuola positiva. Milano 1887.

всегда источникомъ преступленій. Этимъ объясняется высокая цифра преступности низшихъ классовъ въ таблицѣ, приведенной авторомъ. Однако, болѣе состоятельныя группы, въ особенности группа коммерсантовъ, подвержены, хотя и въ меньшей степени, той же опасности. Это воззрѣніе, съ различіями въ формѣ, раздѣляется большинствомъ криминалистовъ [1]). Мы уже указали, что Ломброзо въ особенности подчеркиваетъ способность богатства быть, въ свою очередь, источникомъ преступленій. Мнѣнія Тарда и Ломброзо, однако, расходятся: Ломброзо считаетъ, что опасность богатства значительнѣе, чѣмъ опасность бѣдности. Тардъ—наоборотъ и съ большимъ правомъ утверждаетъ, что довольство распространено въ бѣдныхъ слояхъ населенія въ меньшей степени, что, слѣд., недовольство отыщетъ больше жертвъ среди нуждающихся, чѣмъ среди богатыхъ. Въ концѣ-концовъ, такой выводъ равносиленъ признанію бѣдности мощнымъ факторомъ преступности.

в) Вліяніе цивилизаціи [2]). По Тарду, вопросъ о вліяніи цивилизаціи на уменьшеніе преступности можетъ ставиться двояко. Всякая цивилизація проходитъ двѣ стадіи. Въ первой стадіи въ безпорядкѣ нагромождаются изобрѣтенія, новыя начинанія; въ этой стадіи находится теперь Европа. Вторая стадія,—когда это нагроможденіе кончилось, элементы цивилизаціи начинаютъ укладываться въ извѣстномъ порядкѣ и системѣ. Цивилизація можетъ быть весьма богатой, не будучи упорядоченной; такова наша. Можетъ быть и противоположное состояніе,—какъ въ древнемъ городѣ, въ средневѣковыхъ общинахъ. Вопросъ формулируется такъ: богатство или упорядоченность цивилизаціи уменьшаетъ преступность? Авторъ отвѣчаетъ прямо: безъ всякаго сомнѣнія упорядоченность. Исторія доказываетъ это: римская нравственность держалась, пока цивилизація оставалась римской. Не прогрессъ цивилизаціи, а бѣдность, эпохи кризисовъ, часто необходимый переходъ къ иному, иногда лучшему состоянію, породили броженіе умовъ и порочность и въ Римѣ, и Византіи, и въ концѣ среднихъ вѣковъ. Въ наше время все разрастается вырожденіе, составляющее результатъ неупорядоченности нашей цивилизаціи и ея опасность. Автора утѣшаетъ туманная, но несомнѣнно существующая связь между эпохами паденія и расцвѣта, открытая проницательными изслѣдователями.

Преступность въ своихъ формахъ, мотивахъ, средствахъ, подчиняется общимъ законамъ, управляющимъ обществомъ [3]).

Авторъ долго говоритъ по этому поводу, подыскивая доказательства для этого остроумнаго тезиса въ измѣненіяхъ, которыя претерпѣло преступленіе подъ вліяніемъ разнаго рода событій. Онъ старается разрѣшить этотъ вопросъ, считаясь одновременно и съ постояннымъ возрастаніемъ преступности среди цивилизаціи, якобы, постоянно развивающейся, и съ чувствомъ которое отказывается видѣть въ цивилизаціи причину преступности. Такъ какъ цивилизація, по нашему мнѣнію, не экономическій феноменъ, хотя и тѣсно связана съ экономическими явленіями, мы и не должны слѣдовать за авторомъ въ этой его блестящей попыткѣ.

„La Criminalité comparèe“ [4]) содержитъ еще кое-что о вліяніи довольства на преступность.

---

[1]) De Baets, Les influences de la misère sur la criminalitè, Gands 1895, p. 16 s.
Lombroso, Le crime, causes et remèdes, p. 154 s.
[2]) У. с. стр. 386 слд.
[3]) У. с. стр. 390 слд.
[4]) Tarde, Le criminalité comparée, 2 édition, P. 1890, p. 115,

Степень богатства вліяетъ, по словамъ автора, на свойства, если не на количество преступленій. Нѣкоторая степень благосостоянія развиваетъ извѣстнаго рода аппетиты, подавляетъ другіе, измѣняетъ, наконецъ, іерархію нашихъ желаній—источника нашихъ преступленій. Въ бѣдныхъ департаментахъ преступленія противъ личности равны по своему числу преступленіямъ противъ имущества. Въ богатыхъ департаментахъ цифра послѣднихъ значительно превышаетъ цифру первыхъ. Если бы сравнительная статистика воровства разбивала бы послѣднее на группы по качеству похищенныхъ предметовъ,—различіе, соціологически болѣе полезное, чѣмъ указаніе возраста преступниковъ,—то можно бы было, безъ сомнѣнія, увидѣть, что за сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ Франція разбогатѣла, относительное число кражъ *сельскохозяйственныхъ продуктовъ* уменьшилось, тогда какъ число кражъ драгоцѣнностей, денегъ и т. п. увеличилось и увеличивается [1]).

Авторъ ничего не говоритъ здѣсь о причинной связи между преступностью и матеріальными условіями. Но онъ освѣщаетъ тотъ фактъ, что колебанія благосостоянія оказываютъ вліяніе на родъ преступленій. Однако это вліяніе зависитъ не столько отъ самого преступника, сколько отъ качества объекта, возбуждающаго его жадность. Поэтому, рѣшающее значеніе имѣетъ благосостояніе лица потерпѣвшаго, а не преступника.

Фактъ, что въ богатыхъ департаментахъ совершается больше кражъ, чѣмъ въ бѣдныхъ, установленъ всѣми криминалистами, занимавшимися этимъ вопросомъ (въ особенности Кетле и Жоли). Но этотъ фактъ указываетъ лишь на вліяніе нищеты на преступленіе. Вѣдь въ наиболѣе богатыхъ мѣстностяхъ, въ частности въ большихъ центрахъ, тамъ, гдѣ, говоря вообще, довольство достигаетъ высшей степени,—тамъ и нужда наиболѣе распространена и велика. Число неимущихъ въ данной области почти всегда находится въ обратномъ отношеніи къ общему уровню благосостоянія и, конечно, въ обратномъ отношеніи къ избытку богатства.

Въ общемъ Тардъ, какъ и Лакассань, разсматриваетъ преступленіе, прежде всего, какъ соціальный феноменъ, по его происхожденію и, въ то же время, допускаетъ значительное біологическое предрасположеніе. Что же касается матеріальныхъ факторовъ, Тардъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Трудъ имѣетъ благотворное вліяніе. Между возрастаніемъ преступности и усиленіемъ промышленной дѣятельности существуетъ случайное отношеніе.

Бѣдность сама по себѣ не вліяетъ на преступленіе. Гибельное вліяніе оказываетъ недовольство. Но недовольство, роковымъ образомъ, встрѣчается въ обездоленныхъ классахъ. Оно и располагаетъ ихъ къ преступленію. Такимъ образомъ, преступленіе, косвенно, является результатомъ бѣдности.

Степень благосостоянія вліяетъ на родъ преступленій.

Эти заключенія, какъ и способъ разработки предмета, носятъ тотъ же отпечатокъ оригинальности, который отличаетъ всю работу Тарда. Обладая удивительной эрудиціей, богатствомъ матеріала, далеко превосходящимъ обыкновенныя криминологическія данныя, Тардъ рѣдко останавливается на чисто соціологическихъ заключеніяхъ; онъ охотно ищетъ самый сокровенный смыслъ фактовъ, предается часто смѣлымъ, но всегда своеобразнымъ философскимъ спекуляціямъ.

---

[1]) Tarde, Le statistique criminelle du dernier demi-siècle, Revue philosophique, janvier, 1883.

А. Корръ.

Къ французской школѣ примыкаетъ еще д-ръ Корръ. Онъ излагаетъ свои общіе взгляды на преступность въ двухъ сочиненіяхъ, озаглавленныхъ: „Les criminels“ [1]) и „Crime et Suicide“ [2]). Онъ спеціально занимался преступностью въ странахъ съ креольскимъ населеніемъ [3]).

Первая книга изслѣдуетъ физическія и психическія особенности преступника. Вторая — этіологію преступности. Эта послѣдняя работа и интересуетъ насъ непосредственно.

Корръ, въ противоположность названнымъ выше представителямъ французской школы, не приписываетъ соціальнымъ факторамъ такого значенія, которое дѣлало бы ихъ рѣшающими факторами преступности. Это его особое мнѣніе затрудняетъ классификацію представителей школы и, кажется, подало поводъ къ недоразумѣніямъ относительно защищаемой Корромъ теоріи. Петербургскій профессоръ Петри помѣщаетъ Корра въ ряды тѣхъ, которые, вмѣстѣ съ Фере, ищутъ объясненія преступности въ вырожденіи [4]). Но самъ Корръ, въ выраженіяхъ, не оставляющихъ никакого сомнѣнія, протестуетъ противъ приписываемыхъ ему Петри мнѣній: „теорія вырожденія“, пишетъ онъ, „грѣшитъ своей исключительностью. Нельзя отрицать признаковъ вырожденія у очень большого числа преступниковъ. Но нельзя придавать вырожденію значенія основного, необходимаго условія преступленія. Эта школа, сверхъ того, страдаетъ противорѣчіями“ [5]). Въ дѣйствительности, затрудненіе не въ этомъ. Авторъ, какъ и другіе представители французской школы, признаетъ вліяніе въ этіологіи преступности трехъ факторовъ: физическаго, соціальнаго и индивидуальнаго. Вопросъ въ томъ, чтобы опредѣлить, какому изъ нихъ онъ придаетъ рѣшающее значеніе. „Личныя условія“, пишетъ онъ, „играютъ, на мой взглядъ, наибольшую роль въ генезисѣ преступленія, ибо они наиболѣе сосредоточены, наиболѣе спеціализованы. Они могутъ дѣйствовать самостоятельно, подъ вліяніемъ другихъ факторовъ, по поводу самыхъ обыкновенныхъ побужденій; тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, соціальныя и космическія условія, такъ сказать, стерилизованы“ [6]).

Эти слова, на первый взглядъ, показываютъ, что авторъ склоняется къ признанію перевѣса біологическаго фактора; если бы это было такъ, мы должны бы были помѣстить Корра въ главу, говорящую объ итальянской школѣ. Но это только кажущаяся тенденція автора. Нѣтъ сомнѣнія, что его мысль [7]) надо истолковать такъ: авторъ говоритъ о генезисѣ посягательства, т.-е. внѣшняго проявленія преступности, о матеріальной и дѣйствительной преступности. Но прежде, чѣмъ совершился преступный актъ, соціальныя условія уже оказали свое вліяніе на преступника. Вліяніе среды, путемъ долгаго и послѣдовательнаго процесса, такъ сказать, кристаллизовались въ индивидѣ; они сыграли важную приготовительную роль. Во время же совершенія самаго преступленія они больше не дѣйствуютъ; тутъ рѣшаетъ индивидуальный факторъ. Въ

---

[1]) Парижъ, 1889.
[2]) Парижъ, 1891.
[3]) Le Crime en pays créoles, Paris, 1889.
[4]) Actes du IV Congrès и т. д., стр. 141.
[5]) Crime et Suicide, стр. 41.
[6]) У. с. стр. 8.
[7]) См. мѣсто, подобное только что цитированному; у. с. стр. 639.

ЦАБ "Автограф"

другомъ мѣстѣ Корръ ясно говоритъ: „когда я противопоставляю соціальныя условія индивидуальнымъ, когда я опредѣляю ихъ относительное значеніе въ генезисѣ преступленія,—я имѣю въ виду лишь ихъ непосредственное столкновеніе. Если смотрѣть на вещи глубже, окажется, что индивидуальныя условія лишь результатъ соціальныхъ. Предрасположеніе дѣйствуетъ лишь въ силу соціальныхъ условій“ [1]). Нѣсколько разъ авторъ подтверждаетъ свою идею о преимуществѣ соціальныхъ факторовъ: „Среда порождаетъ индивидуальную причину; въ то же время она остается главнымъ возбудителемъ всѣхъ дѣйствій, вызванныхъ той“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ: „Условія этой то среды приготовляютъ совокупность психическихъ дѣйствій, которыя медленно приведутъ къ посягательству и опредѣляютъ заранѣе склонность къ преступленію“ [3]). Мы, такимъ образомъ, имѣемъ полное основаніе считать Корра представителемъ французской школы. Тардъ также характеризуетъ его: „съ одной стороны, онъ умѣетъ воздать должное преступному типу, понимаемому, какъ профессіональный; съ другой стороны, онъ, вмѣстѣ съ французской школой, приписываетъ главное значеніе соціальному фактору. Вообще, онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Лакассаня“ [4]).

Третья книга „Crime et suicide“ говоритъ о соціальныхъ факторахъ. Мы передадимъ, что авторъ говоритъ о вліяніяхъ связанныхъ съ экономической жизнью.

Вліяніе цивилизаціи. Можно охотно согласиться, что обыкновенно нельзя приписывать большого значенія разсужденіямъ о вліяніи этого фактора. Тутъ все зависитъ отъ представленія, которое авторъ имѣетъ о цивилизаціи и, по большей части, отъ наклонности его къ пессимизму или оптимизму. Корръ—откровенный пессимистъ и его картина цивилизаціи набросана самыми мрачными красками. Цивилизація для него значитъ [5]): „увеличеніе потребностей вмѣстѣ съ увеличеніемъ благосостоянія; увеличеніе личной свободы вмѣстѣ съ расширеніемъ человѣческаго сознанія; но вмѣстѣ съ тѣмъ, по роковой противоположности, чудовищное развитіе эгоизма, возбужденіе страстей, порождаемыхъ имъ (чувственности, жадности, высокомѣрія), параллельное развитіе антиальтруизма, презрѣніе ко всякому стѣсненію, ко всякой сдержкѣ“. Таковъ для автора смыслъ цивилизаціи. Ясно, что онъ немного хорошаго отъ нея ждетъ; какой бы степени она ни достигла, подъ какимъ бы видомъ ни представлялась, она не подавитъ ни преступныхъ стремленій, ни условій, способныхъ породить преступленіе сами по себѣ или въ связи съ извѣстными предрасположеніями. Она—лишь причина роста преступности [6]) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, психическихъ заболѣваній и самоубійствъ [7]).

Корръ, затѣмъ, говоритъ о другомъ вопросѣ, тоже примыкающемъ къ вопросу о вліяніи экономической жизни: о вліяніи густоты населенія. Вотъ его выводы по этому вопросу. Густота населенія--результатъ цивилизаціи,—заставляетъ a priori предполагать, что преступность возрастаетъ пропорціонально ей [8]). Но факты не подтверждаютъ эту гипотезу въ Англіи. Во Франціи же, напротивъ, статистика показы-

---

[1]) У. с. стр. 85 и 86.
[2]) У. с. стр. 8. См. также стр. 7 и 80.
[3]) У. с. стр. 555.
[4]) Tarde, „La philosophie pénale“, p. 219, прим.
[5]) У. с. стр. 345.
[6]) У. с. стр. 349.
[7]) У. с. стр. 349.
[8]) У. с. стр. 392.

ваетъ, что преступность возрастаетъ тамъ, гдѣ численность населенія наиболѣе подвержена колебаніямъ. Это, въ частности, значитъ, что:

а) преступленіе не стоитъ въ прямомъ отношеніи къ густотѣ населенія въ каждомъ изъ нашихъ департаментовъ [1]).

б) преступленіе, въ общемъ, болѣе развито среди городского населенія, чѣмъ среди сельскаго [2]).

в) преступленіе, въ большой степени, зависитъ отъ притока иностранцевъ [3]).

Корръ изучаетъ и вліяніе экономическихъ факторовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Трудъ, заработная плата, потребности. Авторъ краснорѣчиво [4]) излагаетъ злоупотребленія, связанныя съ организаціей и распредѣленіемъ труда въ нынѣшнемъ обществѣ. Онъ старается показать, что эти злоупотребленія часто влекутъ за собой нищету, которая приводитъ къ преступленіямъ и самоубійству. Но онъ не старается ни установить отношеніе между трудомъ и преступностью, ни опредѣлить мѣсто, принадлежащее труду въ совокупности факторовъ преступности. Единственный безспорный, но, строго говоря, банальный выводъ автора слѣдующій: „гражданину важно (за исключеніемъ анархистовъ и испорченныхъ лѣнью людей) имѣть обезпеченную работу; онъ долженъ получать за этотъ трудъ достаточное для удовлетворенія необходимыхъ потребностей вознагражденіе и находить защиту противъ эксплоатаціи имущихъ. Въ этомъ *направленіи должно итти вмѣшательство государства*“ [5]).

Соціологическая или скорѣе патолого-соціологическая часть труда („Crime et Suicide“), которой мы должны теперь заняться, — мало научна. Личныя изслѣдованія или статистическія данныя рѣдко служатъ основаніемъ для выводовъ автора. Точность и цѣнность его обычнаго метода спорны; обыкновенно онъ приводитъ и разрабатываетъ типичный случай, безъ сомнѣнія, имѣющій кое-какое значеніе, но дѣйствительную цѣнность пріобрѣтающій только тогда, когда вполнѣ установленъ законъ, частнымъ случаемъ котораго онъ является; такой фактъ, во всякомъ случаѣ, представляетъ недолговѣчный и ненадежный аргументъ. Кромѣ того, авторъ приводитъ изолированные факты, часто не указывая источниковъ; часто эти случаи, такъ сказать, отзываются отдѣломъ „смѣсь“; когда же, иной разъ, авторъ указываетъ источникъ, этотъ источникъ часто оказывается подозрительнымъ съ научной точки зрѣнія [6]). Довѣряя этимъ сомнительнымъ даннымъ, авторъ вдается въ красивыя съ внѣшней стороны, но декламаторскія и сантиментальныя разсужденія; они произвели бы больше впечатлѣнія на столбцахъ газеты, чѣмъ въ научной работѣ.

Изслѣдованіе вліянія заработной платы немного глубже [7]). Правда, и здѣсь сущность составляютъ общія и поверхностныя, ни кѣмъ не оспариваемыя замѣчанія о распредѣленіи заработной платы. Но авторъ, по крайней мѣрѣ, цитируетъ статистическіе документы [8]), чтобы показать связь между преступностью и хлѣбными цѣнами, въ свою очередь,

---

[1]) У. с. стр. 393 слл.
[2]) У. с. стр. 397 слл.
[3]) У. с. стр. 402 слл.
[4]) У. с. стр. 410 слл.
[5]) У. с. стр. 415 и 416.
[6]) М. и. у. с. стр. 413. Авторъ заимствуетъ свои примѣры у Petit journal стр. 564, у „Lanterne“ стр. 461, у „Journal de Débats“ и у „Siècle“ стр. 546, 597 и 632, у „République Française“, стр. 432, у „Figaro“ и у „La Bataille“. Иногда эти ссылки основательны какъ взятая у „Autorité“, стр. 465.
[7]) У. с. стр. 417 слл.
[8]) У. с. стр. 421—323.

зависящими отъ высоты заработной платы. Статистическія данныя, на которыя опирается Корръ, относятся къ періоду 1843—1863 гг. и, вѣроятно, заимствованы у Лакассаня.

Дальнѣйшія разсужденія—объ организаціи труда, о свободѣ труда и союзовъ, о мѣрахъ въ пользу трудящихся—не входятъ въ рамки нашего криминологическаго изслѣдованія.

Благотворительность [1]). Здѣсь авторъ примѣняетъ болѣе точный методъ. Онъ опредѣляетъ размѣры помощи въ департаментахъ и приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

а) Департаменты, гдѣ оффиціальная благотворительность сведена къ минимуму, принадлежатъ обыкновенно къ наиболѣе бѣднымъ. Тамъ не презираютъ бѣднаго и не отталкиваютъ нищаго. Однако, нищенство и бродяжничество тамъ, какъ кажется, склонны уменьшаться. Преступленія распространены умѣренно, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстностей [2]).

б) Благотворительность, во всѣхъ своихъ видахъ, достигаетъ максимума въ департаментахъ крайняго сѣвера (Фламандскій край) столь богатыхъ вслѣдствіе промышленнаго развитія. Пороки тамъ часты, семейства страдаютъ отъ обилія дѣтей. Преступность, вообще, тамъ умѣренная, но по нѣкоторымъ родамъ преступленій довольно значительна [3]).

в) Въ остальныхъ департаментахъ, гдѣ благотворительность широко организована, гдѣ земледѣльческій, фабричный и ремесленный трудъ даетъ занятіе рабочимъ рукамъ, гдѣ тяжесть семьи, такъ же, какъ и развратъ, обыкновенно меньше, въ этихъ департаментахъ преступность обнаруживаетъ наибольшія колебанія или сохраняетъ явно поступательное движеніе. Благотворительность не предупреждаетъ и не останавливаетъ эволюцію безнравственности и преступленія; скорѣе она ихъ поощряетъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ огромное число бродягъ, нищихъ, иногда и воровъ [4]).

Авторъ заключаетъ [5]), что умѣренная благотворительность принесла бы больше пользы, чѣмъ широко развитая. Избытокъ благотворительности, при которомъ трудно избѣгать дурного распредѣленія помощи, имѣлъ бы деморализующее значеніе. Это обстоятельство станетъ еще болѣе понятнымъ, когда мы примемъ во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ формахъ помощи милосердіе теряетъ свой благородный характеръ, вдохновляется политическими или тщеславными побужденіями, или же страхомъ увидѣть возрастаніе профессіональнаго нищенства.

Бережливость. Ея результаты превосходны [6]), если она не преувеличена и не превращается въ скупость. Среднее число вкладовъ въ сберегательныя кассы приходится на центральную и западную Францію, которая отличается низкой цифрой преступности. Повышенію сбереженій (слѣдствіе излишней предусмотрительности, какъ на югѣ), такъ и пониженію за средній уровень (показатель недостаточной предусмотрительности) соотвѣтствуетъ значительная цифра преступности. Преувеличенная наклонность къ экономіи особенно проявляетъ свой опасный характеръ въ Нормандіи, гдѣ она повела къ уменьшенію числа рожденій.

Собственность [7]). Корръ въ общихъ чертахъ, показываетъ, что со-

---

[1]) У. с. стр. 427 слл.
[2]) У. с. стр. 428 слл.
[3]) У. с. стр. 429.
[4]) У. с. стр. 429.
[5]) У. с. стр. 430
[6]) У. с. стр. 431 слл.
[7]) У. с. стр 434 слл.

временная организація и форма собственности неудовлетворительны. Въ знаменитомъ изреченіи Прудона, по его мнѣнію, много правды: значительная часть нашей собственности не что иное, какъ воровство, и оказываетъ печальное вліяніе на преступность[1]). Надо было бы, въ особенности, увеличить мелкую собственность и ограничить право наслѣдованія. Чтобы показать вредное вліяніе наслѣдственнаго права, авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ преступленій, совершенныхъ съ цѣлью пріобрѣсти наслѣдство. Мы уже замѣтили выше, что такой аргументаціи не хватаетъ объективности и она мало что доказываетъ.

Наконецъ, обращаемся къ вліянію профессій на преступность[2]). Тутъ авторъ также слѣдуетъ весьма апріористическому методу; и на этотъ разъ онъ *не въ состояніи доказать свои положенія*. Онъ говоритъ: „профессіональная среда оказываетъ свое вліяніе обыкновенно на людей, достигшихъ критическаго возраста зрѣлости. Оно выражается посредственно и непосредственно". Но гдѣ доказательства? Опираясь на статистику, которую самъ же считаетъ недостаточной, авторъ вынужденъ признаться: „въ общемъ, это не соотвѣтствуетъ результату предыдущихъ вычисленій. Я, поэтому, не рѣшаюсь сдѣлать опредѣленные выводы о дѣйствительной моральной цѣнности разныхъ профессій на основаніи относительныхъ чиселъ принадлежащихъ къ нимъ преступниковъ"[3]).

Результатъ, слѣдовательно, ничтожный; ту же неудачу испыталъ Кутань, хотя онъ провелъ нѣсколько лѣтъ за изслѣдованіемъ этого крайне сложнаго вопроса[4]).

Не больше значенія имѣетъ даваемый авторомъ очеркъ специфической для различныхъ профессій преступности:[5])

а) Преступность чрезвычайно развита въ сельскомъ классѣ, говоритъ авторъ; если, однако, принять въ вниманіе отношеніе земледѣльческаго класса ко всему населенію, она окажется значительно ниже. Это наблюденіе надъ абсолютнымъ числомъ преступленій не имѣетъ никакой цѣны и значенія. Только относительныя числа могутъ насъ чему-нибудь научить[4]). Что сельская преступность носитъ низменный и грубый характеръ—это извѣстно всему міру. Но, во всякомъ случаѣ, не простая ссылка на „Жерминаль" можетъ установить этотъ фактъ научно. Однако такова, повидимому, мысль Корра. Искусство, конечно, должно провѣряться свѣтомъ науки; обратное же отношеніе лишено всякаго основанія. Въ дѣйствительности, статистическія изысканія должны показать, воспроизводитъ ли „Жерминаль" правду. Общепризнано вѣдь, что „Жерминаль" далеко не даетъ точнаго изображенія средняго французскаго рабочаго. Золя направился по руслу натурализма, сохраняя свои симпатіи къ крайностямъ; онъ отворачивался отъ среднихъ величинъ, составляющихъ цѣль научнаго изслѣдованія.

---

[1]) Можно бы было думать, что авторъ этихъ и другихъ разсужденій (см. о необходимости пенсій рабочимъ стр. 437) соціалистъ. Но это не такъ. Содержаніе желающихъ работать, но неспособныхъ къ труду, или сдѣлавшихся неспособными къ труду, частичныя ограниченія права собственности и наслѣдованія—все это идеи, распространяемыя новой экономической школой катедеръ-соціалистовъ, вовсе не соціалистической. Корръ самъ высказывается въ этомъ смыслѣ на стр. 439.

[2]) У. с. стр. 491 слл.

[3]) См. Actes du II Gongrès и т. д. стр. 207. „Вліяніе профессій на преступленіе всѣми допускается; но, кажется, что до сихъ поръ въ криминологической наукѣ оно остается больше какъ аксіома, основанная на вѣроятности, чѣмъ какъ истина, вытекающая изъ положительныхъ данныхъ".

[4]) У. с. стр. 504 слл.

[5]) Корръ подобное же замѣчаніе дѣлаетъ и насчетъ либеральныхъ профессій. У. с. стр. 523.

ЦАБ "Автограф"

б) Преступность въ промышленности, ремеслахъ и искусствахъ отчетливо указываетъ на вмѣшательство соціологическихъ факторовъ. Она обнаруживаетъ меньше грубости и больше хитрости, чѣмъ сельская преступность.

в) Высшій коэффиціентъ преступности даетъ прислуга.

г) Коммерческія профессіи занимаютъ довольно видное мѣсто.

д) Степень преступности свободныхъ профессій спорна. Остальные выводы, добытые авторомъ, сомнительны.

Корръ даетъ очеркъ главныхъ соціальныхъ условій, способствующихъ преступленію, въ главѣ, гдѣ онъ резюмируетъ свои мнѣнія о важности соціологическаго фактора [1]). Эти условія: злоупотребленіе свободой, недостаточность или дурное направленіе воспитанія, называемаго авторомъ отрицательнымъ, и постоянная противоположность избытка богатства и крайней нужды. Избытокъ благосостоянія имѣетъ не столь прямыя и непосредственныя послѣдствія для будущаго расы, какъ крайняя бѣдность, но все таки весьма тяжкія. Богатство ослабляетъ характеръ, приводя, иногда къ явнымъ или къ скрытымъ преступленіямъ (чаще къ простушкамъ), вызваннымъ затрудненіями отъ относительныхъ лишеній. Бѣдность дѣйствуетъ немедленно, вызываетъ протесты возстанія, или, въ виду, безнадежности положенія, побуждаетъ людей къ невоздержанности и разврату. Опасными классами являются наиболѣе нуждающіеся. Однако, нужда не всегда приводитъ къ преступленію; лишь при извѣстныхъ условіяхъ она становится его причиной. Незаслуженная нужда переносится обыкновенно стоически, и, если оказывается дурной совѣтчицей, ведетъ скорѣе къ самоубійству, чѣмъ къ преступленію. Преступленіе развивается по необходимости среди крайней нищеты нашихъ столицъ, въ особенности въ Лондонѣ. На этой ступени вліяніе нужды усиливается особыми мотивами, придающими преступленію антиальтруистическій отпечатокъ. Преступность, на самомъ дѣлѣ, концентрируется въ средѣ, гдѣ нужда вызвана, поддерживается и усиливается невоздержаностью и развратомъ, гдѣ первоначально честная бѣдность предается порочнымъ привычкамъ.

Вотъ соображенія, чрезвычайно соблазнительныя на первый взлядъ, но авторомъ совершенно недоказанныя. Утвержденіе, что лишь заслуженная бѣдность приводитъ къ преступленію, особенно поддерживается Жоли [2]). Нѣсколько вѣскихъ фактовъ, кажется, говорятъ за это мнѣніе; однако, между вполнѣ заслуженной и совершенно незаслуженной нищетой находится рядъ промежуточныхъ состояній, куда и нужно, безъ сомнѣнія, зачислить большинство бѣдняковъ. Такимъ образомъ, эти соображенія Корра нисколько не подвигаютъ вопроса. Мы еще вернемся къ нимъ по поводу взгляда Жоли. Въ концѣ концовъ Корръ приписываетъ соціальнымъ факторамъ большую роль въ генезисѣ преступленія. Онъ старается раскрыть тѣсную связь между преступленіемъ и нѣкоторыми экономическими условіями, въ томъ числѣ, главнымъ образомъ, богатствомъ и нуждой. Корръ, поэтому, вмѣстѣ съ Тардомъ, Ломброзо и многими другими, поддерживаетъ мысль, что сама по себѣ степень богатства не является мѣриломъ нравственности, но что избытокъ его представляетъ значительную опасность.

---

[1]) У. с. стр. 555 слл.
[2]) Жоли „La France criminelle“ стр. 346.

Приверженцы школы въ Испаніи.

Французская школа встрѣтила дружелюбный пріемъ, главнымъ образомъ, въ Испаніи.

Теорія соціальной среды, среди своихъ приверженцевъ въ Испаніи, считаетъ Жиль Местра, опубликовавшаго обширный очеркъ по нашему вопросу въ Rivista general de legislacion y jurisprudencia LXXXVII №№ 10 и сл. Этотъ очеркъ появился отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: „El socialismo y el anarquismo en sus relaciones con la criminalidad y las causas economico-sociales de la misma“ [1]).

Давъ краткій очеркъ (какъ увидимъ ниже, невѣрный) различныхъ криминологическихъ школъ, авторъ объявляетъ самого себя свободнымъ отъ предразсудковъ школы [2]). Несмотря на это, мы тутъ же находимъ у него идеи соціологической теоріи. Преступникъ, говоритъ авторъ, можетъ разсматриваться, какъ жертва своей среды. Плохое или недостаточное воспитаніе, неполное образованіе, утрата равновѣсія между образованіемъ и нравственнымъ воспитаніемъ вслѣдствіе совѣтовъ и примѣровъ, забвеніе религіозныхъ истинъ, полная нищета, а еще болѣе относительная нужда, постоянное ухудшеніе ужасныхъ условій борьбы за существованіе, несоразмѣрность капитала и труда, неопредѣленность будущаго, терзающая пролетарія, все это и многое другое—создаетъ преступника [3]).

Очеркъ, экономическо-соціальныхъ причинъ преступности, сдѣланный Жиль Местромъ опирается на довольно любопытныя изслѣдованія. Глубоко убѣжденный въ важной роли экономическаго фактора въ этіологіи преступленія, но приписывая ему, однако, исключительнаго значенія, авторъ, главнымъ образомъ, старается освѣтить хорошенько свои положенія и подкрѣпить ихъ новыми доказательствами. Большая часть работы посвящена изложенію мнѣній криминалистовъ и другихъ авторовъ, которыя Местръ приводитъ при всякомъ удобномъ случаѣ. У такого метода есть преимущество: онъ охватываетъ значительную часть библіографіи предмета; къ сожалѣнію, критика отсутствуетъ совершенно, такъ что цитаты не имѣютъ почти никакого значенія.

Въ собственныхъ изслѣдованіяхъ Жиль Местръ слѣдуетъ двоякому пути. Во-первыхъ, онъ *использовалъ* нѣсколько *отрывковъ уголовной* статистики Испаніи за послѣдніе полвѣка. По даннымъ, заимствованнымъ у Ф. Гаррило (La espana moderna), въ 1860 году было совершено 36.225 преступленій и проступковъ, по слѣдующимъ мотивамъ [4]):

любовь—49; ревность—83; нечестность—357; пьянство—591; тщеславіе—5008; нужда—2146; жадность—11015; дурное воспитаніе—840; ненависть и месть—843; семейные раздоры—127; вражда—101.

Авторъ заключаетъ, что преобладаютъ мотивы, указывающіе на вліяніе экономическо-соціальнаго фактора.

Той же статистикой пользуется авторъ, чтобы показать, что чаще всего совершаются преступленія, въ генезисѣ которыхъ играетъ роль матеріальный элементъ.

---

[1]) См. стр 334.
[2]) У. с. стр. 25.
[3]) У. с. стр. 26.
[4]) У. с. стр. 33

Такъ, судились за: [1])

	Въ 1858 г.	Въ 1860 г.
Преступленія противъ личности	3.966	9.628
Преступленія противъ собственности	11.535	21.142
Преступленія противъ нравственности	237	532
Подлоги	616	804
Бродяжество	236	500

	1857 г.	1858 г.	1859 г.	1860 г.	1861 г.
Число осужденныхъ крестьянъ было	9.741	9.758	10.840	10.496	10.592
Число осужденныхъ рабочихъ было	7.251	7.485	7.374	7.687	—

Въ 1861 г. за преступленія, совершенныя подъ вліяніемъ нужды, судились въ Мадридѣ, въ ассизномъ судѣ,—643; въ Гренадѣ—476; въ Севильи — 407; въ Альбацетѣ — 540; въ Валенсіи — 235; въ Барселонѣ—223; въ Вальядолидѣ—359; въ Сарагоссѣ—465; въ Бургосѣ—276; въ Кацерѣ—203; въ Памплунѣ — 160; въ Овидео — 69; на Канарскихъ островахъ—67; на Балеарскихъ—22. Всего 4.145.

Для позднѣйшаго времени авторъ выбираетъ 1889 годъ, когда было осуждено 25.635 преступниковъ, изъ которыхъ:

609 собственниковъ; 5.903 крестьянъ; 861—занятыхъ въ индустріи; 369 — коммерсантовъ; 41 — клеркъ; 750—гражданскихъ чиновниковъ; 102—военныхъ; 284—представителя либеральныхъ профессій; 1.453—неопредѣленныхъ профессій; 3.910—ремесленниковъ; 18.002—рабочихъ; 279—домашней прислуги.

Такимъ образомъ, преступность трудящихся классовъ достигаетъ цыфры 29.547 (а не 29.946, какъ указываетъ авторъ), а преступность зажиточныхъ классовъ—2.914 (а не 2.153, какъ указываетъ авторъ). Эти числа, по мнѣнію Местра, достаточно краснорѣчивы и уничтожаютъ всякія сомнѣнія относительно вліянія экономическихъ факторовъ.

Въ дѣйствительности, авторъ мало что доказалъ предыдущими разсужденіями. Прежде всего, бросается въ глаза, что матеріалы, которыми пользуется авторъ, крайне ограничены. Статистическія данныя за нѣсколько лѣтъ не могутъ дать неоспоримыхъ выводовъ. Изслѣдованія мотивовъ преступленій не даютъ возможности сдѣлать достовѣрные выводы. Эти изслѣдованія, уже сами по себѣ произвольныя, дѣлаются еще болѣе подозрительными, когда не указаны источники. Основной доводъ Местра сводится къ высокой цифрѣ осужденныхъ бѣдныхъ. Но этотъ аргументъ теряетъ свою доказательную силу, разъ авторъ ограничивается абсолютными числами. Надо было, вѣдь, доказать, что отношеніе нуждающихся преступниковъ къ общему числу преступниковъ выше такового же отношенія ихъ къ общей массѣ населенія.

Въ остальной части труда—большей по своимъ размѣрамъ—Местръ слѣдуетъ другому, оригинальному методу: онъ приводитъ и разбираетъ многочисленные факты изъ исторіи Испаніи, факты, которые, по его мнѣнію, показываютъ вліяніе экономическихъ факторовъ

[1]) Y. c. стр. 34.

на преступность. Такъ, полагаетъ онъ, вредно отразились на общемъ благополучіи и нравственности введеніе нѣкоторыхъ уставовъ и экономическія ошибки [1]). Въ главахъ VI и VII [2]) (Le miseria y la criminalidad), равно какъ въ VIII и IX (La probeza, il proletariado y el pauperismo en sus relaciones con la criminalidad) онъ примѣняетъ тотъ же методъ, при чемъ приводитъ разныя цитаты безъ критики. Ему удается показать, что ошибочная экономическая политика причинила много вреда благосостоянію края. Но его методъ безсиленъ не только доказать вліяніе экономическихъ факторовъ на преступленія, но даже хотя бы освѣтить это вліяніе: источники, могущіе познакомить насъ съ преступностью былыхъ вѣковъ, совершенно отсутствуютъ. Можетъ быть, исторія этихъ вѣковъ и содержитъ драгоцѣнные матеріалы, могущіе подтвердить и освѣтить факты, которые мы изучаемъ теперь при помощи статистики. Однако, въ виду современнаго состоянія историческихъ знаній, въ виду непреодолимыхъ препятствій, стоящихъ на пути изслѣдованія нравственности и общественной жизни тѣ годы, когда не было статистики, въ виду того, что новѣйшія концепціи исторіи съ точки зрѣнія экономической и соціальной не носятъ еще рѣшающаго характера,—въ виду всего этого мы можемъ сказать, что позитивная и достовѣрная криминологическая наука не можетъ видѣть надежнаго для себя источника въ исторіи прошлыхъ вѣковъ. И трудъ Местра, ни въ общемъ, ни въ частяхъ не отвѣчаетъ своему заглавію. Его работа—не криминологическая, а скорѣе опытъ экономической исторіи, не лишенный, однако, достоинствъ.

Другой испанскій сторонникъ теоріи соціальной среды — д'Агуанно. Въ „La evolucion del derecho civil" онъ подчеркиваетъ вліяніе экономическихъ факторовъ на преступленія, не углубляясь, впрочемъ, въ вопросъ. Онъ говоритъ: „тѣ, которые не сумѣли приспособиться къ нуждамъ и лишеніямъ жизни, таятъ въ себѣ ненависть къ человѣчеству, въ особенности же къ зажиточнымъ классамъ. Наибольшее число преступленій совершаются людьми, принадлежащими къ нуждающимся классамъ, потому что, конечно, имъ терять нечего, а выиграть они могутъ много. Собственникъ, наоборотъ, избѣгаетъ преступленія изъ боязни, что у него отнимутъ его имущество".

Въ Италіи эти идеи восприняты „третьей Школой", помѣстившей объясненіе преступленія соціальными условіями во главу своей программы. Мы о ней поговоримъ въ слѣдующей главѣ. Во всей Европѣ основаніе французской школы послужило толчкомъ для развитія эклектическаго направленія, которое вскорѣ овладѣло большинствомъ криминалистовъ въ Германіи, въ Бельгіи, въ Россіи и другихъ странахъ. Оно оказало даже вліяніе на доктрины вождей итальянской школы. Эволюцію этихъ идей мы изложимъ въ 6 главѣ.

Мѣстами въ литературѣ соціальной теоріи встрѣчаются краткія указанія на роль экономическихъ факторовъ. Такъ, напр., д-ръ Миновичъ, изъ Болгаріи, назвалъ себя на женевскомъ конгрессѣ сторонникомъ соціологической школы и указывалъ на вліяніе нужды [3]). Но онъ только утверждаетъ, а не доказываетъ. Поэтому мы и приводимъ его лишь для памяти.

---

[1]) У. с. стр. 53 слл.
[2]) У. с. стр. 89 слл.
[3]) Actes du IV Congrès 247 слл.

ЦАБ "Автограф"

ГЛАВА III.

„Третья Школа".

Около двѣнадцати лѣтъ тому назадъ третья школа не безъ шума отдѣлилась отъ школы Ломброзо. Основной ея принципъ, какъ его излагаютъ основатели, Алимена [1]), Гоклеръ [2]), Ваккаро [3]) и Карневале [4]), заключается въ слѣдующемъ: слѣдуетъ ограничить значеніе физіологическихъ факторовъ въ этіологіи преступленій и выдвинуть впередъ соціальныя вліянія. Правда, Розенфельдъ [5]), опираясь въ своей работѣ о третьей школѣ на утвержденія Алимены и Карневале, указываетъ нѣсколько другихъ чертъ, свойственныхъ этой школѣ. Но ни одна изъ этихъ чертъ не носитъ специфическаго характера. Онѣ общи у третьей школы съ всей вообще позитивной школой; исключеніе составляетъ, можетъ быть, лишь провозглашеніе независимости уголовнаго права, какъ особой науки. Впрочемъ, эта независимость никогда и не отрицалась, хотя одно время и подвергалась опасности.

Когда на Брюссельскомъ конгрессѣ проф. Гоклеръ представилъ третью школу криминологическому міру и потребовалъ ея оффиціальнаго признанія, наиболѣе извѣстные изъ присутствовавшихъ на конрессѣ криминалистовъ дружно протестовали. Листъ [6]), Тардъ [7]), Принсъ [8]), ванъ-Гамель [9]) и Бенедиктъ [10]) возражали противъ заявленія Гоклера. Они нападали главнымъ образомъ на совершенно независимое и особое положеніе, которое, казалось, хотѣла занять новая школа. Есть, говорили они, только двѣ школы: старая метафизическая и новая позитивная; нѣтъ никакихъ основательныхъ поводовъ создавать третью. Это, на самомъ дѣлѣ, означало бы разладъ въ лагерѣ позитивистовъ, тогда какъ въ дѣйствительности ихъ усилія устремлены къ одной цѣли.

Какъ бы ни было вѣрно это соображеніе, оно, однако, какъ мы и указывали во введеніи, нисколько не помѣшало тому, чтобы внутри позитивной школы оказалось основное различіе во мнѣніяхъ, такъ что можно говорить о различныхъ тенденціяхъ и оттѣнкахъ. Однако, на вопросъ, представляетъ-ли третья школа новое и самостоятельное направленіе, слѣдуетъ отвѣтить категорически отрицательно. Такъ называемая новая школа не имѣетъ ни малѣйшихъ правъ на самостоятельное существованіе или наименованіе. Вожди школы, съ самого ея основанія, выставили своимъ лозунгомъ реакцію противъ преувеличеннаго антропологическаго объясненія преступности и необходимость подчеркнуть вліяніе соціальнаго фактора. Но, вѣдь, это тотъ же принципъ, котораго издавна держалась французская школа, который на римскомъ

---

[1]) Alimena: I limiti e i modificatori dell'imputabilita Torino 1894

[2]) Gauckler: De l'importance respective des elements sociaux et des éléments anthropologiques ets. Actes du III Congrès etc стр. 68 слл.

[3]) A. Vaccaro: Genesi e funzione della lege penale, Roma 18[9].

[4]) E. Carnevale: Una terza scuola di diritto penale in Italia. Riviste di discipline carcerarie 21, Rome, 1891.

[5]) E. Rosenfeld: Die Dritte Schule. Mitteil. der intern. Krim. Ver. m. IV, 1894 г. p. 8 и 9.

[6]) Actes du III Congrès и т. д., стр. 332 слл. въ ос. 334.

[7]) У. с. стр. 335 слл.

[8]) У. с. стр. 338.

[9]) У. с. стр. 339 слл.

[10]) У. с. стр. 341 слл.

конгрессѣ нашелъ энергичнаго защитника въ лицѣ Лакассаня, тогда какъ въ Италіи не нашлось никого, кто рѣшился бы возражать Ломброзо. А, вѣдь, Алимена присутствовалъ на первомъ конгрессѣ [1]). Поэтому то мы разсматриваемъ третью школу какъ итальянскій варіантъ французской соціологической школы. Она ни въ чемъ существенномъ не отличается отъ Ліонской школы. Претензія представить новое мнѣніе десять лѣтъ спустя послѣ обоснованія его, конечно, нѣсколько наивна. „Приверженцами этой школы",—говоритъ проф. Бенедиктъ (т. е. третьей школы). — „являются, сами того не подозрѣвая, нѣкоторые французскіе ученые, рѣшительные противники второй итальянской школы" [2]). Въ дѣйствительности, произошло обратное. Школа уже существовала во Франціи и дѣятельность третьей школы заключалась лишь въ подражаніи французской школѣ въ Италіи [3]). Тардъ тонко далъ понять это, когда обратилъ вниманіе на счастливое явленіе, что „во Франціи, какъ и въ Германіи, и въ Италіи, естественное развитіе нашей науки привело къ одинаковымъ взглядамъ" [4]). Онъ могъ бы добавить, что эволюція эта не началась одновременно въ этихъ трехъ странахъ, но что родиной ея является Франція. Лакассань, конечно, намекалъ на это первенство французской школы, когда говорилъ объ одномъ изъ вождей „третьей школы"—Алимена, въ особенности, кажется, примыкаетъ къ французской школѣ [5]).

Границы между школами проведены неотчетливо. Такъ, Розенфельдъ считаетъ сторонниками третьей школы всѣхъ итальянскихъ криминалистовъ, которые указываютъ на важность соціальныхъ факторовъ въ этіологіи преступности, и, между ними, соціалистовъ, сводящихъ соціальныя вліянія исключительно къ экономическимъ. Неудивительно, поэтому, что авторъ открываетъ въ этой школѣ склонность къ радикальному соціализму [6]). Бенедиктъ даже видитъ въ этой школѣ „лишь однихъ марксистовъ", исключая французовъ [7]). Но это утвержденіе опровергается литературой „третьей школы". Ни въ какомъ случаѣ нельзя утверждать, что итальянскіе соціалисты—Колаянни, Турати, Баталья—представители третьей школы. Такого притязанія нѣтъ и у самихъ этихъ авторовъ. Между принципами соціалистическаго теченія и третьей школы существуетъ коренное различіе. Первое идетъ гораздо дальше въ своемъ истолкованіи природы преступленія. Потому-то мы и поговоримъ о немъ въ слѣдующей главѣ, подъ названіемъ соціалистической школы.

Естественно, что новая школа не встрѣтила дружественнаго пріема въ Италіи. Основное положеніе ея противниковъ остается тѣмъ же: есть только двѣ школы и нѣтъ мѣста для третьей. Замѣчательно, что лица, такъ протестовавшія противъ третьей школы, вовсе не пользова-

---

[1]) Идеи Лакассаня были поддержаны лишь Анджіулли и Цукарелли. Си. Actes du I Congrès и. т. д. стр. 167 и 168.

[2]) Actes du III Congrès стр. 342.

[3]) Ту же ошибку встрѣчаемъ въ замѣткѣ, прибавленной издателями „Zeitschrift f. d. g. Straf." 1895. стр. 357, къ статьѣ Вильгельма: „Въ иностранной литературѣ" (не нѣмецкой) Тардъ обыкновенно изображается какъ одинъ изъ вождей такъ наз. „третьей школы". Здѣсь также сливаютъ третью школу и французскую, къ ущербу для послѣдней. Мы пользуемся случаемъ, чтобы спросить у издателей „Z. f. d. g. S.", гдѣ въ иностранной литературѣ они нашли утвержденіе, что Тардъ является основателемъ „третьей школы"?

[4]) Actes du III Congrès стр. 338.

[5]) Archive d'anthropologie criminelle 1889, стр. 518.

[6]) У. с. стр. 14.

[7]) Actes du III Congrès. Стр. 342 и 343.

лись въ полемикѣ основнымъ доводомъ, только что ими изложеннымъ: тождествомъ новой системы и ученіемъ французской школы.

Статья Карневале Una terza scuola di diritto penale, которую можно разсматривать какъ манифестъ новой группы, встрѣтила возраженія со стороны Пулья, отрицательно отвѣтившаго на вопросъ: можетъ ли быть третья школа уголовнаго права? [1]). Почти въ то же время Ферри [2]) объявилъ несущественнымъ отпаденіе третьей школы и привѣтствовалъ ее какъ союзника въ позитивномъ лагерѣ. Третья же школа настаивала на своей независимости, единственно, какъ кажется, изъ желанія образовать, несмотря ни на что, особую школу. Карневале, напр., въ статьѣ „La nuova tendenze nelle discipline criminale“ [3]) отказался категорически отъ союза, предложеннаго Ферри.

Основное сочиненіе Карневале „Critica penale“ (Липари, 1889 г.) еще не содержитъ новыхъ идей, если судить по изложенію ея въ „Rivista internazionale di scienze giuridiche“ [4]).

„Critica penale“ является обыкновенной работой позитивнаго направленія. Авторъ набросалъ программу новой школы, названной имъ „критическимъ позитивизмомъ“ въ указанной выше статьѣ „Una terza scuola di diritto penale“ [5]).

Вотъ эта программа: 1) „Уголовное право должно быть сохранено какъ особая наука. 2) Преступленіе, хотя и обусловленное обстоятельствами разнаго рода, не является неизбѣжнымъ; критическій позитивизмъ различаетъ опредѣляющія причины и причины предрасполагающія; первыя преобладаютъ и носятъ соціальный характеръ. 3) Соціальныя реформы должны вліять благопріятно“.

Приписывать Карневале, какъ Готье, „большую заслугу въ подчеркиваніи соціальныхъ причинъ преступности“ [6]) значитъ, на нашъ взглядъ, быть несправедливымъ къ французской школѣ.

Литература третьей школы, въ особенности относительно экономическихъ причинъ преступности, сравнительно еще не велика.

Проф. Алимена въ весьма оригинальномъ докладѣ на Брюссельскомъ конгрессѣ разсматривалъ связь между преступностью и гражданскимъ оборотомъ [7]) во Франціи и Италіи. Онъ устанавливаетъ, что число преступленій находится въ прямомъ отношеніи къ числу гражданскихъ и коммерческихъ сдѣлокъ, возрастая отъ сѣвера къ югу, и въ обратномъ отношеніи къ цѣнностямъ, пущеннымъ въ оборотъ. Авторъ заключаетъ отсюда, что населеніе, въ связи со степенью своей нужды, болѣе или менѣе охватывается духомъ раздора, приводящимъ столь же часто къ преступленію, какъ и къ гражданскимъ процессамъ. Отсюда ясно, что экономическій факторъ одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ въ этіологіи преступленія. Разсужденіе это не вполнѣ убѣдительно, но изъ него все-таки видна роль, которую играютъ экономическія явленія въ генезисѣ преступленія. Кромѣ того, докладъ этотъ весьма своеобразенъ.

---

[1]) Antologia giuridica V, вып 6 (1891).
[2]) Scuola positiva, 31 августа 1891 г.
[3]) Antologia giuridica V, вып. 8. Карневале посвятилъ еще нѣсколько статей въ защиту права своей школы на самостоятельность. Въ особенности: „Delusione e speranza della scienza criminale“ въ Circolo giuridico. 1892. „Una dottrina sociologica del diritto“, Rivista di giurespreid, XIV.
[4]) 1892, т. I, стр. 164 сл.
[5]) Rivista di discipline carcerarie XXI, 7, 1891.
[6]) Revue pénale suisse, 1892, стр. 64.
[7]) Actès du III Congrès etc. стр. 427 сл.

Говоря въ своей книгѣ „I limiti e modificatori dell imputabilita“ [1]) о причинахъ преступленія, Алимена утверждаетъ, что нельзя понимать соціальныя вліянія—признаваемыя имъ, естественно, за наиболѣе важныя—какъ исключительно политическія или экономическія. Онъ, такимъ образомъ, положительно отвергаетъ тезисъ соціалистовъ. Къ сожалѣнію, доводъ, приводимый имъ,—а именно, что, согласно утвержденію Жоли, быстрое обогащеніе въ департаментѣ Herault причинило столько же преступленій, какъ въ другихъ мѣстахъ крайняя нужда,—весьма слабъ.

Сторонникомъ третьей школы обыкновенно считаютъ и автора знаменитой брошюры: Del sentimento nella scienza del diritto penale (Udine 1882). Полетти изображаетъ [2]) въ ней необходимую связь между развитіемъ соціальной дѣятельности (понимая подъ ней прежде всего экономическую дѣятельность) и преступностью. Чтобы получить право говорить о дѣйствительномъ возрастаніи преступности, надо, чтобы она возросла въ большей степени, чѣмъ нормальная общественная дѣятельность (торговля, промышленность, дѣла всякаго рода). Если этого нѣтъ, то, несмотря на увеличеніе абсолютной цифры преступности, послѣдняя не прогрессируетъ.

Гарофало [3]) замѣчаетъ, что эта мысль не нова, что ее поддерживалъ въ началѣ XIX вѣка Ш. Люка. Мы вернемся къ этому вопросу, когда будемъ говорить объ этомъ авторѣ. Мы, въ свою очередь, также нашли эту теорію у Иверна, въ Bibliotèque universelle de Genève [4]).

Отправляясь отъ указанной мысли, Полетти изслѣдуетъ ростъ преступности во Франціи въ періодъ времени съ 1826 до 1878 гг. въ ея отношеніи къ соціальной дѣятельности. Преступная дѣятельность, которая, по вычисленіямъ Ферри, возросла въ пропорціи 100 къ 254, не что иное, какъ остатокъ, получающійся послѣ вычета изъ всей дѣятельности дѣйствій дозволенныхъ, производительныхъ и охранительныхъ, нормальныхъ и правомѣрныхъ. Выразить ихъ въ числахъ—невозможно. Все-таки можно дать приблизительное понятіе о нихъ. Произведенные въ этомъ направленіи изслѣдованія показываютъ, что соціальная дѣятельность за тотъ же періодъ возросла въ три раза. Авторъ полагаетъ, что находитъ точное выраженіе этого роста въ цифрѣ налоговъ, возросшихъ въ пропорціи 100 къ 300. Онъ заключаетъ отсюда, что преступность, увеличившаяся въ меньшей пропорціи—100 : 254, не увеличилась, а уменьшилась. Къ подобному же заключе- Полетти приходитъ и относительно Италіи. Въ періодъ отъ 1863 до 1879 число преступленій увеличивается на 70%; съ другой стороны, ввозъ увеличился въ отношеніи--100 : 149, вывозъ—100 : 183, налоги увеличились съ 617 милліоновъ (1866 г.) до 1.228 мил. (1879 г.) и т. п. Здѣсь, такимъ образомъ, нѣтъ дѣйствительнаго, пропорціональнаго роста преступности. Во всемъ этомъ Полетти находитъ подтвержденіе своего закона постоянства отношенія между соціальной и антисоціальной дѣятельностью, поскольку производящія причины дѣятельности обоего рода дѣйствуютъ одинаковымъ образомъ. Постоянство этого отношенія уменьшается по мѣрѣ развитія интеллектуальныхъ способностей, экономической дѣятельности и соціальнаго совершенствованія. Тогда увеличивается способность противостоять преступленію. Рѣдко какая-

---

[1]) I, стр. 267 сл.
[2]) Стр. 79 слд.
[3]) La criminologie стр. 194 и 195.
[4]) Section de littérature 1833, т. III, стр. 19.

нибудь теорія встрѣчала столь дружный отпоръ, какъ смѣлая теорія Полетти: противъ нея энергично претестовали Тардъ, Ферри, Гарофало, Раковскій.

„Нѣтъ ничего болѣе ошибочнаго", говоритъ по поводу ея Тардъ [1]) „какъ съ фактической, такъ и съ правовой стороны. Съ фактической стороны невѣрно, что дѣла и встрѣчи, по поводу коихъ совершаются злоупотребленія довѣріемъ, (число ихъ возросло въ 6 разъ) или преступленія противъ нравственности (возрастія въ 7 разъ), возрасли соотвѣтственно. Съ юридической стороны, мнѣ кажется, въ отношеніи къ преступности въ ея цѣломъ авторъ допускаетъ смѣшеніе понятій. По сравненію съ одинаковымъ числомъ дѣлъ, число преступленій не увеличилось; я допускаю даже, что оно уменьшилось; но насъ въ высшей степени интересуетъ не абстракція или метафора, а вопросъ: когда было больше риска быть ограбленнымъ, обманутымъ французомъ: теперь или 50 лѣтъ тому назадъ? Развѣ то, что извѣстный классъ гражданъ, какъ бы онъ ни былъ дѣятеленъ, поставляетъ теперь тройной, шестерной контингентъ преступниковъ, — развѣ это не является неоспоримымъ зломъ? Не зло ли также удвоеніе банкротствъ за 40 лѣтъ, хотя бы коммерческая дѣятельность болѣе, чѣмъ удвоилась? Вопреки произвольному началу, выставленному Полетти, это зло было, въ концѣ-концовъ, не столь неизбѣжно. Вѣдь уменьшилось же меньшее зло— торговые процессы съ 1861 года, несмотря на увеличившееся число дѣлъ. Прибавимъ, что, напротивъ, уменьшеніе торговыхъ оборотовъ, во время кризиса 1882 года, повлекло увеличеніе за тотъ же годъ числа торговыхъ процессовъ съ 232851 (въ 1881 г.) до 252064. Кромѣ того, всегда, когда затихаютъ торговыя дѣла, увеличивается число банкротствъ. Эти послѣднія возрасли съ 1878 г. по 1883 годъ въ 6 разъ. Что же касается до гражданскихъ процессовъ, они удивительнымъ образомъ держатся на одномъ уровнѣ, несмотря на запутанность интересовъ, умноженіе контрактовъ и сдѣлокъ, раздробленіе собственности. Однако, что же, a priori, можетъ быть болѣе пріемлемаго, чѣмъ взглядъ на ростъ торговыхъ и гражданскихъ процессовъ, какъ на признакъ, постоянный и необходимый, торговаго и гражданскаго благоденствія и дѣятельности? Мысль Полетти, по его мнѣнію, имѣетъ и еще одно значеніе: производительные акты компенсируютъ акты разрушительные, преступленія и проступки. Но это—явная ошибка. Нейтрализовать что-нибудь можно лишь его противоположностью, а развѣ противоположностью воровства, напримѣръ, является какая-нибудь сдѣлка, купля или продажа? Нѣтъ, такой противоположностью является дареніе, которое весьма рѣдко. Преступное дѣяніе рѣдко является разрушительнымъ актомъ, противоположнымъ соотвѣтствующему производительному акту. Возьмемъ, напр., поджогъ. И вотъ, спрошу я, такъ ли прогрессируетъ строительная дѣятельность, какъ прогрессируютъ поджоги съ момента начала дѣятельности страховыхъ обществъ".

Въ другомъ мѣстѣ Тардъ характеризуетъ, съ присущей ему глубиной и точностью, неправильность теоріи Полетти въ такихъ выраженіяхъ: „Тутъ двѣ ошибки: первая заключается въ томъ, что авторъ разсматриваетъ зло, случайно, временно и косвеннымъ образомъ связанное съ развитіемъ промышленности, какъ постоянно и неизбѣжно ей присущее. Вторая,—что авторъ ослѣпляетъ себя самаго, утверждая, что это зло является добромъ" [2]).

---

[1]) Критика Тарда по поводу работы Полетти помѣщена въ Revue philosophique январь 1883. Она перепечатана въ Criminalité comparée стр. 74 слд.

[2]) La philosophie pénale, стр. 375

Не менѣе категорически отвергаетъ теорію Полетти Ферри. „Она", говоритъ онъ, „неправильна уже потому, что математическое выраженіе какъ преступной и антисоціальной дѣятельности, такъ и нормальной, правовой и экономической, невозможно; а, во-вторыхъ, потому, что, какъ слѣдствіе предыдущаго, практическіе выводы теоріи преувеличены и произвольны" [1].

Гарофало [2], въ другихъ выраженіяхъ, приводитъ тѣ же возраженія и прибавляетъ еще нѣсколько второстепенныхъ замѣчаній.

Раковскій [3] ограничивается критикой значенія связи, отыскиваемой Полетти между преступностью и экономической дѣятельностью, не считаясь съ другими формами дѣятельности.

Проф. Брессо, въ очень, впрочемъ, благосклонной критикѣ [4], отказывается признать необходимую и роковую связь между обоими родами дѣятельности и, поэтому, отвергаетъ теорію Полетти.

Мы можемъ прибавить къ этимъ возраженіямъ еще одно, касающееся экономической ошибки Полетти. Неправильна самая мысль его о сравниваемыхъ предметахъ. Преступная дѣятельность, понимаемая какъ разрушительный актъ, вовсе не противостоитъ нормальной дѣятельности, какъ производительной и охранительной. Вѣдь преступное дѣяніе не всегда и не вездѣ является разрушительнымъ, какъ не всегда производительна и охранительна непреступная дѣятельность. Преступное дѣйствіе можетъ оказаться производительнымъ, а дозволенныя дѣйствія часто безплодны и даже вредны.

Выводъ слѣдующій: ошибка Полетти проистекаетъ изъ того, что онъ принялъ случайное явленіе, никѣмъ, какъ таковое, не отрицаемое, за нѣчто естественное, присущее самой природѣ экономической дѣятельности. Причина ошибки коренится въ абстрактномъ и мало позитивномъ методѣ, которымъ пользуется этотъ „позитивистъ" [5].

ГЛАВА IV.

Соціалисты.

Экономическій факторъ, еще до Маркса, стремился занять совершенно особое и преимущественное положеніе въ системѣ соціальныхъ факторовъ. Это преимущественное положеніе онъ сохранилъ въ теоріяхъ соціалистовъ, отбросившихъ въ настоящее время матеріалистическое пониманіе исторіи, какъ его формулировалъ Марксъ. Признаніе такой роли экономическихъ факторовъ лежитъ въ основѣ у иныхъ въ большей, у другихъ въ меньшей степени того криминологическаго направленія, которое мы назвали соціалистическимъ. Оно является результатомъ сочетанія теоріи среды и соціальнаго матеріализма, естественнымъ *выводомъ, сдѣланнымъ изъ теоріи среды съ экономической точки зрѣнія.*

---

[1]) La sociologie criminelle, стр 146 сл. Ферри возражаетъ также противъ этой теоріи въ Archivio di psichiatria, scienze pen. etc. т. IV, вып 2.

[2]) La Criminologie стр. 201 сдл.

[3]) De la question de l'etiologie du crine etc. 1897, стр. 81. (Montpellier).

[4]) La Statistique penale et les criminalistes Italiens. Revue générale du droit de la législation et de la jurisprudence VIII, 1884, стр. 45 слд.

[5]) Мори дѣлаетъ ему тотъ же упрекъ *по поводу* его *предыдущей брошюры* Teoria della tutela penale (Journal des savants, іюль 1879. стр. 399.

Не слѣдуетъ, однако, дѣлать заключенія, что оба направленія сливаются, и что между нпми существуетъ лишь количественная разница по роли, которую они отводятъ экономическому фактору,—разница, которую трудно было бы опредѣлить на практикѣ. На самомъ дѣлѣ, тутъ нѣчто большее. Мы увидимъ, что соціалистическая школа различается и теоретически, и телеологически отъ теоріи среды. Соціалисты, именно, считаютъ капиталистическую организацію общества за главную причину тяжкаго матеріальнаго положенія и видятъ лѣкарство въ полномъ или ограниченномъ коллективистскомъ строѣ. Сторонники же теоріи среды, напротивъ, хотя и разсматриваютъ, подобно умѣреннымъ соціалистамъ, экономическое состояніе, какъ прямую причину преступленій, не считаютъ за это отвѣтственнымъ общественный и экономическій строй общества и вовсе не видятъ въ измѣненіи послѣдняго неизбѣжное лѣкарство.

Однако, въ соціалистической литературѣ вопроса можно различить два теченія, двѣ, отчетливо различающіяся точки зрѣнія, двоякое приложеніе марксистской теоріи (принятой вполнѣ или съ ограниченіями) къ криминологіи. Одни, съ Колаяни во главѣ, ищутъ непосредственную причину всей преступности, или, по крайней мѣрѣ, большей ея части, въ неравенствѣ и необезпеченности экономическаго положенія въ современномъ обществѣ и въ длинномъ рядѣ бѣдствій, которыя эти неравенство и необезпеченность причинили. Отправляясь отъ изученія преступности, они восходятъ къ ея причинамъ и изображаютъ плачевное экономическое положеніе, какъ единственную, или, по крайней мѣрѣ, важнѣйшую причину этого соціальнаго бѣдствія. Это, болѣе или менѣе матеріалистическое пониманіе преступности, изучаемой въ самой себѣ, какъ явленіе особаго рода. Другіе, напротивъ, разсматриваютъ капиталистическій строй, какъ источникъ всѣхъ патологическихъ явленій въ современномъ обществѣ, какъ источникъ преступленія прежде всего. Преступленіе для нихъ — естественная реакція тѣхъ, кого капитализмъ лишаетъ земныхъ благъ, противъ привилегій капиталистовъ и мѣръ, принимаемыхъ послѣдними для защиты и сохраненія своихъ имуществъ. Отправная точка ихъ изслѣдованія не преступленіе, а общество. Современное матеріалистическое пониманіе общества, неминуемо должно приводить къ признанію послѣдняго причиной преступленія. Первая теорія пользуется индуктивнымъ методомъ, a posteriori, вторая, охватывая вопросъ шире, идетъ дедуктивнымъ путемъ, a priori. Однако, сторонники послѣдняго направленія, въ цѣляхъ лучшаго освѣщенія и доказательства существованія причиннаго отношенія между преступностью и строемъ общества, которое они утверждаютъ, по мотивамъ чисто соціологическимъ, а не криминологическимъ,—принуждены вдаваться въ анализъ этіологіи преступленія, производить индуктивную провѣрку. Такимъ образомъ, оба теченія—первое чисто криминологическое, и второе соціологическое по своему исходному пункту, но становящееся криминологическимъ по своему методу,—встрѣчаются на этой почвѣ.

Мы встрѣтимъ оба указанныя направленія со всѣми ихъ достоинствами и недостатками, въ литературѣ, которую намѣрены изслѣдовать въ этой главѣ. Прежде, чѣмъ приступить къ изслѣдованію современныхъ писателей-соціалистовъ, мы должны взглянуть на то, что писали по нашему вопросу предшественники криминалистической школы.

Писатели-соціалисты, предшественники криминологической школы.

Въ историческомъ введеніи II главы мы прослѣдили ходъ идей о значеніи соціальныхъ факторовъ человѣческихъ дѣйствій, идей, послѣдовательно смѣнявшихся отъ Локка до XIX вѣка. Мы пытались показать, что эта эволюція истолкованія преступности естественно должна была привести къ тому ученію о преступникѣ, порожденномъ окружающей средой, которое поддерживается французской школой. Появленіе соціалистическихъ теорій отмѣчаетъ новую фазу въ этой эволюціи и, въ то же время, уклонъ въ сторону признанія почти исключительнаго значенія экономическихъ факторовъ. Онѣ также ведутъ свое начало отъ Гельвеція, котораго легко, въ свою очередь, связать съ Локкомъ и Бэкономъ; однако, настаивая на исключительномъ значеніи экономическаго положенія и подавляющемъ вліяніи экономическихъ факторовъ, эти ученія лишь частично обнимаютъ предыдущія идеи, ограничивая и спеціализируя ихъ. Вся соціальная среда сводится къ средѣ экономической, *вся общественная дѣятельность, по этому взгляду, обусловлена матеріальными причинами.* Экономическое происхожденіе приписываютъ въ особенности преступленію, какъ одной изъ самыхъ ужасныхъ язвъ общества. Вильямъ Годвинъ первый высказалъ подобныя идеи о природѣ преступленія и о способахъ борьбы съ нимъ. Въ первой книгѣ „Enquiry concerning political justice“ (Лондонъ, 1796) онъ указываетъ три причины воровства и обмановъ: крайнюю бѣдность, упорство богатыхъ и ихъ тиранію [1]). Вотъ мысль, которую онъ развиваетъ: „постоянная, часто безплодная борьба съ ужасами нищеты необходимо должна привести въ отчаяніе многихъ бѣдняковъ... Превосходство богатыхъ, которымъ они безжалостно пользуются, неминуемо приводитъ ихъ къ репрессіямъ; и бѣднякъ начинаетъ смотрѣть на соціальный строй, какъ на войну, какъ на несправедливый порядокъ, цѣль котораго не охранить права всѣхъ и не обезпечить ихъ существованіе, а сосредоточить эти преимущества въ рукахъ нѣкоторыхъ, сохраняя для другихъ лишь нужду и зависимость. Второй источникъ разрушительныхъ страстей, нарушающихъ соціальный миръ, заключается въ роскоши и великолѣпіи, сопровождающихъ обыкновенно излишекъ богатства. Третій недостатокъ,—прибавляющій къ нуждѣ недовольство,—безпечность и злоупотребленія богачей“ [2]). Это печальное положеніе закрѣплено законами, вездѣ покровительствующими богатымъ въ ущербъ бѣднымъ, примѣненіемъ законовъ и распредѣленіемъ собственности [3]). Перечисляя въ 8 книгѣ преимущества системы соціальнаго равенства, Годвинъ настаиваетъ на уничтоженіи порока, рождающаго преступленія бѣдныхъ: „Ясно“, говоритъ онъ, „что наиважнѣйшіе поводы къ преступленію были бы навсегда уничтожены. Истинный источникъ преступленія—въ томъ, что у одного въ избыткѣ имѣется то, чего другой совершенно лишенъ. Духъ угнетенія, раболѣпства и обмана—вотъ непосредственные плоды современнаго имущественнаго строя; они одинаково враждебны и умственному, и нравственному прогрессу. Общественный строй, основанный на распредѣленіи даровъ природы поровну между всѣми, необходимо заставитъ исчезнуть эти чувства. Уничтожится узкій принципъ эгоизма... Никто не будетъ больше врагомъ своего сосѣда, ибо ни у кого не будетъ поводовъ къ раздору“ [4]).

---

[1]) У. с. стр. 15.
[2]) У. с. стр. 17—18.
[3]) У. с. стр. 21—23.
[4]) У. с. стр. 455—467.

Скорѣе практическое, чѣмъ теоретическое, значеніе имѣетъ въ исторіи нашего вопроса трудъ Р. Оуэна [1]). У него нѣтъ теоріи преступленія. Съ особой любовью онъ настаиваетъ, что характеръ человѣка, обнимающій всю его нравственную личность, образуется подъ вліяніемъ внѣшней среды. Замѣтимъ, что по его мысли внѣшняя среда зависитъ въ значительной степени отъ экономическихъ условій. Что касается преступленія въ особенности,—то мѣры, принятыя Оуэномъ въ Нью Ланаркѣ для борьбы съ этимъ зломъ, носили, прежде всего, экономическій характеръ; однако, онъ употреблялъ и моральное воздѣйствіе. Г. Макнабъ, написавшій исторію знаменитой колоніи на мѣстѣ, подчеркиваетъ въ своемъ разсказѣ этотъ двоякій характеръ дѣла Оуэна: „Онъ (Оуэнъ) вскорѣ открылъ", говоритъ Макнабъ въ своемъ „Examen impartial des nouvelles vues de M. Robert Owen" [2]), „что воровство было распространено по всей общинѣ, а укрывательство похищеннаго по всей окрестности. Чтобы помочь дѣлу, онъ не употреблялъ назначенныхъ въ законахъ каръ; никто не былъ заключенъ въ тюрьму, даже хотя бы на одинъ часъ; онъ ввелъ надзоръ и правила для предупрежденія преступленій; онъ указывалъ населенію на непосредственныя выгоды, которыя оно получило бы отъ перемѣны поведенія. Въ то же время онъ обучалъ населеніе, какъ надо исполнять работу, чтобы безопасно и безбоязненно получать больше выгоды, чѣмъ оно до сего времени получало отъ порочнаго и безчестнаго образа дѣйствій. Такимъ путемъ стало труднѣе совершать преступленія, стало легче открывать ихъ, начала усиливаться привычка къ честному труду. Обитатели Нью Ланарка почувствовали, наконецъ, чистую радость честнаго поведенія... Обманы потерпѣли ту же участь". Герценъ, говоря о дѣлѣ Оуэна въ IX главѣ своей „Physiologie de la volontè, какъ объ историческомъ примѣрѣ, описываетъ его борьбу съ воровствомъ, какъ борьбу экономическими средствами [3]): „Оуэнъ считалъ воровъ созданными обстоятельствами. По его мнѣнію, ихъ преступленія зависѣли отъ дурныхъ вліяній и искушеній, которымъ они подвергались. Поэтому, онъ съ крайнимъ стараніемъ принялъ всѣ возможныя превентивныя мѣры. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы честный трудъ былъ прибыльнѣе воровства; предметы первой жизненной необходимости, пищевые продукты и одежда, продававшіеся до того въ Нью Ланаркѣ, были отвратительнаго качества и стоили очень дорого. Оуэнъ заставилъ все закупать при лучшихъ условіяхъ и продавать по покупной цѣнѣ, безъ всякой прибыли. Населеніе получило хорошіе товары со скидкой въ 25%. Воровство быстро стало исчезать, и исчезло совершенно".

Болѣе систематичное изложеніе мы встрѣчаемъ у одного изъ учениковъ Оуена, Вильяма Томсона, автора „Inquiry into the principles of the distribution of wealth", (London 1824). Описавъ вліяніе обезпеченности, которой онъ приписываетъ капитальную важность, на формы правленія и на устойчивое теченіе общественной жизни онъ ставитъ вопросъ: „каково дѣйствіе обезпеченности на уголовное право и правосудіе?" И отвѣчаетъ [4]): „Вмѣстѣ съ крайнимъ богатствомъ и крайней бѣдностью исчезнутъ всѣ искушенія, всѣ мотивы, которые теперь ведутъ къ преступленію. Всѣ преступленія проистекаютъ отъ несчастнаго положенія бѣдняковъ, отъ ихъ нужды, зависти и него-

---

[1]) Эта идея выражена въ его, ставшемъ знаменитымъ, изреченіи: „Your character is to be formede for you, not by you".
[2]) Переводъ съ англійскаго, Парижъ, 1821, стр. 69—71.
[3]) Пер., Парижъ, 1874, стр. 167.
[4]) У. с. стр. 230—231.

лованія, или отъ праздности и порочныхъ страстей богатыхъ. Равенство, и обезпеченность искореняя всѣ эти страсти и желанія богатыхъ и бѣдныхъ, положили бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, конецъ и ихъ послѣдствіямъ. Не возбуждаемый ни нуждой, ни ненавистью отчаянія, вызванной крайностями богатства, бѣднякъ видѣлъ бы что всякія пріобрѣтенія доступны всѣмъ цѣною труда и знанія, что онъ можетъ создать себѣ приличное существованіе, и не испытывалъ бы, болѣе искушенія посягнуть на чужое имущество, пріобрѣтенное честнымъ и похвальнымъ образомъ. Прекратились бы обманы и насилія всякаго рода, исходящіе изъ этого источника и воплощающіеся въ разныхъ преступленіяхъ. Избытки богатства исчезли бы и лишь немногіе, болѣе состоятельные члены общества жили бы въ совершенной праздности. Общественное мнѣніе благопріятствовало бы труду. Преступленія, какъ и другіе пороки достаточныхъ классовъ, были бы въ большей своей части уничтожены Въ то же время исчезли бы кровавыя и жестокія наказанія, ожесточающія сердце народа; противъ слабыхъ мотивовъ преступленій, которые остались бы могли бы дѣйствовать смягченныя наказанія". Между прочимъ, та же теорія была высказана и во Франціи.

Часто мы встрѣчаемъ въ безконечныхъ подраздѣленіяхъ Ш. Фурье выраженія, въ которыхъ преступленіе квалифицируется, какъ „роковой продуктъ фазы, въ которой находится современное человѣчество, фазы современной цивилизаціи". Общинный строй сдѣлалъ бы преступленіе невозможнымъ, какъ и всѣ пороки современности. „La theorie des quatres mouvements" называетъ [1]) торговлю организованнымъ разбоемъ: „Группа торговцевъ, въ общественномъ строѣ, не что иное, какъ шайка пиратовъ, стая коршуновъ, которые пожираютъ земледѣліе и промышленность и калѣчатъ на всѣ лады соціальное тѣло". Онъ присоединяетъ перечень разнаго рода хищеній, къ которымъ приводитъ торговля въ цивилизованномъ обществѣ. Сводную таблицу ихъ Фурье приводитъ въ „Théorie de l'Unité universelle": безцеремонное мошенничество, кулачество, ростовщичество, ажіотажъ, банкротство, контрабанда, преступленіе, принявшее формы эпидеміи [2]). Въ той же книгѣ авторъ упоминаетъ, какъ о седьмомъ грѣхѣ индивидуалистической промышленности, объ обманахъ и воровствѣ [3]). Къ „паразитамъ случайнымъ" въ системѣ цивилизаціи онъ причисляетъ „людей, стоящихъ въ открытомъ раздорѣ съ индустріей, законами, нравами и обычаями. Таковы устроители лотерей, игорныхъ домовъ,—истинный общественный ядъ,—рыцари индустріи, нищіе, плуты. разбойники и прочіе, число которыхъ болѣе, чѣмъ когда-либо, возрастаетъ, и для борьбы съ которыми приходится содержать жандармерію и чиновниковъ, такъ же, какъ и они, непроизводительныхъ" [4]). „Le nouveau monde industriel et sociétaire" содержитъ подобныя же утвержденія. Посягательства на собственность, указываются тамъ, постоянный признакъ третьей фазы соціальнаго развитія [5]), признакъ умственнаго упадка, одной изъ четырехъ причинъ безпорядка, присущаго указанной фазѣ [6]). Говоря о воровствѣ, авторъ утверждаетъ, что „это разорительное явленіе будетъ уничтожено accoціаціей, которая будетъ имѣть своимъ назначеніемъ предупреждать всякое воровство, и которая

---

[1]) Théorie des quatre mouvements. P. 1846. стр. 228 слл.
[2]) Théorie de l'Unité universelle. P. 1841. II, стр. 219.
[3]) Тамъ же, III, стр 202.
[4]) Тамъ же, III, стр. 178—179.
[5]) Le Nouveau monde etc. P. 1848, стр. 149.
[6]) Тамъ же, стр. 422.

будетъ обладать всѣми средствами противъ опасности... Въ новомъ обществѣ вору невозможно будетъ использовать похищенный предметъ (кромѣ денегъ); народъ, живущій въ довольствѣ и исполненный честныхъ чувствъ, даже не строитъ проектовъ кражъ" [1]). И далѣе: „воровства (одно изъ многочисленныхъ печальныхъ явленій, которыя исчезнутъ въ „Гармоніи") одного достаточно, чтобы разочаровать цивилизованныхъ богачей въ культурѣ" [2]).

Въ обширной соціалистической литературѣ мы до сихъ поръ встрѣчали теоретическія разсужденія, логическое и дедуктивное примѣненіе общаго взгляда къ объясненію происхожденія преступленія. Константинъ Пекеръ—первый и единственный среди писателей, до Энгельса—постарается подтвердить фактами выводы, полученные разсужденіями a priori. Это первая, конечно, весьма элементарная и наивная, почти дѣтская и не имѣющая цѣны попытка, представить доказательства, относящаяся непосредственно къ объясненію преступленія. Для автора свобода—ядро общественнаго строя, послѣднее слово соціологіи. Въ 7-й главѣ своего трактата „Des améliorations materielles dans leur rapport avec la liberti" (Парижъ, 1841) онъ старается показать, что улучшеніе матеріальныхъ условій приноситъ пользу общей свободѣ, свободѣ всякаго рода, какъ нравственной, такъ и физической. Онъ продолжаетъ:

„Если есть свобода, которую всѣ понимаютъ и къ которой, главнымъ образомъ, стремятся, такъ—это свобода жить и сохранить свое имущество. Жизнь и имущество. И какъ-разъ статистика доказала, что посягательства на жизнь и имущество, всѣ вообще преступленія, вытекающія изъ нашихъ матеріальныхъ потребностей, находятся въ прямомъ отношеніи къ нищетѣ и невѣжеству.

Въ Испаніи, гдѣ дѣятельность народная подавлена,—гдѣ потребности не могутъ быть удовлетворены и гдѣ воспитаніе и образованіе находятся въ полномъ забросѣ,—убійства и покушенія на нихъ въ 45 разъ чаще, чѣмъ во Франціи, и въ 47 разъ чаще, чѣмъ въ Англіи. Квалифицированныя кражи здѣсь въ три раза чаще, чѣмъ въ указанныхъ странахъ. Воровство можетъ быть тамъ въ значительной степени объяснено лишь лишеніями, нуждою, а выдающееся число убійствъ, какъ показываетъ статистика, обусловлено оживленной и распространенной въ Испаніи контрабандой; но, именно, контрабанда сама является результатомъ и доказательствомъ нужды тѣхъ, которые рѣшились на нее. Отцы семействъ, пользующихся довольствомъ, не дѣлаются контрабандистами; они не мѣняютъ лучшее на худшее.

„До сего времени, и уже болѣе тысячи лѣтъ, бѣдная Италія была мѣстомъ воровства, разбоя, убійствъ безъ конца. Правда, оживившійся и болѣе строгій надзоръ начинаетъ, наконецъ, энергичнѣе подавлять преступныя стремленія, но не исправляетъ людей и воровство и разбои будутъ продолжать свое существованіе, пока въ Италіи останутся нужда и привычка бездѣлья.

„Результаты недостаточной заботливости въ обществѣ о насущныхъ потребностяхъ народа ясно выражаются въ судебныхъ отчетахъ всѣхъ странъ, и въ нѣкоторыхъ обычаяхъ, подобныхъ тѣмъ, которые мы только что указали.

„Контрабанда, напримѣръ, несмотря ни на что, существуетъ въ Европѣ. Точно также поджогъ вездѣ является обыкновеннымъ средствомъ мести человѣка находящагося въ нуждѣ и рабствѣ

---

[1]) Théorie de l'Unité universelle. III, стр. 16.
[2]) Тамъ же, стр. 522.

„Итакъ, всякій человѣкъ, всякій классъ, желающій уменьшить для себя шансы быть убитымъ и ограбленнымъ, обезпечить себѣ эту первоначальную свободу, долженъ стараться поощрять трудъ, открывая ему широкую дорогу къ улучшенію. Наша собственная свобода, такимъ образомъ, гарантирована постольку, поскольку гарантирована свобода другихъ.

„Преступленіе, сопровождаемое нуждою и невѣжествомъ,—подобно бѣшеному слѣпому, роковымъ образомъ производящему рядъ зловредныхъ дѣйствій противъ всѣхъ. У насъ у всѣхъ, въ особенности у богатыхъ, есть лишь одно дѣйствительное средство: надо учредить взаимное національное страхованіе противъ преступленій, открывая всѣмъ путь производительнаго труда. Преступленія, имѣющія цѣлью корысть, рѣдко совершаются людьми средняго класса. Преступная армія пополняется изъ низшаго класса, погруженнаго въ наслѣдственную нищету“ [1]).

До сихъ поръ мы видѣли, что авторы-соціалисты описываютъ преступленіе, какъ зло, происходящее отъ дурной организаціи общества. Этьенъ Кабе предлагаетъ пониманіе преступленія, въ частности воровства, какъ нормальнаго явленія въ индивидуалистическомъ обществѣ; оно-де можетъ разсматриваться, какъ порокъ, только съ точки зрѣнія коммунистической морали: вѣдь, дѣяніе вора тожественно съ дѣломъ пріобрѣтателя собственника, ни въ чемъ существенномъ не различаясь отъ послѣдняго. Въ этой формулѣ источникъ положенія, поддерживаемаго въ настоящее время группой криминологовъ-соціалистовъ, представляющихъ преступленіе, какъ простое изобрѣтеніе собственниковъ, имѣющее цѣлью обезпечить спокойное пользованіе пріобрѣтеннымъ имуществомъ. Страницы, посвященныя индивидуальной собственности въ „Путешествіи въ Икарію“ (появившемся въ 1840 году, въ томъ самомъ году, когда Прудонъ выпустилъ свой знаменитый трудъ о собственности) напоминаютъ, какъ увидимъ ниже, изложенный въ наивной формѣ, свойственной всей книгѣ, знаменитый тезисъ Прудона, впрочемъ, не новый [2]). Въ неравенствѣ богатства и счастья, въ правѣ собственности и деньгахъ Кабе ищетъ причину всѣхъороковъ (т. е. пороковъ съ точки зрѣнія коммунистической морали), всѣхъ преступленій общества, всѣхъ несчастій, постигающихъ богатыхъ такъ же, какъ и бѣдныхъ [3]). „Вначалѣ завоеватели или аристократы завладѣли (т. е. узурпировали и украли) всѣми землями и даже всею движимостью. Съ того времени эти завоеватели, желая сдѣлать свою собственность священной и неприкосновенной, издали законы, съ цѣлью объявить, что всякое посягательство со стороны ихъ рабовъ и народа является воровствомъ, преступленіемъ, самымъ позорнымъ преступленіемъ, достойнымъ смерти, галеръ и безчестья... Если бѣднякъ, побуждаемый голодомъ, прикасался къ избытку аристократа,—этотъ послѣдній называлъ его воромъ, безчестнымъ, посылалъ въ тюрьму, на галеры, часто на смертную казнь. Вельможа убивалъ нищаго, завладѣвшаго куропаткой или зайцемъ... Такъ какъ богатство и избытокъ всегда были несправедливостью и узурпаціей, бѣдные только и думали, какъ бы „обокрасть“ богатыхъ, и воровство, во всѣхъ его формахъ, было почти всеобщимъ занятіемъ какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ. Бѣдняки же грабили не только богатыхъ, но и такихъ же бѣдняковъ; такимъ образомъ, всѣ, богатые и бѣдные, и были ворами,

---

[1]) Des améliorations matérielles etc. P. 1841, стр. 85—89. См. еще глава XVI, стр. 239.

[2]) См. Куакъ: De Socialisten Амстердамъ, 1900 т. IV, стр. 122.

[3]) II ч., гл. II, стр. 308 сл.

и потерпѣвшими. Но не всѣ эти дѣянія назывались воровствомъ въ законахъ: наиболѣе отвратительныя и вредныя пользовались даже легальной безнаказанностью; все же, согласно правиламъ здравой морали, они были воровствомъ[1])".

Прудонъ считаетъ „санкціонирующимъ правомъ" право требовать отъ преступника удовлетворенія. Онъ опирается даже частью на принципъ соціальной защиты. Вотъ фактъ, достойный вниманія. Но развивая свою теорію наказанія, онъ такъ тонко показываетъ, какъ причина преступнаго дѣянія теряется въ общности интересовъ членовъ общества, солидарнаго также и въ отношеніи отвѣтственности, что можно полагать, что читаешь А. фонъ-Эттингена или Лакассаня. Вотъ выдержки изъ важнѣйшихъ страницъ „Justice dans la Révolution et dans l'Eglise": справедливость больше, чѣмъ я; она не существуетъ въ одиночествѣ; она предполагаетъ взаимность; она, слѣдовательно, вначалѣ требуетъ двѣ личности, которыя вскорѣ, безконечно умножаясь, превращаются въ семью, въ племя, въ городъ, въ концѣ-концовъ, въ весь родъ человѣческій. Бракъ, семья, городъ, человѣчество создаютъ среди людей, ихъ образующихъ, общность сознанія; отсюда слѣдуетъ, что добродѣтель и порокъ, которымъ страдаетъ каждый человѣкъ, имѣютъ, въ то же время, корни въ обществѣ и что члены этого общества, въ большей или меньшей степени, солидарны. Въ этомъ, какъ сейчасъ увидимъ, основаніе родительской карательной власти, а впослѣдствіи и всякаго уголовнаго института... Оборона угрожаемаго общества, пропорціональность возмездія, возвращеніе виновнаго къ добродѣтели, укрѣпленіе слабой совѣсти — все это разумно, все это законно; какъ окорбляющее личность и, въ силу этого, вредящее правосудію, слѣдуетъ устранить лишь наказаніе, т.-е., какъ-разъ то, что наиболѣе дорого криминалисту... Другая, еще болѣе тяжкая ошибка: удовлетвореніе, котораго требуютъ отъ преступника, каково бы оно ни было, не удовлетворитъ никогда и всегда будетъ несправедливостью, если общество, которое жалуется и обвиняетъ, не присоединитъ къ нему удовлетворенія и со своей стороны; это—необходимое условіе, принимавшееся въ разсчетъ уголовной миѳологіей, но совершенно забытое современными криминалистами. Рѣдко бываетъ, въ силу нравственной солидарности, объединяющей людей, чтобы преступное дѣяніе было совершенно одиноко, чтобы преступникъ не имѣлъ, въ качествѣ посредственнаго или непосредственнаго соучастника, общество и его учрежденія. Мы всѣ, болѣе или менѣе, виновны по отношенію другъ къ другу... Въ этой общности сознанія—общій духъ и общая санкція; общимъ должно быть и удовлетвореніе. Какія причины увлекли обвиняемаго? Какая несправедливость, какое нарушеніе права, какое преимущество вызвало преступленіе? Какой дурной примѣръ былъ ему поданъ? Какое упущеніе, какое противорѣчіе законодателя смутило его душу? На какую обиду, со стороны ли общества, со стороны ли частныхъ лицъ, можетъ онъ пожаловаться? Какимъ преимуществомъ, зависящимъ отъ общественной власти, пользуются другіе, и не пользуется онъ? Вотъ что долженъ разслѣдовать слѣдователь съ такой же старательностью, какъ обстоятельства преступленія.

Теорія санкціонирующаго права можетъ быть сведена къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Справедливость имманента человѣчеству, т. е. представляетъ одну изъ способностей человѣческой души.

---

[1]) Voyage en Icarie, Парижъ, 1848 стр 310-316.

2. Она взаимна.

3. Общность сознанія начинается между супругами; развитіе ея продолжается въ семьѣ, племени, городѣ, общинѣ.

4. Въ силу этой общности сознанія, участники солидарны, какъ въ выгодахъ, приносимыхъ правосудіемъ, такъ и въ наказаніи, истекающемъ изъ содѣяннаго зла.

5. Преступникъ долженъ возмѣстить причиненный имъ вредъ, вернуть похищенное; также долженъ онъ возмѣстить зло, причиненное имъ общей совѣсти, но не мученіями, а актами добродѣтели и самоотверженія: это ведетъ къ совершенному уничтоженію прословутаго „права наказанія“, которое не что иное, какъ торжественное нарушеніе достоинства личности, въ воздаяніе за нарушеніе достоинства общества.

6. Но такъ какъ преступленіе не есть *изолированный* фактъ, такъ какъ оно, въ большей или меньшей степени, причинено, вызвано, дозволено, терпимо, поощряемо системой отношеній, образующихъ общество,—оно, это общество, должно постараться опредѣлить, въ чемъ оно само виновно по отношенію къ преступнику. Санкція, какъ и справедливость, полна лишь поскольку она взаимна!

Вотъ теорія наказанія Прудона. Уже изложенное показываетъ важную роль, которую авторъ приписываетъ экономическимъ условіямъ въ генезисѣ преступленія. Еще болѣе ясно выражена эта мысль въ „La Guerre et la Paix“, на страницѣ, которую Поль Леруа-Болье находитъ достойной Боссюета [2]): „У обездоленнаго нужда проявляется въ медленномъ голодѣ, о которомъ говоритъ Фурье, голодѣ каждой минуты, всего года, всей жизни, голодомъ, не убивающимъ въ одинъ день, но состоящимъ изъ всякихъ лишеній и скорбей, истощающимъ тѣло, убивающимъ духъ, деморализующимъ совѣсть, ведущимъ къ вырожденію народы, порождающимъ всѣ болѣзни и пороки, между прочимъ, пьянство, зависть, отвращеніе къ труду и бережливости, низость души, грубость совѣсти, лѣнь, проституцію и кражу“ [3]).

Матеріалистическое пониманіе исторіи, формулированное Марксомъ, заключаетъ въ себѣ матеріалистическое пониманіе всѣхъ общественныхъ и антиобщественныхъ отношеній и явленій, включая и преступленіе. Въ „Критикѣ Политической Экономіи“ Марксъ резюмируетъ свои положенія такимъ образомъ: мои изслѣдованія привели меня къ мысли, что юридическія отношенія и политическія формы не могутъ быть поняты сами изъ себя, не могутъ быть также объяснены такъ-называемымъ общимъ развитіемъ человѣческаго духа. Эти отношенія и формы коренятся въ условіяхъ матеріальной жизни, образующихъ въ своей совокупности то, что Гегель, вмѣстѣ съ французами и англичанами XVIII вѣка, называетъ „гражданскимъ обществомъ“. Въ политической экономіи и надо искать анатоміи гражданскаго общества. Общій выводъ, къ которому я пришелъ въ этомъ изслѣдованіи и который послужилъ мнѣ путеводной нитью въ дальнѣйшихъ моихъ работахъ, вкратцѣ можетъ быть выраженъ такъ: въ своей соціальной дѣятельности люди вступаютъ въ извѣстныя отношенія, отъ ихъ воли независящія, необходимыя. Эти производственныя отношенія соотвѣтствуютъ, до извѣстной степени, развитію ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, дѣйствитель-

---

[1]) De la justice dans la révolution et dans l'Eglise, P. 1858, III, стр. 516—524.

[2]) См. Essai sur la repartition des richesses, P. 1897, стр. 414.

[3]) La guerre et la paix (Bruxelles, 3 изд. безъ года) т. II, стр. 156.

ную базу, надъ которой возвышается юридическая и политическая надстройка, икоторой отвѣчаютъ формы общественнаго сознанія. Способъ производства въ матеріальныхъ жизненныхъ отношеніяхъ общимъ образомъ опредѣляетъ процессы соціальной, политической и интеллектуальной жизни. Не сознаніе человѣка опредѣляетъ его бытіе, но, наоборотъ, сознаніе опредѣляется соціальнымъ бытіемъ“ [1]).

Марксъ остается въ области общихъ разсужденій. Его великій соратникъ, чье имя неразрывно связано съ именемъ Маркса, изслѣдуетъ спеціально преступность и даже опираетъ свои разсужденія на цифры. Ф.Энгельсъ, въ своемъ трудѣ Die Lage der arbeitenden Klasse in England, 1844 [2]), сближаетъ печальное экономическое положеніе и невѣроятный ростъ преступности въ Англіи. Съ ростомъ пролетаріата, говоритъ Энгельсъ [3]), преступность неустанно возрастаетъ въ Англіи. Доказательствомъ этому оффиціальныя цифры: съ 1815 по 1842 годъ количество преступленій поднялось съ 4605 до 31309, т. е. возросло въ 7 разъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что оффиціальный характеръ этихъ цифръ вредитъ ихъ доказательной силѣ. Ихъ значеніе слишкомъ мало изслѣдовано, чтобы онѣ могли точно опредѣлить вліяніе экономическихъ факторовъ. Прогрессъ полицейской службы и уголовной статистики, несомнѣнно, играютъ значительную роль въ возрастаніи указанныхъ цифръ. Энгельсъ не считается съ этимъ. Кромѣ того, его сравненіе съ бѣдственнымъ положеніемъ пролетаріата слишкомъ обще.

Болѣе точное доказательство происхожденія преступленія изъ бѣдственнаго положенія рабочаго авторъ старается извлечь изъ распредѣленія преступленій. На Ланкаширъ падало 14%, на Миддльсексъ, включая Лондонъ,—13% всѣхъ преступленій. Такимъ образомъ, два округа съ крупными городами и густымъ пролетарскимъ населеніемъ даютъ больше, чѣмъ $^1/_4$ преступленій, тогда какъ ихъ населеніе далеко не достигаетъ $^1/_4$ всего числа жителей Англіи.

Большое количество неграмотныхъ и людей, умѣющихъ плохо читать и писать, показываетъ, говоритъ авторъ, „что всѣ преступленія рождаются среди пролетаріата“. Энгельсъ показываетъ далѣе, при помощи нѣсколькихъ цифръ, какъ низко стоитъ въ отношеніи преступности Англія сравнительно съ другими европейскими государствами. Этому аргументу мы не придаемъ большей цѣны, чѣмъ предыдущему. Болѣе доказательнымъ, съ точки зрѣнія гибельнаго вліянія нужды, является фактъ, что въ земледѣльческихъ районахъ одинъ преступникъ приходится на 1045 человѣкъ, тогда какъ въ промышленныхъ — на 840 чел. Этотъ аргументъ имѣетъ такое же значеніе, какъ данныя, извлеченныя изъ преступности Ланкашира и Миддльсекса.

Статистическое изслѣдованія, на которое ссылается Энгельсъ, не носятъ строго научнаго характера; оно не удовлетворяетъ требованіямъ достойной довѣрія и плодотворной уголовной статистики. Но въ его очеркахъ находятся уже матеріалы, которые, при болѣе тщательной обработкѣ, вѣроятно, превратились бы въ доказательства. Изъ его разсужденій вытекаетъ вѣроятность вліянія, оказываемаго положеніемъ пролетаріата на столь высокую преступность Англіи.

[1]) Critique de l'économie politique (trad. Remy) P 1899, стр. III—IV.
[2]) Англійскій изд., Лондонъ, 1892.
[3]) У с. стр. 130 и 131.

Соціалистическая криминологія.

Естественно, что на родинѣ криминологіи соціалисты первые примѣнили выводы и методы новой науки къ соціологіи.

Первымъ формулировалъ соціалистическую теорію преступности Филиппъ Турати, издатель Critica Sociale и депутатъ Милана въ извѣстной брошюрѣ „Il delitto e la questione sociale“ (Миланъ 1883). Мы не могли воспользоваться этой брошюрой, совершенно распроданной [1]). Мы должны, такимъ образомъ, оцѣнить ея значеніе по выдержкамъ, встрѣчающимся у другихъ авторовъ.

Ферри резюмируетъ аргументацію Турати въ направленной противъ очерка послѣдняго брошюрѣ, подъ заглавіемъ Socialismo e criminalità [2]) Новая криминалистическая школа различаетъ пять категорій преступниковъ: помѣшанныхъ, прирожденныхъ, преступниковъ по привычкѣ, по страсти и случайныхъ. Въ первыхъ двухъ классахъ—по теоріи Ломброзо, Ферри и другихъ, изъемлющихъ ихъ изъ сферы вліянія соціальныхъ факторовъ,—преобладаетъ индивидуальный факторъ. Однако, по статистическимъ даннымъ Ферри, эти двѣ группы образуютъ только 20 или 25% всѣхъ преступниковъ. Если исключить преступниковъ помѣшанныхъ, которыхъ Турати не считаетъ преступниками, а психически больными, то на долю прирожденныхъ преступниковъ, т.-е. на долю тѣхъ, на кого соціальные факторы не оказываютъ вліянія, останется только 10% всего количества. Отсюда слѣдуетъ, что большинство подпадаетъ подъ дѣйствіе соціальныхъ факторовъ.

Это изложеніе итальянской теоріи неправильно. По ея мнѣнію, на самомъ дѣлѣ, индивидуальный моментъ является главнымъ и для преступниковъ привычки, и для случайныхъ; безъ органическаго предрасположенія невозможна никакая форма преступности.

Физическіе факторы, продолжаетъ Турати, могутъ имѣть только ограниченное вліяніе. Если-бы они образовывали, въ дѣйствительности, основной моментъ въ генезисѣ преступности, какимъ образомъ можно-было бы объяснить, что только ничтожная часть населенія совершаетъ преступленія; вѣдь, физическія вліянія одинаково распространяются на всю массу населенія. Въ дѣйствительности, ни физическій, ни индивидуальный факторъ не могутъ быть отдѣлены отъ третьяго, соціальнаго фактора; безъ него первыя двѣ категоріи были-бы не только ослаблены, но даже лишены вліянія.

Первое доказательство этого Турати находитъ въ колоніи Нью-Ланарка; тамъ соціалистическій режимъ въ четыре года создалъ земной рай нравственности и благоденствія. Рѣшительное доказательство авторъ думаетъ найти въ томъ фактѣ, что въ достаточномъ классѣ общества преступленіе совершается гораздо рѣже, чѣмъ въ классѣ нуждающихся. Это обстоятельство авторъ, особенно въ отношеніи преступленій противъ имущества, называетъ столь неоспоримой истиной, „что ее даже не осмѣливаются оспаривать буржуазные соціологи“ [3]). Истина эта тѣмъ важнѣе, что антропологическія вліянія почти одинаковы въ разныхъ классахъ общества, принимая во вниманіе одинаковое происхожденіе населенія и постоянные смѣшанные браки. Если-бы даже существовала у различныхъ классовъ разница въ біологическихъ предрасположеніяхъ,—

---

[1]) Даже благосклонность самого автора не могла предоставить въ наше распоряженіе экземпляра; многочисленные полицейскіе обыски уничтожили большое количество экземпляровъ его произведеній, считающихся опасными.

[2]) Туринъ, 1883, стр. 62 и 63.

[3]) У. с. стр. 92. У Гарофало La Criminologie стр. 175.

можно-бы было лишь заключить, что эта разница получилась не благодаря природѣ, но благодаря распространенію привычной нужды, плохому воспитанію и т. д. Такимъ образомъ, истинной и почти исключительной причиной преступленія являются соціальные факторы, и прежде, всего экономическіе, отъ которыхъ зависятъ прочіе; осужденіе рода человѣческаго на вѣчную преступность, вывод изъ ученій антропологической школы, является очевиднымъ преувеличеніемъ.

Ферри не трудно было оспорить и опровергнуть значительную часть соціалистической теоріи, резюмированной въ этихъ словахъ; онъ тогда не предвидѣлъ, что вскорѣ самъ перейдетъ въ лагерь соціалистовъ. Однако, какъ мы замѣтили, онъ никогда не принималъ соціалистической теоріи преступности въ ея цѣломъ.

Въ своемъ изложеніи Ферри даетъ намъ только руководящія нити разсужденій Турати; доводы, которыми Турати подкрѣпляетъ свои мысли, Ферри, по большей части, обходитъ молчаніемъ. Поэтому, намъ трудно судить о трудѣ Турати. Въ томъ, что онъ сообщаетъ намъ о земномъ раѣ въ Нью-Ланаркѣ, трудно, какъ намъ кажется, найти доказательство экономическаго происхожденія преступности. Кромѣ того, этотъ опытъ былъ слишкомъ скоро прекращенъ, чтобы позволить сдѣлать основательные выводы. Да если-бы тамъ дѣло было иначе, что было-бы тогда доказано относительно общихъ причинъ преступности?

Положеніе, что, въ пролетарскихъ классахъ совершается пропорціонально больше преступленій противъ имущества, чѣмъ въ достаточныхъ слояхъ, вовсе уже не такъ безспорно для буржуазныхъ соціологовъ; Гарофало смѣло отрицаетъ его, съ цифрами въ рукахъ [1]).

Мы должны, однако, признать, опираясь на изслѣдованія Марро и Форназари ди-Верче, что основанія вычисленій Гарофало слѣдуетъ считать неточными, и что это явленіе несомнѣнно существуетъ въ Италіи, какъ и вездѣ [2]).

Въ общемъ—и это особенно доказываетъ очеркъ Ферри — соціалистическая теорія преступности въ то время, когда Турати писалъ свою брошюру, была въ зачаточномъ положеніи; только позже, вмѣстѣ съ Колаянни, эта теорія нашла въ Италіи новые и мощные аргументы въ анализѣ статистики и изученіи движенія преступности; съ этимъ мы вскорѣ встрѣтимся.

Бруно Батталья, авторъ La Dinamica del delitto, (Неаполь 1886) стоитъ на оригинальной точкѣ зрѣнія.

Въ его книгѣ двѣ части. Въ первой авторъ предполагаетъ изслѣдовать происхожденіе преступленія; во второй — образованіе преступника. Но книга въ дѣйствительности даетъ гораздо больше того, что обѣщаетъ ея заглавіе и это подраздѣленіе.

Въ первой части авторъ, подготовляя заключеніе, что преступленіе есть психическій феноменъ, даетъ полный очеркъ матеріалистической психологіи. Во второй части, критикуя различныя формы общества и учрежденія, порождающія преступниковъ, онъ излагаетъ основныя черты соціалистической соціологіи. Собственный предметъ изложенія—преступность—въ обоихъ трактатахъ появляется лишь въ роли соединяющаго ихъ звена. La Dinamica del delitto—философско-соціологическій трудъ; онъ только издали и посредственнымъ образомъ касается криминологіи.

---

[2]) La Criminologie стр. 177 сл.
[1]) См. гл. I, стр. 104.
[3]) V. с. стр. 199.

Авторъ послѣдовательно касается нравственности и ея измѣнчивой природы, интеллекта, вліяній, которымъ подвержены его дѣйствія, и воли; въ концѣ, онъ подходитъ къ вопросу о преступности[1]). Онъ отбрасываетъ ломброзовскій атавизмъ; однако, онъ принимаетъ отчасти концепцію преступнаго типа Ломброзо. Его разсужденія приводятъ его къ признанію существованія анатомо-физіологическаго типа преступника[2]), которому свойственна патолого-дегенеративная природа[3]). Существенная особенность, дѣлающая изъ этого типа преступника, психическаго характера: это, по выраженію Баталья, „отсутствіе способности къ самостоятельному приспособленію къ нормальнымъ условіямъ жизни въ данномъ обществѣ и этическая дисгармонія между личностью и обществомъ“[4]). Такимъ образомъ, преступленіе — психическое явленіе, имѣющее мѣсто у индивидовъ, отвѣчающихъ признакамъ извѣстнаго типа вырожденія. Въ этомъ вырожденія, кромѣ того, плохое питаніе, вопросы желудка, играютъ также большую роль[5]). Острый голодъ, разрушительная нужда приходятъ съ своей свитой — алкоголизмомъ, дурнымъ воспитаніемъ, умственнымъ неразвитіемъ и многими другими, которые, чтобы ни говорили Ломброзо и другіе[6]), всѣ работаютъ надъ образованіемъ преступниковъ. Въ особенности же хроническій голодъ, столь распространенный у нашихъ народовъ результатъ плохого питанія, путемъ общаго разслабленія организма, нарушаетъ кровообращеніе и питаніе мозга и, такимъ образомъ, становится источникомъ моральныхъ и физическихъ бѣдствій. Плохимъ урожаямъ соотвѣтствуетъ всегда солидное повышеніе цифръ преступности. Высокія цифры незаконныхъ дѣтей и сиротъ, населяющихъ тюрьмы всей Италіи, показываютъ, что дурное воспитаніе порождаетъ преступленіе и само, въ свою очередь,— дитя нужды. Авторъ изслѣдуетъ, затѣмъ, еще нѣсколько причинъ этого преступнаго вырожденія: возрастъ, температуру, почву, полъ и т. д.

Баттальл, затѣмъ, выражаетъ свою мысль такъ[7]): онъ раздѣляетъ факторы преступленія на дѣйствительные криминогенные факторы и на случайные; эти послѣдніе дѣйствуютъ, присоединяясь къ дѣйствію факторовъ перваго рода. Ко второй группѣ относятся вліянія, дѣйствующія однообразно и одновременно на цѣлый народъ: метеорологическія колебанія, возрастъ, почва и т. д., затѣмъ вліянія, имѣющія болѣе ограниченное значеніе, какъ-то: полъ, цѣны на пищевые продукты, экономическое положеніе, образованіе, воспитаніе и пр. Ни одному изъ этихъ факторовъ не присущъ специфическій характеръ самостоятельнаго фактора преступленія. Чтобы получить криминогенное свойство, они должны воздѣйствовать на субъекта, одареннаго особой организаціей, предрасположеннаго къ совершенію преступленій. Криминогенными факторами въ собственномъ смыслѣ, являются обстоятельства, производящія особое физико-психическое состояніе, приводящее субъекта къ преступленію. Таковы: болѣзни, неправильности въ развитіи и питаніи черепа и мозга, плохое воспитаніе, психическая наслѣдственность, атавистическій возвратъ. Когда обстоятельства подобнаго рода сдѣлали субъекта воспріимчивымъ къ преступнымъ замысламъ, тогда достаточно случайнаго обстоятельства, чтобы этотъ замыселъ зародился. Однако,

---

1) У. с. стр. 204.
2) У. с. стр. 212.
3) У. с. стр. 217.
4) У. с. стр. 225.
5) У. с. стр. 227 слл.
6) У. с. стр. 67.
7) У. с стр. 235 слл.

ЦАБ "Автограф"

нѣкоторые изъ этихъ случайныхъ факторовъ, благодаря своему долгому и упорному воздѣйствію, въ свою очередь, порождаютъ криминогенные факторы. Таковы: воспитаніе и питаніе. Другими словами: специфическое условіе преступнаго дѣянія,—извѣстное психическое состояніе; это состояніе имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что обладающій имъ субъектъ совершаетъ преступленіе, какъ только онъ испытываетъ болѣе или менѣе сильное внѣшнее вліяніе. Экономическое положеніе, однако, (въ узкомъ смыслѣ слова) является не только простой случайной причиной; его значеніе больше: оно необходимо содѣйствуетъ образованію другихъ факторовъ, порождающихъ упомянутое необходимое состояніе психики.

Мы, слѣдовательно, имѣемъ передъ собой теорію, ищущую причины преступности въ психическомъ вырожденіи. Система Баталья отличается отъ теоріи вырожденія, которой мы должны заняться ниже, тѣмъ, что авторъ приписываетъ состояніе вырожденія прямому дѣйствію внѣшнихъ факторовъ въ гораздо большей степени, чѣмъ Ферри и его ученики.

До сихъ поръ авторъ вовсе не приводилъ фактовъ, подтверждающихъ его теорію. Баталья опирается въ своихъ выводахъ лишь на разсужденія.

Во второй части [1]) авторъ послѣдовательно изучаетъ различныя соціальныя установленія, играющія роль криминогенныхъ факторовъ, т. е. вызывающихъ необходимое для преступленія состояніе психики.

Тутъ-то и проявляется соціалистъ съ разрушительными наклонностями и исчезаетъ криминологъ, только за что явившій себя философскими разсужденіями. Авторъ критикуетъ семью, образованіе, воспитаніе, отношенія между церковью и государствомъ. По поводу каждаго изъ этихъ предметовъ онъ повторяетъ нападки соціалистовъ на современное положеніе этихъ институтовъ въ нашемъ капиталистическомъ обществѣ; онъ приходитъ къ заключенію, что эта ложная организація должна приводить къ преступленію. Однако, онъ совершенно не приводитъ какихъ бы то ни было криминологическихъ документовъ. Съ точки зрѣнія позитивиста, авторъ ничего не доказалъ относительно природы и генезиса преступленія.

Поговоривъ о различныхъ, только что упомянутыхъ нами институтахъ, Баталья приходитъ къ марксистскому выводу: „всѣ неправильности, аномаліи, ошибки, безпорядки, встрѣчаемые въ семьѣ, въ государствѣ, въ соціальныхъ, религіозныхъ и другихъ отношеніяхъ, вызваны, въ концѣ-концовъ, экономическимъ положеніемъ современнаго общества“ [2]). За этимъ слѣдуетъ сведеніе всѣхъ криминогенныхъ факторовъ къ экономическимъ. Но авторъ говоритъ о нихъ еще не какъ о причинахъ, порождающихъ преступленіе, но какъ о соціальныхъ бѣдствіяхъ, не останавливаясь здѣсь, какъ и раньше, на ихъ отношеніяхъ къ преступности.

Авторъ уже раньше старался обратить наше вниманіе на прямое воздѣйствіе экономическаго фактора на преступность. Здѣсь же вся преступность становится у него порожденіемъ экономическихъ факторовъ, ибо въ этихъ факторахъ находятъ источникъ всѣ остальныя причины преступности. Нужда сама по себѣ создаетъ совокупность нравственныхъ условій, изъ которыхъ логически должна происходить бо́льшая часть преступленій [3]). Онъ добавляетъ, что въ дѣйствительности наибольшее

---

[1]) У. с. стр. 291 слд.
[2]) У. с. стр. 404.
[3]) У. с. стр. 429.

число преступниковъ и проститутокъ встрѣчается среди нуждающихся классовъ населенія.

Къ несчастію, все вышеизложенное не даетъ достаточныхъ данныхъ для вывода нашего автора, относительно причинъ преступности. Да и говоритъ онъ обо всемъ этомъ только, чтобы объявить, послѣ анализа недостатковъ, присущихъ нашимъ институтамъ, что эти недостатки и порождаютъ преступленія. Единственный аргументъ, къ которому обращается Батталья, содержится въ одномъ словѣ его заключительнаго выводѣ: „логически" говоритъ онъ, т. е. a priori, безъ малѣйшаго доказательства, безъ изслѣдованія отношеній между преступленіемъ и производящими его, по мысли автора, явленіями. Единственно логика, слѣдовательно, (какая логика?) внушаетъ автору мысль, что недостатки нашихъ учрежденій несутъ отвѣтственность за современную преступность. Черта, характерная для метода Батталья: только въ самомъ концѣ, послѣ своего заключенія, онъ наивно указываетъ на большое число преступниковъ въ бѣдныхъ классахъ. У него это только утвержденіе, лишенное доказательствъ. Мы, такимъ образомъ, съ трудомъ можемъ разсматривать трудъ Батталья какъ криминологическій, несмотря на то, что на это, казалось, указываютъ и заглавіе, и цѣль, преслѣдуемая авторомъ. Какъ мы уже указывали, это скорѣе философское разсужденіе о человѣческихъ дѣйствіяхъ, сопровождаемое соціалистической критикой нашихъ общественныхъ учрежденій; преступность является лишь соединительнымъ звеномъ для этихъ двухъ различныхъ темъ.

Наконецъ, въ послѣднихъ главахъ своего труда, образующихъ заключеніе (тамъ говорится о способахъ организаціи производства и потребленія, объ опасностяхъ, связанныхъ съ частной собственностью, о почвѣ, о прошедшемъ и будущемъ, о земледѣліи, торговлѣ и промышленности, дается ретроспективное обозрѣніе царства капитала), авторъ совершенно покидаетъ почву криминологіи, развивая свои грезы о соціальномъ будущемъ.

Наиболѣе обстоятельное изложеніе соціалистической теоріи мы встрѣчаемъ у Н. Колаянни. Уже въ разныхъ мелкихъ работахъ [1]) онъ защищалъ ее; въ главномъ же своемъ трудѣ „La Sociologia criminale" онъ изложилъ ее систематически въ двухъ томахъ. Эта работа и послужитъ намъ, главнымъ образомъ, путеводной нитью.

Первая часть посвящена опроверженію типа, выставленнаго Ломброзо, и теоріи физическаго атавизма, а также развитію взгляда на преступленіе, какъ проявленіе моральнаго атавизма [2]). Эта точка зрѣнія является въ ученіи автора неоспоримымъ противорѣчіемъ. Непослѣдовательно, прежде всего, отрицать физическій атавизмъ и допускать моральный. „Почему задержка въ онтогеническомъ развитіи (допуская ея возможность) не можетъ быть физической такъ же, какъ психической?", основательно спрашиваетъ Раковскій [3]). „Тутъ, противорѣчіе, по крайней мѣрѣ кажущееся", говоритъ Тардъ [4]). „Болѣе того", прибавляетъ Раковскій, „есть бросающееся въ глаза противорѣчіе между экономическими

---

[1]) Colajanni: La delinquenze e le sue cause Palermo 1885; L'alcoolismo, Catania 1887. La question contemporaine de la criminalité въ Revue socialiste, январь 1888, т. VII; Socialismo e sociologia criminale.

[2]) У. с. т. I, гл. IX, стр. 449 слд. См. еще Revue socialiste 1888, с. 66.

[3]) Rakowsky: De la question de l'étiologie du crime et de la dégénérescence, Montpellier, 1897, с. 44.

[4]) La philosophie pénale стр. 234, прим. Тардъ болѣе пространно изложилъ встрѣченныя имъ у Колаянни противорѣчія въ статьѣ въ Archives de l'anthropologie criminelle, 1889 подъ заглавіемъ L'atavisme moral.

наблюденіями автора и его объясненіемъ. У Колаяни, нѣкоторымъ образомъ, двоякая точка зрѣнія. Съ одной стороны, онъ разсматриваетъ этотъ атавизмъ, эту задержку въ психическомъ развитіи, какъ прирожденный; съ другой стороны, онъ утверждаетъ, что дурныя черты психики исчезаютъ, какъ только измѣняются экономическія и интеллектуальныя условія, въ которыхъ живетъ субъектъ" [1]). Колаяни предвидѣлъ этотъ упрекъ и энергично возражаетъ противъ него, говоря, что улучшеніе экономическихъ условій предупредитъ атавистическій возвратъ. Намъ тоже кажется, что оба положенія, сами по-себѣ, не находятся другъ съ другомъ въ абсолютномъ противорѣчіи. Но вѣрно, что выводы изъ этихъ двухъ положеній, какъ ихъ развиваетъ Колаяни, не могутъ быть согласованы. Какъ бы то ни было, психическій атавизмъ остался, все-таки, необоснованнымъ предположеніемъ. Въ настоящее время онъ еще менѣе находитъ защитниковъ, чѣмъ физическій атавизмъ Ломброзо, и поистинѣ странно видѣть, что эту теорію защищаетъ съ такимъ упорствомъ такой прогрессивный ученый, какъ Колаяни, который въ то же время совершенно не придаетъ значенія біологическимъ факторамъ и сосредоточиваетъ свое вниманіе на соціальныхъ.

Втоую часть Sociologia Criminale авторъ посвящаетъ изслѣдованію факторовъ преступленія. Онъ пространно развиваетъ слѣдующую мысль: истинная причина преступности не въ антропологическихъ или физическихъ факторахъ; дегенерація и біологическіе факторы—слѣдствіе матеріальнаго состоянія, которое и становится косвенной причиной преступности [2]); подобно этому и французская школа искала въ соціальныхъ факторахъ вообще источникъ біологическихъ предрасположеній. Въ X главѣ онъ раздѣляетъ соціальные и, главнымъ образомъ, экономическіе факторы, въ которыхъ, по его мнѣнію, и коренится вся этіологія преступленія.

Исходная точка Колаяни вовсе не чисто марксистская [3]). Онъ отказывается допустить вмѣстѣ съ Марксомъ и Лоріа, что всѣ соціальные феномены, политическіе, религіозные, эстетическіе и нравственные являются непосредственно и исключительно продуктами экономическихъ условій; онъ признаетъ, что вліяніе выдающихся личностей, передовыхъ борцовъ за соціальныя реформы пріобрѣтаетъ въ нѣкоторые моменты значительный вѣсъ. Тѣмъ не менѣе въ исторіи, даже въ періодъ развитой цивилизаціи, экономическіе факторы являются главными; они образуютъ и направляютъ остальные. Экономическіе факторы управляютъ также и нравственнымъ міромъ [4]). Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія авторъ приводитъ мысли нѣкоторыхъ философовъ, историковъ, даже нѣсколькихъ экономистовъ, предшественниковъ соціалистической теоріи. И тутъ еще Колаяни плохо выбираетъ себѣ союзниковъ: не одинъ изъ нихъ удивился бы, узнавъ, какое преувеличенное значеніе Колаяни придалъ его словамъ. Въ общемъ, эти цитаты, встрѣчающіяся почти на каждой страницѣ книги Колаяни, часто крайне рискованны, тѣмъ болѣе, что, обыкновенно, вовсе не указаны ни мѣста книгъ, изъ которыхъ онѣ извлечены, ни даже самое заглавіе этихъ книгъ [6]).

---

[1]) Rakowsky, ibid.
[2]) Revue socialiste. 1888, стр. 66.
[3]) См. также Colajanni: Des causes de la criminalité, въ Société nouvelle, 1887, т. II, стр. 488—89.
[4]) Sociologia Criminale II, стр. 453.
[5]) У. с. II, стр. 455 слл.
[6]) Насколько Колаяни мало точенъ въ указаніи именъ авторовъ, показываетъ, напр., цитата въ указанной выше статьѣ въ Revue Socialiste (VII, стр. 63—64) гдѣ онъ считаетъ Манувріе въ числѣ объясняющихъ преступленіе атавизмомъ. Извѣст-

Итакъ, преступность также обусловлена экономическими факторами. Это вліяніе проявляется двояко: посредственно и непосредственно[1]). Непосредственное вліяніе происходитъ отъ недостатка средствъ къ удовлетворенію насущныхъ потребностей. Посредственное вліяніе— дѣло другихъ факторовъ соціальнаго порядка, которые, въ свою очередь, получаютъ направленіе и силу отъ экономическаго фактора; таковы: война, современная организація промышленности, возмущеніе, безділіе и бродяжество, проституція, воспитаніе, и. т. д.[2]). Все это мощныя причины преступности, но всѣ онѣ получаютъ отъ экономическихъ вліяній болѣе или менѣе опредѣленное направленіе. Для доказательства этой мысли, Колаяни снова приводитъ, безъ указанія источника, простой перечень соціологовъ, которые, по его словамъ, раздѣляютъ его мнѣніе: Лакомбъ, Марксъ, Молинари, Энгельсъ, Тюлье, Спенсеръ, Шеффле, Гумпловичъ, Лоріа, Ваккаро, китайскій философъ Менціо и даже англійскій министръ Чемберленъ. Не считая того, что мы сомнѣваемся въ правильности нѣкоторыхъ изъ этихъ указаній, слѣдуетъ замѣтить, что эта ссылка на лица сама по себѣ весьма мало что доказываетъ.

Мы не имѣемъ нужды слѣдовать за авторомъ, когда онъ говоритъ о соціальныхъ факторахъ, роль коихъ, по его исходной точкѣ зрѣнія, косвенно экономическая, и которые, по нашему мнѣнію, такого характера на самомъ дѣлѣ совершенно не имѣютъ, но могутъ, безъ сомнѣнія, присоединять свое дѣйствіе къ дѣйствію экономическихъ факторовъ, какъ всякій другой факторъ къ дѣйствію любого другого фактора.

Мы можемъ ограничиться изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ другихъ вліяній, не непосредственно экономическихъ, но находящихся въ тѣсной связи съ матеріальнымъ положеніемъ.

1. Косвенное вліяніе экономическихъ факторовъ на преступность.

Въ § 128 авторъ опредѣляетъ вліяніе лѣни и бродяжничества, тѣсно, по его мнѣнію, связанныхъ съ преступностью. Подтверждая эту мысль, онъ приводитъ нѣсколько цифръ, которыя, однако, мало что говорятъ. На вопросъ, не составляетъ ли праздность сама по себѣ преступленія, Колаяни отвѣчаетъ: „конечно, и во всякомъ случаѣ она очень часто ведетъ къ преступленію". Къ категоріи бездѣльниковъ, онъ прежде всего относитъ этихъ соціальныхъ паразитовъ—богачей нашихъ большихъ городовъ, богачей, не имѣющихъ другихъ занятій, кромѣ спорта, свѣтской болтовни, театра, заботъ о побѣдѣ надъ модной пѣвицей. Вынужденное бездѣйствіе, являющееся, по словамъ автора, весьма часто въ эпохи кризисовъ въ нашемъ обществѣ, представляетъ главный источникъ добровольной лѣни. Серіей приводимыхъ имъ фактовъ авторъ старается доказать, что нужда производитъ бродяжество, и что обратное утвержденіе не точно. Такимъ образомъ, экономическое положеніе, въ разныхъ его формахъ, является причиной безработицы и бродяжества, лучшихъ агентовъ преступленія, и приводитъ, такимъ путемъ, къ нему.

Въ § 129 авторъ говоритъ объ отношеніи между проституціей и

но, однако, что Манувріе не только считаетъ невозможнымъ атавистическій возвратъ внѣ предѣловъ зоотехніи, но что атавистическое объясненіе преступности не встрѣчало никогда, можно сказать, болѣе убѣжденнаго и ожесточеннаго противника, чѣмъ этотъ авторъ, даже осмѣивающій теорію, которую ему приписываетъ Колаяни. (См. La genèse normale du Crime le Bulletiu de la Société d'anthropologie de Paris. 1893, стр. 441 слл.

[1]) У. с. II, стр. 459 слл.

[2]) См. у. с. II, стр. 36 и 451.

бѣдностью. А такъ какъ мы не считаемъ проституцію преступленіемъ, то дѣлать ее предметомъ особаго изслѣдованія, не входитъ въ нашу задачу.

2. Непосредственное дѣйствіе экономическихъ факторовъ на преступность.

Въ XI главѣ Колаяни касается вопросовъ статики. Прямое отношеніе между экономическими бѣдствіями и преступленіями противъ имущества, говоритъ онъ[1]), легко понять. Но и между экономическими факторами и преступленіями противъ личности существуетъ не менѣе реальное отношеніе, въ особенности въ виду косвеннаго дѣйствія заработной платы, характера, воспитанія и необходимости прибѣгнуть иногда къ силѣ, чтобы совершить кражу[2]). Авторъ, однако, не доказываетъ справедливости этого утвержденія, противорѣчащаго результатамъ, полученнымъ большинствомъ статистиковъ; онъ добавляетъ, что это доказательство будетъ дано позднѣе, когда окажется возможнымъ сравнить преступность различныхъ областей Италіи. Къ несчастью, это сравненіе безсильно дать требуемое доказательство.

Колаяни справедливо замѣчаетъ, что вліяніе нужды особенно сказывается, когда рѣчь идетъ о медленномъ хроническомъ голоданіи, дѣйствіе котораго часто упускаютъ изъ виду изслѣдователи, требующіе остраго голода въ моментъ совершенія преступленія, чтобы признать за экономическимъ положеніемъ извѣстную долю значенія [3]).

Очень замѣтно также вліяніе нужды въ случаяхъ, называемыхъ авторомъ „furto inculpabile“, т.-е. въ случаяхъ кражи, совершенной подъ вліяніемъ крайне бѣдственнаго положенія, каковые встрѣчаются не такъ рѣдко, какъ это полагаютъ нѣкоторые [4]).

Мы спѣшимъ тутъ же замѣтить, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о прямомъ вліяніи на преступность, въ виду того, что эти случаи и не входятъ въ число преступленій въ строгомъ смыслѣ.

Изученіе мотивовъ преступленій еще ярче показываетъ, продолжаетъ авторъ [5]), вліяніе экономическихъ факторовъ. Какъ на важное доказательство въ этомъ отношеніи, онъ указываетъ на случаи совершенія преступленій съ цѣлью найти въ тюрьмѣ убѣжище въ нуждѣ.

Авторъ, конечно, нѣсколько преувеличиваетъ значеніе этого явленія. Здѣсь также не можетъ быть рѣчи о преступленіи въ собственномъ смыслѣ слова; въ этихъ случаяхъ преступленіе совершается лишь потому, что субъектъ не можетъ найти другихъ источниковъ существованія. А когда дѣло обстоитъ не такъ, когда, напротивъ, лѣнь, преждевременное отчаяніе передъ трудностями и нуждой зимняго времени толкаютъ на преступленіе,—въ этихъ случаяхъ нельзя сказать, что проступокъ совершенъ подъ исключительнымъ и прямымъ вліяніемъ дурного экономическаго положенія. Что такіе случаи часты среди привычныхъ обитателей тюремъ,—этому заставляетъ вѣрить большое число примѣровъ, приводимыхъ Лораномъ. Однако, остается безспорнымъ, что нужда можетъ считаться косвенной причиной преступленія, когда она заставляетъ совершить такой печальный шагъ по направленію къ тюрьмѣ, потому что совершитель такого дѣянія, если онъ и не пре-

---

[1]) У. с. II, стр. 512 слл.

[2]) См. объ экономическихъ причинахъ убійства: Bournet De la criminalité cu France et Italie стр. 46—7.

[3]) См. Гарофало: La Criminologie, стр. 169.

[4]) Для Италіи авторъ отсылаетъ къ Discorso alla Camera sulla crisi agraria отъ 8 февраля 1885 г.

[5]) У. с. II, пар. 131, стр. 517 слл.

ступникъ, въ этихъ случаяхъ осваивается съ дѣйствіями, ведущими къ преступленію.

Изученіе мотивовъ преступленія учитъ насъ еще и другому. Горри приписываетъ 2139 преступленій на 10000 жадности и корысти [1]). Жадность играетъ большую роль, главнымъ образомъ, въ преступности женщинъ. По Гилляру [2]), этотъ мотивъ одинъ усиливается во Франціи; другіе мотивы встрѣчаются все рѣже. Колаяни замѣчаетъ еще, что цифры Горри слишкомъ низки; онѣ оффиціальнаго происхожденія, а обвиняемый имѣетъ большой интересъ,—и въ виду большей отвѣтственности, и въ виду общественнаго мнѣнія, — скрывать истинный мотивъ своего преступленія, когда этимъ мотивомъ является жадность, и заставляетъ думать, что такимъ мотивомъ были страсть, месть, любовь или ревность. Въ дѣйствительности основаніемъ статистики Горри является скорѣе сущность преступленій, чѣмъ признаніе подсудимыхъ, что увеличиваетъ цѣнность этихъ данныхъ хотя въ нихъ возможна и нѣкоторая неточность. Колаяни же впадаетъ въ другую ошибку; вѣдь, жадность не синонимъ экономическаго бѣдствія, и значительное число преступленій, имѣющихъ мотивомъ жадность, не имѣетъ ничего общаго съ нуждой.

По автору, рецидивъ указываетъ на постоянство и энергичное дѣйствіе экономическаго фактора. Но такое же значеніе имѣетъ онъ и въ отношеніи другихъ факторовъ.

Въ § 132 Колаяни указываетъ на важныя преимущества изученія преступности у варварскихъ народовъ и у дѣтей; у нихъ—легче изучать явленія въ ихъ настоящемъ видѣ, легче найти истинныя причины этихъ явленій, въ виду того, что отсутствуетъ воздѣйствіе наиболѣе сложныхъ факторовъ. А это изученіе, очевидно, указываетъ на вліяніе экономическихъ факторовъ даже на преступленія противъ личности. По Ливингстону голодъ имѣетъ значительное вліяніе на образованіе характера. Дѣти, говоритъ авторъ, въ этомъ отношеніи подобны дикарямъ [3]). Когда ихъ подстрекаетъ голодъ, самыя кроткія изъ нихъ превращаются въ маленькихъ дикарей, съ удивительной настойчивостью давая свободу своимъ эгоистическимъ страстямъ. Авторъ, затѣмъ, указываетъ на нѣсколько дикихъ племенъ, обыкновенно кроткаго характера и весьма любящихъ своихъ дѣтей: однако, во время нужды они убиваютъ и съѣдаютъ этихъ дѣтей. Случается также, что люди, принадлежащіе къ цивилизованнымъ народамъ, подъ вліяніемъ голода впадаютъ въ ужасы антропофагіи. Выкидыши, дѣтоубійства, уничтоженіе стариковъ, продажа и оставленіе дѣтей случаются часто среди варварскихъ племенъ, когда нѣтъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію. Китайцы, напр., нравственность которыхъ въ другихъ отношеніяхъ стоитъ на высокомъ уровнѣ, имѣютъ среди низшихъ классовъ позорный обычай убійства и оставленія дѣтей. Конечно, встрѣчаются исключенія; но, продолжаетъ авторъ, среди соціологовъ, этнографовъ и путешественниковъ господствуетъ мнѣніе, что подобныя жестокости вызываются экономическими причинами, почему среди этихъ варварскихъ народовъ, съ ихъ зачаточной нравственностью, и не считаются таковыми. Таково же положеніе дѣла въ такихъ общественныхъ классахъ, которые представляютъ дикарей среди цивилизаціи.

---

[1]) Колаяни заимствуетъ цифры изъ данныхъ Мори: Revue des Deux Mondes 15 сент. 1860 г., стр. 478.

[2]) Guillard: Eléments de statistique humaine P. 1855, стр. 241.

[3]) Здѣсь ясно выражена тенденція моральнаго атавизма.

Въ подтвержденіе своего положенія авторъ приводитъ заявленіе Г. Вильсона, на Эбердинскомъ конгресѣ, согласно которому дѣтоубійство встрѣчается часто даже въ законныхъ супружествахъ, что подтверждаетъ Ланкастеръ, всегда приписывающій такіе случаи нуждѣ. Въ Италіи большое число дѣтоубійствъ выпадаетъ на долю одной изъ бѣднѣйшихъ провинцій—Тревизо, гдѣ встрѣчается и абсолютный максимумъ преступленій противъ имущества. На томъ же конгрессѣ въ Эбердинѣ Ватсонъ указалъ, что множество женщинъ предаются проституціи подъ вліяніемъ нужды; когда онѣ становятся матерями, ихъ позорный промыселъ становится для нихъ затруднительнымъ; слѣдовательно, и здѣсь дѣтоубійство обусловлено экономическими обстоятельствами. Тѣ же преступленія—дѣтоубійство, отцеубійство — часто встрѣчаются и среди сельскаго населенія, и почти всегда причиной ихъ является нужда.

Приведенныя нами разсужденія показываютъ, что экономическія условія иногда или часто ведутъ дикарей къ преступленіямъ противъ жизни. Но намъ кажется невозможнымъ вывести отсюда, что экономическій факторъ играетъ при этомъ главную роль.

Такой возможности мы не отрицаемъ; но аргументація Колаяни слишкомъ несовершенна, чтобы считаться убѣдительнымъ доказательствомъ. Нѣкоторыя доказательства, которыми онъ пользуется, спорны; таково дѣтоубійство среди проститутокъ. Эти несчастныя обыкновенно очень старательно принимаютъ предупредительныя мѣры, и имъ нѣтъ нужды прибѣгать къ убійству дѣтей; если же ихъ предосторожности оказываются случайно тщетными, у нихъ остается исходъ въ абортѣ, къ которому онѣ и прибѣгаютъ. Кромѣ того, въ исключительныхъ случаяхъ, когда дѣтоубійство становится единственнымъ и крайнимъ исходомъ,—весьма часто играютъ роль и другіе мотивы не экономическаго характера. „Дѣтоубійство не совершается извращенными и вырождающимися субъектами; оно обыкновенно является результататомъ плотскаго грѣха, въ которомъ слишкомъ поздно раскаялись“, говоритъ ф.-Эттингенъ [1]) Мы разсматриваемъ, какъ абсолютно неправильное, утвержденіе автора, что дѣтоубійство среди сельскаго населенія почти всегда вызвано экономическими условіями. Не нужда и даже не сожалѣніе объ утраченной дѣвственности толкаютъ на преступный путь; нѣтъ, это страхъ гнѣва отца, раскаяніе въ дурномъ примѣрѣ, даннымъ младшимъ, мысль о позорѣ, становящемся удѣломъ дѣвушки-матери среди сосѣдей,—вотъ что внушаетъ неопытнымъ молодымъ дѣвушкамъ нашихъ деревень и городовъ мысль о дѣтоубійствѣ. Внѣбрачное материнство меньше всего смущаетъ именно въ трущобахъ нашихъ большихъ городовъ, въ несчастныхъ, многолюдныхъ кварталахъ, гдѣ властно царитъ нужда, гдѣ развратъ съ самаго нѣжнаго возраста является правиломъ, гдѣ чувство чести исчезло съ послѣдними остатками стыда. Эттингенъ заявляетъ, что „стыдъ и отчаніе (въ большинствѣ случаевъ) ведутъ къ предупрежденію рожденія, а въ случаѣ неудачи—къ убійству ребенка“ [2]). Это утвержденіе поддерживаетъ и Корръ, подчеркивая въ то же время косвенное вліяніе экономическихъ условій. „Обычный и непосредственный мотивъ дѣтоубійства—боязнь скандала, закрывающаго для матери всѣ пути честнаго заработка для себя и ребенка, отчаяніе, вызванное этимъ страхомъ, часто усиленное горемъ покинутой“ [3]).

[1]) Moralstatistik, Erlangen 1873, c. 655.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Corre, Crime et Suicide, Paris 1891, стр. 298.

Что касается дѣтской преступности, утвержденіе Колаяни, что многія дѣти выказываютъ сильную склонность къ жестокости и, въ общемъ, отвѣчаютъ дѣтскому типу Ломброзо,—вѣрно. Но эти дѣти принадлежатъ къ исключеніямъ, къ непормальнымъ и вырождающимся [1]). Говорить вмѣстѣ съ Колаяни, что нормальныя дѣти были бы доведены голодомъ до худшихъ эксцессовъ — значило бы выставлять положеніе, не имѣющее доказательствъ. Выводы разсужденій этого параграфа, такимъ образомъ, слабы; авторъ доказалъ очень немногое. Кромѣ того, изъ этого очерка можно вывести нѣчто совершенно иное, чѣмъ хотѣлъ Колаяни. Если, дѣйствительно, преступленія противъ жизни, о которыхъ говорится здѣсь, вызваны среди дикарей экономическими причинами въ большей степени, чѣмъ среди цивилизованныхъ народовъ, — то это доказываетъ, что среди этихъ послѣднихъ матеріальные факторы играютъ меньшую роль. Авторъ говоритъ: „о болѣе сложныхъ причинахъ"; этимъ онъ уже считается съ вторженіемъ условій иного порядка, частью параллельныхъ, частью сопутствующихъ экономическимъ факторамъ. Мы подписываемся подъ этимъ заявленіемъ, соотвѣтствующимъ и статистическимъ данныхъ, но отнюдь не указывающимъ на непосредственную причинную связь между плохимъ экономическимъ положеніемъ и преступленіями противъ личности. Единственное доказательство, извлеченное изъ примѣра Италіи, не можетъ измѣнить этого вывода.

Этотъ параграфъ, слѣдовательно, надо разсматривать, какъ неудачную попытку автора связать свою теорію моральнаго атавизма съ объясненіемъ преступности экономическими условіями.

Въ § 133 Колаяни изучаетъ важность экономическихъ вліяній на преступность, принимая во вниманіе статистику преступности разныхъ странъ и ихъ экономическое положеніе.

Относительно сравненій разныхъ странъ авторъ полагаетъ, что малая достовѣрность, присущая, какъ правило, такимъ сравненіямъ, въ данномъ случаѣ устраняется поддержкой, которую имъ оказываютъ другія данныя: эти сравненія служатъ при случаѣ лишь подтвержденіемъ фактовъ, уже установленныхъ другими способами. Кромѣ того, основательная статистика помогаетъ избѣжать многихъ ошибокъ.

Авторъ сначала сравниваетъ Италію и Ирландію [2]). Какъ указываетъ Леруа Болье [3]), высокая преступность Ирландіи считается на

---

[1]) См. по этому поводу: Roux, Nos jeunes détenus, Paris et Lyon 1890: Tarde: Archivesde l'anthropologie criminell. IV, c. 257; Francott;e L'anthropologie criminelle, Paris 1991, c. 273; утвержденія того же рода на парижскомъ конгрессѣ Полины Пижонъ (Actesdu II Congrès. c. 343) и д-ра Magnan (id. c. 53 слд.).

[2]) У. с. стр. 524 слд.

[3]) Revue politique et litteraire 30 апрѣля 1881 г. Не безполезно было бы, если бы Колаяни привелъ числа, въ силу которыхъ онъ дѣлаетъ свои международныя сравненія. Мы присоединимъ ихъ къ его изысканіямъ, поскольку могли ихъ найти. Мориссонъ (Crimes and its causes, стр. 130) приводитъ для Италіи 221 случай воровства на 100.000 жителей (это число заимствовано у Бодіо), для Ирландіи—101. Ломброзо (Le Crime et, стр. 72) также беретъ у Бодіо цифру 72 для Италіи у „Omicidio" Ферри—91 для Ирландіи. Онъ считаетъ 96 убійствъ въ Италіи противъ 9 въ Ирландіи (по Готскому Альманаху, 1886—87). Ясно, что все зависитъ отъ того, на что опирается статистика. Чтобы убѣдиться въэтомъ, достаточно разсмотрѣть данныя Бодіо, особенно компетентнаго по этому вопросу. Онъ приводятъ для Италіи въ 1883 г. 10 различныхъ чиселъ (на 100.000 жит. 9,82; 73,54; 155.93; 36.73; 315,66; 334,25), смотря по принятому основанію: осужденія судомъ присяжныхъ, судомъ безъ присяжныхъ, единоличными судьями и т. д. (см. Actes du II Congrès etc, стр. 483 слл.). Уже поэтому международныя сравненія становятся крайне подозрительными. Если перемѣна основанія можетъ причинять такое измѣненіе въ цифрахъ, относящихся къ одной странѣ,

континентѣ часто лишь слѣдствіемъ ея политическаго положенія. Но это ошибка. Высокая преступность Ирландіи имѣетъ простую, но глубокую причину: она находятся въ связи съ распредѣленіемъ земельной собственности и, какъ съ слѣдствіемъ этого распредѣленія, съ нуждою крестьянъ и постоянными голодовками. Порядокъ и нравственность Ирландіи зависятъ отъ урожая и, главнымъ образомъ, отъ количества и качества картофеля. Колаяни прибавляетъ, что въ Ольстерѣ, гдѣ живутъ оранжисты и гдѣ аграрное законодательство благопріятнѣе, преступленія совершаются гораздо рѣже.

Въ Италіи преступность гораздо выше. Но и экономическое положеніе здѣсь гораздо хуже. По даннымъ „Economist“ [1]), говоритъ Колаяни, одинъ изъ пяти обитателей Италіи находится въ такой нуждѣ, отъ которой содрогнулся бы ирландецъ.

По State of lovor in Europe за 1878 г., по отчетамъ, представленнымъ консуломъ Соединенныхъ Штатовъ вашингтонскому правительству и сведеннымъ государственнымъ секретаремъ Эвартсомъ, видно, что въ Америкѣ заработная плата въ земледѣліи и промышленности въ три раза выше, чѣмъ въ Италіи, въ $1^1/_2$ раза выше, чѣмъ въ Англіи и Ирландіи, тогда какъ предметы первой необходимости гораздо дешевле въ Америкѣ, Англіи и Ирландіи, чѣмъ въ Италіи. Нужда въ Италіи ужасна. [2]) При такомъ положеніи дѣла не удивительно, что нравственность въ Ирландіи выше нравственности въ Италіи. Вотъ выводъ автора.

Затѣмъ онъ переходитъ къ Англіи [3]). Чтобы объяснить, какимъ образомъ громадное богатство Англіи можетъ быть согласовано съ количествомъ преступленій противъ собственности, Колаяни изучаетъ природу англійскаго богатства. Ни въ одной странѣ міра нѣтъ столь острой противоположности между крайнимъ богатствомъ и черной нуждой. Съ 1710 г. до 1843 г. 7.660.413 акровъ, составляющихъ $^1/_8$ всей поверхности Англіи, стали, въ силу законовъ объ экспропріаціи, частной собственностью лордовъ. Д-ръ Симонъ и проф. Роджерсъ даютъ выразительную картину положенія земледѣльческаго класса. Послѣ введенія въ 1860 г. машинъ въ земледѣліи значительное число рабочихъ вдругъ очутилось безъ работы и стало скитаться по странѣ группами, какъ цыгане, продавая свой трудъ, какъ только могли. Нравственный уровень ужасающимъ образомъ понизился. Авторъ думаетъ также, что сельскій рабочій не потребляетъ даже четверти того количества молока и $^1/_2$ хлѣба, которое потребляетъ ирландецъ. Юнъ уже въ началѣ вѣка наблюдалъ, что ирландецъ питается лучше. Причина въ томъ, что бѣдный ирландскій собственникъ гораздо милосерднѣе богатаго англійскаго. Эта

что же сказать о цифрахъ, неизбѣжно имѣющихъ такія основанія, которыя невозможно согласовать другъ съ другомъ.

Какъ бы то ни было, на обязанности Колаяни лежало, по крайней мѣрѣ, привести числа, на которыя опираются его разсужденія.

[1]) И здѣсь, какъ и вездѣ, очень досадно, что Колаяни неточенъ въ указаніяхъ источниковъ. Вообще, авторъ довольствуется указаніемъ имени въ скобкахъ. Но такое указаніе какъ напр., Economist, явно ускользаетъ отъ всякой провѣрки и теряетъ въ то же время, всякую цѣну.

[2]) См. по этому поводу, между прочимъ, Rae, Il socialismo contemporaneo, Firenze, 1889, c. 52; Jessie Whité Mario: La Miseria in Napoli, Firenze, 1977; Letourneau, Prèface a L'homme criminel, c. IV и V.

Любопытно видѣть, что Ячини ставитъ Италію рядомъ съ Ирландіей. См. Proemio ai l'Inchiesta agraria, у Ломброзо и Ласке Se crime politique I, стр. 265.

[3]) У. с. II, стр. 527 слл.

[4]) Числа по Ломброзо: 136 на 100000 жит. (Le Crime стр. 72); по Моррисону 228 (Crimes and its causci, стр. 130).

нужда и надостатокъ жилищъ вызываютъ глубокую развращенность женщинъ, кровосмѣшеніе и дѣтоубійство.

Такимъ образомъ, въ Англіи, несмотря на громадное богатство нѣкоторыхъ, или скорѣе, именно благодаря ему [1]), свирѣпствуетъ крайняя нужда. Отсюда—высокая цифра преступности въ Англіи.

Изслѣдованія подобнаго рода ясно указываютъ, что въ выборѣ критерія оцѣнки экономическаго положенія страны слѣдуетъ поступать съ крайней осторожностью. Страна, на первый взглядъ въ отношеніи къ общему богатству, занимающая первое мѣсто, какъ, напр., Англія, можетъ въ результатѣ болѣе близкаго изслѣдованія оказаться одной изъ бѣднѣйшихъ и несчастнѣйшихъ въ мірѣ. Вотъ это-то, по отношенію къ Англіи, и обмануло Моррисона [2]); и не удивительно, что онъ приходитъ къ противоположнымъ, но совершенно ложнымъ выводамъ относительно экономическаго вліянія.

Въ Шотландіи [3]) еще неравномѣрнѣе распредѣленіе земельной собственности, а слѣд., и еще хуже положеніе крестьянъ. Половина Шотландіи принадлежитъ десяти или двѣнадцати собственникамъ, изъ коихъ одинъ обладаетъ 1.535.000 акровъ. Въ Гласго на 100 семействъ 41 живутъ въ одной комнатѣ, 37 въ двухъ, а во всей странѣ $^2/_3$ семействъ занимаютъ одну комнату. Мелкіе собственники поглощены лордами. Отсюда весьма высокая преступность Шотландіи [4]). Авторъ прибавляетъ, что слѣдуетъ удивляться, какъ въ Англіи цифра преступности не достигаетъ еще большей величины, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Эту, сравнительно, незначительную величину, онъ объясняетъ дѣйствіемъ другихъ соціальныхъ факторовъ.

Затѣмъ слѣдуетъ быстрый обзоръ нѣкоторыхъ другихъ странъ.

Авторъ утверждаетъ, что въ Бельгіи [5]) преступность вполнѣ соотвѣтствуетъ распредѣленію имущества. Она особенно высока во Фландріи, гдѣ бѣдность значительнѣе, а образованіе ниже, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ [6]). Въ Германіи и Россіи [7]), по даннымъ Штарке и Листа, преступность достигаетъ максимума въ наиболѣе бѣдныхъ мѣстностяхъ.

Въ Голландіи [8]) положеніе благопріятно; не только благосостояніе является общимъ правиломъ, но тамъ существуютъ многочисленныя попечительныя учрежденія, и собственность тамъ распредѣлена хорошо, какъ и во Франціи.

Въ Швейцаріи [9]) преступность также стоитъ на низкомъ уровнѣ; состоянія тамъ болѣе или менѣе одинаковы: пауперизмъ тамъ неизвѣ-

---

[1]) См. о распредѣленіи богатства въ Лондонѣ Ch. Booth: Le travai et la vie du peuple, въ Bulletin de la statistique et législation comparée, іюль 1891, с. 58—59; и Mayhew: The criminal prisons in England, Лондонъ 1862, с. 28 сл.

[2]) Morrisson, Crime und its causes стр. 131.

[3]) У. с. II, стр. 532 слл.

[4]) По Моррисону, въ Шотландіи встрѣчается 289 случаевъ воровства на 100000 жит., т. е. наибольшая цифра въ Европѣ (у. с. стр. 130).

[5]) У. с. II, стр. 533 слл. Моррисонъ приводитъ для Бельгіи 143 кражи на 100000 жит., Ломброзо—134 кражи на то же число жит. и 18 убійствъ на 1000000 жит.

[6]) См. о положеніи во Франціи: Quetelet—Physique sociale (изд. 1869 г.) с. 279 и Ducpétiaux: Le paupérisme dans lesdeux Fandres, с. 36.

[7]) У. с. II, стр. 534. Цифры Моррисона: (тамъ же) 262 кражи; Ломброзо (тамъ же) 200 на 100000 жит. и 5 убійствъ на 1000000 жит.

У. с. II, стр. 535.

[9]) У с. II, стр. 535, Ломброзо даетъ 114 кражъ на 100000 жит. и 16 убійствъ на 1000000 жит.

стенъ такъ же, какъ и большія состоянія, кромѣ кантоновъ Базель, Цюрихъ и Женева.

Швеція [1]) считаетъ для періода 1830—1870 гг. минимальную цифру кражъ.

Этотъ обзоръ Колаяни отличается бросающейся въ глаза поверхностностью, весьма опасной въ столь щекотливомъ дѣлѣ, какъ международная статистика. Мы уже отмѣтили неудобство того, что авторъ не приводитъ чиселъ, на которыя опирается. Вотъ новое доказательство малой точности труда Колаяни. И здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, указанія на источники заставляютъ желать многаго.

Автору недостаетъ основательности, въ особенности когда онъ говоритъ о Бельгіи, Голландіи, Германіи, Швеціи и Швейцаріи. Онъ довольствуется быстрымъ обзоромъ положенія преступности въ связи съ экономическимъ состояніемъ, не имѣя о послѣднемъ опредѣленныхъ данныхъ. Ясно, что такой обзоръ не имѣетъ никакой цѣны. Обзоръ этотъ, кромѣ того, не имѣетъ цѣнности по своей неполнотѣ. Собственно говоря, онъ касается лишь Италіи и Великобританіи; все относящееся къ другимъ странамъ лишено значенія. Хотя параллель между Англіей и Италіей могла бы быть лучше проведена,она все же даетъ нѣкоторые результаты. Она показываетъ, относительно метода изслѣдованія, что понятіе богатства должно быть опредѣлено ближе и что многое зависитъ отъ его природы. Она выясняетъ также наличность неоспоримой связи между преступностью и плохимъ экономическимъ положеніемъ, особенно же печальныя послѣдствія слишкомъ неправильнаго распредѣленія земельной собственности.

Въ § 134, для статистическаго изслѣдованія вліянія экономическихъ факторовъ на преступность, Колаяни примѣняетъ другой методъ, принятый также Гарофало, т.-е. изучаетъ экономическое положеніе преступниковъ.

Онъ начинаетъ съ замѣчанія, что дѣленіе на собственниковъ и не собственниковъ, предложенное Гарофало, не отвѣчаетъ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, первые могутъ, несмотря на свое имущество, очутиться въ нуждѣ, тогда какъ, напротивъ, тѣ, у которыхъ единственнымъ источникомъ существованія является трудъ ихъ рукъ, могутъ создать себѣ обильныя средства.

Взглядъ, брошенный нами на результаты, достигнутые въ этомъ направленіи, учитъ насъ, что % преступниковъ гораздо выше въ бѣдныхъ классахъ общества, чѣмъ въ достаточныхъ.

Швейцарія [2]). Въ Невшательской тюрьмѣ въ 1870 и 1871 г.г. 10% заключенныхъ имѣли нѣкоторыя средства, 89% не имѣли никакихъ.

Во всемъ населеніи процентъ собственниковъ гораздо выше, потому что въ Швейцаріи собственность довольно правильно распредѣлена.

Стевенсъ говоритъ, что въ центральныхъ тюрьмахъ Бельгіи [3]) встрѣчается слѣдующее отношеніе: 1%—зажиточныхъ, 11%—имѣющихъ нѣкоторыя средства, 88%—неимущихъ. Онъ заключаетъ также, что преступленіе чаще встрѣчается въ слояхъ, гдѣ царствуетъ нужда.

---

[1]) У. с. II, стр. 536.
[2]) У. с. стр. 537. Данныя заимствованы у Гильома: L'état de la question des prisons en Suisse.
[3]) У. с. II, стр. 538; Steevens, Les prisons cellulaires en Belgique.
[4]) У. с. II, стр. 538.

Изъ статистики рецидива въ Швеціи [1]) съ 1870 по 1872 г.г. слѣдуетъ, что на все число рецидивистовъ:

0,64% находились въ благопріятномъ положеніи;
10,08% въ среднемъ;
43,54% въ бѣдности;
45,63% въ нуждѣ.

А въ Швеціи собственность все же распредѣлена сносно; число собственниковъ въ среднихъ классахъ сравнительно значительно. Для Италіи авторъ даетъ слѣдующія цифры: въ 1886 г. 10,24% осужденныхъ изъ достаточнаго класса были осуждены судомъ присяжныхъ и 13,91% судомъ безъ присяжныхъ. Тѣ же почти цифры мы встрѣтили у Гарофало [2]). Однако, Гарофало устанавливаетъ для Италіи почти тожественное отношеніе между зажиточнымъ и бѣднымъ классомъ, и отсюда заключаетъ, что нужда не оказываетъ вліянія на преступность. Колаяни здѣсь заимствуетъ у Марро совершенно различныя цифры количества владѣльцевъ и невладѣльцевъ Это тѣ данныя, которыя мы противополагали даннымъ Гарофало, когда говорили о немъ. Воспроизводимъ ихъ еще разъ для ясности:

	Преступники.	Непреступники.
Неимущіе	79,6%	43,4%
Малолѣтнія дѣти зажиточныхъ родителей	4,1	10,5
Мелкіе собственники	6,7	18,4
Собственники	9.4	27,6

Изъ этихъ-то цифръ, съ полнымъ правомъ Марро и съ нимъ Колаяни дѣлаютъ слѣдующій выводъ: „Пропорція неимущихъ слишкомъ велика, чтобы можно было отрицать вліяніе этого соціальнаго условія на преступность, въ особенности на имущественныя преступленія, среди виновниковъ которыхъ мы именно и встрѣчаемъ наибольшее число неимущихъ. Было бы большой ошибкой считать, что наклонность къ преступленію происходитъ отъ нужды въ тѣсномъ смыслѣ, заставляющей умирать съ голоду. Гораздо чаще бываетъ, что преступника ведетъ къ преступленію относительная нужда".

Уже говоря о Гарофало, мы замѣтили, что цифры Марро заслуживаютъ бо́льшаго довѣрія, чѣмъ данныя перваго; онѣ болѣе правдоподобны и обнаруживаютъ большее сходство съ данными другихъ странъ. Кромѣ того, мы видѣли, что Гарофало впадаетъ, въ пользу своей теоріи, говоря о Франціи, въ большую ошибку относительно числа неимущихъ. Онъ, именно, заноситъ въ число неимущихъ земледѣльцевъ. (La Criminologie, стр. 185). А, вѣдь, общеизвѣстенъ фактъ, что земледѣльческое населеніе Франціи зажиточно и образуетъ большую часть мелкихъ собственниковъ.

Въ общемъ очевидно, что Гарофало слишкомъ многаго требуетъ для признанія зажиточности [3]).

Колаяни возражаетъ здѣсь противъ замѣчанія Гарофало [4]), относительно того, что зажиточные классы потому даютъ меньшее количество преступниковъ, что они располагаютъ лучшими средствами защиты

---

[1]) У. с. II, стр. 539 слл.
[2]) Garofalo La Criminologie, стр. 177 слл.
[3]) См. м. пр. Корнъ. Essai sur la cause de la criminalité въ Journal des Economistes, 1868.
[4]) La Criminologie, стр. 183. См. наши замѣчанія выше.

и даже подкупомъ Такое же замѣчаніе дѣлаетъ и Марро. Колаяни отвѣчаетъ, что если, дѣйствительно, часть преступленій богатыхъ не карается, то съ другой стороны не менѣе вѣрно, что еще, можетъ-быть, большая часть преступленій бѣдняковъ остается неизвѣстной, потому ли, что неразвитое нравственное чувство потерпѣвшихъ не побуждаетъ ихъ жаловаться, (что часто случается въ преступленіяхъ противъ нравственности), потому ли, что совершенно невозможно открыть виновника преступленія (полевыя кражи).

Въ этомъ параграфѣ Колаяни примѣняетъ удачный методъ для опредѣленія вліянія экономической жизни на статику преступности. Краткій международный обзоръ, въ который онъ вдается, далеко не полонъ и недостаточно обработанъ. Напр., для Швеціи, Бельгіи, Швейцаріи совершенно отсутствуютъ необходимыя данныя объ отношеніи имущихъ и неимущихъ въ непреступномъ населеніи. Однако, относительныя величины тѣхъ и другихъ среди преступниковъ говорятъ громко, что безъ всякаго сомнѣнія соотношеніе ихъ указало бы на поражающее преобладаніе неимущихъ. Во всякомъ случаѣ, до нѣкоторой степени выводъ этого параграфа лучше, чѣмъ выводъ международнаго сравненія § 133.

Выводъ XI главы: авторъ старается, часто посредствомъ малоцѣнныхъ и малоубѣдительныхъ доказательствъ, показать сильное вліяніе экономическаго положенія на статику преступности, что ему частью и удалось.

Въ слѣдующей главѣ (главѣ XII) Колаяни разбираетъ, какимъ образомъ отражается вліяніе матеріальныхъ факторовъ на динамику преступности. Авторъ полагаетъ [1]), что всякое сомнѣніе относительно этого вліянія должно исчезнуть, когда изучаешь динамическое отношеніе, существующее между ними. Многочисленные факты доказываютъ, что измѣненіе въ экономическомъ состояніи влечетъ за собой измѣненіе преступности. По мнѣнію Колаяни доказано, что преступность вызывается экономическими факторами. Эта причинная связь яснѣе видна на движеніи преступности, чѣмъ при изученіи ея въ статическомъ состояніи, но, по мнѣнію автора, она одинакова въ обоихъ случаяхъ. Всѣ криминалисты принуждены признать эту разницу; они или объясняютъ ее, какъ нашъ авторъ, тѣмъ, что то же экономическое вліяніе существуетъ и въ статикѣ, (что доказывается динамикой), но въ менѣе ясной формѣ, или откровенно признаются, что стоятъ передъ противорѣчіемъ (Мейеръ и пр.). Мы полагаемъ, что ключъ къ рѣшенію этой задачи заключается въ указанномъ нами различномъ вліяніи на статику и динамику преступности. Это вліяніе выражается въ разныхъ формахъ, ибо оно различно по существу, а не потому, что различнымъ образомъ проявляется; эту мысль мы развили во введеніи.

Авторъ, затѣмъ, указываетъ [2]), что вышеозначенная связь яснѣе выражается въ сферѣ имущественныхъ преступленій, чѣмъ въ сферѣ преступленій противъ личности. Психологическое объясненіе этого явленія, говоритъ онъ, очень легко: въ дѣйствительности, преступленія противъ личности коренятся въ старыхъ, мало подверженныхъ, несмотря на перемѣну эпохъ, измѣненіямъ привычкахъ (каморра, маффіа, вендетта, сфреджіо) и вызываются до нѣкоторой степени страстями. Какъ бы то ни было, авторъ здѣсь соглашается, что преступленія противъ личности

[1]) У. с. 11 стр. 543 сл.
[2]) У. с. II, стр. 544 сл.

не испытываютъ въ такой степени экономическаго вліянія. Возможность психологически объяснить это явленіе—даетъ лишь лишній поводъ принять его.

Принявъ за основаніе опредѣленный образъ жизни, можно сказать, что трудное положеніе начинается тогда, когда уменьшается возможность пріобрѣтать предметы, ставшіе въ условіяхъ нормальной жизни необходимыми, и обратно. Это уменьшеніе зависитъ или отъ уменьшенія заработной платы, при неподвижности цѣнъ, или отъ повышенія цѣнъ при неподвижности платы. Вотъ почему періоды кризисовъ, когда на-лицо оба обстоятельства являются наиболѣе типичными для изслѣдованія экономическаго вліянія.

Въ § 136 авторъ даетъ динамическій очеркъ. Наиболѣе полныя данныя даютъ намъ Пруссія и Франція. Для прочихъ странъ имѣются лишь статистическіе отрывки.

Для Италіи мы располагаемъ данными лишь средняго качества [1]). Въ короткій извѣстный намъ періодъ, въ 1880 г., мы замѣчаемъ сильное повышеніе преступности, совпадающее съ дороговизной жизненныхъ припасовъ и недостаткомъ работы въ теченіе суровой зимы. Ферри, не колеблясь, приписываетъ улучшеніе 1881—82 гг. богатому урожаю и вліянію эмиграціи, которые подняли заработную плату.

Стевенсъ [2]) устанавливаетъ для Бельгіи уменьшеніе тюремнаго населенія въ періоды изобилія работы и низкихъ цѣнъ на жизненные припасы. Въ обратныхъ случаяхъ преступность быстро поднимается.

Норвегія [3]) даетъ въ 1869 г. максимумъ преступленій противъ имущества, совпадающій съ общей экономической депрессіей въ странѣ.

Въ Швеціи [4]), въ періодъ отъ 1835 до 1839 г., замѣчается сильное увеличеніе преступности, какъ слѣдствіе различныхъ соціальныхъ факторовъ, прежде всего,—нужды. Число преступниковъ возросло съ 12,799 до 18,357.

Въ Англіи начала XIX вѣка положеніе было ужасно, опять-таки вслѣдствіе дурного распредѣленія собственности: населеніе раздѣлилось на два класса: „джентльменовъ“ и „пауперовъ“. Нужда рабочаго класса была ужасающей и увеличилась еще съ введеніемъ машинъ. Поэтому-то преступность и смута приняли значительные размѣры.

Преступность усилилась еще въ 1826 году, когда понизилась заработная плата и уменьшился спросъ на трудъ. Въ 1830 году положеніе стало настолько безнадежнымъ, что вспыхнуло возстаніе крестьянъ. Съ 1838 по 1847 годъ преступность, подъ вліяніемъ экономическаго положенія еще возрасла; ужасный голодъ 1847 г. далъ почувствовать и въ Англіи, какъ и вездѣ, свои ужасныя послѣдствія.

Авторъ полагаетъ, что въ колебаніяхъ преступности увеличеніе преступленій противъ имущества идетъ почти всегда рядомъ съ увеличеніемъ преступленій противъ личности.

Это явленіе равнымъ образомъ наблюдается и въ Соединенныхъ Штатахъ [5]); въ 1884 году, когда 400000 рабочихъ были осуждены на

---

[1]) Въ то время еще не появилась работа Форназари ди Верче.
[2]) См. Stevens, Les prisons cellulaires en Belgique стр. 239—240.
[3]) Revista di discipline carcerarie 1889. стр. 59.
[4]) Desportes, La réforme pénitentiaire en Suède. с. 5
[5]) Revue Socialiste 1885, стр. 864.

безработицу, нужда сдѣлала быстрые успѣхи и преступность носила недвусмысленныя черты этихъ обстоятельствъ:

	1883	1884
Убійства	1494	3377
Линчеванія	92	219
Самоубійства	910	1897

Къ несчастію, несмотря на важность этого изслѣдованія, авторъ не придалъ ему того совершенства, котораго можно бы было ожидать. Его очеркъ, опять, слишкомъ бѣглъ и поверхностенъ; онъ недостаточно обоснованъ, авторъ не приводитъ научныхъ данныхъ; данныя исчерпываются бѣглыми впечатлѣніями отъ прочитаннаго. Самая литература предмета не полна. Въ этомъ отношеніи, напримѣръ, данныя проф. Дени [1]) оказали бы гораздо болѣе важныя услуги, чѣмъ данныя Стевенса. Тѣ же замѣчанія относятся и къ предлагаемому авторомъ въ § 127 очерку, Англіи и Франціи.

Во Франціи Бурне [2]) устанавливаетъ параллелизмъ между кривыми убійствъ и экономическихъ кризисовъ 1839, 1840, 1843, 1847, 1867, 1876, 1881 гг. Лакассань [3]) устанавливаетъ, что отношеніе выражается менѣе ясно, когда правительство принимаетъ превентивныя мѣры благотворно вліяющія на состояніе земледѣлія и промышленности. Точно также въ департаментѣ Сены, если вѣрить „Journal des Economistes“ (августъ 1884 г.) и „L'Ordre Social“(1880 г, № 4), кривая преступности идетъ съ 1833 года параллельно числу нуждающихся.

Авторъ, однако, болѣе подробно изслѣдуетъ трудъ Штарке [4]), установившаго для Пруссіи, за время отъ 1854 по 1878 г.г., параллелизмъ между цѣнами и имущественными преступленіями.

Безполезно повторять здѣсь выводы Штарке, которые мы найдемъ въ посвященной ему главѣ. Въ очеркѣ Колаяни изслѣдованіе данныхъ Штарке составляетъ почетное исключеніе. Все остальное въ корнѣ поверхностно и весьма мало доказательно. Ферри для Франціи, Эттингенъ, Фульдъ, Майеръ и др. для Германіи—забыты совершенно.

Конечно, изъ труда Колаяни не выяснялась бы связь между преступностью и экономическими факторами, въ которой глубоко убѣжденъ авторъ, если бы не было извѣстно, что литература, о которой идетъ рѣчь, имѣетъ иное значеніе, чѣмъ приписываемое Колаяни. Только съ большими колебаніями мы можемъ признать за авторомъ право вывести то окончательное заключеніе, въ истинности котораго мы убѣждены, но не его доводами:

1) Общая сумма богатства страны не можетъ служить показателемъ ея нравственнаго уровня и, въ особенности, уменьшенія преступности.

2) Экономическія колебанія оказываютъ болѣе или менѣе прямое вліяніе на преступность.

Наиболѣе желательно слѣдующее положеніе: наибольшая устойчивость и наибольшая равномѣрность въ распредѣленія богатства. Вотъ что открыла намъ статистика.

---

[1]) Denis: L'influence de la crise économique sur la criminalité et le penchant au crime de Quetelet, въ Bulletin de la Société de l'anthropologie de Bruxelles. 1886, т. IV, с. 220. Послѣднія работы Дени вышли уже послѣ труда Колаяни.

[2]) См. Bournet, La criminalité Comparée de la France et de l'Italie, стр. 47.

[3]) См. Lacassagne, La criminalité des villes et des campagnes стр. 15, 20 и 23.

[4]) Starke, Verbrecher und Verbrechen in Preussen, Berlin 1884.

Авторъ ищетъ новыхъ доказательствъ этого въ исторіи: исторія учитъ насъ, что нравственность повышается и преступность падаетъ тамъ, гдѣ вводятся коммунистическія учрежденія. [1])

Мы констатировали меньшую преступность въ Ирландіи, несмотря на крайнюю бѣдность края, ибо тамъ сильно развиты альтруистическія чувства. Напротивъ, въ Англіи и Шотландіи мы стоимъ лицомъ къ лицу съ высокой преступностью и съ крайне бѣдственнымъ положеніемъ, хотя общее богатство тамъ велико, ибо земельная собственность тамъ распредѣлена очень плохо.

Въ Алжирѣ преступность стоитъ на низкомъ уровнѣ, но, по свидѣтельству Жида, магометанскій законъ справедливѣе и разумнѣе, чѣмъ законъ, основанный на римскомъ правѣ. Онъ допускаетъ частную собственность лишь на движимость, результатъ труда, но не допускаетъ частной собственности на землю, которая должна оставаться общей и, по словамъ Пророка, принадлежать орошающимъ ее своимъ потомъ.

Племя Юруба, на западѣ Африки, по словамъ Реклю, „кротко, благожелательно, вѣрно данному слову, послушно, искренно, легко прощаетъ обиды, трудолюбиво и проникнуто общественнымъ инстинктомъ". А въ чемъ причина всего этого?—Юруба не знаютъ крупной земельной собственности. Земля считается общимъ достояніемъ.

Островитяне Явы „кротки, справедливы, честны; нравственность и солидарность царятъ тамъ". Однимъ изъ главныхъ мотивовъ такого поведенія является коллективная форма пользованія собственностью, („dessa"), по словамъ автора, преобладающая тамъ (Летурно, Реклю, де-Лавеле). Яванцы остались честными и солидарными, несмотря на постыдное голландское владычество, заклейменное Ванъ-де-Путте и Дуве Деккеромъ.

Въ Европѣ—въ Россіи, въ Арденнахъ, въ Болгаріи—остались слѣды коммунистической общей собственности, производящей хорошіе результаты.

Авторъ заключаетъ: въ виду того, что мы могли въ различныхъ странахъ, въ различныя эпохи и среди различныхъ народовъ установить, съ одной стороны, равенство, умѣренность и устойчивость богатства, а съ другой—большую нравственность подъ вліяніемъ коммунистической системы, мы должны допустить между этими явленіями отношеніе причины и слѣдствія.

И здѣсь очеркъ автора, какъ и предыдущіе, слишкомъ неоснователенъ и неполонъ, чтобы узаконить его выводъ. Колаянни ограничивается бѣглымъ обзоромъ, съ высоты птичьяго полета, нѣкоторыхъ, приводимыхъ другими писателями фактовъ, не вникаетъ въ ихъ значеніе и извлекаетъ изъ нихъ, со всевозможной стремительностью, выводы, въ силу этого, по нашему мнѣнію, очень слабо доказанные! возьмемъ, напримѣръ, замѣчанія о Явѣ. Авторъ черпаетъ свои свѣдѣнія изъ романа Мультатули, документальная цѣнность котораго сведена теперь,—и была сведена уже въ 1889 году, когда Колаянни писалъ свою книгу,—къ нулю. Утвержденія Ванъ-де-Пюте никогда не были такъ категоричны, какъ полагаетъ Колаянни. Въ Италіи, гдѣ, естественно, широкая публика, даже и ученый міръ, по необходимости, не знаетъ цѣнности подобныхъ источниковъ, все это можетъ сойти за доказательства. Все это не служитъ къ увеличенію нашего довѣрія къ другимъ даннымъ автора, провѣрка которыхъ намъ часто невозможна.

---

[1]) У. с. II, стр. 558 слл.

Кромѣ того, не точно, что на Явѣ преобладающей формой собственности является коллективистическая „десса". Въ XIX вѣкѣ коммунистическая система, какъ общепринятая, уже давно исчезла, что явствуетъ, напр., изъ труда ванъ Коля [1]), спеціалиста по Голландской Индіи. Въ началѣ вѣка она, какъ система, исчезла совершенно, и слѣды ея встрѣчаются на Явѣ, по словамъ ванъ Коля, не чаще, чѣмъ въ Голландіи и другихъ странахъ Европы [2]).

Въ слѣдующей главѣ Колаяни занимается вліяніемъ на преступленіе другихъ соціальныхъ факторовъ, не носящихъ, какъ мы видѣли выше, по его мнѣнію, непосредственно экономическаго характера. Эта часть выходитъ изъ рамокъ нашего труда, ибо мы не разсматриваемъ, подобно ему, факторовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, какъ факторы матеріальнаго порядка.

Трудъ Колаяни является цѣлой защитой соціалистическаго тезиса, что преступленіе обусловлено исключительно экономическимъ факторами. Наше изложеніе указываетъ, соотвѣтствуютъ ли цѣли автора достигнутые имъ результаты. Конечно, въ этомъ трудѣ разобраны всѣ факторы, а относительно экономическихъ факторовъ Колаяни, для полноты изложенія, пользовался почти всѣми извѣстными досель уголовной соціологіи методами, чтобы опредѣлить важность и значеніе ихъ [3]). Но онъ пользовался ими неполно и недостаточно глубоко; поэтому, выводы автора могутъ разсматриваться лишь какъ отрывочные, частичные. Авторъ не имѣлъ намѣренія производить собственныя изслѣдованія. Его трудъ можно разсматривать, какъ попытку координировать всякія доказательства въ пользу вліянія экономическихъ факторовъ на преступность; попытка эта не удалась по причинѣ малой углубленности изслѣдованія, можетъ быть, по причинѣ проявляющейся во всемъ трудѣ тенденціи, заставляющей съ первыхъ же страницъ угадать цѣль, которой достигнуть авторъ желаетъ какой бы то ни было цѣной, жертвуя всѣмъ, даже наукой. Эта тенденція ослѣпляетъ автора, дѣлаетъ его пристрастнымъ, заставляетъ смѣшивать все, что ему кажется пригоднымъ для его предвзятой идеи. Онъ забываетъ критическій характеръ своего изслѣдованія и не видитъ, что много разъ не даетъ и не можетъ дать никакихъ доказательствъ въ пользу его положенія.

Мы, къ сожалѣнію, не можемъ присоединиться къ оцѣнкѣ книги Колаяни, сдѣланной Луиджи Бодіо: „это проницательный и смѣлый критикъ; книга его, написанная съ рѣдкимъ знаніемъ, богата теоріями и замѣчаніями, часто оригинальными и всегда основательно продуманными".

Представителемъ соціалистической криминологіи въ Бельгіи является Гекторъ Дени, профессоръ Брюссельскаго университета, научный вождь соціалистической партіи своей страны. Дени говорилъ объ отношеніи между преступностью и экономическимъ положеніемъ въ

---

[1]) Von Koll: Das Grundeigenthum auf Java, Neue Zeit XIV, c. 528 слл.

[2]) Тамъ же, стр. 533.

[3]) Въ этомъ смыслѣ можно назвать точной оцѣнку „Уголовной соціологіи", сдѣланную Пульезе, утверждающимъ, что Колаяни далъ примѣръ исчерпывающей разработки вопроса. Пульезе, съ своей стороны, замѣчаетъ, что авторъ располагалъ слишкомъ богатымъ научнымъ матеріаломъ, въ которомъ встрѣчается много новыхъ идей, утонувшихъ въ необъятномъ морѣ цитатъ и критическихъ замѣчаній (Rivista di jurisprudenza 1889, 3 и 4). Безпорядокъ и отсутствіе точности привели къ чрезмѣрному нагроможденію документовъ и создали это безбрежное море, гибельное для идей.

Но слишкомъ пренебрежительная критика Ломброзо кажется столь же не заслуженной, какъ и мало научное сужденіе Tribuna giudiziaria (31 окт. 1889). „Выводы" Sociologia criminale „могутъ нравиться невѣжественной черни, но не могутъ быть приняты учеными".

двухъ докладахъ, представленныхъ: одинъ—антропологическому обществу въ Брюсселѣ, другой—III конгрессу уголовной антропологіи.

Въ Bulletin de la Société d'anthropologie de Bruxelles 1886 г. т. 4, стр. 220, находится докладъ автора на тему: L'influence de la crise économique su la criminalité et le penchant au crime de Quetelet.

Отправная точка теоріи заключается въ слѣдующемъ: въ такихъ явленіяхъ соціальной патологіи и регрессивной морфологіи, какъ преступность, проявляются оба первоначальныхъ фактора всякаго соціальнаго явленія: дѣятель и среда, въ которой онъ дѣйствуетъ. Дени, слѣдовательно, допускаетъ въ этіологіи преступленія, 1) личный факторъ, 2) вліяніе среды, выступающее двояко: какъ физическое вліяніе, и какъ общественное, понимая подъ послѣднимъ населеніе и всѣ экономическія, интеллектуальныя, нравственныя, юридическія и политическія вліянія [1]).

Очевидно, основанія теоріи Дени гораздо шире, чѣмъ итальянскихъ соціалистовъ; онъ не считаетъ, какъ послѣдніе, преступность за исключительно экономическій феноменъ. Тѣмъ не менѣе, дѣйствительно, онъ приписываетъ экономическому состоянію чрезвычайно важную, если не наиболѣе важную роль: „Въ связь съ различными преступленіями должны быть приведены различныя стороны соціальной среды и историческое развитіе каждой изъ нихъ, въ особенности экономическая жизнь“ [2]). „Экономическія измѣненія“, продолжаетъ авторъ, „совершившіяся въ Европѣ, были значительны, протекали быстро и глубоко вліяли на преступность. Вспомнимъ, что Кетле, а за нимъ Майръ, установили отношеніе между измѣненіями хлѣбныхъ цѣнъ и имущественными преступленіями, повышающимися вмѣстѣ съ подъемомъ цѣнъ. Тотъ и другой полагали,, что это отношеніе постоянное; однако, конкурренція заатлантическихъ странъ, дѣйствуя на цѣны и умѣряя ихъ колебанія, измѣнила этотъ термометръ преступности, долгое время считавшійся непоколебимымъ; экономическое вліяніе должно быть теперь установлено инымъ путемъ, простымъ анализомъ хлѣбныхъ цѣнъ“ [3]). Авторъ останавливается, спеціально для Бельгіи, на вліяніи медленнаго кризиса, начавшагося въ 1873—1874 году и продолжавшагося еще во время писанія его книги (1886 г.) [4]). На брюссельскомъ конгрессѣ Дени вернулся еще къ этому сильному потрясенію и его энергичному вліянію на преступность. Авторъ старается показать здѣсь вліяніе экономическихъ факторовъ посредствомъ данныхъ статистики Брюсселя, съ 1869 по 1883 гг. Дени намѣренно выбираетъ такое поле наблюденія, гдѣ физическая среда не мѣнялась чувствительно и гдѣ качества населенія (органическія условія и наслѣдственныя склонности) также остались почти тѣ же. Измѣнилась лишь общественная среда прежде всего, населеніе, но главнымъ образомъ—экономическія условія. Кризисъ постигъ торговлю и промышленность Бельгіи; производство сократилось, потребленіе уменьшилось; увеличилось число банкротствъ; работа въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности сократилась, а въ другихъ — остановилась, понизилась заработная плата, прибыль, доходы. Результаты очевидны: преступленія противъ имущества болѣе, чѣмъ удвоились, мошенничества—увеличились почти вдвое, банкротства въ 6 разъ, бродяжества —

---

[1]) У. с. стр. 221. См. также Actes du III Congrés etc, стр. 370.
[2]) У. с. стр. 224.
[3]) У. с. стр. 225.
[4]) И продолжается еще въ 1887 г. См. Actes du III Congrés etc. стр. 368.

почти втрое [1]). Прибавленныя къ докладу діаграммы преступности столицы въ періодъ 1869—1884 гг., въ подтвержденіе истинности нарисованной выше картины, указываютъ почти точный параллелизмъ между преступностью, съ одной стороны, и цѣнами на хлѣбъ и каменный уголь—съ другой.

Болѣе подробно на этихъ соображеніяхъ останавливается Дени въ докладѣ, представленномъ Брюссельскому конгрессу: La criminalité et la crise économique [2]). Изъ представленнаго очерка ясно видно вліяніе рѣзкихъ экономическихъ измѣненій во время острага кризиса 1846—1847 года въ Бельгіи.

Преступность поднимается ужаснымъ образомъ, и ея кривая съ 1845 по 1849 годъ идетъ почти совершенно тожественно съ кривой хлѣбныхъ цѣнъ; это ясно изъ приложенной къ докладу діаграммы преступности и цѣнъ на жизненные припасы съ 1840 по 1890 годъ. Повышеннымъ цѣнамъ на хлѣбъ въ 1856 и 1861 гг. отвѣчаетъ также повышеніе преступности.

Въ другихъ мѣстахъ, однако, колебанія мало соотвѣтствуютъ другъ другу: до 1874 г. преступность пребываетъ относительно на одномъ уровнѣ, обнаруживая очень медленное повышеніе, тогда какъ цѣны на хлѣбъ рѣзко и значительно измѣняются. Какъ объяснить это явленіе? Вотъ тутъ-то авторъ и приходитъ къ выводу о недостаточности цѣнъ на хлѣбъ въ качествѣ мѣры матеріальнаго благосостоянія народа. Во времена Кетле и Герри хлѣбныя цѣны служили точнымъ выраженіемъ экономическаго состоянія данной мѣстности, но въ наши дни это не такъ. Подъ возрастающимъ вліяніемъ ввоза чужеземныхъ хлѣбовъ измѣненія цѣнъ, свойственныя различнымъ европейскимъ рынкамъ, зависятъ отъ общаго состоянія мірового урожая, а не только отъ мѣстнаго; цѣны въ Бельгіи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, могутъ быть низки, хотя урожай и плохъ [3]). Это явленіе крайней важности для земледѣльческаго класса. Даже для всего населенія, какъ мы уже замѣчали нѣсколько разъ, цѣны на хлѣбъ составляютъ лишь одинъ изъ элементовъ благосостоянія, хотя и важный. Однако, въ нашъ вѣкъ громаднаго развитія индустріи, внѣшней и внутренней торговли значеніе этого элемента съ каждымъ днемъ падаетъ. Факторъ этотъ теряетъ свое значеніе именно въ эпохи кризисовъ; бельгійская статистика и тутъ снабжаетъ насъ примѣромъ. Начиная съ 1874 года, невозможно установить никакого параллелизма между цѣнами на хлѣбъ и преступностью, потому что этотъ годъ знаменуетъ начало долгой промышленной и торговой депрессіи.

Дени, такимъ образомъ, вынужденъ искать другой экономическій показатель; онъ думаетъ найти его въ числахъ, выражающихъ общія колебанія цѣнъ на возможно большее число товаровъ. Это то, что называется „les nombres indicateurs“ (index number). Дени сдѣлалъ вычисленія такого рода для 28 наиболѣе важныхъ товаровъ, значащихся въ вывозѣ Бельгіи. Это новое сравненіе даетъ замѣчательные результаты: кривая цѣнъ поднимается въ періодъ 1850—1865 гг., понижается въ годы, слѣдующіе за 1874—75 г. Во время перваго періода преступность стоитъ на одномъ уровнѣ, во время второго падающая кривая цѣнъ сопровождается постояннымъ возвышеніемъ кривой преступности [4]). Дени, между тѣмъ приходитъ къ слѣдующему заключе-

---

[1]) У. с. стр. 227.
[2]) Actes du III Congrès etc. стр 365 слд.
[3]) Actes III Congrès стр. 368.
[4]) У. с. стр. 369 и діаграмма.

нію: „Существуетъ, очевидно, тѣсная связь между преступностью и перемѣнами экономическаго положенія, выражающимися пониженіемъ цѣнъ. Преступность, въ общемъ, несетъ на себѣ отпечатокъ экономическаго упадка и отмѣчаетъ его ходъ, представляя какъ бы моральное отраженіе его".

Противъ этого заключенія возстала критика. Ломброзо говоритъ, что авторъ установилъ какъ-разъ противоположное тому, что намѣтилъ [1]). Также судитъ и де-Бетсъ [2]). Слѣдуетъ, прежде всего, вдуматься и хорошенько понять мысль автора.

Если исторіи цѣнъ, на которыя указываетъ Дени, придавать обычное значеніе, т.-е. въ повышеніи ихъ—видѣть дороговизну и, слѣд., экономическое бѣдствіе, а въ пониженіи—легкія условія жизни и довольство,—тогда, очевидно, существуетъ обратное отношеніе между этими кривыми, изъ коихъ одна повышается, а другая падаетъ. Такова и должна была быть оцѣнка де-Бетса, который видитъ въ товарахъ, о коихъ идетъ рѣчь, „предметы, необходимые для жизни" [3]), т.-е. въ разсмотрѣніи ихъ простое расширеніе слишкомъ узкой сферы вліянія хлѣбныхъ цѣнъ. Но это недоразумѣніе. Дени говоритъ „о 28 наиболѣе важныхъ отварахъ, фигурирующихъ въ нашемъ экспортѣ". Онъ хотѣлъ изслѣдовать состояніе промышленности и торговли по цѣнамъ ихъ произведеній, чтобы получить „указаніе для выраженія измѣненій доходовъ разныхъ классовъ". Поэтому, повышеніе для него значитъ—благосостояніе, пониженіе—бѣдствіе.

Этотъ результатъ съ очевидностью вытекаетъ изъ того, какъ онъ разсматриваетъ движеніе цѣнъ, поднимающихся съ 1850 по 1865 г., понижающихся въ періодъ, слѣдующій за 1874—75 г.г.: „повышеніе цѣнъ въ первомъ періодѣ имѣетъ основной причиной открытіе золотыхъ розсыпей Австраліи и Калифорніи и пониженіе цѣнности денегъ; это общее повышеніе совпадаетъ съ развитіемъ таможеннаго законодательства, съ расширеніемъ желѣзнодорожной сѣти, съ увеличеніемъ сбыта; духъ предпріимчивости получилъ энергичный толчекъ, спросъ на трудъ возросъ, ростъ доходовъ и заработной платы усилился и благосостояніе увеличилось, хотя трудно сравнивать заработную плату съ цѣнами пищевыхъ продуктовъ...

Пониженіе цѣнъ послѣ 1873 г., съ болѣе или менѣе долгими промежутками, отозвалось на всѣхъ доходахъ: на доходѣ предпринимателя, на заработной платѣ, на рентѣ, на прибыли капиталиста; всѣ они были послѣдовательно, въ большей или меньшей степени, задѣты. Въ разные промежутки понизился духъ предпріимчивости, ограничился спросъ на трудъ, рабочихъ постигла безработица, отражавшаяся на однихъ предпріятіяхъ больше, на другихъ меньше. Антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ выразился рѣзче, увеличилось число стачекъ, съ ихъ печальными послѣдствіями" [4]).

Можно сомнѣваться, дѣйствительно-ли числа, приводимыя Дени, выражаютъ матеріальное положеніе страны. Дѣйствительно-ли—постепенное и постоянное пониженіе цѣнъ, безъ сомнѣнія, облегчающее условія жизни, означаетъ дурное положеніе—и только такое положеніе?

Вѣдь, очень знаменательный фактъ, подчеркиваемый де-Бетсомъ [5]),

---

[1]) Предисловіе къ труду Fornasari di Verce: La Criminalita etc, Torins 1894 г., с. XXIII.
[2]) Les influences de la misère sur la criminalité, Gand, с. 15—16.
[3]) У. с., стр. 14.
[4]) Actes de III Congrès etc, стр. 369.
[5]) Les influences de la misère etc, стр. 16. См. діаграмму.

встрѣчается въ Бельгіи: постепенное повышеніе заработной платы послѣ прекращенія кризиса, повышеніе, остановившееся лишь во время несчастнаго періода, приведшаго въ катастрофѣ 1886 года [1]). Тщательный и глубокій анализъ этихъ цифръ былъ бы весьма полезенъ, особенно въ настоящее время, когда криминологъ, принужденный покинуть хлѣбныя цѣны, долженъ искать новый показатель экономическаго положенія, несомнѣнно, крайне сложный.

Укажемъ, въ заключеніе, что и здѣсь Дени обнаруживаетъ свое широкое пониманіе уголовной этіологіи, отличающее его отъ большинства его единовѣрцевъ-соціалистовъ: „Очевидно, нельзя приписать всѣ измѣненія преступности единственно вліянію экономической среды. Преступность опредѣляется сложными причинами. Но нѣкоторые виды преступности подвержены опредѣленному, прямому вліянію экономическихъ факторовъ: преступленія имущественныя, въ особенности кража и мошенничество. Банкротство связано съ движеніемъ несостоятельности, бродяжество представляетъ корреллатъ безработицы, непостоянства работы“ [2]).

Представители соціалистической криминологіи во Франціи немногочисленны.

Зять К. Маркса—П. Лафаргъ помѣстилъ въ „Neue Zeit“ (VIII, стр. 11 сл., стр. 56 слл., 106 слл.) прекрасный очеркъ: Die Kriminalität in Frankreich von 1840—1846 г.г. [3]).

Авторъ подвергаетъ преступность во Франціи, за означенный періодъ, динамическому изслѣдованію.

Съ самаго начала Лафаргъ впадаетъ въ ошибку: онъ убѣжденъ, что этіологія преступности во Франціи должна указать намъ причины преступности вообще. По его мнѣнію, то, что истинно относительно Франціи, истинно также для любой страны, стоящей на одинаковомъ уровнѣ цивилизаціи. Авторъ ограничивается простымъ утвержденіемъ. Вмѣшательство вліянія расы, политическихъ и климатическихъ факторовъ и тысячи другихъ элементовъ, придающихъ каждой цивилизаціи особенный характеръ и такой же характеръ преступности каждой страны,—все это говоритъ противъ утвержденія Лафарга. Точно также географическое сравненіе различныхъ странъ и даже областей одной и той же страны постоянно доказываетъ, что одинъ и тотъ же факторъ, экономическій, напр., можетъ различнымъ образомъ проявить свое вліяніе соотвѣтственно странѣ и обстоятельствамъ, среди которыхъ онъ дѣйствуетъ.

Авторъ, послѣ изслѣдованія, отрицаетъ [4]) теорію, видящую причину преступности въ самомъ человѣкѣ, въ свободной ли его волѣ, или въ его нравственныхъ или физическихъ особенностяхъ. Преступность—соціальный продуктъ; вотъ это-то и стремится доказать авторъ. Нападеніе Лафарга на новѣйшую криминологическую школу слишкомъ ясно обнаруживаетъ тенденцію, присущую нѣкоторымъ соціалистическимъ пропагандистамъ, почти профессіонально чернить какъ все, что принадлежитъ буржуазному обществу, такъ и все, что дала наука этого общества. Въ результатѣ Лафаргъ присоединяется къ принципамъ и методамъ своей школы. Поддерживая мысль, что буржуазная

---

[1]) Мы также выразили это сомнѣніе на амстердамскомъ конгрессѣ, труды коего еще не опубликованы.

[2]) У. с., стр. 370.

[3]) Существенная часть этого труда появилась также въ Critica sociale 1890 г. № 3.

[4]) У. с., стр. 58.

наука совершенно не занималась изученіемъ соціальныхъ факторовъ, изученію, на которое Лафаргъ, какъ кажется, хочетъ присвоить себѣ вполнѣ незаслуженную монополію, нашъ авторъ съ полной очевидностью показываетъ, что онъ весьма мало знакомъ съ литературой уголовной соціологіи. Но излишне ли, въ самомъ дѣлѣ, усиліе заставить вспомнить изслѣдованіе Кетле о вліяніи временъ года, пола и возраста,— будто бы „преданное совершенному забвенію“ [1])—для того, чтобы показать, насколько полезно въ криминологіи изученіе большихъ чиселъ“. Изысканія Кетле совершенно не забыты, а при наличности многочисленныхъ работъ по уголовной статистикѣ призывъ „къ наблюденію массъ“ звучитъ, какъ анахронизмъ, показывающій, насколько модернистъ Лафаргъ отсталъ отъ криминологической литературы.

Авторъ приступаетъ къ своему изслѣдованію [2]). Сравненіе урожая и преступности показываетъ, что между этими двумя феноменами существуетъ тѣсное отношеніе, хотя и не настолько характерное, чтобы можно было въ точности опредѣлить одно другимъ. Годамъ повышенной преступности—1847, 1854, 1868 и 1874 предшествовали годы, ознаменованные плохими урожаями. Съ другой стороны, урожаи—1855, 1861, 1879 г.г. были значительно ниже средняго, однако въ 1856, 1862 и 1880 г.г. преступность оставалось почти на одномъ уровнѣ.

Урожай 1847—1852 г.г. [3]) былъ хорошъ, однако, преступность замѣтно повысилась. Авторъ отсюда заключаетъ, что, если неурожай и обиліе хлѣба оказываютъ извѣстное вліяніе на преступность, это вліяніе иногда встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны другихъ факторовъ, иногда же сводится ими на-нѣтъ. Истинная причина нашей современной преступности и ея роста имѣетъ болѣе глубокое основаніе: это характеръ экономического развитія нашего капиталистическаго общества [4]). Громадное развитіе производительныхъ силъ и постоянное увеличеніе національнаго богатства не могли увеличить благосостоянія всѣхъ членовъ общества. Они имѣли слѣдствіемъ лишь сосредоточеніе огромныхъ состояній, съ одной стороны, и нужду для большинства остальныхъ людей, съ другой. Кромѣ того, развитіе капиталистическаго производства нерегулярно. Часто производство превосходитъ потребленіе, Это вызываетъ задержку въ производствѣ и, въ силу этого, кризисы, разрушающіе благосостояніе тысячъ, милліоновъ людей.

Отсюда, современная преступность есть необходимое слѣдствіе подобной организаціи производства въ современномъ обществѣ. Этотъ выводъ диктуется сравненіемъ кривой преступности и линіей, выражающей измѣненія въ производствѣ.

Это сравненіе недостаточно; въ нашемъ распоряженіи нѣтъ точной мѣры для измѣренія процвѣтанія торговли и промышленности. Лафаргъ думаетъ найти такую мѣру въ числѣ банкротствъ. На возраженіе, что эта мѣра неприменима къ земледѣлію, авторъ отвѣчаетъ, что въ наше время агрикультура не является преобладающей вѣтвью производства и что она слѣдуетъ участи промышленности, торговли и финансовыхъ спекуляцій. Авторъ находитъ подтвержденіе этого положенія въ сравненіи между числомъ всѣхъ несостоятельностей и числомъ залоговъ земли (наиболѣе вѣрнаго признака плохого положенія земельныхъ соб-

---

[1]) У. с., стр. 63.

[2]) У. с., стр. 65.

[3]) Эти данныя не соотвѣтствуютъ даннымъ Лакассаня, который считаетъ среди годовъ съ плохимъ урожаемъ годы, слѣдующіе за засухой 1847 года. См. Marche de la Criminalité en France de 1825 г. à 1880 г. Revue scientifique, 1881 г., стр. 678.

[4]) У. с, стр. 107 слл.

ственниковъ): обѣ эти линіи обнаруживаютъ замѣчательный параллелизмъ. Мы видѣли, что результаты урожая оказываютъ на преступность извѣстное вліяніе, обнаруживающееся въ особенности при повышеніи или пониженіи цѣнъ на наиболѣе употребительный пищевой продуктъ—на хлѣбъ. Это дѣйствіе хлѣбныхъ цѣнъ въ наше время, когда ввозъ хлѣбовъ принялъ такіе размѣры, что цѣны на хлѣбъ иногда понижаются, вмѣсто повышенія, уже не столь значительно. Примѣръ этого намъ даетъ 1879 г.: во всей Европѣ урожай былъ почти равенъ нулю; однако, цѣны на хлѣбъ стояли на 20% ниже средней. Съ другой стороны, спекуляція извлекаетъ большую пользу изъ продажи муки; если величина урожая и оказываетъ извѣстное вліяніе на цѣну на хлѣбъ, послѣдняя все же находится въ болѣе прямой зависимости отъ цѣнъ на муку.

Затѣмъ, въ таблицѣ 6, авторъ старается объяснить діаграмму преступности, несостоятельностей и цѣнъ на муку въ Парижѣ съ 1840 по 1888 годъ. Кривая преступности въ общемъ совпадаетъ съ криной несостоятельностей, не безъ значительныхъ уклоненій, однако, причиненныхъ вліяніями, противодѣйствующими вліянію несостоятельностей: это—измѣненія цѣнъ на муку, политическія событія и чрезвычайное оживленіе промышленности. Въ 1847 г. цѣны повышаются, увеличивается также число несостоятельностей, преступность повышается по перпендикулярной линіи и такъ же быстро падаетъ въ слѣдующіе годы, когда понижается также цѣна на муку и число несостоятельностей. Политическія событія 1852 г. мѣшаютъ этому понижающемуся движенію преступности, тогда какъ цѣны на муку и несостоятельности все падаютъ. Съ 1854 г. начинается во Франціи эпоха экономическаго оживленія, продолжающаяся до 1859 г., эпоха, отмѣченная лихорадочнымъ производствомъ. Преступность отражаетъ благодѣтельное вліяніе благоденствія, порожденнаго расцвѣтомъ промышленности. Преступность не повышается, несмотря на увеличеніе (правда, въ слабой степени) числа несостоятельностей.

Изъ этого общаго совпаденія авторъ считаетъ себя въ правѣ сдѣлать выводъ, что несостоятельности, путемъ вліянія, которое онѣ оказываютъ на средства существованія тысячъ людей, вліяютъ въ нѣкоторой степени на преступность. Однако, ихъ воздѣйствіе увеличивается или уменьшается, смотря по обстоятельствамъ, вызваннымъ или политическими событіями, или цѣнами на муку, или оживленіемъ промышленности.

Авторъ идетъ глубже въ изученіи своего предмета. Онъ старается найти выраженіе совокупнаго дѣйствія двухъ разнородныхъ факторовъ: несостоятельностей и цѣнъ на муку. Онъ дѣлитъ среднее ежегодное число несостоятельностей и цѣнъ на муку, вычисленное за періодъ времени съ 1840 по 1886 гг. на ежегодное число несостоятельностей и цѣнъ муки. Онъ получаетъ такимъ образомъ рядъ частныхъ, находящихся между собой въ томъ же пропорціональномъ отношеніи, какъ и дѣлители, съ помощью которыхъ они получены. Эти частныя, кромѣ того, представляютъ изъ себя не конкретныя, а абстрактныя числа, которыя можно складывать. Авторъ графически изображаетъ это соединенное дѣйствіе несостоятельностей и цѣнъ муки, выраженное теоретически указаннымъ способомъ, и помѣщаетъ рядомъ кривую преступленій противъ собственности. Обѣ кривыя идутъ приблизительно параллельно. Ничтожныя разнорѣчія, встрѣчаемыя при этомъ, объясняются посторонними вліяніями, о которыхъ мы уже говорили. Этимъ способомъ Лафаргъ разсчитываетъ доказать абсолютную зависимость

ЦАБ "Автограф"

имущественныхъ преступленій нашего времени отъ современной системы производства.

Въ слѣдующей таблицѣ авторъ сравниваетъ кривыя рецидива и несостоятельностей, констатируя равнымъ образомъ ихъ совпаденіе. Отсюда выводъ, что несчастные, отбывшіе наказаніе, допускаются къ труду и въ мастерскія лишь когда дѣла идутъ хорошо и число несостоятельностей уменьшается; заминка же въ дѣлахъ и увеличеніе несостоятельностей выкидываетъ ихъ на улицу.

При изученіи преступленій противъ правъ семейныхъ, авторъ вынужденъ предварительно сознаться, что между ними и числомъ несостоятельностей нѣтъ никакой связи. Однако, Лафаргъ надѣется показать впослѣдствіи, что число несостоятельностей отражается на дѣтоубійствѣ. Другія преступленія, совершенно независящія онъ цѣнъ на муку, ощущаютъ вліяніе несостоятельностей въ обратномъ смыслѣ; таковы преступленія противъ нравственности и изнасилованіе, преимущественно дѣтей.

Вотъ окончательный выводъ Лафарга: благосостояніе капиталистическаго общества отмѣчается частью увеличеніемъ числа преступленій противъ нравственности, которое, напротивъ, уменьшается, когда дѣла промышленности плохи. Слѣдовательно, система капиталистическаго производства при всякомъ положеніи дѣлъ производитъ преступность. Лѣкарство легко отгадывается.

Очеркъ Лафарга имѣетъ свои недостатки. Желательно было бы, чтобы авторъ раздѣлялъ во всѣхъ своихъ діаграммахъ преступленія противъ собственности, противъ личности и нравственности. Кромѣ того, цѣны на муку въ одномъ Парижѣ не даютъ основанія для вывода, хотя бы и приблизительнаго, для всей Франціи. А затѣмъ можно спросить автора, почему онъ, такъ правильно оцѣнившій значеніе урожая, цѣнъ на муку и на хлѣбъ, какъ выразителей экономическаго положенія, принялъ за базу цѣны не на хлѣбъ, а на муку. Въ дѣйствительности, цѣны на хлѣбъ вліяютъ такъ же, какъ и урожай, очень чувствительно на экономическую жизнь, являясь вдвоемъ существенными элементами, опредѣляющими стоимость наиболѣе важнаго и необходимаго для жизни человѣка предмета. Хлѣбныя цѣны являются, такимъ образомъ, болѣе твердымъ основаніемъ, чѣмъ цѣны на муку, ибо послѣднія являются, хотя и главнымъ, но не исключительнымъ факторомъ, опредѣляющимъ первыя.

Кромѣ того, преступленія противъ личности и нравственности недостаточно глубоко изучены, чтобы узаконить выводы автора.

Вся цѣнность труда Лафарга заключается въ изученіи имущественныхъ преступленій. Съ этой точки зрѣнія его трудъ—самое полное и лучшее изслѣдованіе уголовной статистики Франціи. Авторъ не ограничивается, по примѣру большинства своихъ предшественниковъ, только двумя факторами—урожаемъ и хлѣбными цѣнами. Онъ съ большимъ чутьемъ проникаетъ въ самую глубь нашей современной экономической жизни. Несостоятельности, какъ пробный камень матеріальнаго состоянія данной страны, послужили позднѣе предметомъ старательнаго изученія Мейера для кантона Цюрихъ [1]). Въ общемъ, результаты Мейера соотвѣтствуютъ результатамъ Лафарга: имущественныя преступленія, какъ общее правило, слѣдуютъ регулярно за кривой не-

[1]) A. Meyer: Die Verbrechen in ihrem Zusammenhang mit den wirtschaftlichen und sozialen Verhältnissen im Kanton Zürich, Jena 1895.

состоятельностей. Но что въ трудѣ Лафарга заслуживаетъ въ особенности одобренія, что ему, сверхъ того, и удалось,—это опредѣленіе числа, могущаго выразить совокупное дѣйствіе разнородныхъ факторовъ. Мы считаемъ трудъ Лафарга цѣннымъ вкладомъ въ изученіе экономической этіологіи преступности. Однако, замѣтимъ, что выводъ автора выходитъ за предѣлы имъ доказаннаго.

Къ соціалистической литературѣ принадлежитъ еще трудъ, представленный К. Г. Раковскимъ медицинскому факультету въ Монпелье. De la question de l'ètiologie du crime et de la dégénérescence, précédée d'un apercu sur les principales theories de la criminalité, Montpellier, 1897.

Послѣ длиннаго и интереснаго введенія (съ нашей спеціальной точки зрѣнія, однако, неособенно важнаго) авторъ выполняетъ содержащееся въ заглавіи обѣщаніе: онъ даетъ очеркъ главныхъ теорій преступности. Классификація, принятая авторомъ, невѣрна и не охватываетъ всего предмета. Самый очеркъ также неполонъ и въ немъ мало соблюдена соразмѣрность частей. Нѣкоторые отдѣльные криминалисты, какъ Тардъ, Колаяни, русскіе авторы (для изученія послѣднихъ автору оказалось весьма полезнымъ его знаніе русскаго языка) изложены Раковскимъ настолько полно и обстоятельно, насколько позволяютъ требовать размѣры труда этого рода.

Послѣ этого, авторъ приступаетъ къ своей главной задачѣ: къ изученію факторовъ преступности. Въ началѣ своего труда онъ даетъ весьма неточное опредѣленіе преступленія:[1]) нарушеніе опредѣляющихъ нормальное поведеніе юридическихъ положеній въ данномъ обществѣ. Преступленіе, по автору [2]), возникшее вмѣстѣ съ организаціей общества изъ отдѣльныхъ индивидовъ, по существу является соціальнымъ феноменомъ и не можетъ имѣть другихъ причинъ, кромѣ обыкновенныхъ соціальныхъ факторовъ. Но эти послѣдніе многочисленны, и можно задать вопросъ, не преобладаютъ ли одни изъ нихъ надъ другими? Авторъ полагаетъ, что одинъ такой преобладающій факторъ имѣется: это—экономическій факторъ. Раковскій заявляетъ себя сторонникомъ крайняго марксизма; онъ, слѣдовательно, убѣжденъ, что экономическій факторъ дѣйствуетъ на всю совокупность человѣческихъ дѣйствій, на религію, политику, мораль, право, науку, искусства.

Для Раковскаго, какъ и для Колаяни, вліяніе экономическаго фактора на преступность выражается двояко: [3]) косвенно,—черезъ посредство соціальныхъ, религіозныхъ, военныхъ, школьныхъ и другихъ институтовъ, характеръ и развитіе которыхъ обусловлены самимъ экономическимъ факторомъ; и непосредственно, въ законахъ производства и распредѣленія богатства. Авторъ ставитъ себѣ задачей обнаружить это непосредственное воздѣйствіе. Онъ отправляется не отъ статистическихъ, а отъ экономическихъ данныхъ. Этотъ путь кажется ему надежнѣе, потому что онъ ведетъ отъ причины къ слѣдствію и не представляетъ риска затеряться въ дебряхъ статистики. Съ теоретической точки зрѣнія это положеніе кажется правильнымъ. Но на практикѣ очень часто видишь себя вынужденнымъ исходить отъ слѣдствія, ибо путь отъ причины къ слѣдствію можетъ быть очень темнымъ, а слѣдствіе уже очевидно. Кромѣ того, по общему правилу прежде всего познается результатъ, и слѣд., часто естественно заключать отъ слѣдствія къ причинѣ (a posteriori). На дѣлѣ авторъ слѣдуетъ и тому,

---

[1]) У. с. стр. 55 слл.
[2]) У. с. стр. 57, 59 слл
[3]) У. с. стр. 72 слл.

и другому методу. Раковскій говоритъ о двухъ категоріяхъ экономическихъ явленій: о явленіяхъ, дѣйствіе которыхъ постоянно, какъ конкуренція, концентрація богатствъ, пролетаризація массъ, женщинъ и дѣтей, вымираніе деревни и образованіе огромныхъ городовъ. Съ другой стороны, онъ говоритъ о явленіяхъ, дѣйствующихъ періодически, таковы коммерческіе кризисы съ ихъ обычными спутниками: пріостановкой производства, безработицей, а также неурожаи.

а) Вліяніе на преступность экономическихъ явленій съ постояннымъ дѣйствіемъ: [1]) въ началѣ XIX вѣка громадное развитіе богатства и нужда въ дешевомъ трудѣ привлекли изъ деревень мужчинъ, дѣтей и женщинъ. Отсюда—обезлюденіе деревни, дезорганизація семьи. Деревенскій житель, вовлеченный въ водоворотъ городской жизни, былъ обреченъ стать жертвой порока и преступленія. Женщина, соприкасаясь съ развратомъ, должна была вступить въ постоянно возрастающіе ряды проституціи. Появились аборты и дѣтоубійства. Дѣти, лишившись заботъ и надзора родныхъ, имѣя постоянно передъ глазами дурные примѣры, пріобрѣли предрасположеніе сдѣлаться преступниками. Ко всему этому присоединяется ужасная нужда, тяготѣющая надъ рабочими кварталами большихъ городовъ. Необходимое слѣдствіе всего этого — преступленіе.

Мы вполнѣ согласны съ авторомъ, когда онъ утверждаетъ, что это плачевное положеніе должно было необходимо привести къ усиленію преступности въ нашъ вѣкъ. Но авторъ не доказываетъ этого положенія, а ограничивается только утвержденіемъ, что оно таково.

б) Между экономическими явленіями съ періодическимъ дѣйствіемъ [2]) авторъ прежде всего говоритъ о промышленныхъ кризисахъ. Эти кризисы причиняютъ несостоятельности, разореніе и самоубійства въ промышленныхъ классахъ, безработицу и голодъ въ рабочихъ, а все это сопровождается ростомъ преступности; авторъ думаетъ даже установить удивительное совпаденіе между ростомъ кризисовъ и преступностью. И въ доказательство этого утвержденія онъ приводитъ лишь знаменитый 1847 годъ, когда былъ двойной кризисъ земледѣлія и промышленности. И здѣсь такъ же, какъ и въ другихъ мѣстахъ, Раковскій скупъ на доказательства.

Затѣмъ авторъ изслѣдуетъ вліяніе измѣненій цѣнъ на пищевые продукты [3]). По его мнѣнію, это вліяніе сильно преувеличено. Въ дѣйствительности, говоритъ онъ, нѣкогда, когда хлѣбъ могъ, какъ въ 1315 году [4]), подняться въ цѣнѣ въ 9 разъ противъ обычнаго, это вліяніе могло быть замѣтно. Но теперь исчезла повсюду, кромѣ Россіи и Индіи [5]), причина возможности такого положенія: народонаселеніе, сдѣлавшись промышленнымъ, имѣетъ крупныя и постоянныя покупательныя средства, а, съ другой стороны, интернаціональные пути сообщенія позволяютъ ввозить заграничный хлѣбъ. Такъ, напр., во Франціи въ настоящемъ вѣкѣ цѣны на хлѣбъ колебались между 20 фр. 59 сан. и 30 фр. 16 с. за гектолитръ.

Эти соображенія неточны. Конечно, совершенно правильно, что съ развитіемъ коммерческихъ международныхъ сношеній голодовки повсюду, кромѣ Россіи, Индіи и Ирландіи, стали крайне рѣдки. Заат-

---

[1]) У. с. стр. 73 слл.
[2]) У. с. стр. 75 слл.
[3]) У. с. стр. 79 слл.
[4]) По Rogers: „Interprétation économique de l'histoire, с. 224.
[5]) А для Ирландіи? См. Colajani: „La Sociologia criminale“ II, стр. 525 и Actes du III Congrés etc с. 221.

лантическій ввозъ помогаетъ избѣгать кризисовъ, и цѣны не испытываютъ, какъ нѣкогда, столь головокружительныхъ колебаній. Но все это не мѣшаетъ тому, что, въ особенности въ обычное время, хлѣбныя цѣны продолжаютъ быть однимъ изъ элементовъ общественнаго благосостоянія: вѣдь дороговизна заставляетъ всегда тратить большую часть дохода на пріобрѣтеніе предметовъ первой необходимости. Очевидно, однако, въ заявленіяхъ автора кроется и доля истины. Она заключается въ томъ, что значеніе цѣнъ, какъ экономическаго показателя, съ каждымъ годомъ слабѣетъ. Но это замѣчаніе не относится къ большинству работъ, охватывающихъ періоды XIX вѣка, для которыхъ хлѣбныя цѣны являются однимъ изъ наиболѣе знаменательныхъ фактовъ въ экономической жизни народа. Чтобы убѣдиться въ великомъ значеніи цѣнъ для преступленій, главнымъ образомъ, имущественныхъ, слѣдующихъ съ поразительной точностью за ростомъ цѣнъ, достаточно посмотрѣть на многочисленныя діаграммы, устанавливающія связь этого феномена съ преступностью. Эта статистика принуждаетъ Раковскаго признать, „что вліяніе цѣнъ значительно и что оно сказывается на числѣ браковъ, смертей и преступленій“. Онъ, однако, приводитъ лишь нѣсколько цифръ, заимствованныхъ у Мелье и Иллинга.

Авторъ находитъ у Жюглара утвержденіе, что во Франціи за XIX вѣкъ цѣна хлѣба колебалась только въ предѣлахъ между 20,59 фр. и 30,16 фр. [1]). По другимъ даннымъ, эти цифры не точны. Массне указываетъ колебанія между 14,32 фр. (1850 г.) и 29,25 фр. (1847 г. [2]). Лакассань указываетъ максимумъ въ 30,75 фр. (1855 г. [3]). Дени приводитъ для Бельгіи за періодъ 1840—1890 гг. цифры—14,50 фр. (1889 г.) и 33 фр. (1855 г. [4]). Де Бетсъ даетъ для періода отъ 1845 по 1849 г.: 18 фр., въ 1849 и 32 фр. въ 1847 г. [5]). Раковскій и самъ, на той же страницѣ [6]), приводитъ цифры Мелье [7]), меньшія, чѣмъ минимумъ Жюглара—т. е. 18,16 фр.

Авторъ прводитъ еще краткій очеркъ теоріи Полетти, которую онъ критикуетъ и признаетъ несостоятельной безъ большихъ доказательствъ [8]).

Въ результатѣ, работа Раковскаго заключаетъ въ себѣ нѣсколько интересныхъ сообщеній: изученіе экономическаго фактора произведено въ широкомъ масштабѣ. Авторъ превосходно освѣдомленъ о состояніи вопроса. Къ несчастію, изложеніе основано, какъ и доказательства, на неполныхъ и недостаточно тщательно подобранныхъ матеріалахъ, чаще всего на отрывкахъ статистики, между тѣмъ, какъ мы стоимъ лицомъ къ лицу съ большимъ количествомъ матеріаловъ.

Въ Германіи, гдѣ криминологіей вообще мало занимаются, социалистическая литература нашего предмета относительно обширна.

А. Бебель помѣстилъ въ своемъ знаменитомъ трудѣ Die Frau und der Socialismus (Stuttgart, 32 изд. 1901 г.,) кое-какія соображенія о природѣ преступности. Какъ извѣстно, авторъ убѣжденный сторонникъ марксистской доктрины во всей ея полнотѣ [9]). Наше общество и положеніе его въ настоящее время, вмѣстѣ со всѣми своими

---

[1]) Juglar: Des crises commerciales etc. стр. 518.
[2]) Massenet: Quelques causes sociales du crime, с. 22.
[3]) Lacassagne: Revue Scientifique, 1881, с. 678.
[4]) Denis: Actes du III Congres etc. Diagramme.
[5]) De Baets: Les influences de la misere sur la criminalité, с. 14.
[6]) У. с. стр. 80.
[7]) F. Mellier: Mémoirs de L'Académie rojale de méd. X, с. 170.
[8]) У· стр. 80 и 82.
[9]) См. м. п. стр. 131 и 153.

пороками и необходимыми спутниками (проституціей, полиціей, милитаризмомъ, религіей, предпріятіями) покоится на капитализмѣ [1]). Всякаго рода преступленія и ихъ ростъ также тѣсно связаны съ экономической организаціей современнаго общества [2]). Подтверждая свой тезисъ, авторъ дѣлаетъ нѣкоторыя заимствованія изъ статистики Саксоніи, Австріи и Германской имперіи. Эти отрывочныя цифры относятся къ годамъ, взятымъ отдѣльно, безъ связи, и не имѣютъ никакой доказательственной силы. Бебель, правда, касается нашего предмета лишь мимоходомъ. Эти страницы принадлежатъ къ числу тѣхъ бѣглыхъ страницъ, которыя часто встрѣчаются въ этомъ замѣчательномъ, но популярномъ трудѣ, гдѣ авторъ, какъ кажется, самъ отступаетъ передъ строго-научными доказательствами изъ боязни повредить увлекательной и плѣнительной формѣ, обусловившей, конечно, огромный успѣхъ книги.

Люксъ въ своемъ Sozialpolitisches Handbuch (Berlin 1892) посвящаетъ изученію преступности одну главу [3]).

Мы до сихъ поръ видѣли въ соціалистической литературѣ тенденцію свести всѣ причины преступленія къ единственному матеріальному фактору, будь то нужда или, скорѣе, плохое матеріальное положеніе, или же экономическое неравенство. Люксъ отказывается слѣдовать этому методу, который онъ считаетъ совершенно ошибочнымъ [4]). Принимая безъ оговорокъ матеріалистическій взглядъ на исторію, онъ развиваетъ теорію, согласно которой основаніемъ преступности является организація общества. Отправной точкой и основаніемъ нашей общественной организаціи, даже организаціи за весь періодъ цивилизаціи, является частная собственность [5]). Совершенствованіе капиталистическаго режима вызываетъ необходимость созданія второстепенныхъ учрежденій, его охраняющихъ, какъ то: моногаміи, государства—жандарма. Преступленіемъ является все, что посягаетъ на частную собственность или на средства ея охраны. Только собственники имѣютъ право на существованіе, право, въ которомъ отказано неимущему. Простой инстинктъ самосохраненія толкаетъ этихъ послѣднихъ на нападенія на право, охраняющее только сильныхъ. Вотъ эти-то нападенія правящій классъ и называетъ преступленіями. Вотъ *общее отношеніе между* преступностью и общественнымъ строемъ. Можно, однако, отмѣтить и самыя разнообразныя осложненія.

Нельзя, во-первыхъ, отрицать вліянія зимы на усиленіе преступности [6]). Прямое отношеніе, существующее постоянно, вопреки утвержденіямъ Мюллера [7]), между цѣнами жизненныхъ припасовъ и имущественными преступленіями, видно изъ сравненія этихъ явленій за 1881—1889 гг. Шмидъ обнаружилъ въ Neue Zeit неточность этихъ цифръ [8]). Люксъ смѣшиваетъ число имущественныхъ преступленій съ числомъ лицъ, осужденныхъ за нихъ. То же самое относится и къ числу кражъ [9]).

---

[1]) См. стр. 177 и 297.
[2]) У. с. стр. 295 и 297.
[3]) Стр. 143 слл.
[4]) У. с. стр. 145 и 150.
[5]) У. с. стр. 143.
[6]) У. с. стр. 146 слл
[7]) Müller, Untersuhungen über die Bewegung der Criminalität in ihrem Zusammenhang mit den wirtschafttichen Verhältnissen Halle,, 1819, c. pazocin.
[8]) Neue Zeit 1892—93, II, 719.
[9]) См. Kriminalstatistic des deutschen Rieches für das Iahr 1889, II, 2.

Авторъ хорошо понялъ, что однѣ цѣны не могутъ объяснить колебаній преступности. Онъ утверждаетъ, что безработица играетъ важную роль и вспоминаетъ о работѣ Лафарга[1]), который, какъ мы могли замѣтить, считается съ этомъ явленіемъ. Люксъ, однако, просто утверждаетъ эту мысль, но не доказываетъ ея своимъ личнымъ изслѣдованіемъ. Онъ продолжительно изслѣдуетъ связь преступности съ цѣнами, воспроизводя бѣгло нѣсколько общихъ цифръ изъ венгерской статистики за періодъ съ 1881 по 1888 г., расположивъ ихъ по пятилѣтіямъ. Подыскивая въ литературѣ предмета доказательствъ для своего положенія, авторъ дѣлаетъ неудачный выборъ, приводя выдержку изъ устарѣвшей книги Кольба, опиравшагося къ тому же на весьма недостаточныя, даже и для времени появленія книги, данныя. Развивая свои положенія, Люксъ пользуется двоякимъ методомъ. Онъ старается, прежде всего, показать, что организація современнаго общества должна была необходимо произвести преступленіе и, притомъ, всѣ роды преступленій; здѣсь онъ стоитъ на марксистской точкѣ зрѣнія, служащей отправной точкой для всей его соціологіи. Такимъ образомъ, Люксъ дѣлаетъ апріорные выводы, и притомъ, изъ теоріи, конечно, не всѣми принятой, въ изслѣдованіе которой мы, однако, войти не можемъ, не выходя изъ криминологическихъ рамокъ нашего труда. Мы должны ограничиться утвержденіемъ, что это—апріористическій аргументъ, недопустимый въ позитивной наукѣ. Возникаетъ простой вопросъ: если имущественныя преступленія не что иное, какъ посягательства на мѣры охраны собственности противъ нападеній возрастающаго числа неимущихъ, принятыя собственниками, то какъ объяснить посягательства на имущество, которыя совершаются самими собственниками? [2]).

Люксъ, затѣмъ, старается доказать свое положеніе статистическими данными. Цифры, приводимыя авторомъ, весьма значительны и несомнѣнно подтверждаютъ связь, существующую между преступностью и матеріальнымъ положеніемъ, но далеко не въ состояніи установить, что всѣ имущественныя преступленія зависятъ отъ организаціи общества. Мы, такимъ образомъ, имѣемъ право утверждать, что рѣшающихъ доказательствъ въ работѣ Люкса нѣтъ.

Это справедливо и для дальнѣйшаго. Авторъ относитъ на счетъ современнаго общественнаго строя преступленія государственныя, противъ общественнаго порядка и религіи, снова исходя a priori изъ мысли, что установленія, на которыя направлены эти посягательства, имѣютъ единственной цѣлью оборону капиталистическаго общества и, слѣдовательно, нарушеніе ихъ можетъ быть обусловлено лишь современнымъ строемъ общества[3]). Если бы Люксъ разбиралъ лишь преступность, составляющую специфическую принадлежность современнаго общества, съ нимъ можно бы было согласиться; но тогда весь вопросъ былъ бы лишь споромъ о словахъ; нельзя бы было поручиться, что мы не увидѣли бы, при соціалистическомъ режимѣ, преступность другого, можетъ-быть, типа, но не менѣе грозную, чѣмъ преступность настоящаго времени.

До сихъ поръ рѣчь шла лишь о формальной преступности, какъ думаетъ Люксъ, т. е. о дѣйствіяхъ, объявленныхъ недозволенными со

---

[1]) Neue Zeit VIII.

[2]) Kolb, Handbuch der vergleichenden Statistik, Leipzig 1879, c. 516-17

[3]) Мы встрѣтили это замѣчаніе у Гарофало, (Criminologie 1895, c. 168), однако, въ менѣе опредѣленной формѣ, какъ намъ кажется.

стороны общества, которое желаетъ, какой угодно цѣной, защититься отъ вполнѣ законныхъ нападеній, тѣхъ, за кѣмъ оно не признаетъ права на существованіе. Еще труднѣе объяснить современнымъ строемъ общества преступность, признаваемую авторомъ матеріальной, т. е. „дѣйствія, которыя можно признать антисоціальными, даже безъ внутренняго принужденія", т. е. преступленія противъ личности [1]). Здѣсь неоспоримо проявляютъ себя личныя причины. Но авторъ замѣчаетъ, что всѣмъ этимъ причинамъ свойственъ общій характеръ: подавленіе соціальныхъ склонностей субъекта сильными внѣшними вліяніями. Если это такъ, то остается установить, какимъ образомъ такія внѣшнія причины, какъ психическое неразвитіе, душевное разстройство зависятъ отъ капиталистическаго режима. Это и стремится сдѣлать авторъ. Тяжелая среда [2]), въ которой воспитываются дѣти пролетаріевъ, даетъ имъ лишь нужду и пороки. Они къ этому предрасположены физически съ самаго рожденія, наслѣдуя отъ родителей кретинизмъ, эпилепсію и другіе психозы, мрачныя послѣдствія ужасающаго потребленія напитковъ. И статистика показываетъ,—авторъ приводитъ нѣсколько цифръ,—что преступность дѣтей очень велика; она достигаетъ максимума въ промышленныхъ центрахъ. На этотъ разъ цифры, выбранныя авторомъ въ доказательство своего положенія, совершенно ошибочны. Шмидтъ, въ Neue Zeit, противопоставилъ имъ дѣйствительныя цифры, говорящія противоположное [3]). Отъ этого зла страдаютъ не только одни рабочіе классы; капитализмъ, возбуждая лихорадочную дѣятельность торговли и промышленности, умножая кризисы, порождая нервный трепетъ, проникающій современное общество,—служитъ и для владѣющихъ классовъ психической причиной преступленія.

Слѣдуетъ замѣтить, чтобы быть справедливымъ, что послѣднее замѣчаніе вовсе не у мѣста здѣсь, гдѣ авторъ предполагаетъ говорить о преступленіяхъ противъ личности. Вѣдь, если развитіе индустріализма является источникомъ преступности, то потому прежде всего, что при немъ подвергается все большимъ искушеніямъ честность, а не потому, что оно чувствительно увеличиваетъ число преступленій противъ личности. Мы, конечно, охотно соглашаемся, что неправильная организація общества (неправильная болѣе, чѣмъ въ одномъ отношеніи) причиняетъ многія преступленія, облегчаетъ и вдохновляетъ другія; однако, заключать изъ этого, что капиталистическій режимъ является исключительной причиной всякаго психическаго вырожденія и поэтому (?) всѣхъ преступленій противъ личности,—значитъ выйти за предѣлы положительныхъ доказательствъ, приводимыхъ авторомъ въ пользу своего положенія и сводящихся къ простому перечисленію нѣкоторыхъ совершенно невѣрныхъ цифръ.

Авторъ касается еще нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ. Онъ оспариваетъ [4]) положеніе, признаваемое всѣми, что холостые принимаютъ большее участіе въ преступности. Причина этого ясна: для Люкса *необходимо*, чтобы *семейный* человѣкъ, *несущій* большую тягость въ сравненіи съ холостымъ, былъ бы болѣе чувствителенъ къ преступнымъ искушеніямъ. Какъ доказательство, авторъ приводитъ отрывокъ изъ германской статистики, изъ котораго видно, что съ 1883 г. на 100000 жит. той же категоріи число преступниковъ, состоявшихъ

---

[1]) У. с. стр. 154.
[2]) У. с. стр. 154 слл.
[3]) Neue Zeit 1892—1893, II, стр. 720. Для провѣрки чиселъ: Kriminalstadt des deutsches Reiches f. d. j. 1886, c. II, 26.
[4]) У. с. стр. 157 слл.

въ бракѣ, превосходило число холостыхъ, начиная съ 40-лѣтняго возраста, послѣдовательно для возрастовъ отъ 40 до 50, отъ 50 до 60, отъ 60 до 70, и свыше 70 лѣтъ. Это—странная ошибка относительно значенія этой, самой по-себѣ недостаточной, статистики. Очевидно, что, начиная съ 40-лѣтняго возраста, число лицъ, состоящихъ въ бракѣ, на 100000 жит. каждой категоріи, значительно превосходитъ число холостыхъ, и что, слѣдовательно, термины сравненія неодинаковы. Съ другой стороны, болѣе основательныя данныя, приводимыя Массенэ и другими, не оставляютъ сомнѣнія въ печальномъ вліяніи холостой жизни[1]).

Въ концѣ своего сочиненія Люксъ приводитъ нѣсколько цифръ, заимствованныхъ изъ англійской статистики съ 1878 по 1887 гг. и показывающихъ, что рецидивъ среди женщинъ чаще, чѣмъ среди мужчинъ. Отсюда авторъ выводитъ заключеніе, что современное воспитаніе слишкомъ плохо вооружаетъ женщину для борьбы за существованіе.

Въ концѣ-концовъ мы имѣемъ право заключить, что трудъ Люкса, хотя и опирается на разумное и логичное положеніе, вовсе не даетъ доказательствъ въ пользу этого положенія. Такой результатъ зависитъ частью отъ неправильнаго метода автора, выбирающаго, съ очевидной предвзятостью, отрывки изъ англійской, венгерской, нѣмецкой статистики, причемъ эти данныя относятся то къ одному только году, то къ незначительному періоду; авторъ стремится привлечь эти данныя на службу предвзятому выводу, но имъ, конечно, не хватаетъ систематической связности, требуемой безпристрастнымъ изученіемъ фактовъ.

I. Шмидтъ, тотъ самый, на котораго мы только-что ссылались при провѣркѣ чиселъ Люкса, регулярно помѣщаетъ въ Neue Zeit краткія криминологическія замѣтки. Одна изъ нихъ насъ непосредственно интересуетъ: Einfluss der Krisen und der Steigerung der Lebensmittelpreise auf das Gesallschaftsleben. Она помѣщена въ тт. XII (стр. 132) и XIII (стр. 177) указаннаго изданія.

Авторъ ограничиваетъ свои изслѣдованія вел. герцогствомъ Баденскимъ, сравнивая, главнымъ образомъ, данныя уголовной статистики за періоды 1875—1878 и 1882—1885. Первый изъ этихъ періодовъ—періодъ экономической депрессіи, сопровождавшейся ясно выраженнымъ паденіемъ заработной платы и повышеніемъ цѣнъ пищевыхъ продуктовъ. Второй періодъ характеризуется сравнительной экономической устойчивостью, болѣе или менѣе значительнымъ повышеніемъ заработной платы и пониженіемъ цѣнъ продуктовъ.

Поговоривъ о другихъ соціальныхъ явленіяхъ, авторъ останавливается на преступности. По оффиціальнымъ даннымъ окружныхъ совѣтовъ установлено, что во время кризиса число осужденныхъ „Ordenspolizei“ поднимается съ 16218 (въ 1875 г.) до 22624 (въ 1878 г.), или на 25%; а число осужденій „Sittenpolizei“ съ 1995 до 4485, слѣд. на 125%. Въ благопріятный періодъ первыя числа уменьшаются на 16%, а числа осужденій за бродяжества въ особенности—на 49%; числа второй категоріи на 3%, а числа профессіональнаго разврата—на 20%.

По даннымъ прокуратуры имущественныя преступленія указываютъ на то же вліяніе.

Поднялись за 1875—1878 гг.:		Понизились за 1882—1885 гг.:
Воровство	17,4%	13%
Мошенничество . . .	39	данныхъ нѣтъ.
Укрывательство . . .	112	27
Банкротство	274	данныхъ нѣтъ.

[1]) См. стр. 163 слл. А также и цифры Гилляра (Elements de statistique humaine, Paris 1855).

Общее число осужденій также свидѣтельствуетъ о вліяніи экономическаго состоянія.

За 1875—1878 гг. увеличилось число примѣненій:		За 1882—1885 гг. уменьшилось примѣненіе:	
Смертной казни	—%		—%
Исправительнаго дома .	43		11
Тюрьмы	34		2
Лишенія правъ	57		12
Полицейскаго надзора .	27		16

Авторъ дополняетъ свои данныя въ слѣдующемъ номерѣ [1]) очеркомъ неблагопріятнаго періода 1889—1892 гг., во время котораго имущественныя преступленія, при увеличеніи народонаселенія на 2%, поднялись:

Рецидивъ воровства (число осужденныхъ) . . .	на	18%
Другіе случаи воровства (число жалобъ) . . .	„	17
„ „ „ (осужденія)	„	6
Банкротства ежегодно; (жалобы)	„	54, 58, 90, 73
„ „ (осужденія)	„	27, 24, 43, 43

Данныя Шмидта, какъ таковыя, имѣютъ свою цѣну. Конечно, его методъ носитъ весьма общій характеръ и мало доказываетъ причинную связь соціальныхъ явленій. Надо замѣтить, что сравненіе кривыхъ рѣшительнѣе и заслуживаетъ предпочтенія передъ сравненіемъ опредѣленныхъ періодовъ, выборъ которыхъ можетъ быть произволенъ. Кромѣ того, періоды взяты очень краткіе; однако, авторъ не придаетъ большого значенія ни своимъ заключеніямъ, чрезвычайно общимъ, ни своимъ цифрамъ. Единственная цѣль его очерка—подчеркнуть важность собранныхъ данныхъ [2]). Конечно, всякія положительныя данныя драгоцѣнны при изученіи нашего вопроса.

Брошюра Гирша даетъ очеркъ преступности и проституціи, какъ явленій соціальной патологіи (Verbrechen und Prostitution, als soziale Krankheitserscheinungen). Брошюра написана съ рѣзкой соціалистической тенденціей и не безъ ненависти къ капиталистамъ и капиталистическому обществу [3]). Съ научной точки зрѣнія этотъ трудъ страдаетъ, какъ и всякая брошюра, тѣмъ, что, преслѣдуя главнымъ образомъ цѣль пропаганды, не даетъ точныхъ указаній на источники, откуда авторъ почерпнулъ основанія своихъ выводовъ.

Гиршъ начинаетъ съ довольно неполнаго очерка развитія уголовной антропологіи [4]). Этотъ очеркъ отмѣченъ невниманіемъ къ французской школѣ и преувеличеннымъ почтеніемъ къ нѣкоторымъ германскимъ криминологамъ меньшаго значенія. Затѣмъ авторъ переходитъ къ изученію преступности. Онъ признаетъ, что индивидуальный факторъ играетъ въ преступности до нѣкоторой степени второстепенную роль; когда же преступленіе опредѣлено этимъ факторомъ, — мы имѣемъ дѣло съ преступникомъ помѣшаннымъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ преступленіе вызвано соціальными условіями и главную роль играетъ тутъ экономическій факторъ.

Наше общество, продолжаетъ авторъ, организовано такимъ обра-

---

[1]) У. с. XII т., стр. 140 слл.
[2]) См. у. с. стр. 24, 26, 62, 71 слл.
[3]) У. с. стр. 8 слл.
[4]) См. также „Neue Zeit“ 1896—7, I, стр. 182, гдѣ Гиршъ даетъ также невѣрную оцѣнку реакціи противъ теоріи Ломброзо соціологической школы, называемой имъ нѣмецкой. Статья въ цѣломъ (критика книги Коха) носитъ несомнѣнные признаки неосвѣдомленности.

ЦАБ "Автограф"

зомъ, что нужда и бѣдствія являются результатами нашихъ невозможныхъ соціальныхъ условій; эти послѣднія толкаютъ мужчину на преступленіе, женщину—къ проституціи Авторъ напоминаетъ, что зажиточные классы даютъ меньшій процентъ преступниковъ сравнительно съ бѣдными, что проститутки изъ этого класса представляютъ единичныя явленія. Однако, авторъ приводитъ очень мало цифръ въ доказательство своего положенія, да и цифры эти ничего не доказываютъ. Гиршъ, кромѣ того, какъ кажется, плохо понялъ ихъ значеніе: либеральныя профессіи даютъ 5,6% общей германской преступности, тогда какъ въ преступленіяхъ противъ нравственности, не обусловленныхъ, конечно, экономическимъ положеніемъ,—13%. 5,6% въ общей преступности—число весьма большое, если принять въ разсчетъ, что въ Германіи либеральныя профессіи, конечно, не даютъ 5,6% всего населенія [1]). То обстоятельство, что этотъ % еще выше для преступленій второго рода,—вовсе не подтверждаетъ вліянія дурного экономическаго положенія. Это обстоятельство, напротивъ, могло бы доказывать, что матеріальное благополучіе благопріятствуетъ преступленіямъ противъ нравственности, что, между прочимъ, признаетъ большинство статистиковъ. Однако, доказательства, столь несовершенныя, какъ приводимыя авторомъ, безъ ссылокъ на источники, не позволяютъ сдѣлать никакихъ положительныхъ выводовъ. Дѣлаемое авторомъ заключеніе, что либеральныя профессіи будто бы даютъ наибольшія цифры для преступленій противъ личности и наименьшія для имущественныхъ, не имѣетъ того значенія, которое придаетъ ему Гиршъ, и ничего не доказываетъ.

Авторъ останавливается [2]) на освѣщенномъ статистикой явленіи, что въ бѣдныхъ мѣстностяхъ совершается наименьшее число преступленій, тогда какъ въ богатыхъ имущественныя преступленія встрѣчаются чаще. Гиршъ правильно замѣчаетъ, что для того, чтобы истолковать подобную статистику, надо условиться, что слѣдуетъ понимать подъ „бѣдностью“, и что часто забываютъ принять во вниманіе существенный элементъ: распредѣленіе богатства. Однако, этого замѣчанія недостаточно, чтобы исчезли противорѣчія, которыя получаются при сравненіи преступности разныхъ странъ. Историческія и географическія сравненія, основанныя на болѣе тщательномъ и точномъ опредѣленіи термина „богатство“, иногда указываютъ на странный фактъ: въ видѣ исключенія, бываетъ, что въ бѣдной странѣ преступность, даже имущественная, ниже, чѣмъ въ болѣе богатой [3]). Это обстоятельство окончательно доказываетъ, что экономическій факторъ играетъ въ этіологіи преступленія роль, которая измѣняется вмѣстѣ съ условіями мѣста, времени и обстоятельствъ, и что дѣйствіе другихъ явленій можетъ чувствительно уменьшить эту роль.

Послѣ этого авторъ переходитъ къ обзору различныхъ соціальныхъ установленій, которыя, повидимому, главнымъ образомъ, способствуютъ росту преступности. Онъ старается объяснить ихъ экономически. Въ этомъ обзорѣ Гиршъ больше утверждаетъ, чѣмъ доказываетъ.

1) Препятствія браку [4]). Проституція и преступленія связаны съ

---

[1]) По Гарофало, либеральныя профессіи составляютъ въ Пруссіи 2,2% населенія; эти профессіи участвуютъ въ преступности въ размѣрѣ 4%. См. Criminologie стр. 184.

[2]) У. с. стр. 29.

[3]) См. м. п. стр. 434.

[4]) У. с. стр. 30 слл.

препятствіями для брака. Количество законныхъ браковъ стоитъ въ тѣсной зависимости отъ экономическаго положенія, въ подтвержденіе чего авторъ приводитъ нѣсколько цифръ. Когда число законныхъ сожительствъ уменьшается, увеличивается число незаконныхъ, въ формѣ проституціи и конкубината. Отсюда увеличеніе числа незаконныхъ рожденій и преступности, ибо внѣбрачныя дѣти менѣе вооружены въ борьбѣ за существованіе и снабжаютъ армію преступности бо́льшимъ числомъ рекрутовъ. Авторъ теряетъ здѣсь изъ виду непосредственное вліяніе холостой жизни на преступность [1]).

2) Вслѣдствіе домашнихъ условій [2]), и семейныхъ обстоятельствъ увеличивается число дѣтей, происходящихъ отъ законнаго сожительства, но ростущихъ безъ надзора или преждевременно потерявшихъ родителей. Изъ нихъ также многіе становятся въ ряды преступниковъ и проституткъ.

3) Плачевныя жилищныя условія [3]), въ которыхъ,—въ особенности въ большихъ городахъ,—живетъ бѣдное населеніе, являются причиной быстрой порчи нравовъ. Скученность лицъ разнаго пола въ однѣхъ и тѣхъ же комнатахъ, часто на однѣхъ кроватяхъ, является необходимымъ слѣдствіемъ ихъ ужасной нужды.

4) Развитіе женскаго труда на заводахъ [4]), по автору, вездѣ способствовало росту проституціи. Актрисы и служанки также подвергаются большой опасности.

5) Если на фабрикахъ вмѣшательство государства положило конецъ наиболѣе грубой эксплоатаціи дѣтей [5]), все же эта эксплоатація продолжаетъ свирѣпствовать, хотя бы частично, въ домашней промышленности и даетъ самые печальные результаты. Бо́льшая часть дѣтей, посѣщающихъ школу, вынуждены также посвящать значительную часть свободнаго времени, долженствующаго для нихъ быть временемъ отдыха и развлеченія, нездоровому труду въ промышленности и земледѣліи. Они также совершенно лишены морализующаго вліянія отческаго дома. Ихъ нравственность подвергается самымъ большимъ опасностямъ.

Подъ давленіемъ тягостной нужды они познаютъ и дозволенныя и запрещенныя удовольствія. Они свыкаются со зломъ въ сравнительно нѣжномъ возрастѣ.

6. Затѣмъ авторъ останавливается на вліяніи экономическихъ кризисовъ [6]). Измѣненія цѣнъ на пищевые продукты оказываютъ вліяніе на браки и преступность. Какъ доказательство авторъ приводитъ намъ цифры Шмидта въ „Neue Zeit“ XIII, для вел. герцогства Бадена, о которыхъ мы уже говорили [7]). Авторъ полагаетъ также, что преступленія противъ нравственности стоятъ въ тѣсной связи съ дороговизной припасовъ; чтобы показать обоснованность этого утвержденія, онъ указываетъ, что въ Саксоніи въ 1882 г. было 140 осужденій за сводничество, тогда какъ въ 1885 только 105. Ихъ число возрастаетъ непрестанно, съ 1887 до 1891 г., когда оно достигало 203; одновременно происходитъ сильное повышеніе цѣнъ пищевыхъ продуктовъ [8]).

---

[1]) См. Массене: Quelques causes sociales du crime, Lyon 1893, с. 20 слл.

[2]) У. с. стр. 34 слл.

[3]) У. с. стр. 40 слл.

[4]) У. с. стр. 45 слл.

[5]) У. с. стр. 51 слл.

[6]) У. с. стр. 55 слл.

[7]) См. стр. 270.

[8]) Гиршъ использовалъ здѣсь замѣтку, появившуюся въ Neue Zeit XIII стр. 442. И тамъ его данныя предназначены доказать связь преступленій противъ нравственности съ цѣнами пищевыхъ продуктовъ.

Такимъ образомъ, на изложенныхъ страницахъ авторъ разсматриваетъ соціальные факты, вызывающіе, по его мнѣнію, главнымъ образомъ, преступность. Всѣмъ имъ обща одна черта: они почти исключительно вліяютъ на наиболѣе бѣдные классы. Отсюда выводъ, что наиболѣе предрасположены къ преступленію лица, обдѣленные судьбой. Авторъ считаетъ себя въ правѣ заключить, что за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, когда мы имѣемъ дѣло съ помѣшанными, въ генезисѣ преступности и проституціи первую роль играетъ экомическое положеніе [1]).

Однако, очеркъ автора слишкомъ поверхностенъ, не полонъ, основанъ на данныхъ, изъ которыхъ доказаны лишь немногія. Въ концѣ-концовъ Гиршъ ограничивается изученіемъ нѣкоторыхъ соціальныхъ явленій, вліяющихъ на преступность; особенность этихъ вліяній—та, что они связаны съ экономическимъ положеніемъ. Множество же другихъ факторовъ, связь которыхъ съ экономическими менѣе очевидна, Гиршъ обходитъ молчаніемъ. Прибавимъ, что научныя доказательства въ брошюрѣ встрѣчаются крайне рѣдко. Всѣ данныя сводятся къ нѣсколькимъ подобраннымъ отрывкамъ статистики. Вдобавокъ, авторъ охотнѣе опирается на предположенія, чѣмъ на положительныя данныя. Трудъ Гирша не подвигаетъ впередъ рѣшенія вопроса: его матеріалы всѣ почерпнуты у другихъ авторовъ. Съ предвзятой точки зрѣнія имъ указано нѣсколько фактовъ въ подтвержденіе соціалистической теоріи. Противныя мнѣнія вовсе не приняты въ разсчетъ; изъ приводимыхъ фактовъ, безъ всякой провѣрки, прямо дѣлаются выводы. Естественно, поэтому, что авторъ часто идетъ по ложному пути. Напримѣръ, утвержденіе о связи преступленій противъ нравственности съ экономическимъ положеніемъ доказано весьма недостаточно, если даже признать, что приведенное доказательство не совершенно неправильно. Авторъ беретъ нѣсколько рядовъ цифръ изъ Neue Zeit о связи осужденій за сводничество съ дороговизной въ Саксоніи. Однако, если сводничество и помѣщено въ Уголовномъ уложеніи между преступленіями противъ нравственности, его истинная природа совсѣмъ другая: его мотивомъ является корысть, и, такимъ образомъ, съ криминологической точки зрѣнія, оно должно занять мѣсто среди имущественныхъ преступленій. Поэтому-то кривая сводничества и не доказываетъ ничего *относительно преступленій противъ нравственности*. Большинство статистиковъ приходитъ даже къ противоположному выводу: довольство приводитъ къ росту преступленій противъ нравственности [2]).

Особое, даже болѣе или менѣе изолированное положеніе въ соціалистической литературѣ вопроса слѣдуетъ отвести книгѣ, Рейха появившейся въ Германіи, Criminalität und Altruismus, Arnsberg 1900. Подзаголовокъ указываетъ ея цѣль: „Изслѣдованіе ненормальнаго развитія и здоровой организаціи жизни и дѣятельности общества".

Авторъ предполагаетъ показать, насколько неестественъ, даже противоестественъ, современный общественный строй, основанный на эгоизмѣ и эксплоатаціи труда, источникѣ всѣхъ великихъ бѣдствій вѣка, строй, который авторъ мечтаетъ видѣть замѣненнымъ другимъ строемъ, основаннымъ на взаимной симпатіи и альтруизмѣ,

---

[1]) У. с. стр. 57.

[2]) См. Lafargne Neue Zeit XIII, 115. Fornasari, La Criminalitè etc., 107; Fuld, Der Einfluss der Lebensmittelpreise auf die Bewegung der strafbaren Handlungen, c. 46 слл. Ferri Studi sulla Criminalita in Francia; Prins, Criminalitè et repression. c. 23.

Первый томъ посвященъ изслѣдованію существа и развитія преступности. Вотъ въ общихъ чертахъ теорія Рейха.

Онъ различаетъ двѣ категоріи преступниковъ: совершившихъ преступленіе благодаря наслѣдственности и вовлеченныхъ на преступный путь пріобрѣтеніемъ специфическихъ качествъ преступника подъ прямымъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, именно, подъ вліяніемъ борьбы за благосостояніе противъ варварскихъ законовъ о собственности [1]). Первая категорія преобладаетъ. Упомянутое наслѣдственное предрасположеніе происходитъ изъ вырожденія, вызваннаго ужасной нуждой и полнымъ пренебреженіемъ правилами соціальной и личной гигіены [2]). Къ этимъ двумъ элементамъ присоединяется третій, крайне мощный факторъ, безъ котораго невозможно объясненіе преступности, какъ и вообще всякаго общественнаго явленія,—таинственное вліяніе подражанія [3]). Это, въ менѣе отчетливой формѣ,—теорія, развитая съ такимъ талантомъ Тардомъ, который, какъ мы знаемъ, приписываетъ великое значеніе законамъ подражанія. Рейхъ не признаетъ, что вліяніемъ этихъ разнообразныхъ факторовъ устраняется отвѣтственность отдѣльныхъ лицъ; однако, послѣднее въ значительной степени ограничиваютъ ее.

Рейхъ, затѣмъ, говоритъ объ огромномъ вліяніи алкоголизма на преступное вырожденіе [4]). Однако, эта соціальная язва обусловлена экономическимъ строемъ современнаго общества, который, слѣдовательно, и является причиной преступности, порождаемой алкоголизмомъ [5]). Особая глава посвящена у автора доказательству, что нужда, вызванная также строемъ, основаннымъ на эгоизмѣ, способствуетъ усиленію дѣйствія подражанія,—увеличивая, съ одной стороны, воспріимчивость субъектовъ, а съ другой умножая дурные примѣры [6]).

Рейхъ указываетъ еще на два печальныхъ свойства современнаго экономическаго строя, какъ бы нарочно созданныя для покровительства нуждѣ и ея неразлучному спутнику—преступленію: пренебреженіе къ воспитанію массъ [7]) и изгнаніе ихъ изъ общества [8]), связанное съ преступной праздностью господствующихъ классовъ [9]). О связи нашего экономическаго общественнаго строя и преступности часто говорится и въ другихъ частяхъ перваго тома и во второмъ томѣ, хотя менѣе ex professo, чѣмъ въ тѣхъ частяхъ, о которыхъ мы только что упоминали [10]).

Рейхъ приходитъ къ выводу, что единственное средство дѣйствительной борьбы съ преступностью заключается въ созданіи общественнаго и экономическаго строя, основаннаго на самой природѣ, на симпатіи и альтруизмѣ, взамѣнъ современнаго эгоистическаго строя „tantum-quantum“. Одако, никакой, даже самый совершенный экономическій строй не будетъ въ состояніи искоренить преступность. Предположимъ даже, что будутъ удовлетворены матеріальныя потребности; все же общественныя и половыя отношенія не будутъ всегда вполнѣ нормальными. Авторъ въ общихъ чертахъ, безъ всякихъ подробностей, объясняетъ, во второмъ томѣ, какимъ ему представляется экономическій альтру-

---

[1]) У. с. I, стр. 2—4.
[2]) У. с. I, стр. 4.5 и 8.
[3]) У. с. I, стр. 7; см. еще стр. 71—73 и 77—8.
[4]) У. с., стр. 45 слл.
[5]) У. с., стр 60.
[6]) У. с. I, стр. 70 слл.; особенно стр. 76 и 78.
[7]) У. с. I, стр. 110 слл.
[8]) У. с. I, стр. 123 слл.
[9]) У. с. I, стр. 136 слл
[10]) У. с. I, стр. 247, 255, 283 слл.; II, стр. 79 слл., 341 слл.

измъ. Въ его изложеніи ясно выражено желаніе предоставить каждому гражданину извѣстную частную собственность, а также то, что онъ высоко ставитъ религію—неизвѣстно, однако, какую. Онъ не только возлагаетъ большія надежды на ея цивилизаторское воздѣйствіе, онъ считаетъ ее даже „необходимымъ элементомъ всякаго существованія". Замѣчательно, что слово „соціализмъ" не встрѣчается въ длинномъ трудѣ Рейха. Авторъ, кажется, имѣлъ намѣреніе подчеркнуть личный характеръ своей точки зрѣнія и независимость отъ системъ и партій, носящихъ имя соціалистическихъ.

Если цѣнить рудъ Рейха, какъ научный, мы вынуждены признать, что онъ полонъ такихъ ошибокъ, которыя лишаютъ его совершенно всякой цѣны. Прежде всего, бросается въ глаза недостатокъ системы. Если еще можно уловить извѣстный планъ въ цѣломъ, разработка отдѣльныхъ главъ представляетъ настоящую мозаику замѣтокъ и наблюденій, разнородныхъ, лишенныхъ систематичности и связности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просмотрѣть оглавленіе. Чтеніе книги убѣждаетъ, что авторъ не смогъ внести порядка въ этотъ хаосъ, увеличенный еще ненужными повтореніями мыслей и данныхъ. Вездѣ встрѣчаютея общія мѣста, нигдѣ нѣтъ точности. Самая задача, какъ ее понимаетъ авторъ, равно и самый выводъ, остаются неопредѣленными. Далѣе, и это главное, въ двухъ томахъ Рейха нѣтъ почти слѣдовъ документовъ, на которые могли бы опереться его разсужденія и выводы. Авторъ пространно останавливается на всякихъ предположеніяхъ, рисуетъ различныя явленія, но никогда или почти никогда не приводитъ положительныхъ фактовъ для подтвержденія указанныхъ преположеній и оправданія своихъ взглядовъ.

Его настоящій источникъ—литература предмета; вся книга переполнена цитатами изъ другихъ авторовъ, разными замѣткамн изъ книгъ, собранными, безъ сомнѣнія, заботливо, но всегда принятыми на вѣру, безъ критики; эти оторванныя фразы, расположенныя рядомъ, почти безъ связи, не могутъ, къ сожалѣнію, увеличить цѣнности доказательства. Почти вся работа Рейха основана на чисто апріорныхъ разсужденіяхъ. Съ нашей позитивной точки зрѣнія онъ ни на шагъ не подвинулъ изученія преступности.

Въ Англіи соціалистическую теорію преступности изложилъ Бельфоръ Бакъ въ своемъ трудѣ The ethics of socialism (Лондонъ, 4 изд. 1902 г.).

Въ особой главѣ Бакъ задается вопросомъ, что останется съ уголовнымъ правомъ при соціалистическомъ режимѣ. [8]) Онъ отвѣчаетъ, что характерной чертой соціализма будетъ значительное уменьшеніе числа дѣяній, почитаемыхъ преступными. Во-вторыхъ, при соціалистическомъ строѣ къ преступникамъ будутъ относиться съ крайней заботливостью. Наконецъ, соціализмъ уничтожитъ право частныхъ лицъ на уголовное преслѣдованіе, ввѣривъ его въ полномъ объемѣ представителямъ общества. Развивъ всѣ эти положенія, авторъ переходитъ къ вопросу, интересующе-

---

[1]) У. с. I, стр. 9—10, стр. 450.
[2]) У. с. I, стр. 10—11.
[5]) У. с. II, стр. 366 слд.
[4]) У. с. II, стр. 373—374.
[5]) См. на стр. 176 т. I, формулу, столь широкую, что она намъ ничего не говоритъ.
[6]) См. м. п: I, стр. 108, 120, 292; II, 375, 388, 391.
[7]) I, стр. 416.
[8]) У. с. стр. 56—61.

ЦАБ "Автограф"

му насъ непосредственно, т. е. къ отношенію между разными родами преступленій и капиталистическимъ строемъ современнаго общества. Формула Бакса сильно смягчена. Онъ не видитъ въ преступленіи только необходимую и неизбѣжную реакцію неимущихъ противъ привиллегій собственниковъ. Въ уголовно-наказуемыхъ дѣяніяхъ, отвѣчающихъ современному понятію преступленія, онъ находитъ элементы безнравственности, [1]) наряду съ нравственными чертами. Однако посягательства противъ имущества вытекаютъ, по его мнѣнію, непосредственно изъ дурныхъ матеріальныхъ условій. [2]) Преступленія противъ нравственности также происходятъ, главнымъ образомъ, изъ лицемѣрія въ половыхъ отношеніяхъ, результата моногамнаго брака, института, основаннаго на современной индивидуалистической формѣ собственности. Однако часть преступленій этого рода Баксъ относитъ на счетъ грубыхъ животныхъ инстинктовъ, не имѣющихъ своего источника въ капитализмѣ. [3]) Авторъ не признаетъ связи экономическихъ условій съ преступленіями противъ личности, исключая тѣ, которыя производятся съ единственной цѣлью пріобрѣтенія, что бываетъ при убійствахъ. [4]) Однако матеріальная нужда поощряетъ развитіе грубыхъ инстинктовъ, производящихъ эти преступленія.

Въ концѣ главы, о которой мы говоримъ, Баксъ приводитъ [5]) подобіе доказательства своего положенія, указывая на фактъ, что преступность является печальной привиллегіей класса, названнаго Марксомъ „резервной арміей промышленности“. Авторъ принимаетъ это положеніе безъ всякихъ доказательствъ.

Глава о преступности сочиненія Бельфорта Бакса не имѣетъ, такимъ образомъ, никакой цѣны. Это—трудъ дедуктивный. Мы упомянули о немъ потому, что въ немъ соціалистическое объясненіе получило болѣе мягкое выраженіе, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ соціалистической литературы.

Въ этой соціалистической литературѣ, именно въ періодическихъ изданіяхъ, мы находимъ еще нѣсколько очерковъ, относящихся къ нашему предмету. Для полноты обзора мы укажемъ и этихъ авторовъ, хотя труды ихъ совсѣмъ не имѣютъ значенія для рѣшенія нашей задачи.

К. Любекъ, въ отчетѣ о знаменитой книгѣ Штарке, въ Neue Zeit (1886, стр. 368 слл.), замѣчаетъ: главная причина преступности заключается въ плачевномъ матеріальномъ положеніи нашего поколѣнія. Авторъ утверждаетъ, что ни одинъ изъ заключенныхъ нашихъ тюремъ не совершилъ бы преступленія, если бы могъ найти средства къ существованію. Это простое утвержденіе, которое Любекъ ничѣмъ не доказываетъ.

Ж. Менье, рабочій, выпустилъ въ Парижѣ 1 мая 1890 г. насыщенную и полную фразеологіи брошюру Le Crime; Réquisitoire social. Онъ сваливаетъ всю отвѣтственность за преступленія на отвратительную организацію современнаго общества, въ которомъ ребенокъ бѣдняка осужденъ на крайнюю нужду и роковымъ образомъ обреченъ на преступленіе, если не можетъ укротить свой темпераментъ или поко-

---

[1]) См. стр. 61—4. Утвержденіе, что „соціализмъ отрицаетъ, во всѣхъ своихъ формахъ, посягательства на имущество“, не вяжется ни съ общей системой автора, ни съ послѣдующимъ изложеніемъ, (см. ниже на этой же стр.).

[2]) У. с. стр. 61.

[3]) У. с. стр. 62

[4]) У. с. стр. 63, 57.

[5]) У. с стр. 67—8.

риться. Это неудачная попытка популяризаціи науки, лишенная всякихъ научныхъ данныхъ.

То же самое слѣдуетъ сказать о статьѣ Пютсажа, въ Société nouvelle (1885—86, т. 1). Это, такъ сказать, критика книги Приса: Criminalité et Répression; въ этой критикѣ (с. 69 слл.) авторъ возлагаетъ отвѣтственность за преступленія на нужду,—слѣдствіе соціальной организаціи. Статья Пютсажа имѣетъ, самое большее, библіографическое значеніе, какъ и другая статья въ этомъ же родѣ Plaidoyer pour les criminels, появившаяся въ Sociètè nouvelle за подписью Карпантье (1894, т. II, стр. 217); этотъ послѣдній изображаетъ преступность, какъ протестъ противъ исключительнаго господства преходящихъ идеаловъ нашего общества. Съ научной точки зрѣнія признать цѣнности за этими сочиненіями нельзя.

Отношеніе анархизма къ нашему предмету вытекаетъ изъ его принципа. Причина преступленія коренится въ порочномъ и неестественномъ строѣ общества, главнымъ образомъ, въ его двухъ существенныхъ чертахъ: искуственности организаціи и въ нуждѣ. Ж. Гравъ излагаетъ и развиваетъ эту теорію, впрочемъ, безъ всякихъ научныхъ доказательствъ, въ своей книгѣ La société mourante et l'anarchie (Парижъ, 1898). [1]) Въ ней онъ дѣлаетъ ожесточенныя нападки на современную криминологію. Авторъ обнаруживаетъ крайне недостаточное знакомство съ литературой предмета; онъ дѣлаетъ явныя ошибки при истолкованіи мыслей и теорій приводимыхъ имъ авторовъ [2]).

Какъ соціалистическая теорія, такъ и ученіе анархистовъ представляютъ собою лишь варіаціи теоріи среды, теорію среды, преспособленную къ основнымъ принципамъ соціализма или анархизма. Это обстоятельство наводитъ на мысль о лѣкарствѣ: уничтоженіе препятствій, поставленныхъ искусственнымъ строемъ общества, въ которомъ мы живемъ. нашимъ чувствамъ, возстановленіе царства свободы, взаимности и равенства. Тогда соціальная природа человѣка, предоставленная своему естественному развитію, направится къ солидарности и заставитъ исчезнуть преступленіе, вмѣстѣ съ войной, обманами и нуждой. „Уничтожьте общество“!

Такое же значеніе, какъ и за предыдущими, нужно признать за статьей итальянскаго анархиста Мерлино La criminalité, помѣщенной въ Société nouvelle (1890, 11, стр. 125). Для него преступленіе есть „вспомогательное средство легальной дѣятельности, постоянное занятіе опредѣленнаго общественнаго класса, средство существованія и защиты индивида, орудіе подбора для общества, грозное примѣненіе общественныхъ принциповъ, такъ какъ жизненная борьба и экономическая конкуренція происходятъ внѣ искусственныхъ и ненадежныхъ рамокъ легальности, проявленіе закона приспособленія къ средѣ; словомъ, часть соціальной системы, часть ея механизма“ [3]).

Если, изложивъ различныя соціалистическія теоріи, мы посмотримъ на ихъ значеніе въ криминологическомъ движеніи въ его цѣломъ, то должны будемъ вернуться къ двойной тенденціи, на которую указывали въ началѣ настоящей главы, къ тенденціи, ясно выраженной въ этой части нашей литературы и произведшей двоякій результатъ. Мы, прежде всего, имѣемъ въ виду теорію Колаяни и др. Для ея сторонниковъ „преступность возникаетъ непосредственно изъ

---

[1]) Стр. 110 слл.

[2]) Напр., Гравъ, кажется, плохо понялъ ученіе писателей криминологической школы, въ частности Манувріе, которому онъ посылаетъ необоснованные упреки въ томъ, что они признаютъ лишь репрессію. См. у с. стр. 107.

[3]) У. с. стр. 126—7.

плохихъ экономическихъ условій", по выраженію Бельфорта Бакса [1]). Эти условія проистекаютъ изъ соціальной организаціи, главнымъ образомъ изъ экономической структуры общества. Большая посылка этого разсужденія опирается на соображенія общей соціологіи, взятыя какъ отправная точка зрѣнія криминологическихъ работъ. Центральный пунктъ вопроса заключается въ доказательствѣ частнаго положенія. Предшествующее изложеніе показало, что авторы, о которыхъ мы говоримъ, успѣли лишь отчасти доказать свое положеніе даже относительно имущественныхъ преступленій.

Другая теорія получила свое типичное выраженіе въ ученіи Люкса. Преступность, по его мнѣнію, проистекаетъ изъ капиталистическаго строя нашего общества. Она—естественный, даже необходимый, результатъ капитализма, предоставляющаго блага однимъ и отказывающаго въ нихъ другимъ. Это—борьба между двумя лагерями, на которые раздѣленъ народъ насильственно, т. е. какъ логическое и роковое слѣдствіе режима. Преступность—не что иное, какъ столкновеніе двухъ инстинктовъ, одинъ изъ коихъ, — консервативный, — свойственъ собственникамъ, располагающимъ властью и земными благами и подавляющимъ, для защиты своего благополучія, всякое дѣйствіе, посягающее на ихъ власть, называя его преступленіемъ; другой инстинктъ —завоевательный,—инстинктъ пролетаріевъ, которые, съ своей стороны, домогаются своей доли въ томъ, что они признаютъ незаслуженной привилегіей другихъ. Положительныя доказательства, криминологическіе аргументы въ защиту этого положенія не приводятся. Но это ученіе падаетъ само-собою, когда приходится объяснять посягательства,—особенно имущественныя,—лицъ изъ имущихъ классовъ.

Существуетъ третья теорія преступности, единственно, повидимому, логичная, единственная, способная объяснить преступленіе,— кромѣ нѣкоторыхъ формъ преступленій противъ жизни и здоровья,— съ точки зрѣнія соціалистической соціологіи.

Эта теорія, вдохновляясь марксизмомъ, разсматриваетъ преступность, какъ нормальную, хотя и нелегальную функцію въ капиталистическомъ строѣ, вызванную существованіемъ индивидуальной собственности, привиллегіями собственниковъ, функцію, захватывающую всѣ общественные классы, все общество. Эта теорія наименѣе разработана и заслуживаетъ самой тщательной разработки. Кое-что о ней говоритъ Мерлино въ своей вышеназванной статьѣ въ Societé Nouvelle, къ сожалѣнію, мало научной. Онъ называетъ тамъ преступленіе „частью общественной системы, частью механизма общества. Существуя вмѣстѣ съ обществомъ, неистребимое въ настоящемъ строѣ, преступленіе могло бы быть опредѣлено, какъ нелегальная дѣятельность, направленная къ той же цѣли, какъ и легальная, категоріей лицъ, отверженныхъ навсегда, либо временно" [2]). Это, однако, неточно.

Заслуга соціалистической школы въ точномъ указаніи, что преступность не только простой единичный фактъ, занесенный въ статистику. Она въ особенности, по примѣру французской школы, выяснила органическій характеръ преступленій, естественную связь и общее происхожденіе ихъ; взятыя отдѣльно, они представляются выраженіями индивидуальной дѣятельности, но тѣсно связанными съ обществомъ, съ его функціями, съ его формами, съ его недостатками, въ общемъ они представляютъ собою коллективное явленіе, которое, исходя изъ общества, вліяетъ на личность.

---

[1]) The ethics of socialism. London. 1902, c. 61.
[2]) Societé Nouvelle. 1890, 11 стр. 127.

ГЛАВА V.

Теоріи, видящія въ преступленіи патологическое явленіе.

Многіе криминалисты, по большей части медики, ищутъ рѣшенія проблемы уголовной этіологіи въ патологіи.

Нѣкоторые опредѣляютъ преступленіе, какъ патологическое явленіе, подводя его подъ понятіе или спеціальнаго невроза (Далли, Маудсли, Вирджиліо), или нравственнаго помѣшательства, или проявленія умственной слабости, идіотизма или тупоумія (Тамбурини, Сеппини, Мэли), или болѣзненнаго возбужденія мономаническаго характера (Эскироль, Мишю и др.), алкоголическаго (Ленцъ), эпилептическаго (Эскироль Христіанъ, Брюсъ Томпсонъ, Ломброзо, Феррюсъ, Лоранъ), истерическаго (Лоранъ, Ломброзо). Другіе разсматриваютъ преступный актъ, какъ результатъ общаго вырожденія (Морель, Фере, Серджи, Цукарелли), или какъ результатъ вырожденія частичнаго характера, (Молешотъ. Маньянъ, Бруардель, Даллеманъ, Марро, Хегеръ). Впрочемъ, надо добавить, что многіе изъ сторонниковъ теорій, видящихъ въ преступленіи патологическое явленіе, не исключая другихъ объясненій преступности, полагаютъ, что эти объясненія вполнѣ могутъ быть согласованы съ ихъ взглядомъ, даже нѣсколькими способами. Они усматриваютъ лишь раздѣленіе труда, въ томъ, что занимаются преступленіемъ, какъ патологическимъ явленіемъ, оставляя другимъ трудъ изученія остальныхъ сторонъ вопроса [1]).

Теоріи разсматриваемой группы были подготовлены во Франціи работой психіатровъ, указанныхъ нами во введеніи къ изученію итальянской школы [2]); эти труды обосновали уголовную біологію вообще, какъ анатомо-физіологическую ея часть, такъ и патологическую. Многіе изъ этихъ ученыхъ склонялись уже къ патологическому объясненію преступности: Морель, Эскироль, Жорже, Легранъ дю Солль, Бріеръ де Буамонъ, Деспинъ. Въ то же время, уже въ началѣ XIX вѣка, Грольманъ, Гейнрихъ, Еллингеръ, Гроссъ въ Германіи искали въ организмѣ причинъ нравственнаго вырожденія и тѣмъ самымъ признавали патологическую природу нѣкоторыхъ категорій преступниковъ; а въ Англіи Притчардъ и Маудсли предприняли изслѣдованія въ томъ же направленіи.

Какъ правило, сторонники теорій, о которыхъ идетъ рѣчь, принимаютъ за рѣшающій моментъ—моментъ индивидуальный, а не соціальный. Формула, предложенная Бенедиктомъ, приведенная Неке на женевскомъ конгрессѣ, точно передаетъ идею школы: преступленіе=индивидуальность±среда [3]). Безполезно указывать, что выраженіе „индивидуальный факторъ" значитъ здѣсь нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ у Ломброзо.

Литература этого направленія рѣдко указываетъ на отношеніе, существующее между этимъ патологическимъ характеромъ преступности и экономическими отношеніями. Наша задача—отыскать эти рѣдкія указанія.

---

[1]) См. докладъ Даллеманя на брюссельскомъ конгрессѣ Actes du III Congres и т. д., стр. 140. слд.

[2]) См. стр. 52.

[3]) Actes du IV Congrès и т. д., стр. 8.

Въ своемъ знаменитомъ *Traité des dégènérescenses physiques, intillectuelles et morales de l'espèce humaine* Морель указываетъ на гибельное вліяніе дурныхъ матеріальныхъ условій на вырожденіе и, слѣдовательно, на преступность. „Нездоровый воздухъ, плохое питаніе, занятіе нездоровымъ ремесломъ, потребленіе алкогольныхъ напитковъ, недостаточная заработная плата, деморализующія слѣдствія нищеты, недостаточное воспитаніе и обученіе—всѣ эти факторы производятъ глубокія измѣненія въ организмѣ, передающіяся и увеличивающіяся наслѣдственно. Такимъ-то образомъ возникаютъ вырожденіе и вырождающіеся классы, у которыхъ, съ кретинизмомъ, идіотизмомъ и проч., часто встрѣчается преступленіе".

Идеи нѣкоторыхъ медиковъ, разсматривающихъ всю преступность или нѣкоторыя ея случаи, какъ прямое и непосредственное слѣдствіе физической недостаточности, вызванной нуждой, должны занять мѣсто среди ученій сторонниковъ разсматриваемой группы писателей. Таковъ проф. Фолле, указавшій на случаи преступленій, которые онъ считаетъ прямымъ результатомъ голода, вызвавшаго gastralgia famelica, которая дѣйствуетъ на мозгъ, вызываетъ родъ помѣшательства съ помутнѣніемъ сознанія и головокруженіями [1]). Тамассіа прибавляетъ, что голодъ, замедляя циркуляцію крови и уменьшая количество послѣдней, производитъ анемію мозга, результатомъ которой являются психическія разстройства. Это напоминаетъ намъ недостатокъ питанія центральной нервной системы, о которомъ говорилъ Марро [2]). Мы встрѣтили ту же мысль въ ученіи Лакассаня [3]).

Фере, врачъ Бисетра, видитъ въ преступности лишь болѣзнь вырожденія, какъ въ порокахъ и помѣшательствѣ, отдѣленныхъ отъ преступленія лишь соціальными предразсудками [4]).

Всякое вырожденіе, — а число случаевъ его увеличивается [5]), — можетъ передаваться въ разныхъ формахъ, преимущественно въ наиболѣе близкихъ: въ формѣ падагры, діабета, тучности, безумія и эпилепсіи; ревматизма и истеріи и т. д.; также—безумія и преступленія [6]). Естественное предрасположеніе, заключающееся въ особой воспріимчивости нервной системы къ извѣстнымъ вліяніямъ, приводитъ къ извѣстнымъ дѣйствіямъ подъ вліяніемъ среды, въ которой живетъ субъектъ [7]).

Первоначальное патологическое условіе порока и преступленія—физіологическое оскудѣніе. Лица, неспособныя, въ виду несовершенства ихъ организаціи, удовлетворить свои потребности, неминуемо становятся бременемъ для общества, и, если праздность является матерью всѣхъ пороковъ, то потому, что всѣ ослабленные нуждаются въ моментахъ необычайнаго возбужденія, которое они могутъ доставить себѣ лишь за счетъ общества. Авторъ, такимъ образомъ, подмѣчаетъ связь между нуждой и вырожденіемъ.

Главная причина нужды коренится въ органической недостаточности, поэтому-то проблема нужды и не близится къ разрѣшенію. Роскошь—другой мощный факторъ преступности, является также при-

---

[1]) Батталья. La dinamica del delitto. Napoli. 1886, c. 228.
[2]) I caratteri dei delinquenti. Torino, 1887, c. 447.
[3]) Предисловіе къ книгѣ E. Laurent. Les habitués des prisons. 1890, VIII.
[4]) Dégènérescence et criminalité. Paris, 1888, c. 61, 63.
[5]) У. с. стр. 87. Авторъ болѣе пространно говоритъ объ этомъ въ книгѣ Civisation et neuropathie.
[6]) У. с. стр. 63 О томъ же вопросѣ авторъ пространнѣе говоритъ въ La famille neuropathique.
[7]) У. с. стр. 129—130.

чиной вырожденія, противъ котораго будутъ всегда безсильны всѣ законы [1]).

Фере послѣдовательно признаетъ важную роль въ генезисѣ вырожденія и, поэтому, и преступленія за экономическими вліяніями.

Изученіе преступности съ точки зрѣнія психо-патологіи находится еще въ зачаточномъ состояніи. Будущее этой науки покажетъ, есть ли въ дѣйствительности связь между соціальными и антисоціальными дѣйствіями и центральной нервной системой. До сихъ поръ всѣ относящіяся къ ней теоріи, доказательствъ которыхъ такъ усердно ищутъ психіатры, не выходятъ изъ области догадокъ. Для того, что бы уголовная соціологія могла считаться съ ними, необходимы болѣе положительныя данныя, чѣмъ добытыя до сихъ поръ [2]). То же слѣдуетъ сказать и о гипотезахъ Фере.

Нѣсколько краткихъ замѣчаній о Лоранѣ. Онъ нигдѣ,—ни въ своемъ главномъ трудѣ Les Habitués des prisons, ни въ другихъ сочиненіяхъ,—не говоритъ о вліяніи экономическихъ явленій на преступность. Для него преступникъ—выродившійся, на котораго дѣйствуетъ соціальная среда; никогда, однако, среда не можятъ создать преступника [3]). Лоранъ, впрочемъ, не входитъ въ теоретическое объясненіе своихъ наблюденій [4]). Его трудъ скорѣе представляетъ собою рядъ лично наблюдавшихся случаевъ, часто интересныхъ и поучительныхъ, но которымъ недостаетъ синтеза и руководящей идеи [5]). Лоранъ, кромѣ того, показалъ въ своемъ трудѣ L'antropologie criminelle et les nouvelles théories etc., что его умъ—аналитическій и гораздо менѣе способенъ къ синтетической работѣ. Авторъ поставилъ себѣ цѣлью дать обзоръ современнаго состоянія криминологіи; на самомъ дѣлѣ, онъ воспроизводитъ лишь отрывки изъ другихъ авторовъ, часто безъ всякой связи, безъ указаніи на источники.

Оставивъ свою оригинальную теорію преступнаго типа, отмѣченнаго особой организаціей мозга, проф. Бенедиктъ ищетъ въ настоящее время причину преступности въ органической недостаточности, въ разстройствѣ молекулярнаго строенія мозга, находимомъ также у эпилептиковъ и у безумныхъ отъ рожденія [6]). Однако, преступникъ не тождественъ съ помѣшаннымъ [7]). Ихъ психическое состояніе различно. Опредѣливъ проявляющуюся въ преступленіи недостаточность, какъ нарушающую равновѣсіе слабость или узость психическихъ качествъ интел-

---

[1]) У. с. стр. 140.

[2]) См. о противорѣчіи и недостовѣрности этихъ результатовъ: Francotte: L'antropologie criminelle. Paris, 1891, с. 73 сл., 78. Laurente: L'antropologie criminelle et les nouvelles theories. du crime, с. 98.

[3]) У. с. стр. 533 слд.

Зачастую въ криминологической литературѣ Лорана причисляютъ къ сторонникамъ соціологической теоріи французской школы. Это ошибочное утвержденіе, вѣроятно, порождено предисловіемъ, написаннымъ къ книгѣ Лорана основателемъ Ліонской школы Лакассанемъ. Весь трудъ—мѣсто, приведенное нами одно изъ многочисленныхъ, того же рода,—доказываетъ, что Лоранъ сторонникъ теоріи, видящей въ преступленіи патологическое явленіе (См. еще: l'Anthropologie crim., с. 59 слд.).

[4]) Лоранъ обнаруживаетъ извѣстное пристрастіе къ скабрезнымъ подробностямъ, тенденцію къ научному „золаизму" (см. Kaulle: De Mensch, Leiden, 1875, 178), значительно уменьшающую цѣнность сужденій автора.

[5]) См. критику проф. Готье: „все или почти все, что онъ намъ предлагаетъ,—это документы". Къ сожалѣнію, эти документы никогда не имѣютъ статистическаго основанія и, поэтому, имъ часто не хватаетъ цѣнности.

[6]) Actes du II Congrès и т. д. с. 164, 165.

[7]) Рѣчь Бенедикта на конгрессѣ франціатріи и и .

лекта [1]), Бенедиктъ разсматриваетъ ее какъ слѣдствіе неврастеническаго состоянія (психической, моральной или эстетической неврастеніи [2]).

Такіе неврастеники, подъ вліяніемъ соціальныхъ и экономическихъ факторовъ, становятся привычными преступниками лишь потому, что общество затрудняетъ освобожденному изъ заключенія зарабатывать честнымъ образомъ средства къ жизни и удовлетворять свои потребности и вкусы, какъ это необходимо и желательно [3]). Въ каждомъ преступленіи прирожденнаго преступника можно найти вызвавшія его соціальныя причины [4]). Бенедиктъ спеціально указываетъ, что среди прочихъ факторовъ нужда толкаетъ къ преступленію случайнаго преступника [5]), т. е. заставляетъ уже предрасположеннаго къ тому неврастеника перейти къ дѣйствію. Не безъ торжественности заявилъ Бенедиктъ въ Брюсселѣ, что число преступленій уменьшилось бы, если бы удалось уничтожить нужду [6]).

Такимъ образомъ, Бенедиктъ ищетъ связи между преступностью и экономическими условіями.

Въ трудахъ другихъ выдающихся сторонниковъ этой теоріи— Молешотта [7]), Бруарделя [8]), Маньяна [9]), Егера [10]), касающихся, впрочемъ, криминологическихъ вопросовъ лишь мимоходомъ, а не ex professo,— никогда не говорится объ экономическихъ факторахъ.

Отвергая всякія школьныя объясненія преступности, Даллеманъ, профессоръ вольнаго университета въ Брюсселѣ, думаетъ стать исключительно на ясно выраженную эклектическую точку зрѣнія [11]). Мы, однако, полагаемъ, что объ этомъ авторѣ слѣдуетъ упомянуть въ настоящей главѣ; его труды ясно показываютъ, что Даллеманъ—сторонникъ теоріи вырожденія [12]). Эту теорію онъ понимаетъ такъ широко, что она, по его взгляду, обнимаетъ всѣ соціологическія теоріи преступности [13]). Эта точка зрѣнія содержитъ правильную мысль и совпадаетъ съ тѣмъ, что мы замѣтили въ началѣ этой главы (см. введеніе) о гармоніи между теоріями, видящими въ преступленіи патологическое явленіе, (что особенно вѣрно для широкой теоріи вырожденія), и другими объясненіями преступности. Несмотря, однако, на это, трудно помѣстить теорію вырожденія среди соціологическихъ: для послѣднихъ, все же, психологическій моментъ—моментъ соціальный, а для теоріи вырожденія—индивидуальный [14]).

---

[1]) См. Héger, Bulletin de la Société d'Anthropologie de Bruxelles 1885.

[2]) Actes du I Congrès etc p. 142.

[3]) Ibidem стр. 143 См. также Гарофало: Actes du III Congrès etc. стр. 78.

[4]) Actes du III Congrès etc. стр. 343.

[5]) Actes du I Congrès etc., стр. 142.

[6]) Actes du III Congrès etc., стр. 342.

[7]) Moleschott, Actes du II Congrès etc., стр. 167 слл.

[8]) Brouardel, Actes du II Congrès etc.,. стр. 169 сл., стр. 325 слл.

[9]) Magnan, Actes du II Congrès etc., стр. 53 сл., стр. 302 слл.

[10]) Héger, Bulletin de la Société d'anthropologie de Bruxelles. 1885.

[11]) Théories de la criminalité, P. 1896, с. 114 слл.

[12]) См. id стр. 177. Затѣмъ, м. п., Actes du III Congrés, стр, 140 сл.

См. также Наке въ Zeitschrift für die Kriminal Anthropologie, 1897, с. 105.

[13]) Théories de la Criminalitè, стр. 177.

[14]) Очеркъ школъ, даваемый авторомъ, показываетъ, что Даллеманъ не составилъ себѣ отчетливаго о нихъ представленія. Въ этотъ очеркъ вкралось много неточностей.

Въ своемъ докладѣ „Etiologie fonctionelle du crime“ [1]) Даллемань считается съ экономическимъ состояніемъ преступника. Жизнь индивида и жизнь общества для него—серія проявленій трехъ основныхъ феноменовъ существованія: питанія, воспроизведенія и мышленія, тѣсно другъ съ другомъ связанныхъ и образующихъ въ совокупности сложный психо-физіологическій комплексъ. Неудовлетворенность въ одной изъ этихъ трехъ областей отражается на всѣхъ ихъ, причиняетъ субъекту ощущенія, колеблющіяся между простымъ неудовольствіемъ и состояніемъ безумія или безсознательности. Преступленіе, слѣдовательно, по взгляду Даллеманя, результатъ неудовлетворенности одной изъ трехъ жизненныхъ функцій. Питаніе принадлежитъ къ ихъ числу; слѣдовательно, нужда побуждаетъ къ преступленію.

Въ спорѣ Даллеманя съ д-ромъ Guylits по поводу своего доклада, авторъ болѣе или менѣе освѣщаетъ свое положеніе [2]), обращаясь, какъ къ доказательству, къ параллелизму, установленному Дени между кривыми преступности и урожая въ Бельгіи. Изслѣдуя въ предыдущей главѣ сочиненія Дени, мы, однако, замѣтили, что истолкованіе діаграммъ Дени не такъ просто, какъ это кажется Даллеманю.

Д-ръ Маляревскій (изъ Петербурга) допускаетъ, что преступность человѣка есть результатъ его вырожденія; онъ утверждаетъ [3]), что главными факторами этого вырожденія являются патологическая наслѣдственность, нужда и невѣжество. Рядъ болѣзненныхъ поколѣній, источающихъ матеріальныя силы народа, а также нужда, отнимающая у ребенка его естественную кормилицу, вслѣдствіе постояннаго голода матери,—даютъ намъ, по Маляревскому, всѣ пассивныя формы вырожденія и вымиранія.

Изъ предшествующаго изложенія можно сдѣлать слѣдующій выводъ, уже указанный въ началѣ этой главы: теоріи, видящія въ преступленіи патологическое явленіе и объясняющія преступность вырожденіемъ, не исключаютъ другихъ объясненій преступленія, именно, теорій соціальныхъ.

По мнѣнію многихъ авторовъ, видѣли мы, преступленіе есть плодъ вырожденія и находится въ связи съ экономическими условіями.

Уголовная соціологія ждетъ только болѣе положительныхъ результатовъ этихъ френологическихъ и психіатрическихъ изысканій, чтобы считаться съ ними въ своемъ объясненіи преступности. Уже многіе криминалисты, приверженцы соціальной школы, признаютъ въ общемъ цѣнность теоріи, видящей въ преступленіи патологическое явленіе: таковы Дени [4]), Принсъ [5]), вообще вожди Международнаго Союза криминалистовъ. Все же это не мѣшаетъ имъ поддерживать пока раздѣленіе труда въ изученіи этіологіи преступленія. Если бы кто приписалъ нашей классификаціи школъ абсолютное значеніе, тотъ,—мы настаиваемъ на этомъ,—впалъ бы въ ошибку. Вопросъ идетъ лишь объ оттѣнкахъ.

---

[1]) Actes du III Congrés, стр 140 слл, особенно с. 145.
Позже Даллемань пространно говорилъ о предметѣ въ двухъ книгахъ, одной—біологическаго содержанія. Stigmates anthropologiques de la criminalité. P. 1896; другой—біо-соціологическаго: Stigmates biologiques et sociologiqus de la criminalité, 9. 1896.
[2]) Actes du III Congres, стр. 222.
[3]) Actes du III Congrès etc. стр. 222.
[4]) Actes du IV Congrès etc. стр. 46
[5]) Denis, Bulletin de la Societe d'anthropologiede Bruxelles, 1886, т. IV, с. 227, Actes du III Congres, с. 367.
[6]) Prins, Criminalité et répression s. 25 и 26.

Теоріи, видящія въ преступленіи явленіе патологическое, отъ соціологической концепціи преступленія отличаются тѣмъ, что онѣ подчеркиваютъ въ большей степени индивидуальный моментъ [1]).

ГЛАВА VI.

Эклектизмъ.

Неудивительно, что первые защитники уголовной антропологіи, вначалѣ, въ моментъ энтузіазма, вызваннаго первыми открытіями, впали въ преувеличеія: это выяснилось изъ новѣйшихъ изслѣдованій и спокойнаго анализа научно установленныхъ фактовъ. Во многихъ отношеніяхъ, итальянская школа зашла слишкомъ далеко; однако, и вызванное реакціей противъ антропологической школы движеніе, исходящее изъ Ліона и вскорѣ распространившееся по всей Франціи и внѣ ея, не сумѣло удержаться отъ эксцессовъ, свойственныхъ всякой реакціи.

Очевидно, что въ различныхъ, порой противорѣчивыхъ теоріяхъ, стремившихся почерпать свои аргументы изъ изслѣдованія положительныхъ фактовъ, наблюденій индивидуальныхъ случаевъ и массъ,—должны были заключаться сѣмена, или, вѣрнѣе, частицы истины. Ошибка ихъ заключалась въ господствѣ въ нихъ исключительно одной точки зрѣнія. Этого хотѣло избѣжать новѣйшее теченіе въ криминологіи. Изучая послѣдовательно различныя теоріи, претендовавшія каждая вполнѣ объяснить преступность, оно установило, что въ каждой изъ этихъ теорій есть частица истины: поэтому, оно перестало слѣдовать исключительно одной точкѣ зрѣнія и перешло къ эклектизму, или, если угодно, къ менѣе исключительной и болѣе общей точкѣ зрѣнія. Даллемань [2]) правильно говоритъ: „возникъ извѣстнаго рода эклектизмъ; съ каждымъ днемъ крѣпнетъ соглашеніе на почвѣ сложной формулы, въ которую входитъ и изученіе преступника, и изученіе среды". Этотъ электизмъ, кромѣ того, склоняется къ соціологическому направленію. Съ удовольствіемъ можно констатировать, что эта столь общая и примирительная формула привлекаетъ съ каждымъ днемъ новыхъ сторонниковъ, по мѣрѣ того, какъ нѣкогда непримиримые противники снисходятъ до изученія выводовъ другихъ.

Въ уголовной этіологіи наиболѣе горячая борьба кипѣла по поводу значенія біологическаго (будь то анатомическій, психофизіологическій илл патологическій) фактора и факторовъ соціальныхъ. Вопросъ шелъ о томъ, какому изъ этихъ факторовъ принадлежитъ наиболѣе рѣшительная роль въ генезисѣ преступленія. Прежде всего старались показать, что различные взгляды по этому вопросу, взятые, въ наиболѣе рѣзкой ихъ формѣ, уже не такъ противоположны, какъ кажется на первыхъ порахъ. Вникая глубже въ соотношеніе причинъ преступленія, оказалось возможнымъ признать, что, съ одной стороны, преступленію непосредственно предшествуетъ неуравновѣшенное и ненормальное состояніе организма, а, съ другой—приписать обществу и его современной организаціи значеніе отдаленной причины этого вырожденія.

Но на этомъ не остановились. Пришли къ соглашенію относи-

---

[1]) См. Naeke, Actes du IV Congrés, c. 8; Dallemagne, Actes du III Congrés, c. 141; Benedikt, id, 342 см.

[2]) Theories de la Criminalité, P. 1896, c. 200.

тельно природы преступленія, какъ факта, происходящаго непосредственно на нашихъ глазахъ. Криминологія признаетъ теперь, что не всякая преступность проявляется одинаковымъ образомъ; что анатомическія уклоненія создаютъ изъ нѣкоторыхъ прирожденныхъ преступниковъ въ смыслѣ Ломброзо, что другіе преступники принадлежатъ уже къ области невропатологіи; третьи—являются жертвами вырожденія, по взгляду Ферре, какъ общаго, такъ и частнаго; иные, наконецъ, (и такихъ, вѣроятно, большинство) идутъ на преступленіе подъ вліяніемъ соціальной среды.

Поэтому работа сторонниковъ абсолютныхъ теорій и ихъ принціальные споры не остались безплодными; можно, безъ преувеличенія, смотрѣть на эту борьбу теорій, какъ на полезное и безсознательное раздѣленіе труда. Конечно, въ будущемъ это раздѣленіе труда будетъ производиться сознательнѣе, по мѣрѣ того, какъ тверже установится начало эклектизма. Главный-во просъ, стоящій передъ новой группой писателей,— разграниченіе по качеству и количеству вліянія различныхъ факторовъ преступности. Всего лучше было бы передать антропологу и біологу анатомическое и физіологическое изученіе вопроса, предоставляя психіатру и невропатологу изученіе психическихъ разстройствъ, а соціальному патологу задачу изучить рану преступности, зіяющую на общественномъ тѣлѣ.

Такимъ образомъ, эклектизмъ каждой группѣ теорій позволяетъ сохранить собственную индивидуальность и существованіе; согласуя эти группы между собой и сближая ихъ, онъ даетъ каждой изъ нихъ долю въ изученіи вопроса и содѣйствуетъ установленію сознательнаго сотрудничества всѣхъ при рѣшеніи великой проблемы преступности.

Очевидно, Даллемань ошибся, говоря, „что индивидуальныя теоріи находятъ мало сторонниковъ, кромѣ ихъ авторовъ“ [1]). И Ломброзо, Тардъ и Лакассань, соціалисты, Ферре и Венедиктъ—создали школы; это ясно изъ предшествующаго изложенія. Но какъ у соціологической, такъ и у біологической школы горизонты расширились настолько, что сблизились другъ съ другомъ. Доказательствомъ этого являются вниманіе Ломброзо къ соціальнымъ факторамъ, слова Тарда на брюссельскомъ конгрессѣ [2]) и общее направленіе послѣднихъ конгрессовъ. Мы уже нѣсколько разъ встрѣчались съ этими примирительными попытками. [3])

Наконецъ, эклектическая школа окончательно сформировалась съ созданіемъ Международнаго Союза Криминалистовъ, основаннаго профессорами ванъ Гамелемъ, Листомъ и Принсомъ.

Хотя уставъ Союза разрѣшаетъ, по своей широкой редакціи, вступленіе въ союзъ всякаго криминалиста, даже сторонника абсолютныхъ принциповъ [4]) (въ томъ смыслѣ, что онъ можетъ работать тамъ какъ спеціалистъ и сотрудничать при рѣшеніи общей задачи)—союзъ, тѣмъ не менѣе, развиваетъ преимущественно эклектическую точку зрѣнія и выражаетъ этотъ принципъ въ ст. I пар. 2 своего устава: „наука уголовнаго права и уголовное законодательство должны считаться съ результатами уголовной антропологіи и соціологіи“. Основатели союза еще лучше освѣтили этотъ эклектическій характеръ. Ванъ-Гамель, из-

---

[1]) Théories de la Criminalité P. 1846, c. 200.
[2]) Actes du III Congrés, c. 337.
[3]) См. систему Пинсеро на стр. 96 сл., Таладрица,—Корра.—См. еще Ферри Sociologie Criminelle стр. VII.
[4]) См. Листъ: Mitteilungen der int. Krim. Vereinigung 1884, c. 19 и Gautier Zeitschrft für die gesammte Straffw. 1842, c. 422.

вѣщая объ основаніи союза, говоритъ «о безконечномъ разнообразіи причинъ преступности» [1]); однако, въ то же время, онъ подчеркиваетъ соціологическую тенденцію эклектизма Союза, называя преступленіе соціальнымъ феноменомъ. Эта тенденція еще яснѣе видна изъ заявленія Листа на брюссельскомъ конгрессѣ: „международный союзъ криминалистовъ раздѣляетъ это мнѣніе (преимущественное значеніе соціальныхъ факторовъ), не отрицая, однако, существованія и значенія антропологическихъ и біологическихъ факторовъ“ [2]). Постоянно возрастающій успѣхъ союза указываетъ, что эклектизмъ распространяется все болѣе. Его представители до сихъ поръ мало занимались нашимъ спеціальнымъ вопросомъ. Однако, изъ нѣкоторыхъ ихъ выраженій видно, что многіе изъ нихъ—и главнымъ образомъ, три основателя союза,—признаютъ большое вліяніе экономическихъ факторовъ на преступность.

Основатели „Международнаго Союза Криминалистовъ“.

Почтенный профессоръ Амстердамскаго университета, провозвѣстникъ и передовой боецъ новой криминологической школы въ Голландіи, Г. В. Ванъ-Гамель, снова высказалъ свои эклектическія воззрѣнія съ соціологическимъ оттѣнкомъ [3]) въ своемъ главномъ трудѣ: Inleiding tot de studiè von het Nederlandshe Strafrecht 1895 [4]). Перечисляя соціальныя вліянія, играющія роль въ генезисѣ преступности, онъ отводитъ главное мѣсто экономическому фактору.

Однако, въ ранѣе изданномъ сочиненіи Ванъ-Гамель не признаетъ за бѣдностью значенія главнаго фактора преступности. Онъ считаетъ, что преступленія, имѣющія источникомъ нужду сравнительно рѣдки. По его мнѣнію, къ преступленію ведетъ скорѣе неумѣренная жажда богатства, ненасытное стремленіе къ наслажденіямъ, неудовлетворенность, связывающаяся въ настоящее время съ богатствомъ и роскошью. Въ зажиточныхъ классахъ нашего общества множество преступленій имѣетъ такое происхожденіе. По мнѣнію автора, его взглядъ не опровергается установленнымъ статистикой фактомъ, что число преступленій возрастаетъ пропорціонально повышенію хлѣбныхъ цѣнъ, и обратно. Во-первыхъ, часто пониженію цѣнъ соотвѣтствуетъ увеличеніе насильственныхъ преступленій, такъ что, слѣдовательно, только перемѣщается центръ тяжести преступности. Затѣмъ, когда повышаются цѣны на предметы первой необходимости, пріобрѣтеніе предметовъ роскоши и удовлетвореніе жажды удовольствій становятся, естественно, труднѣе; люди, не будучи въ состояніи обойтись безъ нихъ, покидаютъ для этого честный путь.

Такимъ образомъ, въ отношеніи вліянія нужды на преступность, Ванъ-Гамель примкнулъ къ мнѣнію Гарофало. Говоря о послѣднемъ, мы имѣли случай указать, что преступность зажиточныхъ классовъ гораздо ниже, чѣмъ число преступленій противъ имущества въ бѣдной

---

[1]) Tydschrift voor Strafrecht 1889, c. 265.
[2]) Actes du III Congres, c. 334.
[3]) Намъ кажется, что мнѣніе Листа лишено основанія. Онъ говоритъ: „знающимъ нашіи труды хорошо извѣстно, что Ванъ-Гамель приближается къ итальянской школѣ гораздо болѣе, чѣмъ я“. Z. f. d. g. S. 1893, c. 329.
[4]) Стр. 13 и 14.
[5]) У. с. стр. 14.
[6]) De tegenwoordige beweging op het gebied van het Strafrecht 1891, c. 333.

и нуждающейся части общества. Кромѣ того, стремленіе къ излишеству, въ которомъ Ванъ-Гамель видитъ главную причину большинства преступленій, часто является лишь слѣдствіемъ дурного экономическаго положенія, продуктомъ, главнымъ образомъ, современнаго развитія экономической жизни; поэтому, экономическій факторъ играетъ въ тяжеломъ положеніи нашей современной цивилизаціи роль, которой пренебрегать не слѣдуетъ. Все это implicite признаетъ Ванъ-Гамель, приписывая пробужденіе указанныхъ стремленій неравенству состояній.

Францъ Ф.-Листъ, профессоръ берлинскаго университета, основатель союза въ Германіи, одинъ изъ основателей и редакторъ журналановой школывъ Германіи—Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft, стоитъ также на эклектической точкѣ зрѣнія, съ сильной соціологической, и даже, главнымъ образомъ, экономической окраской. Кромѣ своего главнаго труда Lerbuch des deutschen Strafrechts (Berlin 1894, 6 изд.) [1]), онъ изложилъ свою точку зрѣнія на брюссельскомъ конгрессѣ [2]). Нѣсколько разъ онъ возвращается къ мысли, что въ этіологіи преступности главная роль выпадаетъ на долю экономическихъ факторовъ. Въ своемъ учебникѣ [3]) онъ старается показать, что экономическое положеніе образуетъ главный изъ соціальныхъ факторовъ, создающихъ преступность, и что внезапная нужда и ея ужасныя послѣдствія являются одной изъ главныхъ причинъ преступности.

Въ докладѣ III конгрессу: Les applications de l'anthropologie criminelle, докладѣ, въ которомъ онъ вновь возвращается къ преимущественному значенію дурного экономическаго состоянія [4]), онъ точнѣе опредѣляетъ природу и дѣйствіе этого фактора: „не бѣдность имѣетъ столь печальныя послѣдствія", говоритъ онъ, „но неравенство и непостоянство распредѣленія экономическихъ благъ". „Вліяніе соціальной среды и, въ особенности, экономическаго положенія на жизнь отдѣльныхъ лицъ начинается задолго до ихъ рожденія. Экономическая нужда родителей и ея свита: истощеніе, болѣзни, пьянство—вредятъ зародышу. Листъ резюмируетъ въ этихъ словахъ тройное дѣйствіе соціальныхъ и экономическихъ обстоятельствъ на преступность:

а) они дѣйствуютъ на предковъ преступника и, въ то же время, на его врожденныя свойства;

б) они опредѣляютъ физическое и умственное развитіе лица, совершившаго преступленіе;

в) они оказываютъ вліяніе и въ моментъ совершенія преступленія. Въ другомъ мѣстѣ авторъ высказывается такъ: „нужда большихъ массъ—вотъ почва, на которой произрастаетъ не только преступленіе, но въ то же время наслѣдственное вырожденіе, ведущее, въ свою очередь, къ преступленію" [5]).

Надо замѣтить, что авторъ ограничивается здѣсь простыми утвержденіями, но не приводитъ доказательствъ. Въ болѣе раннемъ очеркѣ—о распредѣленіи преступности въ Германіи въ 1883 г., появившемся въ Archives de l'anthropologie criminelle, ав-

---

[1]) Стр. 54 и слл.
[2]) Actes du III Congrès стр. 91—2.
[3]) Стр. 56.
[4]) Actes du III Congrès, тамъ же.
[5]) Kriminalpolitische Aufgaben, Z. f. d. g. s. 1899, c. 472. См. также. Z. f. d. g. S. 1896, c. 178.

торъ дѣлаетъ попытку привести доказательства [1]). Произведенныя имъ изслѣдованія показываютъ, что преступность въ особенности распространена въ восточныхъ провинціяхъ, гдѣ въ массахъ царствуетъ сильнѣйшая нужда, гдѣ народъ питается картофелемъ и алкоголемъ, и, къ тому же, дѣлается жертвой польскихъ евреевъ. Тамъ періодически свирѣпствуетъ тифъ, результатъ нищеты; среди рекрутъ изъ этой мѣстности констатируется наибольшее число безграмотныхъ и т. д. Однако, Листъ признаетъ, что данныя уголовной статистики одного года не даютъ достаточно прочныхъ основаній для опредѣленныхъ выводовъ и что, съ другой стороны, онъ самъ недостаточно углубился въ изученіе этихъ уже по самому существу недостаточныхъ данныхъ. Значеніе трудовъ Листа по нашему вопросу въ общемъ слѣдующее: за нимъ слѣдуетъ признать заслугу особенно настойчиваго указанія на причинную зависимость преступности отъ экономическаго положенія; но при этомъ слѣдуетъ пожалѣть, что этотъ выдающійся криминалистъ не нашелъ случая глубже заняться нашимъ вопросомъ.

То же слѣдуетъ сказать и о А. Принсѣ, профессорѣ брюссельскаго университета, который также придерживается эклектической точки зрѣнія, съ сильной соціологической тенденціей [2]). Однако, надо замѣтить, что Принсъ относится къ тѣмъ сторонникамъ новой школы, которые признаютъ относительную свободу воли и, поэтому, мѣсто его въ слѣдующей главѣ. Мы говоримъ о немъ здѣсь, потому что его имя неразрывно связано съ Международнымъ Союзомъ Криминалистовъ, основателемъ котораго онъ является. Принсъ, какъ и ученые, о которыхъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ, признаетъ воздѣйствіе факторовъ всякаго рода, какъ общаго, такъ и спеціальнаго характера, на человѣческую дѣятельность вообще и на преступность, въ частности; но онъ тѣмъ не менѣе убѣжденъ, что при всемъ томъ человѣкъ, при нормальныхъ условіяхъ, сохраняетъ достаточно свободной воли, чтобы быть отвѣтственнымъ за свои поступки. „Человѣческое существо,—говоритъ онъ,—подчинено общимъ законамъ, но въ предѣлахъ этихъ законовъ, составляющихъ условія міровой жизни, онъ сохраняетъ относительную свободу, которой достаточно, чтобы спасти принципъ индивидуальной отвѣтственности“ [3]).

Авторъ приписываетъ экономическому положенію первенствующую роль въ этіологіи преступленія. Въ „Преступности и репрессіи“ [4]) онъ прекрасно освѣщаетъ, какимъ образомъ анормальное экономическое положеніе нашего вѣка, съ его разрушительными силами, заставляетъ преступность возрастать съ ужасной, но математической точностью: играютъ роль и жажда богатства и наживы, легко возбуждаемая и безумная жажда спекуляцій, контрастъ между нищетой и богатствомъ, жестокая борьба за существованіе рядомъ съ концентраціей земельной собственности и капитала, наконецъ, недостатки промышленной организаціи. Затѣмъ онъ даетъ мрачную картину безмѣрной нищеты, язвы нашихъ большихъ городовъ, и того отчаянія, которое роковымъ образомъ ведетъ къ преступленію. Одной изъ опаснѣйшихъ причинъ преступности авторъ считаетъ также обезлюденіе деревень и тягу въ го-

---

[1]) Répartition des crimes et délits en Allemagne, въ Archives de l'anthr. crim. 1886, c. 106—107. Появилось и въ Z. f. d. g. S. 1886 см. стр. 377.

[2]) Criminalité et Répression, Bruxelles 1886, c. 13 сл. La criminalité et l'Etat social, Bruxelles, 1890, c. 19. Science penale et droit positif, Bruxelles 1899, c. 18 слл.

[3]) Criminalité et Repression c. 39.

[4]) Стр. 14 слл.

рода, образующую колоссальное скопленіе народа въ нашихъ большихъ городахъ, гдѣ преступленіе свирѣпствуетъ съ страшной энергіей. Въ томъ же духѣ Принсъ изслѣдуетъ, въ докладѣ, сдѣланномъ имъ въ Брюсселѣ,—О преступности и общественномъ положеніи [1]),—дѣйствіе нищеты и, въ особенности, гибельнаго разврата большихъ центровъ. Онъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: должны быть необходимо приняты соціальныя и, въ особенности, экономическія мѣры, чтобы остановить ростъ преступности [2]). Эту точку зрѣнія онъ позднѣе развиваетъ и въ своемъ сочиненіи Science pénale et droit positif [3]).

Какъ и Листъ, Принсъ признаетъ аксіомой вліяніе экономическихъ условій на преступность [4]). Онъ лишь обращаетъ вниманіе читателя на это явленіе, не прибѣгая къ доказательствамъ. Кое-гдѣ, правда, авторъ указываетъ, что повышенію хлѣбныхъ цѣнъ соотвѣтствуетъ увеличеніе числа преступленій [5]), но не старается проникнуть въ эти факты глубже.

Принсъ также особенно настаиваетъ [6]) на связи между бѣдностью и бродяжествомъ, съ одной стороны, и бродяжествомъ и преступностью—съ другой. Это мы уже отмѣтили, когда разбирали взгляды Гарофало. „Бродяжество—стажъ преступности; оно находится въ прямомъ отношеніи къ ней" [7]). „Рабочій всегда на границѣ бродяжества; бродяга—на границѣ преступленія" [8]).

Укажемъ еще, для полноты, на сообщеніе проф. Брука, изъ Бреславля, сдѣланное Союзу: Die Aufgabe der Transportation unter den gegebenen Verhältnissen; онъ указываетъ тамъ на нужду, какъ на основную причину плохого воспитанія, которое, въ свою очередь, обусловливаетъ нравственную отупѣлость, ведущую къ преступленію [9]).

Русскій эклектизмъ.

Рядомъ съ непримиримыми врагами, новая школа криминологіи нашла въ Россіи многочисленныхъ сторонниковъ. По утвержденію Фрассати, въ немногихъ странахъ въ такой мѣрѣ обсуждались принципы новой школы, какъ въ Россіи [10]). Гретенеръ, напротивъ, утверждаетъ, что „литература новой школы въ Россіи не можетъ быть, сравнительно съ германской, названа значительной ни по объему, ни по содержанію [11]).

Трудности русскаго языка служатъ причиной нашего весьма не-

---

[1]) 28 января 1890. Брюссель, 1890 стр. 19 слл.
[2]) Стр. 22.
[3]) Стр. 25—6.
[4]) См. La Criminalité et l'Estat social, стр. 19. „Преступленіе, безспорно, зависитъ отъ экономическихъ условій и возрастаетъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ нужды".
[5]) Criminalité et Répression, с. 23; Science penale et droit positif, с. 20, прим.
[6]) Criminalité et Répression, с. 43 слл. Science penale et droit positif, с. 569 слл.
[7]) Тамъ же, стр. 45 и 570.
[8]) Тамъ же, стр. 17.
[9]) Mitteilungen der I. K. V. 1896, с. 368.
[10]) Die neue positive Schule des Strafrechts in Russland. Zeitschrift f. d. ger. Str. 1890, с. 611.
[11]) Z. f. d. g. S. 1884, стр. 297.

полнаго знакомства съ уголовной литературой этой страны. Прямыми источниками служило для насъ нѣсколько работъ, написанныхъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, указанныя уже работы Гретенера и Фрассати, и нѣсколько краткихъ сообщеній Раковскаго [1]).

Изъ всего этого видно, что если вначалѣ теорія прирожденнаго преступника Ломброзо встрѣтила въ Россіи [2]) сторонниковъ, то, нѣсколько времени спустя русская литература приняла по выраженію Гретенера „эклектическое направленіе“ (у. стр.).

Въ Россіи занимались нашимъ вопросомъ. Мы уже указывали на работу г-жи Тарновской.

Д. Дриль занимаетъ почетное мѣсто среди русскихъ криминалистовъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что послѣ порваго увлеченія итальянской школой, онъ примкнулъ къ эклектическому направленію, съ тенденціей къ соціолого-дегенеративному объясненію преступности [3]). На парижскомъ конгрессѣ онъ нѣсколько разъ подчеркивалъ вліяніе экономическаго фактора. Напомнивъ ставшій знаменитымъ отвѣтъ Лемера [4]), президенту осудившаго его суда: „если бы у меня было состояніе, я не былъ бы здѣсь“. Дриль долго настаивалъ на вліяніи соціальныхъ факторовъ и закончилъ утвержденіемъ, что нужда обрекаетъ на истощеніе и вырожденіе,—источники ужасной и возрастающей преступности,—„этихъ людей, принужденныхъ отдавать многіе часы ежедневному, скудно оплачиваемому труду, плохо живущихъ, питающихся и одѣтыхъ, не имѣющихъ времени для образованія и для того, чтобы подумать о себѣ, обремененныхъ всегда заботами всякаго рода [5]).

Проф. Сергѣевскій также считаетъ, въ числѣ многочисленныхъ факторовъ преступленія, пауперизмъ и недостаточность заработной платы: онъ говоритъ, что можно съ увѣренностью предсказать, что неурожайный годъ повлечетъ за собой увеличеніе преступности [6]). Но онъ не изслѣдовалъ вопросъ глубже и не привелъ доказательствъ своихъ утвержденій. Глубже заглянулъ въ вопросъ объ экономическихъ факторахъ преступности Минцловъ. Онъ очень рано принялъ крайне эклектическій взглядъ на преступленіе, считая его порожденіемъ соціальныхъ отношеній, патологическихъ состояній, вырожденія и атавизма [7]). Онъ особенно изучаетъ вліяніе матеріальныхъ факторовъ [8]). Лишенія,—слѣдствіе нищеты,—ведутъ къ психическимъ разстройствамъ и уничтожаютъ вмѣняемость. Ростъ цѣнъ на пищевые продукты и уменьшеніе заработной платы играютъ самую важную роль въ этіологіи преступности, увеличивая число посягательствъ на имущество. Англія въ 1826 г. даетъ любопытный и типичный примѣръ: этотъ годъ, когда преступность поднялась до очень высокой

---

[1]) De la question de l'étiologie du crime. Montpellier 1884, c. 297 1897, c. 52, 53.

[2]) Принципы итальянской школы признала П. Тарновская (см. стр. 141, стр. 633). и Д. Дриль (см. Z. f. d. g. S. 1890, стр. 633, 636, 637), послѣдній послѣ склонился къ соціальному объясненію преступленія. См. Actes du II Congres стр. 162 и 284—5.

[3]) Вначалѣ Дриль примкнулъ къ новымъ итальянскимъ идеямъ, въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ 1882, стр. 401 слд. и 483 слд. и въ сочиненіи о новой школѣ и ея противникахъ. (Позитивная школа уголовнаго права и ея противники, Москва, 1886).

[4]) Actes du II Congrès стр. 163.

[5]) Ibidem, стр. 284—5.

[6]) Юридическій Вѣстникъ 1879, с. II и Z. f. d. g. S. 1881, c. 212.

[7]) Etude sur la criminalité въ La Philosophie positive (іюль декабрь 1880). См. Юридич. Вѣстник 1881, № 10—12.

[8]) La philosophie positive 1880, II с. 217 слд.

цифры—11095, давалъ, сравнительно съ 1810 г., для различныхъ категорій преступленій слѣдующія данныя: имущественныя преступленія сильно увеличились въ числѣ; число случаевъ простой кражи учетверилось, число квалифицированныхъ кражъ поднялось почти въ 8 разъ. Изъ предпринятой правительствомъ анкеты о причинахъ такого ужаснаго явленія выяснилось, что этотъ кризисъ преступности вызванъ дурнымъ примѣненіемъ законовъ о бѣдныхъ, сильнымъ пониженіемъ заработной платы земледѣльческихъ рабочихъ и безработицей. По тѣмъ же самымъ причинамъ преступность въ Англіи поднялась во второй разъ съ 1839 по 1856 годъ, на этотъ разъ только женская преступность. Она поднялась съ 11,2% до 18% въ преступленіяхъ противъ личности и съ 26,9% до 30,8% въ имущественныхъ преступленіяхъ. Мужская эмиграція и пониженіе заработной платы подготовили этотъ ростъ преступности. Минцловъ заключаетъ [1]), что надо начать съ борьбы съ матеріальной нуждой, а затѣмъ приняться за невѣжество, спиртные напитки и проституцію.

Мы здѣсь снова должны подчеркнуть, что работа, подобная труду Минцлова, основанная лишь на оффиціальныхъ данныхъ эпохи, когда статистика находилась въ зачаточномъ состояніи, почему необходима удвоенная осторожность на данныхъ, въ то же время мало изслѣдованныхъ и провѣренныхъ, можетъ принести только самую ничтожную пользу для разработки проблемы и дать сомнительные результаты.

Англійскій эклектизмъ.

Къ эклектическому направленію примыкаетъ нѣсколько современныхъ англійскихъ писателей. Въ противоположность направленію международнаго союза криминалистовъ, какъ мы видѣли, носящему сильную соціологическую и, главнымъ образомъ, экономическую окраску, англійскій эклектизмъ отличается, какъ и его предшественники спиритуалисты, тѣмъ, что вовсе не признаетъ или признаетъ лишь незначительное вліяніе экономическихъ факторовъ на преступность. Мы покажемъ ниже, что труды этого направленія малонаучны и не выдерживаютъ критики.

Л. Гордонъ Райландсъ, въ своемъ трудѣ Crime its causes and remedy, London, 1889, кажется, склоненъ стать на эклектическую, мало впрочемъ опредѣленную, точку зрѣнія въ уголовной этіологіи [2]). Разобравъ остальныя причины преступности, онъ изслѣдуетъ связь, существующую между преступностью и экономическими факторами. Для этого онъ разбираетъ діаграмму, опубликованную въ 8-мъ Report of the Commissioners of Prisons, сравнивающую числа нуждающихся и арестантовъ въ тюрьмахъ Англіи и Уэльса за время съ 1849 по 1885 г. Изъ этого очерка слѣдуетъ, что улучшенію экономическаго положенія (послѣ годовъ неурожая 1846-7) соотвѣтствуетъ вначалѣ уменьшеніе преступности, но вскорѣ послѣдняя, несмотря на процвѣтаніе торговли, быстро стала возрастать. Та же параллель имѣла мѣсто въ 1859-69 гг.; съ 1872 по 1877 г. преступность и благосостояніе возрастали одинаково; въ слѣдующіе годы, до 1885 г., число нуждающихся увеличилось и преступность чувствительно ослабѣла. Авторъ выводитъ заключеніе, что преступность, какъ кажется, зависитъ въ

---

[1]) У. с. стр. 370.
[2]) У. с. стр. 29.

иные періоды отъ экономическаго положенія, въ особенности въ періоды депрессіи, но не всегда. Тотъ же результатъ авторъ получаетъ и изъ таблицы, составленной Давенпортомъ Гиллемъ [1]).

Правильность этого вывода не безспорна. Можно, прежде всего, задать вопросъ, даетъ ли точное представленіе о дѣйствительной нуждѣ количество нуждающихся.

Въ особенности слѣдуетъ замѣтить, что измѣненіе числа „бѣдныхъ", будь оно даже вычислено въ совершенствѣ, не выражаетъ еще въ точности движеній экономическаго состоянія. Число бѣдныхъ можетъ возрастать въ годы, являющіеся для большинства націи благопріятными; возможно и противное. Мы уже нѣсколько разъ указывали, что экономическое состояніе опредѣляется самыми разнообразными факторами и можетъ быть выражено лишь весьма сложной формулой. Это упускаютъ изъ виду многіе криминалисты, между ними и Гордонъ Райландсъ, признающій показателемъ матеріальнаго состоянія одинъ факторъ, образующій лишь одинъ изъ элементовъ этого состоянія. Для большинства криминалистовъ этимъ факторомъ являются цѣны на хлѣбъ. Мы же видѣли, что эта цѣна, какъ и число нуждающихся,—только одинъ изъ элементовъ экономическаго состоянія. Спеціально относительно періода 1872-77 гг., который авторъ считаетъ „очень благопріятнымъ", мы можемъ замѣтить, что онъ значительно теряетъ, если степень благополучія оцѣнивать иной мѣрой. По таблицамъ Форнзари ди Верче экономическое положеніе Англіи, измѣряемое годовыми цѣнами зерна, въ годы 1872—74, какъ и въ 1877, представлялось плохимъ, тогда какъ 1875—6 года разсматриваются какъ благопріятные [2]).

Авторъ, собственно говоря, понимаетъ, что въ его діаграммѣ преступленіе взято въ слишкомъ широкомъ смыслѣ, что внимательное изслѣдованіе требовало бы, по меньшей мѣрѣ, различенія преступленій противъ личности и преступленій противъ имущества. Авторъ слѣдуетъ, затѣмъ, другому методу при рѣшеніи занимающаго его вопроса. Онъ убѣжденъ, что сравненіе типичныхъ годовъ можетъ дать извѣстные выводы. Для этого онъ сравниваетъ цифры преступности 1872, 1877 и 1884 гг. 1877 годъ былъ благопріятенъ (число бѣдныхъ достигло минимума), года же 1872 и 1884 представляются неблагопріятными (число бѣдныхъ—максимальное).

	1872	1877	1884
Совершено въ			
Имуществ. преступленій . . .	80,000	88,000	81,000
Прест. противъ личности . . .	98,000	94,000	85,000
Жалобъ на повр. имущества . .	21,000	23,000	23,000
Пьянство и нарушенія порядка.	183,000	400,000	372,000

Мы видимъ, что счастливый 1877 годъ даетъ наибольшее число преступленій противъ имущества.

Этотъ второй аргументъ, къ сожалѣнію, еще слабѣе перваго. Не говоря уже о томъ, что взятое основаніе благополучія сомнительно, самое сравненіе, уже само по себѣ, осуждено на неудачу, благодаря слишкомъ большой ограниченности во времени. Малая продолжительность періода, къ которому относятся данныя, вводила въ ошибку многихъ статистиковъ послѣ Кетле: можно считать несомнѣннымъ, что сравненіе трехъ лѣтъ не можетъ дать удовлетворительнаго результата.

---

[1]) Davenport Hill, Repression of crime 1857, стр. 46 сл.

[2]) Fornasavi di Verce, La criminalite e la vicende economiche d'Italia, Torino 1894, c. 170.

По основанію для опредѣленія благосостоянія, установленному Форназари ди Верче, 1872 годъ принадлежитъ къ числу наихудшихъ, тогда какъ 1884—къ наилучшимъ, а наилучшій—1877 годъ—къ менѣе благопріятнымъ. Ясно отсюда, что указанные годы не могутъ быть типичными выраженіями благополучія и печальнаго экономическаго состоянія.

Мы можемъ сказать, слѣдовательно, что не доказанъ слѣдующій окончательный выводъ Райландса: „Въ обычное время экономическое положеніе народа мало вліяетъ на преступность; преступность возрастаетъ въ благопріятные годы вслѣдствіе употребленія алкоголя; она возрастаетъ въ годы депрессіи вслѣдствіе безработицы“ [1]). Помимо того, что аргументы автора слишкомъ слабы, чтобы сдѣлать какой-либо выводъ, бросается еще въ глаза, что его выводъ выходитъ за границы того, что онъ намѣревался доказать.

Трудъ Гавелока Еллиса Verbrecher und Verbrechen (переводъ съ англійскаго, Лейпцигъ, 1894) посвященъ изученію біологіи преступника. Авторъ находитъ, однако, случай указать на высокое значеніе соціальныхъ факторовъ, въ особенности экономическихъ [2]) потрясеній. Онъ мимоходомъ упоминаетъ и о вліяніи цѣнъ; въ заключительной главѣ онъ настаиваетъ на необходимости улучшить матеріальное положеніе народа, такъ какъ борьба съ порокомъ смѣшна, пока находятся лица, для которыхъ каторга—пламенно желаемое убѣжище Свобода, на самомъ дѣлѣ, имѣетъ цѣну лишь для того, кто имѣетъ что поѣсть и во что одѣться; для другихъ—пища, одежда, кровъ, доставляемые тюрьмой, значатъ больше, чѣмъ свобода.

Въ этой книгѣ, не ставящей себѣ задачей соціологическаго изученія преступленія, авторъ только бросаетъ отдѣльныя замѣчанія [3]) по нашему вопросу, не больше.

Мы считаемъ также эклектикомъ Дугласа Моррисона, автора книги Crime and its Causes (L. 1891). Въ этомъ трудѣ онъ не даетъ синтетическаго очерка причинъ преступности; но изъ нѣкоторыхъ страницъ, какъ намъ кажется, съ очевидностью вытекаетъ, что авторъ—эклектикъ.

Онъ заявляетъ, что хочетъ показать, что преступленіе имѣетъ болѣе сложную природу, чѣмъ это обыкновенно думаютъ [4]). Нѣкоторыя другія страницы могли бы заставить причислить его къ сторонникамъ теоріи среды [5]); еще другія показываютъ, что авторъ разсматриваетъ часть преступниковъ, какъ дегенератовъ, а часть, какъ обыкновенныя безнравственныя существа, нравственное паденіе которыхъ образуетъ причину ихъ преступленія [6]). Книга, вообще, не даетъ того, что обѣщаетъ ея заглавіе. Въ дѣйствительности, это рядъ отдѣльныхъ, мало другъ съ другомъ связанныхъ очерковъ нѣкоторыхъ причинъ преступности, значеніе которыхъ и изслѣдуетъ авторъ. Онъ самъ такъ объясняетъ заглавіе своего труда: „Эта книга, какъ и указываетъ ея заглавіе, занимается изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ главныхъ причинъ преступленія [7])“.

---

[1]) У. с. стр. 28.
[2]) У. с. стр. 27.
[3]) У. с. стр. 325.
[4]) У с стр. V.
[5]) Главный источникъ преступленія заключается въ личныхъ, общественныхъ и экономическихъ условіяхъ преступника. У. с. стр. 3. Послѣдующее изложеніе покажетъ, однако, что авторъ могъ бы исключить здѣсь экономическія условія.
[6]) У. с. ст. VII. См. еще стр. 107.
[7]) У. с. стр. V.

Въ главахъ IV и V авторъ говоритъ объ экономическихъ причинахъ преступленій. Глава IV посвящена „Destitution and Crime". „Destitution" не является феноменомъ исключительно экономическимъ, а скорѣе, въ болѣе общемъ смыслѣ, явленіемъ соціальнымъ; однако, это состояніе тѣсно связано съ матеріальными факторами и, по пріемамъ, практикуемымъ авторомъ, изслѣдованіе его можетъ способствовать рѣшенію нашей задачи [1]).

Авторъ старается показать, что это состояніе, обыкновенно считающееся грознымъ факторомъ преступности, въ дѣйствительности имѣетъ очень слабое вліяніе [2]). Доказательства своего мнѣнія онъ находитъ въ уголовной статистикѣ Англіи и Уэльса за 1887—88 гг. Количество имущественныхъ преступленій составляетъ 8%, нарушеній Vagrancy Acts—7%. Другія преступленія, за рѣдкими исключеніями, вовсе не могутъ считаться стоящими въ причинной связи съ этимъ состояніемъ. Такимъ образомъ въ концѣ-концовъ, оно можетъ считаться причиной лишь 15% преступленій. А болѣе тщательный анализъ этихъ двухъ группъ преступленій показываетъ, что случаи вліянія этого обстоятельства встрѣчаются только въ незначительномъ количествѣ. Сначала нѣсколько словъ о 8% имущественныхъ преступленій [3]). Половина обвинявшихся, въ моментъ ихъ задержанія, были на работѣ, слѣдовательно, положеніе ихъ не было безпомощнымъ. Прибавьте къ нимъ молодыхъ воровъ и „зажиточный классъ народа, который крадетъ не по нуждѣ, но главнымъ образомъ по предрасположенію". Останется тогда 4%. Изъ этого количества надо вычесть еще преступленія, совершенныя привычными преступниками, все существованіе которыхъ зиждется на обворовываніи общества; въ этихъ случаяхъ указанное состояніе также не является причиной, а они составляютъ 2%.

Изъ 2% остающихся—1% падаетъ на долю пьяницъ, что приводитъ автора къ слѣдующей таблицѣ [4]).

Отношеніе имуществ. преступленій къ общему числу преступленій	8%.
Изъ совершившихъ эти преступленія были на работѣ	4%.
Профессіональные преступники	2%.
Пьяницы	1%.
Бездомные и старики	1%.

Едва 1% преступленій, такимъ образомъ, стоитъ въ причинной связи съ означеннымъ безпомощнымъ состояніемъ.

Перейдемъ къ доказательству слабости аргументаціи автора. Онъ исходитъ отъ уголовно-статистическихъ данныхъ одного лишь года: уже потому эти данныя не позволяютъ сдѣлать опредѣленнаго вывода. Кромѣ того, эти данныя одного лишь года плохо изложены. Авторъ не указываетъ источника своихъ свѣдѣній: отсюда затруднительность провѣрки. Затѣмъ, уже a priori недопустимо, чтобы % имущественныхъ преступленій составлялъ лишь 8% общаго числа преступленій. Такого отношенія нѣтъ нигдѣ, оно недопустимо и для Англіи. Кетле указы-

---

[1]) Авторъ опредѣляетъ „a destitute person"—есть лицо, неимѣющее дома и пристанища, неимѣющее работы, которое способно къ работѣ и желаетъ ее имѣть, „but can get none, and has in thenothing but starvation staring him face". У. с. стр. 82—83. „Проф. Гицель, критикуя трудъ Моррисона, переводитъ это выраженіе недостаточно широкимъ" Mangel an Arbeit (Z. f. d. g. S. 1892, c. 930).

[2]) У. с. стр. 83 слл.

[3]) У. с. стр. 84 слл.

[4]) У. с. стр. 91 слл.

ваетъ для Франціи за 1826—29 г.г. 75% для имущественныхъ преступленій, а для Бельгіи, за 1826—30 г.г. 73% [1]). Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что основаніе исчисленій Кетлэ слишкомъ широко. Болѣе точныя цифры для Франціи мы находимъ въ Compte général de l'administration de la justice criminelle en France pendant. l'annee 1880, p. LVIII. Съ 1826 по 1880 годъ имущественныя преступленія за каждое пятилѣтіе даютъ minimum 304 на 1000 преступленій (съ 1826—1830) и maximum 394 (1861—65). По свидѣтельству Эттингена число имущественныхъ преступленій въ Германіи, въ періодъ 1862—69 г., колебалось между 38,5 и 52, 3% [2]). Въ Швейцаріи это отношеніе было, въ 1892 г., 48,31%, и по указаніямъ Кену, для кантона Женевы, поднималось въ 1895 г. до 73% [3]). Какъ же допустить послѣ этого, что въ Англіи. которая, по даннымъ международной статистики, занимаетъ въ отношеніи имущественныхъ преступленій одно изъ первыхъ мѣстъ, % послѣднихъ равнялся бы лишь 8%. Кромѣ того, разборъ этихъ 8%, сдѣланный авторомъ, произволенъ и указываетъ на непонятную необдуманность. Изъ факта, что 4% осужденныхъ были на работѣ въ моментъ ареста, разумно ли заключать, что нужда не была въ числѣ причинъ ихъ преступленій? То же слѣдуетъ сказать и о 2% обычныхъ воровъ. На какомъ основаніи авторъ заключаетъ, что въ ихъ преступленіяхъ нужда не при чемъ? Не нужда ли зачастую толкаетъ ихъ постепенно на ихъ печальный путь? Совершенно произвольному мнѣнію Моррисона мы можемъ противопоставить выводы изслѣдованій многихъ криминалистовъ, убѣдительно доказавшихъ, какъ велико вліяніе экономическаго положенія на преступность нашихъ городовъ [5]). То же слѣдуетъ замѣтить и объ 1% пьяницъ, также произвольно вычисленномъ Моррисономъ. Если цѣлью автора было показать, что сами по себѣ одиночество, безпомощное положеніе, „destitution", какъ его опредѣляетъ авторъ [6]), рѣдко бываетъ причиной преступленія,—мы противъ этого не возражаемъ. Но очевидно, что Моррисонъ хотѣлъ выразить своимъ терминомъ destitution плохое экономическое положеніе, ибо онъ заключаетъ, что economic couditions have very little to do with making these unhappy beings what they are [7]). Необходимо придавать этому понятію самый узкій смыслъ. Тогда его вліяніе на преступность будетъ минимально. Но тогда изъ всей работы ничего нельзя вывести о значеніи экономическихъ факторовъ. Эта статистика автора, такимъ образомъ, лишена цѣнности, а выводъ изъ нея—основанія.

Его вычисленіе нарушеній Vagrancy Act [8]), составляющихъ 7% всѣхъ проступковъ, также не заслуживаетъ довѣрія. Авторъ для

---

[1]) Quetelet, Physique sociale Bruxelles ed, 1836, c. 182 и 185.

[2]) Oettingen, Moralstatistik c. 467.

[3]) Quénaud, La criminalité en Suisse. Actes du IV Congres c. 298 и 300.

[4]) См. м. пр. приведенную самимъ же Моррисономъ таблицу. У. с. стр. 130. По Ломброзо, Англія занимаетъ въ отношеніи воровства второе мѣсто (Le Crime etc. стр. 72). По вычисленіямъ Гаскелля, въ Голландіи былъ 1 осужденный за имущественное преступленіе на 7140 жит., во Франціи—на 1804, въ Англіи—на 1799 Cm. Engels, Die Lage der arbeitenden Klassen in England. Stuttgart 1892, c. 133.

[5]) См. Prins Criminalité et Repression, c. 43 сл: Ducpetiaux. Le pauperisme dausles Flandres, c. 45. Эттингенъ видитъ даже въ безпомощномъ положеніи бѣдняковъ главную причину преступности. Moralstatistik. c. 418.

[6]) У. с. стр. 82-3.

[7]) У. с. стр. 90.

[8]) У. с. стр. 91.

1887—8 гг. указываетъ абсолютную цифру осужденныхъ за бродяжество—52136: мужчинъ 40672 и 11464 женщинъ. Сюда включены 5% нищихъ; по мнѣнію автора, нельзя признать, чтобы они дѣйствовали подъ давленіемъ destitution: настоящій нищій вовсе не желаетъ работать. Моррисонъ признаетъ, что трудно опредѣлить, въ какой степени вліяютъ въ данномъ случаѣ экономическіе факторы; его выручаетъ „личное впечатлѣніе", которое говоритъ ему, что случаи нищенства, обусловленные отсутствіемъ работы, крайне ограничены. Это явленіе имѣетъ двѣ причины: введеніе машинъ принудило извѣстное количество рабочихъ вести бродячій образъ жизни. Однако, если эта причина существовала 20 или 30 лѣтъ тому назадъ (1891), то ея теперь нѣтъ. Во-вторыхъ, трэдъюніоны отняли у извѣстнаго числа лицъ работу и обрекли ихъ на нищенство. Свидѣтельство Моно убѣдительно доказываетъ, что большинство нищихъ отказываются отъ работы: изъ 727 лицъ едва 18 серьезно искали труда. Другое доказательство авторъ находитъ въ сравненіи бродягъ мужскаго пола съ числомъ бродягъ женскаго пола: эти числа соотвѣтственно равны 40672 и 11464, т. е. 4:1. Въ число женщинъ входитъ, кромѣ того, 6486 проститутокъ, что уменьшаетъ пропорцію до 8:1. Мы знаемъ однако, что женщинѣ труднѣе найти работу и что эта работа оплачивается хуже. И Моррисонъ отсюда выводитъ заключеніе, что $^7/_8$ (или $^3/_4$, если принять въ разсчетъ проститутокъ) бродягъ—мужчинъ не можетъ найти извиненія въ дурномъ экономическомъ положеніи [1]).

Въ общее число нарушившихъ законы о бродяжествѣ входитъ 12% проститутокъ. Авторъ спрашиваетъ, находитъ ли ихъ преступность источникъ въ безпомощномъ положеніи и отвѣчаетъ, что это бываетъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Для оправданія (?) этого заключенія онъ замѣчаетъ, что данное состояніе рѣдко является причиной проституціи. Это доказываютъ примѣры Австраліи и Америки. Тамъ женщина можетъ легко зарабатывать на свое существованіе и все-таки проституція свирѣпствуетъ въ Мельбурнѣ и Нью-Іоркѣ не меньше, чѣмъ въ европейскихъ столицахъ. Авторъ приводитъ еще статистику Русселя для Бордо, гдѣ изъ 98 малолѣтнихъ дѣвочекъ, занесенныхъ въ списки домовъ терпимости (на 600),—44 пали по своей волѣ, и 54 занялись позорнымъ ремесломъ благодаря ненормальнымъ обстоятельствамъ. Въ этой послѣдней категоріи было 14 сиротъ, 7 потеряли мать или отца, 32 были покинуты на произволъ судьбы или были пущены по пути порока собственными родителями. Съ учрежденіемъ Truant and industrial Schools, серьезно уменьшилась для женщины необходимость дѣлать свое тѣло источникомъ существованія. Авторъ, поэтому, приходитъ къ слѣдующему заключенію: „настоящій % проститутокъ, дѣйствовавшихъ подъ вліяніемъ безпомощнаго состоянія, не можетъ превышать 10%". Моррисонъ приходитъ къ слѣдующей таблицѣ [2]):

7% нарушеній Vagrancy Act относятся на счетъ:

Нищихъ	45%
Проститутокъ	12%
Остальные	43%
	100%

[1]) У. с. стр. 106-7.
[2]) У. с. стр. 119.

Изъ этого числа дѣйствовали подъ вліяніемъ „destitution“:

Нищихъ	2%
Проститутокъ	10%
Остальныхъ	2%
	14%

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ Моррисона заключается логическая ошибка, отнимающая у нихъ, съ самаго начала, всякую цѣнность. Авторъ хочетъ и долженъ доказать, что изъ 45% нарушеній Vagrancy Act, совершенныхъ нищими, и изъ 12% совершенныхъ проститутками, лишь небольшая часть вызвана безпомощнымъ положеніемъ. Но онъ приходитъ къ совершенно иному результату: онъ старается доказать, что это положеніе крайне рѣдко ведетъ къ бродяжеству и проституціи. Но, если бы было и такъ, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что нарушившія законъ лица этихъ категорій не были подъ вліяніемъ экономическихъ условій, хотя бы они раньше были приведены къ ихъ несчастному положенію мотивами другого рода.

Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ иначе: тщательныя изысканія наиболѣе извѣстныхъ изслѣдователей соціально-патологическихъ явленій показали, что нищенство и проституція имѣютъ одинъ источникъ и находятся въ прямой причинной связи съ экономическимъ положеніемъ. Поверхностные аргументы Моррисона не могутъ опровергнуть этого.

Что большинство нищихъ по профессіи не въ состояніи серьезно работать и что они этого даже не желаютъ—это печальная истина [1]); но не подъ вліяніемъ ли нужды образовался этотъ классъ? Фактъ, что бродяжество, какъ и преступность, рѣже встрѣчаются среди женщинъ, чѣмъ среди мужчинъ, объясняется и находитъ свое основаніе въ другихъ факторахъ соціальнаго и полового характера [2]). Онъ, такимъ образомъ, ничего не говоритъ противъ вліянія нищеты. То же слѣдуетъ сказать и о другомъ, именно, что въ Америкѣ и Австраліи проституція свирѣпствуетъ такъ же, какъ и въ Европѣ, хотя женщина тамъ можетъ свободно зарабатывать на жизнь честнымъ путемъ. Это—слишкомъ мало провѣренный аргументъ для того, чтобы извлечь изъ него какой-либо выводъ относительно причинъ проституціи въ Европѣ. Даже статистическія данныя относительно Бордо, собранныя Русселемъ, не оказываютъ автору большой помощи. 54 случая проституціи подъ вліяніемъ ненормальныхъ условій, въ особенности 32 женщины, покинутыя на произволъ судьбы и, вѣроятно, также часть изъ 44, занесенныхъ, какъ павшія по своей винѣ (вѣдь, большая разница между паденіемъ и поступленіемъ въ публичный домъ),—заставляютъ серьезно предполагать вліяніе нужды на принятіе такого отчаяннаго рѣшенія.

Статистическія данныя Эттингена показали, насколько бродяжество и, въ частности, нищенство зависятъ отъ экономическаго положенія [3]). Эти данныя только подтвердили выводы Майра [4]). Спеціалисты

---

[1]) См. Avé Lallemant, Das deutsche Gaunerthum (Leipzig, 1858—62) II, стр. 29.

[2]) См. по этому поводу м. пр. Hirsch, Verbrechen und Prostitution als soziale Krankheitserscheinungen, с. 25; Lafargue, Die Kriminalität in Frankreich 1840—1866, Neue Zeit 1890.

[3]) Oettingen, Moralstatistik стр. 4.5 слл.

[4]) Magr, Statistik der gerichtlichen Polizei, in Beiträge zur Statistik des Königreichs Bayern. XVI Heft, 1567, с. 132, слл.

по вопросу о проституціи пришли къ заключенію, что проституція въ значительномъ числѣ случаевъ имѣетъ причиной нищету. Эттингенъ резюмировалъ это заключеніе въ одной изъ энергичныхъ формулъ, которыя мы привыкли встрѣчать въ трудахъ этого почтеннаго моралиста. Извѣстный статистикъ проституціи [1]) Паранъ Дюшатле приводитъ данныя, въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствующія, что тяжелое экономическое положеніе встрѣчается въ началѣ пути порока, которымъ слѣдуютъ эти несчастныя, и сопровождаетъ ихъ на немъ [2]). Онъ подтверждаетъ истинность ужасныхъ фактовъ, когда матери семействъ, покинутыя своими мужьями, кормили своихъ дѣтей цѣной своего стыда и тѣла и когда дочери продавались, чтобы доставить хлѣбъ своимъ родителямъ [3]).

Основываясь, такимъ образомъ, на данныхъ, гораздо болѣе солидныхъ, чѣмъ недостаточныя данныя Моррисона, мы можемъ признать, что плохое экономическое положеніе играетъ важную роль въ генезисѣ проституціи и нищенства. Тѣ же статистики доказали существованіе связи между этими двумя симптомами соціальной болѣзни и преступностью. Что эти утвержденія [6]) справедливы и для Англіи—доказываетъ отношеніе, существующее, согласно оффиціальной статистикѣ, между числомъ арестантовъ и числомъ „adult ables bodied paupers in recept of relief indoor" въ періодъ 1850—1882 г.г. [4])

Уже изъ сказаннаго вытекаетъ, что положенія Моррисона лишены основанія; но вычисленія автора еще произвольнѣе. Послѣ тщетныхъ попытокъ доказать, что лишь немногіе изъ 45% нищихъ были приведены къ этому положенію безпомощнымъ состояніемъ, авторъ просто, безъ всякаго статистическаго обоснованія, опредѣляетъ ихъ количество въ 2%. Также необосновано и исчисленіе проступковъ проститутокъ въ 10%, [5]); даже 2% остальныхъ нарушителей (43% въ общемъ), дѣйствовавшихъ якобы подъ вліяніемъ безнадежнаго положенія, взяты совершенно произвольно. Общее число 14% нарушеній Vagrancy Act, совершенныхъ въ разсматриваемомъ состояніи, является, слѣдовательно, совершенно фантастичнымъ, такъ какъ не покоится на статистическихъ данныхъ, но основано, съ одной стороны, на разсужденіяхъ, истинность коихъ весьма спорна, а съ другой—на произвольныхъ оцѣнкахъ. Поэтому оно и не заслуживаетъ довѣрія.

Авторъ, затѣмъ, приходитъ къ заключительнымъ выводамъ данной главы [6]). Мы съ удивленіемъ встрѣчаемъ въ этихъ выводахъ совершенно иныя, чѣмъ въ предыдущемъ изложеніи, цифры. Причинное дѣйствіе тяжелаго матеріальнаго положенія предполагалось въ 8% преступленій противъ имущества и въ 7% нарушеній „Vagrancy Act", всего въ 15%. Изъ этого числа подъ вліяніемъ безпомощнаго состоя-

---

[1]) Oettingen, У. с. стр. 193.

[2]) Parent-Duchatelet, De la prostitution dans la ville de Paris. 3 изд. 1857, II, стр. 78 и I, стр. 107. Изъ 5183 публичныхъ женщинъ, исторію которыхъ изслѣдовалъ авторъ, 1441 записались подъ вліяніемъ нужды и бѣдности, 1225 сиротъ приняли роковое рѣшеніе въ состояніи полной заброшенности, 37—съ цѣлью прокормить родителей, 29—для доставленія средствъ своимъ младшимъ родственникамъ и 23—для воспитанія собственныхъ дѣтей.

[3]) Ibid I, стр. 103. См. еще докладъ Ватсона на Эбердинскомъ конгрессѣ, приводимый Колаяни: Sociologia criminale II, с. 523; Massenet: Quelques causes sociales du crime, стр. 23.

[4]) См. Fifth report of the commissioners of prisons S 1890, ст. 19,7 діагр.

[5]) Авторъ проходитъ молчаніемъ значеніе этого весьма высокаго числа (10% на 12%).

[6]) У. с. стр. 119 и 120.

нія было совершено, согласно вычисленію, 1% [1]). Мы съ удивленіемъ видимъ, что авторъ здѣсь считаетъ 2%, совершенно не обосновывая этого измѣненія. Для второй категоріи авторъ равнымъ образомъ установилъ, что тяжелое матеріальное положеніе является дѣйствительной причиной въ 1% (общее число осужденныхъ за бродяжество—7% всей преступности; 14% послѣднихъ обусловлены этой причиной; т. обр. въ общемъ числѣ преступности эти проступки составляютъ

$$\frac{7 \times 14}{100} = \frac{98}{100}$$ или 1%).

И здѣсь авторъ непонятнымъ образомъ считаетъ 2%. Похоже на то, что, чувствуя неправильность своихъ данныхъ, онъ не находитъ другого средства, какъ удвоить ихъ. Но такого рода статистика—мало серьезна. Авторъ прибавляетъ еще 1% другихъ проступковъ, которые можно поставить на счетъ той же причины—т. е. всего—3%. И ему, кажется тогда, что онъ „доказалъ, что ежегодное количество преступленій не подверглось бы большому измѣненію, если бы во всемъ королевствѣ [2]) не было бы ни одного лица въ упомянутомъ состояніи“. Мы же напротивъ думаемъ, что вычисленія Моррисона, въ которыхъ *ни одно* число ничего не стоитъ, вовсе ничего не доказали.

Слѣдующая глава говоритъ о связи преступности и бѣдности, о связи, признаваемой авторомъ несуществующей. Въ доказательство онъ приводитъ нѣсколько фактовъ и свои соображенія.

Прежде всего, авторъ обращается къ международной статистикѣ [3]). Онъ воспроизводитъ статистику имущественныхъ посягательствъ въ большинствѣ европейскихъ государствъ по четырехлѣтнимъ періодамъ, заимствуя ее у Бодіо [4]).

Этотъ очеркъ показываетъ, что наивысшая преступность встрѣчается въ наиболѣе богатыхъ странахъ. Напр., англійская преступность интенсивнѣе итальянской; однако, Англія въ 6 разъ богаче Италіи. Богатство Франціи, какъ по количеству, такъ и по распредѣленію, значительнѣе, чѣмъ богатство Ирландіи, но французскій народъ совершаетъ больше имущественныхъ преступленій, чѣмъ ирландскій. Испанія—одна изъ бѣднѣйшихъ странъ Европы, а Шотландія—одна изъ богатѣйшихъ, и, тѣмъ не менѣе, въ Шотландіи совершается на 100000 жит. въ 4 раза больше преступленій, чѣмъ въ Испаніи. Наиболѣе поучительно въ этомъ отношеніи, по мнѣнію автора, сравненіе Англіи и Ирландіи. Статистика обѣихъ странъ основана на почти одинаковыхъ принципахъ. Уголовное законодательство и его примѣненіе почти одинаковы. Изъ этого сравненія вытекаетъ, что при всей своей бѣдности ирландцы совершаютъ вдвое меньше преступленій противъ собственности, чѣмъ богатые англичане. Авторъ заключаетъ, что „международная статистика, поскольку на нее можно положиться, свидѣтельствуетъ, что скорѣе богатство, чѣмъ бѣдность, имѣетъ тенденцію увеличивать число имущественныхъ преступленій“ [5]).

---

[1]) У. с. стр. 91.
[2]) У. с. стр. 120-1.
[3]) У. с. стр. 130 слл.
[4]) Авторъ не всегда приводитъ названія книгъ, откуда онъ заимствуетъ свои, правда, немногочисленныя, цитаты, и которыя служатъ ему источниками. Мы нашли статистику, о которой говорится здѣсь, въ Annuario statistico italiano, Roma 1894 г. въ Relazione della Commissione per la statistica giudiziaria, Roma, 1896.
[5]) У. с. стр. 132.

Этотъ первый аргументъ цѣликомъ неправиленъ. Авторъ впадаетъ въ ошибку, изучая такъ поверхностно международную статистику. Оперировать этой статистикой крайне трудно и требуетъ большихъ предосторожностей; многочисленныя и серьезныя препятствія возникаютъ изъ различія уголовныхъ законовъ, ихъ болѣе или менѣе строгаго примѣненія, различія основаній статистики и толкованія истиннаго значенія благосостоянія, различнаго образа жизни, большей или меньшей удовлетворенности населенія и т. д....; все это приводитъ къ извлеченію изъ плохо разработанной международной статистики ничтожныхъ или ложныхъ выводовъ. Только глубокое изслѣдованіе существа вещей можетъ привести къ вѣрнымъ и относительно точнымъ выводамъ [1]). Авторъ, правда, не скрываетъ отъ себя трудностей, связанныхъ съ аргументированіемъ при помощи международной статистики [2]), но не дѣлаетъ никакихъ усилій устранить ихъ. Неудивительно, поэтому, что его выводы почти „діаметрально противоположны" истинѣ. Основаніе, принятое Моррисономъ для опредѣленія благосостоянія,—абсолютная величина богатства. Очевидно съ самаго начала, что это основаніе неправильно. Милліоны богатѣйшихъ лэндлордовъ приносятъ ли какую-нибудь выгоду населенію предмѣстій Лондона и Гласго? Напротивъ, извѣстно, что абсолютное богатство часто сопровождается большимъ неравенствомъ въ распредѣленіи, другими словами, что такъ называемыя богатыя страны на самомъ дѣлѣ являются самыми бѣдными [3]). Тщательное изслѣдованіе выводовъ Морисона доказываетъ, что авторъ, пренебрегая только-что сказаннымъ, приходитъ къ совершенно фантастическимъ выводамъ. Онъ считаетъ Англію, Шотландію, Францію богатыми странами, Испанію, Италію, Ирландію—бѣдными. Относительно Франціи авторъ правъ. И все же положеніе этой страны подтверждаетъ нашъ выводъ. Кеттле убѣдительно доказалъ, что департаменты, гдѣ всего менѣе неравенства въ распредѣленіи богатства, въ то же время имѣютъ наименѣе интенсивную преступность [4]). Италія, безъ сомнѣнія [5]), крайне бѣдна; но, замѣтимъ мы автору, она и занимаетъ по своей преступности мѣсто, стоящее въ полномъ согласіи съ ея бѣдностью.

У насъ нѣтъ данныхъ, касающихся Испаніи; относительно Ирландіи же Колаяни доказываетъ, [6]) что ея дѣйствительное экономическое состояніе вовсе не такъ ужъ плохо, благодаря большему равенству распредѣленія богатства. Это положеніе, напротивъ, ужасно въ Англіи и Шотландіи, вслѣдствіе громаднаго скопленія имущества въ однѣхъ рукахъ. Этого не долженъ бы былъ забывать англійскій писатель, говоря о связи преступности съ экономическими условіями. Неудивительно, что указанное положеніе въ Англіи и Шотландіи вліяетъ на количество имущественныхъ преступленій и, такимъ образомъ, статистика Моррисона, при болѣе тщательномъ изученіи, доказываетъ какъ разъ противоположное тому, что хотѣлъ доказать авторъ.

---

[1]) Громадныя трудности этой статистики признаны всѣми авторами, пользующимися ею. См. особенно Oettingen, Moralstatistik, 452 и 453. Colajanni, La Sociologia Criminale, II, c. 524; затѣмъ Lombroso, Le Crime etc p. 139; Guerry. Essai sur la statistique morale de la France, P. 1833, c. 12; A. de Candolle in Bibliothèque universelle de Geneve, 1830, t. I; Mittermaier, Beitrage z Criminalstatistik. Спеціально для Англіи: Quaterly Rewiew, дек 1820; Corne въ Journal des Economistes, 1868, c. 69.

[2]) У. с. стр. 128.

[3]) См. по этому поводу Quettelet, Physique sociale, II, c. 279.

[4]) Тамъ же, стр. 314.

[5]) См. прим. 2, стр. 235.

[6]) Sociol. criminale II, стр. 527 слд. и указанныхъ тамъ авторовъ.

Авторъ, затѣмъ, обращается къ національной статистикѣ [1]). Онъ сравниваетъ пятилѣтній періодъ благосостоянія—1870—74 г.г. съ такимъ же періодомъ депрессіи—1884—88 г.г. Изъ этого сравненія вытекаетъ, что въ первый періодъ было больше осужденій за имущественныя преступленія; отсюда Моррисонъ заключаетъ: „увеличеніе національнаго и индивидуальнаго благосостоянія далеко не подавляетъ преступныхъ инстинктовъ, а только увеличиваетъ число преступленій“ [2]).

Авторъ даетъ намъ здѣсь отрывокъ динамической статистики. Матеріалы сами по себѣ уже безнадежно ограничены [3]). Но въ особенности поверхностный характеръ носитъ самое изученіе данныхъ и поэтому невѣрно ихъ истолкованіе. Мы уже неоднократно замѣчали, что несовпаденіе, съ динамической точки зрѣнія, кривыхъ экономическаго состоянія и преступности, при болѣе близкомъ изученіи, получаетъ экономическое объясненіе и подтверждаетъ, а отнюдь не опровергаетъ, вліяніе экономическихъ факторовъ на преступность [4]). Мы, слѣдовательно, можемъ сказать, что такой ограниченный и поверхностный обзоръ, какъ предыдущій, не можетъ опровергнуть постоянное и почти математическое отношеніе, которое всѣ криминалисты, безъ исключенія, находятъ между динамикой обоихъ явленій.

Болѣе того. Элементы сравненія подозрительны. Моррисонъ убѣждаетъ насъ, безъ доказательствъ, безъ документовъ, что экономическое положеніе Англіи въ 1870—74 г. было весьма благопріятно и что періодъ 1884—88 гг. былъ періодомъ депрессіи. Въ докладѣ Форназари ди Верче объ экономическимъ положеніи Англіи, написанномъ на основаніи хлѣбныхъ цѣнъ, основаніи, хотя и не вполнѣ, но все же приблизительно вѣрномъ, годы 1871—4 считаются плохими (cattivi) годы 1884—88 весьма хорошими (ottimi) [5]). Мы имѣемъ всѣ основанія довѣрять больше даннымъ Форназари, основаннымъ на внимательномъ изслѣдованіи, чѣмъ недоказаннымъ утвержденіямъ Моррисона. По другимъ даннымъ—Г. Райландса,—полученнымъ на основаніи числа бѣдняковъ, періодъ 1884 г. дѣйствительно неблагопріятенъ; но не менѣе неблагопріятнымъ является и 1872 г., притомъ настолько, что изъ всего періода 1849—1885 этотъ годъ насчитываетъ наибольшее число бѣдняковъ [6]). Изъ сравненія между богатой Англіей и нищей Индіей [7]), изъ котораго слѣдуетъ, что въ 1888 г. въ Англіи былъ 1 осужденный на 42 жителя (дѣло здѣсь идетъ о всей преступности вообще, а не только объ имущественныхъ преступленіяхъ), а въ Индіи—1 на 195 жит., авторъ извлекаетъ доказательство, что вліяніе на преступность экономическихъ факторовъ въ большей своей части иллюзорно. Но возможно, что экономическіе факторы въ Индіи играютъ меньшую роль въ генезисѣ преступленій, чѣмъ въ Европѣ. Преступность, какъ мы ее понимаемъ, есть результатъ условій мѣста и времени, зависящій для каждой страны и области отъ спеціальныхъ факторовъ. Сравненіе экономическаго положенія двухъ странъ, столь различныхъ по расѣ, религіи, обычаямъ, политикѣ и соціальному строю, сравненіе одностороннее притомъ, выходитъ за предѣлы заслуживающей довѣрія международной ста-

---

[1]) У. с. стр. 132 слл.
[2]) У. с. стр. 133.
[3]) См. Neue Zeit VIII, стр. 14.
[4]) См. по этому поводу Starke, Verbrechen und Verbrecher in Preussen, с. 63 слл; Denis Actes du III Congres, с. 367
[5]) La criminalitá e le vicende economiche d'Italia Torins 1894, с. 170.
[6]) G. Rulands, Crimes, its causes and remedy, L. 1889, с. 23 и 27.
[7]) У. с. стр. 133 слл.

тистики. Авторъ самъ понялъ это и не придаетъ большого значенія своему сравненію [1]).

Моррисонъ сравниваетъ, затѣмъ, преступность природныхъ американцевъ и иммигрантовъ [2]). По послѣднимъ даннымъ Фалькнера преступность среди послѣднихъ будто бы меньше, чѣмъ среди первыхъ. Авторъ основательно допускаетъ, что экономическое положеніе американцевъ лучше, чѣмъ таковое же иммигрантовъ въ среднемъ. Отсюда опять-таки авторъ выводитъ, что хорошее экономическое положеніе идетъ рядомъ съ возрастаніемъ преступности.

Замѣтимъ, сначала, что вычисленія Фалькнера вовсе не приписываютъ иммигрантамъ большей преступности, какъ то думаетъ авторъ [3]). Самый фактъ весьма споренъ: многіе статистики показали, напротивъ, что преступность иностранцевъ значительнѣе и много превосходитъ преступность туземцевъ. Это обстоятельство вытекаетъ изъ того, что ищутъ новой родины лишь самые дурные и непостоянные элементы и что среди нихъ отсутствуетъ тотъ взаимный контроль, который встрѣчается среди туземцевъ. Жоли доказалъ, что этотъ фактъ очень замѣтенъ во Франціи [4]), а изслѣдованія Бурне [5]) и Корра [6]) подтвердили эти положенія. Мейеръ установилъ тотъ же фактъ для кантона Цюрихъ [7]). Ломброзо, спеціально для Америки, доказываетъ, что иммиграція благопріятствуетъ преступленіямъ, что преступность среди иммигрантовъ значительнѣе, чѣмъ среди туземцевъ [8]). По даннымъ „Compendium of the Tenth census of the United States (1880 г.)“, говоритъ онъ, максимумъ преступности даютъ Штаты, принимающіе наибольшее число иммигрантовъ.

По даннымъ Боско (L'Omicidio negli Stati Uniti 1885), пропорція осужденныхъ за убійство была 95 на 1000000 уроженцевъ Соединенныхъ Штатовъ и 138 на 1000000 иностранцевъ; это число распредѣлялось между различными національностями такъ, что, исключая Италію и Францію, превышало вдвое % убійствъ въ соотвѣтственныхъ странахъ. Эти изслѣдованія показываютъ намъ, слѣдовательно, нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ утвержденія Моррисона.

Основаніе опредѣленія благосостоянія, принятое авторомъ, также невѣрно. Онъ предполагаетъ, что среднее благосостояніе природнаго аммериканца выше, чѣмъ иммигранта. Это не важно. Важно было бы знать степень благосостоянія преступниковъ-иммигрантовъ сравнительно съ преступниками туземцами. Статистика автора и на этотъ разъ, слѣдовательно, не имѣетъ значенія.

Новый аргументъ въ свою пользу авторъ находитъ въ положеніи вещей въ Австраліи [9]). Нигдѣ въ мірѣ общее благосостояніе не дости-

---

[1]) У. с. стр. 134.

[2]) У. с. стр. 135 слл.

[3]) Въ самомъ дѣлѣ, Фалькнеръ говоритъ: „въ нѣкоторыхъ штатахъ, какъ Мэнъ, Нью-Гемпширъ, Вермонтъ и Калифорнія, преступность иностранцевъ превосходитъ преступность туземцевъ. Во многихъ случаяхъ нельзя установить разницы. Въ штатѣ Эльзиниръ отношеніе это благопріятно для иммигрантовъ; то же, хотя и въ меньшей степени, встрѣчается и въ штатахъ Висконсинъ и Миннесота.

[4]) Joly, La France criminelle.

[5]) Bournet, De la criminalité en France et eu Italie, с. 126 слл.

[6]) Corre, Crime etsuicide, с. 402 сл. См. еще. Compte général de l'administration de la justice criminelle en France et en Algerie pendant l'année 1885 Jeanvrot Révue de la reforme judiciaire 1889 с. 115.

[7]) Meyer, Die Verbrecher in ihrem Zusammenhang mit der wirtschafftlichen und sozialen Verhaeltnissen, etc. с. 62 слл.

[8]) Lombroso, Le crime, etc. стр. 77-8 и 84.

[9]) У. с. стр. 137 слл.

гаетъ такой степени, какъ въ колоніи Викторія. И, несмотря на то, преступность тамъ весьма высока: 1 осужденный на 30 жит. въ 1887 г. Правда, подвижность населенія ведетъ къ тому, что оно здѣсь больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, составляется изъ лицъ, находящихся въ возрастѣ, когда человѣкъ наиболѣе расположенъ къ преступленію. Авторъ, однако, старается доказать, что эта разница незначительна, чему можно повѣрить. Но мы должны снова замѣтить, что методъ, которымъ для этого пользуется Моррисонъ, заслуживаетъ мало довѣрія. Онъ указываетъ, что количество лицъ, отъ 15 до 60 лѣтъ, въ Великобританіи равно 559 на 1000, а въ семи колоніяхъ Австраліи—563 на 1000. Но къ чему говорить о всей Австраліи, когда рѣчь идетъ лишь о Викторіи? Затѣмъ плохо выбранъ періодъ отъ 15 до 60 лѣтъ. Предрасположеніе къ преступленію особенно сильно отъ 20 до 30 лѣтъ (для мужчинъ) [1]); слѣд., объ этомъ именно періодѣ и слѣдовало бы говорить.

Очень естественно, въ концѣ-концовъ, что преступность, несмотря на процвѣтаніе, значительна въ Австраліи, куда стекаются авантюристы, искатели счастья и золота самаго послѣдняго разбора. Но для того, чтобы въ должной мѣрѣ опредѣлить вліяніе экономическаго фактора въ Австраліи, нужно болѣе тщательное и глубокое изученіе, основанное на болѣе полныхъ данныхъ, чѣмъ простыя замѣтки по поводу преступности одного только года.

Авторъ, далѣе, старается освѣтить связь между экономическимъ положеніемъ и преступностью, изслѣдуя матеріальное положеніе преступниковъ [2]). Онъ говоритъ: „обыкновенно считаютъ, что отъ 90 до 95% населенія Англіи и Уэльса принадлежитъ къ рабочему классу. По свидѣтельству Бутса въ Восточномъ Лондонѣ 92% рабочихъ (авторъ, для большей убѣдительности, считаетъ 90%), и 10% среднихъ и высшихъ классовъ. Авторъ признаетъ, что относительно % преступниковъ изъ бѣднаго класса не существуетъ точныхъ данныхъ, но только приблизительныя. По Report of prison commissioners въ 1890 г. было 5 или 6% должниковъ и заключенныхъ по гражданскимъ дѣламъ. Авторъ допускаетъ, что всѣ они принадлежали къ среднимъ классамъ. Къ этому числу присоединяется еще 3% „ordinary criminal population“, принадлежащихъ къ зажиточному классу. Авторъ полагаетъ, что такимъ образомъ итогъ равенъ 6%. Но не всѣ остающіеся 94% принадлежатъ къ рабочему классу. Армія бродягъ и нищихъ, называемая „criminal classes“, въ количествѣ отъ 50000 до 60000, составляетъ 12% преступности, такъ что, по мнѣнію автора, слѣдующая таблица даетъ точное представленіе о положеніи вещей:

Отношеніе рабочихъ ко всему населенію	90%
„ „ „ числу преступниковъ	82%
„ зажиточныхъ и богатыхъ классовъ ко всему населенію	10%
Отношеніе зажиточныхъ къ числу преступниковъ . . .	6%
«Criminal classes» (60000), ихъ отношеніе къ общей преступности	12%

Пропорція 90% для рабочаго класса, въ особенности, если авторъ имѣетъ въ виду бѣдныхъ рабочихъ, безъ сомнѣнія, преувеличена. Въ это число повидимому входятъ „skilled laborers“ и земледѣль-

---

[1]) См. Кетле, Physique sociale II, стр. 312 и 313 и Systeme socia, стр. 86.

[2]) V. c. стр. 138.

цы рабочіе-собственники, хотя и немногочисленные въ Англіи. Во всякомъ случаѣ данныя автора недопустимы; какъ единственный документъ, онъ приводитъ работу Бутса о восточномъ Лондонѣ, вмѣщающемъ въ своихъ темныхъ и тѣсныхъ помѣщеніяхъ населеніе, въ значительной части (92%) состоящее изъ рабочихъ. Но это мало доказательно для страны. Существуютъ, очевидно, городскіе кварталы, гдѣ живетъ 100% рабочихъ, и другіе, населенные 100% капиталистовъ. Въ самый годъ опубликованія работы Моррисона, Бутсъ выпустилъ статью объ отношеніи классовъ въ цѣломъ Лондонѣ, а не только въ бѣдномъ кварталѣ Восточнаго Лондона: „Le travail et la vie du peuple“ въ Bulletin de statistique et législ. comparée (іюль, 1891).

Онъ приводитъ тамъ слѣдующія цифры (стр. 58—9):

Бѣдные классы	32,1%	
Рабочіе, способные зарабатывать на свое существованіе	50,5%	итого 82,6%
Средніе и зажиточные классы	17,4%	

Статистика заключенныхъ, приводимая авторомъ, въ высшей степени своеобразна. Авторъ говоритъ, что 5 или 6% заключенныхъ по гражданскимъ дѣламъ и 3% по уголовнымъ принадлежатъ къ зажиточному классу. Сложивъ эти числа—5 или 6+3, онъ получаетъ общее число 6%. Авторъ, кажется, и на этотъ разъ, мало довѣряетъ своимъ же утвержденіямъ.

Если Эттингенъ болѣе заслуживаетъ довѣрія, чѣмъ Моррисонъ,—а кто можетъ въ томъ сомнѣваться?—то данныя автора о „criminal classes“ также неточны. Эттингенъ, для 1858—64 гг., даетъ среднюю цифру 127,839 [1]), слѣд., двойную сравнительно съ цифрой Моррисона.

Болѣе того: повышенный % преступности этого несчастнаго класса доказываетъ гибельное вліяніе нищеты. Если, съ одной стороны, справедливо, какъ мы уже замѣтили о бродягахъ, составляющихъ, конечно, часть „преступныхъ классовъ“ (criminal classes), что эти классы вербуются изъ лицъ, неспособныхъ къ честному труду, то, съ другой стороны, безспорно, что экономическое положеніе вліяетъ на образованіе этихъ классовъ, почти исключительно состоящихъ изъ бѣдняковъ [2]).

Наконецъ, относительное число лицъ достаточныхъ классовъ среди преступниковъ (6%) составляетъ почти половину отношенія этихъ классовъ ко всему населенію (10%).

Авторъ повторяетъ, затѣмъ, выводы Гарофало [3]), о которыхъ мы уже говорили. Онъ не вполнѣ точенъ, говоря о данныхъ уголовной статистики Пруссіи: по вычисленіямъ Гарофало [4]), свободныя профессіи составляютъ 2,2% населенія и 4% преступности.

Отношеніе, такимъ образомъ, не совсѣмъ „двойное“, какъ полагаетъ Моррисонъ. Онъ повторяетъ замѣчаніе Гарофало о томъ, что зажиточный человѣкъ располагаетъ большимъ запасомъ средствъ,

---

[1]) Moralstatistik. Прил. стр. 30, табл. 28.
Вотъ отдѣльныя цифры

1858	134922	1862	127051
1859	135766	1863	126136
1860	131204	1864	116794
1861	123094	Средняя	127839

[2]) См. по этому поводу Эттингенъ: у. с. стр. 425, 426 слл. и другихъ авторовъ, цитированныхъ на стр. 100, пр. 3.
[3]) См. Гарофало, La Criminologie стр. 175 слл.
[4]) Тамъ же, стр. 184.

ЦАБ "Автограф"

чтобы избѣжать преслѣдованія и осужденія [1]). Мы отсылаемъ къ словамъ Колаяни по поводу этого замѣчаніе [2]).

Моррисонъ, наконецъ, представляетъ еще одно доказательство, неубѣдительное, какъ и предыдущія. Рабочіе, говоритъ онъ, страдаютъ отъ нужды, главнымъ образомъ, зимою. Однако, статистика тюремъ Англіи и Уэльса (1889—90 и другіе годы) показываетъ намъ, что онѣ менѣе населены зимою (декабрь—февраль), чѣмъ лѣтомъ. То же установлено и для Шотландіи въ 1890 году. Отсюда авторъ и выводитъ заключеніе, что нѣтъ связи между преступностью и экономическимъ положеніемъ.

Этотъ образецъ наивной статистики не нуждается въ опроверженіи.

Даже въ ежегодной статистикѣ надо считаться съ тѣмъ, что осужденіе произносится спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ раскрытія преступленія [3]). Пренебрегать этимъ обстоятельствомъ въ ежемѣсячной статистикѣ—значило бы то же, что мѣрять безнравственность различныхъ временъ года по числу незаконныхъ рожденій.

Съ другой стороны, эти выводы, сами по себѣ, указываютъ на совершенное незнаніе литературы предмета. Ферри [4]), Лакассань [5]), Корръ [6]) и другіе, послѣ долгаго изученія, показали, что имущественныя преступленія возрастаютъ въ числѣ въ холодное время года; этотъ фактъ нашелъ свое выраженіе въ преступныхъ календаряхъ Лакассаня [7]), Шоссинана [8]), Мори [9]), установившихъ, такъ-сказать, какъ бы математическую формулу отношенія между преступленіемъ и барометромъ.

Послѣ всего этого авторъ полагаетъ, что онъ доказалъ „that it is a mistake to assume, as is too often done, that mere material prosperity, even if spread over the whole population, will ever succed in banishing crime“ [10]).

Противорѣчивое произведеніе Моррисона въ тѣхъ его двухъ главахъ, которыя мы сейчасъ изучили, относительно связи между преступностью и экономическимъ положеніемъ, содержитъ въ себѣ безсвязный рядъ разнородныхъ фактовъ, собранныхъ кое-гдѣ съ цѣлью доказать, что нужда не оказываетъ никакого вліянія на преступность. Съ этой цѣлью авторъ изслѣдуетъ Европу, два раза ироникаетъ въ Америку и Австралію все для того, чтобы найти доказательства, что, впрочемъ, не представляетъ для него большихъ затрудненій. Однако, отправляясь отъ недоказанныхъ предпосылокъ, основываясь на данныхъ, обыкновенно неточныхъ, иногда совершенно невѣрныхъ, на раз-

---

[1]) Тамъ же, стр. 182 слл. См. еще Marro, Scaratteri dei delenquenti стр. 264 слл.

[2]) Colajanni, Sociologia criminale II, стр. 540.

[3]) См. Meyer, Die Verbrechen in ihrem Zusammenhang mit den wirtschaftlichen und sozialen Verhältnissen im Kanton Zurich, c. 30—31.

[4]) Ferri, Das Verbrechen im seiner Abhängigkeit von dem Jarlich. Temperaturwechsel.

[5]) Lacassagne. Marche de la Criminalité en France, Rev. Scientf. 28 mai 1881.

[6]) Corre, Crime et Suicide, c. 621; См. еще M. H. Lombroso Le crime e c. c. 9 слл.

[7]) Также труд. Лорана, Les Habitues des prisons de Paris.

[8]) Chaussinand, Etude sur la Statistique criminelle en France Lyon 1881.

[9]) Maury, Le mouvement de la Société.

[10]) У. с. стр. 1465.

сужденіяхъ иногда поверхностныхъ, иногда банальныхъ, или на несоотвѣтствующихъ и ошибочныхъ взглядахъ, трудъ Моррисона не можетъ выдержать критики, и значеніе его для занимающаго насъ вопроса ничтожно.

Негодны даже и матеріалы Моррисона; это—занятые у другихъ отрывки, которые авторъ старается привести въ связь другъ съ другомъ. Къ несчастью, онъ дѣлаетъ это всегда плохо.

При такихъ условіяхъ для насъ является загадкой, какъ могъ проф. Гиппель, въ своей благожелательной критикѣ, написать: этотъ трудъ отличается тонкой критикой [1]). Также мало заслужена похвала А. Фуллье нашему автору и его книгѣ [2]).

Мало значенія имѣетъ и статья Джемса Г. Першинга, озаглавленная The social factor in crime, въ American Law Review 1894, (XXVIII, № 3), проникнутая также эклектическимъ направленіемъ. Авторъ говоритъ: „обыкновенно полагали, что изобиліе и нужда являются могущественными факторами преступности“, но послѣ чтенія книги Моррисона, онъ, авторъ, признаетъ, что связь между экономическимъ положеніемъ и преступностью не доказана. Авторъ, вѣроятно, пришелъ бы къ другому заключенію, если бы не принялъ на вѣру аргументы Моррисона, а изучилъ бы ихъ критически и зналъ бы другія сочиненія, безконечно болѣе важныя для вопроса.

Авторъ считаетъ, что соціальное неравенство оказываетъ гибельное вліяніе на преступность; онъ твердо убѣжденъ, что не одна форма преступности свелась бы къ минимуму, если бы каждый былъ вознагражденъ по заслугамъ. Въ этомъ отношеніи онъ обнаруживаетъ извѣстную тенденцію къ соціализму. Авторъ полагаетъ еще, что соціальная діагностика, будь она возможна (онъ самъ и не думаетъ произвести ее), показала бы, что важная причина преступности, вѣроятно, кроется во всѣхъ тѣхъ соціальныхъ явленіяхъ, которыя мѣшаютъ непосредственно или посредственно развитію нравственныхъ чувствъ. Однако, это только простыя предположенія, которыя нужно еще доказать; то же слѣдуетъ сказать и о связи между цивилизаціей и ростомъ преступности (мнѣніе Полетти въ нѣсколько смягченной формѣ).

Для полноты нашего изложенія намъ остается указать еще, что А. Стрюкенсъ, врачъ брюссельскихъ тюремъ, заявилъ себя на женевскомъ конгрессѣ сторонникомъ эклектическаго объясненія преступности и прибавилъ, что нужда и ея союзникъ—алкоголизмъ—производятъ большинство преступленій [4]). Мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на этомъ простомъ заявленіи, приводимъ его здѣсь лишь для памяти.

---

[1]) Z. f. d. g. S. 1892, стр. 930.
[2]) См. Revue des Deux Mondes 15 января 1897 г. и Revue Bleue 30 октября 1897, стр. 547.
[3]) У. с. стр. 369.
[4]) У. с. стр. 370.
[5]) У. с. стр. 371 слд.
[1]) Acles du IV Congrès и пр. стр. 267.

ГЛАВА VII.

Спиритуалисты.

Въ противоположность всѣмъ изложеннымъ нами ученіямъ, спиритуалистическая школа энергично защищаетъ основной принципъ прежней концепціи уголовнаго права, принципъ свободы воли. Въ наши дни сторонниками этого принципа является большинство криминалистовъ, а въ теоретическомъ отношеніи на него опираются всѣ уголовныя законодательства цивилизованныхъ странъ.

Въ спиритуалистической школѣ, однако, существуютъ два направленія. Отъ старой классической школы, — которая продолжаетъ явно враждебно относиться къ новой школѣ криминологовъ и смотритъ на ея положенія, какъ на заблужденія, иногда остроумныя, [1]) иногда смѣшныя, но во всякомъ случаѣ химеричныя и опасныя,—отдѣлилось новое теченіе. Это теченіе, согласно съ общей модернизаціей, господствующей теперь во всей области классическихъ дисциплинъ, не только не отворачивается отъ позитивизма въ сферѣ уголовнаго права, а даже стремится согласовать свой взглядъ на свободу воли, какъ свободу въ существѣ своемъ относительную, съ данными антропологіи и уголовной соціологіи.

Мы указали въ нашемъ введеніи, что, собственно говоря, существуютъ только двѣ школы, значительно разнящіяся другъ отъ друга: новая школа позитивистовъ и старая классическая школа. На Брюсселькомъ конгрессѣ Листъ опредѣлялъ классическую школу, какъ „школу свободы воли“. [2]) Данный взглядъ представляется намъ не точнымъ и не вѣрнымъ. Главное различіе между новой и старой школой заключается совершенно не въ томъ положеніи, которое они занимаютъ относительно вопроса о свободѣ воли. Нѣтъ никакого основанія исключать изъ числа позитивистовъ сторонниковъ свободы человѣка. Намъ кажется, что существенное различіе между этими школами заключается во взглядѣ на воздѣйствіе антропологическихъ факторовъ (понимая это слово въ самомъ широкомъ его смыслѣ). Именно, на этотъ вопросъ было дано два отвѣта, которые ясно обозначили демаркаціонную линію между двумя школами, метафизической, т.-е. продолжающей разсматривать преступленіе, такъ понятіе метафизическое и юридическое, и позитивной, пользующейся при изученіи генезиса преступленія индуктивнымъ методомъ и считающейся при оцѣнкѣ природы преступленія съ достигнутыми результатами [3]). Однако, вполнѣ возможно, что индукція приведетъ къ установленію существованія свободы воли. Поэтому сторонники свободы воли, пришедшіе къ этому убѣжденію указаннымъ путемъ, по праву принадлежатъ къ позитивистамъ, къ новой школѣ криминальной антропологіи, а не къ старой метафизической школѣ. Вѣра въ относительную свободу совершенно не препятствуетъ считаться со всѣми факторами біологическаго,

---

[1]) См. замѣтку V. Cathrein, S. I. Le droit criminel de l'avenir, напечатано въ Stimmen aus Maria-Laach и переводъ въ Katholicke Gids, іюнь 1897 г. стр. 32.

[2]) Actes du III-e Congrés etc. p. 334,

[3]) Подъ этими двумя условіями профессоръ Ванъ-Гамель стремится „сойтись“ съ спиритуалистами. См. Actes du III-e Congres, etc., стр. 271. Равнымъ образомъ и Тардъ требуетъ только одного непремѣннаго условія отъ дѣятелей новой школы: „Единственно, что нужно, говоритъ онъ, это оставаться позитивистами“. Actes de III-e Congres, etc., стр. 271.

патологическаго и соціальнаго порядка, входящими въ рядъ причинъ, обусловливающихъ преступленіе. Такимъ образомъ, фактически, какъ и теоретически, сторонники такой свободы воли гораздо ближе примыкаютъ къ антропологической школѣ, чѣмъ къ старой метафизической [1]), и образуютъ въ дѣйствительности одинъ изъ ея оттѣнковъ, при чемъ принимаютъ и предлагаемыя ею практическія реформы. Сами позитивисты хорошо сознаютъ различіе между классицизмомъ [2]) и современнымъ направленіемъ въ спиритуализмѣ. На Брюссельскомъ и Женевскомъ конгрессахъ г.г. Леженъ и Де-Бэтсъ и сторонники ихъ ученій были встрѣчены совсѣмъ не какъ враги или противники [3]). Фактически нео-спиритуалисты относятся къ группѣ эклектиковъ. Но вопросъ о свободѣ человѣческой воли въ наукѣ уголовнаго права является настолько первостепеннымъ вопросомъ, что мы сочли нужнымъ, въ виду этого обстоятельства, выдѣлить нео-спиритуалистовъ изъ группы эклектиковъ и поговорить о нихъ въ особой главѣ [4]) [5]).

Въ нашу задачу входитъ разборъ трудовъ авторовъ данной школы постольку, поскольку они занимались нашимъ спеціальнымъ вопросомъ о вліяніи экономическихъ причинъ на преступность.

Передъ этимъ мы бросимъ бѣглый взглядъ на ихъ общую теорію.

---

[1]) Это доказываютъ произведенныя въ Бельгіи католическимъ министромъ Lejeune реформы совершенно въ духѣ современной системы. Для примѣра мы можемъ еще привести докладъ аббата De-Baets относительно воспитанія сыновей преступниковъ (Actes du IV-e Congrés, etc., стр. 90 и слѣд.).

[2]) См. Archives de l'anthropologie criminelle IX стр. 505 и 506 и критику A. B. Albert Bournet).

[3]) См. уже упомянутыя слова Ванъ-Гамеля Actes du III-e Congrés, etc., стр. 271 idem стр. 284. Затѣмъ декларацію Листа на Брюссельскомъ конгрессѣ: „среди сторонниковъ этой школы встрѣчаются лица, взгляды которыхъ приближаются къ нашимъ взглядамъ и которыя могли бы быть нашими союзниками. Я надѣюсь, что это направленіе, которое стало выясняться въ нашихъ преніяхъ, опредѣлится въ будущемъ все яснѣй и яснѣй". (Actes du III. Congrés стр. 341).

[4]) Намъ кажется, что мы достаточно ясно указали на ошибочность взгляда г. Ploix, формулированнаго имъ въ его рѣчи на Брюссельскомъ конгрессѣ, когда онъ говорилъ: „двѣ школы по данному вопросу встали на двѣ противоположныя и непримиримыя между собою точки зрѣнія". (Actes du III-e Congrés стр. 341).

[5]) Намъ остается здѣсь еще упомянуть о совершенно ложномъ взглядѣ на разбираемую сейчасъ нами школу г. Gil Maestre. Въ трудѣ своемъ El socialismo y el anarquismo en sus relaciones con la criminalidad, стр. 14 и слѣд., онъ раздѣляетъ теоріи преступности на три школы: школа классическая (абсолютной свободы), новая итальянская позитивная школа (детерминистическая школа) и между двумя этими школами „escuela intermedia, eclectiva o critica", которая, по его мнѣнію, имѣетъ въ своемъ основаніи принципъ относительной свободы и съ которой онъ связываетъ имена Листа, Бенедикта, Дриля, Бурне, Тарда, Летурно, Лакассаня (Цит соч. стр. 18). Данная классификація противорѣчитъ дѣйствительности, неполна и ошибочна. Ни Бенедиктъ, ни Бурне, ни Тардъ, ни Лакассань, никто изъ нихъ не становится на эклектическую точку зрѣнія. Первый — сторонникъ чисто патологической теоріи (принимая во вниманіе его новѣйшее ученіе), остальные же придерживаются теоріи чисто соціальной. Едва ли необходимо повторять здѣсь о томъ, что послѣдняя совершенно не исключаетъ воздѣйствія и иныхъ факторовъ среди факторовъ соціологическихъ. Да и итальянцы никогда не отрицали воздѣйствія всевозможныхъ вліяній, хотя и на неизмѣнной біологической основѣ. Если же на итальянцевъ смотрятъ (и вполнѣ справедливо), какъ на особую школу, то сторонники патологическихъ теорій, а еще того болѣе провозвѣстники соціальной концепціи преступленія, должны быть признаны особыми группами. Ученію, въ одной группѣ, такъ называемой „эклетической", соединяющему извѣстное число авторовъ, основныя идеи которыхъ находятся между собою въ разногласіи, да которые, кромѣ того, по природѣ своей совершенно не эклектики, не хватаетъ разумнаго основанія. Оно допускаетъ ошибку еще болѣе грубую, представляя этихъ мнимыхъ эклектиковъ, какъ сторонниковъ относительной свободы. Ни Листъ и Бенедиктъ, ни Тардъ и Дриль, ни кто-либо изъ упомянутыхъ криминалистовъ, исключая въ частности Лакассаня (см. Actes du I-er Congrés стр. 167) не допускаютъ ни абсолютной, ни относительной свободы воли.

„Человѣческая свобода,—говоритъ аббатъ Де-Бэтсъ [1]),—несовершенна и не абсолютна. Рядомъ съ душою у насъ существуетъ и другой организмъ, имѣющій свою собственную дѣятельность и участіе котораго необходимо въ каждомъ дѣлѣ. При помощи дѣятельности организма нашъ интеллектъ сносится съ реальнымъ міромъ. Свободная воля человѣка не можетъ проявляться съ той относительной полнотою, которой она можетъ въ насъ достигнуть, если силы нашего организма не вполнѣ уравновѣшены. Наша органическая дѣятельность проявляется на всемъ, что насъ окружаетъ; тысячи предметовъ нашихъ желаній являются могущественными магнитами, которые насъ властно притягиваютъ къ себѣ. Свободная воля можетъ противодѣйствовать этимъ влеченіямъ, но самыя влеченія отъ этого не становятся менѣе реальными; когда имъ уступаютъ, то отдаются такому влеченію, противостать которому нельзя безъ борьбы и усилія". Въ другомъ мѣстѣ [2]) аббатъ Де-Бэтсъ указываетъ среди вліяній внѣшняго міра особенно на воспитаніе, идеи, развивающіяся въ общественной средѣ, экономическіе факторы и на форму цивилизаціи.

Г. Поль Гюмансъ [3]) съ большой опредѣленностью допускаетъ дѣйствіе соціальныхъ и индивидуальныхъ факторовъ, но не доходитъ до того, чтобы разсматривать преступленіе исключительно какъ фактъ біологическій и соціальный. Моральный факторъ, по его мнѣнію, также играетъ роль. „Необходимо признать, — говоритъ авторъ, — что подъ двойнымъ напоромъ біологическихъ и соціальныхъ вліяній свободная воля можетъ постепенно измѣняться вплоть даже до полнаго уничтоженія и что область нравственной свободы постепенно суживается. Понятіе свободы въ наше время теряетъ свой абсолютный характеръ, который признавался за нимъ классической школой, и становится по существу относительнымъ и измѣнчивымъ [4])".

Говоря въ этой главѣ о спиритуалистахъ, намъ предстоитъ остановиться на двухъ группахъ, не согласныхъ другъ съ другомъ во многихъ отношеніяхъ. Существуетъ, однако, важный доводъ, въ силу котораго не слѣдуетъ отдѣлять эти двѣ формы спиритуализма. Ясно, что у теченія, которое нами было названо нео-спиритуализмомъ, точка отправленія лежитъ въ старой теоріи абсолютной свободы, разсматриваемой какъ единственное и реальное основаніе уголовнаго права.

Нами было уже указано во введеніи, а въ этой главѣ будетъ выяснено еще съ большей очевидностью, что „старая наука уголовнаго права никогда не была вполнѣ враждебна соціологическому направленію", по выраженію профессора Ванъ-Гамеля [5]). Задолго еще до того времени, когда догматы классической школы были поколеблены, мы встрѣчаемъ слѣды изысканій по этіологіи преступленія. Мы можемъ разсматривать этихъ авторовъ, какъ предшественниковъ нео-спиритуализма.

Въ то время, какъ статистики серіозно были заняты изученіемъ нашего вопроса, работы криминалистовъ въ этой области были рѣдки и мало углублены. Практическіе выводы въ нихъ отсутствовали. Вліяніе причинъ, противодѣйствующихъ свободѣ воли, казалось слишкомъ

---

[1]) M. de Baets, Les influences de la misère sur la criminalité, Gand, 1895, p. 21 c. s.

[2]) Id. L'ecole d'anthropologie criminelle, Gand, 1895 p. 21 c. s

[3]) La lutte contre le crime, Bruxelles, 1892, p. 41 c. s.

[4]) V. соч. стр. 43.

[5]) Inleiding tot le studie van het Nederlandsche Strafrecht, Haalrem, 1895, стр. 13.

незначительнымъ тѣмъ, кто считалъ человѣческую свободу способной противостоять всѣмъ искушеніямъ нападеніямъ и смотрѣлъ, вслѣдствіе этого, на преступленіе, какъ на явленіе почти чисто нравственнаго порядка или же, во всякомъ случаѣ, нравственнаго прежде всего.

Первая сознательная попытка изслѣдованія этіологіи преступленія относится къ 1773 году, когда университетомъ въ Манжуѣ былъ предложенъ въ видѣ конкурсной темы слѣдующій вопросъ: „опредѣлить причины преступленій, указать способы ихъ искорененія, если это возможно, или же способы предупрежденія ихъ послѣдствій“. Бриссо-де-Варвилль [1]) и Фридрихъ Вильгельмъ III прусскій снова привлекли вниманіе юристовъ къ данному вопросу [2]).

Вліяніе экономическихъ причинъ, равнымъ образомъ и вліяніе причинъ другого рода, послужило предметомъ далеко не единичныхъ изслѣдованій. Мы упомянемъ о слѣдующихъ:

Романьози замѣчаетъ, что экономическая нужда приводитъ къ преступленію: „Мы можемъ указать примѣры несчастныхъ, которые понуждаемые нищетой и рабствомъ, обращались къ разбою. Задержанные впослѣдствіи, на вопросъ, почему они занялись столь отчаянной профессіей, опасность которой имъ была извѣстна, они отвѣтили, что они, дѣйствительно, знаютъ, какой опасности они подвергаются, но что они предпочли подвергнуться этому риску, чѣмъ вести ту несчастную жизнь, какую они вели [3]). И онъ добавляетъ: „Chi non sa che; imezzi di sussistenza rinscendo per molti del tutto precarii, e producendo pur troppo una incolpabile indigenza, deve necessariamente, ed in vigore del fondamentale patto sociale, soccorrersi a tale indigenza della forze e dai mezzi uniti della stessa società [4]).

Романьози высказывается также по нашему вопросу, опровергая положеніе Ш. Люка о естественномъ соотношеніи между ростомъ преступности и прогрессомъ цивилизаціи. Положеніе это позднѣе болѣе опредѣленно поддерживалось Полетти. Романьози энергично протестуетъ. По его мнѣнію нравственное, экономическое и политическое совершенствованіе и есть цивилизація въ дѣйствительномъ значеніи этого слова. Къ чему же приводитъ предположеніе, что преступленія увеличиваются съ ростомъ цивилизаціи? Съ такимъ же основаніемъ можно было бы сказать, что грѣхи множатся съ ростомъ добродѣтели, что недуги развиваются одновременно съ правильнымъ развитіемъ тѣла, находящагося въ полномъ здоровьи [5]).

Въ этой апріорной аргументаціи, въ которой мы узнаемъ представителя старой школы, Романьози осуждаетъ мысль Люка, подчеркивая живое различіе между понятіями цивилизаціи и преступности Какъ-разъ противоположное старается доказать Люка, ничуть не смущаясь утвержденіями Романьози, а заботясь лишь о томъ, чтобы привести доказательства своего положенія.

Въ Голландіи нашъ вопросъ поднимался въ трехъ докторскихъ диссертаціяхъ.

А. А. Гандерхейденъ указываетъ въ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ: De poena ergastuli et de poenis universe (Гаага

---

[1]) Bibliothèque philosophique de législation, IX, c. 81 и слѣд. и V., c. 295.
[2]) De Referent, 1844, c. III.
[3]) Romagnosi, Genesi del diritto penale, Milano, 1841, стр. 294.
[4]) Ibid. c. 305.
[5]) Osservazioni statistiche sul resoconto della giustizia criminale in Francia. Annali di statistica, 1829, XIX, I.

1806.) среди другихъ причинъ преступности и на „civibus quibusdam ademta aut praerepta propriis sibi suisque laboribus prospiciendа facultas“ [1]). Однако, авторъ, повидимому, обратилъ вниманіе только на нужду въ крайне необходимомъ. Кромѣ того, доказательства его лишены твердой опоры; за исключеніемъ единичнаго примѣра основаніемъ для нихъ служатъ лишь соображенія a priori.

Диссертація F. A. S. A. ванъ-Иттерзумъ: De fundamento iuris puniendi atque legum poenalium fine et de quiqnspam poenis criminalibus quibus hodie utimur (Утрехтъ, 1824), стремится доказать, также безъ доказательствъ, но съ преувеличеніями, что бѣдность ведетъ къ нищенству, а нищенство къ преступленію. „Mendicus fere semper primum, paupertate atque indigentia ductus, ditiores adit ut sibi suisque prospiciat: ubi hoc vero frustra est expertus, fit plerumque necessitate quasi coactus, fur, tandemque ne poenam saepius meritam subeat, fit homicida [2]).

C. J. A. денъ-Тексъ подробнѣе останавливается на этомъ вопросѣ и говоритъ о немъ немного съ большей серьезностью въ своей докторской диссертаціи, озаглавленной: De causis criminum (Амстердамъ, 1847). Авторъ начинаетъ съ утвержденія, что вліяніе бѣдности на преступность незначительно. Подтверждается это тѣмъ обстоятельствомъ, что преступленія по большей части совершаются въ возрастѣ (между 25 и 30 годами), когда бѣдность даетъ себя чувствовать всего менѣе и что нищета особенно тяжело гнететъ стариковъ, больныхъ и женщинъ, категоріи лицъ, которыя проявляютъ меньшую преступность, чѣмъ люди, находящіеся въ разцвѣтѣ жизненныхъ силъ, располагающіе наибольшимъ числомъ средствъ заработать свое пропитаніе нормальнымъ путемъ [3]). Между тѣмъ вполнѣ естественно, продолжаетъ авторъ, что у бѣдныхъ легко возникаетъ желаніе воспользоваться благами другого. Авторъ находитъ также слѣды вліянія экономическихъ причинъ на преступность въ томъ фактѣ, что посягательства на собственность бываютъ чаще зимою, чѣмъ лѣтомъ [4]). Тѣмъ не менѣе, „qui putant multos saepe egestate ad furta adduci, maxime errant“. Правда, во Франціи число преступленій противъ собственности достигаетъ высшаго своего предѣла въ наиболѣе бѣдныхъ областяхъ [5]), но авторъ все-таки отказывается признать дѣйствительность вліянія матеріальныхъ условій, такъ какъ здѣсь тѣ же нравственныя причины, которыя порождаютъ бѣдность, приводятъ и къ преступленіямъ. Изъ того факта, что нищенство и бродяжество поставляютъ значительную часть преступниковъ, нельзя вывести аргумента, говорящаго за вліяніе экономическихъ условій, такъ какъ далеко не всѣ нищіе и бродяги претерпѣваютъ лишенія. Но такъ какъ статистики устанавливаютъ, что во Франціи большая часть преступленій совершается „людьми безъ прочнаго положенія“, то въ общемъ итогѣ авторъ приходитъ къ заключенію, что, „paupertas mater criminum est saepe [6]), что бѣдность извиняетъ преступленіе, если только сама она не обусловлена виною несчастнаго.

Очевидно, что ходъ мыслей, выставленныхъ г. Тексъ въ его диссертаціи, явно нелогиченъ и во многихъ мѣстахъ онъ самъ себѣ противорѣчитъ. Ясно, что авторъ относительно разбираемаго вопроса самъ остался въ нерѣшительности. Мы удовольствовались крат-

---

[1]) У. с. стр. 38—39.
[2]) У. с. стр. 20.
[3]) У. с. стр. 84 и слѣд.
[5]) У. с. стр. 87.
[6]) Согласно Guerry. Essai sur la statistique morale de la France, Paris, 1833.
[4]) У. с. стр. 90.

кимъ изложеніемъ этой брошюры и считаемъ безполезнымъ вдаваться въ критику ея положеній, потому что мы встрѣчали или встрѣтимъ ниже, но въ лучшемъ изложеніи, тѣ же самые аргументы, которые приводитъ г. денъ-Тексъ безъ достаточныхъ доказательствъ и безъ серіозныхъ научныхъ изысканій (особенно у Моррисона, Жоли, Гарофало).

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ вопросъ о преступности привлекъ къ себѣ вниманіе германскаго правительства, желавшаго принять мѣры въ борьбѣ съ этой соціальной опасностью. По приказанію кабинета Фридриха Вильгельма III, Dr. C. F. H. Stass предпринялъ работу, озаглавленную: Ueber die Ursachen der Verbrechen und Vergehen und die Mittel der Vermehrung der selben zu steueren (Берлинъ, 1840), въ которой авторъ изслѣдуетъ многочисленныя общія и спеціальныя причины преступности. Къ сожалѣнію, изслѣдованіе это основывается исключительно на единичныхъ фактахъ, наблюдавшихся самимъ авторомъ въ окружающей его средѣ, а не на статистическихъ данныхъ. Въ числѣ общихъ и постоянныхъ причинъ преступности авторъ указываетъ на все возрастающую во многихъ провинціяхъ бѣдность [1]), а въ числѣ мѣръ борьбы съ преступностью онъ указываетъ на многія мѣры экономическаго характера: ограниченіе торговыхъ и ремесленныхъ предпріятій въ деревнѣ, ограниченіе преувеличенной благотворительности, учрежденіе сберегательныхъ и ссудныхъ кассъ, созданіе фондовъ, предназначенныхъ служить вспомоществованію ремесленниковъ и рабочихъ въ нуждѣ, наконецъ, отмѣну налоговъ, уплачиваемыхъ бѣднѣйшими гражданами и сокращеніе страсти къ судебнымъ процессамъ.

Въ тѣхъ же общихъ выраженіяхъ обсуждаетъ нашъ вопросъ и Адольфъ Франкъ, профессоръ въ Collège de France. Въ своей извѣстной работѣ La philosophie du droit pénal (Парижъ 1864) онъ говоритъ: „преступленія предупреждаются... разумнымъ распредѣленіемъ общественныхъ работъ, съ цѣлью дать пропитаніе трудящимся и удержать ихъ отъ бѣдности. Всѣ разсужденія о людской развращенности разбиваются о слѣдующій фактъ: люди бѣдные и невѣжественные совершаютъ самыя тяжкія преступленія и доставляютъ наибольшее число кандидатовъ на эшафотъ. Приложимъ свои усилія къ тому, чтобы уничтожить нищету, поощряя всѣ мирныя занятія и расширяя источники работы и кредита [2])“.

Какъ и слѣдовало ожидать отъ криминалиста данной эпохи, сочиненіе его страдаетъ отсутствіемъ убѣдительности. Выставленная мысль опирается лишь на немногія наблюденія, а главнымъ образомъ на соображенія a priori.

Нео-спиритуализмъ во Франціи.

Во Франціи взгляды нѣкоторыхъ криминалистовъ представляютъ собою переходную стадію отъ старой школы свободы воли къ системѣ нео-спиритуализма. Такими являются Жоли, Проаль, Гилло [3]) и

[1]) У. с. стр. 11.
[2]) У. с. стр. 238.
[3]) Авторъ «Les prisons de Paris» (Paris, 1890), работы, въ которой онъ болѣе съ краснорѣчіемъ, чѣмъ съ дѣйствительными научными познаніями, говоритъ о преступленіи, какъ объ явленіи чисто нравственнаго порядка (см. критику этой работы, написанную профессоромъ Готье въ Zeitschrift f. d. g. Strafrechtswissenchaft, 1892, стр. 413).

Ріанъ [1]), которые лишь отчасти слѣдуютъ позитивному методу, скорѣе претендуютъ на то, что ему слѣдуютъ [2]), но въ дѣйствительности въ своей аргументаціи обнаруживаютъ склонность видѣть въ преступленіи явленіе почти чисто нравственнаго порядка. Изъ нихъ наиболѣе видное мѣсто занимаетъ Жоли, и его работы представляютъ наибольшую цѣнность.

Генрихъ Жоли, бывшій профессоръ Сорбонны и бывшій деканъ факультета литературы въ Дижонѣ, излагаетъ проблему преступности въ рядѣ сочиненій, имѣющихъ видъ трилогіи: Le Crime, La France criminelle и Le Combat contre le Crime (Парижъ, годы отсутствуютъ) [3]). Вопросу объ экономическомъ вліяніи посвящена La France criminelle.

Г. Жоли твердо вѣритъ въ свободу воли и личную отвѣтственность, основывающуюся на вмѣняемости. Однако, онъ допускаетъ, что свобода можетъ исчезнуть, что случается часто вслѣдствіе дурной привычки, а слѣдовательно, незамѣтнымъ образомъ, и по винѣ самого человѣка [4]).

Что касается экономическихъ факторовъ, то авторъ признаетъ ихъ гибельное вліяніе на преступность.

Въ началѣ своего описанія вліянія матеріальныхъ факторовъ [5]) авторъ выдвигаетъ добровольную бѣдность, или, по крайней мѣрѣ, бѣдность, явно обусловленную виною самого человѣка. У профессіональныхъ бродягъ, у нищихъ по призванію и въ видѣ промысла, у пьяницъ, у людей, рѣшившихъ жить все равно какъ и отрѣзавшихъ себѣ пути ко всѣмъ обычнымъ профессіямъ, у праздношатающихся, систематически растрачивавшихъ свой капиталъ и капиталъ своего семейства, у рабочихъ, бросившихъ свою работу съ ненавистью къ обществу,—у всѣхъ у нихъ бѣдность ведетъ къ преступленію. Даже болѣе того. Эта бѣдность уже сама по себѣ является началомъ преступности. Она ведетъ къ воровству, какъ воровство ведетъ къ убійству. Сама по себѣ она уже есть одинъ изъ видовъ воровства, воровства у общества, у семьи, у корпораціи. Здѣсь мы имѣемъ почти тавтологію, видя въ такой бѣдности источникъ преступленія.

Авторъ забываетъ, что очень часто значительную роль въ этой „виновной“ бѣдности играютъ экономическіе факторы: тысячи профессіональныхъ преступниковъ стоятъ передъ печальной необходимостью избрать для себя эту участь по той причинѣ, что имъ недоступна никакая другая. А затѣмъ, если тѣ несчастные, заброшенные люди, которые родились и выросли въ безпорядочной средѣ, полной дурныхъ примѣровъ и чуждой сознанію долга, которые съ самыхъ юныхъ лѣтъ обременены заботами о жизни, — если они легко поддаются соблазну преступленія и проституціи, то неужели же они тоже были приведены къ этому своей собственной виною? Нѣтъ ли во всемъ этомъ процессѣ еще какихъ-нибудь элементовъ, кромѣ одной виновности? Указывать на тѣсную связь этой бѣдности съ преступностью равносильно признанію вліянія экономическихъ причинъ.

---

[1]) Авторъ „Les irresponsables devant la justice“ (Paris 1888), работы, богатой утвержденіями, но бѣдной научными доказательствами. Трудъ отличается поверхностной аргументаціей и декламаторскимъ и апріорнымъ методомъ критики.

[2]) V. Joly: Le Crime стр. 207. „Не метафизическими идеями желаемъ мы освѣтить эту работу“.

[3]) 1890.

[4]) Le Crime, стр. 190 и слѣд. и стр. 381 и слѣд.

[5]) La France criminelle стр. 346.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ недобровольной [1]) бѣдности и всѣми способами стремится доказать, что она никогда не приводитъ къ преступленію. Благосостояніе во Франціи, говоритъ онъ [2]), возросло. Мелкая собственность поддерживается на томъ же уровнѣ, и сельскіе рабочіе зарабатываютъ много. Положеніе городскихъ рабочихъ отнюдь не ухудшилось; они получаютъ бо́льшую заработную плату. Анкета 1875 года доказываетъ въ то же время, что дороговизна жизни увеличилась не быстрѣе и не въ большей пропорціи, чѣмъ размѣръ заработной платы. Въ огромномъ большинствѣ департаментовъ отвѣтъ былъ одинъ и тотъ же: заработная плата и цѣны на съѣстные припасы возросли пропорціонально. Такимъ образомъ, много надо имѣть смѣлости, чтобы сказать, что экономическое движеніе повело къ уменьшенію благосостоянія и уже этому уменьшенію приписывать ростъ преступности. Авторъ приходитъ къ выводу, что если бѣдность не является причиной роста преступности, то нельзя утверждать и то, что она главная причина или вообще причина преступности.

Сейчасъ же бросается въ глаза, что этотъ выводъ выходитъ за предѣлы посылокъ. Если даже ростъ преступности за послѣдніе годы и не находитъ себѣ объясненія въ экономическихъ фактахъ, то этимъ еще ничего не доказано относительно преступности вообще, относительно совокупности преступленій, большая часть которыхъ не разсматривалась въ связи съ колебаніями, сопровождающими ростъ преступности. Болѣе того, г. Жоли вовсе еще не доказалъ, что ростъ преступленій обусловленъ не матеріальными причинами. Авторъ допускаетъ ошибку, въ которую впадаетъ большинство тѣхъ, кто задается цѣлью исключить вліяніе экономическихъ факторовъ на преступность [3]). Они смѣшиваютъ два весьма различныхъ понятія: увеличеніе благосостоянія и неувеличеніе бѣдности. Эти криминалисты забываютъ, что нищета низшихъ классовъ населенія, тѣснящихся въ предмѣстьяхъ городовъ, можетъ увеличиваться и по числу переносящихъ ее, и по своей интенсивности, независимо отъ общаго улучшенія положенія рабочаго класса въ городахъ и деревняхъ. Общее благосостояніе не служитъ на пользу тѣмъ лицамъ, которыя лишены его. Улучшеніе общаго положенія,—поскольку оно является дѣйствительнымъ улучшеніемъ,—вызывается, главнымъ образомъ, продуктивнымъ развитіемъ промышленности за послѣднее время; а это развитіе сопровождается тѣмъ бо́льшимъ числомъ жертвъ, чѣмъ труднѣе и интенсивнѣе дѣлаетъ оно борьбу за существованіе. Вслѣдствіе этого развитія промышленности слабые были осуждены на бездѣятельность и грубое невѣжество, и, такимъ образомъ, создался новый огромный классъ, представляющій теперь дѣйствительную опасность для общества и поставляющій большую часть рекрутовъ въ ряды профессіональной и привычной преступности [4]). Это и есть тотъ главный пунктъ, который не слѣдуетъ терять изъ вида. Преступленія совершаются не всѣмъ народонаселеніемъ въ его цѣломъ; армія преступниковъ состоитъ изъ небольшого меньшинства народа. Необходимо принимать во вниманіе экономическое состояніе этого небольшого меньшинства, а не состояніе огромнаго большинства людей честныхъ. Напротивъ, кон-

---

[1]) У. с. стр. 347 и слѣд.
[2]) У. с. стр. 349 и слѣд.
[3]) См. Garofalo: La Criminologie стр. 186. Lombroso: Le Crime, etc. стр. 139 и слѣд.
[4]) По этому поводу см. P. Hymans: La lutte contre le crime, Bruxelles, 1892, стр. 29 и слѣд.

ЦАБ "Автограф"

трастъ между абсолютной бѣдностью и постоянно возрастающимъ благосостояніемъ становится все рѣзче и острѣе, по мѣрѣ того, какъ благосостояніе повышается, такъ что, можно сказать, косвеннымъ образомъ улучшеніе общаго состоянія часто приводитъ только къ возрастанію бѣдности нуждающихся, — явленіе, особенно дающее себя чувствовать въ нашихъ столицахъ [1]). Дѣйствительной бѣдности всего меньше въ самыхъ „бѣдныхъ“ областяхъ, и отъ этого въ нихъ мы имѣемъ низшія цифры преступности [2]).

Въ слѣдующей части своего сочиненія Жоли такъ хорошо понялъ выставленныя нами соображенія, что трудно уяснить себѣ, какъ могъ онъ забыть ихъ въ предшествующей главѣ. Авторъ сравниваетъ [3]) между собою департаменты по степени ихъ благосостоянія и по ихъ преступности и приходитъ къ заключенію, что преступность менѣе развивается въ бѣдныхъ департаментахъ. Непосредственно затѣмъ онъ признаетъ, что общее благосостояніе не имѣетъ значенія дѣйствительнаго показателя. Сердцу человѣка, кто бы онъ ни былъ, говоритъ Жоли, ближе всего не абсолютное благосостояніе, а большее или меньшее благополучіе, сравнительно съ окружающими. Сравненіе бѣдности съ богатствомъ толкаетъ къ преступленію. Мы уже имѣли случай встрѣтить эту точку зрѣнія у Гарофало [4]). Очевидно, что это опасное сравненіе будетъ дѣлаться тѣмъ чаще и послѣдствія его будутъ тѣмъ гибельнѣе, чѣмъ острѣе и распространеннѣе нищета.

Авторъ утверждаетъ, [5]) что нельзя бѣдныхъ дѣлить на двѣ категоріи: впавшихъ въ бѣдность по своей собственной винѣ и вовлеченныхъ въ нее внѣшними обстоятельствами, а различаетъ бѣдность невинную и извинительную. Онъ признаетъ, что многимъ, несчастнымъ слишкомъ трудно и тяжело нести бремя жизненной борьбы, они не выдерживаютъ ея и падаютъ въ низкіе слои нищенства и пауперизма. Между тѣмъ, экономическія условія гораздо тяжелѣе для нихъ, чѣмъ для другихъ. Дѣйствительно, если цѣны на жизненные припасы поднялись пропорціонально повышенію заработной платы, то не страдаютъ только тѣ, кто получаетъ заработную плату. Тѣ же, кто лишенъ ея, чувствуютъ лишь одно повышеніе цѣнъ на жизненные припасы. Авторъ приходитъ къ выводу, что существуетъ извѣстнаго рода физическая необходимость предусмотрительности и нравственная необходимость милосердія.

Мы настойчиво повторяемъ наше замѣчаніе, уже сдѣланное нами выше при разборѣ системы Корра, а именно, что причины бѣдности въ огромномъ большинствѣ случаевъ настолько сложны, что нѣтъ возможности съ увѣренностью опредѣлить, когда въ дѣло входятъ экономическіе факторы [6]).

Слѣдомъ затѣмъ Жоли повторяетъ [7]) аргументъ Ломброзо, говоря, что кражи рѣдко имѣютъ своимъ объектомъ необходимое для жизни. Мы уже встрѣчались съ этимъ аргументомъ [8]). Авторъ высчиталъ по даннымъ статистики уголовныхъ судовъ, что за періодъ между 1830 и

---

[1]) Этотъ упрекъ дѣлаетъ г. C. Raiga г. Жоли въ своемъ мало-научномъ критическомъ отзывѣ о книгѣ La France Criminelle: Revue socialiste, 1890 I, стр. 498.

[2]) У. с. стр. 356 и слѣд.

[3]) Le Crime, etc., стр. 99. Ломброзо здѣсь опирается отчасти на Жоли.

[4]) См. Corre: Crime et Suicide, стр. 561 и слѣд.

[5]) См. главу, посвященную выводамъ.

[6]) У. с. стр. 354 и слѣд.

[7]) La Criminologie, стр. 171.

[8]) У. с. стр. 355.

1860 годами квалифицированныя кражи съѣстныхъ припасовъ, ржи, муки и живыхъ домашнихъ животныхъ занимаютъ лишь шестое, то есть, послѣдне мѣсто изо всѣхъ другихъ видовъ кражъ.

Мы сопоставили это вычисленіе г. Жоли съ данными оффиціальной статистики съ 1826 по 1850 годъ, періодъ, который довольно близко совпадаетъ съ періодомъ, выбраннымъ Жоли. Мы заимствуемъ приводимыя нами свѣдѣнія изъ Compte Général 1850 года, составленнаго подъ наблюденіемъ Абатуцци.

		На 1.000
Кражи денежныя	23.185	335
драгоцѣнностей.	5,056	73
различныхъ предметовъ.	5.994	86
бѣлья и одежды	10.929	158
мебели и различныхъ предметовъ	12.237	177
съѣстныхъ припасовъ	2.986	43
зерна и муки.	3.791	55
живыхъ домашнихъ животныхъ .	3.846	55
разныхъ вещей, когда воръ бралъ все, что могъ	1.258	18 [1]).

Изъ этого слѣдуетъ, что кражи съѣстныхъ припасовъ, зерна, муки и живыхъ домашнхъ животныхъ занимаютъ четвертое мѣсто, въ пропорціи 153 на 1.000. Нельзя отридать того, что эти оффиціальныя данныя подрываютъ болѣе или менѣе значеніе цифръ Жоли, который, правда, говоритъ только о дѣлахъ, рѣшенныхъ судомъ присяжныхъ.

Съ другой стороны, авторъ признаетъ, что въ данномъ случаѣ нельзя получить того яснаго представленія о характерѣ кражъ, какое было бы желательно, такъ какъ кражи драгоцѣнностей и другихъ предметовъ (и даже денегъ!) часто совершаются для пріобрѣтенія хлѣба. Значеніе этого довода не опровергается и другимъ соображеніемъ, а именно, что иногда совершившіе кражу вещей и предметовъ первой необходимости продаютъ ихъ за тѣмъ, чтобы доставить себѣ какое-нибудь удовольствіе.

Тотъ же отвѣтъ долженъ быть данъ и на утвержденія подобнаго же рода начальника полиціи г. Масе [2]), котораго питируетъ Жоли [3]).

Авторъ признаетъ также, что анализъ украденныхъ вещей столь же недостовѣренъ [4]). Въ періодъ за 25 лѣтъ чаще всего совершались кражи на сумму отъ 10 до 50 франковъ. За ними слѣдовали кражи отъ 100 до 1.000 франковъ, затѣмъ уже кражи меньше 10 франковъ. Десять лѣтъ спустя наиболѣе частыми кражами были кражи на сумму отъ 100 до 1.000 франковъ.

Жоли слишкомъ легко устраняетъ замѣчаніе, основывающееся на неизмѣнномъ параллелизмѣ между повышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ и увеличеніемъ числа посягательствъ противъ собственности. „Неурожаи, говоритъ онъ [5]), въ общемъ являются исключеніемъ, кражи же—явленіе постоянное; и тогда какъ неурожаи годъ-отъ-года становятся все рѣже и рѣже, кражи возрастаютъ [6]). Въ обыкновенные годы, когда жизнь не

---

[1]) Compte général de l'administration de la justice criminelle en France pendant l'année 1850. Парижъ 1852. Введеніе.

[2]) G. Macé Un joli monde стр. 256—258, 288.

[3]) У. с. стр. 337 и 358.

[4]) У. с. стр. 357.

[5]) У. с. стр. 358 и 359.

[6]) Это повторяетъ и Ломброзо въ качествѣ аргумента. Le crime etc. стр. 99.

ЦАБ "Автограф"

тяжела, люди болѣе выносливы и болѣе склонны прибѣгать только къ законнымъ и дозволеннымъ способамъ. Но никакого сопротивленія соблазну нельзя найти у людей, которые давно пріобрѣли привычку воровать изъ желанія полакомиться, для удовлетворенія своихъ фантазій или изъ алчности?" Кромѣ того, — продолжаетъ авторъ, — Принсъ относительно Бельгіи, Гарофало относительно Италіи и другихъ странъ Европы наблюдали, что урожайные годы не настолько понижаютъ преступность, насколько неурожайные годы ее повышаютъ. Мѣняется экономическое состояніе, мѣняется и рода преступленій, но не мѣняется ихъ численность. Авторъ добавляетъ даже, что статистика Франціи даетъ намъ тѣ же результаты.

Эта аргументація представляетъ большой просторъ для критики. Говорить, что неурожай—явленіе исключительное, а кража — обыкновенное, это значитъ сопоставлять двѣ величины несравнимыя. Не самъ неурожай, а общее экономическое состояніе оказываетъ вліяніе на преступность. Кражамъ противополагаются общія плохія экономическія условія, а не неурожай; тогда какъ величиной, противополагаемой неурожаю, являются не кражи, а повышеніе числа посягательствъ на собственность, которое обыкновенно совпадаетъ съ этимъ періодомъ кризиса. При этомъ, данное увеличеніе является столь же исключительнымъ, какъ и самъ неурожай, неблагопріятное же экономическое состояніе столь же постоянно, какъ и кражи. Что же касается до уменьшенія голода за послѣдніе годы, то все возрастающее развитіе путей сообщенія, дѣйствительно, давало возможность надѣяться на смягченіе слишкомъ рѣзкаго колебанія цѣнъ [1]), но оно не могло задержать медленно наступающихъ и вслѣдствіе этого и болѣе затяжныхъ кризисовъ, которые стали называться „депрессіями". Это доказываетъ депрессія 1873—1887 г. [2]).

Кромѣ того, нѣтъ необходимости въ неурожаѣ для увеличенія преступности; можно даже оставить въ сторонѣ вліяніе многочисленныхъ факторовъ не экономическаго характера, могущихъ оказать свое вліяніе на это увеличеніе. Длительная дороговизна влечетъ за собою длительное увеличеніе преступленій противъ собственности, даже если нѣтъ неурожая. Жоли въ своемъ изслѣдованіи, повидимому, сосредоточилъ все свое вниманіе на внезапныхъ и значительныхъ измѣненіяхъ, не принимая въ разсчетъ болѣе ничтожныхъ отклоненій, приближающихся къ средней линіи, но тѣмъ не менѣе параллельныхъ и, благодаря этому, не менѣе поучительныхъ для наблюдателя.

Что же касается утвержденія, что паденіе цѣнъ должно бы влечь за собою такое же уменьшеніе преступности, каково было увеличеніе послѣдней во время высокихъ цѣнъ тяжелыхъ годовъ, то здѣсь необходимо провести различіе. Въ нашемъ введеніи нами было уже выяснено,—и мы поговоримъ еще объ этомъ,—почему вліяніе матеріальныхъ условій, дѣйствующихъ съ большою подвижностью, чувствуется все слабѣе, по мѣрѣ того, какъ мы углубляемся въ сферу явленій, на которыхъ оно отражается. Мы уже выяснили, что существуетъ извѣстная часть преступности, независимая отъ экономическихъ вліяній, и что вслѣдствіе этого существуетъ и извѣстная демар-

---

[1]) См.: Cl. Juglar: Des crises commerciales et de leur retour pèriodique, Парижъ 1889, стр. X: „Можно предвидѣть, смягчить ихъ, предупредить ихъ съ извѣстной степени, но уничтожить ихъ до сихъ поръ представлялось невозможнымъ".

[2]) См. Denis: Actes du III-e Congrés etc., стр. 367 и слѣд. и Bulletin de la Société d'anthropologie de Bruxelles IV, стр. 225.

каціонная линія, за которой улучшеніе экономическаго положенія неспособно понизить число преступленій. Но что касается до преступности, стоящей въ зависимости отъ условій экономическихъ, то достаточно бросить бѣглый взглядъ на графическое изображеніе статистическихъ данныхъ, чтобы съ очевидностью констатировать параллельное движеніе двухъ кривыхъ, равномѣрно поднимающихся и падающихъ; притомъ надо замѣтить, что это явленіе наблюдается во всей Европѣ. Не болѣе удачна и ссылка Жоли на Приса и Гарофало. Мы уже старались показать дѣйствительную цѣну доводовъ Гарофало въ его отрицаніи значенія экономическихъ вліяній, а въ работахъ Приса мы нигдѣ не могли найти тѣхъ положеній, которыя ему приписываетъ Жоли. Говорить о томъ, что статистика Франціи даетъ выводы, тождественные съ выводами автора, значитъ быть незнакомымъ съ работами всѣхъ криминалистовъ, разбиравшихъ эти данныя въ указанномъ направленіи, т. е. съ работами Ферри [1]), Лакассаня [2]), Раковскаго [3]), Массне [4]) и Дюпюи [5]), доказавшими существованіе параллелизма между двумя кривыми, одна изъ которыхъ выражаетъ собою движеніе преступности, другая же движеніе цѣнъ на съѣстные припасы.

Жоли думаетъ найти и еще рѣшительное доказательство въ подтвержденіе своихъ выводовъ въ одномъ изслѣдованіи преступности въ Марнѣ [6]). Одинъ судья, г. Веба, добросовѣстнѣйшимъ образомъ предпринялъ для Жоли изслѣдованіе протоколовъ 107 дѣлъ, протедшихъ передъ судомъ присяжныхъ Реймса въ теченіе 10 лѣтъ. Графы подъ рубриками: земледѣльческій кризисъ, промышленза кризисъ, коммерческій кризисъ часто оставались незаполненными. Столбцы, посвященные причинамъ соціальнымъ, не переставали быть заполненными, а для причинъ нравственныхъ этотъ изслѣдователь, принужденъ былъ увеличить число своихъ рубрикъ. Исходя изъ этого, авторъ приходитъ къ выводу, что экономическія причины стоятъ въ зависимости отъ причинъ нравственнаго порядка.

Подобная попытка столь кропотливаго изслѣдованія, конечно, достойна самыхъ высокихъ похвалъ, но едва ли возможно будетъ этимъ путемъ достигнуть серьезныхъ результатовъ. Къ несчастію, все здѣсь зависитъ отъ предвзятой идеи того, кто возьмется за этотъ трудъ. Получаются тѣ результаты, которыхъ ищутъ. Что-же касается, въ частности, до факторовъ экономическихъ, то они очень легко могутъ быть упущены изъ виду. Дѣйствіе ихъ, столь явное для общества вообще, или для даннаго общества въ цѣломъ, почти незамѣтно на отдѣльныхъ лицахъ Оно часто совершенно не замѣчается въ теченіе долгаго времени и узнается лишь когда приступаютъ къ болѣе глубокому изслѣдованію предмета. Такимъ образомъ, вліяніе экономическихъ факторовъ лишь чрезвычайно рѣдко можетъ быть найдено въ протоколѣ, въ которомъ обыкновенно мы находимъ лишь показанія самого

---

[1]) Ferri: Studi sulla criminalità in Francia (estrutto dagli Annali d: Statistica, Serie 2-e, vol. 21 Roma 1881).

[2]) Lacassagne: Marche de la criminalité en France de 1825 c. 1880, Revue scientifique, 28 mai 1881 стр. 678

[3]) Rakowsky: De la question de l'etiologie du crime, etc., Montpellier, 1897, стр. 75 и слѣд.

[4]) Massenet: Quelques causes sociales du crime, Lyon, 1893, стр. 15 и слѣд. и приложеніе см. разборъ этихъ авторовъ въ нашей работѣ.

[5]) Dupuy, у Haussonville: Revue des Deux Mondes, 1 сен. 1887 г. стр. 594.

[6]) Цит. соч. стр. 346 и слѣд.

ЦАБ "Автограф"

подсудимаго, свидѣтелей и описаніе нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, наиболѣе доступныхъ непосредственному наблюденію.

Съ другой стороны, многія изъ тѣхъ причинъ, которыя авторъ относитъ къ нравственнымъ, въ дѣйствительности должны быть отнесены къ причинамъ экономическимъ, напримѣръ: уменьшеніе числа рожденій, и, въ особенности, уменьшеніе браковъ.

Значеніе этого явленія было указано нами еще раньше [1]); мы уже видѣли, что Массне съ точностью доказалъ существованіе тѣсной связи между числомъ холостяковъ и экономическими явленіями [2]).

Кончая разборъ изслѣдованія Жоли, посвященнаго нашему вопросу, мы считаемъ себя въ правѣ подвергнуть сомнѣнію правильность его вывода: „не бѣдность толкаетъ къ преступленію противъ собственности. Это значитъ, что человѣкъ склоняется ко злу не столько по винѣ другихъ и вслѣдствіе предопредѣленія, сколько вслѣдствіе своихъ собственныхъ провинностей“ [3]).

Луи Проаль, служащій въ судѣ въ Э, въ первой части своей премированной работы Le crime et la Peine (Парижъ, годъ не обозначенъ) говоритъ въ общихъ чертахъ объ этіологіи преступленія. Къ сожалѣнію, обширность темы въ этомъ произведеніи, какъ и во многихъ другихъ, сильно вредитъ и методу, и обоснованности работы. Дѣйствительно, трудъ Проаля со стороны метода представляется неудачнымъ, онъ слишкомъ поспѣшенъ и поверхностенъ. Авторъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которые, на основаніи нѣсколькихъ отрывочныхъ и разрозненныхъ данныхъ по какому-нибудь сложному и мало разработанному вопросу, дѣлаютъ чрезвычайно поверхностные выводы, лишенные всякаго научнаго значенія. Легкомысленный характеръ работы проявляется и въ невѣрности приводимыхъ цитатъ; при сличеніи ихъ рѣдко мы находимъ текстъ тамъ, гдѣ указываетъ авторъ.

Г. Проаль энергично защищаетъ существованіе свободы воли [4]), не отрицая также вліянія и другихъ факторовъ всевозможнаго рода.

Глава IX посвящена нашему вопросу: Бѣдность и Преступленіе. Авторъ, пользуясь довольно скудными доказательствами, пытается разрѣшить проблему. Результаты, которыхъ онъ достигаетъ, лишены значенія.

Съ одной стороны, авторъ утверждаетъ [5]), что вліяніе бѣдности на преступленіе, повидимому, неоспоримо. Въ тѣ годы, когда плохіе урожаи, неблагопріятное состояніе промышленности, кризисы земледѣльческіе и промышленные создаютъ безработицу, число преступленій увеличивается. Въ 1840, 1847 и 1854 годы было констатировано возрастаніе преступности, въ виду того, что цѣны на хлѣбъ въ эти годы достигли очень высокаго уровня. Въ Алжирѣ ростъ преступности чувствовался еще сильнѣе, чѣмъ во Франціи, такъ какъ арабы менѣе предусмотрительны, чѣмъ французы. Среди дикихъ народовъ дѣйствіе бѣдности еще сильнѣе: когда истощаются жизненные припасы, иногда убиваютъ стариковъ.

Затѣмъ авторъ утверждаетъ [6]), что ему самому случалось наблюдать случаи, когда преступленіе было вызвано бѣдностью. Дѣйствитель-

---

[1]) У. с. стр. 464.
[2]) Massenet: Quelques causes sociales du crime, стр. 22.
[3]) У. с. стр. 365.
[4]) У. с. стр. 3 и слѣд.
[5]) У. с. стр. 201.
[6]) У. соч. стр. 202.

но, бѣдность не только доставляетъ человѣку страданія и заставляетъ его видѣть страданіе своихъ дѣтей, но она приводитъ и къ мысли прекратить эти страданія преступнымъ путемъ, когда путь труда отрѣзанъ.

Кромѣ того, бѣдность опасна для нравственности не только доставляемыми лишеніями, но, главнымъ образомъ, тѣми печальными условіями, въ которыхъ воспитываются дѣти большихъ городовъ.

Такимъ образомъ, тутъ авторъ признаетъ вліяніе экономическихъ факторовъ, не приводя, однако, въ подтвержденіе своихъ выводовъ ничего, кромѣ отрывочныхъ мыслей и наблюденій. Но онъ спѣшитъ добавить, что случаи, въ которыхъ къ преступленію привела бѣдность, весьма немногочисленны [1]), что и старается доказать при помощи статистическихъ данныхъ за 1880 годъ. Осужденными изъ лицъ либеральныхъ профессій было совершено 87 преступленій надъ дѣтьми, недостигшими 15 лѣтняго возраста, 18 покушеній на убійство, 15 убійствъ, 33 подлога подписей, 19 злоупотребленій довѣріемъ и т. д., въ общемъ 132 преступленія противъ собственности и 144 преступленія противъ личности. Среди осужденныхъ въ 1880 году судомъ присяжныхъ насчитывалось 29 свѣтскихъ преподавателей, 13 преподавателей-членовъ конгрегацій, 58 общественныхъ дѣятелей, 60 собственниковъ, живущихъ доходами, 29 представителей общественной власти, 80 фабрикантовъ-торговцевъ, 177 приказчиковъ, 17 духовныхъ лицъ, 12 артистовъ, 29 банкировъ, дѣльцовъ и т. д. Съ 1833 по 1880 годъ судами присяжныхъ присуждены къ смерти 191 купецъ и приказчикъ, 81 собственникъ или лица, занимавшіяся либеральными профессіями.

До сихъ поръ авторъ приводитъ только абсолютныя цифры, которыя совершенно неспособны установить то, къ чему онъ стремится. Только сравненіе цифръ преступности достаточныхъ классовъ съ преступностью бѣдныхъ классовъ можетъ намъ сказать что-нибудь о „высотѣ“ преступности различныхъ соціальныхъ классовъ, понятіи, по существу своему относительномъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ пытается сдѣлать подобное сопоставленіе, но оно все-таки остается неудовлетворительнымъ [2]). Число преступленій, говоритъ онъ, совершенныхъ собственниками, живущими доходами, или людьми, занятыми либеральными профессіями, почти такъ же велико, какъ число преступленій, совершенныхъ бродягами и людьми безъ опредѣленныхъ занятій. Въ продолженіе многихъ періодовъ эта преступность была даже выше. Такъ, съ 1851 по 1860 годъ по отношенію къ первымъ она равнялась 4.132, а по отношенію ко вторымъ 3.686 (по данныхъ уголовной статистики за 1860 г.). Съ 1871 по 1875 среднимъ числомъ въ годъ было 313 осужденныхъ собственниковъ, живущихъ доходами, и лицъ либеральныхъ профессій и 281 обвиненныхъ изъ среды нищихъ, бродягъ и проститутокъ (по данныхъ уголовной статистики за 1880 г.). Въ 1884, 1885 и 1886 г.г. пропорціональное число первыхъ еще гораздо выше, чѣмъ число лицъ безъ опредѣленныхъ занятій (по данныхъ уголовной статистики 1886 г.). Въ 1887 г. отношеніе сдѣлалось обратнымъ: 328 лицъ безъ опредѣленныхъ занятій приходилось на 278 осужденныхъ собственниковъ, живущихъ доходами, и лицъ, занимающихся либеральными профессіями. Изъ 28 лицъ, осужденныхъ на смертную казнь, 3 лица принадлежали къ либеральнымъ профессіямъ и 2 лица были безъ опредѣленныхъ занятій.

---

[1]) У. с. стр. 202, 203 и слѣд.
[2]) У. с. стр. 204.

Когда мы встрѣтились съ подобной же аргументаціей у Гарофало, мы уже имѣли случай замѣтить, что такое сравненіе совершенно безсильно доказать отсутствіе вліянія экономическихъ факторовъ на преступность. Мы охотно допускаемъ, что и другіе факторы, изъ числа которыхъ не послѣднее мѣсто занимаетъ сама трудовая жизнь большинства лицъ, посвятившихъ себя либеральнымъ профессіямъ, приводятъ къ преступленію. Но это отнюдь не уничтожаетъ гибельнаго вліянія, которое оказываетъ бѣдность на преступность среди низшихъ классовъ населенія. Кромѣ того, сравненіе г. Проаля чрезвычайно неполно, и самые выводы, сдѣланные изъ него и только-что нами разсмотрѣнные, не имѣютъ никакой цѣны. Дѣйствительно, вѣдь не одинъ только классъ людей безъ опредѣленныхъ занятій живетъ подъ гнетомъ тяжелыхъ экономическихъ условій. Огромная армія нашихъ рабочихъ, въ особенности поденныхъ, постоянно подвергается опасности лишиться своего единственнаго средства къ существованію, а именно работы, особенно во времена кризисовъ. Тогда эта масса бываетъ вынуждена прибѣгать къ средствамъ противозаконнымъ. Точно также и причина подлоговъ, совершаемыхъ банкирами, коммерсантами и людьми, занятыми дѣлами, съ цѣлью поправить или предупредить потерю состоянія, коренится въ экономическихъ обстоятельствахъ даннаго момента.

Г. Проаль еще разъ повторяетъ аргументъ [1]), на который нами уже данъ былъ отвѣтъ, а именно, что совершается мало кражъ хлѣба, муки или зерна Г. Проалю за время его судейской дѣятельности случилось судить только три раза за кражу хлѣба. Мы уже достаточно выяснили малоцѣнность этого аргумента [2]).

Сразу бросается въ глаза, что вторая часть изложенія, только что разобранная нами, совершенно не согласуется у г. Проаля съ предыдущей частью. Получается впечатлѣніе, что вначалѣ авторъ стремился доказать дѣйствительность экономическихъ вліяній, а впослѣдствіи, слишкомъ узко понимаемый принципъ свободы воли заставилъ его защищать противоположную точку зрѣнія. Все это указываетъ на извѣстную нерѣшительность, являющуюся слѣдствіемъ неопровержимости вліянія матеріальныхъ факторовъ, и все это понижаетъ цѣну вывода г. Проаля: „я не думаю, чтобы богатый былъ менѣе склоненъ, чѣмъ бѣдный, воспользоваться благами другого“ [3]); выводъ этотъ, какъ мы видѣли въ другомъ мѣстѣ, опирается на невѣрныя и недостаточныя основанія.

Графъ Госсонвиль посвящаетъ три статьи въ Revue des Deux Mondes (1887) вопросу Борьбы съ порокомъ, причемъ останавливается и на вопросѣ о преступности (Revue des deux Mondes 1 апр. 1887 г. стр. 564 и слѣд.).

Франція въ области матеріальной сдѣлала огромные успѣхи,—таковъ тезисъ автора [4]). Между тѣмъ преступность ея возросла. Отсюда возникаетъ вопросъ: не является ли этотъ ростъ преступности однимъ изъ результатовъ цивилизаціи, или, по крайней мѣрѣ, одной изъ ея чертъ — чрезвычайной утонченности, которая, увеличивъ потребности, увеличила и необходимость удовлетворить ихъ во чтобы то ни стало?

---

[1]) У. с. стр. 206.

[2]) Мы встрѣчались съ нимъ у Ломброзо: Le Crime, etc., стр. 99; у Жоли, La France criminelle, стр. 356. Наконецъ, у Герри, Масе и др. Опроверженіе его см. разборъ взглядовъ этихъ авторовъ стр. 67 и 346.

[3]) У. с. стр. 207.

[4]) У. с. стр. 574.

ЦАБ "Автограф"

Авторъ допускаетъ существованіе трехъ различныхъ причинъ, побуждающихъ къ преступленію [1]): страсти, порока и нужды, какъ послѣдствія тяжелыхъ соціальныхъ условій. Кромѣ того, говоритъ онъ, мы можемъ опредѣлить, въ какой мѣрѣ дѣйствуетъ цивилизація на эти три источника, и, такимъ образомъ, мы, можетъ быть, отчасти разрѣшимъ вопросъ о вліяніи цивилизаціи на преступность. Цивилизація смягчаетъ нравы. Можно было бы, повидимому, разсчитывать на то, что прогрессъ цивилизаціи повлечетъ за собою уменьшеніе посягательствъ противъ личности. Однако, на самомъ дѣлѣ, этого нѣтъ. Число преступленій противъ личности, разсматриваемое въ цѣломъ и въ сопоставленіи его съ приростомъ народонаселенія, осталось довольно постояннымъ. Преступленія противъ нравовъ утроились. Преступленія, въ основаніи которыхъ лежитъ алчность, также увеличились. Интересно, что распредѣленіе послѣднихъ во Франціи соотвѣтствуетъ распредѣленію посягательствъ на нравственность. Департаментами, въ которыхъ всего меньше насчитывается преступленій, являются вообще горные департаменты, наиболѣе бѣдные, гдѣ населеніе живетъ самой простой жизнью. Преступленіе всего чаще тамъ, гдѣ чаще всего встрѣчается богатство, роскошь, благосостояніе. Авторъ приходитъ къ заключенію, что трудно сказать, чтобы цивилизація была вполнѣ невинна въ ростѣ тѣхъ преступленій, въ основѣ которыхъ лежитъ алчность. Это печальное послѣдствіе цивилизаціи авторъ справедливо объясняетъ медленнымъ и, въ особенности, неравномѣрнымъ распространеніемъ благосостоянія. Въ виду того, что бѣдность сопровождается не только страданіями тѣла, но и страданіями души, возникаетъ вопросъ: не вызывается ли этой неравномѣрностью въ распредѣленіи богатствъ у тѣхъ, кто является ея жертвами, чувство озлобленія противъ судьбы, которое и наталкиваетъ ихъ на преступленіе? Дѣйствительно, справедливо замѣчаетъ авторъ, небольшое число воровъ и нищихъ дѣйствуетъ подъ непосредственнымъ давленіемъ голода, но, спрашивается, насколько сократилось бы это число, если бы они родились и были воспитаны въ довольствѣ? Возможно, что тогда не нашлось бы и одного преступника на сто. Тотъ же вопросъ можетъ быть поставленъ и по отношенію къ другимъ многочисленнымъ правонарушеніямъ, которыя почти не встрѣчаются въ достаточныхъ классахъ. Госсонвиль заканчиваетъ: „надо же имѣть мужество признать, что самымъ могущественнымъ двигателемъ преступности до сихъ поръ является бѣдность“.

Это справедливое замѣчаніе служитъ отвѣтомъ тѣмъ, кто въ небольшомъ числѣ кражъ, вызванныхъ непосредственно нуждою, ищетъ аргументъ противъ признанія вліянія экономическихъ факторовъ на имущественную преступность.

Лучшимъ доказательствомъ этого положенія Госсонвиль [2]) считаетъ неизмѣнное соотвѣтствіе между кривыми, выражающими измѣненія преступности, и кривыми, выражающими повышеніе и пониженіе цѣнъ. Здѣсь авторъ пользуется статистическими данными, заимствованными у Иверне и Дюпюи.

Говоря о вліяніи высокой культуры, одной изъ самыхъ завидныхъ сторонъ цивилизаціи, авторъ замѣчаетъ [3]), что число обвиненныхъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, бывшее 2 на 100 въ началѣ вѣка, теперь поднялось до 4 на 100. Авторъ справедливо находитъ

---

[1]) У. с. стр. 590 и слѣд.
[2]) См. стр. 67 и 353.
[3]) У. с. стр. 594.
[4]) У. с. стр. 595.

ЦАБ "Автограф"

объясненіе этого явленія въ томъ, что либеральныя профессіи все болѣе и болѣе переполняются и становятся все менѣе и менѣе доходными. Для того, чтобы благопріятствовать отсутствію преступныхъ склонностей, высшее образованіе должно идти совмѣстно съ извѣстной степенью благосостоянія. Вотъ почему система стипендій должна примѣняться лишь съ большой осмотрительностью и многочисленными оговорками.

Авторъ находитъ еще одно прямое соотношеніе между цивилизаціей и ростомъ преступности [1]). Общество, по мѣрѣ своего развитія и совершенствованія, возводитъ въ преступленія, во имя соціальной защиты, такіе факты, которые сами по себѣ не противорѣчатъ нравственности и которые при другомъ состояніи общества не вызывали бы противъ себя репрессивныхъ мѣръ. Таковы нищенство и бродяжество. Кодексъ назвалъ ихъ преступленіями, и вотъ ежегодно произносится 26.000 приговоровъ противъ лицъ, изъ которыхъ, конечно, большинство не нищенствовало бы и не бродяжило, если бы располагало рентами. Для того, чтобы законность такихъ приговоровъ не встрѣчала протеста, необходимо, чтобы репрессіи были направлены только противъ тѣхъ, кто отказывается отъ работы и злоупотребляетъ общественной благотворительностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы наши благотворительныя учрежденія могли вмѣщать всѣхъ, не нашедшихъ работы. Но мы еще очень далеки отъ этого.

Авторъ выводитъ слѣдующія заключенія изъ предшествовавшаго анализа преступности: 1) Цивилизація и нравственность двѣ вещи разныя [2]). 2) Бѣдность остается главной причиной преступности, необходимо принимать во вниманіе это обстоятельство въ отношеніи къ преступникамъ, такъ какъ, безъ сомнѣнія, оно значительно смягчаетъ ихъ виновность [3]).

По самому своему характеру статья Госсонвиля и не претендуетъ на глубокій анализъ тѣхъ источниковъ, которыми пользуется авторъ. Но многія вѣрныя замѣчанія и наблюденія дѣлаютъ ее одной изъ лучшихъ работъ по нашему вопросу.

Нео-спиритуализмъ въ Бельгіи.

Нео-спиритуалистическая школа имѣетъ многочисленныхъ сторонниковъ въ Бельгіи, что особенно выяснилось на III конгрессѣ, собравшемся въ Брюсселѣ въ 1892 году. Мы назовемъ выдающіяся имена: Леженъ, Де-Бэтсъ, Ниссенъ, Франкоттъ, Тири, Гимансъ, Кили. Выгодно отличаетъ ихъ отъ большинства французскихъ нео-спиритуалистовъ, о которыхъ мы только-что говорили, особенно отъ гг. Жоли, Проаля и Гилльо, широта взглядовъ, дѣлающая ихъ способными къ воспріятію всѣхъ новыхъ идей, изученіемъ которыхъ они занимаются и выводы изъ которыхъ они принимаютъ безъ предвзятыхъ мыслей.

Нѣкоторые изъ нихъ занимались вопросомъ объ экономическихъ вліяніяхъ.

На первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ профессоръ Лувенскаго университета, аббатъ Морисъ Де-Бэтсъ. Во введеніи къ этой главѣ нами уже было изложено, какъ г. Де-Бэтсъ согласуетъ

---

[1]) У. с. стр. 595 и 596.
[2]) У. с. стр. 596.
[3]) У. с. стр. 597

относительную и неполную свободу воли съ воздѣйствіемъ внѣшнихъ и внутреннихъ факторовъ въ этіологіи преступленія.

Де-Бэтсъ уже настаивалъ на дѣйствительности вліянія экономическихъ факторовъ въ одной изъ лекцій передъ молодыми адвокатами Брюсселя въ 1893 году [1]). Подробнѣе онъ говорилъ по нашему вопросу во второй лекціи, озаглавленной: „Вліяніе бѣдности на преступность“ [2]). Авторъ разсматриваетъ вопросъ съ коллективистической и индивидуалистической точекъ зрѣнія.

Онъ начинаетъ съ бѣглаго взгляда на то, чему насъ учитъ преступность массъ [3]). Эта преступность часто обусловливается экономическими причинами, чему доказательствомъ служатъ многочисленныя волненія въ Америкѣ, въ Европѣ, въ Бельгіи.

Но вліяніе бѣдности ясно сказывается и на индивидуальной преступности. Лекторъ подробно останавливается на докладѣ Гектора-Дени, представленномъ III конгрессу, въ которомъ Гекторъ-Дени стремится доказать существованіе тѣсной связи между преступностью и измѣненіями экономическаго состоянія [4]). Де-Бэтсъ находитъ въ немъ слѣдующія данныя: въ продолженіи части наблюдаемаго періода (1840—1850), особенно со времени неурожаевъ 1845—1849 г.г., параллелизмъ между цѣнами на пшеницу и преступностью наблюдается почти полный; но, начиная съ 1850 г., результаты сравненія какъ будто бы измѣнялются. Сначала замѣчаются рѣзкія колебанія, а затѣмъ постоянное пониженіе цѣнъ на пшеницу, совпадающее съ медленнымъ, но постояннымъ возрастаніемъ преступности. Результатъ остается по существу тѣмъ же, когда г. Дени замѣняетъ цѣны на пшеницу сложнымъ показателемъ—цѣнами на предметы, необходимые для жизни. Де-Бетсъ полагаетъ, что слѣдуетъ придти къ выводамъ, противоположнымъ выводу Дени. Результатъ остается тотъ же, если принять вмѣстѣ съ Дени во вниманіе и другой существенный элементъ: низкія цѣны на предметы могутъ проистекать такъ же и отъ отсутсвія спроса, какъ отъ чрезмѣрнаго предложенія; такимъ образомъ, сами цѣны могутъ быть также и послѣдствіемъ бѣдности, какъ могутъ зависѣть и отъ благосостоянія. Для того, чтобы выяснить, существуетъ ли положеніе благосостоянія или бѣдности, необходимо сопоставить доходы населенія и цѣны, при уплатѣ которыхъ оно можетъ удовлетворить свои потребности: точная мѣра благосостоянія находится въ соотношеніи между заработной платой и цѣною жизненныхъ припасовъ. Въ наблюдаемый же періодъ мы видимъ непрерывное возрастаніе заработной платы при пониженіи цѣнъ, а между тѣмъ преступность не переставала расти [5]).

Де-Бэтсъ находитъ отвѣтъ для разрѣшенія этой загадки въ томъ соображеніи, что благосостояніе отдѣльнаго лица или класса —понятіе не абсолютное, а относительное. Въ то время, какъ абсолютное благосостояніе бельгійскихъ рабочихъ стало за двадцать лѣтъ лучше, чѣмъ оно было прежде, ихъ относительное благосостояніе возросло далеко не въ той же пропорціи.

Кромѣ того, существуетъ и другой, болѣе важный факторъ, продолжаетъ Де-Бэтсъ. Самъ Дени говоритъ, что невозможно ставить всѣ измѣненія преступности въ зависимость отъ вліянія экономической среды. Всѣмъ позывамъ къ пороку или преступленію человѣкъ можетъ

---

[1]) L'école d'anthropologie criminelle, Gand, 1893. стр. 18 и 27.
[2]) Лекція, прочтенная на „Matinées litteraires“ (Bruxelles) Gand 1895.
[3]) У. с. стр. 11 и слѣд.
[4]) Actes du III Congrès etc. стр. 365 и слѣд.
[5]) См. нашъ разборъ доклада г. Дени стр. 167 сл.

противиться при помощи и поддержкѣ своей нравственной силы. А между тѣмъ чувство долга, отвращающее отъ преступленія и порока, ослабѣваетъ. Въ ослабленіи этого чувства, въ тѣхъ усиліяхъ, которыя были приложены къ тому, чтобы исторгнуть изъ сердца народа самый корень его—источникъ надежды и добродѣтели, авторъ видитъ главную причину ужаснаго роста преступности.

Эти наблюденія аббата Де-Бэтса не лишены психологической правды. Къ сожалѣнію, авторъ только упоминаетъ о данныхъ явленіяхъ, не исчерпывая этого чрезвычайно сложнаго вопроса моральной статистики.

Во второй части своего доклада [1]) авторъ разсматриваетъ непосредственное вліяніе бѣдности на преступность, воздѣйствіе ея на личность, медленное и постепенно вызываемое ею вырожденіе, которое само по себѣ является источникомъ преступленія. Въ краснорѣчивой рѣчи мрачными красками рисуетъ аббатъ Де-Бетсъ печальную жизнь ребенка бѣдняка и тѣ многочисленныя опасности, которыя ему угрожаютъ съ самаго ранняго возраста: заброшенность, недоѣданіе, алкоголизмъ, проституцію,—и которыя влекутъ его роковымъ образомъ на путь преступленій.

Съ психологическойи литературной точки зрѣнія это описаніе не лишено извѣстныхъ достоинствъ. Однако, цѣль его не можетъ считаться строго научной. Вопросъ „какимъ образомъ“ не долженъ ставиться криминалистомъ; онъ долженъ ограничиваться отысканіемъ „quid“; когда же эта задача будетъ научно выполнена, литератору и психологу предстоитъ болѣе интересная и болѣе привлекательная работа,—описаніе того, какимъ образомъ несчастный погрузился въ бездну преступности. Развитіемъ именно послѣдней темы задался аббатъ Де-Бэтсъ въ своей лекціи, прочтенной на „Литературномъ утрѣ“ передъ свѣтскимъ обществомъ, которое, впрочемъ, и не требовало отъ лекціи научности.

М. П. Гимансъ, теперешній лидеръ либеральной партіи въ бельгійской Палатѣ, также въ рѣчи, произнесенной на этотъ разъ на конференціи молодыхъ адвокатовъ Брюсселя, на тему „Борьба съ преступленіемъ“ (Брюссель 1892), говоритъ о вліяніи экономическихъ факторовъ на преступность. Мы уже видѣли, что Гимансъ, утверждая существованіе относительной свободы воли, допускаетъ дѣятельное вступленіе біологическихъ и соціальныхъ факторовъ. Господствующимъ тутъ является дѣйствіе соціальныхъ элементовъ [2]), и матеріальныя условія занимаютъ среди нихъ широкое мѣсто.

Движеніе промышленное и торговое, говоритъ авторъ[3]), пауперизмъ и алкоголизмъ, обильные урожаи и недороды, колебанія заработной платы и высокія цѣны жизненныхъ припасовъ оказываютъ на преступность прямое и осязательное вліяніе. Г. Гимансъ черпаетъ доказательства изъ экономической исторіи своей страны въ связи съ измѣненіями преступности и приводитъ нѣкоторыя цифры изъ французской статистики. Онъ приходитъ къ выводу, что вліяніе бѣдности неоспоримо.

Контрастъ между улучшеніемъ положенія рабочихъ и ростомъ преступности въ Бельгіи за послѣдніе полвѣка, привлекшій такое вниманіе Де-Бэтса, не ускользнулъ, очевидно, и отъ Гимансa. Онъ также прежде всего ищетъ объясненія этого явленія въ томъ, что вмѣстѣ съ продуктивнымъ развитіемъ промышленности уменьшилась экономи-

---

[1]) У. с. стр. 21 и слѣд.
[2]) У. с. стр. 35.
[3]) У. с. стр. 24 и слѣд.

ческая обезпеченность [1]). Послѣ краткаго періода чрезмѣрнаго возбужденія движеніе дѣлъ снова замедлилось. Промышленное развитіе, улучшившее положеніе рабочаго класса, создало въ то же время переполненіе мастерскихъ, конкуренцію, безработицу, которыя гонятъ обратно въ низшіе слои общества лицъ болѣе слабыхъ, неспособныхъ къ борьбѣ, побѣжденныхъ судьбой. Видъ возрастающаго благосостоянія другихъ дѣлаетъ ихъ собственную участь еще невыносимѣе.

Вотъ обстоятельство, часто упускаемое изъ виду лицами, оспаривающими дѣйствительность вліянія экономическихъ факторовъ. Вмѣстѣ съ замѣчаніемъ аббата Де-Бэтса объ относительности понятія благосостоянія оно можетъ служить отвѣтомъ тѣмъ криминалистамъ, которые, толкуя крайне узко статистическія данныя и констатируя большое число преступленій одновременно съ возрастаніемъ общественнаго благосостоянія, приходятъ къ отрицанію соотношенія между преступленіемъ и явленіями экономическими.

Къ школѣ нео-спиритуалистовъ въ Бельгіи принадлежитъ еще профессоръ К. Франкоттъ (въ Ліежѣ), который, однако, не считаетъ возможнымъ допускать безотвѣтственность въ той мѣрѣ, какъ два только-что изложенные нами автора [2]). Какъ медикъ, онъ занятъ скорѣе біологической и патологической [3]) стороной нашего вопроса, чѣмъ его экономической и соціологическою стороною. Однако, мимоходомъ въ своей работѣ „L'Anthropologie criminelle“ онъ упоминаетъ о гибельномъ вліяніи соціальныхъ факторовъ, какъ-то: плохого воспитанія, дурныхъ примѣровъ, бѣдности, праздности [4]). Столь краткое указаніе дѣлаетъ безполезными всѣ комментаріи.

Проявленія нео-спиритуалистическаго направленія въ другихъ странахъ.

Намъ остается упомянуть о нѣсколькихъ страницахъ г. К. Фульда, который ищетъ причины все возрастающей преступности нашего вѣка въ отсутствіи религіозности и въ другихъ явленіяхъ нравственнаго порядка. Въ своихъ брошюрахъ, собранныхъ подъ заглавіемъ: Das Verbrecherthum [5]) (Гейдельбергъ, 1883), среди другихъ вліяній онъ указываетъ на вліяніе экономическихъ условій. Авторъ видитъ причину возрастающаго числа преступленій въ жалкомъ состояніи мелкой торговли и промышленности, вытѣсняемыхъ паровыми фабриками и крупными торговыми предпріятіями. Но г. Фульда не желаетъ отрицать преимуществъ современнаго экономическаго развитія. Онъ только подчеркиваетъ оборотную сторону медали: взаимная зависимость увеличивается, и жизнь семьи, основы всякой здоровой общественной жизни, ухудшается. Наши жены и матери отправляются на фабрики; легко достающіяся деньги легко и расходуются, особенно на удовлетвореніе многочисленныхъ прихотей. Брошюры г. Фульда, хотя и останавливаются на одномъ изъ дѣйствительныхъ явленій, часто забываемыхъ въ

---

[1]) См. De-Baets: Les influences de la misère sur la criminalité, Gand 1895, стр. 17, примѣчаніе.

[2]) См.: L'Anthropologie criminelle, Парижъ 1891, стр. 329 и слѣд. Эта работа содержитъ въ ясной и систематической формѣ выводы уголовной біологіи.

[3]) У. с. и Actes de IV-e Congrès etc. стр. 12 и слѣд.

[4]) У. с. стр. 330.

[5]) У. с. стр. 24.

нашемъ вопросѣ (какъ это дѣлаютъ, напр., гг. Де-Бэтсъ и Гимансъ), тѣмъ не менѣе лишены всякаго научнаго значенія [1]).

Лучшимъ трудомъ нео-спиритуалистической школы является работа г. Антоніо-Деллепіане, озаглавленная: Las Causas del delito (Буеносъ-Айресъ 1892). Авторъ даетъ очень полный обзоръ главныхъ теорій о природѣ преступленія, причемъ обнаруживаетъ глубокое знаніе европейской литературы. Это не единичное явленіе среди ученыхъ Южной Америки, дѣлающее имъ честь въ противоположность сѣвернымъ американцамъ, которые, въ общемъ, весьма мало освѣдомлены въ европейской литературѣ, за исключеніемъ англійской.

Изложеніе г. Деллепіане—критическаго характера, однако, онъ ограничивается лишь весьма общей критикой и въ силу этого не всегда одинаково глубокой. Выводъ автора можетъ быть сведенъ къ слѣдующему: преступленіе есть явленіе психологическое, но психологія преступника не отличается отъ психологіи человѣка нормальнаго; по собственной своей винѣ преступникъ постепенно впадаетъ въ преступленія, такъ что „el delicuente es el artifice de su propria caida“ [2]). Такая концепція преступленія отнюдь не препятствуетъ вмѣшательству многочисленныхъ факторовъ въ дѣло образованія преступника. Въ общей части своего сочиненія авторъ совершенно не говоритъ объ экономическихъ вліяніяхъ, что составляетъ значительное упущеніе, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе этого не обращено должнаго вниманія на соціалистическую школу.

Въ особенной части г. Деллепіани знакомитъ насъ съ „Rasgos de la criminalidad argentina“ [3]). Исключительно благопріятное экономическое положеніе аргентинской республики, гдѣ, по словамъ автора [4]), пауперизмъ совершенно неизвѣстенъ, оказываетъ прекрасное вліяніе на преступность, какъ и на другія соціально-патологическія явленія. Но и здѣсь авторъ не выходитъ изъ области общихъ соображеній.

Онъ останавливается спеціально на уголовной статистикѣ столицы за періодъ между 1881 и 1891 годами [5]). Начиная съ 1887 года, проявляется невѣроятный ростъ преступности. Авторъ ищетъ причину этого роста въ сферѣ политическихъ и экономическихъ вліяній. Съ 1887 года въ аргентинской республикѣ свирѣпствовалъ экономическій и финансовый кризисъ, и результаты его особенно чувствительно сказались въ 1888 и 1889 годахъ. Цѣнности возросли, стоимость земли увеличилась безъ всякаго соотношенія съ продуктивностью ея, торговля остановилась, злоупотребленія кредитомъ стали встрѣчаться гораздо чаще и т. д. Надежда поправить пошатнувшееся состояніе и обманчивая перспектива нажиться въ трудныя времена развили страсть къ игрѣ во всѣхъ классахъ населенія, и эта гибельная страсть дала безчисленное количество жертвъ. Тогда кредитъ прекратился, промышленность была подорвана, заработная плата понизилась, однимъ словомъ, нужда распространилась повсюду со всѣми своими спутниками: праздностью, пороками, проституціей и, наконецъ, нищетою.

Документальныя данныя, которыми пользуется авторъ для этой части своей работы, слишкомъ ограничены для того, чтобы могли

[1]) Манера, съ которой авторъ хвалитъ въ предисловіи свои собственныя произведенія, почти свою собственную личность, весьма антипатична, и, кажется, авторъ не имѣетъ на это основанія, судя по брошюрѣ, которая у насъ подъ рукою.

[2]) У. с. стр. 137 и сл.

[3]) У. с. стр. 249 и слѣд.

[4]) У. с. стр. 260.

[5]) У. с. стр. 280 и слѣд.

служить основаніемъ общихъ выводовъ. Единственной цѣлью, которой задается авторъ, это объяснить неимовѣрное возрастаніе преступности въ Буэносъ-Айресѣ, отчасти какъ результатъ экономическаго кризиса. Въ качествѣ такового выводъ можетъ быть допущенъ, однако, жаль, все-таки, что авторъ посвятилъ свое вниманіе главнымъ образомъ политическимъ вліяніямъ и не изслѣдовалъ съ тою же глубиною вліянія экономическія.

Къ спиритуалистической литературѣ принадлежитъ также и брошюра Carroll D. Wright: The relations of economic conditions to the causes of crime [1]).

Онъ смотритъ на преступниковъ, отчасти какъ на жертвъ ихъ собственной психо-физіологической организаціи. Преступленія совершаются во всякой средѣ и при всевозможныхъ обстоятельствахъ людьми ненормальными [2]). Другіе же, съ нормальной психо-физіологической организаціей, доходятъ до преступленія подъ вліяніемъ среды или побуждаются къ нему своимъ плохо развитымъ нравственнымъ сознаніемъ. Во всякомъ случаѣ преступникъ является существомъ, недостигшимъ полнаго развитія съ нравственной и интеллектуальной стороны: „he is not a fallen being, he is an undeveloped individual" т.е., онъ не есть падшее созданіе, а только не развившійся индивидуумъ. Однако же и человѣкъ съ совершенно развитымъ нравственнымъ сознаніемъ можетъ равнымъ образомъ быть доведенъ до преступленія нуждою и окружающей средою. Въ обоихъ случаяхъ преступленіе является слѣдствіемъ потребностей, которыя субъектъ не можетъ удовлетворить нормальнымъ путемъ, въ силу ли того, что его интеллектуальная организація слишкомъ несовершенна, въ силу ли того, что самая потребность является слишкомъ настоятельной. Свобода личности, однако, ничуть не уничтожается этими вліяніями: „We must deal with the criminal as a free moral agent, as one committing his act to satisfy his want or desire which he feel, he is unable to satisfy trough the ordinary or legitimate conditions [3])". (Мы должны относиться къ преступнику какъ къ нравственно свободной личности, совершающей свое дѣяніе для удовлетворенія своей потребности или желанія, которыя онъ не можетъ удовлетворить обыкновеннымъ путемъ).

Мы имѣемъ передъ собою еще одного сторонника относительной свободы воли. Преступникъ, хотя и дѣйствуетъ свободно, является болѣе слабой въ нравственномъ отношеніи личностью, чѣмъ человѣкъ честный.

Г. Райтъ затѣмъ приступаетъ къ своей собственной темѣ: къ изслѣдованію, какимъ путемъ дѣйствуютъ экономическія условія, ведущія къ нарушенію закона это слабое съ нравственной и интеллектуальной стороны существо.

Г. Райту пришла счастливая мысль изслѣдовать преступленіе въ соотношеніи его съ общей организаціей труда [4]). Трудъ.—говоритъ авторъ,—прошелъ въ своемъ развитіи три послѣдовательныхъ фазиса: трудъ рабовъ, трудъ крѣпостныхъ во времена феодализма и современный трудъ, оплачиваемый заработной платой.

При первыхъ двухъ системахъ труда положеніе рабочихъ классовъ было очень плохо. Въ виду этого и преступленіе тогда было

---

[1]) Въ изданіяхъ, Publication of the American Academy of political and social science, № 91 Philadelphia, 1892—1893.

[2]) У. с. стр. 96.

[3]) У. с. стр. 98.

[4]) У. с. стр. 98 и слѣд.

явленіемъ настолько общимъ, что не существовало отдѣльнаго класса преступниковъ: преступность была распространена среди всего страдающаго населенія. Въ царствованіе Генриха VIII число казненныхъ за преступленія достигло 72.000. Весь народъ былъ погруженъ въ нищету, пауперизмъ и преступность. Постепенно положеніе рабочихъ классовъ улучшалось, и, наконецъ, революція уничтожила послѣдніе слѣды феодальной системы.

Дѣйствующая въ наши дни система свободнаго труда, конечно, улучшила положеніе трудящихся, но нищета, къ сожалѣнію, не была изгнана изъ нашего общества, а пріютилась среди тѣхъ людей, которые не могли принять участія въ улучшенной формѣ труда и, благодаря этому, не получили отъ нея своей доли преимуществъ. Изъ арміи пауперовъ набирается армія преступниковъ. Такимъ образомъ, можно обвинять современную организацію труда въ томъ, что она порождаетъ преступленія, постольку, поскольку она влечетъ за собою праздность и безработицу. Чтобы рельефнѣе выставить соотношеніе между праздностью и преступностью, г. Райтъ указываетъ на тотъ фактъ, что огромное большинство преступниковъ попадаютъ въ руки правосудія въ то время, когда они лишены заработка. Авторъ приводитъ нѣсколько цифръ изъ американской статистики, точно могущихъ подтвердить это утвержденіе. Точно также и годы экономическаго стѣсненія регулярно сопровождаются повышеніемъ преступности. Къ несчастью, автору здѣсь не хватаетъ статистическихъ данныхъ. Г. Райтъ стремится установить своими доводами, что дѣйствительно предупреждающее преступность средство слѣдуетъ видѣть въ улучшеніи организаціи труда и, прежде всего, въ устраненіи опасностей, неразрывно связанныхъ съ нимъ въ наше время [1]).

Дѣйствительно ли авторъ доказалъ свою мысль? Только-что изложенное нами устанавливаетъ, что улучшеніе положенія труда,—результатъ прогресса самой его организаціи,—повысило общій уровень благосостоянія. Важно было бы доказать, что преступность одновременно съ тѣмъ понизилась. Но г. Райтъ только ограничивается одними утвержденіями, разбросанными во многихъ мѣстахъ [2]). Въ качествѣ доказательствъ авторъ приводитъ только одну абсолютную цифру числа казненныхъ въ царствованіе Генриха VIII. Аргументъ этотъ выбранъ довольно неудачно. Во-первыхъ, документы, касающіеся преступности прошлыхъ вѣковъ, не всегда бываютъ свободны отъ ошибокъ, такъ что о нихъ можно сказать, что они даютъ лишь недостовѣрныя и приблизительныя цифры. Но, кромѣ того, едва ли нужно указывать на то, что въ царствованіе Генриха VIII, который среди религіозныхъ распрей, глубоко волновавшихъ страну, видѣлъ единственное средство для поддержанія своей власти въ пролитіи потоковъ крови, казни не могутъ дать представленія о дѣйствительной преступности. Остальное г. Райтъ только утверждаетъ и признаетъ за аксіому то, что въ сущности нужно доказать. Здѣсь еще разъ мы видимъ незнакомство или неполное знакомство съ европейской литературой [3]), характерное для большинства писателей англійской Америки, и дающее въ результатѣ ошибки.

То же самое слѣдуетъ сказать и о второй части положенія, выставленнаго г. Райтомъ относительно недостатковъ современной организаціи

---

[1]) У. с. стр. 108 и слѣд.

[2]) У. с. стр. 99, 103, 104, 113.

[3]) На 108 стр. г. г. Райтъ еще разъ обнаруживаетъ тотъ же свой недостатокъ, на этотъ разъ относительно политической экономіи.

труда. Авторъ много разсуждаетъ a priori по этому поводу, но въ томъ, что касается документовъ, онъ ограничивается лишь воспроизведеніемъ малоговорящихъ цифръ, касающихся праздности подсудимыхъ. Самъ г. Райтъ хорошо понялъ недостаточность своихъ доказательствъ, и этотъ недостатокъ относитъ къ неполному и неразработанному состоянію статистическихъ данныхъ [1]).

Въ общемъ брошюра г. Рейта содержитъ въ себѣ прекрасную мысль, пригодную для оригинальнаго изслѣдованія; она указываетъ новый путь, который, дѣйствительно, можетъ привести къ очень цѣннымъ выводамъ. Къ сожалѣнію, само сочиненіе не даетъ ничего, кромѣ этой идеи, а аргументація его сводится къ разсужденіямъ и къ простымъ утвержденіямъ.

Старая школа спиритуалистовъ.

Къ нашему вопросу относятся также и работы, направленныя къ отрицанію криминологической школы, работы старой школы спиритуалистовъ, смотрѣвшихъ на *преступленіе, какъ на явленіе* чисто нравственнаго порядка, а на преступника, исключительно какъ на продуктъ его собственной злой воли. Съ ихъ точки зрѣнія внѣшніе и внутренніе факторы, включая сюда и экономическое положеніе, или не оказываютъ ровно никакого вліянія, или же дѣйствуютъ такъ, что субъектъ можетъ побороть ихъ обыкновенно безъ большого труда и лишь иногда послѣ болѣе или менѣе сильной борьбы. Представители этой группы криминалистовъ смотрятъ на криминологію, какъ на опасное заблужденіе [2]).

Эта часть нашей литературы отличается ограниченностью объема и незначительностью содержанія. Аргументація почти всегда опирается на апріорныя соображенія, рѣдко черпая свои доводы изъ документовъ, касающихся дѣйствительности. Впрочемъ, вполнѣ естественно, что ученые, не признающіе криминологіи, не желаютъ и пользоваться методомъ этой науки.

Большинство сторонниковъ этого направленія нападаетъ главнымъ образомъ на новую позитивную школу вообще, въ частности же на теорію прирожденнаго преступника. Таковы работы г.г. Луккини [3]), Мейера [4]), Шидловскаго [5]), Латышева [6]), Катрейна [7]), Видаля [8]) и узко партійная и незначительная критическая работа П. де-Бонніо [9]).

---

[1]) У. с стр. 106.

[2]) См. стр. 219.

[3]) Luigi Lucchini: „Le droit penal et les nouvelles t'heories du crime“ (перевед. на франц. яз. Prudhomme), Парижъ, 1892. Этотъ трудъ, который противники криминологической школы охотно называютъ блестящимъ опроверженіемъ новыхъ теорій, далекъ отъ того, чтобы разбить новую систему въ ея цѣломъ. Г. Луччини нападаетъ исключительно на біологическіе факторы итальянской школы и не затрогиваетъ тѣхъ, кто замѣняетъ свободную волю соціальнымъ детерминизмомъ. Поэтому и обращеніе къ мнѣніямъ Листа въ достаточной мѣрѣ наивно, и съ увѣренностью можно сказать—безплодно. Похвалы Дежардена книгѣ Лучини могутъ, конечно, быть отнесены къ разбору біологическихъ теорій. (См. La Methode expérimentale appliquée au droit criminel en Italie, Парижъ, 1892, стр. 137)

[4]) Actes du III Congrès etc. стр. 259 и слѣд.

[5]) Actes du IV Congrès etc., стр. 134 и слѣд.

[6]) Actes du IV Congrès etc., стр. 137 и слѣд.

[7]) P. V. Cathrein S. J. достойнымъ образомъ борется съ теоріей Листа въ одной изъ своихъ работъ, озаглавленной: „Das Strafrecht der Zukunft перевед. въ Katholieke gids, іюль, 1897 г.

[8]) G. Vidal: Etat actuel de l'anthropologie criminelle, Парижъ, 1892.

[9]) J. Bonniot: S. J. Le Criminel in Etudes religieuses, littèraires et historiques, іюль, 1889 г. (и нѣсколько другихъ замѣтокъ, напечатанныхъ въ Etudes). Насколько авторъ предубѣжденъ противъ новой школы можно видѣть изъ 203 страницы названной работы.

Вопросъ о соціальныхъ и экономическихъ вліяніяхъ крайне рѣдко и лишь въ видѣ исключенія выступаетъ въ произведеніяхъ этихъ авторовъ, которые, благодаря этому, даютъ лишь самый ограниченный матеріалъ по интересующему насъ вопросу.

Г. І. Шерръ послѣ своихъ энергичныхъ возраженій въ Deutsche Kultur und Sittengeschichte (Лейпцигъ, 1887) противъ современныхъ теорій преступности [1]) допускаетъ, что преступленіе часто вызывается матеріальной нуждою, но торопится сейчасъ же добавить, что пауперизмъ отнюдь не можетъ считаться единственнымъ источникомъ преступности [2]). Главнымъ образомъ г. Шерръ останавливается на описаніи бѣдности [3]). Предшествующій этому описанію анализъ статистики преступности и оцѣнка ея значенія опирается у Шерра не на настоящія статистическія данныя, а на сомнительное изслѣдованіе типичныхъ индивидуальныхъ случаевъ.

Г. Бюрле посвящаетъ въ журналѣ Revue du monde catholique [4]) разбору и отрицанію новыхъ взглядовъ хорошо разработанную статью, въ которой обнаруживаетъ полное знакомство съ литературой предмета. Онъ считаетъ вліяніе бѣдности крайне ограниченнымъ, по сравненію съ дѣйствительнымъ вліяніемъ нравственныхъ причинъ [5]). Авторъ не приводитъ документальныхъ данныхъ въ подтвержденіе своей точки зрѣнія.

Г. І. Кенудъ, бывшій директоръ полиціи въ Женевѣ, выказываетъ въ своей работѣ La criminalité à Genève au XIX-e Siècle (Женева 1891 г.), крайній оптимизмъ относительно вліянія бѣдности, говоря, что въ Женевѣ, гдѣ благотворительность неистощима, можно не считаться съ этимъ факторомъ [6]).

Затѣмъ мы должны упомянуть о психо-физіологическомъ этюдѣ аббата Кёллера, озаглавленномъ Der Mensch (Лейденъ, 1895). Въ VIII главѣ, говорящей о „преступленіи и преступникѣ", авторъ пытается опровергнуть новые взгляды криминологовъ, причемъ изслѣдуетъ ихъ далеко неполно, опираясь лишь на немногія работы [7]). Г. Кёллеръ допускаетъ вліяніе различныхъ факторовъ, но ни въ коемъ случаѣ не можетъ признать за ними опредѣляющаго значенія, потому что послѣднее уничтожило бы свободу воли [8]). Говоря о теоріи общественной среды, авторъ останавливается вкратцѣ на экономическихъ вліяніяхъ [9]): онъ не намѣренъ вполнѣ отрицать значенія указаній бельгійской статистики за время неурожая 1846—1847 годовъ и констатированнаго во Франціи параллелизма между кривою преступности и кривою, выражающей производство и потребленіе вина. Однако, добавляетъ авторъ, значеніе констатированнаго явленія значительно умеяьшается, если подумать о томъ, что въ Россіи и въ Ирландіи, гдѣ изнуряющіе страну неурожаи повторяются почти съ правильной періодичностью, они вовсе не вызываютъ пропорціональнаго возрастанія преступности.

Для насъ является загадкой, на какіе документы опирается подобное утвержденіе. Авторъ не даетъ никакихъ разъясненій по этому

---

[1]) У. с. стр. 588.
[2]) У. с. стр. 586.
[3]) У. с. стр. 557. 583.
[4]) Статья появилась отдѣльнымъ изданіемъ: Les théories criminalistes et la liberté du criminel, Парижъ, 1889.
[5]) У. с. стр. 21.
[6]) У. с. стр. 88.
[7]) См. у. с. стр. 163 примѣчаніе.
[8]) У. с. стр. 185.
[9]) У. с. стр. 191.

поводу. Нѣтъ ни одной работы, устанавливающей точное соотношеніе между измѣненіями экономическаго характера и преступностью въ Россіи или въ Ирландіи, кромѣ одной главы изъ сочиненія г. Форназари, о которой мы еще упомянемъ и которая приводитъ насъ какъ-разъ къ противоположнымъ выводамъ. Намекъ на такое положеніе вещей былъ сдѣланъ лишь D-г Килитсомъ, когда на конгрессѣ въ Брюсселѣ онъ возражалъ противъ психо-физіологической конценціи преступленія, выставленной профессоромъ Даллеманемъ. Въ качествѣ примѣра г. Килитсомъ была приведена фраза: „Индія, Россія и Ирландія періодически опустошаются голодомъ. Представьте же себѣ то неимовѣрное количество преступленій и кражъ, которое должно было бы совершаться тамъ, если бы пришлось допустить положеніе г. Даллемана. Не хватило бы всѣхъ тюремъ Европы; образовался бы цѣлый легіонъ воровъ“ [1]). У Килитса это былъ ораторскій пріемъ, пущенный въ самый разгаръ преній, отнюдь не опиравшійся на положительныя научныя данныя, которыя, впрочемъ, въ этомъ случаѣ совсѣмъ отсутствуютъ [2]). Кромѣ того, значеніе словъ Килитса было совершенно иное, чѣмъ то, которое ему желаетъ приписать Кёллеръ. Можно легко понять, что точность данной справки не можетъ быть допущена безъ оговорокъ. Уже де-Бомонъ поставилъ въ зависимость необыкновенно возвышенную преступность Ирландіи съ шестивѣковымъ наслѣдственнымъ рабствомъ страны, съ матеріальной нищетой и притѣсненіями. Онъ объясняетъ также и легкомысліе, составляющее основную черту характера ирландцевъ, ихъ экономическою бѣдностью [3]). Г. Анатоль Леруа-Болье ищетъ „болѣе простую и, по всей вѣроятности, болѣе глубокую причину переодическихъ волненій, изнуряющихъ Ирландію: всѣ волненія проистекаютъ отъ крайне неравномѣрнаго распредѣленія собственности и бѣдности крестьянства, какъ слѣдствія этой неравномѣрности въ распредѣленіи собственности, а также и отъ частыхъ неурожаевъ. Не политическіе агитаторы,—а голодъ служитъ главнымъ подстрекателемъ всѣхъ движеній въ Ирландіи. Порядокъ въ Ирландіи зависитъ отъ урожая; онъ прежде всего обусловливается количествомъ и качествомъ уродившагося картофеля“ [4]). Совершенно вѣрно, что эти работы даютъ мало документальныхъ данныхъ, тѣмъ не менѣе онѣ имѣютъ то достоинство, что передаютъ впечатлѣніе двухъ авторовъ, углубившихся въ изученіе положенія Ирландіи. Но рѣшительнымъ доводомъ противъ утвержденія Кёллера служитъ кропотливое изслѣдованіе Форназари-ди-Верче, который въ особой главѣ своей работы, разобранной нами выше, доказываетъ, насколько преступность въ Ирландіи, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, связана съ плохими экономическими условіями [5]). Что же касается Россіи, то г. Миттельштедтъ обращаетъ вниманіе „на многочисленные преступные эксцессы: бунты, грабежи, убійства, поджоги, неизмѣнно вызываемые народнымъ голодомъ и нищетою“ [6]).

Немного неожиданнымъ въ области криминологіи является выступленіе Альфреда Фуллье. Нужно сказать, что криминологъ оказался неизмѣримо ниже философа.

---

[1]) Actes du III-e Congrès etc., стр. 221.
[2]) Работа г. Форназари появилась только въ 1894 г.
[3]) L'Irlande sociale, politique et religieuse, Парижъ, 1842, I, стр. 340, 341.
[4]) Revue politique et litteraire 30 апр. 1881 г., стр. 545.
[5]) La criminalità e le vicende econoniche d'Italia, ecc., Туринъ, 1894 г., стр. 172 и слѣд., особенно стр. 180 и слѣд.
[6]) Gerichtssaal, XLVI, стр. 411.

Выступая въ своей статьѣ, озаглавленной: Reflexions sur la criminalité et le socialisme, напечатанной въ Revue Bleue (30 окт. 1897 г.) противъ соціалистическаго взгляда на преступность, Альфредъ Фулье проникаетъ въ сущность нашего вопроса. Доводы автора ограничиваются общими мѣстами и не даютъ ничего новаго. Онъ просто противополагаетъ соціалистической концепціи преступленія свой собственный взглядъ на преступность, какъ на явленіе прежде всего нравственнаго порядка, однако, не отрицаетъ вполнѣ и вліянія экономическихъ причинъ. Онъ соглашается съ соціалистами, что развитіе крупной промышленности и все возрастающая централизація нашихъ столицъ послужили къ разложенію семьи, вызвали общую заброшенность дѣтей, которые, благодаря этому, становятся воспріимчивыми ко злу [1]).

Въ своемъ изложеніи Фуллье приводитъ въ качествѣ доказательства нѣкоторые изъ аргументовъ Моррисона, которые мы опровергли въ предшествующей главѣ. Затѣмъ авторъ опирается на установленный фактъ, что преступленіе встрѣчается рѣже въ „бѣдныхъ странахъ“, чѣмъ въ „странахъ, располагающихъ благосостояніемъ“, но утвержденіе это опирается на ложное пониманіе благосостоянія. Третій аргументъ г. Фуллье представляетъ собою не бо́льшую цѣнность. Онъ сводится къ тому, что экономическія условія и положеніе собственности стоятъ во Франціи выше, чѣмъ въ другихъ странахъ (какихъ?) и что, съ другой стороны, во всемірномъ ростѣ преступности на долю Франціи выпадаетъ излишекъ по сравненію съ другими націями (тотъ же вопросъ) [2]). Изъ этого аргумента нельзя вывести никакого заключенія, тѣмъ болѣе что авторъ не выходитъ изъ области туманныхъ положеній. А между тѣмъ въ дѣлѣ международнаго сравненія даже самое тщательное изслѣдованіе, и то съ трудомъ, даетъ незначительные результаты.

Въ итогѣ данная работа А. Фуллье не даетъ болѣе того, что обѣщаетъ ея заглавіе: т. е. лишь нѣсколько разрозненныхъ размышленій.

Въ томъ же году журналъ Reforme Sociale помѣстилъ статью г. Эженъ Ростана, предполагая этимъ подготовить рѣшительный ударъ соціалистической теоріи. Бѣдность, для автора статьи, является ни единственной, ни главной причиной преступности. Онъ, однако, допускаетъ, что если не бѣдность, то извѣстныя крайнія проявленія нищеты могутъ побудить къ преступленію. Но не болѣе. Ростанъ снова повторяетъ ошибочный доводъ, что у народовъ, у которыхъ всего чаще повторяются преступленія, вмѣстѣ съ тѣмъ и всего шире распространено благосостояніе [3]). Особенно онъ опирается на тотъ фактъ, по его словамъ съ достовѣрностью установленный наукою, что экономическая эволюція клонится не къ тому, чтобы сдѣлать бѣдныхъ еще бѣднѣе, но какъ-разъ къ обратному, она стремится къ менѣе неравномѣрному распредѣленію богатствъ, къ поднятію средняго уровня жизни и къ тому, чтобы довольство сдѣлать общимъ достояніемъ, а не исключеніемъ. Какъ же можно объяснять возрастаніе преступности нищетою, когда сама нищета идетъ скорѣе на пониженіе? Замѣтимъ прежде всего, что получить заслуживающіе довѣрія выводы можно, конечно, не способомъ искусственнаго и общаго сопоставленія двухъ

---

[1]) У. с. стр. 547.
[2]) У. с. стр. 5 0.
[3]) См. стр. 465—467.

явленій, отношеніе которыхъ въ высшей степени сложно. Кромѣ того, и самый фактъ безпрерывнаго улучшенія экономическихъ условій еще далеко не установленъ наукою. Ростанъ, по всей вѣроятности, основывается на авторитетѣ Поля-Леруа-Болье [1]). Но аргументація этого автора, несмотря на свою глубокую научность и высшую степень остроумія, совершенно не убѣдительна, и многочисленные факты клонятся къ ея опроверженію и доказательству противоположнаго [2]).

Ростанъ ищетъ главную причину преступленія совершенно въ другомъ. „Несчастный человѣкъ, который принимаетъ земное неравенство, не сомнѣваясь въ существованіи иной воздающей жизни, при всей своей бѣдности бываетъ мало склоненъ мечтать о преступленіи, часто даже меньше, чѣмъ какой-нибудь богатый развратникъ... Такъ, напримѣръ, въ Англіи мы видимъ, что уменьшеніе бѣдности совпадаетъ съ уменьшеніемъ, а не такъ, какъ у насъ, съ повышеніемъ преступности. Почему это такъ? Главнымъ образомъ потому, что народная нравственность существуетъ дѣйствительно, потому что христіанскія вѣрованія глубоко внѣдрены въ сознаніе массъ, потому что отрицаніе матеріализма и сомнѣнія скептицизма не обезоружили духъ большинства“ [3]).

Ростанъ забываетъ, что духовное и нравственное развитіе народа именно и встрѣчаетъ своего самаго худшаго врага въ бѣдности, которая въ наше время охватываетъ густонаселенные кварталы предмѣстьевъ, а съ ними вмѣстѣ и низшіе слои общества. Эта безнадежная бѣдность притупляетъ массы пролетаріата, дѣлаетъ ихъ невоспріимчивыми къ благороднымъ идеямъ, вызываетъ вырожденіе въ многочисленныхъ его оттѣнкахъ, а вырожденіе ускоряетъ или прямо вызываетъ преступленіе. Между тѣмъ выше стоящіе классы, какъ, напримѣръ, классъ рабочихъ, который избѣгаетъ этого злополучнаго и притупляющаго дѣйствія бѣдности, вполнѣ естественно стремится, благодаря все же неполному довольству, къ болѣе быстрому улучшенію исключительно своего матеріальнаго положенія, что, въ свою очередь, ставитъ на задній планъ духовныя потребности.

ГЛАВА VIII.

Статистики.

До сихъ поръ еще намъ не удалось охватить въ нашей работѣ всѣхъ тѣхъ, кто занимался вопросомъ преступности. Остается еще одна группа выдающихся ученыхъ, которые, не задаваясь цѣлью изученія преступности, какъ таковой, и поставивъ предметомъ своихъ изысканій моральную статистику, разсматривали преступную дѣятельность, какъ дѣяніе нравственнаго порядка или, вѣрнѣе, имморальное. Мы называемъ данную группу статистиками. Само собой разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ не объ отдѣльной школѣ, ни даже объ отдѣльномъ оттѣнкѣ въ криминологіи. Наша группировка является здѣсь чисто внѣшней и не имѣетъ другой цѣли, какъ дать общее наимено-

---

[1]) См. Essai, de M. Leroy-Beaulieu, sur la repartition des richesses et sur la tendauce à une meindre inegalitè conditions, Парижъ 1888, стр. 425 и слѣд.

[2]) См. межд. проч. Haussonville: Miseres et Remèdes. Парижъ 1886, стр. 32, еще см. стр. 111—112 этой работы.

[3]) У. с. стр. 591. 592.

ваніе. Нами уже достаточно твердо установлено, что среди авторовъ встрѣчается много статистиковъ (Бодіо, Дюни, Ферри, Лакассань, Марро и много другихъ), но эти статистики являются прежде всего криминологами и ихъ вычисленія имѣютъ своей цѣлью только привлечь свидѣтельство статистики, какъ науки вспомогательной, для подтвержденія и доказательства ихъ криминологическихъ положеній. Тѣ же авторы, разбору которыхъ мы сейчасъ посвятимъ свое вниманіе, являются прежде всего профессіональными статистиками, которые, можетъ-быть даже случайно, занялись статистикой преступности.

Мы разсчитываемъ придать большій порядокъ и ясность нашему изложенію, говоря объ этой группѣ отдѣльно и подъ общимъ наименованіемъ. Иначе эти авторы должны были бы стоять изолированно другъ отъ друга, или же въ связи съ той или другой изъ разобранныхъ нами раньше группъ, особенно близко подходя къ спиритуалистамъ, но отличаясь отъ послѣднихъ и цѣлью, которою они задаются, и во многихъ другихъ отношеніяхъ.

Мы говоримъ о тѣхъ статистикахъ, которые первые занялись изученіемъ этіологіи преступности. Еще задолго до возникновенія позитивной школы уголовнаго права они занимались вопросомъ преступности и занимались имъ, основываясь не на апріорныхъ доказательствахъ, но на выводахъ, почерпнутыхъ изъ дѣйствительной жизни народа. Уже одинъ этотъ фактъ достаточно оправдываетъ наше желаніе не ставить ихъ въ связь ни съ одной изъ разобранныхъ нами школъ. Ихъ индивидуальность доказывается тѣмъ, что они независимы отъ позитивной школы и что до ея возникновенія они разрабатывали область криминологіи позитивнымъ методомъ.

Начало научнаго примѣненія статистики преступности въ Бельгіи и во Франціи.

Статистика преступности появилась въ Бельгіи и во Франціи подъ видомъ одной изъ главъ моральной статистики. Развиваясь все болѣе и болѣе, она завоевывала себѣ независимое положеніе, оставаясь, однако, въ естественной и тѣсной связи съ моральной статистикой, какъ, по цѣлямъ, такъ и по происхожденію.

Событіемъ, составившимъ эпоху въ исторіи научнаго развитія уголовной статистики, и сдѣлавшимъ, такъ-сказать, возможнымъ самое ея существованіе, было составленіе во Франціи Общаго отчета о дѣятельности уголовнаго правосудія г. Герри въ 1826 г. Общій отчетъ съ тѣхъ поръ ежегодно представлялся главѣ государства, доставилъ наукѣ обильныя документальныя данныя и оказалъ ей неоцѣнимыя услуги.

Научная уголовная статистика появилась на свѣтъ между 1825 и 1830 годами, и съ этого же времени разсматриваемый нами вопросъ сталъ излагаться серьезно и научно.

Первый намекъ на нашъ вопросъ былъ сдѣланъ Барьбе-Марбуа, который 24 іюня 1825 года въ засѣданіи королевскаго общества улучшенія тюремъ, настаивалъ на вліяніи голода и бѣдности на преступность и особенно на кражи. Однако, онъ еще не приводилъ въ подтвержденіе статистическихъ данныхъ.

Другое указаніе было сдѣлано 4 декабря 1826 г. К. Дюпеномъ въ засѣданіи академіи наукъ, когда онъ представилъ свою работу о географическомъ распредѣленіи просвѣщенія и благосостоянія во Фран-

ціи [1]). Положеніе, выставленное Дюпеномъ, встрѣтило противника въ лицѣ **Коши**, спросившаго о томъ, былъ ли авторомъ также изслѣдованъ нравственный уровень провинцій въ связи съ ихъ благосостояніемъ и умственнымъ развитіемъ. Дюпенъ отвѣтилъ, что разобранные имъ, но еще не опубликованные документы могутъ подтвердить, что безнравственность увеличивается въ связи съ невѣжествомъ и нищетою. Мы имѣемъ основаніе полагать, что обѣщанію опубликовать эти документы никогда не суждено было сбыться въ дѣйствительности.

Истиннымъ отцомъ уголовной статистики является профессоръ Брюссельскаго университета А. Кетле [2]).

Уже въ своемъ сочиненіи Recherches statistiques sur le Royaume des Pays-Bas (Брюссель 1829), онъ посвящаетъ одну главу Преступленіямъ и проступкамъ [3]). Болѣе обстоятельное изслѣдованіе этіологіи преступленія предпринято имъ въ Recherches sur le penchant au crime (Брюссель 1833). Онъ объединяетъ эти работы, увеличивъ ихъ объемъ и развивъ ихъ во второй части своего ка-

---

[1]) Академія того времени не печатала еще своихъ трудовъ, мы должны были ограничиться краткими отчетами журналовъ того времени, а именно отчетомъ журнала Le Globe (философско-литературный журналъ) отъ 7 декабря 1826 г. За нѣсколько недѣль передъ тѣмъ Дюпенъ уже дѣлалъ сообщеніе по тому же вопросу, которому была посвящена его вступительная лекція 1826 года. См. Memoires de l'Académie des Sciences 1830: Histoire de l'Académie, стр. XIX.

[2]) Франція и Бельгія оспаривали другъ у друга честь быть родиной статистики, вслѣдствіе сомнѣній, существующихъ относительно первенства во времени Кетле и Герри. Эттингенъ въ своей Moralstatistik (2-e ed Erlangen, 1874, стр. 22, примѣчаніе 3) ставитъ Герри прежде Кетле (См. также Ад. Вагнеръ: Die Gesetzmässigkeit in den scheinbar willkürlichen menschlichen Handlungen, Гамбургъ, 1864 стр. 51). Но здѣсь обычная научная точность этого автора ему измѣняетъ. Дѣйствительно, первая статистическая работа Герри: Essai sur la statistique morale de la France, появилась въ 1833 году (Парижъ), а работа Кетле: Sur l'homme etc. была напечатана лишь въ 1836 году въ Брюсселѣ (а не въ 1835 году въ Парижѣ, какъ ошибочно указываютъ на это Вагнеръ у. с. стр. 50 и Эттингенъ у. с. стр. 231), но Эттингенъ, повидимому, забываетъ болѣе раннія сочиненія, выпущенныя Кетле по тому же вопросу, но болѣе скромныя по своему объему. Эти сочиненія уже содержатъ въ себѣ часть матеріаловъ Соціальной физики, ихъ можно разсматривать, какъ подготовительныя работы къ большому сочиненію. Онъ началъ изслѣдованіе преступности въ Rescherbhes statistiques sur le royaume des Pays-Bas, Брюссель 1829, а въ особенности въ его Rescherches sur le penchant au crime, въ Mémoires de l'Académie ро Bruxelles, т. VII, 1831, изданныхъ отдѣльно въ 1833 году и въ его замѣткѣ: Sur la pessibilité de mesurer l'influence des causes qui modifient les elements sociaux, Брюссель 1832. Герри въ то же время написалъ краткую статью на тему La statistique comparée de l'état de l'instruction et du nombre des crimes, помѣщенную въ Revue encyclopedique, августъ 1832 года. Правда, эта работа была уже предметомъ сообщенія въ Академіи наукъ подъ заглавіемъ: Essai sur la statistique morale de la France. Къ сожалѣнію, мы не могли установить съ точностью даты, когда состоялось это сообщеніе. Въ то время еще не печатались Seances et Travaux, мы должны были ограничиться чрезвычайно краткими Мемуарами, но они не упоминаютъ объ этомъ. Между тѣмъ два обстоятельства позволяютъ намъ фиксировать дату, отнеся этотъ моментъ къ 1831 году и никакъ не раньше 1830 года: во-первыхъ, упомянутая замѣтка Revue encyclopedique, отъ августа 1832 года, говоритъ о „докладѣ, въ послѣдній разъ представленномъ Академіи", а во-вторыхъ—и это намъ представляется рѣшительнымъ аргументомъ—1830 годъ входитъ въ данныя Essai (см. также Кеттле: Sur l'Homme etc., стр. 261, примѣчаніе, F. Mappo Jcaratteri dei delinquenti, стр. 5). который такъ же, какъ Эттингенъ, или, что вѣрнѣе, слѣдуя за нимъ, помѣщаетъ Герри раньше Кетле, упоминаетъ еще о работѣ Бальби и Герри, подъ тѣмъ же названіемъ: Statistique comparée de l'instruction и т. д., Парижъ 1829. Но уже полное тождество названія указываетъ на то, что мы имѣемъ дѣло съ той же работой. Далѣе, указанная работа не извѣстна Національной Библіотекѣ. Кромѣ того Марро, цитируя 1834 годъ, какъ дату появленія въ свѣтъ Essai Герри, беретъ изъ вторыхъ рукъ данныя для историческаго введенія къ своей работѣ.

[3]) Стр. 31 и слѣд.

питальнаго сочиненія Sur l'homme et le développement de ses facultes, ou essai de physique sociale (Брюссель 1836); послѣднее изданіе (1869) значительно упростило названіе: Physique sociale ou essai sur le développement des facultés de l'homme [1]). И въ синтетической работѣ потому же вопросу, появившейся позднѣе въ болѣе популярной формѣ, Du systeme sociale et des lois qui le regissent (Парижъ 1848) Кетле развиваетъ свои прежніе выводы. Соціальная физика (Physique sôciale) является для насъ кульминаціоннымъ пунктомъ всего ученія Кетле. Она обнимаетъ собою все, что появилось до нея, и все остальное является лишь повтореніемъ ея положеній въ болѣе популярной и простой формѣ [2]).

Третья книга Соціальной физики говоритъ о развитіи нравственныхъ и умственныхъ качествъ человѣка; глава III посвящена изслѣдованію развитія склонности къ преступленію.

Изслѣдуя физическіе законы, управляющіе нравственнымъ порядкомъ, Кетле допускаетъ [3]) что „средній человѣкъ" обладаетъ извѣстной склонностью къ преступленію (такъ же, какъ къ супружеству, и т. д.) [4]), то-есть, что онъ подверженъ въ извѣстной мѣрѣ возможности совершить преступленіе. Цѣль автора изслѣдовать, какое воздѣйствіе могутъ имѣть внѣшніе факторы на данную нравственную склонность. Прежде всего, Кетле принимается за изученіе вліянія климата, пола, возраста и наименьшее значеніе признаетъ за вліяніемъ экономическаго положенія субъекта.

Бѣдность, утверждаетъ авторъ, [5]) вообще разсматривается, какъ причина, ведущая ко злу, между тѣмъ изученіе экономическаго положенія Франціи и Нидерландовъ, въ соотношеніи съ ихъ преступностью, учитъ насъ, что наиболѣе бѣдные департаменты и провинціи даютъ наименьшую преступность. Самый высокій нравственный уровень замѣчается въ Люксембургѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ эта провинція является самой бѣдной. То же можно сказать и о Франціи, гдѣ тоже департаменты, какъ Creuse, l'Indre, le Cher, la Haute-Vienne, l' Allier и другіе даютъ низкую цифру преступности, тогда какъ богатые департаменты даютъ повышенныя, весьма неблагопріятныя цифры [6]). Однако, Кетле съ настойчивостью добавляетъ [7]), что все зависитъ отъ самаго понятія бѣдности. Вышеприведенныя замѣчанія опираются на бѣдность абсолютную. Въ дѣйствительности же провинція вовсе не является болѣе бѣдной только отъ того, что въ ней меньше богатствъ, чѣмъ въ другой провинціи, если жители ея, какъ, напримѣръ, жители Люксембурга, ведутъ трезвую жизнь и трудолюбивы, если благодаря своей работѣ они могутъ обезпечить удовлетвореніе своимъ потребностямъ и вкусамъ, скромнымъ благодаря тому, что неравномѣрность богатства меньше даетъ себя чувствовать и вызываетъ меньше искушеній. Бѣдность чувствуется гораздо острѣе тамъ, гдѣ скоплены несмѣтныя богатства, какъ во Фландріи, Голландіи, департаментахъ Сены и Роны,

---

[1]) Еттингенъ видитъ въ этой замѣнѣ извѣстную склонность къ детерменизму. См. Moralstatistik, стр. 23.

[2]) Правда, авторъ сообщаетъ новыя криминологическія данныя въ своей работѣ Sur la statistique morale въ Memoires de l'Academie royale der sciences, des Lettres et des Beaux-Arts de Belgique, 1843. Но собранные здѣсь матеріалы не касаются той спеціальной части, которой мы заняты.

[3]) У. с. (2-е изд 1869) II, стр. 249.

[4]) У. с. (1-е изд. 1836) II. стр. 135 и слѣд. Systeme social, стр. 81 и слѣд.

[5]) У. с. (изд. 1869) II, стр. 279 и слѣд.

[6]) У. с. (изд. 18 9) II, стр. 282 и слѣд.

[7]) У. с. (изд. 1869) II, стр. 279 и слѣд.

а, въ особенности, въ промышленныхъ округахъ, гдѣ малѣйшія политическія волненія, малѣйшее затрудненіе въ сбытѣ товаровъ, влекутъ за собою для тысячи лицъ быстрый переходъ отъ относительнаго благосостоянія къ бѣдности. Эти рѣзкіе переходы изъ одного состоянія въ другое порождаютъ преступность, въ особенности когда тѣ, которымъ приходится страдать отъ нихъ, окружены предметами, возбуждающими ихъ зависть, и видятъ передъ собою роскошь и неравномѣрность въ распредѣленіи богатства. Отсюда, большое скопленіе народа въ нашихъ большихъ городахъ служитъ причиной наибольшаго числа преступленій: въ городахъ сходятся люди безъ опредѣленныхъ занятій, въ нихъ образуются крупные промышленные центры, съ которыми связана необезпеченная часть населенія, отъ малѣйшей причины способная впасть въ бѣдность и преступленіе. Поэтому наблюдаемый по направленію къ сѣверу ростъ числа обвинительныхъ приговоровъ за кражу долженъ быть объясненъ постоянной неравномѣрностью въ распредѣленіи богатства и потребностей.

Въ концѣ своихъ разсужденій Кетле подводитъ итогъ добытымъ имъ результатамъ въ детально разработанныхъ заключеніяхъ. X и XII изъ нихъ говорятъ объ экономическихъ состояніяхъ. XII-го заключеніе [1]) становится болѣе понятнымъ послѣ того, что было выяснено раньше: „Бѣдность совершенно не имѣетъ того вліянія на наклонность къ преступленію, которое ей обыкновенно приписываютъ; человѣка влечетъ къ преступленію вовсе не то, что онъ малымъ обладаетъ, а скорѣе то, что вслѣдствіе рѣзкаго перехода отъ благосостоянія къ бѣдности онъ лишается возможности удовлетворить создавшіяся раньше потребности".

Однако Кетле не всегда держался того же взгляда. Не дѣлая никакой оговорки о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ бѣдностью, онъ пишетъ въ Recherches statistiques sur le Royaume des Pays-Bas [2]), что „преступленія противъ собственности часто являются результатомъ нужды". Заключеніе X-ое [3]) болѣе точно передаетъ взглядъ автора на вліяніе экономическихъ факторовъ на преступность: „въ странахъ, въ которыхъ часто происходятъ перетасовки народа, гдѣ промышленность и торговля стягиваютъ къ себѣ многихъ лицъ и много вещей и достигаютъ наибольшаго развитія, гдѣ неравномѣрность богатствъ чувствуется всего рѣзче, въ этихъ странахъ, при равенствѣ всѣхъ другихъ обстоятельствъ, число преступленій бываетъ больше".

Такимъ образомъ, абсолютное благосостояніе въ глазахъ автора имѣетъ мало значенія. Гибельное вліяніе на нравственность оказываютъ неравенство въ распредѣленіи богатства и промышленные кризисы.

Ученіе Кетле, провозглашающее господство физическихъ законовъ въ области нравственнаго порядка, очевидно имѣетъ большое сходство съ теоріей соціальной среды французской школы. Физическіе законы, выдвинутые Кетле, являются, въ сущности, ничѣмъ инымъ, какъ законами окружающей среды. Почти математическая правильность, которую наблюдалъ Кетле въ воспроизведеніи фактовъ, повидимому, очень произвольныхъ, внушила великому маралисту, ученому по призванію, мысль о физикѣ. Онъ не думалъ, однако, что къ общественнымъ явленіямъ примѣнимы строгіе и неизмѣнные законы фи-

---

[1]) У. с. II, стр. 314 и 315.
[2]) Стр. 33.
[3]) У. с. II, стр. 314.

зики въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова, но стремился открыть физику нравственную, которая обнимаетъ лишь сферу человѣческихъ дѣйствій, и человѣка, какъ существо моральное [1]). При иномъ толкованіи основной мысли Кетле, на всякое улучшеніе слѣдовало бы, конечно, смотрѣть, какъ на утопію, какъ на нѣчто абсолютно неосуществимое. Но Кетле категорически и неоднократно заявляетъ, что онъ совершенно не допускаетъ подобнаго вывода [2]).

Теорія Кетле отличается отъ теоріи Лакассаня, прежде всего, своей точкой отправленія. Кетле беретъ общество въ его цѣломъ, Лакассань же и его школа, наоборотъ, исходятъ отъ личности. Кромѣ того, Лакассань занимается исключительно преступностью, тогда какъ Кетле охватываетъ весь духовный и нравственный порядокъ въ его цѣломъ.

Трудъ Кетле есть плодъ гигантской и геніальной работы [3]). Даже въ изученіи преступности онъ заставилъ сдѣлать большой шагъ впередъ.

Можно сожалѣть, что онъ придавалъ сравнительно мало значенія экономическимъ вліяніямъ и въ силу этого менѣе углубилъ свои изслѣдованія этой области, сранительно съ изслѣдованіями вліянія климата, пола и возраста. Кетле основывается главнымъ образомъ на географическомъ положеніи различныхъ департаментовъ Франціи и провинцій Нидерландовъ при сравненіи ихъ преступности съ ихъ экономическимъ положеніемъ. Этотъ отдѣлъ, къ сожалѣнію, поверхностенъ и гораздо менѣе разработанъ, чѣмъ другія части работы, въ силу чего его выводамъ можно придавать лишь относительное значеніе.

Всѣ криминологическія изысканія Кетле можно упрекнуть лишь въ томъ, что матеріалы для его вычисленій и для провѣрки его законовъ относятся къ слишкомъ небольшому періоду времени. Правда, во время появленія перваго изданія Соціальной физики уголовная статистика только еще зарождалась, но второе изданіе этого сочиненія уже не имѣетъ этого извиненія. Благодаря краткости періода наблюденія, Кетле пришелъ къ убѣжденію, что существуетъ постоянная регулярность въ возникновеніи преступныхъ явленій, регулярность эта естествена для тѣхъ нѣсколькихъ лѣтъ, которые послужили основаніемъ для его вычисленій, и поэтому случайная, а отнюдь не необ-

---

[1]) Мы, не колеблясь, можемъ сказать, что упрекъ Кетле въ томъ, будто онъ провозгласилъ найденые имъ законы вѣчными и неизмѣнными — упрекъ, сдѣланный однимъ изъ наиболѣе ученыхъ статистиковъ, Р. фонъ-Молемъ (Geschichte der Staatswisseschaften, Erlangen, 1858, III. стр. 663) —лишенъ основанія и покоится на ложномъ толкованіи произведенія Кетле. Помимо сочиненій, цитированныхъ въ предшествовавшемъ примѣчаніи, многія другія доказываютъ, что Кетле придерживался лишь относительнаго детерменизма, то-есть, что онъ устанавливалъ неизмѣнность въ возникновеніи нравственныхъ явленій лишь при условіи неизмѣнности тѣхъ причинъ, которыя ихъ вызываютъ. См. Physique sociale. II, стр. 242 и слѣд., стр. 248, I, стр. 4 и слѣд. стр. 12. Въ другомъ мѣстѣ авторъ высказывается въ томъ же смыслѣ, не оставляя уже ни малѣйшаго сомнѣнія: Sur la statistique morale, и т. д. въ Mémoires de l'Académie royale de Belgique, 1848, стр. 18. „Если бы измѣнился существующій порядокъ, тотчасъ же измѣнились бы и тѣ явленія, которыя воспроизводятся теперь съ такимъ постоянствомъ".

[2]) См. между проч. Physique Sociale (II-е изд. 1836,) стр. 261 и слѣд. и стр. 287 и слѣд. Systéme sociale, стр. 65 и слѣд. Между тѣмъ, для нѣкоторыхъ авторовъ не убѣдительны эти многочисленныя заявленія, и они видятъ тутъ непослѣдовательность Кетле, который, по ихъ мнѣнію, уклонился отъ послѣдовательнаго развитія своего ученія. См. между проч. Oettingen: Moralstatistik стр. 24.

[3]) Онъ подвинулъ изученіе моральной статистики и положилъ основаніе наукѣ о соціальномъ организмѣ. См. по этому поводу между проч. Oettingen: Moralstatistik, стр. 23 и слѣд. (съ 26) Wagner: Die Geselmaessigkeit, и т. д., стр. 51.

ходимая и неизмѣнная, какъ мы это выяснили раньше. Убѣжденіе въ этой регулярности осталось у Кетле до конца его дней, даже тогда, когда возросшее число статистическихъ данныхъ позволило ему констатировать многочисленныя отклоненія [1]). Убѣжденіе Кетле выразилось въ знаменитомъ изреченіи, ставшемъ теперь общимъ мѣстомъ: „Существуетъ одинъ налогъ, который уплачивается съ ужасающей правильностью, это налогъ, платимый тюрьмамъ, катаргамъ и эшафотамъ" [2]). Данное изрѣченіе и послужило поводомъ для многихъ авторовъ утверждать, что Кетле смотрѣлъ на законы, управляющіе нравственнымъ порядкомъ, какъ на законы неизмѣнные. Мы уже доказали, что это было не такъ; онъ допускалъ всевозможныя измѣненія при условіи измѣненія причинъ, ихъ вызывающихъ, но самъ онъ, не имѣя случая наблюдать эти измѣненія, приписывалъ законамъ бо́льшее постоянство, чѣмъ то, которымъ они обладаютъ въ дѣйствительности.

Съ именемъ Кетле неразрывно связано имя Герри.

A. M. Герри въ своихъ изслѣдованіяхъ преступности, равнымъ образомъ какъ и Кетле, ограничивался изслѣдованіемъ вліяній климата, пола и возраста. Правда, въ своей книгѣ Essai sur la statistique morale de la France (Парижъ, 1833 г.) онъ касается вопроса экономическаго, но углубляется въ него еще меньше, чѣмъ Кетле. Герри констатируетъ [3]), что во Франціи богатство, если, судить о немъ, принимая во вниманіе личные налоги, налоги на движимость и территоріальный доходъ, часто соотвѣтствуетъ повышенному числу посягательствъ на собственность. На сѣверѣ Франціи существуютъ крупныя богатства и преступленія противъ собственности тамъ очень многочисленны. Въ центрѣ Франціи богатство достигаетъ своего минимума и одновременно съ этимъ означенныя посягательства встрѣчаются сравнительно рѣже. Зажиточность же, встрѣчаемая на югѣ, сопровождается пониженной цифрой преступленій противъ собственности. Почему, если на сѣверѣ богатство косвеннымъ образомъ производитъ преступленія, дѣло обстоитъ иначе на югѣ, вотъ вопросъ, которымъ задается авторъ. Но для того, чтобы получить вѣрное представленіе о дѣйствіи бѣдности и богатства, необходимо имѣть иныя данныя, чѣмъ тѣ, которыя находятся въ распоряженіи автора. Дѣйствительно, продолжаетъ онъ, возможно, что въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ всего меньше встрѣчается богатствъ, вмѣстѣ съ тѣмъ меньше насчитывается и бѣдняковъ, и что департаменты, въ которыхъ находятся самыя значительныя состоянія, вмѣстѣ съ тѣмъ являются именно тѣми, гдѣ бѣдность чувствуется острѣе извѣстной частью населенія. Кромѣ того, Герри вполнѣ основательно считаетъ, что прежде всего необходимо установить для каждаго департамента отдѣльно число бѣдныхъ и нищихъ.

Болѣе внимательное изслѣдованіе развитія промышленности и торговли по разнымъ департаментамъ доказываетъ, что въ департаментахъ, гдѣ источники благосостоянія всего обильнѣе, преступленія противъ собственности встрѣчаются всего чаще [4]). Однако многіе департаменты представляютъ исключенія: la Corse, la Bretagne, les Ardennes, la Meuse, la Côte-d'or.

Результатъ этого сравненія имѣетъ для насъ не больше цѣнности, чѣмъ предшествующее изслѣдованіе. И здѣсь еще разъ необходимо

---

[1]) См. Mayr: Die Gesetzmaessigneit im gesellschaftsleben, Мюнхенъ 1887 г. стр, 332.
[2]) Physique saciale (первое изданіе 1836), стр. 262.
[3]) У. с. стр. 42 и слѣд.
[4]) У. с. стр. 43 и таблица 12 (B).

было бы болѣе глубоко и детально изслѣдовать развитіе торговли и промышленности, а въ особенности ихъ послѣдствія, для экономическаго положенія народонаселенія и его различныхъ группъ. Общія замѣчанія, сдѣланныя нами по поводу Кетле, вполнѣ примѣнимы и къ работамъ Гэрри.

Одновременно съ Гэрри матеріалы французской статистики были изслѣдованы бельгійскимъ ученымъ, E. Ducpetiaux въ его сочиненіи De la justice, de prèvoyance et particulièrement de l'influence de la misère et de l'aisauce, de l'ignorance et de l'instruction sur le nombre des crimes (Брюссель 1827).

Дюкпесьо смотритъ на бѣдность и на народное невѣжество, какъ на источники всей преступности. Въ цитированной работѣ онъ подтверждаетъ это положеніе многочисленными фактами [1]). Испанія и Италія наиболѣе бѣдныя страны, онѣ даютъ наивысшую цифру преступности. Бѣдность почти неизвѣстна Соединеннымъ Штатамъ и преступленія тамъ встрѣчаются очень рѣдко. Въ 1812 году во Франціи на 43 милліона приходилось только 30.000 нищихъ, наоборотъ, въ Англіи въ ту же эпоху почти треть населенія была доведена до нищеты. Между данными уголовныхъ статистикъ обѣихъ странъ существовала огромная разница. Годы неурожая 1816 и 1817 повысили цифру преступности во Франціи съ 5.485 (бывш. въ 1814) и 6.551 (въ 1815) до 9.890 (въ 1816) и 14.146 (въ 1817), а въ Англіи съ 6.390 (въ 1814) и 7.818 (въ 1815) до 9.091 (въ 1816) и 13.936 (въ 1817). Числовыми данными авторъ устанавливаетъ, что этотъ ростъ преступности, въ особенности же преступленій противъ собственности, всего значительнѣе былъ въ городахъ, гдѣ всегда большое скопленіе народа и гдѣ бѣдность суровѣе, чѣмъ въ провинціи.

Вслѣдъ за тѣмъ авторъ сравниваетъ число бродягъ въ различныхъ графствахъ Англіи съ числомъ преступниковъ и констатируетъ, что оба эти явленія всегда идутъ параллельно. А такъ какъ бродяжество является неизбѣжнымъ и непосредственнымъ слѣдствіемъ нищеты, то эти цифры еще разъ подтверждаютъ вліяніе экономическихъ причинъ на преступность.

При помощи цифровыхъ данныхъ за періодъ между 1812—1825 годами авторъ выясняетъ связь, существующую между налогомъ въ пользу бѣдныхъ и преступностью въ Англіи и, наконецъ, приводитъ нѣсколько абсолютныхъ цифръ преступности за время кризиса, свирѣпствовавшаго въ Лондонѣ въ 1826 году.

Изслѣдовавъ при помощи тѣхъ же пріемовъ вліяніе невѣжества, авторъ приходитъ къ заключенію, „что нравственность и безопасность народа зависятъ главнымъ образомъ отъ степени его благосостоянія и распространенности просвѣщенія“ [2]).

Уже изъ бѣглаго взгляда, брошеннаго нами, становится ясно, что Дюкпесьо успѣлъ собрать серьезныя статистическія данныя въ подкрѣпленіе своихъ положеній. Между тѣмъ и на его работѣ замѣтны явные слѣды того примитивнаго состоянія, въ которомъ находилась тогда зарождающаяся статистика. Международное сравненіе Испаніи, Италіи, Америки, Франціи и Англіи, сдѣланное безъ всякихъ обязательныхъ въ этомъ случаѣ ограниченій, необходимыхъ для достовѣрности выводовъ, свидѣтельствуетъ о такой смѣлости, которая мо-

---

[1]) Стр. 13 и слѣд.
[2]) У. с. стр. 38.

жетъ быть извинена только молодостью науки [1]). Кромѣ того, данныя автора по отношенію къ первымъ тремъ странамъ почти совершенно или даже вовсе не поддаются провѣркѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы Дюкпесьо писалъ въ наше время, то онъ написалъ бы гораздо лучше.

На конкурсъ, объявленный брюссельской академіей, Эд. Дюкпесьо представилъ работу, въ которой касается преступности Фландріи: Le paupérisme dans les deux Flandres (Брюссель 1850).

И въ этомъ своемъ сочиненіи [2]) онъ смотритъ на преступность, какъ на неизмѣнную спутницу бѣдности; по мѣрѣ увеличенія числа бѣдныхъ увеличивается и число преступленій. Голодъ притупляетъ у человѣка чувство справедливости и несправедливости, добра и зла, онъ заставляетъ пренебрегать законами и доводитъ до такого состоянія, что человѣкъ уже не отступаетъ ни передъ какими средствами, лишь бы только улучшить свое положеніе.

Авторъ настолько убѣжденъ въ фатальномъ вліяніи бѣдности на преступность, что считаетъ излишними всѣ доказательства и стремится просто воспроизвести рядъ фактовъ, наглядно показывающихъ правдивость выставленныхъ имъ положеній. Къ счастью, это единственное доказательство, котораго можно по праву требовать отъ автора; дѣйствительно, признаніе a priori связи между преступностью и плохимъ экономическимъ положеніемъ можетъ быть легко оставлено безъ вниманія не потому, что оно излишне, а потому, что, не основанное на документахъ, оно лишено значенія, а съ другой стороны—самые факты и безъ того достаточно краснорѣчивы. Авторъ черпаетъ первый фактъ [3]), который онъ приводитъ въ доказательство, изъ сравненія между числомъ преступниковъ Фландріи съ числомъ ихъ въ другихъ провинціяхъ. Онъ приходитъ къ выводу, что во Фландріи на 139 жителей приходится одинъ арестантъ (центральной тюрьмы), тогда какъ въ другихъ провинціяхъ одинъ приходится на 227 жителей. Передъ этимъ, авторомъ уже было установлено, что въ обѣихъ Фландріяхъ бѣдность острѣе и распространеннѣе, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ. Изъ этого авторъ выводитъ причинное соотношеніе между цифрами бѣдности и преступности въ обѣихъ провинціяхъ.

Подобное сопоставленіе, конечно, далеко не лишено значенія, но нельзя его преувеличивать, такъ какъ интересъ его имѣетъ чисто мѣстное значеніе, ограничиваясь лишь той областью, надъ которой производилось наблюденіе. Преступность есть историческій продуктъ многочисленныхъ факторовъ, и эти факторы дѣйствуютъ различно, сообразно съ условіями времени и мѣста. Вотъ почему данное сопоставленіе является доказательствомъ того, что на долю экономическаго состоянія выпала крупная опредѣляющая роль по отношенію къ преступности во Фландріи, что отнюдь не препятствуетъ тому, чтобы въ другомъ мѣстѣ гораздо меньшая часть преступности была отнесена на долю дѣйствія экономическихъ факторовъ.

Впрочемъ, другія географическія сравненія дали иные результаты, хотя мы имѣли случай убѣдиться, что выводы ихъ основаны вообще на менѣе серьезныхъ изслѣдованіяхъ [4]). Но поставленное въ такія границы географическое сравненіе областей, подвергающихся однимъ и

---

[1]) Герри уже предвидѣлъ крайнюю сложность этого вопроса. См. Essai sur la statistique morale de la France. Парижъ, 1883 г., стр. 12—13.

[2]) У. с. стр. 39.

[3]) У. с., стр. 39 и слѣд.

[4]) Lombroso: Le Crime, и т. д. стр 139 и слѣд.; Morrison, Crime and its causes, стр. 130 и слѣд.; Corre: Crime et. suicide, стр. 427 и слѣд.; и др.

тѣмъ же политическимъ, космическимъ и этнологическимъ вліяніямъ, можетъ быть весьма полезно для изученія этіологіи преступленія.

Второе доказательство вліянія экономическихъ условій Дюктесьо находитъ [1]) въ исторіи преступности Фландріи за періодъ между 1841 и 1847 годами, въ который число осужденныхъ, по свидѣтельству вышеуказанной статистики, страшно возросло. Къ этому возрастанію преступности за названный періодъ присоединяется удивительный ростъ пауперизма, который достигъ своего апогея въ годы неурожая 1846 и 1847 г.г. Кромѣ того, постоянное повтореніе того же самаго преступленія съ единственной цѣлью попасть въ тюрьму для поддержанія своего существованія было заурядnымъ явленіемъ въ эти годы общей дороговизны. Какъ мы уже замѣтили выше, говоря о Колаяни [2]), эти преступленія, хотя и не относятся къ дѣйствительной преступности, очень приближаются къ ней.

Это изслѣдованіе исторіи преступности является однимъ изъ первыхъ опытовъ этого рода, что извиняетъ его недостатки. Періодъ, на который простираются наблюденія автора, слишкомъ кратокъ, и, кромѣ того, параллелизмъ между одновременнымъ возрастаніемъ двухъ факторовъ—преступности и экономическихъ условій—очерченъ суммарно, а не показанъ на отдѣльныхъ цифрахъ, которыя могли бы точнѣе указать связь между движеніемъ двухъ явленій, что и дѣлали позднѣйшіе статистики.

Что же касается огромнаго количества дѣтей и несовершеннолѣтнихъ, содержавшихся въ тюрьмахъ и въ депо нищихъ за 1845—1847 гг. во Фландріи, то оно объясняется, по мнѣнію автора [3]), высокимъ числомъ бѣдняковъ этого возраста въ обѣихъ провинціяхъ.

Авторъ приходитъ, затѣмъ, къ слѣдующему выводу [4]): „Ростъ преступности во Фландріяхъ совпалъ съ распространеніемъ бѣдности. Бѣдность оторвала многихъ лицъ отъ домашняго очага, а въ нѣкоторыхъ общинахъ это явленіе поощрялось самой администраціей: отсюда явились нищенство, бродяжничество, мародерство и кражи. Привычка къ труду была утрачена, устойчивость ослабѣла и праздность стала неизлечима“.

Работа г. Дюкпесьо о преступности во Фландріяхъ, въ ея связи печальнымъ экономическимъ положеніемъ страны, установленнымъ авторомъ на основаніи личныхъ изслѣдованій, должна быть разсматриваема какъ прекрасная глава въ общей работѣ криминологовъ по данному вопросу. То же можно сказать и о выводахъ автора; они серіезны, заслуживаютъ довѣрія и выясняютъ вліяніе экономическихъ факторовъ на преступность во Фландріи въ данную эпоху.

Такъ разсматривался вопросъ о вліяніи экономическихъ условій на преступленіе основателями уголовной статистики. Вскорѣ новая наука, оставаясь связанной съ моральной статистикой, создала во Франціи цѣлый рядъ монографій, продолжавшихъ и развивавшихъ труды Кетяе и Герри. Мы послѣдуемъ за этимъ развитіемъ, поскольку оно касается нашего вопроса.

---

[1]) У с. стр. 40 и слѣд.
[2]) См. стр. 135.
[3]) У. с. стр. 43 и слѣд.
[4]) У. с. стр. 46 и слѣд.

Развитіе изученія уголовной статистики во Франціи.

Риганъ, предсѣдатель высшаго суда въ Женевѣ, въ своемъ докладѣ Rapport au Conseil d'Etat sur les opérations des tribunaux pendant l'année 1828 [1]) доказалъ убѣдительно для своего времени вліяніе экономическаго положенія и культуры винограда на преступность въ Женевѣ за періодъ 1814—1828 г. Ежегодно высшій судъ осуждалъ приблизительно $17^1/_2$ лицъ за преступленія противъ собственности. За время 1822—1824 г.г., когда цѣны на хлѣбъ были низки, число осужденныхъ спустилось до $12^2/_3$, тогда какъ въ неурожайный 1817 годъ оно поднялось до 34. Наоборотъ, число осужденныхъ за преступленія противъ личности приблизительно равнялось $3^1/_2$ въ годъ; въ 1828 году, когда вино было дешево, это число повысилось до 10, а въ 1816—1817 годахъ, когда вино было дорого, оно спустилось до 2. Несмотря на то, что подобная статистика, ограничившаяся лишь обвинительными приговорами высшаго суда одного кантона, не можетъ служить основаніемъ для рѣшительныхъ выводовъ, трудъ г. Риганъ имѣетъ извѣстную цѣнность. Удачно, хотя, по всей вѣроятности, случайно, въ видѣ единицы сравненія, избрана цѣна на съѣстные припасы. Какъ мы говорили выше, она служитъ болѣе точнымъ показателемъ экономическаго положенія, чѣмъ цѣна на хлѣбъ, обыкновенно выбираемая для этой цѣли. Въ началѣ XIV столѣтія, когда ввозъ хлѣба былъ еще неизвѣстенъ, эти двѣ величины мало отличались другъ отъ друга.

La Bibliothèque universelle de Genève, (section des sciences, belles—lettres et arts), 1830, томъ I, содержитъ въ себѣ Consideratons sur la statistique des delits, Альф. де Кандолля, въ которыхъ авторъ, основываясь гораздо меньше на своихъ собственныхъ изысканіяхъ, чѣмъ на выводахъ Люка и другихъ, утверждаетъ [2]), что дурныя экономическія условія должны непремѣнно вести къ повышенію преступности. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что абсолютныя цифры богатства ничего еще не говорятъ въ пользу степени благосостоянія населенія. Все зависитъ отъ распредѣленія богатствъ. Тамъ, гдѣ будетъ много пролетаріевъ и нѣсколько людей богатыхъ, число посягательствъ будетъ несравненно больше, чѣмъ тамъ, гдѣ богатство распредѣлено равномѣрно. Нищета однихъ и ослѣпительный блескъ жизни другихъ возбуждаютъ и до извѣстной степени оправдываютъ поступки бѣдныхъ. При такомъ положеніи вещей увеличиваются не однѣ только кражи, но и многія другія правонарушенія, которыя болѣе или менѣе связаны все съ той же причиной: бѣдностью, поставленной рядомъ съ богатствомъ. Вотъ соображеніе, которое часто терялось изъ виду. Де-Кандолль утверждаетъ, что цѣны нѣкоторыхъ съѣстныхъ продуктовъ сильно вліяютъ на количество преступленій. Единственное личное наблюденіе приводится авторомъ въ доказательство этого положенія, это — тотъ фактъ, что въ Англіи ввозныя хлѣбныя пошлины поддерживаютъ цѣну на хлѣбъ выше его дѣйствительной стоимости и увеличиваютъ число преступленій, главнымъ образомъ преступленій противъ собственности. Поэтому не слѣдуетъ удивляться тому, что этими матеріальными причинами перевѣшиваются причины нравственныя, которыя въ Англіи въ общемъ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ. Но послѣднее утвержденіе не было предметомъ особаго изслѣдованія, въ силу чего не имѣетъ большого значенія.

---

[1]) Memorial du conseil representatif, 13 mai 1829.
[2]) У. с. стр. 167 и слѣд.

Въ своемъ сочиненіи Exposé des principales erreurs qui prévalent au sujet des populations (Bibliothèque universelle de Genène, section de littérature, 1833, т. III, стр. 4 и слѣд. и стр. 139 и слѣд.), д'Ивернуа также касается одного вопроса, связаннаго съ уголовной статистикой [1]). Нечего обманываться,—пишетъ онъ,—что преступленія противъ собственности по своей природѣ склонны къ возрастанію по мѣрѣ возрастанія народнаго богатства, совершенно такъ же, какъ съ необходимостью увеличивается число банкротствъ въ городахъ, гдѣ увеличивается число торговыхъ сдѣлокъ. По мнѣнію автора, эти явленія суть необходимые спутники обогащенія, и если Франція пойдетъ по этому пути, она должна ожидать, что, подобно богатой Англіи, она увидитъ увеличеніе числа посягательствъ противъ собственности съ ихъ послѣдствіями и не должна пугаться этого.

Этотъ взглядъ былъ позже поддержанъ и развитъ многими авторами, въ особенности Тардомъ. Онъ имѣетъ въ себѣ зерно истины, содержащейся и въ заблужденіяхъ г. Шолетти.

Л.-М. Моро-Христофъ, въ своемъ сочиненіи De la Reforme des prisons en France (Парижъ 1838), считаетъ вліяніе пауперизма на преступность крайне опаснымъ.

Онъ приводитъ фактъ [2]), не доказывая его однако, что почти все число подсудимыхъ или осужденныхъ, проходящихъ передъ исправительными судами и судами присяжныхъ, принадлежитъ къ самому несчастному классу общества. Вслѣдъ затѣмъ онъ проводитъ сравненіе между преступностью юга Франціи, области богатой и процвѣтающей, и преступностью сѣвера, сравнительно бѣднаго, основываясь на цифрахъ Comptes généraux и на данныхъ Гильберта [3]). Это изслѣдованіе показываетъ, что въ 1832 году изъ 695.932 бѣдняковъ, вошедшихъ въ переписи, 455.108 приходились на долю сѣверной Франціи и лишь 240.824 принадлежали къ южнымъ департаментамъ. Въ среднемъ во Франціи на департаментъ приходится 8.092 зарегистрированныхъ бѣдныхъ; на сѣверѣ ихъ приходится 14.222, тогда какъ на югѣ лишь 4.631 на департаментъ. Болѣе высокія цифры преступности соотвѣтствуютъ бо́льшей бѣдности сѣвера.

Бросается въ глаза, что хотя авторъ тщательно изучилъ экономическое положеніе различныхъ департаментовъ, тѣмъ по менѣе онъ пренебрегъ вторымъ элементомъ сравненія, изученіемъ статистики преступности.

Въ нѣсколькихъ замѣткахъ по поводу Sur les résultats des comptes de l'administration de la justice criminelle en France de 1825 à 1829, помѣщенныхъ въ Séances et travaux de l'Academie des Sciences morales et politiques, 1842, I [4]), Бенуастонъ-де-Шатонефъ замѣчаетъ, что главную массу подсудимыхъ, а въ особенности осужденныхъ, составляютъ несчастные, родившіеся въ низшихъ классахъ поденщиковъ и городскихъ рабочихъ, лица, вращающіяся съ самыхъ раннихъ лѣтъ среди нищеты, порока и задавленныя нуждою. Но авторъ добавляетъ, что преступленіе не чуждо и выше стоящимъ классамъ. Онъ ограничивается только одной формулировкой своей мысли.

Мелье принадлежитъ статья, озаглавленная (Etudes sur les subsistances envisagées dans leurs rapports avec les maladies et la mortalité),

---

[1]) У. с. стр. 19 примѣчаніе.

[2]) У. с. стр. 34 и слѣд.

[3]) Guilbert: Ler Prolétaires; état moral, intellectuel et physique des classes laborieuses en France, Парижъ.

[4]) Стр. 327 и слѣд.

въ Memoires de l'Academie royale de mèdicine, 1843, X стр. 170 и слѣд. Доказавъ при помощи статистическихъ данныхъ [1]), что смертность измѣняется въ зависимости отъ повышенія и пониженія цѣнъ на хлѣбъ, авторъ утверждаетъ [2]), что вопросъ о средствахъ существованія является одновременно и вопросомъ нравственности. Мелье не ограничивается однимъ этимъ утвержденіемъ; имъ была составлена таблица [3]), изъ которой видно, что правосудію приходится карать большее число кражъ въ годы дороговизны, чѣмъ въ годы низкихъ цѣнъ, и это явленіе наблюдается во всемъ государствѣ за періодъ съ 1826 по 1835 годы, а въ департаментѣ Сены, въ частности, за періодъ между 1826—1839 годами.

Профессоръ Файэ (Fayet), много работавшій надъ изслѣдованіемъ преступности, ищетъ средствъ для борьбы съ нею въ улучшеніи матеріальнаго положенія населенія и въ мѣрахъ экономическаго характера [4]).

Ад. Гильяръ, въ своемъ сочиненіи Elements de statistique humaine (Парижъ 1855), констатируетъ, что извѣстная категорія преступленій, отнесенныхъ въ Comptes généraux къ преступленіямъ изъ алчности, постоянно повышается. [5]) Авторъ задается вопросомъ, дѣйствительно ли алчность является единственной причиной этихъ преступленій и ихъ возрастанія [6]). Перенапряженность современной экономической жизни повлекла за собою финансовое истощеніе и вызвала разореніе значительнаго числа лицъ. Все возрастающее движеніе ссудъ подъ закладъ (авторъ приводитъ число предметовъ, заложенныхъ въ 21 ссудной кассѣ), указываетъ на стѣсненное положеніе народа.

Затѣмъ, нищенство возросло ужасающимъ образомъ; оно поднялось съ 966 до 8.317 и бродяжество съ 2.910 до 6.661 (нѣтъ никакихъ указаній на періодъ, къ которому относятся эти наблюденія: по всей вѣроятности здѣсь идетъ рѣчь о періодѣ съ 1826 по 1850 годъ по даннымъ Compte general за 1850, появившагося въ 1852 году). Изъ этихъ фактовъ ясно, что нельзя приписывать одной алчности ростъ преступленій противъ собственности.

Увеличеніе даннаго рода преступленій на 33% за годъ знаменитаго неурожая 1847 года, тотъ фактъ, что незаконнорожденные совершаютъ гораздо больше преступленій противъ собственности, чѣмъ противъ личности, все это вмѣстѣ указываетъ на воздѣйствіе бѣдности на данную категорію преступленій. Авторъ ищетъ еще подтвержденія въ каторжныхъ тюрьмахъ и даетъ краткія статистическія свѣдѣнія о семейномъ положеніи заключенныхъ.

Съ 1836 по 1842 гг. присужденные къ галерамъ (на 1000) распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

О. 237 бездѣтныхъ.
О. 216 имѣвшихъ одного ребенка.
О. 547 имѣвшихъ много дѣтей.

Въ 1843 году въ центральныхъ тюрьмахъ было:

О. 230 женатыхъ арестантовъ бездѣтныхъ.

---

[1]) Стр. 177 и слѣд.
[2]) У. с. стр. 193.
[3]) У. с. стр. 205 (таблица 22).
[4]) Sur le progrès de la criminalité en France, Journal des economistes, январь 1846, стр. 145, примѣчаніе.
[5]) У. с. стр. 241.
[6]) У. с. стр. 245 и слѣд.

О. 222 женатыхъ арестантовъ, имѣвшихъ одного ребенка.
О. 548 женатыхъ арестантовъ, имѣвшихъ нѣсколько дѣтей.

Отсюда вытекаетъ, что отцы семействъ, болѣе обремененные обязанностями и чаще страдающіе отъ бѣдности, которая для нихъ тяжелѣе, чѣмъ для другихъ, даютъ наибольшее число преступниковъ.

Какъ убѣжденный спиритуалистъ, авторъ отказывается допустить, что „egestas tollit arbitrium". Однако, если бѣдность дѣйствительно не оправдываетъ преступленія, то также вѣрно и то, что нравственность народа быстрѣе прогрессируетъ, если принимаются дѣйствительныя мѣры къ поднятію благосостоянія во всѣхъ слояхъ общества, весьма несовершеннаго въ этомъ отношеніи въ наше время.

По поводу работы г. Гильяръ можно повторить сдѣланное нами раньше замѣчаніе, а именно, что она отражаетъ на себѣ то зачаточное состояніе уголовной статистики, въ которомъ эта наука находилась въ то время. Предшествующее краткое обозрѣніе семейнаго положенія каторжниковъ содержитъ въ себѣ лишь однѣ абсолютныя цифры, не признаваемыя серіезной сравнительной статистикой. Можно даже предположить, что сравненіе цифръ Гильяръ съ общимъ числомъ лицъ женатыхъ и отцовъ семействъ населенія,—а къ этому и стремился авторъ,—должно было бы дать совершенно другіе результаты. Изъ статистическихъ данныхъ [1]) мы видимъ, что холостые значительно превышаютъ число женатыхъ въ общемъ количествѣ преступниковъ, и это обстоятельство, съ другой стороны, только подтверждаетъ дѣйствительность вліянія экономическихъ условій [2]).

Въ своей работѣ La Chertè des vivres (Брюссель, 1856) І. Б. Бонневи разсматриваетъ данное явленіе, изслѣдуя его причины, послѣдствія и средства избѣжать ихъ. Авторъ касается также вліянія на преступность цѣнъ на жизненные продукты. Офиціальныя статистическія данныя Бельгіи съ 1842 по 1854 годъ относительно средней цѣны пшеницы и ржи, съ одной стороны, и числа лицъ, представшихъ передъ исправительными судами и судами простой полиціи (simple police)—съ другой стороны, свидѣтельствуютъ о существованіи довольно правильнаго параллелизма между этими явленіями. Авторъ заканчиваетъ главу словами: „Мы послѣдовательно видѣли, какъ пролетарій, чтобы избѣжать гибельныхъ послѣдствій неурожая, прибѣгаетъ къ частному кредиту, къ ссуднымъ кассамъ, къ работѣ самыхъ маленькихъ дѣтей, къ нарушенію своихъ обязанностей квартиронанимателя, къ благотворительнымъ учрежденіямъ, нищенству, проституціи, проступкамъ и преступленіямъ" [3]).

Госсонвилль (Revue des Deux Mondes, 1 апр. 1887, стр. 594.) упоминаетъ о сравнительной таблицѣ Дюпюи, гдѣ, съ одной стороны, повышеніе и пониженіе цѣнъ на хлѣбъ, съ другой стороны, пониженіе числа обвиняемыхъ въ кражахъ выражены двумя кривыми, дающими равныя отклоненія и почти совпадающими одна съ другою. Намъ не удалось получить этой таблицы.

---

[1]) См. Benoiston de Chateauneuf: Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques, 1842, I, стр. 327; Corne: Journal des Economistes, Январь 1868, стр. 83; *въ особенности*: Massenet: Queiques causes sociales du crime, Лионъ, 1893 стр. 20 и слѣд. Единственный современный авторъ поддерживаетъ точку зрѣнія Гильяра, это г.—Lux: Sozialpolitisches Haudbuch, Берлинъ 1892 стр. 157-158, но мы уже доказали выше, что онъ плохо истолковываетъ значеніе цифръ. См. стр. 269.

[2]) См. по этому поводу стр. 163-165, а также Mélier въ Memoires de l'Académie de médecine, 1843, X, с. 194.

[3]) У. с. стр. 25.

Часть ея, однако, можно видѣть въ книгѣ г. Рейнаха: Les Recidivistes (Парижъ 1882, стр. 45 примѣчаніе), въ которой, однако, авторъ мало позаботился объ использованіи научныхъ матеріаловъ. Таблица г. Дюпюи, повидимому, охватываетъ періодъ отъ 1845 по 1861 годъ и въ ней сравнивается ростъ преступности не съ цѣнами на хлѣбъ, а съ цѣнами хлѣбнаго зерна. Точный параллелизмъ между двумя кривыми, начерченными для 1845, 1847, 1856, 1859 и 1861 гг. (цѣна: фр. 19,76, 29,01, 30,75, 16,74, 24,55, соотвѣтствуетъ числу возрастающихъ преступленій 10.818, 17,567, 18,222, 14,655, 16,518), подтверждается уже упомянутыми работами Ферри и Лакассаня.

Въ своей работѣ Essai sur la criminalitè, sur ses causes, sur les moyens d'y remedier (Journal des Economistes 1868, стр. 63 и слѣд.), А. Корнъ смотритъ на преступность, какъ на болѣзненное явленіе въ обществѣ, которое поэтому и отвѣтственно за нее, причемъ онъ въ то же время признаетъ и личную отвѣтственность. Затѣмъ авторъ изслѣдуетъ вліяніе цѣнъ хлѣбнаго зерна [1]). Ежегодное число обвиняемыхъ и осужденныхъ во многомъ совпадаетъ съ таблицей, выражающей ежегодныя цѣны въ продолженіе пятнадцати истекшихъ лѣтъ, съ 1850 по 1864 годъ. Но авторъ склоненъ думать, что измѣненія цѣнъ жизненныхъ продуктовъ способны скорѣе вліять на родъ преступленій, чѣмъ на ихъ число, а именно на преступленія противъ собственности.

Одна изъ таблицъ, взятыхъ изъ Rapport sur la statistique des prisons pour 1863 годъ, указываетъ, что колебанія преступленій противъ собственности приближаются къ колебаніямъ цѣнъ за періодъ между 1844 — 1863 годами. Такимъ образомъ, дороговизна толкаетъ несчастныхъ на путь преступленія. Затѣмъ авторъ помѣщаетъ рядъ страницъ, способныхъ взволновать читателя, въ которыхъ онъ говоритъ о печальномъ положеніи преступной массы. Онъ указываетъ на ея изолированность, какъ на присущую ей характерную черту; на изолированность добровольную и эгоистическую, которой преступникъ самъ отрѣзываетъ себѣ пути къ честной жизни, противопоставляя себѣ честное человѣчество, какъ своихъ враговъ; а также и на изолированность, происходящую отъ того отвращенія, съ которымъ всѣ относятся къ преступникамъ [2]). Поэтому тѣ группы населенія, которыя осуждены на изолированное положеніе, болѣе подвергаются риску впасть въ преступленіе. Такъ, холостые и сироты—авторъ подтверждаетъ это нѣсколькими цифрами—составляютъ главный контингентъ преступности. Благодаря этому преступность легче развивается въ большихъ городахъ, гдѣ человѣкъ болѣе одинокъ. Отсюда авторъ приходитъ къ выводу [3]): „Мы видѣли, насколько благопріятной средой для расцвѣта преступленія является пауперизмъ, то-есть, хроническая нищета безъ надежды на лучшія условія существованія, безъ желанія достигнуть его, то-есть жизнь изо-дня-въ-день, чуждая предусмотрительности, голодъ, нечистота, болѣзни, причемъ все это принимается какъ неизбѣжная необходимость. Какъ можетъ подобное состояніе разложенія души и тѣла, создающее преступниковъ, дать имъ мужество и энергію для борьбы?“

Чрезвычайно правдиво описываетъ здѣсь г. Корнъ печальное положеніе, къ которому приводитъ несчастныхъ пауперизмъ. Онъ краснорѣчиво отвѣчаетъ здѣсь тѣмъ, кто видитъ въ экономическомъ со-

---

[1]) У. с., стр. 79 и слѣд.

[2]) Это соображеніе напоминаетъ характерный фактъ, указываемый von Oettingen'омъ въ его Moralstatistik, какъ источникъ несчастій пролетаріата, а именно: безнадежное положеніе пролетаріата, его нужду безъ надежды на улучшеніе.

[3]) У. с., стр. 88—89.

ЦАБ "Автограф"

стоянiи причину преступности лишь тогда, когда преступленiе вызывается острымъ голодомъ и непосредственной нуждой.

На конгрессѣ Французской Ассоціаціи поощренiя наукъ, состоявшемся въ Парижѣ въ 1878 году, г. І. Лефоръ высказалъ нѣсколько соображенiй, касающихся преступности, и остановилъ, между прочимъ, свое вниманiе на экономической сторонѣ вопроса въ своемъ, однако, мало интересномъ статистическомъ Изслѣдованiи преступности во Франціи.

Основываясь на статистическихъ данныхъ періода 1873—1876 гг., онъ доказываетъ [1]), что преступники по большей части относятся къ низшимъ классамъ населенiя. Никто никогда и не думалъ оспаривать этого факта; но абсолютныя цифры, приводимыя г. Лефоромъ, никакъ не могутъ доказать, что низшій слой общества даетъ процентъ преступности, превышающій численность этого класса по отношенiю ко всему населенiю. Съ того момента, какъ установлено, что преступники вербуются главнымъ образомъ изъ низшихъ классовъ населенiя, становится очевиднымъ, что всѣ обстоятельства, ограничивающiя средства къ существованiю и уменьшающiя народные доходы, легко отражаются на преступности. Авторъ доказываетъ это на примѣрѣ годовъ революціи и эпидемiи; плохіе урожаи также оказываютъ свое вліянiе: доказательствомъ этому служатъ годы 1847—1852 и 1854 (въ теченiе этихъ лѣтъ произошло 663 случая кражъ муки и зерна). Авторъ цитируетъ еще нѣсколько выдающихся фактовъ, заимствованныхъ изъ статистическихъ данныхъ, опубликованыхъ за два года передъ этимъ въ Journal des èconomistes и устанавливающихъ извѣстный уже параллелизмъ между преступленiями противъ собственности и цѣнами на зерновой хлѣбъ.

Изслѣдованiе г. Лефора покоится на старыхъ данныхъ и не даетъ ничего новаго.

Первыя примѣненiя статистики къ изученiю преступности въ Англiи.

Въ Англiи не пренебрегали уголовной статистикой, а послѣдняя не оставила безъ вниманiя и нашего вопроса. Строго ортодоксальная, эта статистика старается исключить изъ уголовной этологiи всякое соціальное вліянiе и другiя, чуждыя свободѣ воли.

Джонъ Клей, въ 1854 г. (23 сент.), въ статистической секціи British Association for the advancement of Science въ Ливерпулѣ, сдѣлалъ докладъ о состоянiи преступности въ Англiи. Основываясь на нѣкоторыхъ статистическихъ данныхъ, онъ отрицаетъ связь между преступностью и экономическимъ состоянiемъ. Онъ сравниваетъ періодъ іюль 1824—іюль 1825, эпоху очень благопріятную для рабочихъ Ланкашира, съ эпохой безпримѣрной нужды отъ іюля 1825 по іюль 1826 г. Въ преступности этихъ періодовъ нѣтъ чувствительной разницы. Общественная помощь, оказанная 40—50000 бѣдныхъ, часто и взаимопомощь рабочихъ смягчили нужду такъ, что было зарегистровано лишь небольшое число кражъ по нуждѣ. Въ томъ же докладѣ содержится указанiе на статью, опубликованную авторомъ въ 1830 г. и устанавливающую годовое число преступленiй (для Ланкашира?) въ періодъ 1820—24 г. въ 119; благопріятный 1825 г. далъ 119 „commitals“, неблагопріятный 1820—172, а слѣдующiй годъ, годъ возрождающагося благосостоянiя, далъ ихъ не менѣе 269.

---

[1]) У. с., стр. 6 и слѣд.

Къ подобному же результату приходитъ Давенпортъ Гилль. Въ брошюрѣ, озаглавленной Repression of Crime (1857), онъ даетъ таблицу преступности, начиная съ 1840 г., изъ которой слѣдуетъ, что въ періодъ депрессіи въ 1840—3 гг. преступность была выше, чѣмъ въ предшествовавшіе благополучные годы, что, напротивъ, весьма благопріятный періодъ 1850—3 г.г. далъ очень высокую цифру преступности.

Что касается точности этихъ выводовъ, то все, конечно, зависитъ отъ основанія сравненія, главнымъ образомъ, отъ критерія оцѣнки благополучія. Мы уже часто замѣчали, что, ошибаясь въ одномъ изъ предметовъ сравненія, придавая ему большее или меньшее значеніе, рискуешь отнять всякую цѣнность у своихъ выводовъ. Это, кажется, и случилось съ данными авторами, такъ какъ ихъ выводы вовсе или почти совсѣмъ не обоснованы.

Докладъ І. Г. Элліота The increase of material prosperity and of moral agents, compared with the state of crime and pauperism, появившійся въ Journal of the statistikal Society of London (XXXI 1869, стр. 299 слл.), занимается гораздо меньше нашимъ вопросомъ, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе. Это не сравненіе, а простое сопоставленіе нѣсколькихъ предметовъ; авторъ мало заботился уловить связь ихъ другъ съ другомъ. Авторъ, приписывавшій въ другомъ мѣстѣ [1]) лишь 5% преступности дѣйствію нужды, утверждаетъ и тутъ [2]), что матеріальный прогрессъ вѣка вовсе не повліялъ на уменьшеніе преступности. По его мнѣнію, истинной причиной преступности въ Англіи является все уменьшающееся уваженіе народа къ чужой жизни и собственности, присоединяющееся, однако, къ естественнымъ порокамъ организма [3]).

Но какъ объяснить этотъ недостатокъ уваженія къ жизни и имуществу другого, который, въ дѣйствительности,—только другое названіе преступленія?

Очерки Леви утверждаютъ совершенно противоположное. Въ трудѣ On the economic condition of the higlands and islands of Scotland [4]) и въ своемъ Report of agricultural economy and agricultural wages (Лондонъ, 1869) онъ дѣлаетъ выводъ, что преступность тѣснѣйшимъ образомъ связана съ экономическимъ и политическимъ состояніемъ Шотландіи и Ирландіи; въ Report of crime 1880 г. онъ говоритъ, что „довольство идетъ рядомъ съ добродѣтелью; нужда—съ порокомъ“. Мы не можемъ однако распространяться объ этомъ Report, такъ какъ не имѣли его въ своемъ распоряженіи.

Развитіе уголовной статистики въ Германіи за послѣднее время.

Благодаря недостатку уголовно-статистическихъ матеріаловъ, изученіе преступности замедлилось въ странѣ, которая была родиной моральной статистики.

Проф. Вапеусъ (Геттингенъ) въ своей знаменитой Allgemeine Bevölkerungsstatistik (Лейпцигъ, 1869) [5]) говоритъ объ экономическомъ вліяніи на преступность, основываясь, однако, еще на французскихъ данныхъ. Злосчастный 1847 годъ, ознаменовавшійся, по сви-

---

[1]) См. Gordon Rylands: Crime, its causes and remedy, 1889, c. 22.

[2]) У. с. стр. 317—8.

[3]) У. с. стр. 319.

[4]) Journal of the statistical Society, Septembre 1865.

[5]) Стр. 429 слл.

дѣтельству Ваппоуса, необычайнымъ количествомъ смертей и уменьшеніемъ числа браковъ и рожденій, далъ самую высокую цифру преступности за весь періодъ въ 32 года, отъ 1826 по 57 г., охватываемый работой автора.

Болѣе внимательный анализъ показываетъ, что только имущественныя преступленія умножились въ такой ужасающей прогрессіи въ 1847 (36,6% выше предшествующаго года и 24,7% выше средняго), тогда какъ преступленія противъ личности даже уменьшились (7% противъ 1,7%).

Дѣйствіе неурожая 1847 года—единственный фактъ, отмѣченный Ваппеусомъ. Однако, даже ограниченный матеріалъ, бывшій въ распоряженіи автора, позволилъ бы ему изучить глубже дѣйствіе экономическаго фактора и нѣкоторые другіе вопросы, касающіеся преступности.

Валентини глубоко изучилъ вліяніе экономическихъ условій, изслѣдуя извѣстныя мѣстности въ своемъ: Das Verbrechertum in Preussen (Leipzig 1869). Авторъ считаетъ естественнымъ, что матеріальная нужда бѣдныхъ странъ, причиняя въ то же время умственное вырожденіе, ведетъ къ преступленію [1]). Онъ тщательно опредѣляетъ критерій бѣдности и богатства [2]); онъ думаетъ, что нашелъ такой критерій въ количествѣ поступающихъ налоговъ, которое съ этой цѣлью сравниваетъ съ условіями собственности въ различныхъ областяхъ, съ общественной благотворительностью и нуждою мелкихъ собственниковъ.

Это сравненіе показываетъ [3]), что восточныя провинціи, Познань, Пруссія и Померанія находятся въ гораздо худшихъ экономическихъ условіяхъ, чѣмъ западныя рейнскія провинціи, Вестфалія и Саксонія. Поэтому, добавляетъ авторъ, и не слѣдуетъ удивляться, что количество имущественныхъ преступленій въ первыхъ выше, чѣмъ во вторыхъ. Къ сожалѣнію, авторъ не приложилъ ко второму термину сравненія—преступности—того же тщанія, съ которымъ онъ опредѣлилъ первый—благосостояніе.

Онъ забываетъ совершенно сравнить преступность восточныхъ и западныхъ провинцій,—что напрашивается само собой. Поэтому нельзя признать, что авторъ доказалъ бо́льшую преступность бѣдныхъ провинцій: предшествующее изложеніе можетъ разсматриваться лишь какъ пособіе къ опредѣленію уровня благосостоянія Германіи.

Чтобы лучше доказать вліяніе экономическихъ факторовъ на преступность, авторъ пользуется оригинальнымъ, не нашедшимъ, однако, подражателей, методомъ [4]). Статистика показываетъ, что женская преступность среди холостого населенія приближается къ мужской, по той естественной причинѣ, что въ этой части населенія существуетъ, съ экономической точки зрѣнія, наибольшее сходство между полами въ томъ смыслѣ, что они несутъ одинаковое бремя. Разница, рѣзче среди семейныхъ, такъ какъ на женатомъ мужчинѣ лежатъ большія обязанности, чѣмъ на женщинѣ.

Среди вдовыхъ на женщину падаетъ бремя, несоразмѣрное съ ея силами, такъ что преступность вдовъ превосходитъ на 9,72% преступность вдовцовъ. Средній возрастъ заключенныхъ—34 года. Пропор-

---

[1]) У. с. стр. 25.
[2]) У. с. стр. 26 и слѣд.
[3]) У. с. стр. 59 и слѣд.
[4]) У. с. стр. 79 и слѣд.

ЦАБ "Автограф"

ціонально они должны бы были распредѣляться слѣдующимъ образомъ:

Молодежь (16—20 л.)	11,8%
Средній возрастъ (20—45 л.)	73,5%
Свыше 45 л.	14,7%

Эти цифры, называемыя авторомъ „Soll“, т.-е. цифры, которыхъ должны достигать различные возрасты a priori, сообразно ихъ соотношенію въ народонаселеніи. Дѣйствительное же распредѣленіе слѣдующее:

Молодежь.

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Восточныя провинціи	7,13%	7,09%
Западныя „	8,62	10,01
Среднее	7,99	8,55

Средній возрастъ.

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Восточныя провинціи	79,85%	76,35%
Западныя „	75,45	73,41
Среднее	77,65	74,87.

Свыше 45 лѣтъ.

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Восточныя провинціи	13,05%	16,57%
Западныя „	15,70	16,60
Среднее	14,37	16,58.

Цифра „Soll“, не достигнутая слѣд. молодежью, превзойдена среднимъ возрастомъ, особенно мужчинами, отцами семействъ, (что слѣдовало бы доказать, но авторъ не даетъ доказательствъ), тѣми, наконецъ, кто несетъ большую тяжесть жизни. Превзойдена эта цифра и старшимъ возрастомъ, гдѣ существованіе труднѣе, въ особенности для женщинъ.

Авторъ полагаетъ, что такимъ путемъ доказалъ „Nothstandstheorie“, т.-е. объясненіе преступности нуждою. Но этой аргументаціи недостаетъ прочности. Прежде всего, не безспоренъ 34-лѣтній средній возрастъ преступниковъ. Мельчайшая ошибка въ этомъ вычисленіи значительно измѣняетъ величину „Soll“. Почти незначительныя уклоненія цифръ подтверждаютъ слабость доказательства; напрашивается выводъ, что только незначительное число преступленій, образующее излишекъ сравнительно съ „Soll“, находитъ свое объясненіе въ „Nothstandstheorie“ Валентини; помимо того, вовсе не доказано, что преступность, не достигающая „Soll“, обусловлена матеріальнымъ положеніемъ народа.

Авторъ пополняетъ свою Nothstandstheorie посредствомъ Frivolitätstheorie. Пояснимъ. Авторъ предвидитъ затрудненія, которыя встрѣтитъ его теорія, въ томъ, что богатыя провинціи часто даютъ высшія цифры преступности для извѣстныхъ категорій преступленій. Онъ прибѣгаетъ къ дополнительному разъясненію части преступности вліяніемъ легкихъ нравовъ, царящихъ, главнымъ образомъ, въ благоденствующихъ провинціяхъ.

Значеніе этого вліянія становится очевиднымъ, если сравнить преступность различныхъ возрастовъ. Преступники 16—20 лѣтъ составляютъ въ общемъ числѣ преступниковъ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Въ Познани	5,9%	6,7%
Въ Пруссіи	7,9	6,9
Въ Помераніи	6,5	6,2

ЦАБ "Автограф"

Въ Силезіи	8,3	**8,7**
Въ рейнс. провинціяхъ	9,1	**9,1**
Въ Бранденбургѣ	8,6	6,8
Въ Вестфаліи	8,4	11,8
Въ Саксоніи	9,4	12,3

Отсюда слѣдуетъ, что молодежь совершаетъ больше преступленій и, слѣдовательно, легкомысленнѣе въ зажиточныхъ провинціяхъ.

Напротивъ, средній возрастъ, на который падаетъ большая трудность жизни, болѣе поэтому чувствителенъ къ экономическимъ вліяніямъ и даетъ большій контингентъ преступниковъ въ бѣдныхъ провинціяхъ востока.

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Въ Познани	82,1%	75,5%
Въ Пруссіи	80,1	78,0
Въ Помераніи	78,6	75,4
Въ Силезіи	78,6	76,6
Въ рейнс. провинціяхъ	75,8	75,8
Въ Бранденбургѣ	77,1	73,9
Въ Вестфаліи	73,6	73,5
Въ Саксоніи	75,3	70,4

Несмотря на сказанное, Валентини дѣлаетъ все-таки извѣстные выводы. Понятно, однако, что употребляемый имъ крайне сложный методъ не примѣнялся послѣдующими криминалистами. Полученные выводы далеко не оправдываютъ предпочтенія этого метода другимъ, болѣе простымъ.

Книга Кольба Handbuch der Vergleichenden Statistik (Лейпцигъ, 1879, 8 изд.) содержитъ краткую замѣтку [1]) о вліяніи дороговизны на число преступленій. Авторъ воспроизводитъ нѣсколько цифръ англійской и французской статистики, которыя мы уже встрѣчали у разобранныхъ выше авторовъ и которыя указываютъ на ростъ преступности въ годы неурожая и экономическихъ затрудненій. Авторъ, напомнивъ извѣстное положеніе Майра, прибавляетъ, что въ цислейтанской Австріи, въ 1871 г. 21.620 обвиняемыхъ были въ полной нищетѣ, 2.637 располагали кое-какимъ имуществомъ и только 163 принадлежали къ зажиточнымъ классамъ. Цифры эти, безспорно, краснорѣчивы; но для опредѣленія ихъ истиннаго значенія слѣдовало бы сравнить ихъ съ % нуждающихся во всемъ населеніи.

Видное мѣсто среди занимавшихся нашимъ вопросомъ статистиковъ слѣдуетъ отвести дерптскому теологу Эттингену. Его главный трудъ Die Moralstatistik und die christliche Sittenlehre стремится обосновать систему соціальной этики на эмпирической почвѣ. Первая часть, наиболѣе важная, Die Moralstatistik in ihrer Bedeutung für eine Christliche Sozialethik [2]), говоритъ о біологическихъ функціяхъ человѣчества, взятаго въ цѣломъ, на основаніи ихъ внѣшнихъ, воспринимаемыхъ нами, проявленій. Въ эти рамки входитъ также изученіе преступности. Авторъ находитъ главную причину преступности [3]) въ эгоистической природѣ человѣка, завидующаго превосходству и состоянію ближняго; жажда обладанія и наслажденія, присоединяясь къ отвращенію ко всякому принѣжающему и утомительному труду, пробуждаетъ въ груди человѣка сѣмена порока, который, развиваясь, превращается въ скоромъ времени въ преступле-

[1]) Стр. 516—7.
[2]) 2 изд. Эрлангенъ, 1874.
[3]) У. с. стр. 420.

ніе и причиняетъ кругомъ большія бѣдствія. Эта внутренняя склонность ко злу, носящая болѣе внутренній и этическій характеръ, чѣмъ „penchant au crime“ Кетле [1]), возбуждается и легко приходитъ въ дѣйствіе благодаря внѣшнимъ искушеніямъ, коренящимся въ экономическихъ условіяхъ, главнымъ образомъ, въ нищетѣ, какъ соціальной, такъ и домашней. Истинный же мотивъ преступленія, въ концѣ-концовъ, коренится въ той разрушительной силѣ эгоизма, которую многіе современные экономисты оправдываютъ, какъ двигатель всего экономическаго развитія и національной жизни.

Въ современномъ обществѣ преступленіе локализовано [2]) въ той части его организма, которая питается нездоровой и нечистой пищей, въ преступномъ пролетаріатѣ, образующемъ изъ себя армію бродягъ. Авторъ [3]) считаетъ первой причиной бродяжества и, косвеннымъ образомъ, преступленія современную свободу профессій; разрушивъ гильдіи, она въ то же время уничтожила спасительное вліяніе ихъ на ремесленниковъ. Таково общее соотношеніе между преступностью и современной формой экономическаго развитія. Все общество въ цѣломъ и каждая группа, каждый слой въ отдѣльности способствуютъ преступности этого соціальнаго отброса, преступнаго пролетаріата, который, тѣмъ не менѣе, составляетъ часть соціальнаго организма: наклонность къ возстанію противъ правопорядка общая, слѣдовательно, каждый несетъ за нее и часть отвѣтственности [4]).

Мы должны повторить здѣсь замѣчаніе, сдѣланноеуже нами по поводу Кетле, что подобныя разсужденія, основная идея которыхъ восходитъ къ Корну [5]) и которыя близко соприкасаются съ идеями Кетле, хотя и представляютъ большое сходство съ теоріей общественной среды французской школы, однако сильно отличаются отъ послѣдней по исходной точкѣ зрѣнія. Лакассань разсматриваетъ индивида самого по себѣ и изучаетъ дѣйствіе вліяній, приводящихъ личность преступника къ преступленію, не изслѣдуя мѣста этихъ вліяній въ системѣ органическихъ инстинктовъ общества. Эта теорія объясняетъ, слѣдовательно, преступленіе его собственной средой.

Эттингенъ, Кетле, Корнъ,—мы можемъ прибавить и Принса,—разсматриваютъ, напротивъ, общество въ его цѣломъ и приходятъ къ выводу, что оно осуждаетъ часть своихъ членовъ на преступленіе, или же роковымъ образомъ предрасполагаетъ ихъ къ нему.

Такимъ образомъ, ихъ объясненіе обнимаетъ значительную часть преступности,—преступность соціальныхъ низовъ, въ ея цѣломъ, а не отдѣльные случаи преступленія. Это, конечно, не препятствуетъ тому, чтобы всякій другой видъ преступности могъ быть объясненъ средой. Но авторы эти ничего опредѣленнаго по этому поводу не говорятъ.

Эттингенъ,—и это совершенно отдѣляетъ его отъ Ліонской школы,—остается во всемъ этомъ, и въ гораздо большей степени, чѣмъ Кетле, убѣжденнымъ и упорнымъ спиритуалистомъ: преступникъ погружается въ омутъ преступности благодаря собственной винѣ и своей извращенной волѣ, однако, при дѣятельномъ содѣйствіи испорченнаго общества, произведшаго и воспитавшаго его. Въ дѣйствительности, внѣшнія

---

[1]) См. по этому поводу: Knapp, Die neueren Ansichten über Moralstatistik. Рѣчь, произнесенная въ большой аудиторіи Лейпцигскаго университета 29 апрѣля 1871. Iena 1871.

[2]) У. с. стр. 421.

[3]) У. с. стр. 423.

[4]) У. с. стр. 435.

[5]) Corne. Journal des économistes 1868, стр. 76.

условія, безъ содѣйствія воли, не имѣютъ рѣшающаго вліянія; авторъ въ другомъ мѣстѣ [1]) заявляетъ: „я вовсе не имѣю намѣренія дѣлать изъ личности простой продуктъ среды". Несмотря на опредѣленный протестъ автора и повторныя заявленія признанія свободы воли (относительной), онъ не смогъ освободиться отъ несправедливаго обвиненія въ „Naturdeterminismus", „Untergraben des Freiheitsbegriffes" и „Entlastung der Einzelnen" [2]). Онъ съ большимъ воодушевленіемъ защищается противъ этихъ обвиненій [3]); однако, самъ предъявляетъ ихъ Кетле [4]), несмотря на протесты послѣдняго [5]).

Въ § 38 авторъ занимается важными вопросами о періодичности проявленій преступности и извѣстныхъ общихъ вліяній на нее, именно—временъ года и цѣнъ. Здѣсь онъ касается нашего вопроса. Если разсматривать, говоритъ онъ [6]), движеніе имущественной преступности въ связи съ измѣненіями экономическаго положенія, то слѣдуетъ признать вѣрнымъ указанное ранѣе положеніе: съ повышеніемъ цѣнъ увеличивается количество кражъ и уменьшается количество преступленій противъ личности, и обратно.

Затѣмъ идетъ статистика дѣлъ въ прусскихъ ассизныхъ судахъ съ 1862—по 1869 г., подтверждающая указанный параллелизмъ, но одновременно показывающая, что степень примѣненія этого правила неодинакова и что дѣйствуютъ и другіе факторы. Баварская и саксонская статистика за періодъ 1860—63 г. также подтверждаютъ это наблюденіе. Бавaрія, именно, представляетъ обратное отношеніе обѣихъ категорій преступленій (противъ имущества и противъ личности) къ экономическимъ условіямъ [7]). Въ другомъ мѣстѣ [8]) Эттингенъ уже приводилъ отрывки изъ прусской статистики (за періоды 1854—59 и 1862—71), чтобы показать, что преступленія противъ нравственности чувствительно измѣняются въ числѣ отъ гибельнаго вліянія возрастающаго благосостоянія. Онъ выводитъ общее заключеніе [9]): „мы можемъ установить, что дурное отношеніе къ личности возрастаетъ въ обществѣ въ благопріятные годы въ той же степени, какъ уменьшаются имущественныя посягательства. Тутъ причиной роста является усиливающаяся нужда, тамъ—грубость и наглость".

Труду Эттингена, въ его цѣломъ, принадлежитъ, конечно, „почетное мѣсто среди важнѣйшихъ германскихъ трудовъ по теоретической статистикѣ" [10]). Намъ нужно оцѣнить лишь сравнительно незначительную часть работы, относящуюся къ нашей темѣ. И несмотря на цѣнность цѣлаго, заслуживающаго, на нашъ взглядъ, большого одобренія, эта часть труда кажется намъ малозначущей.

Одинъ критикъ „Moralstatistik" упрекаетъ въ Litt. Centralblatt Zarneke [11]) автора, „что онъ не далъ подробностей, которыхъ требуетъ статистика". Что касается изученія преступности въ связи съ

---

[1]) Christliche Sittenlehre, Erlangen 1873, c. 7. См. еще Moralstatistik, c. 438.

[2]) См. м. пр. Wahlberg: Preussiche Jahrbücher, 1871, II, c. 223 сл.; Glaser'z Jahrbuchfür Gesellsch. und Staatswrissenschafft 1868, X, c. 149.

[3]) Christliche Sittenlehre, c. 7—8; Moralstat. c. 438,

[4]) Moralstat. стр. 69 сл.

[5]) Systeme sociale, Paris 1848, c. 24.

[6]) У. с стр. 467 сл.

[7]) См. Майръ, Statistik derGerichtl. Polizei, München, 1867, c. 42.

[8]) У. с. пар. 22, стр. 223 сл.

[9]) У с стр. 469.

[10]) По выраженію Zeitschrift des Berliner statisticher Bureau, 1869, c. 120.

[11]) 1872, стр. 860.

экономическими условіями, то тутъ недостаетъ не деталей, но скорѣе самыхъ матеріаловъ. Для того, чтобы вывести законъ, называемый авторомъ „Erfahrungsgesetz“, опредѣленіе котораго имѣетъ такую важность для предупрежденія преступленія и борьбы съ нимъ,—очевидно недостаточно трехъ ограниченныхъ статистикъ: Пруссіи за 1862—69, Баваріи и Саксоніи за 1860—63 г.г. Выводы относительно дѣйствія хлѣбныхъ цѣнъ на посягательства противъ нравственности (§ 22) основаны на документахъ, имѣющихъ нѣкоторую важность, и, поэтому, болѣе заслуживаетъ довѣрія.

Въ итогѣ, трудъ Эттингена является незначительнымъ,—хотя и полезнымъ,—вкладомъ въ литературу нашего вопроса.

Майръ (позже фонъ-Майръ) описываетъ вліяніе экономическихъ факторовъ на преступность въ тщательныхъ очеркахъ о Statistik der gerichtlichen Polizei im Königreiche Bayern und in einigen anderen Ländern, образующихъ XVI томъ Beiträge zur Statistik des Königreichs Bayern (München (1862).

Майръ повторяетъ свои аргументы и выводы въ книгѣ, недавно появившейся: Die Gesetzmässigkeit in Gesellschaftsleben (Munchen, 1847).

Отрицая слишкомъ математическій взглядъ Кетле, авторъ показываетъ [1]), что число преступленій подвержено значительнымъ колебаніямъ, причиняемымъ разными вліяніями, прежде всего, цѣнами на съѣстные припасы. Данныя автора основаны на статистикѣ за періодъ 1835—61 г.г., для каждой баварской провинціи въ отдѣльности. Превосходныя таблицы (приложенія I—IX) бросаютъ яркій свѣтъ на разсужденія автора. Въ общемъ обнаруживается постоянный и точный параллелизмъ между крпвой цѣнъ и имущественныхъ преступленій; посягательства на личность, напротивъ, показываютъ обратное отношеніе.

Параллелизмъ первыхъ двухъ явленій до того точенъ, что внушилъ автору его извѣстную фразу, ставшую знаменитой въ криминологіи, что каждое увеличеніе цѣнъ зерна на „Sechser“ (0,215 fr.) было причиной одной кражи на 100,000 жит., а каждое уменьшеніе цѣнъ зерна на „Sechser“ помѣшало одной кражѣ. Объясняя этотъ фактъ, авторъ анализируетъ мотивы, опредѣляющіе къ преступленію. Обыкновенный мотивъ кражи заключается въ присвоеніи или измѣненіи благъ, съ цѣлью непосредственно удовлетворить свои потребности. Необходимость пріобрѣсти нужное для существованія путемъ преступнымъ тѣмъ болѣе настоятельна, чѣмъ труднѣе становится нормальное поддержаніе жизни. Отсюда ясно, что всякое увеличеніе тягости жизненныхъ условій приводитъ къ имущественнымъ посягательствамъ. Въ большинствѣ случаевъ обстоятельства, увеличивающія тяжесть жизненныхъ условій, объективнаго характера: увеличеніе цѣнъ съѣстныхъ припасовъ. Но они могутъ быть и субъективны: уменьшеніе заработной платы. Преступленія противъ личности коренятся въ наглости, грубости, страсти, грубой чувственности, которымъ благопріятствуетъ жизнь въ довольствѣ. Потому же и эмиграція, выбрасывающая въ поискахъ новыхъ средствъ такъ много людей за границы именно въ виду трудности матеріальнаго существованія, въ общемъ развивается параллельно съ ростомъ цѣнъ.

---

[1]) Beiträge zur Statistin, etc. c. 41 сл., c. 60. Die Gesetzmässigkeit etc. c. 343 сл.

Трудъ Майра весьма цѣненъ для нашего вопроса. Какъ мы уже видѣли, авторъ очень хорошо понялъ въ то время, когда производилъ свои наблюденія, что экономическія условія и возрастающія жизненныя нужды не находятъ своего выраженія единственно въ хлѣбныхъ цѣнахъ, что могутъ оказать вліяніе и другіе факторы, въ числѣ коихъ на первомъ планѣ стоитъ измѣненіе заработной платы. Относительное обиліе данныхъ, тщательно разработанныхъ, которыми авторъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ статистиковъ нашего времени, владѣетъ вполнѣ, значительно увеличиваетъ цѣнность труда.

Въ своей извѣстной брошюрѣ Die Zunahme der Vergehen und Verbrechen und ihre Ursachen (Дюссельдорфъ, 1878), обсуждавшейся даже въ рейхстагѣ, пасторъ Стурсбергъ самыми темными красками рисуетъ преступность и ея ростъ въ Германіи [1]). Онъ старается доказать, что первоначальными причинами преступности являются пороки и невѣріе; всѣ другія вліянія онъ отвергаетъ, не допуская возможности роста преступности подъ дѣйствіемъ матеріальной нужды, свирѣпствующей въ наше время, коммерческаго и промышленнаго кризиса, недостатка работы и обѣдненія рабочихъ классовъ [2]). Въ доказательство своего положенія онъ приводитъ фактъ, что имущественная преступность вовсе не возрастала до 1877 года, хотя экономическія затрудненія уже давно возникли и что, кромѣ того (?), этотъ ростъ начинается не съ появленіемъ плохихъ періодовъ. Стурсбергъ доказываетъ это положеніе самымъ несовершеннымъ образомъ, при помощи нѣсколькихъ недостаточныхъ данныхъ. Авторъ обратился къ значительному числу директоровъ и духовниковъ тюремъ съ вопроснымъ листомъ, касающимся нѣкоторыхъ вопросовъ преступности, полагая такимъ путемъ получить рѣшительное доказательство въ пользу своего положенія. Стурсбергъ приписываетъ полученнымъ отвѣтамъ самое высокое значеніе и пользуется ими, какъ основаніемъ своего изслѣдованія. Изъ Ангальта ему отвѣтили: въ этомъ герцогствѣ, гдѣ царитъ общее благосостояніе, гдѣ пауперизмъ неизвѣстенъ,—преступность возрастаетъ чрезвычайно. По различнымъ источникамъ было установлено, что дѣйствительная нужда рѣдко служитъ причиной нарушенія закона. Авторъ все же допускаетъ, что, можетъ-быть, порой нѣкоторые предрасположенные индивиды, подъ вліяніемъ нужды, прибѣгаютъ къ недозволеннымъ средствамъ, „но дѣйствительно честнаго человѣка нужда учитъ лишь молитвѣ“.

Острое перо Эттингена доказало „недостатки аргументаціи и отсутствіе метода“ въ трудѣ Стурсберга. Но въ то же время Эттингенъ слишкомъ хвалилъ „его богатые, даже солидные матеріалы“ [3]). Эта оцѣнка слишкомъ благожелательна. Богатсво данныхъ Стурсберга не гарантируетъ еще ихъ солидности. Прибѣгая, для пополненія германской статистики, къ сужденіямъ другихъ лицъ, Стурсбергъ впалъ въ крупную ошибку; онъ въ каждомъ тюремномъ директорѣ или духовникѣ видитъ компетентнаго судью вопроса, тогда какъ только детальное и глубокое изученіе статистическихъ данныхъ можетъ его освѣтить, а вовсе не несовершенный, часто близорукій опытъ практика, якобы

---

[1]) „Черная картина на черномъ фонѣ“—говоритъ Эттингенъ. Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft 1881, c. 415. См. также Aschrott, Jahrbuch für Gesetzgebung 1884, I, c. 1888 прим.

[2]) У. с. стр. 27—8.

[3]) Obligatoriche und facultative Civilehe nach den Ergednissen der Moralstatistik, Leipzig, 1881, c. 26 слл. См. также Z. f. d. g. Strafwiss 1881, c. 415 и 417.

посвященнаго въ его тайны. Относительно экономическаго вліянія въ особенности слѣдуетъ предполагать, что ограниченный взоръ лицъ, къ которымъ обратился съ своей анкетой Стурсбергъ, приписываетъ экономическому фактору только преступленія, совершенныя подъ непосредственнымъ давленіемъ нужды. Мы, поэтому, должны усумниться въ солидности данныхъ, на которыя опирается работа Стурсберга и отвергнуть цѣнность его заключеній; сдѣлать это мы должны и въ виду отсутствія методичности, на которое указалъ Эттингенъ, и въ виду неизбѣжной партійности, избѣжать которой такъ трудно въ книгѣ, написанной съ предвзятымъ мнѣніемъ.

Современные уголовные статистики.

Съ 1880 года примѣненіе статистики къ изученію преступности входитъ въ новую фазу развитія.

Къ этому времени общее вниманіе привлекли принципы новой школы, только-что основанной въ Италіи и Франціи. Съ этого времени они освѣщаютъ новымъ свѣтомъ и работы по уголовной статистикѣ даже тѣхъ, кто занимается ею, какъ таковой, т. е. группы ученыхъ, которыхъ мы объединили подъ именемъ статистиковъ.

Вейсъ (Будапештъ) разсуждаетъ Ueber einige wirtschaftliche und moralische Wirkungen hoher Getreidepreise въ Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik 1881, III, c. 80.

Вейсъ предполагаетъ освѣтить видную роль нужды въ генезисѣ преступленія, сравнивая цифры преступности разныхъ странъ съ цѣнами зерна [1]). Французская статистика 1846—64 г.г. показываетъ достаточно полный параллелизмъ сравниваемыхъ явленій, какъ мы уже видѣли это въ нѣсколькихъ другихъ работахъ. Неудивительно, что кривыя совпадаютъ еще болѣе, когда приняты въ разсчетъ только имущественныя преступленія. Тотъ же результатъ даютъ бельгійскія цифры 1841—60 г.г. Быстрый обзоръ англійской статистики съ 1811 по 1858 г. по десятилѣтіямъ даетъ, напротивъ, лишь частичное совпаденіе кривыхъ. Авторъ сожалѣетъ, что не обладаетъ данными, чтобы освѣтить эти отклоненія. Онъ даже для этой отдаленной эпохи угадываетъ вліяніе кризисовъ, рано наступившихъ въ Англіи [2]). Наконецъ, авторъ изслѣдуетъ австрійскую статистику; она, въ общемъ, за періодъ 1831—50 г. даетъ высшія цифры преступности въ дурные годы сравнительно съ благопріятными.

Къ несчастію, работа Вейса, хотя и основанная на цифрахъ, тщательно подобранныхъ и заимствованныхъ изъ первоисточниковъ, страдаетъ большими недостатками. Странно, во первыхъ, видѣть, что современный авторъ черпаетъ свои данныя предпочтительно изъ статистики первой половины XIX вѣка, эпохи зачаточнаго состоянія статистики, что должно сильно уменьшить цѣнность выводовъ. Другое замѣчаніе—относительно основанія, руководясь которымъ авторъ вычисляетъ степень благосостоянія. Необоснованное дѣленіе годовъ на дурные и хорошіе рискуетъ оказаться произвольнымъ. Относительно англійской и австрійской статистики, въ частности(первая къ тому же даетъ сомнительные результаты), авторъ дѣлаетъ крупную ошибку, взявъ

---

[1]) У. с. стр. 85 слл.

[2]) Мюллеръ позже отчетливо подчеркнулъ этотъ фактъ. Untersuchungen über die Bewegung der Criminalität in ihrem Zusammenhang mit den wirtschaftlichen Verhältnissen. 1899, c. 28 слл.

за точку отправленія общую массу преступности, а не различныя психологически группы имущественныхъ преступленій и преступленій противъ личности.

Л. Фульдъ въ трудѣ, озаглавленномъ Der Einfluss der Lebensmittelpreise auf die Bewegung der strafbaren Handlungen (1881) говоритъ о нашемъ вопросѣ ex professo. Авторъ опирается на развитый Эттингеномъ принципъ относительной свободы воли [1]). Онъ предполагаетъ изучить вліяніе цѣнъ на съѣстные припасы на преступность; чтобы избѣжать всякихъ недоразумѣній, онъ съ самаго начала заявляетъ, что вовсе не пытается объяснить всю преступность колебаніями цѣнъ [2]). Продолженіе показываетъ, что это заявленіе излишне. Всякое дѣйствіе—результатъ нѣсколькихъ мотивовъ, между которыми важное мѣсто занимаютъ соціальные мотивы; въ ихъ числѣ находятся и хлѣбныя цѣны.

Изучая свой вопросъ, авторъ критикуетъ методъ, состоящій въ разсмотрѣніи всей преступности въ ея цѣломъ. Нелогично помѣщать въ одну группу, напр., ссору и кражу. Всякій родъ преступности долженъ быть изучаемъ отдѣльно: преступленія противъ имущества, личности, нравственности. Онъ послѣдовательно изучаетъ:

1) Преступленія противъ имущества [3]):

Цѣны здѣсь имѣютъ, по мнѣнію автора, очевидное вліяніе [4]).

Кража. Мало преступленій, пишетъ Фульдъ, представляющихъ такую же, какъ кража, тѣсную связь съ внѣшними вліяніями, либо собственность является непосредственнымъ объектомъ эгоизма. Онъ прибавляетъ, въ пользу своего положенія, слѣдующія статистическія данныя: таблицу, заимствованную отчасти у Эттингена, содержащую цифры кражъ въ соотношеніи съ хлѣбными цѣнами во Франціи съ 1856 по 1860 г. Въ этомъ краткомъ очеркѣ авторъ замѣчаетъ общее возрастаніе обоихъ явленій въ 1859—60 г. Въ слѣдующіе годы цѣны падаютъ, а число кражъ увеличивается. Авторъ наивно заключаетъ, что «уже изъ этихъ ограниченныхъ данныхъ вытекаетъ вліяніе цѣнъ". Съ такимъ же основаніемъ можно бы было сказать, что они доказываютъ отсутствіе всякой связи между преступностью и цѣнами.

Изслѣдованіе англійскихъ данныхъ, устанавливающее постоянное отношеніе между сравниваемыми явленіями, имѣетъ болѣе цѣны. Авторъ, затѣмъ, сравниваетъ число лѣсныхъ кражъ въ Пруссіи съ 1862 по 1874 г. съ движеніемъ цѣнъ. Цифры довольно точно соотвѣтствуютъ даннымъ Штарке и, слѣд., заслуживаютъ довѣрія [5]). Оба фактора идутъ параллельно, хотя и съ нѣкоторыми уклоненіями (1864, 1866 и 1871—74). Штарке и Эттингенъ доказываютъ, однако, что эти уклоненія, если ихъ изслѣдовать ближе, не говорятъ ничего противъ вліянія экономическихъ факторовъ на кражи. Они объясняютъ, что эти уклоненія, прежде всего, результатъ войнъ, а также и другихъ причинъ соціальнаго порядка, кромѣ цѣнъ. Фульдъ, однако, не объясняетъ такъ своихъ данныхъ; онъ довольствуется признаніемъ „неожиданности" факта, что, несмотря на повышеніе цѣнъ съ 1870 года, число пре-

---

[1]) У. с. стр. 10.
[2]) У. с. стр. 11 слл.
[3]) У. с. стр. 29 слл.
[4]) У. с. стр. 30 слл.
[5]) См. Moralstatistik стр. 447. Въ цифры, воспроизведенныя Фульдомъ, вкралась маленькая ошибка: окончательная цифра для 1858 г. достигаетъ 15437, а не 15537.
[6]) См. Starke Verbrechen und Verbrecher in Preüssen для лѣсныхъ кражъ табл. V, для цѣнъ табл. 11 стр. 55.

ступленій начинаетъ увеличиваться лишь 1874 г. Это даже не точно: число кражъ дровъ возрастаетъ съ 1870—71 г. и уменьшается уже въ 1873—4 г. Авторъ, слѣд., извлекаетъ изъ этихъ данныхъ меньше, чѣмъ они содержатъ.

Изъ Саксонской статистики Фульдъ заимствуетъ матеріалы, на которые опирается большая и въ нѣкоторомъ отношеніи самая существенная часть его работы. Онъ обращается къ этой статистикѣ также при изслѣдованіи кражъ. Къ несчастію, эти данныя несовершенны во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего, авторъ воспроизводитъ таблицы кражъ за періодъ 1869—77 г., а таблицы цѣнъ съ 1873 по 1880 годъ. Такимъ образомъ, для сравненія можно использовать лишь краткій пятилѣтній періодъ 1873—77 г. Подъемъ цѣнъ въ предыдущіе годы еще можетъ имѣть значеніе для сравненія [1]), но сравненіе количества кражъ въ годы, предшествующіе годамъ, для которыхъ взяты цѣны, не имѣетъ никакого значенія. Болѣе выгодно было бы обратное [2]). Другая ошибка заключается въ методѣ, принятомъ для опредѣленія цѣнъ. Естественно, что взятыя отдѣльно цифры ржи, пшеницы, овса ячменя и картофеля не всегда совпадаютъ, тѣмъ болѣе, что онѣ исчислены не для одного и того же рынка. Лишь совокупность цѣнъ могла бы служить основаніемъ; отдѣльная цѣна могла бы быть принята за основаніе лишь въ случаѣ, если бы какой нибудь родъ продуктовъ игралъ первенствующую роль въ Саксоніи, чего не было и что не указано. Авторъ, слѣдовательно, выполнилъ бы полезный трудъ, если бы вычислилъ общія цѣны для полученія опредѣленнаго термина сравненія. Наконецъ, годы 1873—77, могущіе быть использованными, были, именно періодами кризиса; за это время въ Германіи, какъ и вездѣ, установились чувствительныя различія между пониженіемъ цѣнъ и ростомъ преступности. Неудивительно, если сравненіе кривыхъ не даетъ никакого параллелизма. Но что удивительно,— такъ это то, что авторъ тѣмъ не менѣе находитъ, что объ таблицы совпадаютъ. Наиболѣе удобнымъ способомъ доказать, что никакой связи здѣсь нѣтъ, является, по нашему мнѣнію, графическое изображеніе. Слѣдующая таблица составлена по цифрамъ Фульда. Она отчетливо подсказываетъ отрицательный выводъ и въ то же

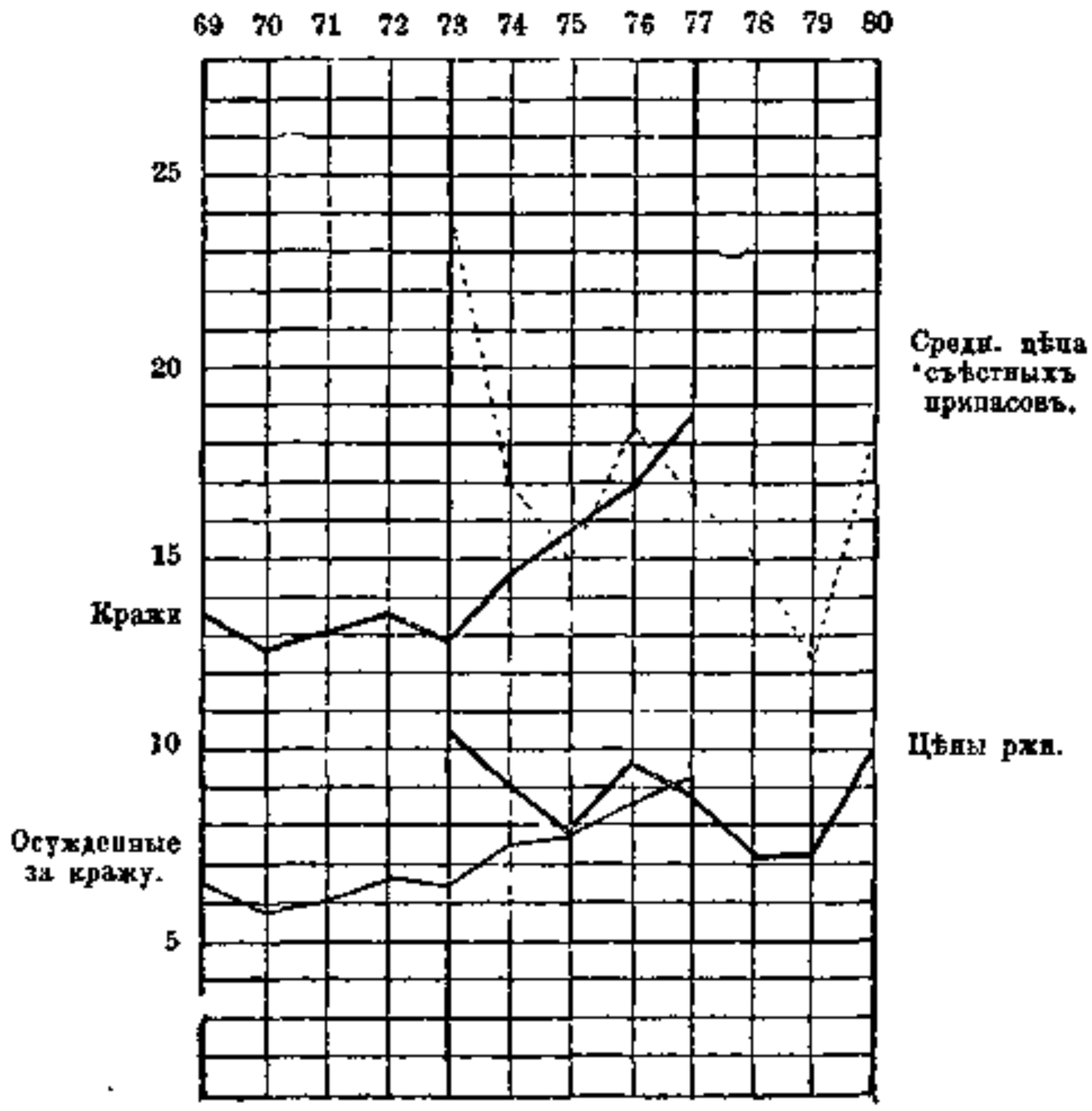

Рис. 126.

---

[1]) „Чтобы можно было судить о годахъ, слѣдующихъ за концомъ періода наблюденія", говоритъ Штарке, у. с. стр. 54.

[2]) „Чтобы можно было объяснить себѣ состояніе преступности въ началѣ наблюдаемаго періода", говоритъ Штарке, тамъ же.

время говоритъ, что авторъ слѣпо заблуждался, признавая въ цѣнахъ съѣстныхъ припасовъ „незначительный, но постоянный прогрессъ."

Авторъ изслѣдуетъ, затѣмъ, вліяніе цѣнъ на другіе имущественныя преступленія: мошенничество (табл. II), грабежъ, обманы (т. III), подлоги (т. IV), укрывательство, злостное банкротство (т. V). Онъ и здѣсь основывается на сравненіи цѣнъ 1873—80 гг. съ данными уголовной статистики Саксоніи 1869—77, гдѣ только 1873—77 гг. совпадаютъ. Иногда можно замѣтить достаточно точный параллелизмъ (т. II; преступленія т. IV находятся въ связи съ цѣнами ржи, но не съ совокупностью цѣнъ), часто же наблюдается полное отсутствіе связи. Въ виду того, что наблюденія относятся къ слишкомъ краткому времени и, притомъ, къ періоду кризиса, и въ виду того, что взятыя цѣны, какъ мы видѣли, не выражаютъ экономическаго положенія, мы должны признать изслѣдованіе Фульда по вопросу о вліяніи экономическихъ факторовъ на имущественную преступность лишеннымъ значенія.

Представляетъ извѣстный интересъ распредѣленіе преступленій по полу и возрасту, отмѣчаемое авторомъ каждый разъ въ его таблицахъ; но оно очень мало даетъ для изученія экономическаго вліянія. Это распредѣленіе, безъ сомнѣнія, показываетъ, что матеріальные факторы дѣйствуютъ различно, въ зависимости отъ пола и возраста. Но причина этого коренится, очевидно, въ этихъ индивидуальныхъ факторахъ. Авторъ дѣлаетъ заключеніе: „мы показали, что вліяніе цѣнъ на имущественныя посягательства нельзя назвать ограниченнымъ." [1]) Этотъ выводъ кажется намъ основаннымъ на преувеличенной оцѣнкѣ полученныхъ результатовъ. Авторъ и самъ сознаетъ хрупкость своего, составленнаго изъ пяти отрывковъ, статистическаго зданія и признаетъ, „что эти цифры не могутъ дать основанія для общихъ выводовъ по своей ограниченности." [2]) Откровенное признаніе.! Оно должно бы было побудить автора удержаться отъ формулированія только-что приведеннаго вывода.

2). Посягательства противъ личности. [3]).

Авторъ начинаетъ съ предупрежденія, что для этого рода преступленій гораздо труднѣе найти связь съ цѣнами, такъ какъ тутъ главнымъ двигателемъ является страсть. [4]). Не подлежитъ, однако, спору, говоритъ онъ, что большое количество посягательствъ на личность обусловлено матеріальной нуждой. Съ другой стороны, личныя посягательства преимущественно пригодны для доказательства относительной свободы человѣческой воли. Цѣлью разсужденій Фульда и является установить эти положенія для каждаго вида преступленій путемъ статистической провѣрки. Единственнымъ основаніемъ ему и здѣсь служитъ ограниченная саксонская статистика. Вотъ его выводъ относительно убійства (табл. 9): таблица указываетъ на такое несоотвѣтствіе наблюдаемыхъ явленій, что не можетъ быть и рѣчи о попыткѣ установить вліяніе цѣнъ." [5]).

Не лучше выводъ и относительно ранъ и побоевъ. Таблица (10) не даетъ ничего. Авторъ, по апріорнымъ соображеніямъ, не приписыва-

---

[1]). У. с. стр. 38.
[2]). У. с. стр. 36.
[3]). У. с. стр. 39. сл.
[4]). Это замѣчаніе не примѣняется къ худшей категоріи преступленій противъ личности — къ предумышленному убійству. См. м. пр. Коларинни. Sociologia criminale, стр. 512—513.
[5]). У. с. стр. 40.

етъ значительнаго вліянія колебаніямъ цѣнъ на данныя преступленія. [1]).

Что касается отравленія [2]) (табл. 11), то авторъ называетъ свои цифры „крайне недостаточными“, что не мѣшаетъ ему, однако, утверждать: „какъ ни недостаточно и ни нетвердо основаніе, которое даютъ наши цифры,—мы снова можемъ съ увѣренностью сдѣлать отрицательное заключеніе.“ А мы спросимъ: на какомъ основаніи?

Относительно дѣтоубійства (табл. 12) Фульдъ также даетъ необоснованныя заключенія. [3]) Онъ сначала признаетъ, что его очеркъ „къ сожалѣнію, не даетъ вѣрной картины распространенности этого преступленія, что цифры слишкомъ ограничены для общихъ выводовъ.“ Съ оговоркой, „насколько небольшія цифры позволяютъ сдѣлать какой бы то ни было выводъ,“ авторъ, однако, находитъ въ этой таблицѣ „достаточно ясное несовпаденіе, исключающее всякое причинное отношеніе“. Къ удивленію, авторъ прибавляетъ: „мы считаемъ не только возможнымъ, но даже безспорнымъ, что цѣны оказываютъ здѣсь дѣйствительное вліяніе; однако, состояніе статистики не позволяетъ дать индуктивное доказательство этого.“ Авторъ прибѣгаетъ, поэтому, къ дедукціи, и хотя онъ не можетъ еще дать индуктивное провѣрочное доказательство, онъ убѣжденъ, что материнская любовь какъ замужней, такъ и незамужней женщины недостаточно сильна, чтобы помѣшать дѣтоубійству въ случаѣ грозящей нужды. Страхъ не оказаться въ состояніи прокормить ребенка, о которомъ отецъ вовсе не заботится, является однимъ изъ частыхъ мотивовъ дѣтоубійства, такъ же, какъ бѣдность и нужда. Вліяніе цѣнъ, стало-быть, не исключено.“ Этотъ дедуктивный выводъ уже самъ по себѣ весьма сомнителенъ. Не столько нужда, сколько страхъ родительскаго гнѣва, а еще больше стыдъ, приводятъ, въ особенности въ деревняхъ и маленькихъ городахъ, къ дѣтоубійству дѣвушекъ-матерей, несмѣлыхъ и неопытныхъ; вѣдь, болѣе опытныя не имѣютъ нужды прибѣгать къ дѣтоубійству. На это мы уже указывали, говоря о Колаяни. Въ трущобахъ большихъ городовъ, гдѣ пауперизмъ и нужда достигаютъ наивысшаго уровня, но откуда привычка къ безнравственности и раннее смѣшеніе половъ изгнали всякій стыдъ, гдѣ дѣвушка-мать не имѣетъ, слѣдовательно, основаній бояться позора,—тамъ незаконныя рожденія обыкновенны. Среди дѣвушекъ болѣе высокаго интеллектуальнаго и соціальнаго положенія, ставшихъ беременными по страсти или неосторожности, главнымъ мотивомъ, по которому онѣ прибѣгаютъ къ дѣтоубійству и аборту, чтобы скрыть свою ошибку, является не нужда, а желаніе освободиться отъ обязанности; вѣдь, жизнь гораздо удобнѣе и пріятнѣе для „дѣвушки“, чѣмъ для матери. [4]).

Единственный и, къ тому же, ненадежный выводъ этого разсужденія является плодомъ дедукціи и, поэтому, никоимъ образомъ не отвѣчаетъ задачѣ, которую поставилъ своему индуктивному изслѣдо-

---

[1]). У. с. стр. 41.
[2]). У. с. стр. 41/2.
[3]). У. с. стр. 42. сл.
[4]). См. Oettingen, Moralstatistik, с. 655; Corre, Crime et Suicide, с. 298; Bournet: De la criminalite en France et en Italie, с. 70; Lafargue Neue Zeit, VIII, с. 195.

Другіе видятъ обыкновенную причину дѣтоубійства въ матеріальной нуждѣ, въ страхѣ не оказаться въ состояніи нести расходы по содержанію и воспитанію ребенка. См. м. пр. Berner, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, Leipzig 1895, стр. 510 г. Крафтъ-Эбингъ, Grundzüge der Criminalpsychologie, Stuttgart. 1882, стр. 43.

ванію Фульдъ. Кромѣ того, этотъ полученный a priori выводъ не соотвѣтствуетъ даже труду, который затратилъ авторъ, чтобы сдѣлать кое-какія заключенія изъ приведенной статистики. Дѣйствительно, авторъ заключилъ объ отсутствіи всякаго вліянія цѣнъ въ то время, какъ дедуктивно онъ призналъ связь между экономическимъ положеніемъ и дѣтоубійствомъ.

Очевидно, авторъ ровно ничего не доказалъ и всѣ разсужденія о дѣтоубійствѣ могли бы безъ ущерба быть выпущены. Того же метода держится Фульдъ и въ изслѣдованіи аборта [1]). Статистика аборта, по его собственному признанію, еще менѣе достовѣрна, чѣмъ предыдущая; онъ, однако, полагаетъ, что нельзя отвергать всякую связь между цѣнами и преступленіями, о которыхъ идетъ рѣчь. Въ дѣйствительности, тощіе отрывки статистики, приводимые авторомъ, не даютъ никакого, ни положительнаго, ни отрицательнаго вывода.

Повторивъ еще разъ, что статистика посягательствъ противъ личности столь несовершенна, что всякій выводъ является необоснованнымъ, авторъ, однако, приходитъ къ отрицательному выводу: „Нѣтъ никакой или есть очень малая связь между преступленіями противъ личности и экономическимъ положеніемъ, потому что эти преступленія зависятъ отъ внутреннихъ мотивовъ“. Онъ добавляетъ, что этотъ отрицательный выводъ имѣетъ такую же цѣнность, какую имѣлъ бы положительный. Работа Фульда указываетъ намъ лишь, что онъ не сумѣлъ найти никакого—ни положительнаго, ни отрицательнаго отношенія между преступленіями противъ жизни и личности и экономическимъ положеніемъ въ изученной имъ отрывочной статистикѣ. Это и естественно, если принять во вниманіе недостаточность его данныхъ. Изъ послѣднихъ вовсе не вытекаетъ, что не существуетъ никакой связи между изслѣдуемыми явленіями. Съ меньшимъ оптимизмомъ, чѣмъ авторъ, мы можемъ изъ нихъ заключить, что объ отрицательномъ выводѣ не можетъ быть рѣчи, что вообще нельзя сдѣлать никакого вывода.

3). Преступленія противъ нравственности [2]).

И здѣсь разсужденія въ томъ же родѣ. Только статистика сводничества обнаруживаетъ нѣкоторую связь съ цѣнами. Но это только по закону эти преступленія стоятъ среди преступленій противъ нравственности, тогда какъ по своей природѣ они должны бы занять мѣсто среди корыстныхъ посягательствъ. Что касается другихъ дѣяній—прелюбодѣянія (т. 14), кровосмѣшенія (т. 15), изнасилованія (т. 16), развратныхъ дѣйствій, сопровождаемыхъ насиліемъ (т. 17), изнасилованія дѣтей ниже 14-лѣтняго возраста (18), безстыдныхъ дѣйствій (т. 20),—то по отношенію къ нимъ статистика пятилѣтнихъ періодовъ слишкомъ ограничена и, по признанію самаго же автора, не позволяетъ сдѣлать никакихъ выводовъ. Авторъ, однако, снова отрицаетъ всякую прямую связь между большинствомъ посягательствъ на нравственность и экономическимъ положеніемъ. Онъ идетъ дальше и утверждаетъ, что увеличеніе благосостоянія оказываетъ косвенно неблагопріятное вліяніе на преступленія противъ нравственности. Но онъ черпаетъ это убѣжденіе или изъ дедуктивныхъ соображеній, или изъ болѣе достойныхъ довѣрія выводовъ, полученныхъ другими. Индуктивнаго доказательства нѣтъ и авторъ даже признаетъ, что оно невозможно при имѣвшихся у него матеріалахъ. Мы полагаемъ, что имѣемъ право дать слѣдую-

---

[1]) У. с., стр. 43 слл.
[2]) У. с., стр. 46 слл.

щую оцѣнку труда Фульда: выводы первой главы относительно имущественныхъ преступленій частью необоснованы и вообще не имѣютъ никакой цѣны; выводы двухъ слѣдующихъ главъ о преступленіяхъ противъ личности и нравственности—не имѣютъ цѣны. Работа Фульда образецъ детальной и оригинальной разработки нашего вопроса, не имѣющая, однако, значенія для правильнаго освѣщенія этого вопроса.

Въ Германіи много говорили о книгѣ Штарке во время ея появленія. Авторъ—спиритуалистъ, такъ же, какъ и предыдущій [1]). Онъ подвергаетъ старательному изученію преступность Пруссіи: Verbrechen und Verbrecher in Preussen 1854 — 78, Berlin. 1884. Многочисленныя данныя, доставленныя статистическимъ бюро Пруссіи и работой Фирка [2]), показали автору, что количество рожденій, браковъ и смертей стоитъ въ тѣсной зависимости отъ экономическаго положенія населенія. Это заставляетъ автора предполагать, что и преступность стоитъ въ такой же связи съ экономическимъ положеніемъ края. Таковъ предметъ его изученія.

На стр. 55 онъ даетъ очеркъ движенія цѣнъ пшеницы, ржи и картофеля съ 1848 по 1881 г., и, съ другой стороны, движенія преступности 1854—78 г.г. Все изложеніе иллюстрируетъ графическая таблица. Между двумя кривыми замѣчается почти полный параллелизмъ, такъ что авторъ приходитъкъ заключенію о наличности тѣсной связи между преступностью и экономическимъ состояніемъ, выраженнымъ цѣнами пищевыхъ продуктовъ. Авторъ замѣчаетъ нѣкоторыя уклоненія въ кривыхъ и ищетъ ихъ объясненія [3]). Годы войнъ—1866 и 1870—71—отличались чувствительнымъ паденіемъ преступности, несмотря на повышеніе цѣнъ. Это доказываетъ, что война имѣетъ мощное вліяніе на уменьшеніе преступленій, явленіе, наблюдавшееся всѣми статистиками и для другихъ странъ [5]). Начиная съ 1874 г. расхожденія дѣлаются многочисленнѣе: съ 1874—5 г. паденіе преступности значительнѣе, чѣмъ паденіе цѣнъ, въ 1875—7 г.г. ростъ преступности больше увеличенія цѣнъ; съ 1877 г. преступность продолжаетъ увеличиваться, несмотря на паденіе цѣнъ. Авторъ старается открыть причину такого расхожденія, изучая пристальнѣе общее экономическое положеніе Пруссіи и Германіи послѣ 1873 г. Можно думать, что авторъ отчасти преувеличиваетъ важность этихъ уклоненій, еще ничтожныхъ въ ту эпоху, о которой говоритъ Штарке. Значительными они становятся лишь впослѣдствіи. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что слабыя уклоненія, подобныя уклоненіямъ 1874—5 и 1875—7 г.г., могутъ отлично объ-

---

[1]) См. стр. 6 нижеслѣд. труда.

[2]) Die wichtigsten Tatsachen aus dem Gebiete der Geburten. Sterbefälle, und Eheschliessungen in Preussen, in Zeitschr., des Statist. Bureau 1876, c. 363.

[3]) У. с., стр. 57 слл.

[5]) См. для Германіи въ особенности: Oettingen, Moralstatistik. c. 461 слл.; Fuld: Der Eintluss der Lebensmittelpreise auf die Bewegung der strafbaren Handlungen, c. 34; Müller Untersuchungen über dü Bewegung der Criminalitat etc Halle 1899, c. 33 слл.

Для Франціи: Compte général de l'administration de la justice criminelle en France pendant l'annee 1880, Paris 1882, (приложенія, табл. 12). Очень любопытно, какъ германскіе писатели объясняютъ это явленіе, соблюдая національную честь. Эттингенъ ищетъ здѣсь „доказательства нравственнаго подъема общаго настроенія во время войны (У. с. стр. 461). Штарке, стр. 61, вначалѣ указываетъ, что многіе дурные элементы послѣдовали за арміей на непріятельскую территорію. Но это обстоятельство, кажется ему, имѣетъ меньшее значеніе. Онъ также подчеркиваетъ морализующее вліяніе войны на милліоны оставшихся дома обывателей, путемъ подъема національнаго чувства. Также Ашроттъ Jahrbuch fur Gesetzge-

ясняться вмѣшательствомъ другихъ не матеріальныхъ факторовъ. Объясненія расхожденія 1877—8 г.г. также не требуетъ вмѣшательства чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Установленъ фактъ, что экономическое положеніе имѣетъ иногда длительное вліяніе на послѣдующую преступность [1]), потому ли, что повышеніе цѣнъ даетъ себя чувствовать лишь послѣ истощенія запаса въ складахъ, потому ли, что, по выраженію Мейера, въ нравахъ укоренилась извѣстная инертность по отношенію къ преступленію или еще потому, что преслѣдованія и осужденія происходятъ лишь на слѣдующій годъ [2]). Съ такой оговоркой, мы не отрицаемъ, что существовала легкая тенденція къ пониженію цѣнъ на съѣстные припасы. Авторъ ищетъ причину этого явленія въ экономическомъ положеніи [3]). Въ 1873 г. произошелъ въ Германіи острый кризисъ, отразившійся во всемъ мірѣ. Сотни тысячъ людей, соблазненныхъ въ періодъ оживленія искусственно поднятыми цѣнами на трудъ и покинувшихъ деревню для индустріи, принуждены были вернуться къ полямъ, когда понизилась оплата труда и въ промышленности произошелъ застой.

Такимъ образомъ, промышленный кризисъ отразился и на сельскомъ населеніи. Въ 1871—3 г.г. у рабочихъ классовъ было много денегъ, несмотря на критическое экономическое положеніе. Поэтому повышеніе преступности сравнительно съ высокими цѣнами критическаго 1873 года было въ этотъ годъ умѣреннымъ. Когда же разразился кризисъ и съ нимъ пришла безработица, преступность должна была неминуемо подняться въ большей степени, чѣмъ цѣны: денегъ не хватало даже на покупку дешевыхъ вещей. Поэтому мы и наблюдаемъ меньшее пониженіе и большее повышеніе преступности сравнительно съ цѣнами, а въ концѣ-концовъ даже повышеніе преступности, несмотря на пониженіе цѣнъ.

Мы уже видѣли въ трудахъ Дени и де'Бэтса, что въ большей степени то же явленіе было въ Бельгіи. Тамъ, несмотря на пониженіе цѣнъ, преступность возрастала безъ перерыва съ 1874 г. Это-то и дало Дени, а позднѣе и другимъ, мысль искать другой масштабъ экономическаго положенія. Мы еще будемъ говорить о Мюллерѣ, отмѣчающемъ то же явленіе въ современной Германіи. Во всякомъ случаѣ эти соображенія показываютъ, что цѣны на съѣстные припасы не выражаютъ еще съ точностью экономическое состояніе даже для раннихъ эпохъ,

---

bung, 1884, 1, с. 188; Мюллеръ, У. с. стр. 34. Патріотическій мотивъ кажется такимъ пріятнымъ и удобнымъ германскимъ криминалистамъ, что никто изъ нихъ, исключая Миттельштедта, Z. f. d. g. S. 1884, с. 405), не подумалъ искать причины пониженія въ простомъ фактѣ ослабленія, которое неминуемо должно было случиться, уголовной юстиціи въ эпоху, когда большинство судей, прокуроровъ и чиновъ полиціи были призваны подъ знамена. Во Франціи съ меньшими затрудненіями признаютъ, что цифры преступности годовъ войны не даютъ дѣйствительнаго изображенія преступности. См. Bournet: De la criminalité en France et en Italie, с. 107; Compté général de l'administration de la Justice criminelle en France 1880, p. VIII; Lafargue Neue Zeit 1880, VIII, с. 15. Кольбъ пользуется этимъ объясненіемъ при истолкованіи пониженія цифры преступности во Франціи въ 1870—71 г. (Handbuch der vergleichen den Statistik, Leipzig, 1879, с. 185). Для полноты мы можемъ указать и другое обстоятельство, приводимое Кольбомъ: въ статистикѣ гражданскихъ судовъ не значится большого числа осужденныхъ военными судами. На эту тему еще см. Reich: Criminalität und Altruismus 1900, т. I, с. 150 *слд.*

[1]) См. по этому поводу Oettingen, Moralstatistik, стр. 468.

[2]) См. Majer: Die Verbrechen in ihrem Zusammenhang mit den wirtschaftlichen und sozialen Verhältnissen im Kanton Zürich. стр. 31; см. еще Lafargue, Neue Leit, XIII, стр. 442.

[3]) У. с. стр. 63 сл.

и что изъ несовпаденія движенія цѣнъ съ движеніемъ преступности вовсе нельзя выводить отсутствія связи между преступностью и экономическимъ состояніемъ народа.

Авторъ изслѣдуетъ, затѣмъ, отдѣльные роды преступленій и приходитъ къ тому же выводу. Изслѣдуя имущественныя преступленія, онъ заключаетъ, что они особенно тѣсно зависятъ отъ экономическихъ вліяній [1]).

Добросовѣстный трудъ Штарке принадлежитъ къ лучшимъ трудамъ въ литературѣ вопроса. Ему можно приписать положительное значеніе. Онъ опредѣленно показываетъ тѣсную связь между имущественными преступленіями и экономическимъ состояніемъ Пруссіи за періодъ 1854—78 г.г. Статистическія данныя достаточны для оправданія такого вывода и авторъ изучаетъ ихъ съ точностью и стараніемъ, внушающими довѣріе. Слѣдуетъ пожалѣть только, что этотъ добросовѣстный изслѣдователь совершенно оставилъ въ сторонѣ связь между цѣнами и движеніемъ преступленій противъ личности. Отъ этого его работа выиграла бы и, несомнѣнно, для Пруссіи былъ бы освѣщенъ этотъ, такъ разнообразно рѣшаемый, вопросъ. Слѣдуетъ скорѣе считать недостаткомъ метода то, что авторъ принялъ, какъ одно изъ основаній своего сравненія, преступность въ цѣломъ [2]) (включивъ и личную преступность), чѣмъ видѣть въ этомъ указаніе, касающееся этого послѣдняго рода преступленій [3]). Если имущественныя и личныя преступленія зависятъ отъ различныхъ причинъ, ихъ совокупное изученіе не можетъ дать иного результата, какъ только затемнить вопросъ ихъ этіологіи. Если объ категоріи преступленій подвержены, напротивъ, одинаковымъ вліяніямъ, — это будетъ лучше освѣщено спеціальнымъ изслѣдованіемъ каждаго изъ нихъ. Отдѣльное изученіе предпочтительнѣе во всякомъ случаѣ. Къ счастью для Штарке, число имущественныхъ преступленій столь значительно въ общей массѣ преступности, что въ случаѣ исключенія преступленій противъ личности, не послѣдовало бы глубокихъ измѣненій въ кривыхъ.

Мы подчеркиваемъ, что изслѣдованія автора относятся исключительно къ динамической преступности. Штарке, вѣроятно, не сомнѣвался, что изученіе статики преступности, можетъ быть, дало бы неожиданно иные результаты. Трудъ, такимъ образомъ, не полонъ и даетъ возможность лишь частичныхъ выводовъ. Книга Штарке, впервые охарактеризовавшая преступность Пруссіи на основаніи солидныхъ данныхъ, привлекла общее вниманіе, въ особенности послѣ выхода пессимистическаго очерка состоянія преступности германскаго народа, сдѣланнаго Стурсбергомъ; ее привѣтствовали, какъ удачный отвѣтъ вызвавшей тревогу брошюрѣ послѣдняго.

Но она встрѣтила и критику. Мало обоснованы обвиненія Миттельштедта, назвавшаго трудъ Штарке тенденціознымъ (eine Tendenzschrift) [4]). Легко понять, что пессимистъ Миттельштедтъ отказывается одобрить оптимистическій взглядъ, согласно которому движеніе преступности—лишь проявленіе общаго движенія, а не представляетъ, какъ думаетъ Стурсбергъ, непрерывнаго повышенія. Несправедливо, однако, упрекать въ предубѣжденности всякій трудъ, предпринятый съ опредѣленной цѣлью и послѣдовательно идущій къ ней. Когда са-

---

[1]) У. с. стр. 99. См. также стр. 235.
[2]) Табл. II
[3]) См. Fuld, Der Einfluss der Lebensmittelpreise etc. Mainz 1881, стр. 14.
[4]) Z. . d. g. Strafrechtswissenschaft 1884, стр. 401.

мый предметъ, разсматриваемый безъ предубѣжденія, — а это именно мы и имѣемъ въ работѣ Штарке, — указываетъ извѣстную тенденцію, научнымъ долгомъ автора является объяснить это и слѣдовать туда, куда ведутъ факты. Со многихъ сторонъ дѣлали Штарке замѣчанія, что статистическому наблюденію должны подлежать преступныя дѣянія, на которыя простирается дѣйствіе одного уголовнаго кодекса, что, слѣдовательно, періодъ, предшествующій 1872 г., т.-е. году вступленія въ дѣйствіе общегерманскаго уложенія, не можетъ сравниваться съ послѣдующими годами. Это замѣтилъ Миттельштедтъ [1]) и, въ особенности, Ашротъ [2]). Штарке, однако, предвидѣлъ это затрудненіе. Онъ считался съ формальными измѣненіями въ системѣ прусскаго кодекса, произведенными новымъ кодексомъ, перенесшимъ нѣкоторыя преступленія въ другія группы: онъ снова перепесъ ихъ въ прежнія. Остаются затрудненія, происходящія отъ матеріальныхъ перемѣнъ; авторъ, однако, считаетъ недопустимымъ, чтобы это обстоятельство могло оказать вліяніе на дѣйствительное значеніе цифръ. Это мнѣніе раздѣляетъ Керперъ, блестяще защитившій трудъ Штарке отъ его противниковъ [3]). При этомъ былъ поставленъ на очередь вопросъ, можетъ ли служить для научныхъ изслѣдованій статистика произведенныхъ слѣдствій, вопросъ, поднятый уже раньше во Франціи и Италіи. Ашроттъ [4]) и Иллингъ [5]) даютъ отрицательный отвѣтъ. Ашротъ отвергаетъ аксіому, составляющую основаніе этого мнѣнія, что дѣйствительная преступность (criminalità reale) находитъ выраженіе въ обнаруженной преступности (criminalità apparente), а эта послѣдняя — въ преступности, сужденіе о которой доходитъ до суда (criminalità legale) и поэтому отвергаетъ совершенно самое основаніе разсчетовъ Штарке. Замѣтимъ, что дѣйствительная преступность, конечно, ускользаетъ отъ нашего воспріятія, что за періоды, когда не было важныхъ измѣненій въ устройствѣ полиціи и прокуратуры, обнаруженная преступность даетъ намъ, вѣроятно, точный и, конечно, единственный образъ если не самой преступности, то, по крайней мѣрѣ, ея измѣненій. А эти измѣненія и представляютъ главный пунктъ въ динамическихъ изслѣдованіяхъ подобныхъ работѣ Штарке. Остается возможность, что число жалобъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительной преступности, — поэтому-то обнаруженная преступность и не всегда внушаетъ полное довѣріе,—но возможность эта столь невелика, что обнаруженная преступность представляетъ во всякомъ случаѣ болѣе надежный источникъ, чѣмъ количество произведенныхъ слѣдствій. Конечно, статистика Штарке выиграла бы въ основательности, если бы покоилась на этой базѣ. Но мы, вмѣстѣ съ Кёрнеромъ [6]), полагаемъ, что совершенно несправедливо и произвольно было бы отказывать по этому поводу въ довѣріи этимъ даннымъ, тѣмъ болѣе, что и самъ Штарке считаетъ указанную выше связь между двумя формами проявленія преступности за аксіому.

Авторъ за цѣлый рядъ лѣтъ указываетъ большую регулярность въ соотношеніи между числомъ слѣдствій и осужденій и между этими послѣдними и оправданіями.

---

[1]) У. м.

[2]) Jahrbuch für Gesetsgebung 1884, II, стр. 324.

[3]) Körner: Die neuesten Publikationen über die Kriumioalität in Preussen, Jahrbücher für Nationalökonomic und Statistik 1886, стр. 229.

[4]) У. с. стр. 324—5.

[5]) Illing: Die Zahlender Kriminalität in Preussen Für. 1854 bis 1884, Zeitschrift des Königlichen preussischen statistischen Bureaus 1885, стр. 73 слл.

[6]) У с. стр. 235.

ЦАБ "Автограф"

На послѣднее возраженіе на трудъ Штарке со стороны Миттельштедта, который просто и a priori отрицаетъ всякую возможность открыть какую бы-то ни было связь между преступностью и соціальными и экономическими условіями, возраженіе, относящееся не только къ книгѣ Штарке, но и ко всей уголовной соціологіи и, въ частности, къ нашему вопросу и его литературѣ, Кёрнеръ съ полнымъ правомъ отвѣчаетъ, что всѣ подобныя разсужденія вытекаютъ изъ устарѣвшей точки зрѣнія, несостоятельность которой уже доказана Штарке во введеніи къ его работѣ. Мы можемъ прибавить отъ себя, что эта точка зрѣнія блестяще опровергнута всей современной соціологіей.

Выводъ Миттельштедта слѣдующій: „книга Штарке еще разъ доказываетъ, что современное состояніе уголовной статистики позволяетъ установить, доказать и найти все, что угодно“. Мы считаемъ себя въ правѣ отбросить этотъ выводъ, какъ не мотивированный, и признать, вмѣстѣ съ Кёрперомъ, достоинства выводовъ Штарке.

Явнымъ продолженіемъ труда Штарке является то, что говоритъ о вліяніи экономическихъ факторовъ Иллингъ въ своемъ критическомъ разборѣ книги Штарке, въ статьѣ die Zahlen der Kriminalität in Preussen въ Zeitschrift des König. Preuss. stat. Bureaus 1885 (стр. 73 и сл.). Иллингъ не говоритъ, что вліяніе цѣнъ на жизненные припасы, подчеркиваемое Штарке, лишено всякаго значенія [1]). Но авторъ придаетъ несравненно большее значеніе тѣмъ глубокимъ измѣненіямъ въ способахъ пріобрѣтенія и перехода собственности, которыя являются слѣдствіемъ великихъ изобрѣтеній вѣка, въ особенности изобрѣтенія машинъ. У большинства рабочихъ семейная жизнь извращена или же вовсе отсутствуетъ. Мало-по-малу образуется пролетаріатъ, лишенный всякой собственности и надежды на самостоятельное существованіе и зависящій всецѣло отъ колебаній рынка и отъ спекуляціи. Доведенный до крайности, онъ подъ вліяніемъ соціалистической пропаганды часто становится доступнымъ самымъ разрушительнымъ теоріямъ и смотритъ на нарушеніе уголовнаго кодекса и на посягательства на собственность, какъ на законную самозащиту отъ алчности класса собственниковъ. Это вліяніе, однако, ограничено.

Ясно, что Иллингъ ищетъ причину преступности отчасти и въ плохихъ экономическихъ условіяхъ. Считая вліяніе цѣнъ столь незначительнымъ, онъ совершенно теряетъ изъ виду дѣйствительное значеніе цѣнъ для нашего вопроса, т. е. то, что онѣ приводятся здѣсь лишь какъ сначала точное, затѣмъ приблизительное и, наконецъ, болѣе или менѣе отдаленное выраженіе экономическаго состоянія и что интенсивность всѣхъ указанныхъ имъ вліяній, ставящихъ массы въ отчаянное положеніе необезпеченности и зависимости отъ колебаній рынка, отражается болѣе или менѣе на цѣнахъ на жизненные припасы, хотя, правда, все слабѣе и слабѣе. Авторъ дѣлаетъ также ошибку, указывая на бродяжество, проституцію, злоупотребленіе алкоголемъ, на растущую безнравственность низшихъ классовъ, какъ на факторы преступности не экономическаго порядка. Кёрнеръ справедливо замѣчаетъ по этому поводу: „Иллингъ забываетъ, что указанныя явленія коренятся въ экономической необезпеченности“.

Трудъ Иллинга не содержитъ въ себѣ, кромѣ того, и статистическихъ доказательствъ.

Почти одновременно съ работой Штарке появился и другой трудъ о преступности въ Пруссіи, принадлежащій перу Аппрота, о которомъ

---

[1]) У. с., стр. 82 и сл.

мы уже говорили выше: Betrachtungen über die Bewegung der Kriminalität in Preussen während der Jahre 1872—1881, въ Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. 1884, 1. Авторъ тутъ также обращаетъ вниманіе на вліяніе цѣнъ на преступность въ теченіе указаннаго выше десятилѣтняго періода [1]).

Ашротъ сравниваетъ колебанія преступности съ цѣнами, приводимыми въ оффиціальныхъ данныхъ, и приходитъ къ выводу, что сильному повышенію цѣнъ въ 1873—74 году соотвѣтствовалъ значительный ростъ преступности въ 1874 г., тогда какъ внезапное и чувствительное паденіе цѣнъ 1875 года отразилось и на цифрѣ преступности того же года. Годы 1876—77 даютъ увеличеніе цифръ для обоихъ явленій. Длящееся паденіе цѣнъ 1878 и 1879 годовъ сопровождается и уменьшеніемъ преступности, тогда какъ въ 1880 и 1881 г.г. оба явленія возрастаютъ. Авторъ приходитъ къ заключенію, что колебанія цѣнъ оказываютъ очень значительное и даже рѣшающее вліяніе на преступность, особенно замѣтное при быстромъ или при продолжительномъ повышеніи и пониженіи. Появленіе труда Штарке передъ менѣе разработаннымъ трудомъ Ашрота не уменьшило значенія послѣдняго. Мы видѣли, что Ашротъ отвергаетъ основаніе вычисленій Штарке, а слѣдовательно и цѣнность его выводовъ. Его собственныя вычисленія, дѣйствительно, болѣе обоснованы, но не идутъ дальше 1872 г., т. е. года вступленія въ силу германскаго кодекса.

Совпаденіе выводовъ этихъ двухъ изслѣдованій, касающихся экономическихъ вліяній, только увеличиваетъ довѣріе къ книгѣ Штарке.

Желательно было бы, чтобы авторъ изслѣдовалъ имущественную преступность отдѣльно отъ преступности противъ личности. Справедливо, впрочемъ, и замѣчаніе автора, что имущественная преступность занимаетъ столь значительное мѣсто въ цѣлой преступности, что ея движеніемъ опредѣляются измѣненія послѣдней.

Въ 1887 г. профессоръ Ф. К. фонъ-Нейманъ Шпаллартъ представилъ международному институту статистики докладъ: La Mesure des variations de l'état économique et social des peuples [2]). Въ немъ онъ обѣщалъ представить въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій докладъ, и въ послѣднемъ примѣнить свой сложный методъ къ изученію связи между преступностью и экономическимъ состояніемъ. Ему помѣшала смерть († 19 апр. 1888). На это намекалъ Дени на брюссельскомъ конгрессѣ, когда говорилъ „что вліяніе экономическаго кризиса на преступность освѣщено Югларомъ и Нейманомъ—Шпаллартомъ“ [3]).

Бёрлю разсматриваетъ экономическое положеніе преступниковъ въ Австріи, въ очеркѣ, озаглавленномъ: Einige Ergebnisse der österreichischen Kriminalstatistik; Z. f. d. g. Strafrw, 1888, c. 325 слл.

Онъ приходитъ также къ выводу, что неимущіе [4]) составляютъ большую часть преступниковъ—89%, а различныя группы преступниковъ указываютъ на дѣйствіе экономическихъ факторовъ. На долю неимущихъ выпадаетъ 94% кражъ, только 6% осужденныхъ принадлежатъ къ болѣе состоятельному классу, и не болѣе 0,1% къ зажиточному. Для мошенничества цифры иныя: 79% неимущихъ, 19,6% менѣе бѣдныхъ и 1,4% зажиточныхъ.

---

[1]) У. с. 194—195.
[2]) Bulletin de l'Institut international de statistique 1887, II, 1 вып., стр. 150 слл.
[3]) Actes du III, Congrès, стр. 368.
[4]) У. с., стр. 331.

Цифры Бёрле, кажется, ясно указываютъ на вліяніе пауперизма на имущественныя преступленія. Очеркъ остается, однако, неполнымъ въ томъ смыслѣ, что ограничивается абсолютными цифрами, не указывая пропорціи собственниковъ во всемъ населеніи. Изъ сравненія цифръ должно было выясниться, что контингентъ неимущихъ въ преступной арміи превосходитъ $^0/_0$ ихъ въ населеніи.

Дюбуа сводитъ результаты оффиціальной статистики германской имперіи за 1884—5 и 1885—7 г.г. въ статьѣ: La statistioue penitentiaire du royaume de Prusse въ Bulletin de la sociètè générale des prisons 1888 т. XIII. Авторъ устанавливаетъ замѣтное уменьшеніе имущественныхъ преступленій въ 1882—5 г.г. Простая кража уменьшилась на $12^0/_0$, квалифицированная—на $20^0/_0$, разбой—$12^0/_0$, тогда какъ за весь этотъ періодъ цѣны ржи и пшеницы регулярно уменьшались. Въ то же время увеличилось число посягательствъ противъ личности, государства, религіи и публичнаго порядка. Такъ какъ изслѣдованія Аппрота и Штарке доходятъ лишь до 1878 и 1881 г.г., то можно разсматривать краткій очеркъ Дюбуа, какъ ихъ дополненіе; какъ таковое, онъ не лишенъ цѣнности.

Въ Zeitschrift f. d. g. Strafrechtswissenschaft. 1891, проф. Фельдесъ посвящаетъ нѣсколько статей развитію „Einige Ergebnisse der neuren Kriminalstatistik“ Изучая также вліяніе экономическихъ условій на преступность [1]), авторъ слѣдуетъ тому же методу, какъ и Бёрле: т. е. изслѣдуетъ экономическое положеніе преступниковъ. Онъ дополняетъ и исправляетъ очеркъ Бёрле, опредѣляя второй терминъ сравненія, отношеніе числа собственниковъ и неимущихъ ко всему населенію. Авторъ указываетъ на большую затруднительность такого изслѣдованія; главнымъ образомъ на трудность опредѣлить благосостояніе. Легко можно включить въ это понятіе и другія, способствующія ему, какъ-то: семейную жизнь, профессію, цивилизацію. Такъ же, какъ Иллингъ, авторъ забываетъ, что всѣ эти факторы находятся въ тѣсной связи съ экономическимъ положеніемъ и являются, по своей природѣ, въ значительной степени, экономическими.

Фёльдесъ насчитываетъ въ Австріи 88, 89% преступниковъ изъ неимущаго класса, а въ Венгріи—$92^0/_0$. Зажиточное населеніе образуетъ въ Венгріи $15^0/_0$, вдвое, слѣдовательно, больше, чѣмъ $^0/_0$ приходящихся на его долю преступниковъ. Принимая во вниманіе другія изслѣдованія, въ особенности касающіяся Италіи, гдѣ благосостояніе, конечно, менѣе распространено, чѣмъ въ Венгріи, можно считать цифру $15^0/_0$, опредѣленную Фёльдесомъ, за очень низкую и даже невѣрную, тѣмъ болѣе, что авторъ ничѣмъ ее не обосновываетъ. Все-таки очевидно, что матеріальный факторъ, обусловливающій, по выраженію автора, большинство преступленій, дѣйствуетъ съ меньшей силой въ зажиточномъ классѣ, чѣмъ среди неимущихъ.

Авторъ болѣе объясняетъ экономическое вліяніе, останавливаясь на одномъ изъ его главныхъ проявленій: на урожаѣ. Онъ, говоритъ, что въ другомъ мѣстѣ (Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik) онъ доказалъ, что въ годы урожая преступность уменьшается, тогда какъ въ годы неурожая усиливается. Мы не нашли этихъ матеріаловъ въ указанномъ году Jahrbücher. Замѣтимъ, однако, что написанная въ 1891 г. работа о связи преступности съ экономическимъ положеніемъ признаетъ за урожаемъ мало значенія.

---

[1]) Стр. 544 слл.

ЦАБ "Автограф"

Мы уже нѣсколько разъ замѣчали, что теперь придаютъ все меньшее значеніе урожаю для опредѣленія экономическаго положенія; его вліяніе ограничивается лишь небольшой группой населенія, тогда какъ для оцѣнки общаго экономическаго положенія страны выдвигаются цѣны съѣстныхъ припасовъ. Да и этотъ критерій въ наши дни все болѣе теряетъ свое значеніе.

Фёльдесъ указываетъ еще на средства прокормленія [2]), алкоголизмъ [3]), жилища [4]), наконецъ, „на экономическій строй общества въ его цѣломъ.“ [5]).

Мы видѣли, что авторъ предупреждаетъ своихъ читателей не смѣшивать экономическаго положенія съ другими факторами, примыкающими къ нему, но въ существѣ отъ него отличными. Онъ самъ владаетъ въ эту ошибку, считая алгоголизмъ однимъ изъ главныхъ элементовъ матеріальнаго положенія. Злоупотребленіе напитками, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ приписать въ части,—и быть-можетъ, очень большой экономическимъ причинамъ. Но это не мѣшаетъ тому, что этотъ факторъ дѣйствуетъ не столько въ качествѣ соціально-экономическаго элемента, сколько въ качествѣ индивидуальнаго криминогеннаго фактора.

Въ этой части, наиболѣе важной во всемъ трудѣ Фёльдеса, авторъ не поддерживаетъ своихъ положеній никакими статистическими доказательствами, ограничиваясь простыми разсужденіями.

Выводъ автора: „нужда, хотя и главная причина преступности, остается, тѣмъ не менѣе, только одной изъ причинъ ея,“ приводитъ его къ практическому заключенію, что улучшеніе экономическаго положенія никогда не заставитъ исчезнуть всю преступность, даже не сможетъ гарантировать уменьшеніе ея, ибо это улучшеніе можетъ совпасть съ неблагопріятными вліяніями на нравственность народа.

Въ своемъ образцовомъ сочиненіи: La population française (P. 1891, II), Левассеръ посвящаетъ главу изученію порока и преступленія, причемъ вкратцѣ изучаетъ и причины преступности. Левассеръ, описывая состояніе преступности, какъ и вообще въ демографической части своего труда, пользуется первоисточниками.

Въ своемъ изслѣдованіи причинъ преступности онъ резюмируетъ, главнымъ образомъ, то, что другіе писали по этому вопросу до него. Онъ приводитъ извѣстныя цифры роста преступности въ 1847 и 1854 гг., указываетъ на результаты Майра и Эттингена для Германіи, повторяетъ данныя Лакассаня о плохомъ вліяніи хорошаго урожая винограда. [6]). Онъ даетъ оригинальную діаграмму, составленную по оффиціальнымъ даннымъ [7]), въ которой сравниваетъ движеніе двухъ главныхъ группъ преступныхъ дѣяній съ движеніемъ экономическаго положенія, выраженнымъ графически за періодъ 1838—87 гг. Имущественная преступность идетъ параллельно съ экономической кривой. Рѣдко случается, какъ, напр., въ 1872—4 гг., что благосостояніе, въ особенности въ торговлѣ, увеличивалось, а преступность, несмотря на это, усиливалась.

Авторъ выводитъ отсюда, что не столько нужда, сколько недостатокъ равновѣсія между потребностями преступника и средствами ихъ удовлетворенія является главной причиной преступности.

---

[1]). См. стр. 251 и 257. См. еще стр. 442 слл.
[2]). У. с. стр. 547.
[3]). Тамъ же.
[4]). У. с. стр. 548.
[5]). У. с. стр. 548 сл.
[6]). У. с. стр. 442.
[7]). У. с. стр. 443.
[8]). У. с. стр. 444.

ЦАБ "Автограф"

Миттельштедтъ, членъ лейпцигскаго суда, касается нашего вопроса въ статьѣ Scquld und Strafe, появившейся въ Gerishtssaal XLVI (стр. 335 слл.) въ 1892 г. Авторъ, однако, ограничивается тѣмъ, что въ общихъ выраженіяхъ говоритъ [1]) о явно неблагопріятномъ положеніи, въ которомъ находятся бѣдные въ борьбѣ за существованіе. Онъ обращаетъ особое вниманіе на плохое воспитаніе дѣтей бѣдняковъ, которое роковымъ образомъ, кажется, предрасполагаетъ къ преступленію. Авторъ не изслѣдуетъ фактовъ и не развиваетъ своей точки зрѣнія.

Монографію Мейера: Die Verbrechen in ihrem Zusammenhang mit den wirtschaftlichen und sozialen Verhältnissen im Kanton Zürich (Iena, 1895) слѣдуетъ поставить въ ряду лучшихъ и солиднѣйшихъ трудовъ въ литературѣ нашего вопроса.

Мы причисляемъ автора къ статистикамъ, во-первыхъ, потому, что его трудъ по существу статистическій, а, во-вторыхъ, потому что какъ кажется, онъ не принадлежитъ къ какой-нибудь опредѣленной группѣ или школѣ.

Мейеръ допускаетъ воздѣйствіе на преступность трехъ факторовъ: теллурическаго, соціальнаго и индивидуальнаго. Уже заглавіе его труда заставляетъ предполагать, что самое сильное вліяніе онъ приписываетъ экономическому фактору, что подтверждается и изслѣдованіемъ отношенія преступности къ соціальнымъ и экономическимъ факторамъ. [2])

Сначала авторъ слѣдитъ за движеніемъ преступности (часть динамическая). Вся монографія относится исключительно къ преступности кантона Цюрихъ. Въ ней изучаются отдѣльно преступленія противъ имущества и противъ личности и дается точная графическая таблица за періодъ съ 1853—92 гг. цѣнъ на хлѣбное зерно, вино, картофель — съ одной стороны, и посягательствъ на имущество и личность—съ другой.

Въ періодъ 1853—1891 г.г. имущественныя преступленія съ удивительной точностью слѣдуютъ за движеніями хлѣбныхъ цѣнъ. Можно замѣтить лишь, что цѣны достигаютъ максимума въ 1858, а преступленія въ 1859 г. Авторъ объясняетъ этотъ въ общемъ мало удивительный фактъ тѣмъ, что наклонность къ преступленію по инерціи проявляется болѣе продолжительное время, а еще тѣмъ, что осужденія отчасти падаютъ на слѣдующій годъ. [3]). За этимъ исключеніемъ—параллелизмъ полный.

Движеніе преступности противъ личности идетъ другимъ путемъ. Статистика, такимъ образомъ, показываетъ, что для Цюриха имущественныя преступленія уменьшаются въ годы благополучія, тогда какъ посягательства на личность увеличиваются, и обратно.

Дѣйствіе цѣнъ тѣмъ сильнѣе, весьма справедливо замѣчаетъ авторъ [4]), чѣмъ болѣе чувствительно населеніе къ колебаніямъ рынковъ [5]), т.-е., чѣмъ оно бѣднѣе. Вотъ почему преступность прошлыхъ лѣтъ обнаруживаетъ большую зависимость отъ цѣнъ, чѣмъ преступность позднѣйшаго періода. Авторъ приводитъ статистику обоихъ явленій для Цюриха за періодъ 1832—52 гг. Въ настоящее время цѣны устанавливаются состояніемъ международнаго рынка, такъ что могутъ

---

[1]) У. с. стр. 410 слл.
[2]) У. с. стр. 30 слл.
[3]) См. по этому поводу Oettingen, Moralstatistik с. 468; и стр. 411 этого труда.
[4]) У. с. стр. 32. слл
[5]) См. по этому поводу: Denis, Bulletin de la société de lánthropologie de Bruselles, 1886, стр. 225 и Actes du III Congres etc, стр. 368.

ЦАБ "Автограф"

подниматься, несмотря на мѣстный урожай, и обратно. Въ этомъ случаѣ, высокія цѣны благопріятны для той части населенія, которая живетъ земледѣліемъ; обратное значеніе имѣетъ повышеніе цѣнъ для потребителей.

Вслѣдствіе этого, преступность среди послѣднихъ должна была бы уменьшаться, когда возрастаетъ преступность среди производителей. Это вполнѣ вѣрное замѣчаніе мы встрѣчаемъ въ первый разъ; оно ускользало отъ другихъ авторовъ, трактовавшихъ о предметѣ въ томъ же духѣ. Однако, изъ изученія 1854 — 5 гг. слѣдуетъ, что, несмотря на указанное положеніе, вмѣсто уменьшенія преступности въ сельскихъ округахъ, она также увеличилась тамъ. Выводить изъ этого факта, что сельское населеніе даетъ почти незамѣтный контингентъ преступниковъ, было бы, безъ сомнѣнія, мало основательно. Этотъ неожиданный результатъ, вѣроятно, произошелъ отъ того, что авторъ выбралъ періодъ, когда еще не были такъ чувствительны, какъ въ послѣдніе годы, противоположныя вліянія мѣстнаго урожая и торговли.

Этотъ результатъ, такъ удивляющій автора, однако, вполнѣ совпадаетъ съ данными Лакассаня относительно Франціи [1]), повторенными Бурне [2]) и показывающими, что кризисы, выражающіеся въ подъемѣ цѣнъ, всегда чувствительнѣе въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ. Это явленіе, однако, теряетъ свое значеніе въ наше время, по мѣрѣ того, какъ другія вліянія измѣняютъ отношенія между экономическимъ состояніемъ и цѣнами.

Мейеръ, затѣмъ, идетъ глубже въ изученіи связи преступности съ экономическимъ состояніемъ народа. Онъ вычисляетъ для всего періода отношеніе количества несостоятельностей къ величинѣ населенія и выражаетъ свои вычисленія въ графической таблицѣ [3]). Авторъ полагаетъ, что это вычисленіе является точнымъ масштабомъ матеріальнаго благосостоянія, ибо несостоятельности—отраженіе всего экономическаго оборота. Сравненіе кривой объявленныхъ въ 1832—52 г. несостоятельностей и имущественныхъ преступленій за тотъ же періодъ указываетъ на тѣсную зависимость этихъ двухъ явленій. Движеніе банкротствъ опредѣляется исключительно движеніемъ цѣнъ. Періодъ 1853—92 г. равнымъ образомъ даетъ общій параллелизмъ трехъ кривыхъ: цѣнъ на пищевые продукты, несостоятельности и имущественныхъ преступленій. Авторъ вполнѣ ясно и удовлетворительно объясняетъ всѣ немногочисленныя уклоненія; причиной ихъ являются холера, американская война, общественная благотворительность. Эти обстоятельства приводятъ иногда къ различію кривыхъ цѣнъ и несостоятельностей, но послѣдняя кривая, обыкновенно, достаточно сильна, чтобы вліять на имущественную преступность.

Таблицы, приведенныя авторомъ, даютъ ему право заключить, „что изъ года въ годъ число имущественныхъ преступленій находится въ очевидной связи съ матеріальными условіями. Преступленіе увеличивается вмѣстѣ съ трудностью заработать средства существованія. Статистика имущественныхъ преступленій показала себя столь же точнымъ масштабомъ благополучія страны, какъ, напр., статистика несостоятельностей“ [4]).

---

[1]) Lacassagne, La criminalité comparee des villes et des campagnes, стр. 20.
[2]) Bournet, De la criminalité en France eten Italie, стр. 107.
[3]) У с. стр. 34 сл.
[4]) У. с. стр. 41.
[5]) У. с. стр. 41 и слд.

ЦАБ "Автограф"

Посягательства на личность, наоборотъ, умножаются съ увеличеніемъ урожая, въ особенности урожая винограда [1]). Когда встрѣчаются эти оба фактора — общее благопріятное экономическое положеніе и урожай винограда,—то первый факторъ является болѣе вліятельнымъ; онъ и есть, стало-быть, самый важный факторъ. Это ясно показываютъ 1866—7 годы.

Авторъ не ограничивается этимъ динамическимъ обзоромъ. Онъ изучаетъ еще экономическое положеніе заключенныхъ по разнымъ округамъ Цюриха [2]). Изъ этого изслѣдованія выходитъ, что Хиннейль и Пфеффикеонъ—экономически наибѣднѣйшіе округа—даютъ меньшую преступность; напротивъ, богатѣйшіе (за исключеніемъ самаго города Цюриха) округа Хоргенъ и Дильсфордъ даютъ самую высокую цифру преступности. Авторъ признаетъ формальное противорѣчіе этого вывода съ предыдущимъ. Изъ того, что г. Цюрихъ разсматривается авторомъ, какъ самый богатый округъ, можно было бы предположить, что Мейеръ впадаетъ въ обычную ошибку, ища базу благосостоянія въ абсолютномъ богатствѣ, тогда какъ послѣдняя скорѣе заключается въ относительномъ благополучіи въ связи съ удовлетворенностью населенія и, въ особенности, съ равномѣрнымъ распредѣленіемъ богатства. На этомъ, какъ мы видѣли, настаиваютъ многіе авторы. Ничто не доказываетъ, что авторъ считался въ достаточной степени съ этимъ обстоятельствомъ. Однако, изученіе разныхъ признаковъ благосостоянія сдѣлано такъ отчетливо и основательно, что можно считать данное упущеніе только кажущимся. Авторъ стоитъ здѣсь передъ противорѣчіемъ, уже замѣченнымъ до него другими (хотя нерѣдко и по менѣе солиднымъ основаніямъ): въ то время, какъ изъ историческаго анализа слѣдуетъ, что имущественная преступность находится въ почти механической зависимости отъ экономическаго положенія народа, географическое изученіе стремится доказать обратное.

Авторъ старается, но безуспѣшно, устранить затрудненіе, объясняя его слѣдующимъ образомъ: въ цвѣтущихъ округахъ благотворительность значительнѣе; тамъ, слѣдовательно, легче прожить. Уменьшается привязанность къ работѣ и, такимъ образомъ, образуется армія бродягъ и нищихъ, дающихъ большой контингентъ преступниковъ. Этотъ фактъ, повидимому, подтверждается поразительнымъ совпаденіемъ возраста нищихъ и бродягъ, и преступниковъ противъ собственности.

Безъ сомнѣнія, обстоятельство это имѣетъ извѣстное значеніе [3]), но имъ однимъ нельзя объяснить получающіяся въ нѣсколькихъ мѣстахъ противорѣчія въ рѣшеніи вопроса такой важности. Авторъ не даетъ тутъ доказательствъ и не можетъ ихъ дать. Онъ самъ замѣчаетъ слабость своихъ разсужденій и отказывается дать „простую формулу“, которую считаетъ невозможнымъ найти [4]),

Развѣ это не есть признаніе неустранимой трудности вопроса? Единственно возможное разрѣшеніе его, намъ кажется, можно найти въ различіи дѣйствія экономическихъ факторовъ, смотря потому, идетъ ли рѣчь о статической или динамической преступности. Вотъ „простая формула“, которую ищетъ Мейеръ. Самая попытка примирить факты, повидимому, противоположные, безсознательно противорѣчитъ цѣли, которую имѣетъ въ виду авторъ. Вѣдь, если допустить,

---

[1]) См. также у. с. стр. 97.
[2]) У. с. стр. 44 слл.
[3]) См. Corre, Crime et suicide, стр. 430.
[4]) См. у. с. стр. 61.

вмѣстѣ съ авторомъ, что связь между развитіемъ преступности и цѣнами—чисто и, дѣйствительно, причинная, слѣдовало бы заключить (кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ, малозначущихъ случаевъ), что экономическій факторъ почти единственный, опредѣляющій преступность; по энергичному выраженію автора, тогда существовала бы „какъ бы механическая зависимость". Параллелизмъ такъ точенъ, что для дѣйствія другихъ факторовъ не остается даже мѣста. Оставаясь логичнымъ, авторъ и не можетъ искать другихъ причинъ преступности. Но, на нашъ взглядъ, тѣсная связь между обѣими линіями только кажущаяся. Движеніе преступности опредѣляется одновременно многими факторами. Но большинство изъ нихъ подвержены лишь минимальнымъ измѣненіямъ, одинаково дѣйствуя изъ года въ годъ, безъ чувствительной перемѣны. Кривая преступности остается невидимо параллельной этимъ вліяніямъ до извѣстнаго пункта, а такъ какъ эти вліянія идутъ почти по прямой линіи, то и преступность должна бы оставаться тождественной. Въ извѣстный моментъ вступаютъ въ дѣйствіе экономическія вліянія: они наиболѣе чувствительны къ измѣненіямъ; поэтому они выражаются неустойчивой и капризной кривой. Тогда-то кривая преступности, мало измѣнявшаяся до сихъ поръ, начинаетъ примѣняться къ формѣ и направленію кривой экономическихъ факторовъ. Послѣдніе, такимъ образомъ, регулируютъ движеніе преступности, хотя и являются лишь элементомъ въ ея образованіи. Статическій анализъ показываетъ, насколько реальна эта зависимость; она варьируетъ въ зависимости отъ мѣста, времени, характера народа и другихъ обстоятельствъ. Но даже и тамъ, гдѣ его дѣйствіе ограничено, матеріальнымъ факторомъ, по причинѣ его чувствительности, опредѣляется ходъ кривой преступности.

Авторъ подходитъ, затѣмъ, къ преступности съ другой стороны и тамъ, также находитъ слѣды экономическаго вліянія [1]). Повышенный процентъ преступниковъ, неуроженцевъ Цюриха, не находитъ объясненія въ ихъ матеріальномъ положеніи [2]). Повышенная преступность индустріальныхъ классовъ [3]), сравнительно съ земледѣльческимъ населеніемъ, находитъ частичное объясненіе въ другихъ мотивахъ (плохой системѣ оплаты труда) и, съ другой стороны, объясняется большей неустойчивостью ихъ экономическаго положенія. Сравненіе преступниковъ по ихъ соціальному положенію указываетъ на бо́льшую преступность среди холостыхъ; эти, по правилу, находятся въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ женатые, хотя послѣдніе и должны нести тяжесть семейной жизни. Это объясняяется тѣмъ, что вступающіе въ бракъ находятся обыкновенно въ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ.

Въ слѣдующей главѣ авторъ изучаетъ различныя соціальныя состоянія, вліяющія на дѣйствительную преступность [4]) (въ противоположность преступности, обнаруживаемый статистикой). Здѣсь авторъ слѣдуетъ другому методу: въ предыдущей главѣ онъ изучалъ вліяніе экономическихъ отношеній на преступность; здѣсь онъ отправляется отъ послѣдней и отъ нея заключаетъ къ первымъ путемъ индукціи. Этотъ методъ можетъ быть полезнымъ средствомъ провѣрки, но на самомъ дѣлѣ не даетъ ничего новаго.

Авторъ передъ концомъ заявляетъ, что для того, чтобы предупре-

---

[1]). Порядокъ, которому слѣдуетъ авторъ, напоминаетъ порядокъ Жоли въ его France criminelle.

[2]). У. с. стр. 65.

[3]). У. с. стр. 66 сл.

[4]). У. с. стр. 91 сл.

ждать преступленія, слѣдуетъ улучшать экономическое положеніе: [1]). „Утѣшительно видѣть, что имущественныя преступленія уменьшаются съ улучшеніемъ экономическаго положенія. Напротивъ, крайне печально видѣть, что въ то же время усиливаются преступленія противъ личности. Мы никоимъ образомъ не желали бы считать это явленіе закономъ. Не столько легкость жизни, сколько своеволіе, грубость, разбратъ (алкоголь?) порождаютъ преступленія противъ личности. Что же касается перемѣны въ профессіональныхъ отношеніяхъ и глубокихъ измѣненій въ распредѣленіи, то наше общество еще молодо. Когда оно лучше приспособится къ новому положенію, научится лучше управлять имъ, оно сумѣетъ использовать улучшившіяся условія жизни и эксцессы исчезнутъ."

Авторъ заключаетъ такимъ образомъ, что матеріальное улучшеніе желательно, несмотря на угрожающіе симптомы, открываемые статистикой до сихъ поръ, т.-е. на увеличеніе преступленій противъ личности при хорошемъ экономическомъ положеніи. Тщательная точность статистическихъ вычисленій, изобиліе и оригинальность данныхъ, отсутствіе всего, что изобличало бы предвзятость или тенденцію,—все это гарантируетъ правильность и вѣрность выводовъ Мейера, дѣлая его трудъ однимъ изъ лучшихъ по нашему вопросу. Этотъ трудъ отличается отъ большинства изученныхъ нами до сихъ поръ совершенствомъ метода и точностью приводимыхъ доказательствъ. Онъ превосходитъ лучшіе труды крупныхъ статистиковъ, занимавшихся нашимъ вопросомъ ex professo.

Если принять во вниманіе, что нашъ вопросъ до сихъ поръ еще недостаточно освѣщенъ, то подобный трудъ, приводящій къ положительнымъ розультатамъ, является большой цѣнностью и дѣлаетъ крупный шагъ къ рѣшенію вопроса. „Этотъ трудъ", говоритъ въ своемъ разборѣ книги Мейера въ Archiv für Kriminal Antropologie und Kriminelle Statistik проф. Гроссъ, „можетъ разсматриваться, какъ образецъ статистической работы. Если бы во всѣхъ странахъ міра существовали такіе труды и они были бы затѣмъ сведены вмѣстѣ, мы имѣли бы цѣльные выводы." [2]) Это сужденіе указываетъ и на то, чего нельзя терять изъ виду, что трудъ Мейера имѣетъ исключительно мѣстное значеніе; онъ даетъ цѣнные и вѣрные выводы, но исключительно для Цюриха. Но если ограниченность поля изслѣдованія отражается на полнотѣ заключеній, то она представляетъ выгоду болѣе легкаго изолированія различныхъ факторовъ; кромѣ того, при такой ограниченности не такъ легко ускользнуть отъ наблюденія обстоятельствамъ, часто трудно уловимымъ, но которыя всѣ должны быть приняты во вниманіе.

Преступность молодежи въ кантонѣ Цюрихъ составляетъ предметъ спеціальной работы проф. Цюрхера. Въ Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht [3]) онъ посвящаетъ этой темѣ статью: Statistische Erhebungen uber jugendliche Verurteilte iu Kant. Zûrich.

Авторъ, какъ кажется, не придаетъ большого значенія непосредственнымъ экономическимъ вліяніямъ. Потребности существованія не могутъ играть роли дѣйствительнаго фактора для дѣтей и даже для юношей. [4]).

---

[1]). У. с. стр. 97.

[2]). Томъ I, 1899, стр. 267. Мы, однако, не можемъ присоединиться къ мнѣнію Гросса, „что цѣнность книги—въ ея 2 и 3 главѣ." Центръ значенія книги—2 глава; 3 глава, интересная сама по себѣ, не даетъ ничего новаго.

[3]). 1899, стр. 220 слл.

[4]). У. с. стр. 221.

Но нужда можетъ оказывать большое вліяніе, какъ посредственная причина: она, вѣдь, выражается въ плохомъ воспитаніи, доходящемъ до воспитанія спеціально для воровства и мошенничества.

Во второй половинѣ жизни преступныхъ дѣтей, въ возрастѣ отрочества, все еще не нужда побуждаетъ къ имущественнымъ преступленіямъ, а легкомысліе, вѣтренность, „забавы, праздность, удовольствія". Цюрхеръ думаетъ, такимъ образомъ, что нужда оказываетъ лишь косвенное вліяніе на молодость. Размѣры статьи не позволяютъ автору проникнуть въ вопросъ глубже и привести статистическія данныя.

Книга Генриха Мюллера, озаглавленная „Untersuchungen über die Bewegung der Criminalität in ihrem Zusammenhang mit den wirtschaftlichen Verhältnissen, Halle, 1899, скорѣе экономическаго, чѣмъ криминологическаго содержанія. Авторъ даже не ощущаетъ потребности выяснить себѣ сущность преступленія, онъ самъ называетъ себя экономистомъ, а не криминалистомъ [1]).

Мюллеръ, указавъ на высокую важность, придаваемую криминалистами сравненію движенія преступности и цѣнъ, старается показать, что преступленіе въ своемъ движеніи стремится все болѣе и болѣе освободиться отъ вліянія цѣнъ на припасы, становясь, наоборотъ, все въ болѣе тѣсную зависимость по отношенію къ другимъ явленіямъ экономическаго порядка, къ условіямъ индустріи, количеству работы, общему положенію экономической жизни, ея заминкамъ и кризисамъ [2]).

Основаніемъ очерка служитъ уголовная статистика Пруссіи за періоды 1854—78 и 1882—96 г.г. Мюллеръ устанавливаетъ почти математически точный параллелизмъ между двумя кривыми, о которыхъ идетъ рѣчь, за періодъ 1848—60 г.г. [3]). Съ этого времени преступность начинаетъ освобождаться отъ вліянія цѣнъ. Статьи Вейса, о которыхъ мы говорили выше, указываютъ, что та же тенденція существовала раньше во Франціи и Бельгіи, въ особенности же въ Англіи, что совершенно отвѣчаетъ воззрѣніямъ автора; вѣдь въ эти эпохи указанныя страны достигли большаго экономическаго развитія, чѣмъ Пруссія.

Тогда во всей западной Европѣ начинается одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ въ экономической исторіи всего міра періодовъ, періодъ развитія путей сообщенія, кредитныхъ учрежденій, всякаго рода предпріятій, послѣдствія чего и сказались въ Германіи. Однако, войны 1864, 1866 и 1870 г.г. нарушили естественный ходъ уголовной статистики.

Могучее развитіе торговли и промышленности послѣ мира 1871 г., создавая неслыханное количество промышленныхъ предпріятій, открывал повсюду новые пути труду, искусственно вздувая заработную плату, создало для даннаго момента блестящее матеріальное положеніе. Имущественная преступность упала до минимума. Въ періодъ кризиса, который необходимо долженъ былъ послѣдовать, имущественная преступность обнаружила рѣзкую тенденцію къ повышенію. Бѣглый общій взглядъ на другія европейскія страны, подкрѣпленный немногими статистическими данными, указываетъ на аналогичное положеніе и въ другихъ странахъ.

Одна Франція составляетъ исключеніе; причина этого— ея особенное положеніе послѣ разгрома, истощившаго силы страны и приводящаго ее къ бездѣятельности; поэтому Франція приняла очень не-

[1]) У. с. стр. 3.
[2]) У. с. стр. 4 и 25.
[3]) У. с. стр. 25 и слѣд.

значительное участіе въ лихорадочномъ экономическомъ движеніи другихъ странъ и не почувствовала результатовъ кризиса. Но десять лѣтъ спустя, общій кризисъ во Франціи, вызванный крахомъ „Union-générale“, повелъ за собой также усиленіе преступности.

Десятилѣтній періодъ 1880—90 г.г. совпалъ съ расцвѣтомъ промышленности и предпріятій въ цивилизованныхъ странахъ и нѣкоторыя суммарныя цифры указываютъ на уменьшеніе преступности во Франціи, Англіи, Пруссіи и Австріи. Въ 1889 г. новый кризисъ угрожалъ Германіи, какъ и другимъ странамъ, и послѣдствія его скоро сказались на числѣ преступленій.

Окончательное доказательство даетъ автору 1892 г.: сильное пониженіе цѣнъ на съѣстные припасы идетъ рядомъ съ увеличеніемъ имущественной преступности.

Хотя посягательства на личность и на общественный порядокъ находятся въ началѣ второй половины вѣка также въ зависимости отъ дороговизны припасовъ, но обратной; однако вскорѣ,—мы видимъ,—на сцену выступаютъ другіе факторы, опредѣлившіе прямое экономическое вліяніе и на эту категорію преступленій. [1]) Обойдемъ молчаніемъ благодѣтельное вліяніе войны, вполнѣ оцѣнить которое мѣшаетъ нѣмецкимъ писателямъ патріотизмъ [2]) и которое не имѣетъ ничего общаго съ экономической областью. Значительное благоденствіе, наблюдавшееся въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за войной, доставило общую удовлетворенность и, слѣдовательно, миръ и покой. Кризисъ вызвалъ, вмѣстѣ съ общимъ недовольствомъ экономическими и соціальными условіями, и повышеніе посягательствъ на личность. Въ особенности отразились экономическія замѣшательства на лжеприсягѣ и оскорбленіи главы государства. Авторъ сильно настаиваетъ тутъ на вліяніи алкоголя.

Достаточно ли обосновано заключеніе автора [3]), утверждающаго, что онъ доказалъ, что вліяніе цѣнъ на хлѣбное зерно вовсе не даетъ себя знать за послѣднюю половину вѣка, что это вліяніе, постепенно сокращаясь, совершенно исчезло въ наше время? Надо замѣтить, что книга Мюллера не предполагаетъ углубиться въ споръ о вліяніи экономическихъ условій на преступность. Авторъ старается лишь показать, что экономическій факторъ въ настоящее время дѣйствуетъ иначе, чѣмъ раньше. Однако, вышеизложенная аргументація касается лишь одной стороны вопроса. Прежде всего, авторъ долженъ бы былъ показать цифрами, что кривая преступности все болѣе уклоняется отъ кривой цѣнъ и что, въ концѣ-концовъ, исчезъ всякій параллелизмъ между ними. Только одинъ разъ авторъ, повидимому, касается этого, указывая на расхожденіе кривыхъ для 1892 г. [4]). Въ остальномъ Мюллеръ ограничивается установленіемъ связи между преступностью и нѣкоторыми явленіями экономическаго характера, стремящимися господствовать надъ всѣмъ порядкомъ матеріальныхъ отношеній и надъ всѣмъ, что отъ нихъ зависитъ. Установивъ существованіе этой связи, авторъ заключаетъ объ отсутствіи вліянія цѣнъ. Но этотъ выводъ явно шире предпосылокъ. При крайней сложности этіологіи преступности, наличность извѣстныхъ факторовъ никоимъ образомъ не исключаетъ сосуществованія другихъ, въ свою очередь, дѣйствительныхъ вліяній.

---

[1]) У. с., стр. 50 и слѣд.
[2]) См. по этому поводу стр. 418, прим. 2.
[3]) У. с. стр. 66.
[4]) У. с. стр. 47.

ЦАБ "Автограф"

Отношеніе, существующее между преступностью и обезпеченостью труда, вовсе не исключаетъ вліянія цѣнъ. Если бы Мюллеръ не потерялъ этого изъ виду, онъ могъ бы установить, что много разъ кривая преступности, ощущая, безъ сомнѣнія, экономическія вліянія, подчеркнутыя авторомъ, въ то же время слѣдуетъ и за линіей цѣнъ. Это видно изъ трудовъ Штарке и Аппрота по тому же вопросу. Краснорѣчивый примѣръ, осуждающій неполный методъ автора, представляетъ тотъ самый десятилѣтній періодъ 1870—80 г.г., въ который, по словамъ Мюллера, освобожденіе отъ вліянія хлѣбныхъ цѣнъ становится полнымъ. Преступность, хотя и находится подъ отчетливымъ вліяніемъ событій эпохи, все же, за рѣдкими и незначительными исключеніями, слѣдуетъ въ своемъ движеніи за кривой цѣнъ [1]). Что же касается до слѣдующаго десятилѣтія—1881—89 г.г.,то Люксъ, опираясь на подробную таблицу, находитъ въ немъ „очевидное доказательство непосредственнаго отношенія, существующаго между имущественными преступленіями и внѣшними условіями жизни“ [2]).

Этотъ недостатокъ, значительный для метода, уничтожаетъ отчасти и заключеніе, показывая, что оно преувеличено. Совершенно не доказано, что цѣны стали незначущей величиной въ жизни народа.

Правда, многія причины все болѣе уменьшаютъ значеніе этого масштаба общаго благополучія, даже причины, не заключающіяся въ новыхъ экономическихъ фактахъ, которыми авторъ пренебрегъ (напр., голодъ сталъ почти невозможнымъ въ цивилизованныхъ странахъ). Особенную роль играетъ тутъ вліяніе международнаго рынка, часто уничтожающаго значеніе хлѣбныхъ цѣнъ, какъ масштаба матеріальнаго положенія опредѣленной страны.

Но, если голодъ принадлежитъ прошлому, то дороговизна осталась и подавляетъ матеріальную жизнь народа (какъ въ настоящее время въ Испаніи); вѣдь, несмотря на вмѣшательство международнаго рынка и всякихъ спекуляцій, измѣняющихъ естественныя цѣны хлѣба,— все же народъ потребляетъ и оплачиваетъ хлѣбъ и всегда имѣетъ интересъ въ пониженіи цѣнъ.

Но, за вычетомъ сказаннаго, книга Мюллера достойна вниманія. Мы уже настаивали на часто забываемомъ фактѣ, что цѣны хлѣба становятся все менѣе и менѣе точнымъ выраженіемъ экономической жизни народа, почему многіе криминалисты за послѣднее время ищутъ болѣе сложнаго критерія. Таковы, въ особенности, попытки Дени [3]), Штарке [4]), Форнаэари ди Верче [5]), Лафарга [6]), Люкса [7]) и др. Мы вернемся болѣе подробно къ этому вопросу въ нашемъ заключеніи.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что разбираемая работа очень неполна и предвзято разсматриваетъ литературу нашего предмета.

---

[1]) См. Штарке: Vurbrechen und Verbrecher in Preussen, Berlin, 1884 с. 55 сл., Aschrott въ Jahrbuch für Gesetsgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft, 1884, I, с. 194 – 5.

[2]) См. Luz, Sozialpolitisches Handbuch Berlin, 1892, с. 146.

[3]) См. Actes du III Congrès etc стр. 368.

[4]) Verbrechen und Verbrecher in Preussen 1884, с. 63 сл.

[5]) La criminalità e le vicende economiche d'Italia, Torino 1894, с. 74 сл.

[6]) Neue Zeit VIII, 1890, г. 107 сл.

[7]) Sozialpolitisches Handbuch, Berlin, 1892, с. 147.

ГЛАВА IX.

Литература разнаго рода.

Въ этой послѣдней главѣ мы собрали литературные отрывки, которые не могли быть отнесены къ предыдущимъ основнымъ категоріямъ, главнымъ образомъ, потому, что авторы не занимались принципальнымъ вопросомъ о преступности, а иногда, можетъ-быть, и потому, что недостатокъ данныхъ не позволяетъ намъ найти у нихъ рѣшеніе этого вопроса, если оно и существуетъ. Мы встрѣтимъ здѣсь, главнымъ образомъ, авторовъ, не задававшихся ни криминологической, ни статистической цѣлями, дѣлавшихъ случайныя экскурсіи въ область криминологіи: это—историки, философы и, въ особенности, тюрьмовѣды.

Историческая литература.

Аврелій Буддеусъ Zur Kenntniss von St.-Petersburg im kranken Leben (Stuttgart, 1846) посвящаетъ главу преступности Россіи и Петербурга [1]). Онъ говоритъ, что тамъ воровство и мошенничество безграничны и приводитъ ихъ въ связь съ ужасающей нуждой страны. Его данныя, однако, малоцѣнны и неопредѣленны. Онъ признаетъ, что ему не удалось приподнять покрывала, подъ которымъ русское правительство скрываетъ соціальныя язвы и, въ частности, преступность [2]).

На гораздо болѣе солидныхъ данныхъ опирается описаніе преступности во Франціи наканунѣ революціи, сдѣланное Тэномъ, разсматривающимъ ее, какъ слѣдствіе печальнаго экономическаго положенія [3]). Съ несравненнымъ талантомъ художника Тэнъ рисуетъ картину нужды и абсолютнаго пауперизма, въ которые впало большинство населенія страны вслѣдствіе злоупотребленій стараго режима. Съ документами въ рукахъ онъ указываетъ затѣмъ, какъ „на извѣстной ступени нужда становится медленной гангреной, гдѣ больная часть организма пожираетъ здоровую, человѣкъ, еле живущій, заживо съѣдается человѣкомъ, неимѣющимъ средствъ къ существованію“. Тэнъ приводитъ замѣчательное мѣсто изъ сочиненія Рене де Отвиль (1776 г.): „крестьянинъ разоренъ, онъ падаетъ жертвой множества нищихъ, разоряющихъ деревни и скрывающихся въ городахъ. Отсюда опасныя для общественной безопасности скопища; отсюда толпы мошенниковъ и бродягъ; отсюда множество людей, ставшихъ ворами и убійцами единственно за неимѣніемъ пропитанія“. Протоколы провинціальнаго собранія Суассонэ (1787, с. 457) говорятъ о томъ же: „нужда деревень, сама по себѣ уже крайняя, увеличивается еще безпорядками, которые она за собою влечетъ. Не стоитъ вовсе искать другого источника нищенства и всѣхъ пороковъ“.

Тэнъ прибавляетъ: къ чему палліативы противъ зла, коренящагося въ существѣ вещей? Какая полиція можетъ что-нибудь сдѣлать въ приходѣ, гдѣ четверть или треть обывателей имѣютъ для пропитанія лишь то, что выклянчатъ у пороговъ?“ Онъ приводитъ примѣры: „если наступитъ морозъ или градъ, думаете ли вы, что эти люди рѣ-

---

[1]) Т II, стр. 137 сл.
[2]) Тамъ же, стр. 138 сл.
[3]) L'Ancien régime 1880, I, стр. 500 слл.

шатся умереть съ голода?... Голодные и мародеры — всѣ они идутъ вмѣстѣ и нужда дѣлается товарищемъ преступленія [1])".

Не замѣняя уголовной статистики, эти разсужденія все же очень хорошо объясняютъ намъ вліяніе плохого экономическаго состоянія на преступность того времени, вліяніе столь очевидное, что оно было замѣчено всѣми, даже наименѣе освѣдомленными въ вопросѣ.

Философская литература.

Л. Бюхнеръ, посвятившій свой трудъ популяризаціи матеріализма, въ своемъ знаменитомъ трудѣ „Force et matière" [2]), отрицаетъ свободу воли и указываетъ на нужду, какъ на одну изъ главныхъ причинъ преступленія. Аргументація, однако, сводится къ общему отрицанію свободы воли.

Литература о пауперизмѣ.

Естественно, что нѣкоторые писатели, занимавшіеся вопросомъ о пауперизмѣ, обратили вниманіе на преступность, или отрицая, или утверждая, что послѣдняя является слѣдствіемъ перваго.

А. де Вильневъ Баржемонъ, давъ въ своей Economie politique chrétienne картину пауперизма и его печальныхъ послѣдствій, задается вопросомъ, есть ли у несчастнаго, физически и нравственно разбитаго нуждой, надежда на что-нибудь иное, кромѣ какъ на нарушеніе соціальныхъ законовъ или на самоубійство? „Преступленіе, конечно, идетъ рядомъ съ этимъ отчаяніемъ" [3]).

Баронъ Жерандо, авторъ „La Bienfaisance publique" (Paris, 1839) указываетъ, что дѣйствительная, незаслуженная нужда обусловливаетъ гораздо меньше преступленій, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Впадаетъ въ преступленіе, по его мнѣнію, нужда, порожденная порокомъ; если ошибаются на этотъ счетъ, то потому, что между этими двумя видами нужды не дѣлаютъ различія [4]).

Это-идея, поддерживаемая въ наши дни Жоли [5]). Жерандо прибѣгаетъ въ качествѣ доказательства къ аргументу, который послѣ него часто повторяли (деньТексъ, Моррисонъ) и который мы старались нѣсколько разъ опровергнуть: большая часть дѣйствительно нуждающихся принадлежитъ къ старикамъ, калѣкамъ, больнымъ, дѣтямъ; но всѣ они находятся въ условіяхъ возраста и здоровья, наименѣе благопріятныхъ для преступленія.

Женщины, образующія во Франціи, по меньшей мѣрѣ, $^3/_5$ или $^2/_3$ неимущихъ, даютъ лишь $^1/_4$ преступниковъ. Въ дѣйствительности, это разсужденіе мало что говоритъ намъ относительно экономическихъ вліяній, ибо, конечно, другія причины доводятъ преступность до апогея у мужчинъ въ зрѣломъ возрастѣ.

Авторъ устанавливаетъ затѣмъ [7]), что среди департаментовъ, наиболѣе страдающихъ отъ нужды, многіе значатся въ числѣ тѣхъ, въ которыхъ

---

[1]) У. с. стр. 506 слл.
[2]) Переводъ съ 31 нѣмецк. изд. Парижъ, 1876, стр. 369.
[3]) Economie politique chrétienne ou rechererches sur la nature et les causes du pauperisme etc Bruxelles, 1837, с. 46.
[4]) У. с. стр. 82 и 321.
[5]) См. стр. 341—2.
[6]) У. с. стр. 321.
[7]) У. с. стр. 323.

наиболѣе часты имущественныя преступленія. Онъ, однако, не заключаетъ отсюда, что нужда вліяетъ на количество преступленій. Но тѣ же обстоятельства, которыя ввергаютъ однихъ въ нищету, говоритъ онъ, толкаютъ другихъ на преступленіе. Одни и тѣ же мѣста привлекаютъ и нищихъ, и воровъ: одни ищутъ помощи, другіе—случая совершить кражу. Авторъ указываетъ еще, что преступленія противъ личности встрѣчаются чаще среди свободныхъ профессій, чѣмъ среди людей безъ занятій. До Жерандо, однако, не доказываетъ этого факта; по поводу этого вопроса мы отсылаемъ къ нашимъ замѣчаніямъ о Гарофало [1]).

Весь трудъ показываетъ, что авторъ хочетъ убѣдить краснорѣчіемъ, а не доказательствами. Его данныя, мало разработанныя, часто, кромѣ того, противорѣчатъ поддерживаемому имъ тезису.

Въ большомъ трудѣ Моро Кристофа, посвященномъ вопросу о нуждѣ, находятся указанія на состояніе преступности у всѣхъ народовъ, пауперизмъ которыхъ авторъ изучалъ [2]). Неутомимый противникъ пауперизма не указываетъ, однако, связи, соединяющей оба эти явленія. Онъ, повидимому, допускаетъ a priori, что связь эта слишкомъ безспорна для того, чтобы сдѣлаться предметомъ обсужденія, такъ что даже безполезно упоминать о ней. Лишь одинъ разъ онъ въ общихъ и широкихъ чертахъ характеризуетъ эту связь, указывая на преступленія, какъ на причину и результатъ нищеты [3]).

А. Баронъ, въ своемъ солидномъ трудѣ Le pauperisme, ses causes et remèdes (P. 1882) указываетъ на нищету, какъ на главную причину преступности [4]). Въ концѣ своего труда авторъ приводитъ очень ясную графическую таблицу благотворительности, нужды, преступности и кабаковъ (какъ мѣста потребленія алкоголя) въ департаментахъ Франціи. Этотъ обзоръ показываетъ частое совпаденіе между кривыми преступности и нищеты. Однако, не всегда. Авторъ не изслѣдуетъ причинъ этихъ уклоненій. Мы видимъ въ нихъ подтвержденіе нашей концепціи преступленія, какъ явленія мѣстно-историческаго, концепціи, при которой различныя вліянія играютъ различныя роли, смотря по мѣсту и времени, и которая прекрасно объясняетъ, почему экономическій факторъ вліяетъ въ одномъ департаментѣ такъ, а въ другомъ иначе. Къ несчастію, таблица Барона подвержена сомнѣнію. Авторъ не указываетъ, къ какому времени она относится. Охватываетъ ли она долгій періодъ и какой, или содержитъ данныя одного лишь года и въ послѣднемъ случаѣ,—какого года? Если почему-нибудь это годъ ненормальный, цѣнность данныхъ значительно падаетъ.

Вегасъ Рей—въ Pobreza y mendacidad высказываетъ мнѣніе, что очевидный въ наши дни ростъ преступности обусловленъ печальнымъ состояніемъ бѣдняковъ и лишеніями, которымъ они подвержены. Дурное воспитаніе, примѣръ достаточныхъклассовъ, отсутствіе средствъ къ существованію, невозможность заработать трудомъ—все это ведетъ къ воровству, къ мошенничеству, подлогамъ, злоупотребленіямъ довѣріемъ, убійству и прочимъ преступленіямъ, порожденнымъ бродяжествомъ и похотью.

---

[1]) Стр. 66 сл.

[2]) Du problème de la misère et de sa solution chez les peuples anciens et modernes. P. 1851, I, c. 219 слл.; II, c. 360 слл.; III, c. 141 сл.; 170 сл.; 222 сл.; 236 сл.; 253 сл.; 261 сл.; 292 сл.; 319 сл.; 323 сл.; 349 сл., 365 сл.; c. 510/12.

[3]) У. с. стр. 219, т. I.

[4]) У. с. стр. 3.

Литература тюрьмовѣдѣнія.

Авторы, занимавшіеся вопросами тюрьмовѣдѣнія, необходимо должны были иногда касаться и проблемы причинъ преступности.

Передовой боецъ за уничтоженіе смертной казни, Ш. Люка, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые уже въ началѣ XIX вѣка были убѣждены въ гибельномъ вліяніи нужды и невѣжества на преступленіе. Однако, онъ ошибался, какъ и другіе, полагая, что преступленіе есть исключительно результатъ нужды [1]); для него это аксіома, очевидная истина, которую, къ несчастію, онъ не считаетъ нужнымъ доказывать [2]). Онъ, такимъ образомъ, вовсе не изучаетъ вопроса. Онъ развиваетъ свое мнѣніе въ введеніи къ своему знаменитому труду: Du système pénal et du système répressif en général, de la peine de mort en particulier (Paris 1827) [3]).

На основаніи нѣсколькихъ данныхъ Comptes généraux за 1825 и 26 г.г. онъ устанавливаетъ вліяніе невѣжества на преступность. Ему кажется вполнѣ несомнѣннымъ, что невѣжество идетъ рядомъ съ нуждой. Такимъ образомъ, онъ и приходитъ къ мало обоснованному заключенію, что преступленіе есть естественное послѣдствіе нужды. Въ позднѣйшемъ трудѣ De la Réforme des Prisons ou de la théorie d'emprisonnement etc, P.1836—38, онъ посвящаетъ главу [4]) изученію „соціальнаго положенія, разсматриваемаго какъ причина преступности“, гдѣ снова развиваетъ свою идею болѣе отчетливо, но все еще безъ доказательствъ. Общество, говоритъ онъ [5]), дѣлится обыкновенно на три класса; преступность, порождаемая страданіями или нуждой, т. е. имущественная преступность, сосредоточивается въ низшемъ классѣ. Оба остальные класса не только обладаютъ воспитаніемъ, предотвращающимъ вредныя послѣдствія бѣдности, но свободны даже отъ искушеній нищеты: неудовлетворенныхъ потребностей у нихъ не существуетъ. Низшіе же классы, наоборотъ, одинаково лишены и довольства, устраняющаго гнетъ потребностей, и образованія, умѣряющаго эти потребности и излишества. Тамъ, гдѣ человѣкъ живетъ изо-дня-въ-день на свой заработокъ, возникаетъ упорная борьба, часто даже требующая жертвъ и подвиговъ добродѣтели для сохраненія честности. Общество испытываетъ свою нравственность, требуя отъ всѣхъ въ трудныя времена того же поведенія и уваженія къ закону, какъ отъ богатыхъ, не встрѣчающихъ въ этихъ случаяхъ никакихъ затрудненій.

Люка замѣчаетъ также [6]), что извѣстныя преступленія исключительно свойственны нѣкоторымъ ступенямъ цивилизаціи, что, естественно, преступленія печати умножаются съ увеличеніемъ печатнаго дѣла, злостныя банкротства и торговые подлоги съ развитіемъ промышленности. Обобщая это заключеніе, авторъ приходитъ къ выводу что имущественныя преступленія необходимо встрѣчаются чаще въ богатыхъ и

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что Ш. Люка сторонникъ относительной свободы воли, какъ и остальные, занимавшіеся въ началѣ XIX вѣка моральной статистикой, не исключая и Кетле, если судить, по крайней мѣрѣ, по его собственнымъ утвержденіямъ (Système Social, с. 65 слл.).

[2]) См. по этому поводу, Ш. Люка: Gazette des tribunaux, 11 іюня 1827, с. 941.

[3]) Стр. XXI слл.

[4]) Т. II, стр. 44 слл.

[5]) У. с. стр. 47 слл.

[6]) Sur le système pénal etc. с. XXIII и Gasette des Tribunaux, 9—VI—1827.

передовыхъ странахъ, чѣмъ въ отсталыхъ и бѣдныхъ. Не то, что цивилизація увеличиваетъ непосредственно количество этихъ преступленій; она поминуемо увеличиваетъ лишь число случаевъ нанести вредъ, умножая количество вещей. Авторъ въ другомъ мѣстѣ идетъ еще дальше [1]). Вотъ почему Гарофало считаетъ Люка предшественникомъ Полетти. Цивилизація, будучи прогрессомъ свободы, увеличиваетъ злоупотребленія свободой именно потому, что увеличиваетъ сферу послѣдней. Но для того, чтобы оцѣнить нравственность опредѣленной страны, слѣдуетъ сравнить дурное употребленіе свободы съ хорошимъ, надо оцѣнить злоупотребленія сравнительно съ правильнымъ употребленіемъ.

Эта теорія вызвала негодованіе Романьози [2]). Ее энергично оспаривали, какъ и крайнюю формулу, выставленную позже Полетти. Мы оцѣнили этотъ взглядъ при оцѣнкѣ ученія Полетти.

H. Mayew и Бинни (Binny), набросавъ картину лондонскаго пауперизма во введеніи къ своему труду The criminal prisons of London (London 1862) утверждаютъ, что нужда тамъ *сильно вліяетъ* на преступность [3]). Въ этой книгѣ, имѣющей своимъ предметомъ описаніе тюремъ, не приводится большихъ свѣдѣній.

Д'Оливекрона, въ своей книгѣ Des causes de la récidive et des moyens d'en restreindre les effets (Стокгольмъ, 1873) называетъ нужду, какъ и плохое воспитаніе, однимъ изъ наиболѣе мощныхъ факторовъ преступности и рецидива [4]). Этимъ фактомъ авторъ желаетъ объяснить подтверждаемое долгимъ опытомъ положеніе, что неурожайные годы всегда ведутъ за собою усиленіе преступности и рецидива, главнымъ образомъ имущественныхъ преступленій. Въ одномъ изъ примѣчаній Оливекрона приводитъ нѣсколько фактовъ шведской статистики: неурожаи 1867 и 1868 гг., пріостановка всякой промышленной дѣятельности въ краѣ явились, по словамъ автора, причиной значительнаго увеличенія преступности съ 1868 и 1869 г.г. Авторъ, поэтому, для борьбы съ этой соціальной язвой рекомендуетъ хорошее воспитаніе юношества и всѣ мѣры, способныя улучшить экономическое и моральное положеніе рабочаго класса.

Экономическое положеніе бельгійскихъ преступниковъ послужило предметомъ изученія въ книгѣ Стевенса Les prisons cellulaires en Belgique (Bruxelles, 1878) [5]).

Въ опредѣленный моментъ (какой?) въ центральныхъ тюрьмахъ наблюдались слѣдующія пропорціи:

Зажиточные	1%
Съ нѣкоторымъ достаткомъ	11%
Неимѣющихъ источниковъ существованія, кромѣ труда	88%
	100%

Авторъ замѣчаетъ затѣмъ, что холостые составляютъ 70% тюремнаго населенія. Правда, борьба за жизнь для нихъ легче; авторъ спрашиваетъ однако, не является ли холостое состояніе слѣдствіемъ и до-

---

[1]) У Garofalo, La Criminologie, c. 194—5.
Мы не смогли найти указанныхъ строкъ даже съ помощью Гарофало. См. также Réformes des prisons, etc. c. 46.
[2]) См. стр. 337.
[3]) Стр. 51—2.
[4]) Стр. 12—13.
[5]) Стр. 238—40.

казательствомъ недостаточнаго физическаго и нравственнаго развитія, незнанія ремесла и т. д.

Стевенсъ отмѣчаетъ, кромѣ того, быстрое увеличеніе количества тюремнаго населенія во время кризисовъ, въ годы, когда работы мало, а хлѣбъ дорогъ; отмѣчаетъ онъ и обратное. „Подумайте", говоритъ онъ, „что за рѣшеткой сидятъ 4000 бельгійцевъ, которые не попали бы туда безъ этого, совершенно независящаго отъ ихъ воли обстоятельства (повышенія цѣнъ)".

Алозе, въ работѣ — L'essai sur les peines et le systéme pènitentiaire указываетъ среди важнѣйшихъ причинъ преступленія соціальное неравенство, развившееся въ нашемъ обществѣ. Преступленія рѣже въ зажиточномъ классѣ потому, что лицамъ, принадлежащимъ къ нему, легко удовлетворить свои страсти и желанія, тогда какъ бѣдные могутъ сдѣлать это только путемъ преступленія.

Ф. Депортъ, въ книгѣ La rèforme pènitentiaire en Suède (Парижъ, 1882) полагаетъ, что тревожное увеличеніе преступности въ Швеціи въ 1839 г. прежде всего должно быть поставлено на счетъ нищеты обѣднѣвшаго въ началѣ вѣка отъ войнъ и континентальной блокады народа [1]). Но доказательствъ онъ не приводитъ.

Кромѣ краткаго очерка Стевенса объ экономическомъ положеніи преступниковъ и нѣкоторыхъ цифръ Оливекрона, всѣ предыдущія разсужденія являются лишь простыми утвержденіями безъ доказательствъ, а потому имѣютъ крайне ограниченное значеніе для нашего вопроса.

Оффиціальная литература.

Мы называемъ этимъ именемъ Comptes généraux de l'administration de la Justice criminelle en France, представляемые каждый годъ главѣ государства министромъ юстиціи. Большинство министровъ ограничивается отчетомъ за одинъ годъ и публикованіемъ этихъ таблицъ, оказавшихъ столь цѣнныя услуги статистическому изученію преступности. Нѣкоторые изъ нихъ, однако, разрабатывали, во введеніи, статистическіе матеріалы своихъ предшественниковъ (Comptex gènèraus 1850, 60, 80, 85 г.г.), такъ что эти отчеты принадлежатъ къ криминологической литературѣ.

Гумберъ въ отчетѣ за 1880 г., разбирая періодъ 1826—50 г.г., привлекаетъ вниманіе къ необычайному увеличенію преступности въ 1840, 47 и 54 г.г., приписывая его дороговизнѣ припасовъ [2]).

Въ Compte général за 1885 г. министръ Сарьенъ видитъ въ увеличеніи преступности, замѣчаемомъ отъ времени до времени, слѣдствіе земледѣльческаго, торговаго и промышленнаго кризиса, отъ котораго страдаетъ Европа, и который порождаетъ нужду въ крупныхъ центрахъ и сосѣднихъ съ ними округахъ [3]).

Отдѣльныя указанія по нашему вопросу.

Здѣсь мы укажемъ на нѣкоторыя сочиненія по нашему вопросу, которыя могли бы, пожалуй, найти мѣсто въ предыдущемъ изложеніи,

---

[1]) Стр. 5.
[2]) Compte général etc. pendant l'année 1880, P. 1882, c. VIII.
[3]) Compte général etc. pendant l'année 1885, P. 1887, c. XVIII и c. LIV.

если бы мы обладали болѣе обширными работами ихъ авторовъ, и, слѣд., могли бы проникнуть глубже въ характеръ этихъ работъ.

Въ Revista de Espana (25 окт. 1885 г.) Имено Агіусъ посвящаетъ замѣтку испанской преступности (Criminalidad en Espana). Установивъ уменьшеніе преступности съ 1859 по 1862 г.г., чрезвычайно оптимистически настроенный авторъ заключаетъ о постоянномъ уменьшеніи преступности, которое приписываетъ улучшенію экономическаго положенія Испаніи [1]). Онъ, однако, прибавляетъ, что неразработанная испанская статистика не можетъ служить доказательствомъ тѣсной связи преступности и матеріальнаго положенія, почему и прибѣгаетъ къ даннымъ иностранной статистики.

Онъ указываетъ на хорошо извѣстное повышеніе преступности во Франціи съ 1847 г., затѣмъ на такое же слѣдствіе дороговизны въ Англіи, гдѣ преступность возросла съ 24303 (1845 г.) до 25107 (1846 г.) и до 28883 (1847 г.); то же было и въ Бельгіи; однако, цифры, приводимыя для этой послѣдней, крайне низки и говорятъ, вѣроятно, только объ осужденіяхъ ассизными судами [2]). Авторъ указываетъ еще на повышеніе преступности въ связи съ голодными годами 1812—1817: въ 1812 году преступленія увеличились съ 5529 до 10195; въ 1817 г. преступленія противъ личности съ 1589 (въ 1816 г.) возросли до 1638, а имущественныя преступленія съ 4713 (1816 г.) до 7086. Но о какой странѣ говоритъ онъ здѣсь? Не о Франціи, конечно, такъ какъ по Дюкпесьо 1812 годъ не былъ голоднымъ; кромѣ того, приведенныя цифры слишкомъ низки, что относится и къ Англіи [3]). Возможно, что авторъ говоритъ объ Испаніи.

Затѣмъ онъ тщательно изслѣдуетъ положеніе преступности въ различныхъ округахъ Испаніи за періодъ 1859—63 г.г., сравнивая его съ 1883 г. Съ этими результатами онъ, весьма кратко, сравниваетъ экономическое состояніе областей [4]), и приходитъ къ выводу, что преступность выше всего въ наиболѣе бѣдныхъ округахъ, въ особенности въ Мадридѣ, и что количество имущественныхъ преступленій ниже всего въ наиболѣе богатыхъ провинціяхъ (Волька, Валенсія, Мурсіа, Андалузія).

Историческій очеркъ автора имѣетъ крайне ограниченную цѣнность. Это—нѣсколько незначительныхъ заимствованій изъ старинныхъ данныхъ, точность которыхъ, какъ мы уже видѣли, весьма сомнительна. Недовѣріе увеличивается отъ отсутствія указаній на источники. Географическое сравненіе испанскихъ провинцій не имѣетъ большого зна-

---

[1]) У. с. стр. 497.

[2]) Авторъ приводитъ такія цифры:

	Прест. противъ личн.	Прест. противъ имущ.
1846	111	263
1847	118	492
1848	79	369

Дени, черпающій данныя, очевидно, изъ первоисточниковъ, приводитъ слѣдующія цифры для всѣхъ преступленій:

1846	1847	1848
20787	20348	18507

[3]) Actes du III. Congres etc. стр. 366, Ducpetiaux, De la justice etc. Bruxelles, 1827, c. 14.

[4]) У. с. стр. 510 слл.

[5]) У. с. стр. 514—15.

ченія, ибо степень благосостоянія, второй терминъ сравненія, не изучена, а установлена на основаніи весьма поверхностныхъ данныхъ.

Въ очеркѣ Жиль Местра El socialismo y el anarchismo e sus relaciones con la criminalidad, о которомъ мы говорили выше, мы находимъ еще нѣкоторыя указанія относительно экономическаго вліянія на преступность. Эти труды не были въ нашемъ распоряженіи и мы принуждены ограничиться лишь краткими замѣчаніями.

Жиль Местръ указываетъ на очеркъ Лазагра[1]), въ которомъ говорится о гибельномъ вліяніи развитія нашего промышленнаго строя на преступность.

Онъ указываетъ еще на замѣчаніе Бонневиль де Марсанжи, называющаго нужду однимъ изъ великихъ источниковъ преступности [2]); на работу американскаго криминалиста Макъ Дональда, въ которой недостаточность заработной платы разсматривается, какъ причина физической и нравственной отсталости рабочаго населенія [3]).

Вопросъ объ экономическомъ вліяніи на преступность въ изящной литературѣ.

Уголовная антропологія, какъ и всякое мощное умственное теченіе, нашла откликъ въ искусствѣ, въ особенности въ литературѣ. Дѣйствительность по самой природѣ своей единственное и необходимое условіе всякаго художественнаго произведенія. Этой формулой выражается связь между наукой и искусствомъ. Но между ними существуетъ и формальное отношеніе. Наука даетъ пищу искусству, но взамѣнъ находитъ въ немъ свое усовершенствованіе. Искусство украшаетъ, занавчиваетъ, совершенствуетъ, одѣваетъ въ пурпуръ воображенія и чувства тотъ грубый матеріалъ, который вырабатывается въ мастерской науки. Часто искусство опережаетъ науку. Великіе художники мысли, безсознательно философствующіе о человѣческой природѣ, часто интуитивно предчувствуютъ то, что наука раскрываетъ лишь въ ходѣ постепеннаго развитія.

Какъ осуществляются эти положенія по отношенію къ уголовной антропологіи? Искусство до такой степени обильно черпаетъ изъ нея, что Ломброзо спрашивалъ, почему уголовная антропологія болѣе развита въ искусствѣ, чѣмъ въ наукѣ [4]).

Изученіе отношеній, существующихъ между новыми теоріями преступности и литературой, сдѣлалось предметомъ все возрастающаго съ развитіемъ криминологіи числаизслѣдованій. Дѣлались попытки остроумныхъ толкованій со стороны Ломброзо, Ферри, Бенедикта, Сигеле, Алимена, Росси, Чижа и др. [5]), причемъ преимущественно избирались для этихъ изслѣдованій великіе поэты и современные романисты: Данте, Тассо, Альфіери, Шиллеръ, Гюго, Верленъ и, въ особенности, Шекспиръ. Ферри даже полагалъ, что открылъ въ твореніяхъ

---

[1]) У. с. стр. 136—7.
[2]) Стр. 112.
[3]) Стр. 10—11.
[4]) Lombroso: Les applications de l'anthrop. criminelle P. 1892, с. 163.
[5]) Обширныя указанія по литературѣ вопроса можно найти въ интересной работѣ Squillace, Sociologia artistica (Turino, 1900, с. 199—201).

Шекспира нѣчто въ родѣ криминологической трилогіи: Макбетъ. Гамлетъ, Отелло [1]), изображающихъ типы преступника прирожденнаго, преступника помѣшаннаго и преступника по страсти.

Затѣмъ матеріалъ для этихъ изслѣдованій по художественной криминологіи доставили Сильвіо Пеллико, Манцони, Крапоткинъ, Достоевскій, Бальзакъ, Зола и Бурже. Предпочтительнѣе передъ другими типами романисты и драматурги избираютъ типъ прирожденнаго преступника, т.-е. преступника инстинктивнаго и неисправимаго. По своему жестокому и грубому характеру этотъ типъ наилучше приспособленъ для насильственнаго выраженія чувствованій.

Рѣже описывается дѣйствіе экономическихъ факторовъ.

Шиллеръ далъ намъ психологическое изображеніе различныхъ преступныхъ типовъ. Однако, матеріальныя вліянія никогда не играютъ роли въ генезисѣ преступленій, описываемыхъ имъ въ его драмахъ. Одно лишь лицо, изображаемое поэтомъ, правда, въ двоякомъ видѣ [2]), опредѣляется къ преступленіямъ соціальными условіями. Въ лицѣ Карла Моора мы имѣемъ законченный тицъ преступника, котораго сдѣлали такимъ соціальныя условія и жизненная обстановка.

---

[1]) Ferri Les criminels dans l'art litterature, Paris 1897, c. 43 сл.

Построеніе весьма остроумно и достойно Ферри. Оно, тѣмъ не менѣе, противорѣчитъ истинной природѣ Гамлета. Дѣйствительно, онъ не безуменъ и не преступенъ. Онъ дѣйствуетъ если даже и допустить, что онъ преступникъ, то конечно, онъ не преступникъ—помѣшанный, т. е. не преступникъ, дѣйствующій подъ вліяніемъ своего безумія. Когда онъ дѣйствуетъ, безъ всякой связи съ своимъ умственнымъ состояніемъ, безъ связи съ своими предыдущими разсужденіями вообще. Личность Гамлета, въ дѣйствительности, троякая: въ этомъ изображеніи человѣческой природы отчетливо раздѣляются Разумъ, Совѣсть (чувство) и Дѣйствіе, какъ выраженія трехъ составныхъ элементовъ человѣка-интеллектуальнаго, нравственнаго и физическаго. Гамлетъ-Совѣсть чувствуетъ, что долженъ что-то выполнить, что становится его долгомъ. Гамлетъ-Разумъ придумываетъ хитрости, чтобы открыть достовѣрную вину того, кого онъ долженъ поразить. Но этотъ Гамлетъ-Разумъ,—безуменъ онъ или нѣтъ,—не совершаетъ дѣйствія или преступленія; если угодно, Гамлетъ-Совѣсть убѣжденъ даже въ своемъ безсиліи, онъ чувствуетъ себя слишкомъ слабымъ для своего долга.

Дѣйствуетъ Гамлетъ-Дѣйствіе и дѣйствуетъ независимо отъ предшествовавшихъ соображеній и размышленій, которыя никогда не могли бы вызвать дѣйствія. Порывъ момента, условія, совершенно независимыя отъ безумнаго Гамлета-Разума, заставляютъ его убить Полонія, Розенкранца и его несчастнаго товарища и въ особенности, короля (смерть Лаэрта нельзя поставить въ счетъ Гамлету). См. м. пр. статью Гирша въ Societé nouvelle, 1896, 2. Какъ преступникъ, Гамлетъ представляетъ типъ „criminel occipital" Лакассаня, а не „criminel frontal", соотвѣтствующій преступнику—помѣшанному итальянцевъ. Мы находимъ доказательство этого въ его колебаніяхъ, когда онъ могъ легко поразить своего дядю во время молитвы. Если онъ не убиваетъ его, то лишь потому, что сзади короля стоитъ въ состояніи относительнаго спокойствія Гамлетъ-Разумъ. А этого Гамлетъ-Разума недостаточно чтобы перейти въ дѣйствіе. Необходимо вмѣшательство дремлющаго Гамлета-Дѣйствіе; но въ данный моментъ его никто не возбуждаетъ. Слѣдовательно, онъ не убиваетъ, потому что не можетъ.

Что же касается безумія, то Ферри полагаетъ (у. с. стр. 46), что уже одно убійство „абсурдное и напрасное" Полонія достаточно для доказательства неразумной импульсивности Гамлета. Но это убійство и не обсурдное, и не напрасное, вѣдь, роковой ударъ, поразившій Полонія, направленъ былъ на короля, который, какъ предполагалъ принцъ, прятался за портьерой. Гамлетъ ясно говоритъ объ этомъ. Что дѣлаетъ гипотезу безумія Гамлета вѣроятной—такъ это отсутствіе всякаго раскаянія, хотя его мать утверждаетъ позднѣе обратное; напомнимъ, впрочемъ, что угрызенія совѣсти и въ особенности отсутствіе единства личности, гетерогенной и неуравновѣшанной—одна изъ характерныхъ чертъ помѣшанныхъ преступниковъ. Но если даже Гамлетъ и безуменъ, онъ, конечно, не отвѣчаетъ типу преступника помѣшаннаго.

[2]) Косинскій, въ дѣйствительности, лишь отраженіе Карла Моора, введенное въ пьесу по соображеніямъ драматургическаго характера.

Эти обстоятельства направили его по преступному пути, а извращенное общество, съ которымъ онъ хотѣлъ бороться, было организовано такъ, что эта борьба могла проявиться лишь въ формѣ преступленія. Экономическія вліянія остались чуждыми образованію этого преступника; но мы видимъ ихъ дѣйствіе въ описаніи другого преступника въ историческомъ разсказѣ Шиллера Der Verbrecher aus verlorener Ehre", у котораго такъ много чертъ психологіи Карла Моора, что можно было бы считать „Sonnenwirth" болѣе реальнымъ, болѣе вѣроятнымъ и менѣе идеализированнымъ эскизомъ того же лица, если бы знаменитый разсказъ не появился послѣ „Разбойниковъ" [1]). Шиллеръ видѣлъ въ плохомъ экономическомъ положеніи обильный источникъ преступленія, въ частности воровства; объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто изъ „Лагеря Валленштейна" (10 сцена): „Это отъ отчаянія. Вѣдь, разоряютъ ихъ, — а это значитъ, привести ихъ къ воровству".

Гете, въ 5 актѣ II части Фауста, выводитъ на сцену Нужду, сопровождаемую Виной и Нищетой, отступающихъ отъ двери богача.

Всѣ три: „Дверь заперта; мы не можемъ войти. Тамъ живетъ богачъ; мы не хотимъ туда".

Нужда: „Удалитесь отсюда, угрюмыя сестры".

Вина: „Я пойду съ тобой рядомъ".

Нищета: „Близко, по пятамъ, сопровождаетъ тебя Нищета".

Соціалистическій тезисъ, какъ мы его изложили выше, нашелъ литературное выраженіе у Генриха Гейне. Разно толковали соціализмъ этого великаго скептика. Во всякомъ случаѣ изъ его твореній ясно, что у него соціальное и экономическое возвышеніе страдающихъ массъ было связано съ мыслью о борьбѣ классовъ. Съ нею связано и его объясненіе преступности, что видно изъ 6 сцены „Ратклиффа", являющейся въ тоже время характернымъ доказательствомъ вліянія экономическихъ неравенствъ на преступность:

„Тамъ, наверху, есть судъ иной, чѣмъ здѣсь, въ Великобританіи. Робинъ—мужчина; а мужчину охватываетъ гнѣвъ, когда онъ видитъ, что грошевыя души, пройдохи, часто утопаютъ въ излишествѣ, одѣваются въ шелкъ и бархатъ, поглощаютъ устрицъ, купаются въ шампанскомъ, проводятъ праздное свое время въ кровати доктора Граама, рыщутъ по улицамъ въ золотыхъ каретахъ и гордо смотрятъ свысока на голоднаго, бредущаго съ послѣдней одеждой подъ мышкой въ ломбардъ. Посмотрите на умныхъ, сытыхъ людей, охраненныхъ стѣной законовъ противъ всякаго нападенія чрезмѣрно угнетенныхъ голодомъ людей. Горе тому, кто перейдетъ черезъ эту стѣну. Готовы судьи, палачи, веревки, висѣлицы. Все-таки иногда попадаются люди, не боящіеся всего этого".

Первое мѣсто въ художественной криминологіи занимаетъ, безъ всякаго сомнѣнія, Достоевскій. Но и этотъ геніальный художникъ преступности не далъ художественнаго описанія экономическаго происхожденія преступности. Всѣ преступные типы Достоевскаго расцвѣтаютъ на почвѣ психопоталогіи и вырожденія. Мы встрѣчаемъ въ его произведеніяхъ лишь иногда слѣды матеріальнаго фактора, какъ второстепенной и случайной причины.

Кража пьяницы Емельяна Ильича („Честный воръ"), несомнѣнно,

---

[1]) Возможно, что это произведеніе написано для оправданія, съ цѣлью защититься отъ упрековъ, сыпавшихся со всѣхъ сторонъ на молодого Шиллера, якобы предпринимавшаго психологическое описаніе людей, прежде, чѣмъ онъ видѣлъ ихъ.

относится на счетъ его порока, совершенно переродившаго его; однако, къ своему неблагодарному поступку онъ побуждается недостаткомъ денегъ. Въ психологіи отвратительнаго отцеубійцы Смердякова („Братья Карамазовы“) острое желаніе поживиться нѣсколькими тысячами рублей играетъ, несомнѣнно, роль непосредственнаго мотива; однако, это человѣческое чудовище—психопатъ и инстинктивный преступникъ, до такой степени ярко выраженный, что для его преступленія достаточно было бы и всякаго другого мотива. Въ „Мертвомъ Домѣ“ мы встрѣчаемъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ преступниковъ - помѣшанныхъ и фанатиковъ, только прирожденныхъ преступниковъ. Единственное лицо, дѣйствовавшее, якобы, подъ вліяніемъ корысти, осужденное также за отцеубійство, впослѣдствіи оказалось невиннымъ.

Болѣе значительную роль экономическія неудачи играютъ въ формированіи преступнаго героя „Преступленія и Наказанія“. Но и здѣсь Достоевскій рисуетъ намъ психопата: ипохондрикъ Родіонъ Раскольниковъ, уступая вліянію маніи убійства и воровства, убиваетъ ростовщицу и ея сестру Елизавету подъ вліяніемъ скоропроходящаго помѣшательства. Въ то время, когда Достоевскій писалъ свои романы, теорія мономаній встрѣчала больше сторонниковъ, чѣмъ теперь. Теперь можно найти другую причину болѣзненной психологіи Раскольникова; но эта психологія нарисована съ такой вѣрностью и точностью, что великое значеніе этого шедевра остается неприкосновеннымъ. Мотивомъ, т.-е. причиной, непосредственно опредѣлившей Раскольникова, является черная нужда, отъ которой онъ страдалъ, которая заставила его прервать свое ученіе, въ то время, какъ онъ чувствовалъ въ себѣ чрезвычайныя дарованія, чтобы сдѣлаться выдающимся человѣкомъ. Нужда еще и другимъ образомъ вліяла на преступленіе Раскольникова. Интеллигентный человѣкъ, подобный ему, не могъ дѣйствовать, не подыскивая теоретическаго оправданія своего поступка. Голодъ помогаетъ ему въ его опасныхъ размышленіяхъ объ экономическихъ неравенствахъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ строитъ свое право на убійство.

Великая эпопея наслѣдственнаго и соціальнаго вырожденія, нарисованная Зола въ „Ругонъ-Макарахъ“, не говоритъ также ex professo объ экономическомъ происхожденіи преступности, но часто указываетъ на вліяніе нужды, ускоряющей вырожденіе („Западня“), развязывающей грубые инстинкты, которые толкаютъ на преступленіе („Жерминаль“). То же видимъ мы и въ другомъ литературномъ синтезѣ вырожденія во всѣхъ его проявленіяхъ въ „Тайнахъ Парижа“. Въ „Деньгахъ“ Зола прямо касается вопроса „не есть ли деньги—образованіе, здоровье, интеллигентность“, а нужда, наоборотъ, преступленіе и одичаніе. Авторъ старается подчеркнуть свою мысль ужаснымъ контрастомъ двухъ полубратьевъ, одинаково порочныхъ по природѣ, одинаково развращенныхъ: Максимъ Саккаръ, живущій въ утонченномъ покоѣ своего циничнаго убѣжища, и Викторъ безъ фамиліи, рожденный въ грязи и нищетѣ, уже готовый преступникъ къ 15 годамъ, бандитъ, воръ, насильникъ, предназначенный окончить когда-нибудь эшафотомъ свой мрачный путь по темнымъ кварталамъ столицы.

Нашъ вопросъ является темой „Misérables“. Викторъ Гюго въ Жанѣ Вальжанѣ далъ намъ типъ несчастнаго, обращеннаго, противъ воли, соціальной средой, тягостными обстоятельствами и, главнымъ образомъ, экономической нуждой, въ ужаснаго каторжника. Не должно, однако, терять изъ виду, что тутъ нельзя найти точнаго опредѣленія вліянія экономическаго фактора. Искусство не связано, подобно наукѣ, со средними величинами. Живое воображеніе поэтовъ и вкусъ рома-

нистовъ къ сильнымъ ощущеніямъ ищутъ естественно типы, граничащіе съ крайностью, реальные, конечно, какъ исключенія, но не какъ правило [1]). А. Франкъ предполагаетъ даже, что ни во Франціи, ни въ другой странѣ нѣтъ города, подобнаго Фаверолю, ни человѣка, подобнаго Вальжану, ни женщины, подобной Фантинѣ, и что соціальныя условія, описанныя въ „Misérables“ и такой кодексъ — невозможны и, конечно, фиктивны [2]).

Приведемъ строки „Paris iucendié“, въ которыхъ В. Гюго резюмируетъ свою мысль въ нѣсколькихъ стихахъ:

„Нѣтъ, вы невиновны, заблудшіеся; ядъ невидимыхъ причинъ, старые исчезнувшіе факты смутили вашу душу. Я обвиняю нужду и привлекаю къ суду—слѣпца, глухого, бандита, варвара—прошлое...“

Нашего вопроса касались также и нѣкоторыя произведенія, не принадлежащія ни къ искусству, ни къ наукѣ, но написанныя въ болѣе или менѣе литературной формѣ, какъ-то личныя воспоминанія и разсужденія, обыкновенно чиновниковъ полиціи или духовниковъ тюремъ, какъ-то: Массе, Плателя, Арбу, Ле-Ру и др.

Трудъ Фрежье Des classes dangereuses et de la population des grandes villes et des moyens de les rendre meilleures. Paris 1840, въ которомъ авторъ выясняетъ, какимъ образомъ нужда создаетъ опасные классы Парижа [3]), относится къ этому виду литературы.

Въ „Les récidivistes“ (Парижъ, 1881), книгѣ, въ которой пышными фразами прикрывается бѣдное научное содержаніе [4]), Рейнахъ довольно неопредѣленно рисуетъ нужду, какъ одну изъ главныхъ причинъ преступности всѣхъ временъ и мѣстностей.

Масе, бывшій chef de la Sureté, написалъ серію небольшихъ очерковъ подъ заглавіемъ Police Parisienne, само названіе которой обнаруживаетъ намѣреніе играть на любопытствѣ публики. Въ „Un joli monde“ [5]) Масе отрицаетъ вліяніе нищеты на преступленія, основываясь на томъ, что воръ, обыкновенно, похищаетъ предметы роскоши, а не первой необходимости. Мужчина обыкновенно похищаетъ вино, спиртные напитки; женщины—шоколадъ, конфекты, пирожное и фрукты. Мы уже встрѣчались съ этимъ аргументомъ, болѣе научно формулированнымъ въ разсужденіяхъ Ломброзо и Жоли, и имѣли возможность опровергнуть его.

---

[1]) Это справедливо не только относительно романтической школы, но и относительно натурализма. Доказательство тому, въ особенности.—герои Зола.

[2]) Ad. Frank. Philosophie du droit pénal. 1864, стр. 197.

[3]) Стр. 205 слл.

[4]) Стр. 15—18 и 45 слл.

[5]) Стр. 288.

ГЛАВА X.

Выводы.

Выводы о методахъ изслѣдованія.

Предыдущее изложеніе имѣло цѣлью дать понятіе о цѣнности труда каждаго автора, по вопросу объ экономическомъ вліяніи на преступность. Намъ предстоитъ еще оцѣнить результаты, добытые разобранными трудами, а также значеніе примѣнявшихся методовъ. Для установленія и освѣщенія связи, существующей между преступностью и экономическими условіями, пользовались различными методами.

Наибольшую пользу принесла статистика въ своихъ разнообразныхъ примѣненіяхъ.

1) Многіе авторы думали рѣшить нашу задачу статико-географическимъ сравненіемъ разныхъ странъ и областей относительно цифры преступности и степени благосостоянія.

а) Этотъ методъ къ различнымъ областямъ одной и той же страны примѣняли: Кеттле, Герри, Дюкпетьо, Дюпенъ, Жерандо, Баронъ, Енгельсъ, Валентини, Корръ, Колаяни, Тарновская, Имено Агіусъ, ф.-Листъ, Ломброзо, Мейеръ, Форназари ди Верче.

б) Международными сравненіями пользовались: Кеттле, Дюкпетьо, Колаяни, Морриссонъ, Ломброзо.

2) Изслѣдовали экономическое положеніе преступниковъ: Кольбъ, Стевенсъ, Бенуастонъ де Шатонефъ, Гарофало, Марро, Тардъ, Гильомъ, Фёльдесъ, Проаль, Оссонвиль, Турати, Бёрле, Жиль Местръ, Колаяни, Моррисонъ, Форназари ди Верчо. Абсолютныя цыфры по этому вопросу приведены Лефоромъ; тотъ же характеръ носитъ большинство данныхъ Проаля. Гилляръ, Массне, Люксъ считаютъ большое число холостяковъ за выраженіе дурного экономическаго состоянія и въ мірѣ преступниковъ, и въ мірѣ честныхъ людей, Корнъ и Тардъ прибавляютъ сюда и число сиротъ.

3) Историкодинамическія изслѣдованія даютъ матеріалъ для большинства разсмотрѣнныхъ работъ.

а) На первомъ планѣ — сравненіе преступности одной и той же географической области, въ эпохи, различныя по матеріальнымъ условіямъ, именно, въ типично-благопріятныя и типично плохія эпохи. Такъ поступали Дюкпетьо, Дюпюи, Мельо, Гилляръ, Давенпортъ-Гилль, Ваппеусъ, Кольбъ, Клей, Риганъ, Лефоръ, д'Оливекрона, Стевенсъ, Гумберъ, Гарофало, Жоли, Полетти, Деллепіане, Моррисонъ, Гиршъ, Бурне, Имено Агіусъ, Левассеръ.

б) Сравненіе, за долгій періодъ, кривой преступности съ измѣненіями экономическаго положенія, выраженнаго иногда цѣнами на хлѣбъ, чаще цѣнами на зерно или другими, болѣе сложными критеріями. Дюкпетьо, Майръ, Корнъ, Эттингенъ, Ферри, Лакассань, Колаяни, Вейссъ, Росси, Фульдъ. Проаль, Штарке, Аппроттъ, Левассеръ, Люксъ, Массне, Раковскій, Фёльдесъ, Ломброзо, Мюллеръ—всѣ они избирали терминомъ сравненія цѣны на основные пищевые продукты: зерно, картофель. Гордонъ Райландсъ, изучаетъ состояніе торговли вообще. Дени, а за нимъ де Бетсъ, Лафаргъ и Мейеръ думали найти болѣе точный масштабъ экономическаго положенія въ совокупности цѣнъ нѣсколькихъ продуктовъ и въ количествѣ несостоятельностей, въ ихъ отно-

шеніи къ цѣнамъ. Наконецъ, Форназари ди Верче пользуется для оцѣнки матеріальнаго положенія различными мѣрами.

4) Статистикой пользовались и для опредѣленія мотивовъ преступленій. Этимъ занимались: Герри, Мори, Масе, Жоли, Колаяни, Гумберъ, Ломброзо и Жиль Местръ.

5) Природу похищенныхъ вещей изучали: Герри, Дефоръ, Масе, Жоли, Ломброзо.

6) Жоли и Стурсбергъ пополняли статистическія данныя анкетами.

7) Корръ, Шерръ, Лоранъ и, вообще, приверженцы патологическихъ теорій почерпали доказательства своихъ положеній въ наблюденіи индивидуальныхъ типическихъ случаевъ; Проаль же пользовался аналогичнымъ методомъ, обращаясь къ личному опыту.

Кромѣ этихъ методовъ, употребляемыхъ въ соціологіи вообще, нѣкоторые авторы пользовались и особыми методами.

8) Таковы Тэнъ, Жиль Местръ и Райтъ, старавшіеся проникнуть, *для изученія отношеній преступности к экономическихъ условій*, во время, предшествующее XIX вѣку. Колаяни углубилъ свое изслѣдованіе историко-этнологическимъ очеркомъ формъ собственности у различныхъ народовъ въ связи съ ихъ преступностью. Алимена думалъ опредѣлить вліяніе экономическихъ факторовъ по числу гражданскихъ процессовъ.

Къ литературѣ нашего вопроса относятся, наконецъ, мнѣнія нѣкоторыхъ криминалистовъ, иногда крупныхъ ученыхъ, не занимавшихся ex professo нашимъ спеціальнымъ вопросомъ, а также и утвержденія не представляющія результатъ личныхъ изслѣдованій, а выведенныя изъ чужихъ трудовъ. Къ первой категоріи принадлежатъ: Романьози, Ванъ Гамель, Манувріе, Летурно, Дриль, Франкоттъ, Брукъ, Стрюеленсъ; ко второй—авторы статей въ Société Nouvelle Фулье, Пинсеро, Ласки, Бюхнеръ, Люка, Батталья, Жанвро, Депортъ.

Послѣ этого перечисленія, разсмотримъ, были ли пригодны вышеуказанные методы для рѣшенія трудной и сложной задачи, насъ занимающей. Предыдущее изложеніе достаточно показало намъ ихъ достоинства и недостатки. Нѣсколько разъ мы отмѣчали, что при уголовно-географическомъ сравненіи преобладающую роль играетъ терминъ „благосостояніе“. Когда это сравненіе производится на простой базѣ абсолютнаго богатства, какъ у Морриссона, оно не даетъ намъ ничего относительно вліянія бѣдности. Уже Кетле [1]) утверждалъ, „что страна вовсе не можетъ считаться бѣдной только потому, что заключаетъ въ себѣ меньше богатствъ, чѣмъ другая...., если жители трудомъ могутъ удовлетворить свои потребности и вкусы, тѣмъ болѣе скромные, что тамъ меньше чувствуется неравенство состояній и поэтому меньше искушеній“. Достаточно извѣстенъ, и не требуетъ никакихъ доказательствъ, фактъ, что богатства мало-по-малу сосредоточиваются въ крупныхъ центрахъ, гдѣ къ то же время царитъ самая черная нужда. Но то, что настолько ясно для городовъ, что замѣтно каждому, справедливо и для остальныхъ мѣстъ, хотя и въ меньшей, безъ сомнѣнія, степени. Приведемъ по этому поводу слова Дестю де Траси, повторяемыя Лафаргомъ (въ Neue Zeit 1890, VIII, с. 107): „бѣдныя націи“, говоритъ онъ, „это—тѣ, у которыхъ народъ въ довольствѣ; у богатыхъ націй онъ обыкновенно бѣденъ“.

Мы знаемъ, что многіе авторы искали болѣе положительныхъ и

---

[1]) Physique sociale (ed. 1869) стр. 279.

точныхъ масштабовъ благосостоянія. Тарновская думала измѣрять его по чистому продукту одного гектара земли. Но это, очевидно, неточная мѣра, которую нельзя примѣнить даже къ сельскому населенію, ибо она не принимаетъ въ разсчетъ ни другихъ источниковъ благосостоянія, ни въ особенности, распредѣленія. Нѣтъ точности и въ масштабѣ Валентини; сумма налоговъ не даетъ ничего относительно распространенности и степени бѣдности. Къ счастію, для выводовъ этого автора его очерки благотворительности и мелкой собственности имѣютъ бо́льшую цѣнность. То же слѣдуетъ сказать и объ изысканіяхъ Ломброзо, пытавшагося установить довольство по налогамъ, праву наслѣдованія, количеству сберегательныхъ кассъ и заработной платѣ. Неточность этого основанія увеличивается недостаточностью данныхъ и противорѣчіемъ выводовъ.

Болѣе точны,—однако, все-таки несовершенны,—вычисленія Моро Кристоффа, Дюкпесьо и Мейера относительно числа неимущихъ, освѣщающія степень пауперизма. Вѣдь, нельзя терять изъ виду, что эконо́мическія условія побуждаютъ къ преступленію почти исключительно бѣдняковъ, не оказывая вліянія на зажиточныхъ и богатыхъ; поэтому не важно знать, достигаетъ ли средняя цифра собственности въ данной области 5.000 или 50.000 фр.

Къ преступности вполнѣ примѣнимы слова д'Иверне, сказанныя имъ въ 1833 г. по поводу цифры смертности: „если бы по таблицамъ смертныхъ случаевъ европейскихъ государствъ можно было опредѣлить часть смертей, падающихъ на бѣдные классы, то было очевидно, что долгота жизни зависитъ гораздо меньше отъ богатства, чѣмъ отъ отсутствія нужды. Конечно, человѣкъ живетъ долго не потому, что онъ болѣе или менѣе богатъ; но средняя жизнь обитателей страны продолжается или сокращается, и даже значительно, смотря по тому, насколько бѣденъ и многочисленъ въ ней, по сравненію съ другими классами, классъ бѣдняковъ“ [1]).

Международное сравненіе преступности представляетъ еще болѣе значительныя трудности. Эти трудности считались почти непредолимыми уже де Кандолемъ [2]), Миттермайеромъ [3]), и Герри [4]), позднѣе Корномъ [5]) и Колаяни [6]). Эттингенъ также указывалъ на огромныя ошибки, къ которымъ привело международное сравненіе преступности и предостерегалъ противъ этого метода [7]). Оставляя даже въ сторонѣ нашъ взглядъ на преступность, какъ на продуктъ мѣста и времени, отвергающій сравненіе двухъ величинъ, составленныхъ изъ разныхъ элементовъ, мы не должны забывать, что часто мы находимся передъ глубокими различіями въ уголовныхъ законахъ, въ судахъ, полиціи, статистикѣ, передъ различными вліяніями климата и расы, сила дѣйствія которыхъ трудно поддастся вычисленію Эти препятствія не могутъ быть преодолены даже самымъ осторожнымъ изслѣдованіемъ. Поэтому, въ виду теперешняго положенія науки, въ частности статистики, можно считать совершенно ничтожной цѣнность международныхъ сравненій, Это особенно вѣрно относительно сравненій европейскихъ и внѣевро-

---

[1]) Bibliothéque universelle de Genève Litt. 1833, т. III, с. 148. См. еще о деталяхъ метода 125 стр.

[2]) Тамъ же 1830, т. I.

[3]) Beiträge zur Criminalstatistik. Berlin, 1830.

[4]) Essaisur la Statistique morale de la France, P. 1833, с. 12 — 13.

[5]) Journal des Economistes, 1868, с. 63.

[6]) Sociologia criminale, II, с. 524.

[7]) Moralstatistik, с. 452—3.

пейскихъ государствъ, примѣръ которыхъ можно найти у Моррисона, сравнивающаго преступность Англіи и столь глубоко отличающейся отъ нея Индіи.

Перейдемъ теперь ко второму методу изслѣдованія связи между преступностью и экономическими отношеніями, т.-е. къ изученію матеріальнаго положенія преступниковъ и къ сравненію количества бѣдныхъ преступниковъ и преступниковъ изъ зажиточныхъ классовъ съ размѣрами этихъ классовъ во всемъ населеніи. Наше изложеніе указываетъ, что и здѣсь первую роль играетъ то основаніе, на которомъ покоится исчисленіе. Это доказывается съ очевидностью разницей въ результатахъ, полученныхъ для Италіи Гарофало, съ одной стороны. Марро и Форназари ди Верче съ другой, а для Лондона Моррисономъ и Бутомъ - статистикомъ, заслуживающимъ, несомнѣнно, наибольшаго довѣрія.

Другая трудность, связанная съ этимъ методомъ, вытекаетъ изъ факта, указаннаго Марро, а за нимъ Гарофало и Ломброзо; именно, богатые и зажиточные преступники располагаютъ массой средствъ избѣжать осужденія [1]). Въ этомъ отношеніи мы примыкаемъ всецѣло къ мнѣнію Колаянни и Форназари, утверждающихъ, что неточность въ этомъ отношеніи вполнѣ компенсируется тѣмъ обстоятельствомъ, что множество преступленій, совершенныхъ бѣдняками, не доходятъ до суда (преступленія противъ нравственности), или ускользаютъ отъ всякаго судебнаго преслѣдованія (кражи продуктовъ полей).

Для примѣненія этого метода необходимо, кромѣ того, располагать возможно обширными и полными матеріалами. Если, вмѣстѣ съ Гильомомъ, разсматривать экономическое положеніе однихъ заключенныхъ въ Лозанской тюрьмѣ, или, вмѣстѣ съ Стевенсомъ, заключенныхъ въ центральныхъ тюрьмахъ Бельгіи,—мы не получимъ ничего относительно Лозанны и очень немногое относительное Бельгіи.

Едва ли слѣдуетъ напоминать, что абсолютныя цифры, какія приводятъ, напр., Проаль и Бёрле, абсолютно ничего не доказываютъ и что къ отношеніямъ между числомъ имущихъ и неимущихъ преступниковъ должны быть присоединены таковыя же отношенія среди честнаго населенія.

При соблюденіи этихъ условій, мы считаемъ изучаемый методъ очень полезнымъ, тѣмъ болѣе, что неудобства его примѣненія не представляютъ ничего непреодолимаго.

Третій, часто употребляемый методъ, — историческое сравненіе избранныхъ типичныхъ періодовъ или движенія преступности съ движеніемъ экономикий за продолжительный періодъ,—требуетъ, для признанія за нимъ научной цѣнности, гораздо больше труда, чѣмъ это обыкновенно полагаютъ авторы, пользующіеся имъ. Прежде всего весьма трудно опредѣлить точно экономическое положеніе. Большая часть авторовъ полагала найти показатель послѣдняго въ цѣнахъ на зерно и на другіе пищевые припасы (картофель), другіе — въ результатахъ жатвы. Это основаніе, хотя бы и приблизительное, неправильно.

Безъ сомнѣнія, въ началѣ XIX вѣка результатъ урожая былъ

---

[1]) См. стр. 105.

[2]) См. Bulletin de l'Institut international de statistique 1887, т. II, первый выпускъ, с 126.

[3]) Тамъ же, стр. 50 слл. и 150 слл.

[4]) De Baets: Les influences de la misère sur la criminalité Gand 1895, c. 16.

[5]) Untersuchungen über die Bewegung der Criminalität etc Halle, 1899, c. 67.

важнымъ факторомъ въ экономической жизни народа. Мало-по-малу однако, ввозъ хлѣба вошелъ въ обычай у разныхъ странъ; поэтому, страны, какъ цѣлое, стали меньше чувствовать дѣйствіе неурожая и это дѣйствіе, какъ и выгоды благопріятныхъ лѣтъ, ощутительны только для сельскаго населенія. Въ настоящее время качество урожая оказываетъ вліяніе лишь на ту часть населенія, которая находитъ средства пропитанія въ земледѣліи.

Вторымъ элементомъ, вліяющимъ на цѣну зерна, является ввозъ и международный рынокъ. Но даже и опредѣленныя такимъ образомъ цѣны далеко не точно отражаютъ экономическое положеніе края.

Спекуляція вскорѣ овладѣла хлѣбной торговлей и составляетъ важный факторъ, съ которымъ необходимо считаться. Цѣна зерна вмѣстѣ со спекуляціей опредѣляетъ цѣну муки. Но и эта цѣна не отражаетъ точно матеріальнаго положенія. Народъ потребляетъ муку въ видѣ хлѣба, а прежде, чѣмъ сдѣлаться хлѣбомъ, мука проходитъ черезъ руки мельниковъ и булочниковъ. Поэтому и эти послѣдніе, хотя и въ меньшей мѣрѣ, могутъ снова, путемъ спекуляціи, вліять на цѣну хлѣба.

Слѣдовательно, какъ выраженіе совокупности указанныхъ элементовъ, цѣна хлѣба = цѣна муки [= цѣна зерна (результатъ урожая + ввозъ зерна) + спекуляція зерномъ] + спекуляція мукой является лучшимъ показателемъ благосостоянія, и его слѣдуетъ предпочесть другимъ, о которыхъ шла рѣчь.

Итакъ, вотъ окончательные выводы: авторы, принимавшіе во вниманіе лишь результаты урожая, опираются на крайне недостаточное основаніе, такъ какъ учитываютъ лишь одинъ, хотя и важный, элементъ экономическаго положенія народа. Цѣны зерна, которыми пользуется большинство криминалистовъ, даютъ болѣе вѣрный результатъ. Еще предпочтительнѣе цѣны муки, которыми пользуется Лафаргъ. Наконецъ, наиболѣе приближаются къ истинѣ цѣны на хлѣбъ, которыя мы встрѣчаемъ, какъ основаніе вычисленій, лишь въ очеркѣ Риганъ о женевской преступности начала XIX вѣка.

Однако, и цѣны хлѣба, взятыя отдѣльно, далеко не точно отражаютъ экономическое положеніе. Непосредственную и важную роль играютъ и другіе продукты, необходимые для жизни. Люксъ, напр., учитывалъ цѣну мяса. Однако, и этого недостаточно. Въ политической экономіи уже давно стараются найти болѣе общее выраженіе матеріальнаго состоянія, опираясь на цѣны значительнаго числа разныхъ товаровъ. Гриффенъ полагалъ найти точное основаніе въ этихъ „index members“ [1]). Подобныя же усилія и съ большимъ успѣхомъ сдѣлали Энгель и ф.-Нейманъ Спаллартъ [2]). Въ криминологіи „index numbers“, какъ терминъ статистическаго сравненія, примѣнялся лишь однимъ экономистомъ — Дени. Между тѣмъ, выяснилось, что цѣны зерна, разсматриваемыя какъ показатель экономическаго положенія, все болѣе теряютъ точность, по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ сложность матеріальной жизни. Уже Форназари, де Бетсъ, Мейеръ, Лафаргъ и другіе покинули разсматриваемый критерій въ качествѣ единственнаго. Форназаря изучилъ движеніе многихъ другихъ экономическихъ явленій въ связи съ движеніемъ преступности. Мы уже имѣли случай оцѣнить эти сравненія, большинство которыхъ касается лишь опредѣленнаго класса населенія. Дени, а за нимъ де Бетсъ,—а

---

[1]) См. Bulletin de l'Institut international de statistique 1887. т. II, первый выпускъ, с. 126.

[2]) Тамъ же, стр. 50 сл. и 150 сл.

раньше ихъ Мейеръ, (который, однако, ограничивается простымъ указаніемъ, не примѣняя его къ сравненію своихъ кривыхъ)—обратили вниманіе на новый элементъ. „Мѣрой довольства“, говоритъ де-Бетсъ, „слѣдуетъ считать отношеніе заработной платы къ стоимости жизни“ [1]). Тотъ же авторъ настаиваетъ на относительности мѣры довольства, въ связи съ общимъ благосостояніемъ мѣста и времени. Дени въ особенности подчеркиваетъ значеніе кризисовъ и депрессій. Наконецъ, Мюллеръ старается въ своей диссертаціи отвергнуть совершенно значеніе цѣнъ зерна, какъ показателя экономическаго положенія въ данное время. Его формула стремится также перенести центръ тяжести на все болѣе рѣшительное вліяніе промышленности на экономическую жизнь. Для него, „болѣе, чѣмъ отъ чего-либо, возрастаніе благосостоянія и уменьшеніе преступности зависятъ отъ промышленнаго процвѣтанія; съ другой же стороны, нужда и усиленіе преступности происходятъ отъ неустойчивости промышленности, отъ пониженія ввоза и вывоза, отъ промышленныхъ потерь и кризисовъ, отъ недостатка работы и ограниченія производства, влекущихъ за собой пониженіе заработной платы и безработицу“ [2]). Въ этихъ разсужденіяхъ есть большая доля истины; однако, у Мюллера они несвободны отъ преувеличенія. Вѣдь, индустріализмъ, несмотря на важность своей роли, не вполнѣ еще завоевалъ современное общество. Не слѣдуетъ, затѣмъ, терять изъ виду, что лица, зависящія отъ промышленной жизни, остаются все-таки потребителями и въ каждый моментъ своей жизни наталкиваются на другой элементъ, опредѣляющій условія ихъ существованія, т.-е. на цѣны необходимыхъ и полезныхъ предметовъ.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о другихъ предложенныхъ критеріяхъ. Лафаргъ и Мейеръ пытались опредѣлить экономическое состояніе по количеству несостоятельностей, какъ по типичному выраженію его процвѣтанія и его затрудненій. Здѣсь можно сдѣлать то же замѣчаніе. Конечно, состояніе торговли вліяетъ на всю націю; но не менѣе достовѣрно, что различные слои населенія разно ощущаютъ это вліяніе, такъ какъ сила послѣдняго ослабѣваетъ по мѣрѣ удаленія этихъ слоевъ отъ торговыхъ центровъ. Поэтому указатель несостоятельности пригоденъ спеціально для торговаго класса, какъ положеніе промышленности — для промышленнаго, а урожай—для земледѣльческаго.

Въ виду всего этого, плодотворное пользованіе указаннымъ методомъ очень затруднительно. При желаніи получить точные научные выводы, надо учитывать всѣ указанные элементы. Прежде всего, не слѣдуетъ замыкаться въ односторонней формулѣ, а надо изслѣдовать экономическую жизнь народа во всѣхъ ея различныхъ проявленіяхъ, правильно опредѣлить важность наблюдаемыхъ явленій, дать каждому изъ нихъ надлежащее мѣсто въ цѣломъ и соединить полученные результаты въ формулѣ, одновременно и простой, и сложной.

Очень остроумной является попытка Лафарга выразить въ одной формулѣ столь разнородные факторы, какъ цѣны и несостоятельность. Изъ нея сравненіе можетъ извлечь важныя выгоды.

Чтобы получить возможное сходство терминовъ сравненія, слѣдуетъ учитывать другія обстоятельства, часто оставляемыя безъ

---

[1]) De Baets: Les influences de la misère sur la criminalité, Gand 1895, c. 16.

[2]) Untersuchungen über die Bewegung der Criminalität, etc. Halle, 1899, c. 67.

вниманія при сравненіи кривыхъ. Важнымъ моментомъ для правильнаго истолкованія цифръ является движеніе населенія. Очень важны и радикальныя перемѣны въ организаціи прокуратуры и полиціи въ серединѣ XIX вѣка въ Европѣ, которыя принимаютъ въ разсчетъ въ числѣ другихъ авторовъ Майръ, Эттингенъ и Ферри.

Ясно, что большое число историческихъ сравненій преступности, разобранныхъ нами въ нашемъ изложеніи, далеко не удовлетворяетъ всѣмъ, или даже хотя бы наиболѣе важнымъ, условіямъ, которыхъ мы считали себя въ правѣ требовать, имѣя въ виду правильность метода.

Переходимъ къ слѣдующему методу, къ изслѣдованію мотивовъ преступленія. По своей природѣ, это изслѣдованіе безконечно менѣе важно. Таблицы мотивовъ, которые съ особымъ тщаніемъ собираются французской статистикой, обыкновенно основаны на сомнительныхъ объясненіяхъ обвиняемыхъ, которымъ часто выгодно указывать на иной, чѣмъ въ дѣйствительности, мотивъ и для которыхъ нелегко, кромѣ того, разрѣшить трудную задачу авто-психологіи, даже когда они и вполнѣ искренни. То, что обнаруживается на судебномъ слѣдствіи, обыкновенно совершенно недостаточно. Но и въ противномъ случаѣ мотивъ преступленія, т.-е. его прямая субъективная причина, не особенно важенъ: преступленіе, непосредственно вызванное жадностью или лѣностью, можетъ всегда имѣть экономическую причину; жадность и лѣность могутъ, напр., незамѣтно проистекать изъ нужды.

Изслѣдованіе характера похищенныхъ объектовъ—также немного говоритъ намъ о причинѣ кражъ. Въ дѣйствительности, изысканія этого рода, произведенныя Герри, Масе, Жоли и Лефоромъ, показали, что кражи зерна и прочихъ пищевыхъ продуктовъ гораздо рѣже, чѣмъ кражи денегъ и прочихъ цѣнныхъ вещей. Но очевидно, что воръ, побуждаемый къ своему дѣянію нищетой, болѣе охотно похищаетъ наиболѣе цѣнные предметы, особенно деньги, такъ какъ съ ихъ помощью онъ можетъ достать все для него необходимое.

Ванъ Гамель рекомендуетъ методъ, до сихъ поръ непримѣнявшійся: изученіе употребленія похищенныхъ вещей. Этотъ способъ, повидимому, лучше, чѣмъ два предыдущихъ, можетъ освѣтить экономическое вліяніе на имущественную преступность. Однако и тутъ слѣдуетъ опасаться того, что экономическимъ факторамъ могутъ быть приписаны лишь преступленія, совершенныя подъ вліяніемъ прямой нужды и что мы мало узнаемъ относительно тѣхъ лицъ, кого нищета уже давно поставила на преступный путь.

Анкеты и наблюденіе типическихъ случаевъ не могутъ сослужить криминологіи большую службу, чѣмъ соціологіи, и никогда не замѣнятъ основательно разработанной статистики.

Мы можемъ болѣе кратко разсмотрѣть остальные спеціальные методы. Изысканія Алимены показываютъ, что количество гражданскихъ процессовъ можетъ, дѣйствительно, дать извѣстное основаніе для опредѣленія дѣйствія экономическихъ факторовъ. Однако, полученные результаты, какъ и самый методъ, имѣютъ незначительную важность.

По причинѣ отсутствія болѣе или менѣе опредѣленныхъ данныхъ, состояніе преступности прошлыхъ вѣковъ не можетъ дать ничего серьезнаго для этіологіи преступности нашихъ дней. Кромѣ того, по нашему мнѣнію, современная преступность носитъ иной характеръ, чѣмъ преступность прежнихъ вѣковъ, и должна быть отчасти припи-

---

) De Gids 1891, стр. 333.

сана инымъ причинамъ. Вслѣдствіе того, что эти явленія слишкомъ различны, причины одного не сообщаютъ ничего о причинахъ другого.

Что же касается историческаго и этнологическаго изслѣдованія Колаяни о положеніи собственности въ связи съ преступностью, то мы имѣли случай отмѣтить, что оно лишено серьезнаго обоснованія.

Наконецъ, Тардъ придалъ изученію нашего вопроса, какъ и вообще криминологіи, характеръ философской спекуляціи. Онъ оперируетъ выводами, въ свою очередь полученными изъ разслѣдованія документовъ, — что является наилучшимъ методомъ, доступнымъ лишь выдающимся ученымъ. Этотъ методъ, очевидно, не можетъ быть подчиненъ правиламъ. Съ достовѣрностью можно установить еще нѣчто, касающееся метода вообще. Изъ нашего очерка ясно, что экономическія причины вліяютъ различно на три различныхъ группы преступленій: преступленій противъ имущества, личности, нравственности. Необходимо отдѣльное изученіе каждой изъ трехъ группъ. Фульдъ даже доходитъ до утвержденія, что намъ совершенно неважно знать, влечетъ ли за собой повышеніе цѣнъ увеличеніе общей суммы преступленій въ ихъ совокупности [1]). Если бы дѣло обстояло такъ, то очень значительное количество статистическихъ работъ этого рода были бы лишены всякаго значенія. Ихъ спасаетъ только то, что мысль Фульда преувеличена; имущественныя преступленія составляютъ столь значительную часть всей преступности, что изслѣдованія, касающіяся этой послѣдней, даютъ приблизительные выводы и относительно имущественныхъ посягательствъ [2]). Однако, всегда предпочтительнѣе отдѣльное изученіе. Фульдъ и Форназари довели эту идею отдѣленія до крайности, изслѣдуя экономическія вліянія на каждое преступленіе въ отдѣльности. Очеркъ Форназари (очеркъ Фульда, къ сожалѣнію, лишенъ цѣнности) ясно доказываетъ психологическое единство каждой изъ трехъ указанныхъ группъ.

Выводы по существу вопроса.

Относительно рѣшенія нашего вопроса мы можемъ указать на нѣкоторые основные пункты, какъ на установленные, а на другіе — какъ на лишь вѣроятные. Большинство авторовъ, чьи труды мы изучили, ограничиваются анализомъ нѣсколькихъ отрывочныхъ и недостаточныхъ данныхъ, причемъ пользуются обыкновенно однимъ, рѣдко нѣсколькими изъ указанныхъ методовъ. Кромѣ того, мы часто видѣли, что не соблюдаются совершенно или отчасти тѣ научныя требованія, которыя присущи разнымъ методамъ изслѣдованія. Большинство выше разсмотрѣнныхъ трудовъ, взятыхъ въ отдѣльности, можетъ привести лишь къ недостовѣрнымъ и частичнымъ выводамъ: совокупностью же этихъ трудовъ, т.-е. синтезомъ отрывочныхъ матеріаловъ и частичныхъ результатовъ устанавливается нѣсколько основныхъ пунктовъ относительно связи между преступностью и экономическими причинами:

1) Мы можемъ здѣсь ограничиться лишь напоминаніемъ значенія

---

[1]) Der Einfluss der Lebensmittelpreise auf die Bewegung der strafbaren Handlungen, Mainz 1881, c. 14.

[2]) См. Aschrott, Jahrbücher für Gesetsgebung 1884, I, c. 194.

различія между результатами изслѣдованія статики и динамики преступности; мы уже изложили эту мысль во введеніи и старались освѣтить ее при всякомъ удобномъ случаѣ.

2) Другой пунктъ касается общаго свойства преступности. По нашему мнѣнію, изъ предыдущаго изложенія ясно, что вліяніе одного и того же экономическаго фактора—какъ и вообще всякаго фактора—не всегда даетъ себя знать одинаковымъ образомъ. Мы полагаемъ, что преступность,—какъ и другія соціальныя и соціально-патологическія явленія,—слѣдуетъ разсматривать какъ продуктъ мѣста и времени. Мейеръ называетъ преступность продуктомъ исторіи. Мы же полагаемъ, что слѣдуетъ эту мысль дополнить и выразить ее болѣе ясно, говоря о преступности какъ о результатѣ, обусловленномъ мѣстомъ и временемъ. Это значитъ, что преступность опредѣленной области или страны является результатомъ длительнаго дѣйствія сложныхъ факторовъ, опредѣлившихъ на извѣстной территоріи, жизнь народа, и обусловившихъ всѣ явленія, характеризующія эту жизнь. Современный видъ соціальнаго организма есть результатъ его прошлаго развитія. Поэтому и патологическія явленія—бродяжество, нищенство, проституція, преступность являются результатомъ исторіи. Но у каждаго организма, у каждой страны, области, провинціи, у каждаго мѣста—своя исторія; все это получило свои формы подъ вліяніемъ специфическихъ факторовъ и ему одному свойственныхъ воздѣйствій. Отсюда слѣдуетъ, что климатъ, религія, нравственность, правленіе, образованіе, а также и экономическое состояніе дѣйствуютъ различно и съ различной силой на явленія въ данномъ обществѣ, а также и на преступность. Отсюда слѣдуетъ, что въ извѣстной области нужда и нищета толкаютъ на преступный путь больше жертвъ, чѣмъ въ другой. Отсюда слѣдуетъ еще и то, что при современномъ положеніи, когда отдѣльныя общества тѣсно связаны съ политическими границами, ошибочно говорить объ общей уголовной этіологіи [2]), если понимать подъ ней нѣчто другое, чѣмъ то, что обще всѣмъ различнымъ группамъ преступленій, или ту общую причинность, которая служитъ основаніемъ преступности отдѣльныхъ странъ. Французская преступность совершенно отлична отъ итальянской или германской, будучи составлена изъ другихъ конститутивныхъ элементовъ.

Изслѣдованіе связи преступности и экономическаго положенія можетъ дать только результаты, имѣющіе мѣстное значеніе. Изслѣдованіе Цюриха, напр., можетъ повести къ выводамъ только относительно Цюриха, а не относительно всей Швейцаріи и еще меньше для преступности вообще. Притязанія стольнихъ криминалистовъ, которые, изучивъ мѣстныя данныя, считали себя вправѣ устанавливать положенія для преступности вообще, слѣдовательно, не могутъ быть оправданы. Неправильно также и мнѣніе Форназари, стремящагося подкрѣпить результаты относительно Италіи, изслѣдуя преступность Англіи и Австраліи. Поэтому же неправильно и обратное: причинность, установленную для всего края, примѣнять къ отдѣльнымъ областямъ этого края. Значеніе выводовъ необходимымъ образомъ ограничено предѣлами поля изслѣдованія. Это обстоятельство никоимъ образомъ не мѣшаетъ обобщеніямъ: однако, въ научномъ

---

[1]) См. въ особенности стр. 10 слл. и стр. 435—36.

[2]) Разумѣется, что здѣсь идетъ рѣчь о прикладной идеѣ преступности и уголовной этіологіи, такъ какъ апріорная и теоретическая ихъ концепція существуетъ внѣ и до историческаго и мѣстнаго ихъ примѣненія.

изслѣдованія обобщенія должны идти рядомъ съ положительными наблюденіями. Когда эти наблюденія даютъ однообразные или аналогичные результаты для значительнаго числа группъ, тогда позволительно заключить въ пользу болѣе или менѣе сильной презумпціи, никогда не доходящей до достовѣрности. Да и въ такихъ случаяхъ, какъ показало наше изложеніе, значительныя часто различія между разными единицами (обыкновенно нація или страна) требуютъ особыхъ предосторожностей при примѣненіи этого метода.

Естественно, возникаетъ вопросъ: привели ли изслѣдованія о вліяніи матеріальныхъ факторовъ къ выводамъ, позволяющимъ установить общую связь между преступностью и экономическимъ положеніемъ? Можно ли приписать экономическому фактору роль общаго возбудителя въ криминальной этіологіи? Сообразно съ только-что установленными нами принципами мы полагаемъ, что на этотъ вопросъ можетъ быть данъ точный отвѣтъ лишь для странъ, бывшихъ предметомъ спеціальнаго изученія. Но количество этихъ странъ такъ значительно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда относительно нихъ можно придти къ однообразнымъ заключеніямъ, въ пользу общаго вліянія матеріальнаго фактора на преступность возникаетъ солидная презумпція, но только презумпція, и ничего болѣе.

На самомъ дѣлѣ, такія изслѣдованія были сдѣланы для Германіи Стурсбергомъ и ф.-Листомъ, для Пруссіи—Валентини, Эттингеномъ, Штарке, Ашроттомъ, Мюллеромъ, для Баваріи—Майромъ и Эттингеномъ, для Саксоніи—Фульдомъ, для В. Г. Баденъ-Шмидтомъ.

Для Австріи—Кольбомъ, Вейссомъ, Фёльдесомъ, Бёрле.

Для Франціи—Кеттле, Герри, Дюпеномъ, Дюкпесьо, Гилляромъ, Мелье, Корромъ, Дюпюи, Ферри, Лакассанемъ, Ломброзо, Бурне, Массне, Тарновской, Вейссомъ, д'Оссонвилемъ, Жоли, Полетти, Проалемъ, Лафаргомъ, Раковскимъ, Левассеромъ и др.

Для Италіи—Гарофало, Марро, Тураги, Ферри, Колаянни, Алимсной и Форназари ди-Верче.

Для Англіи и ея частей—Элліотомъ, Клэемъ, Дюкпесьо, Давенпортъ Гиллемъ, Минцловымъ, Гордономъ Райландсъ и Моррисономъ.

Для областей Швейцаріи—Ригапомъ, Гильомомъ, Кену, Мейеромъ и Цюрхеромъ.

Для Швеціи—д'Оливокрона и Гильомомъ.

Для Бельгіи—Кеттле, Дюкпесьо, Стевенсомъ, Деши, Вейссомъ, Де Бетсомъ.

Для Россіи—Митгельштедтомъ.

Для Испаніи—Имена Агіусъ и Жиль Местромъ.

Для Соединенныхъ Штатовъ—Райтомъ.

Для Аргентины, въ частности для Буэносъ-Айреса, Дэллепіане.

3) Мы видѣли, что изъ хаотическаго и гетерогеннаго множества этихъ наблюденій выдѣляется нѣсколько общихъ явленій относительно вліянія занимающаго насъ фактора; приведемъ ихъ здѣсь вкратцѣ.

Неоспоримо, какъ намъ кажется, установленъ слѣдующій фактъ: преступность слѣдуетъ разсматривать какъ проявленіе общаго, болѣзненнаго состоянія соціальнаго организма, состоянія, связаннаго въ своихъ формахъ и перемѣнахъ съ самымъ существомъ общества, съ недостатками его организаціи, его пороками, той тѣсной роковой связью, которая необходимо связываетъ патологію и физіологію. Въ частности, мы видимъ, что современная преступность, какъ и проституція, бродяжество, нищенство, духъ возмущенія и недовольства, связана съ экономическимъ строеніемъ современнаго общества, съ эксцессами капитализма, плачевнымъ распредѣленіемъ благъ, съ пауперизмомъ, отли-

мающимъ у массъ надежду, энергію и плодотворную дѣятельность, порождающимъ физическое и нравственное истощеніе человѣческаго рода, образующимъ огромную армію физическихъ и соціальныхъ дегенератовъ, — жертвъ, обреченныхъ минотавру преступности; связана преступность и съ лихорадочнымъ и болѣзненнымъ ростомъ эгоистическаго способа производства, приносящаго въ своей бѣшеной погонѣ за личной выгодой въ жертву благосостояніе рабочихъ, жизнь слабыхъ конкуррентовъ, всѣ ихъ начинанія, безопасность производства и торговли, дѣлающаго неопредѣленнымъ существованіе огромнаго количества лицъ и семей.

а) Имущественныя преступленія, въ значительной свой части, находятъ косвенную причину въ этомъ плохомъ экономическомъ положеніи, а непосредственную причину—въ острой и, еще въ большей степени, въ хронической нуждѣ.

б) Мы установили обратное дѣйствіе благосостоянія на преступленія противъ нравственности. Матеріальное благополучіе обыкновенно усиливаетъ жизненные инстинкты, ведетъ за собой большее потребленіе алкоголя,—а все это приводитъ къ увеличенію количества посягательствъ на нравственность. Вся приведенная литература подтверждаетъ этотъ фактъ. Возражаетъ лишь Гиршъ. Но, какъ мы показали, онъ основывается на недоразумѣніи. Конечно, можно надѣяться, что на высшей степени цивилизаціи будетъ положенъ конецъ этому печальному и роковому слѣдствію улучшенія матеріальныхъ условій.

в) Менѣе однообразны отвѣты на вопросъ, поскольку подъ вліяніемъ экономическихъ факторовъ находятся преступленія противъ личности. Ферри, Ломброзо, Бурне, Фульдъ, Мейеръ и Форназари ди-Верче полагаютъ, что увеличеніе благосостоянія благопріятствуетъ этимъ преступленіямъ, и обратно. Противоположное утверждаютъ соціалисты, затѣмъ, Тарновская; послѣднее мнѣніе подтверждается и результатами статическаго изслѣдованія Форназари, рѣзко противорѣчащаго выводамъ его динамическаго изслѣдованія.

4) Еще послѣднее замѣчаніе объ общемъ характерѣ криминологической литературы напрашивается въ концѣ нашего труда, поставившаго насъ въ соприкосновеніе съ результатами научной работы позитивной школы и ея противниковъ.

Большинство изученныхъ нами работъ,—это справедливо и относительно большинства другихъ отдѣловъ криминологіи,—носитъ отрывочный характеръ. За исключеніемъ нѣсколькихъ значительныхъ трудовъ основателей школы, вся эта литература состоитъ изъ статей въ періодическихъ изданіяхъ, изъ брошюръ, краткихъ диссертацій, отдѣльныхъ главъ, даже часто отдѣльныхъ страницъ въ объемистыхъ трудахъ не спеціально криминологическаго характера. Во всемъ этомъ отсутствуетъ общій планъ, намѣреніе сотрудничать въ общей работѣ, даже необходимыя общія указанія; зачастую не считаются съ результатами работъ другихъ лицъ. Нашего вопроса часто касались, но въ него не углублялись. Большинство авторовъ почерпаютъ свою аргументацію въ источникахъ, во всѣхъ смыслахъ ограниченныхъ, въ недостаточно изслѣдованной и дурно истолкованной статистикѣ, что приводитъ къ поверхностнымъ выводамъ. Мы, поэтому, должны были низко оцѣнить значеніе многихъ изъ этихъ выводовъ, въ особенности, если ихъ разсматривать въ соотвѣтствіи съ намѣреніями ихъ авторовъ. Этотъ печальный фактъ объясняется совпаденіемъ двухъ явленій. Прежде всего, въ криминологіи слишкомъ много дилетантизма. Когда Ломброзо, Ферри, Гарофало, Тардъ выпустили свои

ЦАБ "Автограф"

великіе труды,—къ нимъ обратилось всеобщее, неожиданное вниманіе множества антропологовъ, психіатровъ, невропатологовъ, статистиковъ, экономистовъ, соціологовъ, политиковъ, тюрьмовѣдовъ, философовъ, этнологовъ и даже филантроповъ. Несчастіе въ томъ, что большинство ихъ осталось тѣмъ, чѣмъ прежде было, и что они разрабатывали криминологическія темы какъ благожелательные, но слишкомъ мало заинтересованные дилетанты. Конечно, есть и исключенія, которыя мы, къ своему удовольствію, и отмѣчали въ предыдущемъ изложеніи. Здѣсь же мы имѣемъ въ виду многочисленныхъ авторовъ, къ которымъ и относится это замѣчаніе.

Кромѣ того, въ Италіи возникла охватившая значительную часть изслѣдователей тенденція къ поспѣшнымъ выводамъ. Въ нѣсколько часовъ труда авторы хотѣли придти къ практическимъ реформамъ, даже къ радикальному и основному пересмотру существующихъ установленій; приходилось слишкомъ спѣшно строить теоретическую систему, опредѣлять ея общую конструкцію, вырабатывать даже детали и все это на основаніи спорныхъ и оспариваемыхъ выводовъ, полученныхъ изъ неглубокихъ и часто несостоятельныхъ данныхъ. Послѣдствія всего этого сказались на методѣ криминологіи. Отмѣтимъ здѣсь благопріятное вліяніе французской школы, въ особенности ея главы Тарда, внесшаго въ свою работу меньше предвзятости, больше спокойствія, скептицизма, критическаго отношенія къ источникамъ и больше методичности.

Примѣчаніе.

Послѣ окончанія этой книги литература нашего вопроса обогатилась нѣсколькими трудами, которые, однако, не мѣняютъ ея общей физіономіи.

На V конгрессѣ уголовной антропологіи вовсе не было преній по нашему вопросу. Предсѣдатель Ванъ Гамель отвелъ обсужденію соціальныхъ причинъ преступности преобладающее мѣсто въ программѣ. Досадное отсутствіе докладчиковъ и общее настроеніе конгресса, на которомъ соціологи составляли ничтожное меньшинство, пресѣкли прекрасныя намѣренія Ванъ Гамеля и свели пренія по нашему вопросу къ краткому резюме докладовъ. Доклады Тарда и Дони принадлежали къ числу интереснѣйшихъ. Докладъ Колаяни не относился къ нашему вопросу непосредственно. Мы должны въ настоящей замѣткѣ ограничиться этимъ простымъ упоминаніемъ и отсылаемъ къ сообщенію, сдѣланному нами конгрессу по этому поводу [1]). Экономической этіологіи преступленія коснулась докторъ Луиза Рабиновичъ въ своемъ докладѣ Sur le devoir du gouvernement dans la cause de l'empêchement de la naissance et de la propagation de la criminalité [2]). Ф.-Листъ въ докладѣ, сдѣланномъ въ Дрезденѣ, о преступленіи, какъ соціально патологическомъ явленіи, нашелъ случай подтвердить свои выводы о вліяніи матеріальныхъ факторовъ на преступность.

---

[1]) Compte rendu des travaux du V Congrés d'anthropologie criminelle, c. 365.

[2]) Тамъ же, стр. 191.

ЦАБ "Автограф"

Семинарій Листа выпустилъ книгу Берга „Getreidepreise und Kriminalität in Deutschland seit 1882 (Berlin, 1902). Авторъ, съ цифрами въ рукахъ, доказываетъ, что измѣненіе цѣнъ всегда имѣетъ вліяніе на количество имущественныхъ преступленій; изслѣдованіе относится къ новѣйшему періоду—1882—98 гг. Мы утверждали то же самое при разборкѣ выводовъ Мюллера, отрицавшаго всякое вліяніе цѣнъ въ нашей современной экономической жизни. Однако Бергъ преувеличиваетъ, когда утверждаетъ, что „въ наши дни движеніе имущественной преступности тѣснѣе, чѣмъ когда бы-то ни было, связано съ колебаніемъ цѣнъ на съѣстные припасы“ [1]). Доказательство этого положенія, однако, ясно указываетъ на вмѣшательство другихъ элементовъ, характезирующихъ современную фазу экономической жизни. Выше мы старались показать дѣйствительное положеніе вопроса [2]).

Въ послѣднихъ выпускахъ Archives d'anth. criminelle Гросмоляръ помѣстилъ разработанный очеркъ о „преступности подростковъ“. Гросмоляръ, вдохновляясь идеями французской школы, смотритъ на преступленіе ребенка, какъ и на всѣ другія преступныя склонности, какъ на продукты среды и нужды. Авторъ въ особенности настаиваетъ на преобладающемъ вліяніи матеріальной нужды и ея спутника—нравственнаго упадка домашней жизни [3]).

---

[1]) У. с. стр. 5.
[2]) См. стр. 443 и стр. 471—2.
[3]) Archives d'anthrop. criminelle 1903, с. 193—203.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Переводъ латинскихъ цитатъ изъ книги ванъ Кана.

Стр. 13, прим. 2. См. м. пр. Титъ Ливій... „нѣтъ ни одного государства, гдѣ бы такъ почиталась бѣдность и бережливость“. Сенека: Epistol moral. 87, 14: „бѣдность—основаніе и причина владычества римскаго народа.“ Для Греціи м. пр. Плутархъ, „Аристидъ.“; изреченіе Демокрита, приводимое Стобеусомъ Sententiae ex Stobaeo, стр. 53; Апулей, воздавъ хвалу бѣдности въ своей Апологіи, говоритъ: „вѣдь у грековъ таже бѣдность справедлива—у Аристида, радушна—у Фокіона, краснорѣчива—у Гомера. Та же бѣдность создала, главнымъ образомъ, силу римскаго народа и до сего времени умоляетъ за него безсмертныхъ боговъ.“

Стр. 14, абзацъ 4. Софоклъ страшится бѣдности: „бѣдность — величайшій врагъ.“

„ „ „ 5. Эврипидъ также считалъ, повидимому, бѣдность зломъ; онъ заявляетъ, что nobilitas легко пріобрѣтается при богатствѣ: „не толкуй мнѣ, ради бога, о благородствѣ; оно основано на богатствѣ; дай мнѣ золота—и я живо сдѣлаю изъ раба свободнаго и благороднаго.“

„ „ „ 6. Антифанъ: „одно золото создаетъ нравственность, красоту, дружбу и всякія блага“. Исократъ, напротивъ, считаетъ, что „богатство служитъ больше порокамъ, чѣмъ добродѣтели.“

„ „ „ 9. „Не можетъ обитать добродѣтель ни въ государствѣ, ни въ домѣ богача.“. . . . . „Дурной и нечестный человѣкъ испытуется бѣдностью, говоритъ онъ. Я никогда не видѣлъ вреда и соблазна отъ бѣдности, но очень много—отъ богатства.“

Стр. 17, абзацъ 4. Теренцій:—...„бѣдность кажется мнѣ великой и бѣдственной тяжестью.“

„ „ „ 5. Саллюстій: — ...„люди, стремящіеся къ перемѣнамъ подъ вліяніемъ нужды.“

„ „ „ 7. Силій Италикъ:—...„нужда, склоняющая къ преступленію.“

„ „ „ 9. Квинтилліанъ признаетъ, что „иногда причиной воровства является нужда“, все же онъ полагаетъ, что въ общемъ „бѣдность надежнѣе ведетъ къ добродѣтели.“

Стр. 18. . . . Ювеналъ:—...„на лицо всѣ преступленія, пороки и страсти, отъ которыхъ погибла римская бѣдность...“ Въ другомъ мѣстѣ онъ, однако, говоритъ: „нѣтъ ничего тяжелѣе въ несчастной бѣдности, какъ то, что она дѣлаетъ людей посмѣшищемъ.“

ЦАБ "Автограф"

Стр. 19, абзацъ 1. Петроній: „не знаю, почему бѣдность является родной сестрой здраваго духа.“

„ „ „ 2. ...„нужда—явное бѣдствіе, ибо все при ней кажется плохимъ и труднымъ“.

Примѣчаніе 5-е. Самъ Сенека признаетъ это: „здѣсь лучше убѣждать и овладѣвать настроеніемъ, а не объяснять; если бы я могъ, я говорилъ бы краснорѣчивѣе, но менѣе откровенно.“

Примѣчаніе 7-е. „Нельзя, такимъ образомъ, говорить объ этомъ во всеуслышаніе.“

Стр. 20. . . . Сенека:—„Не въ бѣдности порокъ, а въ бѣднякѣ: бѣдность—надежна, бодра, здорова.“ ...„Въ бѣдности нѣтъ ничего дурного, кромѣ того, что она отталкиваетъ.“

„Если хочешь знать, то въ бѣдности нѣтъ ничего дурного...“ ...„Богатство служитъ препятствіемъ для философіи; бѣдность—благопріятна...“

...„Для изгнанника бѣдность не представляетъ ничего неудобнаго.“ „Сравни лицо богача и бѣдняка; бѣднякъ и чаще, и искреннѣе смѣется, у него нѣтъ великихъ огорченій; даже если придетъ забота, она проходитъ, какъ легкое облако; веселье же тѣхъ, кого зовутъ счастливыми, или поддѣльно, или является тяжкой печалью.

„...освобожденные, во-первыхъ, отъ страха смерти, а затѣмъ и отъ страха передъ бѣдностью.“

Стр. 20, конецъ перваго абзаца. „Жить согласно природѣ.“ „Знаешь ли, какія заповѣди даетъ вамъ законъ природы? Не голодать, не жаждать, не мерзнуть.“ ...„Природа требуетъ воды и хлѣба“. „Сначала слѣдуетъ имѣть необходимое; удовлетворенность—на второмъ мѣстѣ.“

Стр. 21, перв. абз. Апулей:—„Вѣдь все это (высокомѣріе, необузданность тирановъ, развратъ, излишества) и другіе пороки, а также величайшія преступленія — порожденія богатства; за все время существованія человѣческаго рода ничего подобнаго не найдешь среди бѣдняковъ;“ ...бѣдность отъ первыхъ дней создательница всѣхъ государствъ, изобрѣтательница искусствъ; она не имѣетъ грѣховъ, окружена славой, увѣнчана всякими похвалами у всѣхъ народовъ.“

„ „ абзацъ 2. Соломонъ:—„не дай мнѣ нищеты и богатства, дай только необходимое для жизни моей, да не дойду, пресыщенный, до отрицанія и не скажу: что такое Господь? или побуждаемый нуждою, не озлоблюсь и не прокляну имени Бога моего.“

Нѣсколько ниже. „Невелика вина укравшаго: вѣдь крадутъ для насыщенія голодной души своей.“

Стр. 21, прим. 2. „нетверда въ бѣдности добродѣтель моя“.

„ „ „ 3. „я мужъ, видящій нищету мою въ жезлѣ ярости ея.“

„ „ „ 4. „говоришь: я богатъ, и все имѣю въ изобиліи, и ни въ чемъ не нуждаюсь, а не знаешь что ты бѣденъ, и несчастенъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ.“

Стр. 22, начало. ...„Какъ онагры пустыни выходятъ на работу свою; стремясь къ добычѣ, готовятъ хлѣбъ дѣтямъ.“

ЦАБ "Автограф"

„ „ абзацъ 3. ...„Тогда сказалъ Отецъ: почему же мы видимъ многихъ бѣдныхъ нечестивыхъ? Отвѣчалъ Петръ: непохвальна нужда бѣдняка, если онъ желаетъ недолжнаго. Подобно тому страдаютъ, стремясь къ большему, многіе богатые. Не всякій, однако, праведенъ уже потому, что онъ бѣденъ. Вѣдь онъ можетъ быть бѣденъ,—а желать того, или поступать такъ, какъ, конечно, не долженъ."

„ „ „ 4. ...„не въ порокъ, а въ высшую похвалу слѣдуетъ ставить бѣдность христіанамъ..."

„ „ „ 5. : „безъ сомнѣнія, не того слѣдуетъ считать блаженнымъ, кто нуждается, а того, кто выше всякихъ благъ міра почитаетъ заповѣдь Христову. Такихъ и Господь называетъ блаженными: блаженны, говоритъ Онъ, нищіе духомъ, а не бѣдняки, т. е. не неимущіе, а тѣ, кто избираетъ бѣдность по извѣстнымъ духовнымъ побужденіямъ. Нельзя считать блаженнымъ ничего, что достигается помимо воли."

„ „ „ 6. Св. Григорій:—„Мы часто говорили, что болатство и власть, какъ бѣдность и счастье, по своей природѣ не являются ни дурными, ни хорошими, какъ средства, получая то или другое значеніе, смотря по употребленію, которое изъ нихъ дѣлаютъ."

Стр. 23. . . . Св. Григорій:—...„если противополагаютъ богатству бѣдность, то, согласно разуму, слѣдуетъ ясно различать бѣдность двоякаго рода: одну отвергнуть, другую—признать блаженной. Такимъ образомъ, каждый, кто не обладаетъ умѣренностью, скромностью и трезвостью, или сокровищемъ справедливости, мудрости, знанія, или другимъ подобнымъ сокровищемъ,—тотъ является бѣднымъ и нищимъ: онъ нищъ и несчастенъ, не обладая сокровищами. А кто по своей волѣ не обладаетъ вещами, цѣнимыми порокомъ и распутствомъ, не имѣетъ въ своихъ кладовыхъ діавольскихъ богатствъ, а служитъ духу, и тѣмъ готовитъ себѣ бѣдность въ адѣ и стремится къ ней, — вотъ кто, по словамъ Писанія, стремится достичь блаженства: плодъ такой бѣдности—царство небесное."

„ „ абзацъ 3. ...„неукротимый, ревущій звѣрь..." ...„Печальная, глухая бѣдность..."

„ „ „ 4 (конецъ стран.) „Не просто и не общимъ образомъ называетъ блаженными бѣдныхъ, а прибавляетъ: нищіе духомъ; вѣдь не всякая бѣдность блаженна: часто она вызывается необходимостью, нерѣдко дурными нравами, также и божескимъ гнѣвомъ."

Стр. 24. абзацъ 1. ...„врагами добродѣтели, а не помощниками и союзниками."

„Мы скоро узнаемъ, что, поистинѣ, бѣдность—помощница философіи и что невозможно достичь совершенной добродѣтели, помимо ея."

„добродѣтельные живутъ въ бѣдности, обременены тяготами, страдаютъ отъ недостатка въ необходимомъ, печальны, считаются ничтожными, угнетены на землѣ, подчинены произволу другихъ, опозорены клеветниками, и терпятъ безконечныя бѣдствія."

ЦАБ "Автограф"

„ „ „ 2. „не всякая бѣдность свята, какъ не всякое богатство преступно: но какъ излишества порочатъ богатство, такъ святость доставляетъ уваженіе бѣдности“, и еще: „будьте осторожны, и бѣднякъ, и богачъ: есть вѣдь искупенія и въ богатствѣ, и въ бѣдности.“

„ „ „ 3. „вотъ почему возникаютъ чаще всего соблазны и въ богатствѣ, и въ бѣдности: или первымъ плохо пользуются, или нищету переносятъ безъ добродѣтели.“

Примѣчаніе 5-е. „войдя въ виноградникъ ближняго твоего, ѣшь винограда, сколько захочешь, но не уноси съ собою. Если войдешь въ поле ближняго твоего, срывай колосья и растирай ихъ рукою, но серпа не употребляй.“

Стр. 25, абзацъ 1. „подумайте немного о людяхъ, творящихъ зло и желающихъ быть счастливыми. Онъ укралъ. Спросишь— почему? Изъ-за голода, изъ-за нужды, и, если онъ не несчастенъ, то дуренъ.“

„ „ „ 2. „Обыкновенно, въ грѣхъ вводитъ какъ богатство, такъ и бѣдность: богатый превозносится гордыней, бѣдный доходитъ до ропота.“

„ „ „ 3. „Я говорю, что обиды вдовъ и сиротъ, страданія бѣдныхъ ежедневно взываютъ къ Богу, умоляя о концѣ бѣдствій, и, что еще тяжелѣе, въ огорченіи просятъ о приходѣ врага, требуя отъ Бога, чтобы онъ допустилъ общее угнетеніе всѣхъ варварами, какъ они прежде терпѣли угнетеніе отъ римлянъ.

„ „ „ 5. „Бѣднякъ легче приходитъ къ добродѣтели, когда, видя превознесеннаго грѣшника, знаетъ, что тотъ легко можетъ упасть; тѣмъ сильнѣе стремится онъ къ смиренію, чѣмъ болѣе вѣритъ, что скорѣе изъ такого положенія возвысится.“

Послѣдн. абзацъ. „Если долго не видитъ бѣднякъ богача, то душа его меньше искушается; когда же онъ представитъ себѣ бѣдняка передъ дверью богача, утопающаго въ избыткѣ, то онъ, въ одно и тоже время, при видѣ бѣдняка осыпаетъ безжалостнаго богача проклятіями, при видѣ богача — сочувствуетъ ежедневно искушаемому бѣдняку.“

Стр. 26, абзацъ 2. „Петръ Аміенскій признаетъ, что „крайняя нужда притупляетъ ослабѣвающую совѣсть.“ ...„Почему же вы забываете, очевидно, изгнаніе, нужду, голодъ, жажду, терпѣніе въ тяжкихъ трудахъ той нищей моавитянки Руфи...“

„ „ „ 3. ...„Есть нищета естественная, есть нищета богатства, есть нищета духовная“... „Не бѣдность, но любовь къ бѣдности считается добродѣтелью.“

„ „ „ 4. ...„блаженны нищіе духомъ, которые живутъ въ Богѣ, презрѣвъ все не по нуждѣ, а по благочестивой волѣ“. „Итакъ, отгони отъ себя возникшій страхъ: пожелай быть бѣднымъ—и тотчасъ же будешь въ безопасности. Вѣдь никогда ничто не было блаженнѣе бѣдности; ничто не можетъ быть безопаснѣе бѣдности.“

Стр. 27, абзацъ 2. „Бѣдность бываетъ троякаго рода: одна—добровольная, другая—терпѣливая, третья—ропщущая; первая—хо-

роша и совершенна, вторая—несовершенна, третья—достойна осужденія".

„Воровство не зло, если только совершается не для пріобрѣтенія вещи; крайняя же нужда все дѣлаетъ общимъ."

„ „ „ 3. „для хорошей жизни человѣка... достаточное количество тѣлесныхъ благъ, необходимыхъ для добродѣтельной жизни." ..„Вѣдь бѣдность причина зла; она приводитъ нѣкоторыхъ къ кражѣ, лести, клятвопреступленію и тому подобному." ..„Нищета — причина кражи, лжи и даже клятвопреступленія."

Стр. 29, абзацъ 3. „бѣдность сама по себѣ чревата многими искушеніями; нуждающійся осматривается кругомъ, куда бы ему пойти. Тогда діаволъ склоняетъ его къ раздору, къ ропоту противъ Бога; такимъ образомъ, мы видимъ, что многіе съ негодованіемъ требуютъ отвѣта отъ Бога, якобы несправедливаго къ нимъ, не знаютъ, куда имъ идти, а затѣмъ заключаютъ: такъ какъ я не могу жить своимъ трудомъ, иначе, какъ нанося ущербъ ближнему, — я пойду другой, а не дозволенной и праведной дорогой. Тогда разрѣшаютъ они себѣ грабить, воровать, причинять ближнему ущербъ и обиду. Таковы, говорю я, искушенія бѣдности."

„ „ „ 5. ..„не навлекаетъ на себя безчестья воръ, крадущій для насыщенія души своей." ..„ибо укралъ изъ нужды."

„ „ „ 6. „Обыкновенно не навлекаетъ на себя безчестья воръ, неимущій, побуждаемый нуждой и голодомъ, укравшій столько, сколько надо для голоднаго и пустого желудка; скорѣе безчестье падаетъ на богачей, упорствомъ своимъ допускающихъ, чтобы кто-либо изъ гражданъ палъ въ такую нужду."

Стр. 30, абзацъ 2. „Гораздо большее число людей развращаетъ нужда, чѣмъ умѣренный достатокъ." ..„Наоборотъ, бѣдность—величайшая тягота... однако, движимый болѣе голодомъ, чѣмъ бѣдностью."

Стр. 31, предпосл. абзацъ. „Итакъ, ты правильно считаешь, что бѣдность—удѣлъ добродѣтели, хотя бы иногда она прикрывалась роскошью и безпечностью."

Стр. 34, абзацъ 5. „Не очень сильно грѣшитъ совершающій кражу по нуждѣ". „Если кто подъ вліяніемъ нужды украдетъ что-либо изъ съѣстного или платья, или скота—пусть кается 3 недѣли; а если вернотъ,—то пусть не постится."

„ „ „ 6. „Укравшій подъ вліяніемъ голода не наказывается."

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе редактора перевода.
Предисловіе проф. ванъ-Гамель . . . . . .

ВВЕДЕНІЕ.

Общія замѣчанія о криминальной этіологіи 4
Наша система. Классификація теорій по вопросу о значеніи экономическихъ факторовъ 6
Руководящія начала критики 10

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНІЕ.

Вступительныя замѣчанія 12
1. Греко-римскій древній міръ: господствовавшій въ классическомъ мірѣ взглядъ на бѣдность 13
Гомеръ. Софоклъ. Эврипидъ. Антифанъ. Исократъ. Ксенофонтъ. Діогенъ циникъ 14
Платонъ 15
Аристотель 16
Римскіе писатели: Теренцій, Салюстій, Виргилій, Силій Италикъ, Квинтиліанъ. 17
Ювеналъ, Лукіанъ, Горацій, Петроній 18
Греческій портикъ. Аристонъ 19
Сенека. . . . . —
Эпиктетъ 20
Неоплатоники. Апулей. 21
2. Церковные писатели.
Христіанскій взглядъ на бѣдность. Соломонъ. Іовъ. . . . . —
Климентій римскій. Minucius Felix. Василій Великій. Григорій изъ Назіана . . 22
Григорій изъ Ниссы. Іоаннъ Златоустъ. Исидоръ изъ Пелузы. Кириллъ Александрійскій. Хроматій 23
Ѳеодоритъ. Амвросій. Іеронимъ. Бл. Августинъ 24
Просперъ Аквитанскій. Сальвіанъ. Кассіодоръ. Бэдъ 25
Петръ Амьенскій. Бернардъ. Ансельмъ 26
Бонавентура. Ѳома Аквинатъ. 27
3. Современная мысль.
Реформація. Лютеръ. Кальвинъ 28
Протестантскіе писатели Кокцей. Рудольфъ Бэнъ. 29
Писатели XVI вѣка: Жюстъ Липсъ. Эразмъ. Томасъ Моръ. 30
Философы XVII вѣка: Декартъ. Бэконъ. Лабрюеръ 31
Гоббсъ. Д. Юмъ. А. Смитъ. Руссо. 32
Бентамъ. 33
Юридическіе взгляды. Ученіе о необходимости, оправдывающей преступленіе. Римское право. Германское право. Каноническое право. Юристы среднихъ вѣковъ и начала новаго времени 34
Каролина и нѣмецкіе юристы 35
Беккарія. Вольтеръ. Энциклопедисты . . . . . —
Физіократы. Мирабо. Мнѣніе Дюпора 36
Мнѣніе Наполеона 37

ГЛАВА I.

Итальянская школа.

Общій взглядъ школы на преступленіе и преступника 37
Цезарь Ломброзо 39
Энрико Ферри 55
Рафаэль Гарофало 66
Послѣдователи школы въ Италіи. А. Морро 81
Впрджиліо Росси 84
Джузеппе Серджи. Р. Ласки 85
Форназари-ди-Верче 86
Николо Пиперо 96
Сторонники школы за-границей. П. Тарновская 98
Таладрицъ. Дорадо Монтеро 99

ЦАБ "Автограф"

Стран.

ГЛАВА II.

Французская школа.

Вступительныя замѣчанія 100
Лакассань 105
Бурнэ 109
Шоссинанъ. Кутань 110
Анри Массна 111
Мануврiе 115
Ш. Летурно 116
Габрiель Тардъ 117
А. Корръ 124
Приверженцы школы въ Испанiи. Жилль Местръ 130
Д'Агуанно 132

ГЛАВА III.

„Третья школа".

Общiя замѣчанiя о ней 133
Карневале, Алимена 135
Полетти 136

ГЛАВА IV.

Соцiалисты.

Общiя замѣчанiя о писателяхъ этого направленiя 138
Писатели-соцiалисты, предшественники криминологической школы. В Годвинъ 140
Р. Оуэнъ. В. Томсонъ 141
Ш. Фурье 142
К. Пекеръ 143
Э. Кабэ. Прудонъ 144
Марксъ 146
Ф. Энгельсъ 147
Соцiалистическая криминологiя. Турати 148
Бруно Батталья 149
Н. Колаяни 152
Гекторъ Дена 167
П. Лафаргъ 171
Раковскiй 175
Бебель 177
Люксъ 178
І. Шмидтъ 181
Гиршъ 182
Рейхъ 185
Бельфоръ Бакст. 187
К. Любекъ. Ж. Менье 188
Пютсажъ. Карпантье. Ж. Гравъ. Мерлино 189
Значенiе соцiалистическихъ теорiй въ развитiи криминологiи . . . . . —

ГЛАВА V.

Теорiи, видящiя въ преступленiи патологическое явленiе.

Общiя замѣчанiя о нихъ 191
Морель. Фолле. Тамассіа. Фере 192
Лоранъ. Бенедиктъ 193
Даллеманъ 194
Маляревскiй 195

ГЛАВА VI.

Эклектизмъ.

Общiя замѣчанiя 196
Международный союзъ криминалистовъ 197
Основатели этого союза ванъ-Гамель 198
Листъ 199
Принсъ 200
Русскiй эклектизмъ 201
Дриль. Сергѣевскiй. Мицловъ 202
Англiйскiй эклектизмъ. Л. Г Ройландсъ 203

ЦАБ "Автограф"

Стран.
Гавелокъ Эллисъ. Дугласъ Моррисонъ 205
Джемсъ Перпингъ 218
Бельгійскій тюремный врачъ Стрэсленсъ . . . . . —

ГЛАВА VII.

Спиритуалисты.

Общій обзоръ ученій этого направленія 219
Неоспиритуализмъ во Франціи 224
Генрихъ Жоли 225
Луи Проаль 231
Гр. Оссонвилль 233
Неоспиритуализмъ въ Бельгіи. Де-Бэтсъ 235
Гимансъ 237
Франкоттъ 238
Неоспиритуализмъ въ другихъ странахъ. Фульда . . . . . —
Антоніо Делленіане 239
Райтъ. 240
Старая школа спиритуалистовъ 242
Шерръ. Бюрле. Кенудъ. Келлеръ 243
Альфредъ Фуллье 244
Э. Ростанъ 245

ГЛАВА VIII.

Статистики.

Начало научной разработки статистики преступности въ Бельгіи и Франціи . . 247
Кетле 248
Герри 252
Дюкпесьо 253
Развитіе изученія уголовной статистики во Франціи. Риганъ. Де-Кандоль . . 256
Д. Иверпуа. Моро Христофъ. Бенуастонъ де-Шатонефъ. Мелье 257
Гильяръ 258
Первыя примѣненія статистики къ изученію преступности въ Англіи. Клей . . 261
Давенпортъ Гилль. Эллiотъ. Леви 262
Развитіе уголовной статистики въ Германіи за послѣднее время. Ваппеусъ . . —
Валентини 263
Кольбъ 265
Эттингенъ. . . . . —
айръ 268
Стурсбергъ 269
Современные уголовные статистики. Вейссъ 270
Фульдъ 271
Штарке 276
Иллингъ 280
Ашротъ. Нейманъ-Шаллартъ. Бёрле 281
Фельдесъ 282
Левассеръ 283
Миттельштедтъ. Мейеръ 284
Цюрхеръ 288
Мюллеръ 289

ГЛАВА IX.

Литература разнаго рода.

Литература историческая 292
Литература философская
Литература о пауперизмѣ } 293
Литература по тюрьмовѣдѣнію. Ш. Люка 295
Оливекрона. Стевенсъ 296
Оффиціальныя данныя 297
Отдѣльныя указанія по нашему вопросу . . . . . —
Изображеніе вліянія экономическихъ причинъ на преступность въ художественной литературѣ 299

ГЛАВА X.

Заключеніе.

Выводы относительно методовъ изслѣдованія 304
Выводы, касающіеся рѣшенія вопроса 311

ЦАБ "Автограф"